This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 2044 021 941 125

Digitized by Google

P Slav 475.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

8546 /11

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ПЯТКОВСКАГО.

ПЕТУХОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА
№
МИХАЙЛОВСКАЯ №4 С.П.Б.

ГОДЪ V. НОЯБРЬ. 1886 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. Гнѣздо пауковъ. Разсказъ **Д. Сибиряка** 5
II. Два стихотворенія. **А. В. Круглова** 17
III. Отмѣна подушной подати. **А. А. Слѣпцова** 18
IV. Дворянинъ-рабочій. (Ishmael). (*Окончаніе*). Романъ мистрисъ **Бреддонъ** 39
V. Быль молодцу не укоръ. (Изъ воспоминаній провинившагося человѣка). **В. Н. Никитина** 103
VI. Драмы А. Н. Островскаго, какъ основа русскаго народнаго репертуара. **Е. М. Гаршина** 151
VII. Парисъ. Историческій романъ **Вильгельма Валлота.** (*Продолж.*). 167
VIII. Наши избирательные цензы. **А.** (*Окончаніе*) 229
IX. Поминки. Стихотвореніе **Н. С. Курочкина** 246
X. Воспоминанія префекта полиціи. **Л. Андріё.** (*Окончаніе*) . . 249
XI. Нильскій крокодилъ. Повѣсть. (*Продолженіе*). **Д. Л. Мордовцева.** 278
XII. Новички. Повѣсть **Элизы Ожешко** 311
XIII. Крестьянскія движенія въ Лифляндіи. (*Продолж.*) **Е. В. Чешихина.** 361
XIV. Надеждѣ. Стихотвореніе. **В. О.** 374

(см. на оборотѣ).

№ 11 «Наблюдателя» вышелъ 15-го ноября 1886 года.

Digitized by Google

Современное Обозрѣніе.

стр.

XV. Обзоръ историческихъ журналовъ 1

Юбилей „Русскаго Архива“.—Неживучесть нашихъ журналовъ.—Что̀ такое сырой матеріалъ?—Записки Муравьева-Карскаго.—Русскій солдатъ въ Германіи.—Посольство въ Персіи.—Черногорія въ концѣ прошлаго вѣка и теперь.—Степанъ-Малый.—Титулованный ханжа и его благочестивый воспѣватель.—Фаворитъ Лапской и его докторъ.—Авраамій Палицынъ.—Кто былъ Лжедмитрій?—Письма Екатерины II къ Салтыкову.—Валеріанъ Зубовъ.—Поэтъ-слѣпецъ.—Авторъ „Ночнаго“.—Полковникъ Бокъ.—Благія начинанія, искажаемыя исполнителями ихъ.—Сенаторская откровенность.—Англійскій журналистъ, наказанный за оскорбленіе Россіи.—Симбирскій волшебникъ.—Писарь въ роли капитана.—Воспоминанія декабриста.—Мелкія статьи „Русскаго Архива“.—Драмы Улыбышева и Хомякова.—„Кіевская Старина“ и ея замѣчательныя статьи.—Записки новгородскаго подсудка и вовоосскольскаго дворянина.—Кармелюкъ.—Чайковскій.—Русскія повѣсти Шевченки.—Послѣдній крымскій ханъ.—Сковорода.—Извѣстія и замѣтки въ „Кіевской Старинѣ“.—Необходимость мѣстныхъ историческихъ органовъ.—Послѣдняя книга „Сборника историческаго общества“.

XVI. Парижскія письма. **К. Д-ча** 17

XVII. Политическая хроника 27

Третій мѣсяцъ болгарскаго кризиса.—Чего мы ждемъ и на что надѣемся?—Болгарское правительство въ роли угнетенной невинности.—Аргументація „братьевъ-разбойниковъ“.—Батенберговскій хвостъ, играющій родь головы.—Трудность полученія извѣстій изъ Болгаріи.—Осада русскаго консульства въ Софіи.—Озлобленіе иностранной печати противъ Россіи.—Русскіе въ Варнѣ —Истребленіе стамбуловцевъ въ Дубницѣ.—Избіеніе въ Филиппополѣ бывшихъ правителей Болгаріи.—Перемѣна фронта англійской политики.—Добродушіе дипломатіи.—Будирующая и интригующая Германія.—Избраніе принца Вальдемара болгарскимъ княземъ.—Процессія лорда-мэра и лондонскіе соціалисты.—Рѣчи Салисбюри, Смолки, Тиссы и Франца-Іосифа.—Чего хочетъ Россія?—Рѣчь Кальноки.—Сербія, Румынія и Турція.—Бельгійскіе соціалисты и австрійскіе анархисты.—Польскій патріотизмъ.—Кандидатура Генри Джорджа въ званіе нью-іоркскаго мэра.—Процессъ анархистовъ въ Чикаго.

XVIII. Новыя книги: 1) **Учебникъ исторіи**, профессора *Александра Трачевскаго*. Средняя исторія. С.Пб. 1886. 2) **Памятная книга Александровскаго лицея на 1886 годъ**. 3) **Puschkiniana**, библіографическій указатель статей о жизни А. С. Пушкина и его сочиненіяхъ. Составилъ *В. И. Межовъ*. Изданіе Александровскаго лицея. 1886. 4) **Благотворительные подвиги**. *В. Н. Никитина* С.Пб. 1886 43

XIX. Наши внутреннія дѣла 47

Разнообразіе способовъ въ преслѣдованіи печатныхъ оскорбленій.—Клеветы и диффамація.—Различіе между частною жизнью и общественною или служебною дѣятельностью.—Возможно ли, чтобы лица, служащія по выбору или назначенію правительства, прикрывались закономъ о диффамаціи?

XX. Фонографъ (фельетонъ „**Наблюдателя**“) 53

Изъ дневника **Ефима Скорпіонова**: 1) На появленіе стихотвореній к-н. В. Мещерскаго. 2) По поводу литературной дѣятельности бывшаго министра, графа П. А. Валуева. 3) По случаю убійства, совершеннаго околодочнымъ Ивановымъ. 4) Въ минуту хандры. 5) Людское лицемѣріе..

XXI. Объявленія: а) отъ книжнаго магазина В. П. Луковникова; б) объ изданіи журналовъ: 1) „Русская старина“; 2) „Историческій Вѣстникъ“; 3) „Живописное Обозрѣніе“; 4) „Сынъ Отечества“; 5) „Вокругъ Свѣта“; 6) „Сверчокъ“; 7) „Сельскій Хозяинъ“. 1—8

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

№ 11-й. НОЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5

1886.

Типографія и Хромолитографія А. Траншеля. Стремянная, № 12.

36

Digitized by Google

P Slav 475.65 (1886 II)

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ"

ВЪ 1887 ГОДУ (ГОДЪ ШЕСТОЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: *Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, Ф. А. Андреевъ, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Бажинъ, В. П. Безобразовъ, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій.* (Буква), *П. И. Вейнбергъ, Вологдинъ, Г. А. Мачтетъ,* (Г*), *д-ръ А. С. Виреніусъ, графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, М. Г. Гребенщиковъ, проф. В. И. Даневскій, И. Н. Денисовъ, баронъ А. Г. Жомини, Ю. Г. Завиельцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, А. В. Круловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, А. И. Орловъ, Л. И. Пальминъ, Я. Л. Паперъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, Н. Флеровскій, Е. В. Чешихинъ, В. В. Чуйко,* и др.

„*Наблюдатель*" выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25-ти до 30 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода.	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	7 р. 50.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи.	8 р.
Съ пересылкою за границу. . .	16 р.	Съ пересылкою за границу. .	9 р.

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе 17 р. с., получаютъ, кромѣ годоваго экземпляра *Наблюдателя*: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**, изд. ред., въ которомъ помѣщены *три* романа: **Вакалавръ**, *Жюля Валлеса*; **Фостэнъ**, *Э. Гонкура*, и **Эгоистъ**, *Вернера*. 2) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Ф. Шпильгагена* и 3) **Сераписъ**, *Г. Эберса*. Всѣ эти романы въ отдѣльной продажѣ стоютъ **4 руб. 50 коп.**

Разсрочка платы допускается: для гг. служащихъ—за поручительствомъ казначеевъ, а для неслужащихъ—по особому соглашенію съ Главною Конторою, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою.	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 12 MAR 1971

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать три семикопѣечныя почтовыя марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *1 р. 50 к.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской *1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 20-листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами*. Рукописи, принятыя *безъ назначенія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по усмотрѣнію редакціи. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 часовъ пополудни, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ:* **20 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Digitized by Google

ВЪ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ:

1) **Баккалавръ**, *Жюля Валлеса.*
2) **Фостэнъ**, *Э. Гонкура.*
3) **Эгоистъ**, *Вернера.*

} въ одномъ томѣ. 2 р.

4) **Гансъ-Филинъ**, *Ф. Шпильгагена.* Одинъ томъ, 1 р. 50 к.
5) **Утѣха жизни**, *Э. Золя.* Одинъ томъ. 1 р.
6) **Сераписъ**, *Георга Эберса.* Одинъ томъ. 1 р.

На пересылку каждой книги прилагается марками 21 к. Для подписчиковъ всѣ эти книги высылаются за *четыре* руб.

Кромѣ поименованныхъ романовъ, въ конторѣ имѣются на складѣ, въ небольшомъ количествѣ, слѣдующія книги, составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость:

1) Сочиненія *Д. В. Веневитинова.* Изд. 3-е, съ біографіей и портретомъ автора. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.
2) *Князь В. Ѳ. Одоевскій.* Литературно-біографическій очеркъ, съ портретомъ. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

Digitized by Google

ЛЕТУЧАЯ БИБЛІОТЕКА
№
МИХАЙЛОВСКАЯ №2 С.П.Б.

ГНѢЗДО ПАУКОВЪ.

Разсказъ.

I.

На городской каланчѣ пробило десять часовъ. Лѣтнее утро свѣжо, хотя уже начинаетъ чувствоваться наливающійся зной, особенно на солнечной сторонѣ улицы; пѣшеходы пробираются по дряннымъ деревяннымъ тротуарамъ, какіе сохранились только въ глухихъ провинціальныхъ городахъ. Каждый прокатившійся по улицѣ экипажъ оставляетъ за собою длинную полосу пыли, которая садится на все кругомъ толстымъ слоемъ.

— Кажется, пора... говорю я, вынимая часы.

Предстоитъ довольно непріятный визитъ; поэтому я стараюсь не думать о немъ, а беру шляпу и торопливо выхожу изъ своей квартиры. Всего нѣсколько улицъ: по Проломной дойти до соборной площади, отсюда взять бульваромъ до театра, а тутъ повернуть налѣво,—третій или четвертый домъ отъ угла и представляетъ искомое, какъ говорятъ старыя ариѳметики. На встрѣчу попадается нѣсколько чиновниковъ, дьяконъ, отслужившій раннюю обѣдню, нѣсколько разбитныхъ мѣщанокъ съ коромыслами; вихремъ пронеслась пара на-отлетъ мѣстнаго свѣтила медицины; шарахнулся одурѣвшій съ жиру стоялый купеческій жеребецъ, заложенный въ лакированную пролетку; гдѣ-то на крышѣ неистово кричатъ галки. Вотъ и провинціальный театръ, мрачное зданіе, похожее больше на солдатскія казармы. Беру налѣво по каменному тротуару; вотъ и черная, точно крытая бархатомъ, вывѣска съ золотой надписью: „Банкирская контора Подбрюшникова и К°“. Трехъ-этажный каменный домъ, великолѣпный подъѣздъ — однимъ словомъ, помѣщеніе приличное для финансовыхъ операцій.

— Заперто-съ... предупреждаетъ какой-то сомнительный господинъ, когда я направляюсь въ подъѣздъ.

Очевидно, мы явились сюда по одному и тому же дѣлу, придется подождать. Сомнительный господинъ продолжаетъ

Digitized by Google

совершать неторопливый „проминажъ“ по тротуару и заглядываетъ въ окна банкирской конторы. Я тоже дѣлаю нѣсколько туровъ по его слѣдамъ, но это скучно — ухожу на бульваръ и сажусь на зеленую скамейку, покрытую пылью и разными гіероглифическими надписями. Солнце начинаетъ припекать. Отъ нечего дѣлать, черчу палкой на пескѣ разныя геометрическія фигуры. Незадолго до меня кто-то сидѣлъ на этой же скамьѣ и тоже чертилъ палкой по песку; видны слѣды широкихъ каблуковъ, нѣсколько свѣжихъ окурковъ валяются тутъ же. Начинаю думать на тему: кто былъ мой предшественникъ, и чего онъ ждалъ? Можетъ быть, это тотъ самый господинъ, который ходитъ подъ окнами банкирской конторы; навѣрно онъ сидѣлъ, сидѣлъ, а теперь и разминаетъ ноги. Еще разъ вынимаю часы—половина десятаго безъ семи минутъ.

Часы у меня дешевые и очень плохіе; пріобрѣтены они въ минуту жизни трудную и ходятъ чрезвычайно капризно—то отстанутъ на полчаса, то забѣгутъ впередъ на цѣлый часъ, а то и совсѣмъ остановятся. Но я все таки люблю ихъ, какъ любятъ стараго испытаннаго друга; вѣдь они были живымъ свидѣтелемъ работы, неудачъ, радости и горя, именно живымъ, потому что размѣривали какъ бы сознательно время по всѣмъ этимъ житейскимъ рубрикамъ. А сколько было передумано и перечувствовано съ ними въ безсонныя ночи, у постели больнаго любимаго человѣка, въ минуты тяжелаго уныніе, когда не клеилась работа и нападало страшное чувство сомнѣнія и неувѣренности въ собственныхъ силахъ. По нимъ же считался пульсъ, когда жизнь уходила изъ тѣла капля за каплей, и неотступная мысль о смерти заслоняла собой всѣ другія представленія, чувства и желанія. Нѣтъ, я положительно люблю вотъ эти самые дрянные часы, это механическое сердце нашего торопливо-работающаго времени:—чувство довольно смѣшное, но, вѣроятно, хорошо знакомое очень многимъ небогатымъ людямъ. Кромѣ своихъ законныхъ функцій, моимъ часамъ приходится выполнять одну двусмысленную и обидную роль, потому что они въ отдѣлѣ моей движимой собственности являются единственнымъ представителемъ благороднаго металла и поэтому, время отъ времени, выступаютъ на сцену въ качествѣ замаскированнаго денежнаго знака, говоря проще — закладываются въ кассу ссудъ. Мнѣ всегда было тяжело разставаться съ ними именно такимъ образомъ, но дѣлать нечего: есть обстоятельства сильнѣе людей, и между ними первое мѣсто занимаетъ „нашъ общій другъ“—голодъ. Увы, я долженъ сознаться, что и теперь шелъ въ банкирскую контору съ коварною цѣлью устроить нѣкоторое перемѣщеніе цѣнностей, именно при по-

Digitized by Google

средствѣ этого стараго испытаннаго друга. Впрочемъ, это слишкомъ старая исторія...

— Подлецы... сердито проворчалъ надо мною тотъ же голосъ, который давеча предупредилъ о запертыхъ дверяхъ.

Сомнительный господинъ видимо взволнованъ и садится на лавочку рядомъ со мной; онъ сердито сплевываетъ на сторону и раскуриваетъ дешевую измятую папироску. Слѣдуетъ довольно длинная пауза, и я опять начинаю думать на тему о разныхъ неодушевленныхъ предметахъ, которые имѣютъ счастіе дѣлаться нашими друзьями — фактъ, безъ сомнѣнія, интересный въ психологическомъ отношеніи, потому что расширяетъ область нашихъ альтруистическихъ чувствъ за предѣлы даже органическаго міра.

— Нѣтъ, каковые подлецы-то?.. уже шипитъ сомнительный господинъ, запахивая расходящіяся полы своего верхняго пальто съ явной цѣлью скрыть заплатанныя колѣнки: — дрыхнутъ до десяти часовъ... а?..

— Кажется, контора обыкновенно открывается въ девять? спрашиваю я, чтобы поддержать разговоръ.

— Всегда въ девять... Я и пришелъ сюда въ восемь, цѣлый часъ продежурилъ, а они не изволятъ и шевелиться. Знаете, я таки добился — поймалъ швейцара и спрашиваю, отчего контору не отворяютъ. „Юбелей, говоритъ, справляли вечоръ“...—Какой такой юбилей?.—„А, говоритъ, трехлѣтній юбелей, потому какъ наше занятіе весьма себя оправдало“. По случаю этого юбилея теперь всѣ и дрыхнутъ... Ну, скажите, ради Бога, не подлецы они послѣ этого... а? Тьфу!... Конечно, есть изъ чего юбилеи-то справлять, когда съ нашего брата по три шкуры деруть... Шесть процентовъ годовыхъ да за храненіе двадцать четыре, итого тридцать процентовъ въ годъ... Очень недурно!...

Сомнительный господинъ фукнулъ носомъ и съ ожесточеніемъ задымилъ папиросой. Опухшее красное лицо со щетинистыми усами, заношенная блиномъ фуражка, отсутствіе бѣлья—все обличало разночинца безъ опредѣленныхъ занятій, какъ и оказалось на дѣлѣ, когда мы познакомились. Мы разговорились.

— Трудно нынче на свѣтѣ жить, разсказывалъ мой разночинецъ:—хоть и умирать, такъ въ ту же пору... Ужь гдѣ только я ни служилъ, Господи, а все вотъ со дня на день бьюсь. Плохо нашему брату... Было мѣсто на желѣзной дорогѣ, на двадцать рублей жалованья, подаю прошеніе, а тамъ ихъ больше трехсотъ лежитъ. Это какъ?.. Смерть, а не житье нашему брату, разночинцу. Да-съ... Нынче все мужика жалѣютъ, а что мужикъ?—мужикъ настоящій богачъ супротивъ нашего брата. Послушайте, что же это мы тутъ сидимъ?

Digitized by Google

Можетъ, юбилейники-то и встали... Эхъ, вотъ кому масляница, а не житье—это закладчикамъ. Да-съ, прежде этого и званія не было, а нынче вездѣ пошли эти самыя банкирскія конторы. Далека Сибирь, наша матушка, а и къ намъ пробрались закладчики... Взять того же Подбрюшникова. Да, дѣло вѣрное: положилъ сто цѣлковыхъ—черезъ годъ вынулъ триста. И все принимаютъ, хоть кожу съ себя сними да принеси имъ...

Контора однако оказалась еще закрытой, хотя швейцаръ, изъ отставныхъ солдатъ, и пропустилъ насъ подождать въ пріемную залу.

— Ну, такъ выправили юбилей, служба? спрашивалъ разночинецъ.

— Извѣстно, выправили... шампанскаго одного сколько выпили—страсть! Потому наше дѣло вѣрное, вполнѣ оправдалось...

II.

Банкирская контора Подбрюшникова и К° ничѣмъ не отличалась отъ другихъ кассъ. Прямо изъ передней посѣтители входятъ въ длинную пріемную, перегороженную деревянной рѣшеткой на двѣ половины: въ первой—кліенты, во второй—служащіе. Кассиръ помѣщался, какъ обезьяна, въ проволочной клѣткѣ. Двери налѣво вели въ собственные апартаменты Подбрюшникова, человѣка новой геологической формаціи. Къ намъ въ Пропадинскъ онъ явился неизвѣстно откуда, открылъ свою банкирскую контору и черезъ три года „выправилъ юбилей“.

— Здѣсь попрохладнѣй будетъ... говорилъ разночинецъ, усаживаясь на вылощенную посѣтителями дубовую лавочку:—можетъ, и проснутся, стервы-то юбилейныя! Охъ-хо-хо...

Дѣйствительно, въ пріемной было гораздо прохладнѣе, чѣмъ на улицѣ, особенно около крашеной подъ дубъ кирпичной стѣны. Пока я разсматривалъ обстановку банкирской конторы, разночинецъ погрузился въ сладкую дремоту. Гдѣ-то жужжала и билась головой о стекло большая зеленая муха; на стѣнѣ съ медленной важностью чикали большіе часы; на столахъ и конторкахъ правильными кучками, какъ кирпичи, лежали тяжелыя книги въ массивныхъ переплетахъ. Къ юбилею контора, очевидно, была подновлена, и сильно пахло непросохшей краской.

Сердобольный швейцаръ оказалъ гостепріимство не намъ однимъ—скоро вошла молодая дѣвушка съ поблекшимъ лицомъ, потомъ старикъ-чиновникъ, двѣ бойкихъ городскихъ мѣщанки, какой-то мастеровой въ кожаной фуражкѣ. У кого былъ въ рукахъ узелъ, у кого просто бумажный свертокъ;

Digitized by Google

фабричный досталъ изъ фуражки двѣ розовыхъ квитанціи. Словомъ, набиралась спеціальная публика, которую можно встрѣтить въ любой кассѣ ссудъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ далекой провинціи. Собственно настоящей голой нужды, которая протягиваетъ руку на улицѣ, здѣсь не бываетъ,—ей нечего закладывать,—но зато всѣ переходныя ступени къ этой отрицательной величинѣ — налицо. Большинство закладывающихъ всегда принадлежитъ къ разночинцамъ, а въ фабричныхъ мѣстностяхъ — къ мастеровымъ; среднія ступени заняты мелкимъ чиновничествомъ, якобы цивилизованнымъ новымъ купечествомъ, людомъ случайной наживы, прогорѣлымъ барствомъ, мыслящимъ пролетаріатомъ и т. д. Мужика, духовное лицо, представителя стариннаго, крѣпкаго купечества вы никогда не встрѣтите въ этой финансовой ловушкѣ, которая затягиваетъ и разоряетъ въ конецъ. Замѣчательно то, что и въ далекой провинціи составъ закладывающей публики тотъ же, что и въ столицахъ.

Мнѣ слишкомъ часто приходилось обращаться за братской помощью къ ссуднымъ кассамъ, такъ что специфическое впечатлѣніе, производимое этими паучьими гнѣздами на свѣжаго человѣка, съ теченіемъ времени, притупилось, какъ стирается монета изъ самаго чистаго, благороднаго металла отъ слишкомъ долгаго употребленія. Но я нахожу, что, время отъ времени, очень полезно для сердца заглядывать въ эти печальныя мѣста. Эта открытая всѣмъ четыремъ вѣтрамъ нужда оставляетъ сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что здѣсь, въ этихъ финансовыхъ притонахъ, идетъ самая безжалостная спекуляція человѣческаго горя и несчастія во всевозможныхъ видахъ, разновидностяхъ и подраздѣленіяхъ.

— Э, съ богатаго немного возьмешь, говорилъ мнѣ одинъ старикъ-еврей: — богатый купитъ все во-время, оптомъ; а капиталы наживаютъ по крошечкамъ, съ небогатыхъ людей.

Это уже цѣлая теорія о великомъ значеніи неизмѣримомалыхъ величинъ, когда капля долбитъ камень или изъ микроскопическихъ ракушекъ выростаютъ горные кряжи. Поэтому спекуляція бѣдности и несчастія доставляетъ самые баснословные барыши, какъ это извѣстно всѣмъ политико-экономамъ. Сидя въ банкирской конторѣ Подбрюшникова, я думалъ о томъ, отчего наши благотворительныя общества не пустятъ въ ходъ такихъ же точно ссудныхъ кассъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, брали бы законные проценты на капиталъ— и только. Вѣдь существуютъ же за границей такія кассы, гдѣ съ бѣдныхъ людей не берутъ за заклады никакихъ процентовъ... Закладывающая бѣднота еще можетъ вывернуться при маленькой поддержкѣ, и важно то, что она не будетъ

Digitized by Google

переплачивать за свое безвыходное положеніе 300—400% разнымъ благодѣтелямъ, въ родѣ Подбрюшникова и К°.

Однимъ словомъ, читатель, я немного замечтался и залетѣлъ въ область совсѣмъ несбыточныхъ фантазій. Изъ этого состоянія вывелъ меня уже знакомый вамъ разночинецъ, который толкнулъ меня локтемъ и прошепталъ:

— Смотрите налѣво... въ дверь.

Въ полуотворенную дверь можно было разсмотрѣть отлично меблированную комнату съ орѣховой мебелью и настоящими шолковыми драпировками. На порогѣ стояла дѣвочка лѣтъ восьми и какъ-то не по дѣтски проницательно осматривала собравшуюся публику, т. е. насъ; она была одѣта въ розовое барежевое платьице, открывавшее до самаго плеча полныя дѣтской полнотой руки, съ ямочками на круглыхъ локтяхъ. Дѣвочка была очень красива, какъ бываютъ красивы дѣти послѣдней дѣтской красотой на границѣ неблагодарнаго переходнаго возраста; особенно хороши были задумчивые темные глаза съ длинными загнутыми рѣсницами и великолѣпные бѣлокурые волосы, падавшіе бахромой на бѣлый маленькій лобъ. Легкое кружево, охватывавшее шею, точно пѣной, ажурные шолковые чулки и прюнелевыя туфельки на ногахъ свидѣтельствовали о желаніи нравиться.

— Настоящая грёзовская головка... проговорилъ мой разночинецъ.—Не правда ли, какая красивая дѣвочка? и сейчасъ видно, что въ этой маленькой феѣ уже просыпается женщина: посмотрите, какъ она держитъ ноги, точно позицію учитъ... Да. А какъ она смѣло смотритъ... а?..

Этотъ отзывъ разночинца меня удивилъ, потому что откуда бы знать этому сомнительному господину о грёзовскихъ головкахъ и позиціяхъ, а между тѣмъ онъ заговорилъ языкомъ настоящаго аматёра и принялся разсматривать дѣвочку непріятно прищуренными глазами. Отъ дѣвочки не ускользнуло это вниманіе; она нахмурила брови, сжала пухлыя губки и, не торопясь, скрылась, что̀ заставило разночинца улыбнуться самодовольной, странной улыбкой.

— Какова... а? заговорилъ онъ послѣ короткой паузы.— Это дочь самого Подбрюшникова и будетъ красавица, увѣряю васъ. Замѣтили, какъ у нея поставлена голова—роскошь...

— Знаете, какъ-то нейдетъ именно такъ говорить о дѣтяхъ, замѣтилъ я, чтобы оборвать разлакомившагося разночинца.— Дѣтскій возрастъ имѣетъ нѣкоторыя счастливыя преимущества...

— Совершенно вѣрно... Но я ужасно люблю женщинъ. Да... видите, въ какомъ я звѣриномъ видѣ, а все изъ-за женщинъ!..

Мнѣ показалось, что мой собесѣдникъ начинаетъ загова-

Digitized by Google

риваться, и я съ недовѣріемъ посмотрѣлъ на его опухшее некрасивое лицо:—съ такой неблагодарной физіономіей трудно было нравиться кому нибудь.

— Однако вы за кого меня принимаете? заговорилъ разночинецъ, поймавъ мой вопросительный взглядъ.—Ахъ, если-бы вы были на востокѣ, гдѣ женщина въ двѣнадцать лѣтъ бываетъ матерью,—о, какія тамъ женщины, какія женщины...

— А вы какъ это на востокъ попали?

— Помилуйте, три года въ Тегеранѣ жилъ... Какъ же-съ!.. Да... При русскомъ посольствѣ состоялъ. Я вѣдь на факультетѣ восточныхъ языковъ кончилъ, служилъ при министерствѣ, а потомъ получилъ командировку въ Персію. Память у меня хорошая была—восемь языковъ зналъ, да и теперь кое-что помню. Саади читалъ въ оригиналѣ..... Вотъ авторъ... а?.. Его нужно читать именно подъ персидскимъ небомъ, въ этой восточной обстановкѣ.

— Какъ же вы изъ Персіи къ намъ въ Сибирь попали?

— Изъ-за женщины... ха-ха!.. Вамъ это смѣшно слышать отъ такого санкюлота, а между тѣмъ это такъ. Я и восточными языками съ этою цѣлью занимался, чтобы пожить на востокѣ въ свое удовольствіе. Дѣйствительно, скажу я вамъ, вотъ сторонка... и какія женщины!.. Разъ, ночью, иду я по Тегерану; уличка этакая грязная, узкая, какъ самая скверная канава. Хорошо-съ... Мазанки, сады... Только поравнялся я съ одной стѣной—тамъ вѣдь стѣны не такія, какъ у насъ: во-первыхъ, изъ кирпича-сырца ихъ лѣпятъ, а потомъ никакой архитектуры, просто какая-то дѣтская работа,—тутъ выступъ, тамъ яма, однимъ словомъ, ни на что не похоже!—только иду я по уличкѣ, задумался, и вдругъ надъ самой моей головой этакій смѣхъ раздался.. Такъ меня и обожгло! Поднялъ голову, а тамъ, надъ стѣной изъ виноградной зелени, два такихъ глаза, какъ черные брилліанты... Конечно, молодъ былъ, искалъ приключеній. Да... Началъ я каждую ночь бродить мимо этой стѣны и познакомился... Оказалось, что это какой-то загородный дворецъ одного князька; ну, жены тутъ у него жили. Я познакомился съ одной изъ нихъ, влюбился безъ ума, а потомъ въ одну такую прекрасную ночь и увезъ ее... Ей Богу!.. Конечно, вышелъ громадный скандалъ, и, вдобавокъ, меня поймали почти на самой русской границѣ... Ну, понятно, меня со службы въ шею, потому что я скомпрометировалъ все посольство. Мыкался-мыкался я, объѣхалъ всю Россію, теперь вотъ въ Сибирь отправился искать счастія. Я собственно въ Бухару хотѣлъ пробраться, да вотъ на полдорогѣ засѣлъ и теперь третій годъ въ вашемъ Пропадинскѣ переколачиваюсь.

— Странная исторія... Чѣмъ же вы занимаетесь?

Digitized by Google

— Да какъ случится... Прошенія пишу по кабачкамъ, занимаюсь бухарскимъ языкомъ, суфлеромъ былъ. А теперь вотъ притащилъ въ кассу эту штучку....

Мой собесѣдникъ вытащилъ откуда-то изъ-подъ подкладки складную зрительную трубу и торжественно раздвинулъ ее.

— Настоящая офицерская, тридцать пять рублей стоила, объяснилъ онъ, снимая съ объектива мѣдную накладку.— Очень хорошая штучка, и такъ жаль разставаться съ нею... Пригодилась бы въ Бухарѣ. Крѣпился до послѣдняго, а теперь вотъ приходится ее закладывать, да еще, пожалуй, и выкупить не удастся.

Мы разговорились, т. е. я собственно хотѣлъ провѣрить моего собесѣдника и началъ его разспрашивать объ университетѣ, о профессорахъ, о Персіи, о персидской литературѣ. Оказалось, что мой разночинецъ не лгалъ и дѣйствительно былъ тѣмъ, чѣмъ выдавалъ себя.

— Странно, какъ вы въ самомъ дѣлѣ дошли до своего настоящаго положенія.—удивился я въ заключеніе.

— Бываетъ, философски отвѣтилъ любитель восточныхъ красавицъ.—Знаете, у меня въ Персіи была даже какая-то проказа... ей Богу!.. Ноги раздуло, какъ бревна, язвы; однимъ словомъ, по всей формѣ. На бѣду, вылѣчился...

— Т. е. какъ это на бѣду?

— Да такъ... Иногда недурно во-время покончить лишніе разсчеты съ этимъ лучшимъ изъ міровъ и выйти въ тиражъ. Да вонъ, кажется, и юбиляры начинаютъ показываться... Однако двѣнадцатый часъ! Ахъ, злодѣи!..

Упраздненный представитель восточной дипломатіи засмѣялся какимъ-то неопредѣленнымъ смѣхомъ и потянулся рукой за подкладку, гдѣ лежала зрительная труба. Въ публикѣ произошло легкое движеніе, точно дунуло вѣтромъ по травѣ.

III.

Первымъ явился кассиръ, розовый, опрятный старичокъ въ безукоризненной лѣтней „парѣ“ изъ китайскаго шолка; онъ, не торопясь, забрался въ свою проволочную клѣтку и съ медленной важностью принялся выполнять нѣкоторыя предварительныя манипуляціи—надѣлъ золотыя очки, высморкался, причесался, даже поковырялъ въ зубахъ. Лицо у него носило явные слѣды безсонной ночи, а красивые глаза такъ и слипались, какъ у кота. За нимъ появились канцеляристы, одѣтые въ сборные костюмы; глаза у всѣхъ были заспаны, лица помяты. Они переглядывались между собою, улыбались, зѣ-

Digitized by Google

вали и потягивались, передавая шопотомъ подробности юбилея, законченнаго гдѣ нибудь въ портерной или въ дрянномъ трактирѣ. Послѣднимъ явился щоголь-бухгалтеръ; онъ небрежно кивнулъ головой кланявшимся канцеляристамъ и прошелъ прямо въ кассирскую клѣтку. Началась какая-то очень занимательная бесѣда, которая ведется послѣ веселыхъ ночей обрывками фразъ, полусловами и заспанными улыбками; дожидавшаяся публика могла любоваться открытой бѣлой шеей бухгалтера и его выхоленными руками.

— Когда же это начнутъ-то? спрашивала съ тоской дѣвушка съ блѣднымъ лицомъ. — Ужь обѣдъ на дворѣ... Ахъ, ты, Господи!..

— Сказано: юбелей выправляли, громко отвѣтилъ фабричный.

— Это, наконецъ, чортъ знаетъ что такое! возмущался мой дипломатъ и отправился за объясненіями къ кассирской клѣткѣ.

Онъ вернулся оттуда съ нахмуреннымъ лицомъ и сердито проворчалъ:

— Оцѣнщика потеряли... Нигдѣ не могутъ найти и въ полицію заявленіе подали. Вотъ гдѣ подлецы-то...

Публика начала роптать. Въ комнатѣ набралось человѣкъ двадцать; одни уходили, не желая дожидаться, ихъ замѣняли новые посѣтители. Кто-то вполголоса ругалъ пропавшаго безъ вѣсти оцѣнщика; одна старушка спала, прикорнувши въ уголкѣ. Солнце врывалось въ окна цѣлыми снопами яркаго свѣта и заставляло жмуриться и зѣвать; въ комнатѣ дѣлалось жарко и душно. Швейцаръ спустилъ парусинную занавѣску на одномъ окнѣ, но солнце упрямо лѣзло въ комнату золотыми пятнами и полосками, которыя разсыпàлись по мебели, конторскимъ книгамъ и публикѣ. А кассиръ и бухгалтеръ продолжали бесѣдовать самымъ беззаботнымъ образомъ, прихлебывая чай изъ стакановъ въ мельхіоровыхъ подстаканникахъ.

— Это безсовѣстно такъ обращаться съ публикой, роптàлъ дипломатъ, начиная шагать по комнатѣ.

Появленіе самого Подбрюшникова на мгновеніе заставило роптавшую публику притихнуть. Онъ вышелъ изъ той двери, въ которой недавно стояла дѣвочка, поздоровался со служащими и прошелъ прямо въ кассирскую клѣтку, куда ему сейчасъ же былъ поданъ свѣжій стаканъ чаю. Его привѣтствовали горячими рукопожатіями и какими-то комплиментами по поводу вчерашняго торжества, на что онъ отвѣчалъ легкими кивками головы. Это былъ видный и красивый господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ, съ легкой лысиной въ бѣлокурыхъ волнистыхъ волосахъ; одѣтъ онъ былъ безукоризненно; на жилетѣ

Digitized by Google

болталась двойная массивная золотая цѣпь, на толстыхъ и короткихъ пальцахъ блестѣли крупные бриллианты,—вообще, это былъ настоящій „банкиръ“, какъ ихъ описываютъ въ бульварныхъ парижскихъ романахъ.

— Что же мы будемъ дѣлать? спрашивалъ кассиръ.— Оцѣнщика нигдѣ не могутъ найти.

— Подождемъ еще немного... лѣниво протянулъ Подбрюшниковъ, поглядывая на публику.

Въ самый критическій моментъ, когда публика готова была поднять открытый бунтъ, въ дверяхъ показался, наконецъ, оцѣнщикъ,—заспанный угрюмый человѣкъ, съ какимъ-то желтымъ лицомъ. Онъ, раскланявшись съ хозяиномъ и получивъ приличный выговоръ, занялъ свое мѣсто за длиннымъ столомъ, придвинутымъ къ самому барьеру. Публика хлынула къ нему и торопливо принялась развертывать принесенные узелки съ вещами; впереди всѣхъ протолкался дипломатъ и торжественно предложилъ вниманію оцѣнщика свою зрительную трубу. Раздвинувъ и сдвинувъ нѣсколько разъ трубу, оцѣнщикъ отвѣтилъ совершенно особеннымъ, равнодушнымъ тономъ, какимъ говорятъ, кажется, только одни оцѣнщики:

— Два рубля...

— Помилуйте, да она заплачена тридцать пять рублей! взмолился дипломатъ:—я съ ней хотѣлъ ѣхать въ Бухару...

— Извините, пожалуйста, мнѣ рѣшительно некогда.

— Да вѣдь я съ ней объѣхалъ всю Персію! не унимался дипломатъ и, схвативъ трубу, побѣжалъ съ ней къ кассиру.

Публика сильно наперла на оцѣнщика, и я очутился въ хвостѣ. Отъ нечего дѣлать, я разсматривалъ физіономіи служащихъ, оцѣнщика, который съ особенной ловкостью встряхивалъ и развертывалъ на столѣ какія-то шали, старую шубу и военные штаны съ красной прошвой. Дверь налѣво, гдѣ помѣщалась хозяйская квартира, была пріотворена на половину, и мнѣ отлично было видно почти всю комнату. Около окна стоялъ изящный дамскій рабочій столикъ, а за нимъ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ семи, лицомъ ко мнѣ; изъ-подъ стола выставлялись только его короткія ножки въ ботинкахъ и шолковыхъ синихъ чулкахъ. Отложной широкій воротъ бѣлой рубашки придавалъ красивому и серьезному личику ребенка необыкновенно поэтическій колоритъ; русые волосы вились изъ кольца въ кольцо, сѣрые большіе глаза смотрѣли бархатнымъ влажнымъ взглядомъ, но припухлыя дѣтскія губы были сложены серьезно, совсѣмъ не по дѣтски. Около, неслышными шагами, двигалась уже показывавшаяся намъ дѣвочка въ розовомъ барежевомъ платьѣ; она выглядывала въ полуотворенную дверь и кокетливо потупляла глаза. Дѣти были одни въ комнатѣ и

Digitized by Google

старались говорить вполголоса, такъ что трудно было разслышать ихъ дѣтскую болтовню.

Я сначала не понялъ, что дѣлали эти двѣ грёзовскихъ головки, но потомъ сдѣлалось все ясно.

— Таня, ты что же это? сердито спрашивалъ маленькій Боря, сдвигая свои брови.—Послѣ этого я играть не буду съ тобой.

— Что же ты сердишься... проговорила дѣвочка. — Въ прошлый разъ ты гораздо меньше закладывалъ вещей.

— Хорошо, хорошо... строго оборвалъ мальчикъ. — Ну, теперь ты что принесла?

Дѣвочка достала изъ кармана какой-то свертокъ бумаги, осторожно его развязала и подала брату бѣлую коробку изъ-подъ конфектъ. Мальчикъ взялъ коробку; не торопясь, раскрылъ ее, развернулъ розовую вату и добылъ оттуда маленькое золотое колечко; онъ внимательно осмотрѣлъ его, взвѣсилъ на рукѣ и серьезнымъ тономъ проговорилъ:

— А гдѣ проба?

— Ахъ, какой ты, Боря... возмутилась дѣвочка и, выхвативъ кольцо, указала розовымъ пальчикомъ на пробу. — Ну, какой еще тебѣ нужно пробы?

Мальчикъ опять внимательно разсмотрѣлъ все кольцо, прикинулъ даже его на свѣтъ и, съ прежней серьезной миной, проговорилъ:

— Камень поддѣльный...

— Поддѣльный рубинъ?! всплеснула обѣими ручками дѣвочка.—Боря, ты, кажется, совсѣмъ съ ума сошелъ... Это мнѣ мама на рожденье подарила, а ты: „камень поддѣльный“...

Дѣвочка очень удачно скопировала недовольную мину братца и даже отвернулась. Изъ-за шолковой оконной драпировки, на дѣтей упалъ золотой лучъ, и эти милыя головки сдѣлались еще лучше, какъ выставленные на окно цвѣты.

— Послушай, съ тобой играть невозможно... заворчалъ мальчикъ и заговорилъ прежнимъ серьезнымъ тономъ, копируя большихъ: — хорошо, я вамъ дамъ за него двадцать копѣекъ...

— Нельзя ли рубль? упрашивала дѣвочка, тоже стараясь поддѣлаться подъ тонъ большихъ.

— Нѣтъ, не могу... У насъ и безъ того много всякой дряни. Если хотите—двадцать пять копѣекъ... Больше, ей-богу, не могу...

Боря еще разъ взвѣсилъ на рукѣ кольцо и положилъ его въ деревянную копилку, стоявшую на столѣ, а потомъ написалъ квитанцію и выдалъ ее сестрѣ.

— Ты, Таня, совсѣмъ просить не умѣешь... заговорилъ онъ

Digitized by Google

уже дѣтскимъ тономъ.—Нужно плакать... Знаешь, какъ просятъ женщины у папы въ конторѣ?

— Да я не умѣю, Боря... шептала дѣвочка со слезами въ голосѣ.

— Пожалуйста, безъ капризовъ!.. Не разориться же мнѣ для васъ... Что у васъ еще принесено?..

Дѣвочка сдѣлала нерѣшительное движеніе, но маленькій закладчикъ былъ неумолимъ: онъ поймалъ ее за платье, притянулъ къ себѣ и досталъ изъ кармана шагреневый футляръ съ какой-то блестящей бездѣлушкой.

— Я не хочу больше играть... говорила дѣвочка, закрывая лицо руками.

Эта интересная игра грѣзовскихъ головокъ кончилась тѣмъ, что маленькая Таня окончательно расплакалась, хотя и не разжалобила семилѣтняго закладчика, который акуратно сложилъ полученныя въ закладъ вещи въ свою копилку, выдалъ плаксѣ деньги и не моргнулъ глазомъ во все время операціи. Это уже была не дѣтская игра, и, по всей вѣроятности, Боря Подбрюшниковъ пойдетъ далеко,—можетъ быть, гораздо дальше своего родителя...

Что же сказать на это? Я видалъ сотни дѣтей нищихъ, маленькихъ воровокъ и воришекъ, дѣтей несчастныхъ и забитыхъ, которыхъ впереди ждала, можетъ быть, тюрьма; но и эти отверженцы общества, исчадія нищеты, подваловъ и всевозможныхъ трущобъ, никогда не производили на меня такого гнетущаго впечатлѣнія, какъ эти по истинѣ несчастные Боря и Таня въ пестрой рамкѣ окружавшей ихъ роскошной обстановки... Кстати, вотъ вамъ, господа русскіе художники-жанристы, самый благодарный сюжетецъ для картины на самую большую золотую медаль.

Д. Сибирякъ.

Digitized by Google

Два стихотворенія.

I.

О, не хвались холоднымъ равнодушьемъ,
Любви по дѣтски не стыдись,
И языкомъ людей, гордящихся бездушьемъ,
Надъ личнымъ счастьемъ не глумись.
Любовь—могучая, спасительная сила,
И счастье нужно намъ: оно—для жизни свѣтъ;
Безъ счастья и любви обширный міръ—могила,
Безъ счастья и любви—и самой жизни нѣтъ!
Люби, и пусть любовь всего тебя объемлетъ,
Найди себѣ маякъ немеркнущій въ любви;
Люби, но пусть душа въ бездѣйствіи не дремлетъ,
Не смѣшивай любовь съ волненіемъ въ крови.
Желай быть счастливымъ и не стыдися счастья,
И жаждущихъ его напрасно не злословь:
Позора нѣтъ душѣ—стремящейся къ участью
И разливающей вокругъ себя любовь!

II.

Дитя мое, напрасный страхъ
Изъ сердца—прочь!
Промчатся тучи въ небесахъ,
Минуетъ ночь!
Держи безтрепетной рукой
Фонарь во мглѣ,
Пусть свѣтитъ онъ во тьмѣ ночной
Родной землѣ.
Служи ей пѣснью и трудомъ,
Сомнѣнья—прочь:
Про тѣхъ не позабудутъ днемъ,
Кто былъ хоть слабымъ огонькомъ
Въ глухую ночь!

А. Кругловъ.

Digitized by Google

ОТМѢНА ПОДУШНОЙ ПОДАТИ.

Съ 1-го января 1887 года въ европейской Россіи должно прекратиться взиманіе податей на основаніяхъ подушнаго обложенія.

Подушная подать—одно изъ грустныхъ наслѣдій XVIII вѣка, эпохи временщиковъ и фаворитовъ, одно изъ искаженій замысловъ Петра I ближайшими его преемниками. Озабоченный преобразованіемъ арміи, долгой, трудною войной, Петръ I нещадно преслѣдовалъ людей „гулящихъ“ и „нѣтчиковъ“,—всякаго, кто уклонялся отъ обязанностей гражданина; но въ то же время стремился распредѣлить общественныя тягости возможно-равномѣрно, налагая на кого службу, на кого платежи, предписывая „между великими и нижними, убогими и богатыми по препорціи настоящее равенство въ осмотрѣніи имѣть, никто бы отъ надлежащаго болѣе другаго уволенъ или отягченъ не былъ, ибо *ежели оное учинится*, то утѣсненные—*убогіе дворы и пашни оставятъ, а государственные доходы со временемъ всѣ умалятся* и бѣдныхъ плачъ привлечетъ гнѣвъ Божій *на все государство*“.

Съ такимъ пониманіемъ основъ государственнаго хозяйства онъ, очевидно, не могъ ввести подушной подати въ ея современномъ значеніи. Первая перепись (1718—1723 г.) произведена была „для вѣдома“, „для извѣстія“ о наличныхъ платежныхъ силахъ, причемъ къ податямъ предположено было привлечь именно только лицъ, свободныхъ отъ государевой службы, „устроенныхъ пашней, производящихъ промыслы и торговлю“; „всякаго же званія слуги и служебники, имѣвшіе пропитаніе только денежною и хлѣбною дачею“, увѣчные и другіе имущественно-несостоятельные „въ расположеніе не клались“... Самое „расположеніе“ опять таки предполагалось сдѣлать „зѣло крѣпко, по состоянію натуры и обстоятельствамъ провинцій, по цѣнѣ полевыхъ плодовъ и по другимъ потребнымъ резонамъ“. Перепись не удалась; подать же, введенная въ 1724 году, для содержанія армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ, „временно“, „примѣрно“ разсчитанная по душамъ *), получила характеръ, мало соот-

*) Полки распредѣлены были по провинціямъ, по разсчету, что на содержаніе каждаго солдата требуется 32½ *податныхъ* души, а на содержаніе конnаго — 51¼ *податная* душа.

Digitized by Google

вѣтствующій предначертаніямъ государя. Пока шла провѣрка ревизіи (до 1726 г.), онъ умеръ... и начались искаженія его замысловъ; быстро сталъ водворяться тотъ совершенно антипетровскій порядокъ, который покойнымъ Васильчиковымъ охарактеризованъ словами: „вольность дворянства и неволя крестьянъ“. Только недавно исторія очистила память Петра отъ клеветы, которая приписывала ему введеніе подушной подати, а „гласъ народа“ такъ и увѣковѣчилъ клевету въ раскольничьей литературѣ.

Подать эта, возрастая и теряя спеціальное назначеніе, постепенно заняла въ ряду нашихъ прямыхъ налоговъ первое мѣсто, какъ по значительности доставляемаго поступленія, такъ и по своему отраженію на бытѣ русскаго крестьянства.

Правительство, повидимому, всегда сознавало неудобства этой подати; нѣсколько разъ (1727, 1810, 1832, 1859 гг.) пыталось устранить ихъ, но до 1882 г. попытки его оставались безплодными: ему едва удавалось временно уменьшать подушные платежи, но затѣмъ оно повышало ихъ снова, уступая нуждѣ въ деньгахъ, плохимъ финансовымъ разсчетамъ... и въ особенности условіямъ общественнаго строя и недостатку гражданскаго чувства въ классахъ, создававшихъ себѣ привилегированное положеніе. Даже послѣ 1861 года, отъ котораго современная русская жизнь ведетъ свое лѣтосчисленіе, подушный окладъ увеличивался нѣсколько разъ: съ 1839 по 1862 г. онъ въ европейской Россіи составлялъ 95 коп., въ 1862 г. возросъ до рубля, съ 1863 увеличенъ въ среднемъ размѣрѣ на 25 коп., съ 1867—еще на 50 к. Съ этой прибавкой подушная подать въ разныхъ мѣстностяхъ, „смотря по степени благосостоянія населенія“, составляла отъ 1 р. 15 к. до 2 р. 61 к. *). Съ тѣхъ поръ, къ ней присоединены взимавшіеся по той же подушной системѣ сборы: государственный, земскій (съ 1875 г. **) и общественный съ государственныхъ крестьянъ (съ 1876 г. ***).

Между тѣмъ одновременно, совершенно параллельно съ этимъ возрастаніемъ подушной подати, шли непрерывныя работы о ея замѣнѣ чѣмъ либо болѣе справедливымъ и разумнымъ. Именно, 10-го іюня 1859 г., высочайше учреждена комисія „для изъисканія средствъ къ усиленію го-

*) Правительство, предпринявъ въ 1859 г. изслѣдованіе способовъ отмѣны подушной подати, старалось, увеличивая ее въ 1863 и 1867 гг., ослабить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя неудобства ея примѣненія, и потому, вмѣсто прежняго однообразнаго обложенія ревизскихъ душъ, установило различные по мѣстности оклады, съ цѣлью достигнуть хотя нѣкотораго соотвѣтствія подушной подати *имущественнымъ* условіямъ плательщика.

**) Въ среднемъ размѣрѣ 50 к. съ души; отъ 4 до 91 к.

***) Въ среднемъ размѣрѣ $34^1/_4$ к. съ души; отъ 14 до 40 к.

Digitized by Google

сударственныхъ доходовъ черезъ улучшеніе системы податей и сборовъ посредствомъ введенія новыхъ налоговъ, причемъ *главною задачею* комисіи признавалось: *„уничтоженіе податной сословности и отмѣна подушной подати съ пониженіемъ всякаго рода сборовъ и повинностей, лежащихъ на крестьянахъ, до размѣра, соотвѣтствующаго платежнымъ ихъ силамъ“*. Комисія эта пріобрѣла громкую извѣстность подъ названіемъ „податной“.

Доводы, и теперь еще иногда приводимые въ пользу нашей подушной подати, дѣйствительно, до дна исчерпываются указаніями на удобство исчисленія и на привычку народа,—достоинства, отнюдь не покрывающія ея вопіющихъ неудобствъ. Сословная подать, служащая главнымъ препятствіемъ къ уничтоженію недостойнаго дѣленія сословій на „податныя“ и „неподатныя“, необезпеченная никакимъ имуществомъ, неравномѣрная, исчисляемая безъ отношенія къ платежнымъ силамъ, съ „души“, притомъ съ души не наличной, а „ревизской“, внесенной въ послѣднюю, 10-ю перепись (1859 г.), т. е. съ души въ настоящее время совершенно фиктивной,—подать эта, вдобавокъ, стѣсняетъ свободное передвиженіе плательщика, почти прикрѣпляя его къ мѣсту; словомъ: соединяетъ въ себѣ большинство условій, признаваемыхъ опытомъ и наукою несоотвѣтствующими разумному налогу.

Двадцать два года существовала податная комисія; нельзя отрицать заслугъ ея по разъясненію многихъ вопросовъ („труды“ ея составляютъ, кажется, 27 томовъ, въ 60 книгахъ), но выполнить „главную задачу“, хотя *отчасти*—провести отмѣну подушной подати — довелось не ей... *Въ цѣломъ „главная задача“ ждетъ выполненія и до сихъ поръ.*

Тѣмъ не менѣе, дѣятельность этой комисіи во многомъ поучительна, и вспомнить нѣкоторыя черты ея исторіи своевременно и полезно.

Начала она свою дѣятельность совсѣмъ не во-время, наканунѣ всепроникающаго переворота 1861 г., справедливо сознавая, что „пока не устроится быть главной массы плательщиковъ—крестьянъ,—до тѣхъ поръ не можетъ быть цѣльнаго преобразованія податной системы“; сознавая, что предстоящее переустройство крестьянскаго быта захватитъ всѣ сферы русской жизни до самой глуби, повлечетъ за собою рядъ другихъ реформъ; что всякая работа, направленная къ устройству будущихъ отношеній, должна прежде всего уяснить себѣ картину вновь нарождающейся жизни. А этой картины въ 1859 году никто и представить себѣ не могъ. Правительство, проникнутое необходимостью освобожденія, приступало однако къ дѣлу безъ всесторонне-обдуманной программы, не остановившись ни на какой связной системѣ реформъ, повидимому, даже не отдавая себѣ предварительнаго яснаго отчета: въ какихъ сферахъ неизбѣжно потребуются преобразованія вслѣдъ за отмѣной крѣпостнаго права? Самыя основанія освобожденія еще оспаривались, видоизмѣнялись, „бореніе было тяжелое“,

Digitized by Google

и знамя побѣды не разъ склонялось даже въ сторону противниковъ надѣленія крестьянъ землею. Когда принципъ надѣловъ восторжествовалъ, противники крестьянскаго землевладѣнія, прикрываясь самыми либеральными аргументами, повели борьбу противъ обязательнаго выкупа и полноты надѣловъ, хлопотали о сохраненіи за помѣщиками лѣсовъ и выгоновъ, о правѣ выкупа надѣловъ отдѣльными членами обществъ, о размѣрѣ выкупныхъ платежей и т. д. Еще менѣе опредѣленно сознавалось, какія послѣдуютъ дальнѣйшія преобразованія: что̀ станется съ крестьянами государственными, удѣльными; какіе административные и хозяйственные органы замѣнятъ упраздненную помѣщичью власть?... До половины 60-хъ годовъ комисіи оставалось только занять положеніе выжидательное... Но къ этому сроку положеніе выяснилось достаточно. Оно оказалось особенно благопріятнымъ для выполненія „главной задачи“, но... министерство финансовъ того времени совсѣмъ не сочувствовало возрождавшейся Россіи и глядѣло въ другую сторону...

Вскорѣ послѣ „19 февраля“ встрѣтилъ я въ вагонѣ одной изъ заграничныхъ дорогъ болтливаго француза, который, восторгаясь „эмансипаціей“ русскихъ крестьянъ, восклицалъ: „Vous n'avez plus qu'à ajouter un beau réseau de chemins de fer, un crédit bien organisé pour lancer la grande industrie, et, avec vos richesses inouies (тогда въ эти „richesses“ еще вѣрили)... quel avenir!“ Предложи ему кто нибудь мѣсто министра финансовъ въ Россіи, онъ бы принялъ его, не задумываясь, съ искреннимъ убѣжденіемъ, что сто̀итъ только приладить къ этой невѣдомой ему, совершенно своеобразной Россіи учрежденія наполеоновской централизованной Франціи, и она процвѣтетъ несказанно!.. Наткнувшись при своихъ опытахъ акклиматизаціи на общинные, земскіе порядки, на особенности націи земледѣльческой по преимуществу,—націи, вопреки всѣмъ стремленіямъ государственной централизаціи, сохранившей преданія вѣчеваго уклада, казацкаго круга, займа свободныхъ земель, обычнаго права,—онъ бы ничего въ этихъ порядкахъ не понялъ и махнулъ на нихъ рукою, какъ на явленія, не заслуживающія серьезнаго вниманія, какъ на шероховатости, которыя должны податься, а не то и исчезнуть, перетереться въ привозныхъ жерновахъ.

Кажется подчасъ, не пользовалось ли министерство финансовъ 60—70-хъ годовъ услужливыми совѣтами этого чужеземца? Поглощенное заботами о привитіи къ намъ желѣзнодорожной и банковой лихорадки, руководствуясь частью буржуазными идеалами, частью симпатіями къ дворянско-батрацкому строю прибалтійскаго края, оно не сознавало, что преобладающимъ въ Россіи интересомъ въ то время было и надолго останется—устройство крестьянъ, что къ этому важнѣйшему дѣлу должны быть направлены всѣ усилія. Также пребывало оно чуждымъ совершавшемуся возрожденію русскаго общества въ лицѣ земскихъ учрежденій, даже прямо

Digitized by Google

стало во враждебныя къ нимъ отношенія: благодаря его настояніямъ, уже 21-го ноября 1866 года, торговля и промышленность изъяты отъ земскаго обложенія. Это должно было послужить и податной комисіи руководствомъ въ ея отношеніяхъ *къ обложенію промышленности*.

Въ то же время комисія, не стѣсняясь противорѣчіемъ своихъ дѣйствій со своей задачей, проявила въ одномъ изъ докладовъ слѣдующій взглядъ на вопросъ *объ обложеніи земель частныхъ владѣльцевъ*: „Относительно привлеченія къ участію въ сборахъ на государственныя потребности помѣщичьихъ земель, нельзя не замѣтить, что, послѣ предположенія объ этомъ сборѣ, въ тридцати губерніяхъ введены земскія учрежденія, которыя... бо́льшую часть земскихъ расходовъ покрываютъ сборомъ со всѣхъ безъ изъятія земель... Такимъ образомъ, общій поземельный сборъ уже введенъ въ видѣ земскаго губернскаго и уѣзднаго сбора... Поэтому, и принимая во вниманіе настоящее переходное состояніе помѣщичьихъ хозяйствъ, вслѣдствіе необходимости веденія ихъ вольнонаемнымъ трудомъ, нельзя не прійти къ убѣжденію, что облагать эти имѣнія, по поводу предполагаемыхъ преобразованій въ подушной системѣ сборовъ, новымъ на государственныя нужды налогомъ было бы неудобно". Для крестьянъ „тягости переходнаго состоянія" не признавались, не смотря на то, что въ томъ же докладѣ—крестьянскихъ платежей (подушныхъ, земскихъ и выкупныхъ) насчитывалось отъ 10 до 13 р. съ души, отъ 1 р. 50 к. до 3 руб. 50 коп. съ десятины, отъ 30 до 60 руб. съ двора! Оберегая такимъ образомъ „grande industrie" и помѣщичьи земли, очевидно, пришлось отказаться и отъ уничтоженія податной сословности, и отъ пониженія податей, лежащихъ на крестьянахъ, до размѣра, соотвѣтствующаго платежнымъ ихъ силамъ. Пришлось ограничиться замѣною подушной подати другою, *съ тѣхъ же крестьянъ*.

Въ 1869 г. дѣйствительно былъ составленъ проэктъ налоговъ поземельнаго и *подворнаго*: государственный душевой земскій сборъ предполагалось переложить на крестьянскія земли (22 мил.), самую же подушную подать (около 40 мил.) на крестьянскіе дворы, или, вѣрнѣе, уже на заработки. Даже министерства внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ встрѣтили этотъ проэктъ несочувственно, справедливо находя его несоотвѣтствующимъ „бытовымъ условіямъ и несоразмѣрнымъ со средствами народа". Ни то, ни другое министерство, впрочемъ, не указало опредѣленно на *невозможность рѣшить задачу, оставляя бремя налоговъ исключительно на крестьянахъ*.

Выработанъ былъ, затѣмъ, проэктъ замѣны подушныхъ сборовъ налогами подворнымъ и разрядным (въ размѣрѣ 55 мил., изъ которыхъ 40 падало на крестьянъ), но самъ же министръ финансовъ, докладывая о немъ государю въ 1876 г., высказалъ убѣжденіе, что проэктъ этотъ не можетъ быть признанъ ни полезнымъ, ни своевременнымъ, такъ какъ

Digitized by Google

уменьшитъ крестьянскіе платежи только на $^1/_9$ часть, а между тѣмъ усложнитъ администрацію; что *пока достаточно болѣе равномѣрнаго перераспредѣленія общей ссумы подушныхъ податей* (кромѣ выкупныхъ, конечно) *между губерніями*... Этотъ докладъ, по крайней мѣрѣ, отличался откровенной постановкой дѣйствительной задачи, которую министерство считало для себя возможною. Докладъ приказано было разсмотрѣть въ особой комисіи подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, но вниманіе отвлечено было отъ внутреннихъ дѣлъ дѣлами внѣшними—войною съ Турціей... Лицемѣрному вращенію въ заколдованномъ кругѣ, исканію средствъ облегчить крестьянъ путемъ простаго перераспредѣленія податей между ними же, по возможности минуя имущіе классы, на время наступилъ конецъ... Податная комисія, правда, существовала еще лѣтъ пять, какъ бы по недосмотру, умирая въ бездѣйствіи, но государственный контроль, наконецъ, обратилъ вниманіе на ея безполезное прозябаніе, и она закрыта.

По окончаніи войны, 23-го марта 1879 г., новый министръ финансовъ, генералъ-адьютантъ Грейгъ, какъ бы забывая о существованіи комисіи 1859 года, испросилъ даже высочайше повелѣніе на образованіе новой комисіи, которой поручено было немедленно „приступить къ обсужденію предположеній объ отмѣнѣ сборовъ, взимаемыхъ въ пользу государственнаго казначейства по подушной системѣ, и объ изъисканіи, для ихъ замѣны, другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ“.

Задачамъ новой комисіи не суждено было осуществиться ни въ управленіе министерствомъ финансовъ С. С. Грейга, ни въ управленіе его преемника, А. А. Абазы. Первый шагъ къ отмѣнѣ подушной податі сдѣланъ былъ только при Н. Х. Бунге; именно 18-го мая 1882 г. послѣдовалъ высочайшій указъ: 1) начать замѣну подушной податі съ 1883 г. и совершить сіе преобразованіе постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ *), по мѣрѣ изъисканія новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, и 2) прекратить съ 1-го января 1883 г. взиманіе: а) подушнаго въ пользу казны сбора съ мѣщанъ; б) подушной податі съ приписанныхъ къ волостямъ безземельныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, и в) подушной податі съ крестьянъ, получившихъ отъ помѣщиковъ въ даръ четвертую часть высшаго или указнаго размѣра надѣловъ“, т. е. съ самыхъ обездоленныхъ.

Этимъ указомъ сложено только 3.576,000 р.; въ 1884 г. отмѣнено подушной податі еще 15.688,000 р. съ безземельныхъ крестьянъ, при-

*) Высочайше утвержденнымъ, того же числа, мнѣніемъ государственнаго совѣта министру финансовъ предоставлялось внести представленіе о порядкѣ отмѣны всей подушной податі въ теченіе срока, не превышающаго *7 лѣтъ*.

Digitized by Google

писанныхъ къ волостямъ безъ пріемныхъ приговоровъ, съ крестьянъ фабричныхъ и заводскихъ, а также понижены оклады подушной подати: а) на половину—для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и, въ опредѣленныхъ, болѣе нуждающихся мѣстностяхъ, для всѣхъ разрядовъ плательщиковъ, и б) на $^1/_{10}$ часть для остальныхъ крестьянъ. Затѣмъ подушной подати оставалось къ 1885 г. 39 мил. (въ томъ числѣ на Сибири 2 мил.), именно: на крестьянахъ государственныхъ 22.179,000 р. (въ томъ числѣ на *платящихъ оброчную подать государственныхъ крестьянахъ европейской Россіи 18.412,000 р.*), на бывшихъ помѣщичьихъ—10.441,000 р., на удѣльныхъ 2.002,000 р. и на остальныхъ плательщикахъ 4.510,000 р.

Замѣнены, въ 1882 и 1884 гг., вышеозначенные 19.259,000 руб., между прочимъ, путемъ увеличенія налога съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, налога поземельнаго, пошлинъ крѣпостныхъ, а также за право торговли и промысловъ; введеніемъ пошлинъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами; налога на доходы съ денежныхъ капиталовъ—короче, сборами, обличающими обдуманную систему, строгій принципъ; всѣ они безсословны, обезпечены имуществомъ, проникнуты идеей подоходности, подлежатъ естественному росту по мѣрѣ развитія народнаго хозяйства, и, наконецъ, имѣютъ несомнѣнное воспитательное значеніе, шагъ за шагомъ подготовляя общество къ подоходному налогу въ его простѣйшемъ и совершеннѣйшемъ выраженіи. „На прежнихъ плательщикахъ подушной подати естественно должна была остаться въ измѣненномъ видѣ только часть этой подати, *по соразмѣрности съ ихъ имуществомъ*, облагаемымъ на одинаковыхъ началахъ и въ одинаковомъ размѣрѣ съ имуществомъ остальныхъ сословій". Единственный, сравнительно маловажный, недостатокъ большинства новыхъ налоговъ—нѣкоторая трудность взиманія, необходимость для этого взиманія живыхъ, дѣятельныхъ мѣстныхъ органовъ. Но это недостатокъ поправимый: министерство уже и приняло нѣкоторыя мѣры къ его устраненію, учредивъ должности податныхъ инспекторовъ; онъ, кромѣ того, съ каждымъ годомъ будетъ менѣе ощутителенъ, если общество наше будетъ развиваться въ гражданскомъ отношеніи. Изъ суммы, на которую предполагалось увеличить поземельный сборъ (3.888,000 р.), на крестьянскія земли падаетъ 2.300,000 р. Остальныя статьи, какъ видитъ читатель, мало касаются землепашца и, вообще, человѣка неимущаго. Идя этимъ путемъ, къ 1891 году, а, можетъ быть, и ранѣе, великая реформа совершилась бы съ такою обдуманностью, со внесеніемъ въ русскую жизнь такихъ устоевъ, которые неминуемо должны были отразиться во всѣхъ сферахъ и положить прочное основаніе нашему благосостоянію, поскольку оно зависитъ отъ разумной и справедливой системы податей.

Въ прошломъ году, однако, министерство финансовъ почему-то вдругъ совершенно измѣнило спокойному и, казалось, столь сознательному дви-

Digitized by Google

женію. Испугалось ли оно настойчиво-возрастающаго бюджета, потеряло ли самообладаніе и благородное сознаніе совершаемаго дѣла вслѣдствіе воплей всякой нравственной мелкоты, испуганной грошовыми изъянами ея тугихъ кармановъ, утомились ли его дѣятели, соблазнилъ ли ихъ кто предпочесть мишурный блескъ эффектнаго шага, бьющаго въ глаза толпѣ, достоинству серьезнаго дѣла, величіе котораго созналось бы только въ концѣ пути и нашло бы себѣ оцѣнку въ исторіи, а не въ уличныхъ крикахъ—сказать трудно. Несомнѣнно одно: мѣры, принятыя къ довершенію реформы закономъ 28-го мая 1885 года, рѣзко противорѣчатъ всѣмъ прежнимъ мѣропріятіямъ министерства финансовъ по выполненію предначертаній 1882 г.; поэтому, приглядываясь къ хронологіи и параллелизму событій, приходишь къ убѣжденію, что министерство въ данномъ случаѣ дѣйствовало не самостоятельно, поддалось стороннимъ вліяніямъ; что оно, не разглядѣвъ партійной подкладки предположенныхъ ему плановъ, искусилось соблазномъ торопливо разсѣчь гордіевъ узелъ, сбросивъ съ плечъ трудную, копотливую работу его распутыванья. Совѣты шли, надо полагать, отъ тѣхъ же вѣчно-ноющихъ землевладѣльцевъ, отъ купоновладѣльцевъ, отъ хозяевъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, заводчиковъ... Они поняли, что ничтожные теперь размѣры взимаемаго съ нихъ налога, осторожность, съ которою проводятся новые принципы, допущеніе массы изъятій при обложеніи бумагъ—все это, конечно, акты „политической мудрости“; но что за первымъ шагомъ долженъ, однако, послѣдовать и второй, и третій... что въ концѣ концовъ идея подоходности осуществится съ нежелательной для нихъ полнотою, и имъ—богатѣйшимъ—придется платить больше другихъ... Пошли возгласы о несвоевременности нововведеній, о тяжеломъ положеніи землевладѣнія и промышленности. Хоръ плакальщиковъ о томъ, что нынче земля „только въ убытокъ“, сочетался съ хоромъ, готовымъ доказывать, что и заводы работаютъ, и купоны не сжигаются „только изъ чести“. Такіе возгласы не помогали. Поднялась буря противъ министерства финансовъ, преимущественно противъ учрежденій вѣдающихъ окладные сборы,—буря, которая долгое время была только докучлива и вредна тѣмъ недовѣріемъ къ правительству, которое поселяла въ робкихъ умахъ, нанося несомнѣнный вредъ какъ разъ той промышленности, въ интересахъ которой будто бы поднималась... Но впослѣдствіи настойчивость ея, повидимому, поколебала ясность взглядовъ и спокойное выполненіе программы самимъ министерствомъ финансовъ Пользуясь этимъ утомленіемъ, кто нибудь изъ вліятельныхъ „друзей промышленности“, надо полагать, развернулъ передъ министерствомъ осуществившійся планъ окончательной отмѣны подушной подати, указавъ ему и на возможность поддержки въ государственномъ совѣтѣ. Коварство этого плана не бросалось въ глаза: казалось, что общаго между „друзьями промышленности“ и оброкомъ государственныхъ крестьянъ: что они Ге-

Digitized by Google

кубѣ, и что̀ имъ Гекуба! Между тѣмъ, съ прекращеніемъ вопроса о замѣнѣ подушной подати, исчезло для процентныхъ бумагъ, заводовъ, земель, городской недвижимости, наслѣдствъ, вообще для доходовъ, неотступное обличеніе, указаніе на необходимость принять на себя немедленно 37 милліоновъ налога. Нѣтъ сомнѣнія, что когда навѣянный извнѣ законопроэктъ министерства удостоился утвержденія, тѣ же „друзья промышленности“—враги прежней программы министерства—спѣшили поздравить его съ совершеніемъ „величайшей реформы настоящаго царствованія!“ Но еще грустнѣе, что такимъ же привѣтомъ встрѣтили его и нѣкоторые недальновидные публицисты, какъ напр., молодой ученый, посвятившій закону 28-го мая 1885 г. неудачный докладъ, напечатанный въ „Трудахъ И. В. Э. Общества“ (№№ 6 и 7 текущаго года).

Какъ бы то ни было, прекрасно задуманная, основательно начатая реформа окончилась эффектнымъ разсѣченіемъ узла, *возвращеніемъ къ преданіямъ податной комиссіи*, которое, если не принять серьезныхъ мѣръ, грозитъ намъ совсѣмъ нежелательными послѣдствіями.

Для отмѣны оставшихся къ 1885 году на европейской Россіи 37-ми милліоновъ рублей подушной подати постановлено, какъ извѣстно: 1) увеличить съ 1887 года оброчную подать бывшихъ государственныхъ крестьянъ по каждому селенію на сумму подушной подати, причитавшейся съ селенія по прежде дѣйствовавшимъ узаконеніямъ, съ тѣмъ однако, чтобы увеличенный по этому разсчету оброчный платежъ съ десятины надѣла не превышалъ выкупныхъ платежей сосѣднихъ помѣщичьихъ крестьянъ и чтобы, въ суммѣ, ежегодные платежи государственныхъ крестьянъ возвысились не болѣе, чѣмъ на 45% нынѣшней оброчной подати; 2) повысить акцизъ на одну (уже девятую) копѣйку съ градуса спирта (законъ 18-го мая 1885 года), причемъ самая подушная подать отмѣнена для помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ съ 1-го января 1886 года, для государственныхъ—съ 1-го января 1887 года.

„Друзья промышленности“ своей цѣли достигли: *всѣ 37 милліоновъ остались на крестьянахъ*. Изъ 18-ти милліоновъ лежавшей на государственныхъ крестьянахъ подушной подати (около 8 милліоновъ душъ)—шестнадцать *останутся на нихъ же* подъ другимъ названіемъ *); еще 21—22 милліона народъ не только доплатитъ, но—не вынивъ ни единой лишней чарки—*переплатитъ на водкѣ*... и, вдобавокъ, только отчасти въ казну, преимущественно же въ карманъ ликующему кабаку! Говорятъ, будто зато платежи распредѣлятся между крестьянами *болѣе уравни-*

*) Въ ста приблизительно уѣздахъ (т. е. приблизительно въ 1/4 уѣздовъ европейской Россіи) сумма оброчной и подушной подати превысила бы размѣръ мѣстныхъ выкупныхъ платежей, потому не можетъ быть взимаема сполна.

Digitized by Google

тельно. Какъ понимать это? До сихъ поръ государственнымъ крестьянамъ дышалось легче, чѣмъ бывшимъ помѣщичьимъ; у нихъ и надѣлы въ общемъ побольше, и платежи были легче; а теперь и тѣмъ, и другимъ *будетъ равно—тяжело*.

„Московскія Вѣдомости"—на этотъ разъ безъ свойственныхъ имъ преувеличеній фактовъ—разсчитали, что 9-я копѣйка, наложенная на градусъ спирта, должна увеличить барышъ кабачиковъ и неразрѣшенныхъ шинковъ, по крайней мѣрѣ, настолько же, насколько и казенный доходъ. Газета разсчитываетъ, что около двухъ третей всего количества вина во внутреннихъ губерніяхъ расходится въ розничной продажѣ. Предполагая крѣпость вина въ 40°, повышеніе должно составить 40 к. на ведро; но такъ какъ въ ведрѣ 100 чарокъ, то на чарку возвышеніе составитъ $^2/_5$ коп., а такой монеты не существуетъ, стало быть, возвышеніе окажется по необходимости значительнѣе. „Чтобы не затруднять покупателей", складчики и цѣловальники нашихъ черноземныхъ губерній, вмѣсто сорока копѣекъ, надбавленныхъ казной, въ розничной продажѣ уже надбавили круглый рубль на ведро. Шкаликъ вмѣсто 6 коп. стоитъ 7 коп., косушка вмѣсто 12-ти—14 коп., полуштофъ вмѣсто 30-ти—35 коп. Народъ платитъ, слѣдовательно, за вино въ розницу надбавки не 1 коп., а 2—$2^1/_2$, т. е. 80—90 коп. на ведро 40-градусной крѣпости. Помѣщичьи крестьяне платили подушной подати въ 1885 году кругомъ около 90 коп.—1 руб. съ души. Считая увеличеніе питейнаго расхода, вслѣдствіе закона 18-го мая 1885 года, только въ 44 милліона, оставляя изъ нихъ около $^1/_6$ на 4 милліона городскихъ „душъ" (до 1883 года подлежавшихъ подушному обложенію) и подѣливъ хоть 35 милліоновъ на обывателей сельскихъ (около 22 милліоновъ ревизскихъ душъ), увидимъ, что на каждую душу придется переплаты приблизительно 1 руб. 50 коп. Этотъ разсчетъ, конечно, очень неточенъ, но, сравнивая его съ разсчетами, сдѣланными по тому же предмету въ другихъ органахъ печати, можно сказать, что онъ грѣшитъ развѣ излишней снисходительностью къ реформѣ акцизнаго вѣдомства,—вѣдомства, мѣропріятія котораго за послѣдніе 2 — 3 года, сказать мимоходомъ, не заслуживаютъ никакого снисхожденія и только удивляютъ своею легкомысленною смѣлостью... Но теперь намъ не до него; намъ важно было только показать, насколько послѣдній актъ отмѣны подушной подати соотвѣтствовалъ предъидущимъ и какимъ тяжелымъ бременемъ онъ легъ на населеніе, вмѣсто того, чтобы облегчить его... Можетъ быть, кстати будетъ напомнить, что давно пора бросить довольно укоренившійся взглядъ на безконечную эластичность косвенныхъ налоговъ вообще и акциза съ питей въ особенности. Выходъ изъ финансовыхъ затрудненій путемъ безхитростной надбавки на тотъ или другой акцизный сборъ соблазнителенъ, конечно, своею простотой, какъ и-

Digitized by Google

когда были соблазнительны надбавки „на душу", но чѣмъ легче увлечься ими, тѣмъ осторожнѣе слѣдуетъ довѣряться соблазну.

Не пришлось бы, въ виду неминуемости дальнѣйшаго упадка русскаго крестьянства, скоро поднять вопросъ о новомъ пониженіи платежей, и уже не только для крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, но и для государственныхъ... Возвратиться къ неожиданно и странно *покинутому вопросу о подъемѣ крестьянскаго благосостоянія* и, между прочимъ, о согласованіи податей съ доходами — *во всякомъ случаѣ придется*; иначе онъ станетъ чрезмѣрно труденъ, *хотя все таки неминуемъ*. Одинъ журналъ, также предусматривая въ будущемъ возможность, даже необходимость уменьшенія все еще повышаемаго оброка, заподозрилъ даже: не былъ ли вызванъ послѣдній актъ министерства финансовъ въ дѣлѣ отмѣны подушной подати—только желаніемъ *устранить названіе этой подати* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, снять съ себя обязательство осуществить предначертанное закономъ 1882 г. облегченіе крестьянства къ опредѣленному сроку (1891 г.)?... Догадка, конечно, мало правдоподобная, но не лишенная остроумія.

Такъ, 28 лѣтъ не удается сломить происковъ группы „оптиматовъ", не смотря на неоднократно выраженную волю высшей власти, не смотря на то, что въ этотъ періодъ времени встрѣчались моменты, особенно благопріятные для противодѣйствія темнымъ происканъ эгоизма. Лучшіе порывы общества, лучшія намѣренія отдѣльныхъ правительственныхъ лицъ такъ или иначе допускались до осуществленія, лишь поскольку они не касались интересовъ этой группы, небольшой числомъ, но крѣпкой положеніемъ и сплоченностью.

При такихъ обстоятельствахъ, важнѣйшею частью закона 28-го мая 1885 года приходится признать не самую отмѣну подушной подати, а пункты: третій, о *преобразованіи оброчной подати въ выкупные платежи*, подлежащіе уплатѣ въ 44 года, и четвертый,—предоставляющій „министру финансовъ приступить безотлагательно къ подготовительнымъ дѣйствіямъ и составленію предположеній: а) *о распредѣленіи упомянутыхъ платежей между селеніями* по возможности соразмѣрно съ цѣнностью и доходностью надѣловъ, и б) объ измѣненіяхъ, которыя должны быть сдѣланы въ узаконеніяхъ, основанныхъ на счетѣ населенія по ревизскимъ душамъ: *о порядкѣ отвѣтственности по уплатѣ* въ казну сборовъ и *паспортной системѣ*". Предположенія эти, по надлежащемъ разсмотрѣніи, должны быть введены въ дѣйствіе съ 1-го января 1887 года.

Нетрудно убѣдиться, что поклонники привилегированныхъ положеній и батрацкой Руси, при этой реформѣ, не только съумѣли свалить со своихъ плечъ 37 милліоновъ податей, но еще сдѣлали значительный шагъ впередъ къ разрушенію ненавистныхъ имъ принциповъ 19 февраля,

Digitized by Google

къ подрыву противодѣйствующихъ обатраченію устоевъ общинной жизни крестьянства, а также принципа государственнаго землевладѣнія, не допускающаго расхищенія государственныхъ земель.

Когда редакціонныя комисіи, подготовлявшія условія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, остановились на мысли, путемъ выкупа, предоставить землю крестьянамъ въ собственность, рѣшеніе ихъ было встрѣчено съ восторгомъ лучшею частью тогдашняго общества. Но, будь въ то время возможность предвидѣть движеніе въ сторону собиранія земель въ руки болѣе состоятельныхъ поселянъ и обатраченія бѣднѣйшихъ, которое съ такою ясностью сказалось за послѣдніе годы; уяснись тогда роль, которую выкупные платежи начинаютъ играть въ исторіи нашего крестьянскаго землевладѣнія,—короче, не будь мы только „заднимъ умомъ крѣпки", пришлось бы, пожалуй, уже въ 1861 году предпочесть выкупъ помѣщичьихъ земель *въ государственную собственность* и обложеніе ихъ—по доходности надѣловъ—равномѣрно распредѣленною оброчною податью. Во всякомъ случаѣ, странно, что неудачный пріемъ, вполнѣ простительный въ 1861 году, но требующій осмотрительности въ настоящее время, повторенъ съ какою-то непонятной поспѣшностью: министерство не только не признало полезнымъ прислушаться сначала къ общественному мнѣнію о задуманномъ дѣлѣ, но, повидимому, не подвергло свой проэктъ никакому коллегіальному обсужденію.

Какъ бы то ни было, землевладѣніе государственныхъ крестьянъ вступаетъ въ омутъ разрушительной для крестьянскихъ обществъ борьбы съ кулачествомъ.

Преобразуя такимъ образомъ оброчные платежи въ выкупные, распространяя сферу дѣйствія положенія о выкупѣ, *настоятельно необходимо, по крайней мѣрѣ, предварительно или одновременно* очистить ее отъ сторонъ, рѣшительно осужденныхъ жизнью, прессой, земствами, органами правительства, отъ элементовъ, направленныхъ противъ основнаго принципа нашей крестьянской реформы—противъ принципа *самостоятельнаго, свободнаго труда земледѣльца на обезпеченной въ его пользованіи землѣ**), принципа, способнаго, *при достаточномъ его развитіи*, оградить Россію отъ потрясеній, угрожающихъ западу, и представляющаго надежнѣйшій оплотъ внутренняго благосостоянія и внѣшняго величія Россіи. Особенно вредными, какъ извѣстно, оказались статьи, содѣйствующія мо-

---

*) Именно „*обезпеченной въ его пользованіи*"—хотя бы и *не собственной*, но de jure составляющей собственность государства и подчиненной отношеніямъ въ родѣ уничтожаемыхъ нынѣ отношеній государственныхъ крестьянъ къ ихъ надѣламъ.

Digitized by Google

билизаціи крестьянской надѣльной собственности, какъ общинной, такъ и личной,—статьи, допускающія ея свободное обращеніе. Вопросъ о пересмотрѣ, а частью объ отмѣнѣ этихъ статей (115, 161, 162, 165, 169, 173), извѣстный подъ именемъ вопроса „о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ", становится теперь особенно настоятельнымъ въ ряду другихъ вопросовъ крестьянскаго землевладѣнія (переселенческаго, вопроса о поземельномъ и мелкомъ хозяйственномъ кредитѣ, объ общественныхъ запашкахъ, общинѣ-артели и проч.); ему суждено получить опредѣляющее значеніе и при рѣшеніи другихъ вопросовъ этого рода. Обращеніе оброчныхъ платежей въ выкупные можетъ найти *нѣкоторое* оправданіе только подъ условіемъ такого пересмотра, причемъ необходимо обратить вниманіе не только на огражденіе перехода крестьянскихъ земель въ сторонніе руки, но и на огражденіе ихъ отъ собиранія въ немногія руки въ средѣ самого общества.

Замѣтимъ кстати, что вопросъ объ ограниченіи принципа „laissez faire" въ сферѣ крестьянскаго землевладѣнія, въ настоящее время, даже не спеціально-русскій вопросъ, хотя онъ, очевидно, нигдѣ въ Европѣ не имѣетъ такого обширнаго подавляющаго значенія, какъ въ Россіи. Въ Германіи, напримѣръ, съ каждымъ годомъ выясняется все болѣе и болѣе, что главной причиной упадка крестьянскаго хозяйства слѣдуетъ признать не рядъ неурожаевъ, не низкія цѣны на хлѣбъ, даже не налоги, нѣсколько превышающіе норму, опредѣляемую доходностью участка и неотложными потребностями земледѣльца-работника съ семьею,—а именно свободу мобилизаціи крестьянскихъ участковъ и обремененіе ихъ долгами.

Текстъ закона 12 іюня 1886 г. о преобразованіи оброчной подати въ выкупные платежи (ст. I, п. 15), примѣняясь къ дѣйствующему законодательству, допускаетъ, къ сожалѣнію, досрочные взносы для погашенія капитальнаго долга и въ средѣ государственныхъ крестьянъ, какъ для сельскихъ обществъ, такъ и для владѣльцевъ подворныхъ участковъ. Изъ этого можно заключить, что имъ угрожаютъ тѣ же опасности, какъ и бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ; остается утѣшаться настойчивыми слухами о состоявшемся будто бы соглашеніи министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ касательно внесенія въ государственный совѣтъ законопроэкта о неотчуждаемости и о признаніи надѣльной земли общественною собственностью какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ пользованіи ею. Можемъ только предсказать, что такой законопроэктъ будетъ встрѣченъ съ глубокимъ сочувствіемъ всѣми искренними друзьями Россіи.

Нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что обращеніе оброчной подати въ выкупные платежи представляетъ собою, собственно говоря, *отчужденіе государственныхъ имуществъ въ частную соб-*

Digitized by Google

ственность на сумму, самимъ закономъ опредѣляемую почти въ милліардъ рублей *).

Такая сторона дѣла имѣетъ, во-первыхъ, значеніе принципіальное. Отчужденіе въ настоящемъ случаѣ не носитъ, конечно, ни того характера расточенія государственныхъ богатствъ фаворитамъ, который лежитъ пятномъ на русской исторіи XVIII вѣка, ни характера расхищенія земель оренбургскихъ, кавказскихъ и иныхъ, составляющаго несомнѣнно печальную страницу прошлаго царствованія: — при тщательной разработкѣ закона о неотчуждаемости надѣльныхъ земель **), общественное крестьянское землевладѣніе можетъ, конечно, быть охранено, — тѣмъ не менѣе, преобразованіе оброчной подати въ выкупные платежи, наряду съ нѣсколькими другими явленіями, напримѣръ, съ фактомъ предоставленія дворянству выморочныхъ дворянскихъ имѣній, указываетъ, что идея охраненія государственнаго землевладѣнія и теперь еще слабо проникаетъ въ сознаніе нашихъ правительственныхъ сферъ. Отдача надѣловъ въ частную собственность государственныхъ крестьянъ—такъ или иначе — совершалась какъ разъ въ то время, когда настоятельно возникалъ вопросъ: нельзя ли и землямъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ придать de facto характеръ земель государственныхъ? Этими мѣропріятіями, между прочимъ, поясняется жизненность помысловъ о хищеніи. Они не прекращаются и до сихъ поръ; недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатана была, напримѣръ, безъ всякихъ оговорокъ со стороны редакціи, корреспонденція изъ Уфы, предлагающая возобновить раздачу земель европейскаго востока „заслуженнымъ чиновникамъ“ и т. д.; аферисты Восточной Сибири, какъ видно изъ сибирскихъ органовъ печати, также мечтаютъ о захватахъ въ Пріамурскомъ и Уссурійскомъ краяхъ...

Неужели мысль о такой раздачѣ, о такихъ захватахъ еще можетъ быть допущена послѣ уроковъ, преподанныхъ прошлымъ, послѣ всѣхъ разъясненій о значеніи государственной земельной собственности вообще и о важности ея охраненія для Россіи въ особенности, хотя бы только въ качествѣ колонизаціоннаго фонда? Еще лѣтъ двадцать тому назадъ, Америка считала себя безконечно богатою свободными землями, и теперь она землею не бѣднѣе насъ; а посмотрите, какъ, наученное опытомъ, правительство Штатовъ озабочено изъятіемъ еще оставшихся въ его распоряженіи пространствъ изъ рукъ спекуляціи и о сохраненіи ихъ за мел-

*) Выкупныхъ платежей предполагается взимать съ государственныхъ крестьянъ 49 мил. въ годъ, которые законъ для капитализаціи предлагаетъ умножить на 20.

**) Мы бы охотно сказали вообще: „земель, пріобрѣтаемыхъ съ содѣйствіемъ правительства“, но для этого еще нужно привести данныя, которыя не помѣщены въ этой статьѣ, чтобы не уклоняться отъ предмета рѣчи.

Digitized by Google

кими фермерами-земледѣльцами... Или намъ ни свой, ни чужой опытъ не въ прокъ?

Отношеніе къ преобразованію оброчной подати въ выкупные платежи, какъ къ отчужденію государственныхъ имуществъ, сказывается и въ законѣ 12-го іюля: разрѣшая единовременные взносы въ казну, соотвѣтствующіе выкупному капиталу или части его, этотъ законъ (I, 16) обращаетъ суммы, поступающія въ такую уплату, „на погашеніе государственныхъ долговъ". Министру финансовъ предоставлено, сверхъ того, „внести въ установленномъ порядкѣ соображенія свои о порядкѣ погашенія капитальной суммы, соотвѣтствующей установленнымъ на 44 года выкупнымъ платежамъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ".

Слѣдовательно, съ одной стороны, капитальная сумма, равная стоимости земли, срочные платежи съ которой (49 милліоновъ) должны прекратиться по истеченіи 44-хъ лѣтъ, должна быть возмѣщена государственному казначейству (вѣроятно, путемъ отчисленія извѣстнаго % ежегодныхъ взносовъ на погашеніе); съ другой—наиболѣе правильнымъ употребленіемъ этого капитала правительство признаётъ уплату государственныхъ долговъ. Ассигновать на такую уплату только досрочные взносы было бы странно, какъ потому, что эти взносы, вѣроятно, будетъ слишкомъ незначительны (объ ихъ употребленіи на погашеніе нашихъ громадныхъ долговъ не стоило бы и говорить), такъ и потому, что нѣтъ основанія, признавая извѣстное назначеніе капитала правильнымъ, удѣлять согласно съ этимъ назначеніемъ только незначительную часть его. Дѣйствительно, деньги, вырученныя путемъ продажи значительной доли государственныхъ имуществъ, необходимо должны идти на *капитальное* улучшеніе финансовъ (каковымъ нельзя не признать погашеніе хотя бы части капитальной суммы государственныхъ долговъ); трата ихъ на текущіе расходы была бы крайне неразсчетливой; это пойметъ даже мало вникающее въ финансовыя операціи русское общество, которому многое уяснилъ въ данномъ отношеніи типъ помѣщика, проѣвшаго выкупныя свидѣтельства. Остается ожидать, какъ министерство финансовъ обставитъ эту операцію къ возможной выгодѣ Россіи?

Можно бы замѣтить, что и доля ежегодныхъ взносовъ, за отчисленіемъ % погашенія, должна обязательно идти на уплату процентовъ по государственнымъ долгамъ, но Россія платитъ ихъ ежегодно въ пять разъ болѣе, чѣмъ можетъ получать въ видѣ выкупныхъ платежей, замѣнившихъ оброчную и подушную подати съ государственныхъ крестьянъ; слѣдовательно, пойдутъ ли на проценты именно *эти выкупные*—дѣло бухгалтерской записи, которая значенія не имѣетъ. Важно только сознать значеніе земельнаго фонда, вычеркнутаго при настоящей реформѣ изъ финансовыхъ ресурсовъ будущаго, и дать надлежащее примѣненіе вырученному за него капиталу.

Digitized by Google

Обращаетъ на себя вниманіе и практическое осуществленіе реформы. Главныя основанія разверстки выкупныхъ платежей таковы: установленныя въ законодательномъ порядкѣ для каждой губерніи въ неизмѣнномъ размѣрѣ на весь срокъ выкупа (до 1931 г.) платежи распредѣляются между уѣздами по соглашенію министровъ: финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ; разверстка же назначенной на каждый уѣздъ суммы между отдѣльными селеніями производится губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями на основаніи проэктовъ разверстки, составляемыхъ особыми уѣздными комисіями изъ мѣстнаго податнаго инспектора и двухъ членовъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначаетъ одного изъ членовъ комисіи ея предсѣдателемъ. Предположенная комисіею разверстка по селеніямъ провѣряется опросомъ избранныхъ отъ обществъ уполномоченныхъ, въ числѣ двухъ отъ каждаго селенія, созываемыхъ одновременно изъ ближайшихъ другъ къ другу селеній. Заявленія уполномоченныхъ заносятся въ протоколъ, который представляется въ губернское присутствіе вмѣстѣ съ проэктомъ разверстки уѣздной комисіи. Тутъ фигурируютъ губернскія и уѣздныя присутствія, выступаетъ еще мало окрѣпшій, мало знакомый съ мѣстностью, институтъ податныхъ инспекторовъ... А что же земство, что же мѣстное самоуправленіе, для котораго, по всѣмъ даннымъ, распредѣленіе податей между мѣстными плательщиками составляетъ одно изъ важнѣйшихъ отправленій?..

Насколько намъ удалось слышать, министерство финансовъ не рѣшается довѣриться земству, въ виду небрежности, которую оно часто проявляло при распредѣленіи добавочнаго пониженія выкупныхъ платежей; но—что еще страннѣе—общество, повидимому, совершенно равнодушно взираетъ на оказанное ему недовѣріе... Слышны даже голоса, что на „теперешнее земство“ и нельзя положиться, что недовѣріе правительства вполнѣ основательно... Приводятъ факты крайняго равнодушія самихъ земствъ къ своимъ дѣламъ, утверждаютъ, будто земствами занимаются только лица, которыя ищутъ въ нихъ мѣстъ, заработковъ, даже небезгрѣшныхъ доходовъ...

Такъ ли это?—разсматривать не станемъ. Вопросъ о силѣ земствъ или безсиліи ихъ и о причинахъ этого безсилія, о земствахъ, какъ орудіи дрянныхъ партій—слишкомъ важенъ, чтобы говорить о немъ вскользь, особенно въ виду высказываемыхъ съ разныхъ сторонъ вожделѣній замѣнить его чиновничьимъ или дворянскимъ элементомъ. Здѣсь важно только отмѣтить явный фактъ недовѣрія правительства къ земству въ той задачѣ, выполненіе которой представляется прямымъ дѣломъ земства, и указать на важность этого факта. Если, дѣйствительно, въ строѣ нашей пореформенной жизни оборвалась такая струна, какъ земство, къ этому явленію Россія не можетъ оставаться равнодушною; *безъ нея*, скажемъ болѣе—

Digitized by Google

безъ ея правильнаго функціонированія, *общественная жизнь немыслима*. Надо строго изслѣдовать, насколько вѣренъ фактъ негодности или малой годности современныхъ земствъ, и если онъ вѣренъ—необходимо выяснить, почему это произошло, что̀ понизилоуровень земствъ... и озаботиться ихъ подъемомъ.

Отсутствіе хорошо организованной, граждански развитой земской силы не можетъ не ощущаться даже самимъ правительствомъ, которое не можетъ не сознавать, что сила эта должна слагаться изъ мѣстныхъ *общественныхъ* элементовъ, и притомъ элементовъ *безсословныхъ*, представляющихъ собою интересы всѣхъ слоевъ населенія, даже преимущественно тѣхъ, которые, по даннымъ обстоятельствамъ, менѣе другихъ въ состояніи отстоять свои нужды. Безъ этой силы правительство, не взирая на лучшія стремленія, не обезпечено отъ тяжелыхъ ошибокъ; мѣропріятія же его обречены на искаженіе и неудачу. Какъ ни стыдно, а приходится сознаться, что Россію мы знаемъ недостаточно, и что нельзя опираться, при оцѣнкѣ современной дѣйствительности, ни на чиновниковъ, въ большинствѣ совершенно чуждыхъ мѣстности, въ которой они служатъ, ни на „экспертовъ“, испытавшихъ развѣ плоды своего неумѣлаго барскаго хозяйства, ни на „свѣдущихъ людей“, не вѣдающихъ даже о своемъ невѣжествѣ; ни, вообще, на представителей своего личнаго интереса, развязно утверждающихъ, что они служатъ представителями интересовъ края. Какъ ни плохи наши земства, все таки они дали и даютъ сравнительно-лучшій матеріалъ для ознакомленія съ современной жизнью въ трудахъ своихъ дѣятелей или въ работахъ, предпринятыхъ на ихъ счетъ, по ихъ почину.

Къ этому же матеріалу, *къ фактамъ живой дѣйствительности*, необходимо обратиться и для рѣшенія вопроса о перемѣнахъ, предположенныхъ въ „узаконеніяхъ о порядкѣ отвѣтственности по уплатѣ въ казну окладныхъ сборовъ“, особенно, если правительство будетъ настаивать на томъ, чтобы „измѣненія“ эти непремѣнно послѣдовали съ *1-же января будущаго 1887 года*. Насъ нѣсколько страшитъ поспѣшность именно въ данномъ случаѣ.

Дѣйствительно, законъ озабоченъ только установленіемъ „порядка отвѣтственности по уплатѣ окладныхъ сборовъ, соотвѣтствующаго отмѣнѣ подушной подати, а дѣло уже поставлено въ администраціи такъ, будто рѣчь идетъ собственно о *круговой порукѣ*, даже непремѣнно объ ея отмѣнѣ. А что, если лучшій порядокъ обусловливается сохраненіемъ круговой поруки? Можно ли такъ легкомысленно говорить объ отмѣнѣ одного изъ коренныхъ устоевъ народной жизни, исторически сложившейся формы быта, приноровленной народною практикой къ требованіямъ нашей государственной жизни,—формы, съ помощью которой народъ столько лѣтъ

Digitized by Google

поддерживаетъ возможную справедливость въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній крестьянства?...

Круговая порука—одно изъ наименѣе изслѣдованныхъ, наименѣе знакомыхъ правительству и обществу явленій русской жизни; по поводу его всѣ предпринятыя за послѣднее время изслѣдованія единогласно свидѣтельствуютъ, что *сложившіяся противъ него предубѣжденія совершенно ложны*, что они построены на произвольныхъ утвержденіяхъ „экспертовъ", говорившихъ о круговой порукѣ, не имѣя о ней понятія и признавая достаточнымъ основаніемъ для своихъ показаній даже личныя антипатіи.

Особеннымъ довѣріемъ пользуется, напримѣръ, мнѣніе, приписывающее круговой порукѣ „разореніе трудолюбивыхъ, зажиточныхъ крестьянъ за недоимки лѣнтяевъ-бѣдняковъ". Между тѣмъ подробныя изслѣдованія, гдѣ бы они ни производились, доказываютъ, что *никогда богатому за бѣдняка платить не приходится*. И земскія изслѣдованія, и свидѣтельства лицъ, ближе ознакомившихся съ дѣломъ, напротивъ, съ замѣчательнымъ единодушіемъ свидѣтельствуютъ, что недоимки числятся преимущественно не за бѣдняками, а именно за богатыми кулаками да за разными родственниками и кумовьями волостнаго начальства, урядниковъ и т. п. Еще нынѣшнимъ лѣтомъ я имѣлъ случай слышать цѣлый рядъ такихъ отзывовъ отъ податныхъ инспекторовъ самыхъ разнородныхъ мѣстностей.

Не останавливаясь подробно на этомъ вопросѣ, замѣтимъ только, что точныя изысканія не только нигдѣ не дали ни малѣйшаго указанія на вредъ круговой поруки, но всѣ, напротивъ, подтверждаютъ, что учрежденіе это, нераздѣльно съ общиннымъ устройствомъ, является однимъ изъ самыхъ твердыхъ устоевъ народнаго благосостоянія.

Особенно ярко важность круговой поруки сказывается въ уравнительной раскладкѣ податей. Міръ, освѣдомившись о падающей на него суммѣ обложенія, какъ извѣстно, распредѣляетъ ее между своими сочленами. Искони упражняясь въ этой раскладкѣ, онъ выработалъ многосложную систему, поражающую своею справедливостью, умѣніемъ принять въ соображеніе всю наличность данныхъ: и надѣлъ, и число работниковъ въ семьѣ, и состоятельность ихъ. Онъ распредѣляетъ подать то по наличнымъ, то по ревизскимъ душамъ, то по тягламъ, то по землѣ, то цѣлыми единицами, то дробями. Основою же этой кропотливой, но плодотворной работы, совершенно недосягаемой для администраціи, является круговая порука.

Благодаря ей, міръ заботится о поддержкѣ своихъ сочленовъ, объ охранѣ каждаго изъ нихъ отъ полной несостоятельности:—тому онъ даетъ оправиться отъ постигшей бѣды, принимая временно уплату податей на себя, того оберегаетъ отъ слишкомъ невыгодныхъ условій вынужденной сдачи

Digitized by Google

надѣла въ аренду, тому устраиваетъ „помочь“ работою, тамъ освобождаетъ отъ натуральной повинности лицо, которое вноситъ деньги за неимущаго, и т. д. Благодаря круговой порукѣ, подати уплачиваются иногда сполна или отчасти сдачею въ аренду общественныхъ доходныхъ статей; напр., разныя общества бахмутскаго уѣзда сдаютъ около 12,000 дес. земель. оставшихся отъ умершихъ или ушедшихъ домохозяевъ.

Только истощивъ весь запасъ находящихся въ его распоряженіи средствъ для охраненія захудалаго крестьянина отъ накопленія недоимокъ и совершеннаго разоренія, міръ предоставляетъ несчастнаго тяжелымъ послѣдствіямъ *отдѣльной личной отвѣтственности*.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ доходъ съ надѣловъ окупаетъ платежи, отвѣтственность эта опредѣляется легко: самой употребительной его формой является, очевидно, временная сдача недоимщикомъ своего надѣла; тамъ же, гдѣ отвѣтчицы-земли нѣтъ, гдѣ доходы съ надѣла не покрываютъ даже подати, когда посильная помощь міра истощена—наступаетъ возмутительная эпопея „выколачиванья“ податей, которой міръ непричастенъ, хотя писарь et consortes и составляютъ приговоръ отъ его имени, какъ они же, составляютъ и рѣшенія волостнаго суда. Отдача въ заработки, тѣлесныя наказанія, продажа послѣдняго имущества (но именно *самого недоимщика, а не зажиточныхъ крестьянъ*), всякое издѣвательство надъ человѣкомъ—явленія, съ которыми круговая порука, очевидно, ничего общаго не имѣетъ. Эти явленія вызываются не круговою порукою, а низкимъ уровнемъ представителей администраціи и, преимущественно, тѣми фактами *совершеннаго несоотвѣтствія платежей съ земельнымъ надѣломъ, съ имуществомъ*, на которые постоянно указывали правительству всѣ честные люди и устраненіе которыхъ само правительство ставило главною задачей еще податной комисіи 1859 г. Мы видѣли, чьими заботами главная задача остается доселѣ невыполненной...

Всякая подать должна быть обезпечена имуществомъ,—это элементарное правило финансовой науки. Если что нибудь охраняетъ еще насъ отъ болѣе тяжкихъ послѣдствій забвенія этого правила, такъ именно тѣ общинные, круговые устои, надъ разрушеніемъ которыхъ стараются поклонники обатраченія. Мы видѣли, что эти устои охраняютъ крестьянъ до разоренія, они же и *только они* могутъ поднять и упавшаго крестьянина, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ глубже чувство круговой поруки сохранилось въ обществѣ, чѣмъ менѣе оно затерто, ослаблено элементами, которые, не замѣчая, что рубятъ сукъ подъ собою, жаждутъ разоренія деревни. Вотъ ихъ собственное сознаніе: „Если, *вслѣдствіе уничтоженія круговой поруки, и образуется классъ рабочихъ безземельныхъ*“, читаемъ мы на стр. 22-й доклада „Валуевской“ комисіи, „то отошедшіе отъ нихъ участки земли никакое общество изъ рукъ не выпуститъ. *Для крупныхъ же землевла-*

Digitized by Google

дѣльцевъ, равно какъ и для крестьянскихъ обществъ *), *весьма желательно*, чтобы земледѣліе было въ рукахъ людей состоятельныхъ" **).

Ясно: не къ разрушенію общинныхъ и круговыхъ порядковъ, а къ ихъ охранѣ и укрѣпленію долженъ стремиться законъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтающій большее и большее значеніе въ опредѣленіи крестьянской жизни. „Насколько могущественно вліяніе закона,—замѣчаетъ г. Щепотьевъ,—насколько великъ страхъ крестьянъ передъ этой, часто невѣдомой и непонимаемой ими, силой—прекрасно иллюстрируется примѣрами откладыванія коренныхъ передѣловъ изъ одного опасенія, не запрещены ли они закономъ?" Лишивъ круговую поруку своей поддержки, законъ прямо отдаетъ бѣднѣйшихъ крестьянъ на съѣденіе богатѣямъ и кулакамъ. Когда „ихъ слуха чуткаго коснется" вѣсть, что круговая порука необязательна, они, конечно, не позволятъ сдать участка общественной земли въ аренду, а потребуютъ его разверстки; они не задумаются и похлопотать о продажѣ земли недоимщика, чтобы купить ее за грошъ ***); доканать, даже выжить изъ деревни бѣдняка, разореніе котораго на міру уже отразиться не можетъ,—вообще, будутъ *не* охранять однообщественниковъ отъ разоренія, а, напротивъ, *содѣйствовать ихъ гибели* путемъ неистощимаго арсенала средствъ, состоящихъ въ ихъ распоряженіи.

Недавно мнѣ удалось услыхать о новой комбинаціи, будто бы возникшей въ административныхъ сферахъ по поводу круговой поруки: „раскладку податей между членами общества предоставить міру, а отъ круговой поруки при взысканіи недоимокъ его освободить, обращая взысканіе непосредственно и единственно на лицъ, не выплатившихъ доли, опредѣленной съ нихъ по мірской раскладкѣ"... Кажется, нечего и доказывать всей несостоятельности такого рѣшенія: войди оно въ силу, богатымъ, чтобы не платить ничего, останется только при раскладкѣ обрушить всю податную тягость на бѣдняковъ, съ которыхъ взять нечего!.. Во всякомъ случаѣ, такое рѣшеніе открыло бы большой соблазнъ для неравномѣрныхъ раскладокъ и безнаказаннаго произвола міроѣдовъ; созданіе же пролетаріата пошло бы впередъ быстрыми шагами.

---

*) „Равно какъ и для крестьянскихъ обществъ"—вставка, очевидно, произвольная, сдѣланная безъ опроса обществъ. Позднѣйшія изслѣдованія утверждаютъ совершенно противное.

**) Не лишенъ интереса составленный въ этомъ же смыслѣ, поражающій безстрастичностью доводовъ, докладъ г. Шатилова, недавно появившійся въ „Трудахъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства".

***) Законъ допускаетъ *отобраніе* надѣла за недоимки, но пока, при круговой порукѣ, мѣра эта не въ нравахъ крестьянъ. Они привыкли относиться къ правамъ своихъ сочленовъ на землю до того строго, что, даже при отсутствіи однообщественника, когда онъ отбился отъ земли, преимущественное право на извѣстный надѣлъ по возвращеніи и уплатѣ недоимокъ, хотя бы изъ доходовъ того же надѣла, остается за нимъ.

Digitized by Google

Короче: *въ какой бы формѣ ни совершилась отмѣна круговой поруки, она была бы только торжествомъ поклонниковъ обатрачения Россіи*,—„радикаловъ капитализма“. Еще въ 1881 г., указавъ, какъ горсть этихъ радикаловъ упорно, съ энергіей, достойной болѣе чистыхъ цѣлей, слѣдитъ за проявленіями отечественной жизни, высматривая, гдѣ и какъ найти средства къ закрѣпощенію народа, не упуская изъ виду ни малѣйшаго повода разрушать его благосостояніе—вести его къ пролетаріату, къ положенію раба на обширныхъ поляхъ ничтожнаго и властнаго меньшинства,—„Порядокъ“ ставилъ рядъ вопросовъ:

„Куда вы идете? Предположите на минуту, что вы достигли своей преступной цѣли, и подумайте: неужели небывалый въ исторіи, 60-тимилліонный пролетаріатъ, *составляющій 86 проц. всего населенія страны*, пролетаріатъ, никогда не покидавшій смутной мечты о „черномъ передѣлѣ“ и вами оторванный отъ послѣдняго клочка земли, покорно пойдетъ работать на вашихъ поляхъ? Какъ управиться съ этимъ пролетаріатомъ? До сихъ поръ вся крестьянская масса, игнорируя администрацію, даже тщательно оберегаясь отъ нея, самобытно вела строй своей жизни внутренними силами общинъ. Какая армія чиновниковъ въ состояніи замѣнить эти силы порядка въ безпредѣльныхъ русскихъ пустыряхъ для народа бездомнаго, озлобленнаго, потерявшаго бытовые устои и скрѣпы? Если даже, загнанные нищетою и голодомъ, пролетаріи и придутъ работать къ вамъ,—какое хозяйство возможно съ такими рабочими? Возможно ли съ ними не только интенсивное, прогрессирующее, а и какое нибудь хозяйство? Не опустѣетъ ли Россіи, не одичаетъ ли она, какъ опустѣла, одичала роскошная Италія, наводненная рабами въ послѣдніе дни римской республики? Что станется съ промышленностью? Два-три неурожайные года сокращаютъ производство на половину... а что будетъ съ нимъ, когда бездомные пролетаріи составятъ 86% населенія? Заграничныхъ рынковъ для нашихъ фабрикъ нѣтъ и быть не можетъ, а кто же будетъ потреблять домашнія производства? Обобранный народъ? Или вы поддержите ихъ безумною роскошью? Роскошь меньшинства—позорное клеймо разоренной страны. Это аксіома. Что окажется въ государственной казнѣ при этой мерзости запустѣнія? Кто, что сможетъ внести въ нее? Что возможно будетъ предпринять ей? Каково будетъ внутреннее, внѣшнее значеніе нищей Россіи? Въ какую постыдно-безсильную, дряблую рухлядь должна разложиться нація, обращенная въ нищую массу и развратное меньшинство?“...

Какая вереница ужасающихъ картинъ встаетъ въ отвѣтъ на эти запросы!.. А горсть бездушныхъ эгоистовъ, между тѣмъ, продолжаетъ свою разрушительную работу... Опомнитесь, господа, пора:

Denn solchen grossen Leiden
Gebührt ein grosses Grab!

А. Слѣпцовъ.

Digitized by Google

ДВОРЯНИНЪ-РАБОЧІЙ.

(Ishmael).

Романъ мистрисъ **Бреддонъ.**

VII.

Было около восьми часовъ. Лампы и китайскіе фонари на праздникѣ легитимистскаго квартала отбрасывали свой свѣтъ на крыши и старые дома, какъ зарево пожара, тогда какъ каждое дуновеніе вѣтерка разносило, смягченные отдаленіемъ, звуки военной музыки. Мостовая противъ дома Клавароша была покрыта праздной толпой, которая смотрѣла на кареты, въѣзжавшія въ ворота, и дѣлала громко свои замѣчанія насчетъ костюмовъ и масокъ, стараясь угадать скрывающіяся подъ ними личности. Баронесса Клаварошъ, въ великолѣпномъ желтомъ атласномъ платьѣ съ венеціанскими кружевами, стояла у входа въ залу розъ, въ комнатѣ, обставленной пальмами, тропическими папоротниками, роскошно цвѣтущими кактусами, капскимъ жасминомъ и померанцевыми деревьями. Она принимала гостей, проходившихъ потомъ въ залу.

Здѣсь не было докладовъ—мистификація была главнымъ интересомъ праздника. Гости отдавали свои пригласительныя карточки мажордому, бросавшему ихъ въ гигантскій восточный кувшинъ, стоявшій у входа, на тумбѣ рѣзнаго чернаго дерева. Только баронесса была безъ маски, но позднѣе вечеромъ, когда обязанность принятія гостей была окончена, и она вмѣшалась въ толпу веселящихся, въ такомъ замысловатомъ костюмѣ, что самые проницательные парижане не угадали подъ нимъ фламандской таліи и бѣлокурой головы супруги барона Клаварошъ, который самъ, какъ рыба, вытащенная изъ воды, тихо бродилъ среди замаскированныхъ. Онъ, по желанію жены, накинулъ коротенькій венеціанскій плащъ съ золотой вышивкой

Digitized by Google

на свой скромный бальный костюмъ и надѣлъ орденъ, полученный имъ изъ рукъ императора. Онъ переходилъ отъ одной маски къ другой и при этомъ имѣлъ удовольствіе слышать мнѣнія о себѣ, о своей женѣ и своемъ богатствѣ, высказываемыя съ дружескимъ безпристрастіемъ.

На балахъ всякій находитъ что нибудь покритиковать или осудить. Въ каждомъ балѣ, какъ бы ни былъ онъ блестящъ, можно найти недостатки.

— Видѣли вы что нибудь хуже здѣшняго въѣзда для каретъ? слышались замѣчанія.—Мы прождали, по крайней мѣрѣ, съ часъ. — Эти лавины розъ стоютъ цѣлаго состоянія! — Такъ бросать деньги можно, только когда они нажиты разореніемъ ближняго, надъ чѣмъ усердно трудился старый Борлей. Онъ былъ двигателемъ мексиканскаго займа.—Второй Морни, знатный воръ подъ новымъ именемъ.—Она вышла за него изъза титула.—Ужинъ будетъ въ палаткѣ на концѣ сада, пять минутъ ходьбы.—Пріятно, если ночь будетъ сырая!—Похоже на грозу.—Электрическое освѣщеніе навѣрно не удастся.—Они близки были къ фіаско въ Тюльери. Хорошій урокъ для Клаварошъ!—Вся ея карьера испорчена.

Таковы были отрывки разговоровъ, касавшіеся хозяевъ дома.

Баронъ слонялся отъ колонны къ колоннѣ, посматривалъ на фестоны изъ майскихъ розъ, на блескъ хрустальныхъ канделябровъ и на яркій свѣтъ безчисленныхъ свѣчей, думая, что сказала бы его мать, еслибы видѣла всю эту перемѣну въ старинныхъ барскихъ покояхъ—эту безумную расточительность убранства, которое завтра же выметутъ, какъ соръ. Старуха считала каждую копѣйку и умѣла удѣлять отъ скромнаго дохода извѣстную часть для бѣдныхъ; она довольствовалась старыми комнатами и старыми друзьями. Онъ вспоминалъ о прошлыхъ тихихъ пріемахъ теперь, когда маски, кружась въ вальсѣ, пролетали мимо него, и крѣпкій дубовый полъ трещалъ подъ этимъ плясомъ. Онъ съ сожалѣніемъ думалъ о небольшомъ кружкѣ мужчинъ и дамъ, собиравшемся передъ старымъ каминомъ, скрытымъ теперь подъ провансальскими розами, о тихихъ, мѣрныхъ рѣчахъ, о политическихъ разсужденіяхъ, въ которыхъ постоянно предсказывалась гибель второй имперіи, снаружи блестящей, но внутри подгнившей, которая должна была пасть,

Digitized by Google

какъ картонный домикъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, старики протестовали въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. А теперь они всѣ разсѣялись, эти тѣни прошлаго, и приверженцы имперіи наполняли комнаты своимъ говоромъ, шумнымъ весельемъ. Между тѣмъ мимо барона Клаварошъ проносились фантастическіе костюмы — пастушки Ватто, мексиканскіе почтальоны, турецкіе генералы, испанскіе тореадоры, швейцарскіе пастухи, цыгане дикихъ степей, полишинели, блуждающіе огоньки, дебардеры, почтальоны Лонжюмо, аббаты, матросы, скелеты, черти—все это двигалось, кружилось, какъ въ калейдоскопѣ. Баронъ въ отчаяніи выбрался изъ танцовальной залы и проскользнулъ въ дверь съ кружевной драпировкой подъ фестонами изъ розъ. Онъ удивлялся, куда дѣлась старинная дубовая дверь? ужь не сожгли ли ее, какъ вещь, вышедшую изъ моды? какъ же онъ потомъ будетъ жить въ домѣ безъ дверей? Послѣ этого уже никакая перемѣна его не удивляла. Вкусъ и деньги его жены измѣнили старое жилище такъ, что не осталось мѣстечка, къ которому привыкъ баронъ, и все окружающее оскорбляло его, коробило.

Звуки скрипокъ, віолончелей и гобоевъ раздавались изъ вызолоченныхъ клѣтокъ, и блестящіе танцоры неслись въ дикомъ круговращеніи. Многіе изъ гостей разбрелись по саду, гдѣ луна озаряла лужайки, цвѣтники, фонтаны и большую красную палатку, которая должна была отвориться въ часъ ужина.

— Вы не знаете, здѣсь ли леди Констанція? спросила коломбина у мексиканскаго почтальона, проходя съ нимъ подъ руку по мягкой лужайкѣ.

— Я еще не видалъ ея.

— Вы воображаете, что могли бы узнать ее замаскированной?

— А вы думаете, что я не узналъ бы Юноны, встрѣтивъ ее на бульварѣ? У леди Констанціи такая фигура и походка, что ее всякій мужчина, понимающій толкъ въ женской красотѣ, сейчасъ же узнаетъ.

— Вы, кажется, ея горячій поклонникъ? съ легкимъ вздохомъ промолвила коломбина.

На ней былъ прелестный костюмъ—бѣлое платье съ легкой свѣтлосѣрой атласной отдѣлкой, бархатный такого же

Digitized by Google

цвѣта корсажъ, обтягивавшій полную фигурку, свѣжую, какъ персикъ; напудренный парикъ, бѣлые башмаки и перчатки.

Почтальонъ смотрѣлъ на нее съ лукавой улыбкой подъ своими усиками. Черная бархатная маска не скрывала нижней части его лица.

— Я считаю ее прелестнѣйшей женщиной Парижа, сказалъ онъ:—но на половину менѣе очаровательной, чѣмъ одна извѣстная мнѣ маленькая особа, которая хоть и не совершенство красоты, но олицетворенный шикъ.

— Леди Констанція дѣйствительно очень хороша, согласилась, успокоенная этимъ комплиментомъ, коломбина, то есть Амалія Жарзе.—Я люблю ее, только странно, что она не выходитъ замужъ.

— Затрудненіе выбора, отвѣчалъ мексиканскій почтальонъ или Арманъ Кератри.—Она можетъ выйти, за кого хочетъ, и отъ этого ее никто не интересуетъ.

Арманъ и Амалія еще сильнѣе подружились со времени ихъ приключенія въ Латинскомъ кварталѣ. Удивительно, какъ подобныя похожденія скрѣпляютъ дружбу между молодыми людьми. Ихъ соединялъ теперь взаимный секретъ. Они не могли слушать стихи виконта, не переглядываясь и не прячась вмѣстѣ гдѣ нибудь въ уголкѣ, чтобы нахохотаться вдоволь. Одинъ видъ маленькаго поэта, въ его безукоризненныхъ перчаткахъ, лакированныхъ сапогахъ и съ напыщенностью въ пошломъ худенькомъ лицѣ, заставлялъ ихъ помирать со смѣху. А черезъ двѣ недѣли послѣ ихъ визита къ литературному красильщику, Кератри нашелъ, что съ него довольно холостой жизни въ Парижѣ, что такая жизнь слишкомъ пуста и дорога. Онъ, для соблюденія экономіи, счелъ необходимымъ жениться, и разсудилъ, что Амалія Жарзе, хотя и довольно легкомысленная, но руководимая серьезнымъ умомъ, можетъ сдѣлаться прекраснѣйшей молодой женщиной и во всемъ Парижѣ единственной, подходящей для него, партіей.

Предложеніе его было съ удовольствіемъ принято супругами Жарзе, знавшими его много лѣтъ. Онъ не былъ богатъ, но имѣлъ порядочное состояніе и могъ прилично жить даже въ Парижѣ; кромѣ того, у него были надежды на бездѣтныхъ родственниковъ; а Жарзе, съ своей стороны, потеряли всякую надежду на болѣе блестящую партію для ихъ мень-

Digitized by Google

шой дочери, потому что, въ продолженіе трехлѣтней ловли жениховъ, Кератри первый обратилъ на молодую дѣвушку серьезное вниманіе. Маменька Жарзе расплылась въ слезахъ и прижала молодаго человѣка къ своему лифу изъ муаръ-антикъ, прежде чѣмъ онъ заподозрилъ это невольное движеніе.

— Дитя всегда васъ обожало, прошептала она.

— Вы думаете? спросилъ нетвердымъ голосомъ Кератри. Ему пріятно было воображать, что Амалія боготворила его улыбку, жила однимъ его ласковымъ словомъ.—А я полагалъ, что ей нравился вашъ богатый другъ, г. Измаилъ.

— Какъ могли вы это думать, милый Арманъ! вскричала будущая теща, которая уже размышляла о свадебной корзинкѣ и о пригласительныхъ карточкахъ.—Человѣкъ почти сорока лѣтъ, который могъ бы быть ея отцомъ?!..

Арманъ взглянулъ на г-на Жарзе, сморщеннаго, сѣдаго, клонившагося къ званію соломеннаго мужа, и невольно повѣрилъ ей. Жарзе оказался несовсѣмъ безполезнымъ тестемъ. Во время переговоровъ о приданомъ, онъ рѣшилъ, что обратится къ частному кошельку императора, извѣстнаго баснословной щедростью къ своимъ приверженцамъ, и старикъ для этого готовъ былъ, на что угодно.

Такимъ образомъ Амалія, подъ руку со своимъ женихомъ, могла гордиться имъ, какъ своею собственностью. Ей незачѣмъ было больше искать случая завлечь въ свои сѣти другую жертву. Эта жертва сама неожиданно въ нихъ запуталась.

Легкомысленная дѣвушка была счастлива. Мѣсяцъ назадъ, она приходила въ отчаяніе отъ равнодушія Измаила, говорила себѣ, что, потерявъ эту великолѣпную партію, она теряла также и единственнаго человѣка, котораго могла глубоко любить. А теперь, напротивъ, она увѣряла себя, что еще съ ребяческихъ лѣтъ мечтала о Кератри, какъ о своемъ будущемъ мужѣ, и что пристрастіе ея къ Измаилу было ничто иное, какъ капризъ, дѣвическая фантазія. Увѣренная сегодня, что костюмъ ея имѣлъ успѣхъ, она была на верху блаженства. Выходя за Армана. она знала, что не будетъ богата, но зато назовется Амалія де-Кератри. Это *де* многое замѣняло. Она всегда ненавидѣла плебейскую фамилію Жарзе.

Не такъ счастлива была бѣдная Гортензія среди розъ и

Digitized by Google

яркаго освѣщенія бала. Одѣтая въ длинную бѣлую одежду, въ классическихъ сандаліяхъ, съ дубовой вѣткой въ рукѣ, она изображала греческую сивиллу. Къ ея фигурѣ шелъ подобный костюмъ, несовсѣмъ удобный для костюмированнаго бала, на которомъ болѣе выигрывали коротенькія юбочки и изящно обутыя ножки пьеретъ, красныхъ шапочекъ, коломбинъ и дебардерокъ.

Многіе изъ молодыхъ людей, не танцовавшихъ уже давно, подъ предлогомъ, что не находятъ себѣ по вкусу дамъ на балахъ, пустились въ танцы у баронессы Клаварошъ. Напрасно глаза Гортензіи искали своего поэта. Маленькая тщедушная фигура затерялась въ толпѣ. Виконтъ, безъ сомнѣнія, съ намѣреніемъ не сказалъ, будетъ ли онъ на этомъ балу. Онъ называлъ все это пустяками—выставкой роскоши и тщеславія людей, желающихъ заставить говорить о себѣ въ Парижѣ.

— Вѣроятно, она думаетъ, что я воспою ея балъ, говорилъ онъ,—и опишу его потомству, какъ удачнѣйшій балъ нашего времени.

— Это была бы прелестная поэма, сказала Гортензія. —Массы костюмовъ всѣхъ націй, музыка, цвѣты, лѣтняя ночь, таинственныя маски. Поѣзжайте на этотъ балъ хоть для того только, чтобы описать его.

Виконтъ размышлялъ съ минуту; потомъ, покачавъ головой, сказалъ:

— Не стоитъ труда—моя муза не вдохновляется мишурою.

— Но мишура царитъ въ наше время, возразила Гортензія, желая возбудить поэтическое настроеніе въ виконтѣ.—Положимъ, этотъ сюжетъ недостоинъ вашего пера; но если наполнить такую поэму извѣстными личностями, которыя будутъ на балу, то о васъ заговорятъ во всемъ Парижѣ.

— Можетъ быть, произнесъ въ раздумьѣ Поншартріанъ, крутя кончики усовъ.—Толпа всегда говоритъ о пустякахъ. Какъ вы хорошо знаете свѣтъ!

— Я обязана была выносить его въ послѣднія пять лѣтъ моей жизни, устало отвѣтила она.

Послѣ полуночи, купэ леди Констанціи подъѣхало къ подъѣзду. Молодая вдова явилась очень поздно, не заботясь о балѣ и избѣгая столкновенія съ толпою. Она была велико-

Digitized by Google

лѣпна въ венеціанскомъ костюмѣ изъ темнокраснаго бархата, вышитаго золотыми цвѣтами и опушеннаго чернымъ мѣхомъ—это былъ костюмъ, который изобразилъ бы Тиціанъ. Лифъ достаточно открывалъ прелестную шею и былъ пристегнутъ у ворота большимъ четыреугольнымъ изумрудомъ баснословной цѣны, окруженнымъ чернымъ жемчугомъ. Кератри былъ правъ, говоря, что маска изъ чернаго бархата не скроетъ такой женщины, какъ леди Констанція

Въ Парижѣ было только три женщины, имѣвшія такую царственную осанку. Никакая маска не могла сдѣлать неузнаваемой Констанціи. Другія маски окружили ее, какъ только она вошла въ танцовальную залу. Всѣ ее узнали. Кто-то сказалъ, что это—или Кипрская королева Тиціана или леди Констанція Данетри. Ее стали просить танцовать.

— Венеціанскія матроны не танцуютъ, отвѣтила она.

— Это не причина, чтобы леди Констанція Данетри не удостоила сдѣлать честь одному изъ преданнѣйшихъ ея рабовъ, настаивалъ аббатъ съ напудренными волосами и съ бриллiантовыми пряжками на башмакахъ.

— Я не леди Данетри, а венеціанка шестнадцатаго столѣтія, и не училась танцамъ второй имперіи.

Она тихо прошла передъ аббатомъ, граціозно кивнувъ ему головой, украшенной только ниткою жемчуга, перевивавшею массивныя косы, и смѣшалась съ бальной толпой.

Вдругъ новый интересъ занялъ всѣхъ. Подавленный смѣхъ, замѣчанія, говорившіяся вполголоса, слышались со всѣхъ сторонъ залы, гдѣ уже начинали увядать миріады розъ и догоравшія свѣчи распространяли тропическую атмосферу.

Появилась новая фигура, и она-то привела всѣхъ въ насмѣшливое настроеніе. Это была женщина въ костюмѣ, нѣсколько напоминающемъ костюмъ Маріи Медичи Рубенса въ Луврѣ, но еще болѣе—эксцентричную одежду Прекрасной Елены—дама лѣтъ тридцати, полная, бѣлокурая, одѣтая, какъ никто не одѣвается на аристократическій балъ. Костюмъ артистки на подмосткахъ можетъ быть эксцентриченъ; онъ принадлежитъ къ міру искусствъ, актриса сама—фигура изъ картины и на сценѣ теряетъ свою индивидуальность. Но женщина въ такомъ костюмѣ въ бальной залѣ, плечо о плечо съ гостями высшаго круга, остается только женщиной, и ко-

Digitized by Google

стюмъ ея, нарушающій женскую скромность, не имѣетъ извиненія.

— Посмотрите, вскричалъ тореадоръ, когда эта дама, подъ руку съ посланникомъ, проходила мимо него.—Это не слишкомъ „Прекрасная Елена"!

— Какая масса тѣла! прошепталъ пьеро.

— Это будетъ почище Шнейдеръ, замѣтилъ румынскій цыганъ.

Бѣлокурая дама проходила съ торжествомъ, слыша невнятный говоръ и принимая его за похвалу. Бальный оркестръ грянулъ маршъ изъ „Герцогини Герольштейнской", другой—спрятанный въ саду—повторилъ мелодическіе звуки марша. Это былъ сигналъ къ ужину и къ снятію масокъ.

Елена Прекрасная со своимъ кавалеромъ открыли шествіе, и плотная процессія великолѣпныхъ костюмовъ, развѣвающихся перьевъ, сверкавшихъ драгоцѣнностей послѣдовала за ними. Леди Данетри, окруженная толпой поклонниковъ, умолявшихъ принять ихъ руку, была въ нерѣшимости, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе—аббатъ, пьеро, краснокожій, мандаринъ, тореадоръ—всѣ тѣснились къ ней, надѣясь каждый быть избраннымъ, когда вдругъ въ ихъ кружокъ проникъ человѣкъ выше ихъ всѣхъ на полголовы, во фригійской красной шапочкѣ на коротко остриженныхъ черныхъ волосахъ, въ республиканской карманьолѣ 1793-го года. Этотъ костюмъ произвелъ мрачный эффектъ среди бархата, атласа, перьевъ и цвѣтовъ блестящей толпы.

— Не сдѣлаетъ ли мнѣ честь леди Данетри? проговорилъ онъ, предлагая ей руку.

Констанція тотчасъ же приняла ее и вышла въ озаренный луною садъ подъ руку съ республиканцемъ, оставивъ своихъ озадаченныхъ поклонниковъ.

— Что за странная фигура! сказалъ одинъ.

— Призракъ революціи и рѣзни, говорилъ другой.

— Полиція должна бы запретить подобные костюмы. Это опасное напоминаніе прошлаго при нынѣшнемъ настроеніи умовъ.

— Я не удивлюсь, если этотъ господинъ самъ изъ Іерусалимской улицы. Полиція имперіи напоминаетъ намъ 1793-ій годъ не для того, чтобы мы помнили объ ужасахъ этого

Digitized by Google

страшнаго времени, но чтобы радовались, что избѣгли повторенія террора.

Красная шапка на черныхъ волосахъ, красивый подбородокъ подъ бархатною маской, мужественная стройная фигура и густой мягкій голосъ заставили Констанцію мгновенно узнать эту маску. Сердце ея учащенно билось, когда она, рядомъ съ незнакомцемъ, тихо шла, замедляя шаги, насколько можно, по короткой дорогѣ къ палаткѣ съ широко распахнутымъ входомъ. На полукруглыхъ столахъ блистали серебряная и разноцвѣтная хрустальная посуда, цвѣты, китайскій фарфоръ. Ужинъ при электрическомъ освѣщеніи имѣлъ положительно волшебный видъ. Гости въ костюмахъ всѣхъ цвѣтовъ радуги, блистая драгоцѣнностями, тѣснились вокругъ столовъ.

— Я думаю, что намъ не найти мѣста, сказала леди.

— Вы полагаете? съ живостью спросилъ террористъ.— Не лучше ли намъ здѣсь устроиться, при лунномъ свѣтѣ? Я принесу вамъ ужинъ, но не простудитесь ли вы?

— Простудиться въ такой пріятной атмосферѣ! и еще не испытавъ тропической духоты бальной залы! Если вамъ все равно, я лучше осталась бы здѣсь.

Подъ группами деревьевъ были маленькіе японскіе столики, разставленные на травѣ, и одинъ изъ нихъ былъ выбранъ террористомъ. Укромное мѣстечко было окружено цвѣтущими магноліями.

Леди Констанція расположилась на садовомъ диванѣ, а кавалеръ ея пошелъ за ужиномъ. Идти было недалеко. Лакеи принесли кушанья и замороженное шампанское въ хрустальномъ кувшинѣ. Доносившіеся изъ палатки шумъ голосовъ и музыка затихли на нѣсколько минутъ. Прекрасная Елена, въ лицѣ баронессы Клаварошъ, предсѣдательствовала за центральнымъ кружкомъ, угощая своихъ гостей, между которыми было много знаменитыхъ сановниковъ. Но плохое здоровье императора не позволило ему принять участіе въ этомъ праздникѣ; не было также и императрицы:—она не благоволила къ баронессѣ Клаварошъ. Впрочемъ, за исключеніемъ царственной четы, всѣ важныя особы имперіи были налицо.

— Блестящая картина! сказала Констанція, посмотрѣвъ на

Digitized by Google

палатку. Она еще не снимала маски, также какъ и ея кавалеръ.

— А завтра отъ всего этого останется только воспоминаніе, отвѣчалъ онъ серьезнымъ тономъ.—Счастливы тѣ, для кого оно будетъ пріятно!

— Пріятно ли оно будетъ для васъ? спросила леди.

— Вы узнали меня? спросилъ Измаилъ.

— Развѣ вы полагаете, что кусочекъ бархата на лицѣ можетъ скрыть васъ? Только очень обыкновенныя физіономіи могутъ легко сдѣлать себя неузнаваемыми.

— Вы узнали меня съ перваго взгляда? повторилъ онъ, снимая маску и смотря съ пылкой страстью на молодую женщину.

Они сидѣли другъ противъ друга за маленькимъ столомъ, на половину въ тѣни отъ луннаго свѣта. Еслибы гости баронессы Клаварошъ были также равнодушны къ угощенію, какъ эти двое, то гастрономическій ужинъ пропалъ бы даромъ. Констанція съѣла полперсика, а Измаилъ выпилъ стаканъ шампанскаго. Внимательный лакей, видя ихъ слишкомъ занятыми другъ другомъ, понесъ нетронутыя вкусныя блюда къ маленькому столу на другой сторонѣ сада, гдѣ коломбина и мексиканскій почтальонъ громко приказывали подавать ужинъ.

— Да, я васъ тотчасъ же узнала, спокойно сказала леди.

— И вы отдали мнѣ предпочтеніе передъ самой высшей знатью, которая окружала васъ?

— Я вижу этихъ людей каждый день, а васъ—рѣдко. Что не часто повторяется, всегда болѣе привлекаетъ.

Это говорилось спокойно, непринужденно, самой красивой женщиной на этомъ вечерѣ, на которомъ было очень много хорошенькихъ. Но сердце ея замирало. Она чувствовала, что этотъ человѣкъ, такъ долго видимо удалявшійся отъ нея, не безъ причины вдругъ появился передъ нею. Причина эта была ясна, можетъ быть; но, сохраняя женское достоинство подъ мраморнымъ спокойствіемъ, леди не дѣлала вопросовъ и не выказывала особеннаго вниманія, исключая нѣкотораго любопытства.

— Вы очень добры, что не забыли меня совсѣмъ съ тѣхъ

Digitized by Google

поръ, какъ мы видѣлись. А для меня время длилось нестерпимо долго! Я думалъ, что это начало безнадежной вѣчности, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? весело возразила Констанція:—но такъ какъ ваше удаленіе отъ общества было добровольно, то я не вижу, на что вы можете жаловаться? Мнѣ сказали, что вы отказались и отъ сегодняшняго бала.

— Это правда.

— А, между тѣмъ, вы здѣсь?

— Да, но за часъ или за два до моего пріѣзда, я и не думалъ быть здѣсь. Можете ли вы представить себѣ положеніе человѣка, вся жизнь котораго измѣняется въ нѣсколько часовъ? Этотъ человѣкъ былъ рабомъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ, и вдругъ онъ дѣлается свободенъ—цѣпи разорвались, и онъ самъ себѣ господинъ. Такая перемѣна случилась и со мною. Я теперь свободенъ, могу идти, куда хочу, могу любить и искать руки благороднѣйшей и совершеннѣйшей изъ женщинъ, если она меня не отвергнетъ.

Онъ оперся на столъ, впиваясь въ нее взглядомъ. Никогда смуглое лицо его не казалось такъ красивымъ, какъ подъ этой красной шапкой. Глаза его пылали страстью, губы дрожали отъ сильнаго волненія. Рѣсницы леди Констанціи опустились подъ его взглядомъ. Ей хотѣлось поскорѣе выйти изъ затруднительнаго положенія.

— Вы, стало быть, перемѣнили намѣреніе съ послѣднихъ дней іюня, когда говорили дѣвицѣ Жарзе, что никогда не женитесь, промолвила она.

— Да, въ то время я считалъ себя связаннымъ старыми узами,—а теперь знаю, что онѣ давно порваны, и я былъ свободенъ уже цѣлые годы, но не зналъ объ этомъ.

— Вы говорите загадками.

— Позволите ли вы мнѣ выразиться яснѣе? спросилъ онъ, придвигаясь къ ней и понизивъ голосъ настолько, чтобы она одна могла его слышать.—Я объясню все въ простыхъ, правдивыхъ словахъ, какъ прилично честному человѣку. Я полюбилъ васъ, Констанція, съ той блаженной минуты, когда встрѣтился съ вами въ парижской гостинной. Съ той минуты я вашъ вѣрный рабъ. Я нашелъ мой идеалъ, олицетвореніе моей мечты, женщину, которую я долженъ былъ не только любить, но уважать

Digitized by Google

и боготворить. Я нашелъ ее, и сердце мое неодолимо стремилось къ ней. Я былъ связанъ или считалъ себя несвободнымъ; а все же я искалъ встрѣчи съ вами, искалъ случая хоть взглянуть на васъ. Но я удержался на краю пропасти—лжи и обмана. Надо мною тяготѣли права той личности, о которой я такъ долго ничего не слыхалъ. Я не могъ забыть прошлаго. Но соблазнъ былъ слишкомъ силенъ, и пришелъ день, когда я почувствовалъ, что не могу идти далѣе, что долженъ бѣжать отъ этого рая, если не желаю совсѣмъ погибнуть, сдѣлавшись рабомъ обстоятельствъ. Я сказалъ при васъ, что никогда не женюсь, и тотчасъ же оставилъ вашъ домъ, давъ себѣ слово не видать васъ больше. Съ тѣхъ поръ я велъ отшельническую жизнь. Но теперь я свободенъ, леди Констанція.—Онъ взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ. Потомъ придвинувшись къ ней такъ близко, что тѣнь отъ магнолій уже не раздѣляла ихъ, продолжалъ:—Констанція, скажите мнѣ хоть одно слово надежды!

— Узы, о которыхъ вы говорили, дѣйствительно ли болѣе не существуютъ? серьезно спросила она.—Имѣете ли вы право на мою любовь?

— Прежнія узы разорваны смертью.

— А въ вашемъ прошломъ нѣтъ никакого пятна, которое не дозволило бы принять ваше имя такой женщинѣ, какъ я?

— На моемъ имени нѣтъ никакого пятна. Весь Парижъ знаетъ меня. Въ гражданскомъ и общественномъ отношеніи, я отвѣчаю за себя. Я не сдѣлалъ ничего низкаго.

— И вы дѣйствительно меня любите?

— Какъ не любилъ никогда и никого въ моей жизни.

— Я рада, прошептала она, когда онъ наклонился къ ней, чтобы услышать свой приговоръ:—я рада, что вы любите меня, Измаилъ, потому что сердце мое тоже отдалось вамъ съ первой нашей встрѣчи. Я знала, что это — судьба. Слава Богу, что счастливая судьба, а вы даете мнѣ любовь за любовь.

VIII.

Полчаса позже, когда пиръ оканчивался, въ саду, при свѣтѣ разноцвѣтной иллюминаціи—розовой, голубой, зеленой,

Digitized by Google

палевой—луна удалилась къ западу, а на востокѣ небо просвѣтлѣло, и этотъ свѣтъ произвелъ призрачный эффектъ на нѣкоторыя физіономіи безъ масокъ. Многіе изъ гостей еще оставались въ полукруглой палаткѣ, продолжая разговаривать, пить, смѣяться, кокетничать; другіе прибѣгали изъ бальной залы, чтобы съѣсть что нибудь изъ остатковъ пиршества. Увядшія красавицы надѣли опять маски. Мистификація продолжалась. Вставшіе изъ-за стола сдѣлались еще оживленнѣе послѣ шампанскаго. Танцоры въ бальной залѣ вновь закружились. Свѣтъ отъ свѣчей, блескъ хрусталя отбрасывали розоватый отливъ на танцующихъ, а стѣнныя зеркала, умножая отраженія предметовъ, отражали картину гигантскаго карнавала, пропадавшаго въ безконечности.

Часы пробили три, когда леди Констанція, подъ руку съ Измаиломъ, прошла по бальной залѣ къ выходной двери, собираясь уѣзжать. Болѣе часа сидѣли они въ саду, въ тѣни магнолій. Измаилъ сказалъ ей свое настоящее имя, передалъ нѣкоторыя подробности о своей юности въ Пин-Гоэлѣ, разсказалъ въ короткихъ словахъ о бѣгствѣ своей матери, коснувшись этого предмета для того только, чтобы оправдать отцовскую холодность. Но о собственной женитьбѣ, о проступкѣ Пакереты онъ ничего не говорилъ, такъ какъ, по его мнѣнію, достаточно было упомянуть о порванныхъ узахъ. Леди Констанція сама могла вывести изъ этого свои заключенія, а ему какое-то чувство не позволяло говорить о несчастіяхъ своей супружеской жизни. Разставаясь теперь со своей невѣстой на нѣсколько часовъ, онъ получилъ разрѣшеніе видѣться съ нею ежедневно до того счастливаго дня, который соединитъ ихъ въ жизни. Оба чувствовали, что они будутъ вѣрными друзьями. Между ними была симпатія и искренность, не всегда сопровождающія любовь. Закаленные въ школѣ сердечнаго опыта, они соединялись неразрывнымъ союзомъ вѣрной любви до конца жизни.

Когда они проходили по бальной залѣ, съ ними встрѣтилась Амалія Жарзе, въ граціозно надѣтой на-бокъ треугольной шапочкѣ, и глаза молодой дѣвушки заблистали лукавствомъ.

— Представьте себѣ, обратилась она къ леди Констанціи:—оба поэта здѣсь. Маленькій виконтъ въ костюмѣ Рон-

Digitized by Google

сара—хорошенькій костюмъ, только надо объяснить девяти человѣкамъ изъ десяти, кто такой былъ Ронсаръ. Люди такъ невѣжественны! съ презрѣніемъ прибавила Амалія.

— Да, люди ужасно невѣжественны! засмѣялся Кератри.—Я думаю, вы и сами немного знали о Ронсарѣ, покуда, часъ назадъ, я не разсказалъ вамъ о немъ? Но это правда, леди Констанція, они оба здѣсь: бѣднякъ, который пишетъ на чердакѣ, и маленькій щеголь, выдающій его произведенія за свои. Однимъ словомъ—поэтъ и его „красильщикъ", который такъ усердно вдохновляется Клаварошевскимъ коньякомъ что, боюсь, не надѣлалъ бы онъ какого нибудь скандала, прежде чѣмъ оставитъ балъ.

— Какъ онъ сюда попалъ? спросила леди Констанція, знавшая отъ Амаліи о литературномъ свиданіи въ Латинскомъ кварталѣ.

— Я угадываю—какъ, вскричала Амалія, любившая объяснять новости. Гортензія просила своего виконта написать стихи на этотъ балъ, въ сатирическомъ духѣ—что нибудь такое, о чемъ заговорилъ бы весь Парижъ. А маленькій негодяй, зная свою неспособность, выпросилъ другое приглашеніе у баронессы Клаварошъ и привелъ сюда своего пріятеля изъ Латинскаго квартала, автора „Бѣлыхъ ночей".

— „Бѣлыхъ ночей!" повторилъ Измаилъ.—Вы знакомы съ авторомъ этой книги?

— А! мосьё Измаилъ, воскликнула Амалія.—Это вы! Какъ вы рѣшились надѣть республиканскій костюмъ въ домѣ имперіалиста до мозга костей? А знакома ли *я* съ авторомъ „Бѣлыхъ ночей"? Очень мало. Но онъ и г. де-Кератри короткіе друзья.

— Вы знаете Гектора Вальнуа? повторилъ Измаилъ:—и онъ здѣсь сегодня?

— Авторъ поэмы „Мои бѣлыя ночи" здѣсь. Онъ въ костюмѣ поэта Вильона, но я опасаюсь, что теперь онъ не въ состояніи говорить логично даже прозой, отвѣчалъ Кератри.—Впрочемъ, такъ какъ отецъ нашихъ лирическихъ поэтовъ былъ цыганъ и кутила, то это уравниваетъ обоихъ поэтовъ. Еслибы самъ Вильонъ во плоти былъ здѣсь, онъ, вѣроятно, также бы напился, какъ его представитель, который называетъ себя N'importe и живетъ на маленькой улицѣ за Люк-

Digitized by Google

сембургомъ. А вамъ извѣстны его настоящее имя и приключенія?

— Я ничего о немъ не знаю уже много лѣтъ, сказалъ Измаилъ, выходя изъ залы съ леди Констанціей.

Дворъ былъ наполненъ каретами, длинный рядъ которыхъ съ зажженными фонарями тянулся во всю улицу, озаренный наступившимъ разсвѣтомъ. Констанція и ея кавалеръ ждали довольно долго своихъ экипажей. Они стояли рядомъ подъ маркизой, среди розъ и померанцевыхъ деревьевъ, и разговаривали, счастливые своею любовью. Но блаженство Измаила рушилось воспоминаніемъ о своемъ другѣ, соблазнившемъ Пакерету; онъ съ лихорадочной поспѣшностью ожидалъ минуты, когда станетъ передъ нимъ лицомъ къ лицу, послѣ долгихъ лѣтъ и поисковъ. Чѣмъ все это кончится, когда они будутъ стоять со шпагой другъ противъ друга?

Посадивъ Констанцію въ экипажъ, онъ поцѣловалъ обтянутую перчаткой руку, и грустная мысль пронеслась у него въ головѣ. Прежде чѣмъ пройдетъ одинъ день, его счастіе и жизнь могутъ прекратиться.

Онъ провожалъ взоромъ экипажъ, увозившій его невѣсту, покуда тотъ не скрылся за воротами, потомъ опять вернулся въ бальную залу искать своего врага, которому когда-то дружески пожалъ руку, прощаясь съ нимъ въ послѣдній разъ. Какъ долго и старательно искалъ онъ его потомъ, прибѣгая къ самымъ ловкимъ агентамъ,—но все было напрасно. А теперь, въ эту ночь, въ счастливѣйшій часъ его жизни, ему сказали, что измѣнникъ былъ подъ одною съ нимъ кровлей! Онъ вспомнилъ о томъ времени, когда Пакерета еще не знала обмана и была простодушна, какъ дитя; вспомнилъ объ ихъ ребенкѣ, покоющемся на кладбищѣ, о подробностяхъ смерти Пакереты на гниломъ кораблѣ, въ Тихомъ океанѣ. И неужели онъ пощадитъ этого человѣка при встрѣчѣ?

Многіе изъ гостей, въ томъ числѣ и порядочно подпившіе, расположились въ саду; нѣкоторые присаживались къ ужину по нѣсколько разъ въ этотъ вечеръ, другіе предпочитали курить и пить абсентъ, слушая музыку лучшаго парижскаго оркестра. Измаилъ искалъ своего врага между этими лицами. Садъ былъ наполненъ масками и походилъ на шабашъ колдуновъ. Бѣлѣющій разсвѣтъ придавалъ всему при-

Digitized by Google

зрачный видъ. Обойдя садъ, Измаилъ вошелъ въ палатку, откуда слышался громкій шумъ голосовъ, потомъ опять сталъ тихо проходить между группами, озаренными свѣтомъ китайскихъ фонарей или блѣднымъ отсвѣтомъ зари. Идя по тропинкѣ, окруженной массой зелени, онъ приблизился къ одному кружку близъ фонтана въ обширномъ мраморномъ бассейнѣ. На широкомъ краю его сидѣлъ мужчина и декламировалъ стихи. Онъ былъ одѣтъ въ плохой средневѣковый костюмъ изъ грубаго бархата, въ черныхъ штанахъ и въ остроконечныхъ башмакахъ, съ обрывкомъ веревки на шеѣ, въ память висѣлицы, на которую Вильонъ чуть не попалъ. Человѣкъ этотъ былъ худъ, съ блѣднымъ, изнуреннымъ лицомъ и полусѣдыми развѣвающимися волосами. Болѣзненная, мертвенная блѣдность и воспламененные виномъ глаза дѣлали его похожимъ на привидѣніе.

— Браво, сеньоръ Францискъ! кричали слушатели, когда онъ умолкъ, чтобы перевести духъ.

Измаилъ стоялъ позади кружка и смотрѣлъ на истомленное лицо, на дрожащія руки, которыми поэтъ бралъ бутылку отъ одного изъ слушателей и наливалъ полный стаканъ шампанскаго.

— Знаете ли вы, господа, что вдова Клико и я почти совсѣмъ раззнакомились въ эти послѣдніе годы? сказалъ онъ пьянымъ голосомъ.—За здоровье прекрасной вдовы! Ты—единственная подруга поэта!—Онъ медленно выпилъ и бросилъ стаканъ въ бассейнъ. Стаканъ разбился въ мелкіе куски, засверкавшіе въ водѣ, какъ брилліантовый дождь.

— Жидовская свадьба! вскричалъ поэтъ.—Эмблема вѣчнаго союза—бракъ поэта и царицы виноградниковъ, прекрасной Клико.

И онъ сталъ опять читать какое-то попури изъ стиховъ Вильона, Ронсара и Вуатюра:—надо было удивляться его памяти. Руки его спазматически дрожали; выраженіе голубыхъ, воспаленныхъ глазъ показывало, что мозгъ его окончательно размягчился. Измаилъ пробрался сквозь толпу и схватилъ трубадура за плечо.

— Гекторъ Вальнуа! громко произнесъ онъ.—Вы были когда-то человѣкомъ, и въ то время совершили подлое дѣло, соблазнили невинную женщину, обманули вашего друга. Я

Digitized by Google

послалъ вамъ вызовъ, тринадцать лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ ожидалъ вашего отвѣта, котораго жду и теперь. Въ томъ письмѣ я вамъ угрожалъ убить васъ вездѣ, гдѣ только васъ встрѣчу, если вы не отвѣтите мнѣ. Я могъ бы и теперь убить васъ, какъ собаку, но, кажется, скорѣе подниму руку на женщину, чѣмъ на такое пьяное и жалкое созданіе, какъ вы. На нынѣшній день вы въ безопасности, но если вы не самый подлый трусъ изъ всѣхъ трусовъ, то завтра, проспавшись, отвѣтите мнѣ на мой вызовъ. Вы знаете мое имя, а живу я на Королевской площади.

— Браво, террористъ! На фонарь васъ вмѣстѣ съ вашимъ непріятелемъ! закричала хоромъ окружавшая ихъ толпа.

Измаилъ все время, покуда говорилъ, держалъ, какъ въ желѣзныхъ клещахъ, изсохшее плечо Вальнуа; но теперь, выпустивъ его, пошелъ сквозь разступившуюся передъ нимъ толпу. Поэтъ захохоталъ, съежился и продолжалъ истерически хохотать. Но, перегнувшись черезчуръ назадъ, онъ не сохранилъ равновѣсія и упалъ въ бассейнъ, среди громкаго хохота окружавшихъ.—„C'est épatant! — Это умора!—Надорвешься отъ смѣху!“ слышалось вокругъ, пока добрый самарянинъ въ костюмѣ Синей Бороды, со страшной свѣтлосиней бородой, вытаскивалъ поэта изъ бассейна. Тотъ дико осмотрѣлся, дрожа всѣми членами.

— Измаилъ! бормоталъ онъ.—Измаилъ! человѣкъ, котораго я спасъ четвертаго декабря. И вотъ благодарность! Я поѣду домой. Мою карету, господа! какъ говоритъ шекспировская Офелія, въ переводѣ Тика и Шлегеля. Это лучшій переводъ, но никакъ не Виньи, даже не Виктора Гюго. У нихъ французскій языкъ некрасивъ въ Гамлетѣ. Мою карету, джентльмены! Но гдѣ мой другъ, маленькій поэтъ? Боделеръ въ миньятюрѣ, Мюссе для забавы, Ронсаръ нашего вѣка—маленькій виконтъ де-Поншартріанъ?

Онъ возвышалъ голосъ, идя по лужайкѣ къ открытымъ окнамъ залы розъ, гдѣ дотанцовывали послѣдніе вальсёры подъ звуки „Фауста“ Гуно. Одна изъ этихъ паръ, Ронсаръ и греческая сивилла, услышала зовъ пьянаго поэта. Ронсаръ ужасно испугался.

— Извините меня, сказалъ онъ, отстраняясь отъ своей дамы и оставивъ сивиллу одну среди танцующихъ, покину-

Digitized by Google

тую, грустную, какъ Аріадну въ Наксосѣ.—Я долженъ идти къ моему знакомому, прибавилъ онъ, удаляясь къ открытому окну, у котораго Вальнуа дрожалъ въ своемъ черномъ костюмѣ, мертвенно блѣдный, какъ привидѣніе. Виконтъ грубо схватилъ его за руку и проговорилъ:

— Уйдите, ради Бога! Вы дѣлаете изъ себя посмѣшище.

— Я только вспоминаю прошлые годы. Отвезите меня въ вашей каретѣ въ мою нору, или я прямо пойду въ больницу св. Анны. Для больницы я гожусь болѣе, чѣмъ для другаго мѣста—исключая могилы.

Они ушли вмѣстѣ и такъ поспѣшно, что виконтъ не имѣлъ времени проститься съ Гортензіей. Она возвратилась къ своей матери, сидѣвшей въ пріемной, среди небольшаго кружка дамъ съ напудренными волосами, съ высокими въ завиткахъ прическами à la Maintenon, въ роскошныхъ, затканныхъ золотомъ и серебромъ, платьяхъ, дамъ,—зѣвающихъ за своими вѣерами и чрезвычайно утомленныхъ, потому что для пожилыхъ веселье всю ночь слишкомъ не по силамъ. Жарзе послала кого-то за коломбиной, кружившейся въ послѣднемъ вальсѣ. Она съ досадой отвѣчала на призывъ матери:

— Это послѣдній балъ сезона, а вы торопите домой.

— Торопятъ! воскликнула Гортензія, опечаленная побѣгомъ своего Аполлона.—Что намъ сидѣть тутъ на выставкѣ, когда всѣ порядочные люди разъѣхались, даже хозяева дома давно скрылись и, вѣроятно, уже въ постели.

— Бѣдный баронъ! какъ было ему пріятно слышать насмѣшки надъ его женой, сказалъ Кератри.

— Это привилегія маскарада, возразила Амалія.—Смѣются надъ своими лучшими друзьями, повидимому, шутя. Когда мы пріѣдемъ къ баронессѣ на раутъ, на слѣдующей недѣлѣ, то будемъ серьезны, и скажемъ ей, какъ она была мила въ костюмѣ Прекрасной Елены.

IX.

Измаилъ шелъ домой въ тихое утро черезъ спящій городъ, гдѣ кое-какіе признаки жизни были только на рынкахъ набережныхъ и на мостахъ, по которымъ тихо двигались, тяжелые вагоны, нагруженные произведеніями отдаленныхъ полей,

Digitized by Google

садовъ, фермъ и огородовъ. Ему давно знакомъ былъ видъ просыпающагося Парижа. Онъ любилъ его тихія улицы раннимъ утромъ. Въ эти часы ему случалось ходить отъ заставы къ заставѣ по всему городу, когда умъ его былъ занятъ соображеніями о какомъ нибудь трудномъ предпріятіи,—проложеніи новыхъ путей, гдѣ нужно было побѣдить затрудненія, которыхъ не могли преодолѣть его предшественники, трудившіеся при подобныхъ же условіяхъ. Но сегодня никакое соображеніе о камнѣ и желѣзѣ не мелькало въ его головѣ. Онъ думалъ о своей судьбѣ и о своемъ соединеніи съ обожаемой имъ женщиной. Жизнь и любовь улыбнулись ему послѣ долгихъ лѣтъ грусти и одиночества. Онъ былъ бы теперь на верху счастія, еслибы не этотъ громовый ударъ въ минуту блаженства—ожиданіе быть убитымъ или самому сдѣлаться убійцей. Онъ ждалъ годы этой минуты, лелѣялъ мечту о ней, считалъ обязанностью отмстить за свою честь и за позоръ своей жены. А теперь часъ мщенія наступилъ, но онъ не радовался этому. Онъ не могъ не сдѣлать вызова, потому что уже давно сдѣлалъ его письменно. Неужели это была только пустая угроза? Есть раны, которыя не залѣчиваются временемъ.

А что сдѣлало время съ тѣхъ поръ, какъ убѣжала Пакерета? Оно отмстило за нее соблазнителю. Блѣдность лица поэта, его впалые глаза и щеки мелькали въ мысляхъ Измаила, какъ обликъ привидѣнія. Врагъ его превратился въ страшную карикатуру—отъ остроумнаго молодаго человѣка, поэта, утомленнаго умственной работой и удовольствіями, осталась только блѣдная тѣнь.

Сердце Измаила сжалось при мысли стать съ оружіемъ въ рукѣ противъ этой тѣни. Возможна ли между ними дуэль? будетъ ли она равнымъ рискомъ для обоихъ?.. Онъ оставался все утро дома, ожидая секунданта отъ своего противника. Тотъ, вѣроятно, проснется поздно отъ вчерашняго угощенія и, въ трезвомъ видѣ, вспомнивъ обо всемъ, конечно, отвѣтитъ, какъ прилично дворянину, хотя и обратившемуся въ развалину. Часы проходили, и Измаилъ продолжалъ расхаживать по своему кабинету, мысленно выбирая въ Булонскомъ лѣсу мѣсто для дуэли и мечтая въ то же время о прелестной виллѣ, гдѣ его ждутъ, какъ привилегированнаго

Digitized by Google

гостя. Онъ не дотрогивался до бумагъ на письменномъ столѣ, не могъ ни читать, ни работать, а только перебиралъ въ умѣ сцены этой ночи, вспоминалъ блаженныя минуты, проведенныя съ Констанціей. То вдругъ возставало передъ нимъ блѣдное лицо Пакереты, одиноко умирающей среди океана. Наконецъ ожидаемый секундантъ явился въ лицѣ Армана Кератри, съ которымъ Измаилъ былъ хорошо знакомъ, часто встрѣчаясь у Жарзе и въ другихъ домахъ.

— Я провелъ часа два съ вашимъ старымъ другомъ—вашимъ давнишнимъ врагомъ, г. Измаилъ, сказалъ онъ:—и уполномоченъ имъ предложить вамъ удовлетвореніе за прошлое оскорбленіе. Онъ готовъ драться съ вами, гдѣ вамъ угодно и оружіемъ по вашему выбору; онъ сознаётъ свою вину передъ вами—но какую?—этого онъ мнѣ не сообщилъ. Я могу только понять, что она была неизвинительна, если пробудила въ васъ такую жажду мести при видѣ вашего бывшаго друга, хотя мщеніе противно религіи, если не считать ее предразсудкомъ.

— Для меня религія не предразсудокъ, г. де-Кератри, возразилъ Измаилъ.—Но зло, сдѣланное мнѣ Гекторомъ Вальнуа, оправдываетъ мое ожесточеніе, мое желаніе убить Вальнуа, хотя онъ однажды спасъ мнѣ жизнь. Есть оскорбленія, которыя смыть можно только кровью. Я ждалъ годы, чтобы отомстить, и теперь эта месть будетъ только возмездіемъ за его низость.

— Вы упустили изъ виду только одно обстоятельство. Выходить на поединокъ со шпагой или пистолетомъ противъ этого человѣка—значитъ желать убійства. Равны ли силы въ дуэли между вами и этою тѣнью человѣка? Не думаете ли вы, что дрожащая рука его можетъ направить шпагу или пистолетъ противъ васъ, силача со стальными нервами и желѣзными мускулами? Можетъ ли мертвецъ драться съ человѣкомъ, полнымъ жизни? Онъ совершенно истощенъ невоздержной жизнью, бѣдностью, разочарованіемъ, можетъ быть—раскаяніемъ. Развѣ вы стали бы драться съ призракомъ за зло, сдѣланное живымъ человѣкомъ? А я вамъ говорю, что Вальнуа не лучше призрака. Дуэль съ нимъ будетъ самоубійствомъ съ его стороны и убійствомъ—съ вашей.

Digitized by Google

— Не хотите ли вы этою картиною возбудить состраданіе къ нему?

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Его гордость еще не уничтожили ни абсентъ, ни бѣдность, ни униженіе. Онъ просилъ меня поскорѣе устроить этотъ поединокъ—послѣ полудня, если вамъ удобно, за часъ до заката солнца, на уединенномъ холмѣ за Венсеномъ. Онъ описалъ это мѣсто—не слишкомъ отдаленное, но удобное и безопасное. Нѣтъ, онъ не желаетъ избѣгать встрѣчи съ вами, напротивъ,—горячо стремится къ ней, съ лихорадочною поспѣшностью человѣка, желающаго освободиться отъ ненужной ему жизни. Но какъ ни велика вина его передъ вами, какъ бы ни были соблюдены всѣ правила дуэли, вы, убивъ его, поступите противъ вашей совѣсти и будете раскаиваться. Не забывайте, что онъ для меня только случайный знакомый, помогающій мнѣ въ литературѣ; я плачу ему за это. И если я теперь уговариваю васъ, то больше изъ участія къ вамъ, нежели къ нему.

— Ваше мнѣніе согласуется съ моимъ, серьезно проговорилъ Измаилъ.—Вы правы. Эта дуэль не можетъ состояться, послѣ того какъ я видѣлъ его въ прошлую ночь. Да, я согласенъ съ вами, — шпага въ его трясущейся рукѣ не можетъ скреститься съ моею. Подобная дуэль невозможна, хоть я и не могу простить ему. Можетъ быть, я простилъ бы, еслибы между нами не стояла съ разбитымъ сердцемъ тѣнь того лица, кому онъ сдѣлалъ болѣе зла, чѣмъ мнѣ. Скажите Гектору Вальнуа, что я отказываюсь отъ предлагаемаго имъ мнѣ удовлетворенія. Оно слишкомъ поздно. Ни его, ни моя кровь не могутъ возвратить жизнь умершей, заставить забыть прошлое, измѣнить настоящее. Скажите ему, что спасенная имъ четвертаго декабря жизнь отдаетъ ему его собственную жизнь. Мы квиты. Пусть онъ забудетъ, что мы знали когда нибудь другъ друга. Пусть онъ забудетъ, если можетъ, и ту, которую погубилъ.

Послѣ минутнаго раздумья, онъ поспѣшно вынулъ изъ стола нѣсколько банковыхъ билетовъ и, вручая ихъ Арману, сказалъ:

— Вы мнѣ говорили, что онъ въ очень стѣсненномъ положеніи. Я буду благодаренъ вамъ, если вы поможете ему—какъ будто изъ вашего кошелька. Этотъ человѣкъ уступилъ

Digitized by Google

мнѣ когда-то свою постель, перевязывалъ мои раны, и я, въ свою очередь, желалъ бы быть для него добрымъ самаряниномъ.

— Я и не ожидалъ отъ васъ другаго, отвѣчалъ Кератри, кладя билеты въ карманъ. — Я знаю, что вы также добры, какъ и храбры; но ни одинъ храбрецъ не будетъ сражаться съ неравнымъ противникомъ.

Они пожали другъ другу руки и разстались. Измаилъ вздохнулъ съ облегченнымъ сердцемъ послѣ этого свиданья. Убить или быть убитымъ—не можетъ быть пріятно для человѣка, передъ которымъ открывается счастливая будущность.

Было два часа пополудни, а онъ еще не спалъ съ прошлаго дня. Какъ давно, казалось, это было! Какая глубокая пропасть отдѣляла его прежнюю монотонную жизнь отъ вчерашняго бала! Онъ бросился въ кресло и крѣпко спалъ болѣе часа, потомъ одѣлся и поѣхалъ на виллу Булонскаго лѣса, въ роскошный пріютъ, порогъ котораго онъ не переступалъ съ прошлаго іюня, когда высказалъ свое намѣреніе никогда не жениться. Онъ вошелъ въ залу твердыми шагами, какъ женихъ. Собаки дружелюбно подбѣжали къ нему, покуда слуга докладывалъ о немъ.

— Не она ли послала васъ? подумалъ Измаилъ, лаская собакъ. Животныя шли къ нему довѣрчиво, инстинктивно, заранѣе увѣренныя, что ихъ примутъ хорошо. „Левъ“ положилъ свой носъ въ его руку и пошелъ за нимъ, посматривая на него серьезными черными глазами. Констанція была въ гостинной у окна, изъ котораго видны были зелень, фонтанъ и цвѣты. Она радостно привѣтствовала своего жениха, и съ этой минуты начались счастливѣйшіе дни его жизни, проводимые съ избранницей сердца. И чѣмъ чаще видѣлся онъ съ нею, тѣмъ болѣе цѣнилъ ее. Мечта его юности осуществилась:—женщина съ возвышенными чувствами полюбила его, а какое блаженство любить такъ, какъ онъ никогда не любилъ,—находить полнѣйшую взаимность понятій и чувствъ! Они разговаривали о настоящемъ и о будущемъ. Измаилъ не распространялся о прошломъ, какъ о слишкомъ близкихъ, печальныхъ страницахъ его жизни. Онъ разсказывалъ о своей свободной жизни въ Бретани, о недостаточности знаній, переданныхъ ему добрымъ священникомъ, объ обсто-

Digitized by Google

ятельствахъ, побудившихъ его удалиться изъ родительскаго дома, слегка упомянулъ о несправедливости отца и о злобѣ мачихи. Но онъ ничего не говорилъ о своей женитьбѣ, кромѣ того, что уже было имъ сказано о порванныхъ узахъ. Констанція вывела отсюда заключеніе, что слишкомъ много горя было соединено съ этими узами, и была довольна тѣмъ, что покорила сердце человѣка, такъ мало походившаго на другихъ ея поклонниковъ—человѣка идеальнаго, боровшагося съ трудностями жизни и побѣдившаго ихъ, обязаннаго только самому себѣ своимъ богатствомъ и познаніями.

Она такъ гордилась имъ, что ей и въ голову не приходило выпытывать у него подробности его жизни. Она съ восторгомъ слушала, когда онъ говорилъ о себѣ, и не дѣлала вопросовъ, потому что имѣла къ нему безграничное довѣріе. Такъ проходило лѣто. Сезонъ оканчивался, и блестящіе мотыльки парижскаго общества уже улетали подъ болѣе синія небеса, танцовать, кокетничать и щеголять на берегахъ Средиземнаго моря, перенося съ собою парижскія привычки, сумасбродства и роскошь. Парижане спѣшили оставить Парижъ, и только туристы, американцы, англичане, бельгійцы и нѣмцы, наполняли бульвары и чокались стаканами за маленькими столами передъ ресторанами въ знойное послѣполуденное время. Констанція и ея женихъ не сожалѣли объ отъѣздѣ дѣтей моды и расточительности. Они ждали, когда будутъ окончены всѣ необходимыя формальности и получатся отвѣты на письма къ роднымъ невѣсты. Лордъ Кирлюшъ письменно поздравилъ свою дочь съ достойнымъ выборомъ жениха, такого, какъ г. Измаилъ, заслужившаго европейскую извѣстность; выразилъ сожалѣніе, что самъ онъ, по предписанію доктора, не можетъ оставить Гамбургъ даже на нѣсколько дней, и что по этой причинѣ онъ никакъ не можетъ присутствовать при брачной церемоніи.

X.

Это было наканунѣ свадьбы Измаила, наканунѣ жаркаго дня въ началѣ августа. Солнце палило весь день, а къ вечеру сгустившаяся атмосфера предвѣщала грозу, хотя большая часть обитателей восточнаго Парижа направлялась къ Булонскому

Digitized by Google

лѣсу и каскаду—ѣсть мороженое и курить подъ звѣзднымъ небомъ, при свѣтѣ фонарей, кокетничать и болтать подъ шумъ падающей воды и шелестъ листьевъ.

Рядъ каретъ съ разноцвѣтными фонарями протянулся, какъ линія свѣтляковъ, по темнымъ аллеямъ. Жаръ въ ярко освѣщенныхъ кафе-ресторанахъ былъ нестерпимъ, въ театрахъ всѣ задыхались, и даже иностранцы, восхищавшіеся парижскими бульварами, спѣшили выбраться на свѣжій воздухъ. Но если жаръ былъ невыносимъ на бульварахъ и въ Палероялѣ, то что же было въ окрестныхъ бѣдныхъ улицахъ и переулкахъ, окаймлявшихъ Парижъ? Здѣсь были всякаго рода трущобы и притоны, которые также мало помрачали великолѣпіе столицы, какъ червь, скрытый внутри плода, не портитъ его наружнаго вида.

Далеко отъ шума катящихся каретъ, отъ блестящихъ дворцовъ и цвѣтущихъ садовъ, на спаленной солнцемъ почвѣ, поселились бѣдность, голодъ и лихорадка—міръ нищеты, ничего не знавшій объ императорѣ, кромѣ его имени, которое для нихъ, можетъ быть, что нибудь и означало, только ужь никакъ не пищу и не одежду, а еще менѣе—порядочное жилище.

Среди этого мрачнаго пространства, на сѣверной сторонѣ Парижа, близь Клиши, прозябала колонія тряпичниковъ. Вся эта мѣстность извѣстна подъ именемъ Солнечнаго города. Не за красоту мѣстоположенія и не за вызолоченные куполы получила она такое названіе, даже и не въ насмѣшку, а просто оттого, что съ незапамятнаго времени почти всѣ здѣшнія лачуги были окружены подсолнечниками. Пропитанный гнилью и почернѣвшій отъ времени Солнечный городъ превосходилъ неопрятностью всѣ прочія захолустья Парижа. Узкіе переулки раздѣляли ряды лачугъ, болѣе грязныхъ, чѣмъ конуры собакъ или хлѣвы свиней. Здѣсь спали тряпичники со своими дѣтьми, кричавшими и дравшимися за кочерыжку или полусгнившій овощъ, найденный въ корзинѣ ихъ родителей. Около домовъ валялись всякія нечистоты, остовы околѣвшихъ собакъ и кошекъ. Заразительный воздухъ разстилался отсюда за десятки верстъ въ окружности. Ближайшая дорога, ведущая къ этой колоніи грязи и нищеты, называлась: Возмущеніе (la Révolte). Названіе зловѣщее, но дѣйствительность была еще ужаснѣе. Эта длинная пустынная дорога отъ Нёльи до Сен-Дени,

Digitized by Google

грязная зимой, пыльная лѣтомъ, представляла всѣ удобства для мошенниковъ, и на ней было совершено немало преступленій. Масса лачугъ Солнечнаго города укрывала мусорщиковъ, еврейскихъ торгашей, площадныхъ акробатовъ, бродягъ и нищихъ, копошившихся въ заразительномъ воздухѣ, гдѣ носились зародыши тифа, чахотки и холеры. Только акклиматизированный туземецъ этой мѣстности могъ съ меньшей опасностью вдыхать эту испорченную атмосферу.

Въ эту августовскую ночь ни одно дуновеніе вѣтерка не освѣжало Солнечнаго города. Подсолнечники только что расцвѣли во всей красотѣ. Жаркій удушливый воздухъ висѣлъ надъ худыми крышами, треснувшими трубами, надъ поросятами, лѣнивѣе обыкновеннаго валявшимися въ пыли, и надъ тощими собаками, повидимому, особой породы, назначеніе которой—голодать и жить въ грязи.

Было около девяти часовъ. Паяцы, нищіе, калѣки, слѣпые, хромые, параличные спѣшили къ своимъ трущобамъ, сбрасывая съ себя по дорогѣ различные недуги. Страдающій хронической болѣзнью вдругъ выздоравливалъ; покинутые сироты возвращались домой, гдѣ находили родительскіе побои; вдовы, никогда не имѣвшія мужей, шарманщики съ обезьянами и учеными собаками,—всѣ пробирались въ старыя лачуги, откуда выползали теперь тряпичники на ночную работу. Въ продолженіе многихъ часовъ, Солнечный городъ лишался своего спеціальнаго населенія, хотя въ немъ и оставались другіе обыватели, незнакомые съ корзиной и фонаремъ тряпичника, но гораздо болѣе опасные. Благодаря имъ, Солнечный городъ называли иногда маленькимъ Мазасомъ, потому что въ немъ жили преступники, отбывшіе свой срокъ заключенія и опять готовые попасть въ тюрьму.

Въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ трущобъ лежала женщина въ темномъ углу, на плоскомъ, худомъ матрацѣ, и, тяжело дыша, смотрѣла на угасающій свѣтъ дня. Старый поблекшій вѣнокъ висѣлъ на гвоздѣ надъ очагомъ; желѣзный котелокъ стоялъ на горсти золы. Вся обстановка каморки состояла изъ кровати, двухъ худыхъ стульевъ, корзины изъ-подъ яицъ, замѣнявшей столъ, и кучи лохмотьевъ въ углу, служившихъ занавѣсомъ кровати.

Женщина была больна уже нѣсколько недѣль и видимо

Digitized by Google

угасала отъ испорченныхъ легкихъ. Страшный кашель надрывалъ ей грудь. Прежде она могла дойти до Монмартрскаго бульвара, посмотрѣть на городскую суету и потомъ опять доползти къ себѣ, измученная, со всѣми признаками смертельнаго изнуренія; но теперь она уже почти не вставала съ постели. Поблекшій вѣнокъ этой умирающей могъ бы дать ей право проситься въ больницу, гдѣ она могла пользоваться пищей, лѣченьемъ и всѣмъ необходимымъ, тогда какъ у себя она питалась дряннымъ супомъ изъ собранныхъ костей и коркой хлѣба, тоже гдѣ нибудь подобранной. Она могла доказать, что не покупала этого вѣнка, что онъ былъ поднесенъ ей, какъ пѣвицѣ, артисткѣ, когда-то увлекавшей публику и, стало быть, заслуживающей помощи отъ общественной благотворительности. Больная не отдавала этого вѣнка даже своей бабкѣ, добросовѣстно пропивавшей каждую заработанную копѣйку. Пьянствуя семнадцать лѣтъ на Сомбрёйльской улицѣ, когда ея больная внучка была еще во всемъ цвѣтѣ молодости, старая бабка теперь пила уже чистый алкоголь, сжигавшій внутренность такихъ, какъ она, горькихъ пьяницъ. Эта блѣдная больная женщина, жившая въ трущобѣ со своей бабкой, была Пакерета. Тусклые глаза ея смотрѣли на заходящее солнце, виднѣвшееся въ отворенную дверь и озарявшее длинный рядъ лачужекъ, свиныхъ хлѣвовъ, а также и эти глаза, когда-то красивые, какъ у головокъ Грёза, эти наивные глазки, обращавшіеся на Измаила съ дѣтскимъ довѣріемъ. Потомъ они видѣли много городовъ, много народовъ, смотрѣли на яркое освѣщеніе и загорѣлыя лица разныхъ націй, среди винныхъ паровъ и табачнаго дыма.

Бѣдная Пакерета! Она вела цыганскую жизнь со своимъ любовникомъ, бывала при деньгахъ и безъ куска хлѣба, была счастлива и несчастна, пировала и голодала, одѣвалась въ шолкъ и ходила въ лохмотьяхъ, раздѣляя славу и неудачи человѣка, жившаго своимъ умомъ, и наконецъ дошла до крайней степени нищеты, вмѣстѣ съ упадкомъ всякихъ доходовъ Гектора Вальнуа. Здоровье его пошатнулось, а съ нимъ—и общее ихъ благосостояніе. Онъ сдѣлался раздражителенъ, печаленъ, страдая невральгіей, и съ нимъ не легко было ужиться.

Въ Вальпарайзо, гдѣ Пакерета добывала деньги своимъ талантомъ, какъ пѣвица французскаго ресторана, Гекторъ

Digitized by Google

занемогъ тоской по родинѣ, жаждалъ опять увидѣть Парижъ, чувствуя, что никакой другой городъ не возвратитъ ему здоровья, не освѣжитъ его мыслей. Онъ терялъ способность писать стихи и прозу. Адская атмосфера этой страны, ея палящій вѣтеръ сжигали его мозгъ. Онъ не могъ писать въ изгнаніи, ему необходимо было знакомое общество. Его талантъ, какъ поэта, критика и водевилиста, почти угасъ въ послѣднія десять лѣтъ. Проснувшись разъ ночью, мучимый духотой и москитами, онъ рѣшился уѣхать во Францію на первомъ, отплывавшемъ туда, кораблѣ.

— Если ты встрѣтишься съ Измаиломъ, онъ убьетъ тебя, пыталась отговорить его Пакерета, блѣднѣя при одной мысли о мщеніи мужа.—Онъ поклялся, что убьетъ тебя. Я слышала это своими ушами.

— Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ. Онъ, вѣроятно, пересталъ сокрушаться о тебѣ, насмѣшливо возразилъ Вальнуа.

Всѣ просьбы ея не повели ни къ чему, и первый отплывшій французскій пароходъ привезъ ихъ въ Марсель. Оттуда они немедленно отправились въ Парижъ, почти безъ денегъ. Вальнуа, опытный парижанинъ, знавшій всѣ закоулки отъ дворца до нищенскихъ лачужекъ, отыскалъ дешевую квартиру въ лабиринтѣ узкихъ улицъ, близъ Люксембурга, и здѣсь онъ и Пакерета прожили три года. Она слыла за его жену передъ немногими посѣтителями ихъ бѣднаго дома. Онъ началъ писать въ „Фигаро“ и „Корсарѣ“, работая подъ вымышленной фамиліей, стыдясь, что парижское общество узнаетъ въ авторѣ этихъ статеекъ творца „Бѣлыхъ ночей“. Онъ унизился до небольшихъ замѣтокъ, даже до рекламъ, удалялся отъ всѣхъ, знавшихъ его во дни успѣховъ и блестящаго положенія въ свѣтѣ, вставалъ не ранѣе полудня и до вечера рѣдко выходилъ изъ дому. Онъ послѣдній оставлялъ бильярдную въ кофейнѣ, послѣдній посылалъ статейку въ газету, и такимъ образомъ перебивался со дня на день. Пакерета не могла достать денегъ въ Парижѣ. Она даже не пробовала взять ангажементъ въ какомъ нибудь кафе-ресторанѣ. Во-первыхъ, она боялась встрѣтиться съ мужемъ, а, потомъ, и голосъ ея сталъ слабѣе послѣ возвращенія изъ Америки. Она сильно простудилась на пароходѣ, очень похудѣла и напоминала

Digitized by Google

прежнюю Пакерету, какъ увядшій цвѣтокъ напоминаетъ свою утраченную свѣжесть.

Бѣдность—плохая почва для цвѣтка, называемаго любовью, но Вальнуа и его подруга были вѣрны другъ другу во всѣхъ перемѣнахъ счастія. Они не падали духомъ, надѣялись, пока разныя неудачи не довели ихъ до безъисходной бѣдности. Подобныя стеченія обстоятельствъ портятъ характеры, въ особенности мужскіе. Однажды Гекторъ дошелъ до того, что сказалъ своей вѣрной подругѣ, будто она была для него тяжелымъ бременемъ, препятствіемъ, кошмаромъ; гибельная страсть къ ней закрыла ему карьеру, и еслибы не она, то онъ наслѣдовалъ бы славу Альфреда Мюссе, былъ бы желаннымъ гостемъ въ Фонтенбло и Компьенѣ, членомъ академіи и богатымъ человѣкомъ. Это была, конечно, вспышка сплина, уязвленной гордости, горькаго чувства неудачи, злобы на успѣхи тѣхъ, кто былъ ниже его, минутная выходка дурныхъ чувствъ. Слова его не имѣли смысла, но они разбили сердце Пакереты. Она не отвѣтила Гектору ни слова, и стояла передъ нимъ, блѣдная и неподвижная, пока онъ, раздраженный, схватилъ шляпу и выбѣжалъ изъ комнаты.

Это было вечеромъ, и онъ ушелъ на Сорбонскую площадь, въ свой любимый ресторанъ, славившійся абсентомъ. По уходѣ его, Пакерета прошла въ спальню, трепещущими руками завязала въ старую шаль нѣсколько своихъ вещей, надѣла порыжѣлую шляпку изъ чернаго кружева, прикрыла похудѣвшее лицо плотной вуалью и, сойдя съ лѣстницы, отдала ключъ отъ квартиры привратницѣ.

— Вы можете сказать господину де-Вальнуа, что я не возвращусь сюда, тихо проговорила она.

Привратница уставилась на нее, почти не понимая, что она сказала. Тонъ Пакереты былъ слишкомъ спокоенъ, чтобы предполагать что нибудь трагическое. Но она сказала то, что думала. Она ушла отъ Вальнуа также, какъ, пятнадцать лѣтъ назадъ, ушла изъ Сомбрёйльской улицы отъ прибившей ее бабки. Бѣдняжка защищалась только тѣмъ, что убѣгала.

За пятнадцать лѣтъ, она убѣжала изъ Сомбрёйльской улицы, а теперь опять пошла туда. Во всемъ Парижѣ не было никого, къ кому бы она могла обратиться, исключая подругъ, которыя когда-то приняли участіе въ ея несчастной жизни.

Digitized by Google

Лизета Моке была послѣдней подругой, поощрявшей ее къ сумасброднымъ поступкамъ. Несчастная съ ужасомъ припомнила пагубное вліяніе Лизеты на всю свою судьбу. Эта опытная, знающая свѣтъ женщина руководила молодою дѣвушкой для того только, чтобы нанести ей непоправимый вредъ. Нѣтъ, скорѣе голодная, безъ пристанища, она будетъ бродить по парижскимъ улицамъ, но не попроситъ ни пищи, ни пріюта у Лизеты Моке.

Отъ Люксембурга до Сомбрёйльской улицы очень большое разстояніе для слабой женщины. Совершивъ этотъ длинный путь, Пакерета нашла новое разочарованіе. Старая привратница, сидѣвшая въ своей конурѣ у входа внизу лѣстницы, была такая же неопрятная и безобразная, какъ и пятнадцать лѣтъ назадъ, только входъ сдѣлался еще грязнѣе и мрачнѣе.

— Бенуа отсюда уѣхали, отвѣчала она, посмотрѣвъ на закрытое вуалью лицо Пакереты:—давно уѣхали. Меньшая, хорошенькая, вышла замужъ за пекаря изъ Руана, уже семь лѣтъ, и съ тѣхъ поръ живетъ съ мужемъ въ Руанѣ. Старшая, Лизбета, вышла за англичанина и уѣхала съ нимъ въ Лондонъ. Она увезла съ собою и свою кузину. Все это было уже давно.

Пакерета прислонилась къ двери, дрожащая и ослабѣвшая. Исчезла вся надежда на помощь добрыхъ людей. Здѣсь она не найдетъ ничего. Уѣхали въ Руанъ и Лондонъ! до этихъ городовъ для нея также далеко, какъ до Сибири. Можетъ ли она добраться до нихъ съ пятью франками въ карманѣ? Она похолодѣла отъ чувства безпомощности.

— Не знаете ли вы чего нибудь о женщинѣ, которая жила вотъ здѣсь? показала она на дверь подвальнаго этажа, которая была теперь почище, чѣмъ при старикахъ Лемуанъ; близъ нея въ бутылкахъ росло нѣсколько цвѣтковъ.—Но она, конечно, умерла. Она была уже очень стара.

— Вы спрашиваете о вдовѣ Лемуанъ? Старуха не умерла. Она здоровѣе нашего императора, у котораго, говорятъ, начинается смертельная болѣзнь. Лемуанъ, кажется, никогда не умретъ. Ремесло тряпичниковъ здорово, они всю ночь на свѣжемъ воздухѣ, когда улицы пусты и спокойны.

— Такъ она тряпичница? Бѣдная женщина!

— Конечно, это не слишкомъ пріятная торговля, но вы-

Digitized by Google

ручка все таки бываетъ. Лемуанъ теперь лѣтъ восемдесятъ. Она заходила сюда въ прошломъ мѣсяцѣ, сгорбленная, вся въ морщинахъ! Но она жива и здорова, какъ вы и я.

Итакъ, ея бабка, которая такъ часто бранила ее и била до того, что заставила убѣжать изъ дому, была еще жива, и отъ нея одной Пакерета должна была ожидать помощи! Годы ослабили горькія воспоминанія, да и ничего другаго не было въ виду, какъ только идти въ больницу. Пакерета охотно пошла бы туда, но она не настолько была больна, чтобы надѣяться быть принятой.

— Вы не знаете, гдѣ живетъ Лемуанъ? спросила она у привратницы.

— Тамъ, гдѣ большею частью живутъ тряпичники.

— На улицѣ св. Маргариты?

— Нѣтъ, много дальше. Она поселилась близь Клиши, по дорогѣ Ла-Револьтъ, въ мѣстечкѣ, называемомъ Солнечнымъ городомъ и наполненномъ тряпичниками.

— Солнечный городъ, слабо повторила Пакерета, и безъ того утомленная длинной дорогой.—Я думаю, что не найду этого мѣста.

— Отчего же? у васъ есть языкъ во рту, небрежно возразила привратница, подозрѣвавшая, что отъ Пакереты трудно ожидать вознагражденія за сообщенныя свѣдѣнія.—Вы можете спросить дорогу въ Клиши, а тамъ всякій вамъ укажетъ, гдѣ Солнечный городъ.

Пакерета поблагодарила ее и оставила навсегда Сомбрёйльскую улицу. Она, чуть не падая, прошла немного по направленію къ Клиши, но по счастію, увидѣла омнибусъ, который и довезъ ее за нѣсколько су до Солнечнаго города, въ то время, когда тряпичники выходили изъ своихъ норъ—мужчины и женщины, съ палками, на концѣ которыхъ былъ привязанъ фонарь; всѣ они потянулись одни за другими, какъ рядъ свѣтляковъ въ весеннюю ночь. Пакерета стала у дороги, подняла вуаль и внимательно смотрѣла на проходившихъ. Тряпичники оглядывались на стоящую при дорогѣ фигуру съ блѣднымъ лицомъ, видимо ожидавшую кого нибудь. Они шли тихо, по временамъ останавливаясь отдохнуть, какъ старыя клячи. Нѣкоторые трусили рысцой, какъ бы желая показать, каковы они были во время оно. Пакерета съ жалостью смот-

Digitized by Google

рѣла на сморщенныя лица, въ особенности на женскія, ища свою бабушку.

Въ концѣ процессіи шла тряпичница, болѣе другихъ согнувшаяся и болѣе, чѣмъ прочія, оборванная. Голова ея тряслась; фонарь на концѣ палки въ дрожащей рукѣ качался изъ стороны въ сторону. Она тоже тупо посмотрѣла на неподвижно стоявшую фигуру, и это блѣдное лицо показалось знакомо старухѣ.

— Бабушка! тихо проговорила Пакерета.

Старуха съ минуту стояла, какъ вкопанная, потомъ подошла вплоть къ молодой женщинѣ, окидывая ее удивленными, почти безумными глазами.

— Жанета! вскричала она.—Тѣнь моей дочери!

— Нѣтъ, бабушка, я дочь вашей дочери, съ такимъ же разбитымъ сердцемъ, какъ было оно разбито и у нея. Я такая же несчастная, одинокая, какъ и она. Вы видите: это наслѣдственно въ нашемъ семействѣ.

— Такъ это Пакерета! восклицала старуха.—Безстыдная потаскушка, которую я выростила, а она покинула меня въ старости!

Она воткнула палку въ землю и держалась за нее, не сводя глазъ со своей внучки, покуда батальонъ тряпичниковъ съ мелькающими фонарями проходилъ далѣе и наконецъ совсѣмъ скрылся изъ виду.

— Я ничего не дѣлала дурнаго, бабушка, а вы были жестоки со мною, били меня за то, что я не хотѣла выйти за человѣка, котораго ненавидѣла.

— Такого человѣка, у котораго много денегъ! О, какъ глупы эти дѣвчонки! Я видѣла ее, слышишь, внучка, видѣла жену Шарабіи. Она прежде была кабацкой служанкой на Рокетской улицѣ—безстыжая дѣвка!—и онъ женился на ней черезъ годъ послѣ твоего побѣга. Но какъ она живетъ! теплое у нея гнѣздышко. Она изъ самыхъ толстыхъ женщинъ въ предмѣстьѣ св. Антонія, бываетъ въ театрѣ два раза въ недѣлю, ходитъ въ шолковыхъ платьяхъ по праздникамъ. Дура ты была, Пакерета! такая же дура, какъ и твоя мать. Ахъ, какъ глупы молодыя женщины!

— Да, бабушка, я сдѣлала глупость, но не ту, что не вышла за Шарабію и убѣжала отъ васъ. Моя глупость

Digitized by Google

удалила меня отъ друга, который заботился обо мнѣ, далъ мнѣ пріютъ. Теперь я безъ пристанища. Не можете ли вы дать мнѣ уголокъ, пока я пріищу какую нибудь работу для своего пропитанія?

— Уголокъ? конечно. У меня есть комнатка, маленькая, но очень удобная, я раздѣлю ее съ тобою. Пусть не говорятъ, что я не пріютила сбѣжавшую отъ меня внучку! Твоя мать тоже убѣгала, и потомъ опять вернулась въ старое гнѣздо. Чудно, право! бормотала старуха.—Удивительныя бываютъ дѣти: и мать, и дочь!

Она поплелась назадъ къ Солнечному городу. Солнечный городъ! Пакерета, во всѣхъ своихъ разнообразныхъ странствованіяхъ, не встрѣчала массы такихъ отвратительныхъ лачугъ, хлѣвовъ, кучъ грязи у стѣнъ наравнѣ съ окнами. Домъ на Сомбрёйльской улицѣ былъ роскошнымъ мѣщанскимъ жилищемъ въ сравненіи съ этими пошатнувшимися ветхими домиками. Стекла въ худыхъ рамахъ замѣнялись грязной бумагой, тряпками, гнилой соломой; окна здѣсь, повидимому, были не для свѣта, а для того, чтобы не пропускать его; старые сапоги, черепки отъ тарелокъ—все служило для этой цѣли. А запахъ! зловонный ручей со всякими нечистотами и гнилыми овощами, вездѣ невыразимая нечистота. Пакерета съ ужасомъ отшатнулась, но костлявые пальцы бабки крѣпко вцѣпились въ ея шаль.

— У меня хорошенькая комната, вонъ въ томъ домѣ на концѣ улицы, удобный уголокъ, бормотала она, таща впередъ внучку.—Я не платила шесть мѣсяцевъ, ну, оттого со мною и грубы; сборщикъ грозилъ мнѣ, какъ приходилъ сюда въ послѣдній разъ, да съ той поры и глазъ не показываетъ. Подлѣ меня живутъ славные ребята — итальянцы; они какъ разъ хватятъ ножемъ, и ужь обѣщали это красивому господину съ кожаной сумкой на груди для сбора денегъ и съ пузырькомъ чернилъ въ карманѣ. Съ того дня онъ сюда ни ногой.

Онѣ прошли почти къ концу Солнечнаго города, гдѣ нѣкоторые дома были безъ крышъ и защищены отъ непогоды только гнилой соломой и худыми досками. Подвигаясь къ самой глухой части Солнечнаго города, онѣ вошли въ лачугу почти совсѣмъ безъ крыши, которую замѣняли гнилыя доски

Digitized by Google

и кусокъ паруса. Въ комнатѣ не было ни одного стекла въ оконныхъ рамахъ, ни одной нерастреснувшейся стѣны; полъ земляной; въ одномъ углу наваленъ ворохъ лохмотьевъ, въ другомъ—куча разбитаго стекла и металлическихъ обломковъ; посрединѣ лежали—кости, рыбные остатки, корки, кочерыжки. Это была обстановка вдовы Лемуанъ. На одной сторонѣ пустаго очага стоялъ желѣзный котелокъ, на другой—согнутый мѣдный подсвѣчникъ съ огаркомъ сальной свѣчки, которую старуха вставляла въ свой фонарь.

Пакерета едва имѣла силу переступить порогъ этого логовища. Она, безъ сомнѣнія, предпочла бы ночевать подъ открытымъ небомъ, гдѣ нибудь во рву, чѣмъ здѣсь, въ этомъ отвратительномъ мѣстѣ; но она знала, какъ строга была полиція къ бродягамъ. Городскіе сержанты неумолимы къ тѣмъ, кто проводитъ ночи внѣ жилища. Ноги Пакереты были уже не тѣ, какъ въ то время, когда она летѣла птичкой отъ Бастиліи до Менильмонтана, пятнадцать лѣтъ назадъ. Сколько перемѣнъ принесли эти пятнадцать лѣтъ!

— Вотъ! съ торжествомъ вскричала старуха, указывая на дырявый матрацъ:—это отличная постель. Ты можешь спать на ней, когда я ухожу ночью на работу; а если захочешь съѣсть корочку хлѣба—ихъ тутъ много.—Она показала на кучу безъименныхъ объѣдковъ.—Здѣсь есть очень вкусныя вещи. Однако мнѣ пора на работу, а то я потеряю свою долю на Пуасоньерскомъ бульварѣ. Тамъ есть что подобрать около ресторановъ; мои товарки того и гляди повыберутъ все, что получше, рады изо рта вырвать хлѣбъ. Если же ты... старуха остановилась, но, сдѣлавъ надъ собой геройское усиліе, рѣшилась принести великую жертву:—если ты захочешь пить, то вотъ немного осталось въ бутылкѣ.

— Вина? чуть слышно произнесла Пакерета.—Да, я выпила бы каплю, я такъ ослабѣла.

Старуха посмотрѣла на нее съ озадаченнымъ видомъ, какъ будто ожидая отказа. Она перешагнула черезъ ворохъ лохмотьевъ, вытащила спрятанную за ними бутылку и неохотно подержала ее противъ свѣчки.

— Тутъ не болѣе, какъ съ рюмку, сказала она.—Мы раздѣлимъ пополамъ.

Она почти все выпила первая, потомъ передала бутылку

Digitized by Google

внучкѣ. Та возвратила ее нетронутой. Ее затошнило отъ зловонія мерзкой водки.

— Немного воды,—простонала она.

Но въ этой конурѣ нечемъ было утолить жажду, кромѣ водки. Передъ лачугой съ тремя или четырьмя дверьми стояла разсохшаяся кадка; въ нее стекала дождевая вода съ ржавой крыши, и это была единственная вода, которою пользовались жильцы лачугъ. Лемуанъ взяла съ полки помятый кофейникъ и, не смотря на досаду, что такъ долго замѣшкалась дома, пошла за водой и принесла полный кофейникъ черноватой влаги. Пакерета съ жадностью припала къ этой водѣ воспламененными лихорадкой губами и почувствовала дурной запахъ воды, когда уже напилась. Потомъ она легла на постель съ такимъ же равнодушіемъ, какъ еслибы вмѣсто этого нищенскаго ложа была голая земля. Силы ея истощились. Путь ея уже пройденъ. Какъ ни отвратителенъ былъ этотъ пріютъ, но она не имѣла силъ искать другаго, лучшаго. Еслибы ей предстоялъ самый спокойный и удобный ночлегъ за четверть мили отсюда, она не была бы въ состояніи доползти до него.

Это было началомъ долгихъ дней и ночей страданія и раскаянія. Если она и прежде раскаивалась иногда въ минуты горя, то подобное раскаяніе никакъ не могло сравниться съ удручающей тоской, которая теперь терзала ее, когда она лежала въ этой конурѣ—всегда одинокая, потому что ея бабка, трясясь и бормоча, возилась только со своими лоскутьями, отдѣляя на что нибудь годныя — для продажи. Когда всѣ лоскутки были разсортированы, старуха глодала какую нибудь кость, выпивала свою порцію водки и, повалившись въ уголъ на лохмотья, спала весь день.

А печальныя ночи, когда старая тряпичница уходила на свою грязную работу, и умирающая женщина не спала, устремивъ взоръ на какое нибудь облако или на далекую звѣзду на синемъ безконечномъ сводѣ, о которомъ она знала такъ мало. Она выбросила лоскутья, затыкавшіе окно, и закрывала его своимъ платкомъ; когда старуха проходила мимо на свой промыселъ, а на всю ночь оставляла оконницу открытой, какова бы ни была погода. Часто на больную лилъ дождь, дулъ вѣтеръ, но для ея ноющей груди и труднаго дыханія

Digitized by Google

нуженъ былъ болѣе всего воздухъ. Невыносимо долго тянулись часы, когда мысли ея были полны горькихъ воспоминаній.

Такъ она лежала и въ этотъ тихій лѣтній вечеръ—тихій, исключая грубыхъ ругательствъ, долетавшихъ до ея слуха.

Какія надрывающія сердце воспоминанія проносились въ ея памяти! Какія горькія сожалѣнія! Не о соблазнителѣ своемъ думала она въ долгія, безсонныя ночи — не о томъ, кто лишилъ ее домашняго очага и добраго имени. Она думала о своемъ оскорбленномъ мужѣ и о томъ, что было бы, еслибъ она осталась ему вѣрна? Она научилась цѣнить его, съ тѣхъ поръ какъ отъ него ушла—цѣнить по контрасту между нимъ и человѣкомъ, который увлекъ ее. Она оставалась вѣрна постыдному союзу и не сдѣлалась падшей женщиной. Она измѣнила мужу и несла за это наказаніе, но не измѣняла любовнику. Она съ самоотверженіемъ продолжала бы и теперь переносить тяжелый характеръ и вспышки Гектора, еслибы онъ не сказалъ ей, наконецъ, что она—только помѣха ему въ жизни, тогда какъ она была вѣрной спутницей его на тернистомъ пути, и онъ же упрекнулъ ее въ лицо за ея постоянство, назвалъ ее несноснымъ бременемъ, единственной причиной всѣхъ его неудачъ. Это послѣднее оскорбленіе разбило ея сердце. И теперь, въ долгомъ одиночествѣ, безъ друзей, безъ утѣшеній религіи, среди нищенской обстановки, мысли ея возвращались къ брачной жизни, къ спокойному, пріятному дому, къ доброму мужу, единственнымъ недостаткомъ котораго была любовь къ труду, доставлявшему имъ средства къ жизни.

Какъ счастлива казалась ей эта жизнь въ Менильмонтанѣ, въ сравненіи съ теперешнимъ прозябаніемъ въ конурѣ Солнечнаго города! Тамъ гнѣздо ея было мягко и тепло. А здѣсь? Она вспомнила о блудномъ сынѣ, при мысли, что собака Измаила отказалась бы отъ корокъ и костей, предложенныхъ его женѣ состраданіемъ бабки. И не было никакой возможности улучшить свое положеніе. Она не могла вернуться домой, подобно блудному сыну, и раскаяться въ своемъ грѣхѣ. Грѣхъ этотъ сталъ непреодолимой преградой между нею и тѣмъ, кого она оскорбила. Богъ могъ принять ея раскаяніе и простить ее, но мужъ простить не можетъ. Ради

Digitized by Google

чего она ему измѣнила? Ради фантазіи, мечты, порыва праздного ума.

Обращаясь къ прошлому, она видѣла, что проступокъ ея былъ роковымъ, неизбѣжнымъ. Она вспомнила дни перваго знакомства съ Измаиломъ, счастливую поѣздку въ Марли. Тогда она смотрѣла на него, какъ на высшее существо, любила его невинной дѣвической любовью, сохранивъ чистоту души въ подвальной квартирѣ дѣда лучше, чѣмъ знатная дѣвица Сен-Жерменскаго предмѣстья, только что вышедшая изъ монастырскаго затворничества. Подснѣжникъ также хорошо цвѣтетъ на окнѣ рабочаго, какъ и роскошная лилія въ будуарѣ герцогини. Да, Пакерета была невинна въ тѣ дни и всѣмъ своимъ чистымъ сердцемъ любила Измаила. Ей выпало завидное счастіе выйти за достойнаго человѣка. А потомъ началась спокойная жизнь, но слишкомъ праздная, что и погубило легкомысленную женщину. У нея было много времени припоминать всю послѣдовательность своего гибельнаго увлеченія, пока она смотрѣла на небо или на верхушки подсолнечниковъ, выроставшихъ съ каждымъ днемъ все выше—единственный признакъ теченія времени. Ее мучилъ кашель, постоянно надрывающій грудь, съ рѣзкою болью въ боку. Кашель съ каждымъ днемъ дѣлался сильнѣе, продолжительнѣе. Но болѣе всего ее мучили воспоминанія, постоянно возвращавшіяся къ одному и тому же предмету. Только тѣ, кто теряетъ счастіе по собственной винѣ, могутъ понять всю горечь подобныхъ сожалѣній.

Въ эти долгіе, праздные дни, чуткій слухъ Пакереты ловилъ каждый звукъ въ Солнечномъ городѣ. Звуки эти были большею частью рѣзкіе и нестройные, терзавшіе ея нѣжный слухъ: визгъ поросятъ, вскрикиванья дѣтей, валявшихся въ грязи вмѣстѣ съ поросятами, вой собакъ. Но рѣзче всего слышались человѣческія ругательства, вопли бѣшеной ярости, легко доводящіе до преступленія.

Между обывателями Солнечнаго города было трое или четверо странствующихъ музыкантовъ. Изъ нихъ Пакеретѣ были знакомы два итальянскіе шарманщика, жившіе въ одномъ домѣ со старухой Лемуанъ. Пакерета слушала старинныя пьески, наигрываемыя ими, ихъ разговоръ, хотя и не всегда могла уловить его смыслъ, не потому, что они говорили по

Digitized by Google

итальянски—она, въ своихъ путешествіяхъ на югѣ, выучилась понимать итальянскій языкъ и даже испанскій—но они болтали больше на неаполитанскомъ простонародномъ нарѣчіи, перемѣшанномъ съ площадными парижскими выраженіями. Иногда вечеромъ, когда бабка уходила со своею корзиною и съ фонаремъ, оба итальянца сидѣли на скамейкѣ передъ своей квартирой, курили или ужинали макаронами, и каждое ихъ слово внятно доносилось до Пакереты. Невидимые ею, они, со всѣмъ тѣмъ, были единственными ея товарищами. Она интересовалась этими лицами. Пріятнѣе было слышать ихъ, чѣмъ хрюканье свиней и вой голодныхъ собакъ. Мало по малу она привыкла къ ихъ смѣшанному языку и понимала почти каждое ихъ слово.

Они были горячіе политики, много говорили о Франціи, объ Италіи, о тайныхъ обществахъ и о великомъ союзѣ рабочихъ всего цивилизованнаго міра—о равенствѣ, когда ниспадутъ всѣ короны, а дворцы будутъ разрушены или обращены въ общественныя заведенія, въ пріюты для бѣдныхъ; итальянцы разсуждали о карбонаріяхъ, объ Орсини и его покушеніи на жизнь императора; о томъ, какъ, наканунѣ его казни, Наполеонъ посѣтилъ его въ Мазасской тюрьмѣ и поклялся освободить Италію.

— Для него было бы полезнѣе сдержать свое обѣщаніе, говорилъ старшій братъ:—потому что сорокъ карбонаріевъ поклялись торжественной клятвой убить его, если онъ будетъ откладывать исполненіе обѣщанія, даннаго имъ карбонаріямъ. Но теперь онъ съ нами заодно,—онъ, который, немного лѣтъ тому назадъ, осудилъ горсть студентовъ за либеральныя сборища, а теперь поощряетъ интернаціоналку и дѣломъ, и сердцемъ.

— Всякій купецъ долженъ сообразоваться съ тѣмъ, какой товаръ требуютъ, насмѣшливо отвѣчалъ второй братъ.—Торговля—сила самая важная въ государствѣ.

— Теперь императоръ хочетъ помочь рабочимъ застраховкой ихъ жизни, чтобы осталось что нибудь послѣ ихъ смерти для дѣтей; это можетъ составить также фондъ на случай болѣзни. Государство должно положить основной капиталъ, а рабочій будетъ вносить посильную долю.

Digitized by Google

Братъ его захохоталъ при этой рѣчи объ идеальной экономіи.

— Сколько, по твоему мнѣнію, такихъ примѣрныхъ работниковъ, которые заботятся о будущемъ насущномъ хлѣбѣ? Если у нихъ и остается что нибудь изъ заработка, то они спѣшатъ отнести эти деньги въ кабакъ. Для насъ всего полезнѣе, чтобы не впасть въ нищету, поставить хозяевъ наравнѣ съ рабочими, дѣлить съ ними барыши, а не довольствоваться ничтожнымъ жалованьемъ. Мы должны участвовать въ ихъ барышахъ,—государство держится среднимъ классомъ. Нужно уничтожить эту массу посредниковъ, наживающихся трудомъ ихъ рабочихъ. Пусть государство освободитъ рабочій классъ отъ власти капитала. Пусть никто не извлекаетъ своекорыстной выгоды изъ платы за работу. Но государство скорѣе будетъ покровительствовать тѣмъ, которые богатѣютъ на счетъ бѣдныхъ. А я нахожу, что одинъ человѣкъ не имѣетъ права пользоваться трудомъ другаго, и большой капиталистъ, имѣющій тысячи работниковъ, вреднѣе нашего бывшаго патрона, распоряжавшагося полусотнею такихъ же бѣдняковъ, какъ мы съ тобой.

— Я знаю одного капиталиста, пробормоталъ старшій братъ:—человѣка, обѣдавшаго на семь су. Я сидѣлъ рядомъ съ нимъ сколько разъ. Онъ былъ тогда простымъ каменщикомъ. А теперь онъ великій человѣкъ, строитель громадныхъ зданій, водопроводовъ, мостовъ, извѣстный парижскій милліонеръ. Этотъ Измаилъ имѣлъ голосъ между красными, былъ у нихъ въ почетѣ, когда мы назывались кружкомъ „лохмотниковъ“ и сходились въ задней комнатѣ въ Вильетѣ. Но онъ перемѣнилъ тонъ, сдѣлавшись богачемъ. Они всѣ дѣлаются монархистами, какъ скоро наживутъ тысячи франковъ.

— Слава Богу, я никогда не рисковалъ впасть въ такую низость, чтобы копить деньги, вскричалъ меньшой братъ.— Когда у меня заведется три су, я мѣняю ихъ на стаканъ вина. Оно согрѣваетъ кровь и мозгъ, вмѣсто того, чтобы охлаждать ихъ, какъ это дѣлаетъ нажива.

— Я зналъ людей, которые отъ недостатка денегъ приходили въ изступленіе и рѣшались на убійство, промолвилъ старшій.

— Твоя правда, отвѣчалъ другой, безпечно зѣвая.—Но

Digitized by Google

покуда у меня есть макароны въ горшкѣ и крыша надъ головой, я счастливъ.

— А я не таковъ. Я ненавижу бѣдность и богачей. Измаилъ мозолитъ мнѣ глаза въ послѣдніе три года. Пусть онъ остерегается:—Пролѝ не забываетъ отступниковъ.

Пакерета въ первый разъ услышала, чтѝ говорили о ея мужѣ. Это усилило ея интересъ къ разговору неаполитанцевъ. Они говорили объ Измаилѣ, объ его успѣхахъ и богатствѣ, съ такой же глубокой завистью, какъ и Вальнуа, часто распространявшійся о томъ же предметѣ. Слабохарактерные люди ненавидятъ тѣхъ, кто побѣждаетъ препятствія. Пруссія ненавидѣла Францію за битву при Іенѣ, и съ лихвой отплатила за нее при Седанѣ.

Вальнуа, поэтъ и сибаритъ, ненавидѣлъ человѣка, достигшаго высшихъ общественныхъ ступеней, благодаря своему труду. Тѣ же самые разсказы слышались и теперь отъ завистливаго шарманщика.

Однажды ночью, братья поссорились изъ-за выпивки, хоть ихъ всегда соединяло братское чувство. Пакерета, услышавъ въ первый разъ ихъ возню, ужаснулась. Слыша ихъ борьбу и лязгъ ножей, она ожидала, что тотчасъ же раздастся предсмертный стонъ; но шумъ стихъ и воцарилась глубокая тишина. На утро оба брата отправились со своими шарманками, весело распѣвая, какъ хорошіе пріятели. Но въ этотъ августовскій вечеръ, они, сидя у своей двери и куря трубки, понизили голосъ, заговоривъ объ Измаилѣ, такъ что больная едва могла уловить какое нибудь слово. Они вошли въ комнату на нѣкоторое время, и Пролѝ, хвалившійся знакомствомъ съ Измаиломъ, сердито вскричалъ:

— Онъ отказалъ мнѣ въ пятидесяти франкахъ! и еще наканунѣ своей свадьбы съ богатой англичанкой,—наканунѣ соединенія двухъ богатствъ, —отказалъ въ полсотнѣ франковъ старому знакомому, члену клуба „Отрепья“! Было время, еслибы я донесъ на него, какъ на члена тайнаго общества, его спровадили бы въ Кайену, также какъ и другихъ, послѣ государственнаго переворота. Еслибы я и теперь донесъ на него, ему пришлось бы плохо. Отступникъ, переметчикъ—отказалъ въ горсти франковъ прежнему товарищу! посылалъ меня въ устроенное имъ благотворительное общество! Знаю я эти об-

Digitized by Google

щества. Они изобрѣтены для того, чтобы совать свой носъ въ дѣла бѣднаго человѣка, вмѣсто того, чтобы дать ему кровъ и пищу. А еще завтра вѣнчается съ этой молодой англичанкой, леди Констанціей, какъ мнѣ ее называли. Богатая будетъ свадьба въ церкви св. Филиппа! Но... у Измаила будетъ больше гостей, чѣмъ онъ ожидаетъ.

Завтра его свадьба! Пакерета закрыла лицо своими исхудалыми руками, и слезы полились сквозь прозрачные пальцы.

— Онъ могъ бы подождать, когда я совсѣмъ умру, проговорила она.—А, впрочемъ, я для него давно умерла.

Неаполитанцы проговорили до ночи. Пакеретѣ были слышны ихъ сердитые голоса, то громкіе, то понижающіеся, но она не вникала въ смыслъ ихъ разговора, а лежала съ закрытыми глазами, думая объ Измаилѣ. Онъ женится завтра на знатной англійской леди, женщинѣ, достойной его любви—а она, Пакерета, будетъ навѣки изгнана изъ его жизни. Считаетъ ли онъ ее умершей? думала она. Да, должно быть. Онъ слишкомъ честенъ, чтобы жениться при ея жизни. Кто нибудь обманулъ его, сказавъ, что она умерла. Да это, впрочемъ, все равно, она и такъ скоро умретъ. Она никогда не надѣялась получить прощеніе отъ мужа, ни даже видѣть его. Онъ долженъ презирать ее. А все таки вѣсть, что онъ женится на другой, приводила ее въ отчаяніе, какъ будто она сама только вчера вышла за него замужъ. Она старалась представить себѣ лицо его невѣсты, но ей представлялось что-то красивое, смотрящее на нее съ презрѣніемъ. Она воображала Измаила у ногъ холодной, гордой женщины, боготворимой имъ, съ которою онъ будетъ счастливъ. И Пакеретѣ казалось, что лишь теперь онъ совсѣмъ для нея потерянъ.

По мѣрѣ того, какъ ночная темнота опускалась надъ Солнечнымъ городомъ, разнообразныя видѣнія тревожили ея лихорадочный сонъ. Ей снилось, что она на паперти церкви, такой, какую она прежде никогда не видала—огромной, странно освѣщенной какимъ-то адскимъ пламенемъ; къ ея высокому алтарю приблизился Измаилъ со своей невѣстой, красивой англичанкой, въ бѣломъ бархатномъ платьѣ, осыпанномъ брилліантами, такомъ же, какое было на императрицѣ въ день свадьбы. Гостями Измаила были парижскіе тряпич-

Digitized by Google

ники съ ихъ тяжелыми корзинами и мелькающими фонарями. Смрадъ отъ корзинъ, чадъ фонарей душили Пакерету. Она проснулась, задыхаясь, и услышала громкіе гнѣвные голоса въ сосѣдней комнатѣ. Она не могла вдругъ сообразить, продолжается ли еще ея сонъ, или она умерла ночью. Голоса, возбужденные виномъ, теперь не ссорились, а обвиняли кого-то и дѣлались часто невнятными. Слышался третій голосъ съ чистымъ парижскимъ акцентомъ и съ площадными выраженіями, которыя Пакерета слыхала въ дѣтствѣ отъ гризетокъ, трактирныхъ пѣвицъ, а въ послѣднее время—отъ свободныхъ мыслителей Латинскаго квартала. Ей казалось, что голосъ, сыпавшій подобными фразами, былъ ей нѣсколько знакомъ. Итальянцы пили и допились почти до бѣшенства. Французъ, какъ бы уговаривая ихъ, старался еще больше разжечь ихъ злобу. Пакерета проползла по полу и сѣла возлѣ растреснувшейся стѣны. Она приложила къ ней ухо и отлично слышала каждое слово. Пролò говорилъ несвязно, языкъ его заплетался, но гость не терялъ словъ попусту. Онъ склонялъ итальянца отомстить человѣку, на котораго тотъ сердился. Пролò, какъ членъ стариннаго клуба „la Loque“, великаго братства человѣчества, возставалъ противъ тиранніи капиталиста надъ людьми, руки которыхъ выполняли сотни смѣлыхъ предпріятій, а онъ отказывалъ въ пятидесяти франкахъ бывшему товарищу. Пролò повторялъ свой разсказъ о пятидесяти франкахъ и страшно горячился. Онъ приводилъ себя въ изступленіе не столько виномъ, какъ своими собственными словами. Разговоръ шелъ въ перемежку съ наливаньемъ вина и звономъ стакановъ. Наконецъ, когда забѣлѣлъ востокъ и нѣсколько просвѣтлѣли окна, Пакерета, блѣдная, какъ привидѣніе, съ широко раскрытыми глазами, все еще продолжала слушать клятвы Пролò, что онъ отомститъ измѣнику. У соціалиста есть ножъ, и онъ будетъ у церковныхъ дверей. Это будетъ такое же убійство, какъ Цезаря или Марата, и Пролò заставитъ говорить о себѣ всю Францію.

— Я одинъ изъ сорока карбонаріевъ, поклявшихся убить Наполеона, если онъ не освободитъ Италію, говорилъ онъ. Между заговорщиками есть принцы, вельможи и люди простаго званія. Я изъ числа ихъ, но не убью императора, покуда онъ не сдѣлается клятвопреступникомъ. Если сплохо-

Digitized by Google

валъ Орсини, я не промахнусь! Я буду смѣлѣе его. А ренегата Измаила завтра же уложу у дверей церкви.

XI.

Настало утро свадьбы Измаила. Съ этого утра должна была начаться для него новая жизнь, осчастливленная такой любовью, о какой люди мечтаютъ въ молодости и которая осуществляется для очень немногихъ. Измаилъ былъ изъ числа этихъ избранниковъ судьбы. Въ дѣтствѣ его, о немъ мало заботились, а когда онъ подросъ, жизнь его была омрачена ненавистью мачихи, а потомъ ранней женитьбой. Прошлое представляло ему только горе и разочарованіе, но теперь онъ достигъ полнаго успѣха въ жизни, сдѣлался извѣстнымъ, полюбилъ выдающуюся женщину и пріобрѣлъ ея взаимность. Отуманенный счастіемъ въ это утро, онъ безъ цѣли ходилъ по кабинету въ своемъ домѣ на Королевской площади. Южный вѣтеръ дулъ въ окна со стариннаго сквэра съ цвѣтущими липами и величественными статуями. Измаилъ провелъ почти всю ночь за бумагами, и на разсвѣтѣ еще горѣли его лампы. Потомъ онъ прилегъ часа на три, чтобы раньше быть опять на ногахъ, взять холодную ванну и одѣться. Кофе и легкій завтракъ стояли на столѣ передъ окномъ. Огромный письменный столъ былъ заваленъ бумагами, съ распоряженіями для секретарей и конторъ, въ продолженіе его отсутствія. Онъ предполагалъ отправиться въ Пин-Гоэль, въ первый вечеръ своего медоваго мѣсяца, для того чтобы показать молодой женѣ мѣсто рожденія рода Карадековъ; потомъ, проѣхавъ Бретань, отплыть на югъ Ирландіи и взглянуть на плодородную страну, видѣвшую дѣтство и молодость леди Констанціи, провинцію такую же живописную, какъ и Бретань. Они вдвоемъ распредѣлили всѣ мѣста отдыха въ своемъ путешествіи. Обоимъ хотѣлось показать другъ другу мѣста, гдѣ они родились и выросли. Имъ казалось, что прогулки по знакомымъ дорожкамъ и воспоминанія дѣтства еще болѣе скрѣпятъ ихъ союзъ и симпатію душъ. По возвращеніи въ Парижъ, они располагали жить въ виллѣ леди Констанціи, а домъ на Королевской улицѣ будетъ служить дѣловой кон-

Digitized by Google

торой Измаила. Женившись, онъ не перестанетъ трудиться по прежнему, какъ одинъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ людей своего вѣка. Леди Констанція тоже не желала, чтобы будущій мужъ ея сибаритствовалъ и изъ трудящагося человѣка сдѣлался свѣтскимъ празднолюбцемъ.

— Вы будете проводить со мною все ваше свободное время, говорила она.

— Дорогая моя, счастливѣйшее для меня время только то, когда я подлѣ васъ, и если вы когда нибудь скажете мнѣ, что вамъ наскучило имѣть мужемъ трудящагося человѣка, я брошу всѣ дѣла и буду только вашимъ рабомъ.

— Я не скажу этого до тѣхъ поръ, покуда отдыхъ сдѣлается для васъ необходимостью, отвѣтила она серьезнымъ тономъ. — Когда колесо дѣятельности остановится, тогда вы сядете у вашего очага, и скажете: „Мое дѣло сдѣлано“. Я съ пріятной надеждой ожидаю теперь старость, потому что она будетъ самымъ завиднымъ отдыхомъ въ нашей супружеской жизни. Прежде я боялась дожить до преклонныхъ лѣтъ въ моемъ одиночествѣ.

Говоря объ этомъ далекомъ періодѣ ихъ жизни, они строили планы, что тогда подновятъ старый Пин-Гоэльскій замокъ и будутъ проживать по нѣскольку времени то тамъ, то на берегу Шанона, въ замкѣ, наслѣдованномъ леди Констанціей отъ ея матери; а нѣкоторую часть года проведутъ въ Парижѣ, потому что ни леди Констанція, ни Измаилъ не признавали необходимостью удалиться подъ старость отъ общества. А теперь Измаилъ, прохаживаясь по обширнымъ комнатамъ прекраснаго стариннаго дома, построеннаго при второмъ королѣ Бурбонской династіи, размышлялъ о томъ, что оставлялъ, и о томъ, что предстояло ему въ новой жизни. Эти старыя, потемнѣвшія отъ времени, стѣны видѣли, какъ онъ, въ часы одиночества, трудился надъ изученіемъ сухихъ механическихъ наукъ или бесѣдовалъ иногда въ обществѣ серьезныхъ людей, партизановъ труда. Девять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Измаилъ разбогатѣлъ, живя въ этомъ домѣ. Удобныя комнаты и, передъ окнами, спокойный старый сквэръ съ тѣнистыми деревьями нравились ему. Именно такого тихаго пріюта искало его больное сердце. Онъ взялъ для услугъ опытнаго дворецкаго съ женою. Они умѣли устроить

Digitized by Google

комфортъ для ихъ господина, не думающаго о собственныхъ удобствахъ. Съ такой прислугой жизнь Измаила шла безъ мелочныхъ заботъ,—но если и была спокойна, то далеко не радостна.

Сегодня, думая о будущемъ блаженствѣ, онъ удивлялся, какъ могъ такъ долго переносить одиночество — домашнюю жизнь безъ любви. Какъ долги казались ему теперь тѣ дни и вечера, единственнымъ разнообразіемъ которыхъ были дѣловыя соображенія и сухая работа! Эти мрачные обои отражали свѣтъ лампъ иногда до утра и видѣли, какъ онъ работалъ, склонившись надъ столомъ, покрытымъ чертежами, планами и листами, наполненными цифрами. Сосѣдняя комната, по которой теперь ходилъ Измаилъ, была его гостинной и столовой. Стоявшіе въ ней массивные столы и кресла розоваго дерева были имъ перевезены изъ старой его квартиры въ Менильмонтанѣ, а съ ними вмѣстѣ—и черные мраморные часы съ бронзовыми сфинксами, неподвижные глаза которыхъ такъ надоѣдали Пакеретѣ.

Она тогда жаждала удовольствій и сильныхъ ощущеній, живя въ городѣ, гдѣ самый воздухъ, казалось, былъ зараженъ страстью къ забавамъ и расточительности. Въ этой комнатѣ были старыя вещи, напоминавшія прежнюю жизнь на порогѣ новой. Въ углубленіи у камина стояло фортепіано Пакереты. Послѣ ея побѣга, мужъ, въ припадкѣ ярости, хотѣлъ разбить его, но жалобный звукъ струнъ отъ удара, нанесеннаго Измаиломъ, остановилъ его. Онъ былъ не въ силахъ разбить ничѣмъ неповинный инструментъ и оставилъ его у себя. Со всѣмъ тѣмъ, видъ его иногда волновалъ покинутаго мужа, напоминая ему Пакерету, и сколько разъ передъ разсвѣтомъ, усталый и утомленный, онъ садился за это фортепіано и старался припомнить какую нибудь старинную мелодію, игранную его женой. Потомъ, когда время успокоило его горе, и новая любовь озарила его жизнь, фортепіано не открывалось болѣе. Констанція съ любопытствомъ посмотрѣла на него, когда вздумала сдѣлать визитъ своему жениху. Оно первое бросилось ей въ глаза, когда она вошла въ гостинную. Она пріѣхала вмѣстѣ съ Амаліей Жарзе, подъ предлогомъ взглянуть на домъ жениха; въ дѣйствительности же она хотѣла посмотрѣть на его домашнюю обстановку.

— Какъ! Вы играете на фортепіано? вскричала она.

Digitized by Google

— Такъ дурно, что этого нельзя назвать игрой, отвѣчалъ, покраснѣвъ, хозяинъ.

— Однако не настолько же дурно, чтобы не стоило для этого имѣть фортепіано?

— Я бренчу кое-какія старыя мелодіи, когда слишкомъ устаю отъ работы.

— Я увѣрена, что вы играете хорошо. Это меня восхищаетъ! мы будемъ играть въ четыре руки?

Измаилъ отказался отъ такой чести, улыбаясь горячности своей невѣсты.

— Каждый изъ вашихъ грумовъ съиграетъ также, какъ и я, сказалъ онъ.

— Но тогда для чего же вы, серьезный человѣкъ, знаменитый инженеръ, имѣете фортепіано въ вашей гостинной?

— Что же въ этомъ страннаго? Развѣ трудящійся человѣкъ не можетъ имѣть каприза?

— Это фортепіано для дамы, сказала Амалія, разжигаемая любопытствомъ.—А вотъ и старинныя пьески, продолжала она, развертывая нотную тетрадь.—Опера Гретри для сопрано, съ замѣтками учителя. Это ноты вашей сестры, конечно?

— Нѣтъ, у меня никогда не было сестры. Эти ноты принадлежатъ особѣ, которая мнѣ даже не родственница.

Это была правда. Нотная тетрадь принадлежала Лизетѣ Моке. Она дала ее на время Пакеретѣ, а та, выучивъ съ помощью учителя нѣсколько пѣсенъ изъ этой тетради, не отдала ея обратно. Измаилъ, перевозя вещи изъ Менильмонтана, захватилъ ее вмѣстѣ съ другими нотными книгами.

Амалія часто возвращалась къ этой тетради въ разговорахъ съ Констанціей, но не успѣла возбудить ревности въ сердцѣ молодой женщины, любовь которой была основана на полномъ довѣріи. По брачному контракту, состояніе леди оставалось неприкосновеннымъ и по прежнему принадлежало ей одной; кромѣ того, она получала на свою часть значительный капиталъ отъ графа Себастіана Карадека, иначе Измаила. Этотъ контрактъ былъ уже заготовленъ съ вечера, наканунѣ вѣнчанія. Гражданская брачная церемонія была назначена въ восемь часовъ утра, а церковная—въ двѣнадцать. Обычай того круга, къ которому принадлежала леди Констанція

Digitized by Google

Данетри, требовалъ, чтобы брачный контрактъ подписывали за день до церковнаго обряда.

Но Констанція не была рабой свѣтскихъ условій. Она и Измаилъ желали, чтобы только два или три часа отдѣляли одну церемонію отъ другой, и чтобы они потомъ тотчасъ могли уѣхать отъ парижскаго шума. Это была тихая свадьба; на ней присутствовали только избранные друзья жениха и невѣсты. Трое пріятелей Измаила, значительныя личности по своей спеціальности: инженеръ, оказавшій важныя услуги своей странѣ; докторъ, знаменитый своею ученостью, и извѣстный литераторъ. У Измаила было немного друзей, но дружба ихъ была искренна. Въ продолженіе семнадцатилѣтній парижской жизни, онъ завязалъ много знакомствъ, но друзей могъ перечесть по пальцамъ.

Въ три четверти восьмаго, онъ, со своими провожатыми, былъ уже въ мэріи и ожидалъ невѣсту. Въ назначенный часъ пріѣхала леди Констанція, въ сопровожденіи своей старой пріятельницы леди Валентины и дѣвицъ Жарзе, успѣвшихъ заставить ее пригласить ихъ на свадьбу. Амалія не была пятномъ въ блестящей церемоніи. Ея золотистые волосы вились изъ-подъ маленькой шляпы, составленной изъ розовыхъ бутоновъ и полевыхъ лилій. Бѣлое, прозрачное, съ развѣвающимися оборками, платье было отдѣлано блѣднорозовыми лентами; зонтикъ и перчатки были того же нѣжнаго цвѣта. За ея туалетъ деньги не были еще отданы, и для расплаты назначенъ благоразумный срокъ. Но портниха леди Констанціи была еще любезнѣе къ меньшой дочери Жарзе. Амалія была своимъ человѣкомъ въ роскошномъ магазинѣ мадамъ Воланъ, на улицѣ Мира. Она такъ съумѣла обойти своего полезнаго друга, что сумму въ шестьсотъ франковъ, которую слѣдовало получить отъ Амаліи, модистка прибавила къ счету новой своей заказчицы, графини Валевской, заказавшей себѣ мантилью, такую же, какъ у императрицы.

Помогая Констанціи дѣлать заказы, Амалія выхлопотала и для себя, безъ большаго ущерба своему кошельку, платье и шляпку для свадьбы Измаила, хотя тотъ и ускользнулъ отъ ея сѣтей. Она казалась очень хорошенькой въ это утро. Кератри долженъ былъ быть въ церкви, и ея свадьба съ нимъ была уже всѣмъ извѣстна.

Digitized by Google

Онъ былъ небогатъ, но уменъ, знатенъ, хорошъ собой, и Амалія гордилась имъ передъ Гортензіей, страдавшей по невзрачномъ виконтѣ, поэтѣ-обманщикѣ.

Констанція казалась застѣнчивой, какъ восемнадцатилѣтняя дѣвушка, когда подходила къ столу, за которымъ подпись мэра утверждала ее женой графа Себастіана Карадека. Платье и шляпка ея изъ китайскаго крепа, сливочнаго цвѣта, были очень просты. Могъ ли нарядъ выразить ея счастіе? Оно сіяло въ ея прелестныхъ глазахъ, длинныя рѣсницы которыхъ опускались чаще обыкновеннаго въ это утро. Она подала руку Измаилу, когда краткая церемонія была окончена, и онъ повелъ ее къ каретѣ.

— Я на половину жена ваша, улыбнулась она ему.—И теперь было бы поздно раскаиваться; ничего нельзя уже передѣлать. О, какое бурное небо! Я надѣялась, что солнце будетъ освѣщать нашъ союзъ!

— Солнечное сіяніе въ нашихъ сердцахъ, дорогая, шепнулъ онъ ей.

Бурныя облака сгущались съ послѣдняго вечера и повисли тучей надъ вызолоченнымъ куполомъ дома Инвалидовъ, а свинцовое небо служило рамкою Елисейскимъ Полямъ, гдѣ листья цвѣтущихъ липъ волновались въ тяжелой атмосферѣ. Но что за дѣло до этого человѣку, душа котораго утопала въ блаженствѣ?

Со всѣмъ тѣмъ, у Измаила вдругъ почему-то замерло сердце, какъ бы предчувствуя бѣду, когда онъ, подъ сильнымъ ливнемъ, проѣзжалъ предмѣстье Сент-Оноре, слыша раскаты отдаленнаго грома и поджидая слѣдовавшую за нимъ карету его жены. Шумно было на паперти отъ вѣтра и отъ толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, глазѣвшихъ на богатыхъ и знатныхъ людей, точно они были обитателями другой планеты.

На этотъ разъ, толпа была еще многочисленнѣе, оттого что Измаилъ предоставилъ полную волю цвѣточнику изъ улицы Кастильонэ убрать цвѣтами, со всевозможнымъ великолѣпіемъ, алтарь и церковь. Обильный привозъ цвѣтовъ служитъ событіемъ для простаго народа, который съ полудня все прибывалъ. Карета Констанціи подъѣхала вслѣдъ за экипажемъ Измаила. Молодая женщина вышла, прежде чѣмъ онъ успѣлъ подойти къ ней. Черезъ минуту, она подъ руку съ нимъ под-

Digitized by Google

ходила къ паперти. Но прежде чѣмъ она вступила на порогъ церкви, произошло въ толпѣ смятеніе. Констанція страшно вскрикнула, когда какой-то человѣкъ занесъ кинжалъ надъ грудью Измаила. Однако, какъ ни быстро было движеніе этого человѣка, еще быстрѣе проскользнула между кинжаломъ и жертвой бѣдно одѣтая женщина. Она закрыла собою грудь Измаила и получила въ плечо назначенный ему ударъ.

Рана была серьезна, но не опасна. Пакерета подняла глаза на своего мужа.—Я спасла твою жизнь, прошептала она. —Господь сдѣлалъ для меня эту милость!

— Пакерета! вскричалъ онъ.

— Такъ вы знаете ее? нетвердымъ голосомъ спросила Констанція, прижимаясь къ Измаилу и завидуя, что эта худая, блѣдная женщина спасла человѣка, для котораго она сама готова была пожертвовать собственною жизнью.

— Знаю ли я ее? Да, хорошо знаю!... Что съ нею дѣлать? обратился онъ къ своему другу, доктору Дюро.

Итальянецъ, между тѣмъ, былъ схваченъ и уведенъ полицейскими.

— Отвезите ее въ больницу, сказалъ Дюро, взглянувъ на помертвѣвшее лицо Пакереты.—Это все, что вы можете для нея сдѣлать. Лезвіе проникло глубоко, и если затронуло легкія, то ея дѣло плохо. Нѣтъ ли здѣсь фельдшера? спросилъ онъ, оборачиваясь къ толпѣ и посылая за искуснымъ хирургомъ, жившимъ недалеко отъ церкви св. Филиппа.

— Не въ больницу, возразилъ Измаилъ:—а въ мой домъ. Она спасла мнѣ жизнь.

— Это случайность, промолвилъ Дюро.—Всякій то же бы сдѣлалъ. По моему мнѣнію, лучше—въ больницу.

— Нѣтъ, нѣтъ, ко мнѣ. Отправьте ее въ моей каретѣ, Дюро. Я полагаюсь на васъ во всемъ, что можетъ быть сдѣлано для нея. Лорансъ,—онъ попросилъ другаго пріятеля:—предложите руку леди Констанціи, чтобы войти въ церковь. Я сейчасъ къ вамъ присоединюсь.

— Вы не замѣшкаетесь? спросила Констанція, блѣдная, какъ смерть, но спокойная и не потерявшая самообладанія въ эти критическія минуты.

Пріятельницы ея, леди Валентина, Амалія и Гортензія, столпились вокругъ нея и стѣсняли ее своимъ вниманіемъ.

Digitized by Google

— Позвольте мнѣ пройти, нетерпѣливо проговорила она:— я не ранена.

Она прошла твердыми шагами между несводившею съ нея глазъ толпою, прямо къ трапезной, окруженная тяжелой атмосферой ладона и тепличныхъ цвѣтовъ.

— Что все это значитъ? говорили въ толпѣ.—Тутъ какая-то тайна въ прошломъ этого изнуреннаго, блѣднаго созданія. Женщины неохотно бросаются подъ кинжалъ изъ одного человѣколюбія. А эта, спасая жизнь Себастіана Карадека, не задумалась рискнуть своею собственною жизнью. Такія женщины не встрѣчаются на каждомъ шагу.

Это происшествіе было послѣднимъ звеномъ той цѣпи, о которой Измаилъ обязанъ былъ разсказать, прежде чѣмъ поведетъ свою невѣсту къ алтарю. Констанція, по закону страны, была уже его женою. Но, какъ ревностная католичка, она считала неважнымъ гражданскій обрядъ и, по ея мнѣнію, только церковь могла освятить ея союзъ съ Измаиломъ.

Она сѣла поодаль отъ вышитаго ковра, на которомъ должна была преклонить колѣни вмѣстѣ со своимъ женихомъ. Свѣчи, увитыя гирляндами восковыхъ цвѣтовъ, ярко горѣли. Алтарь блестѣлъ золотомъ и разноцвѣтнымъ освѣщеніемъ. Она сидѣла съ неподвижнымъ взоромъ, не замѣчая ни свѣчей, ни цвѣтовъ и видя только блѣдное лицо женщины, лежавшей на груди Измаила.

А между тѣмъ тотъ, о комъ она думала, помогалъ перенести раненую въ карету. Фельдшеръ и докторъ Дюро уложили больную, такъ что могли безопасно довезти ее до Королевской площади. Измаилъ написалъ карандашемъ нѣсколько строкъ своей домоправительницѣ, прося ее устроить все какъ можно лучше для комфорта больной. Пакерета, казалось, была безъ чувствъ до той минуты, когда мужъ ея нагнулся къ ней въ карету и поцѣловалъ ея холодную руку.

— Благодарю тебя, Пакерета,—прошепталъ онъ, и блѣдныя ея губы отвѣтили ему слабой улыбкой. Отправили другую карету за сестрой милосердія. Обо всемъ, что касалось Пакереты, все было быстро и отчетливо соображено.

— А теперь? сказалъ докторъ ея мужу, когда она уѣхала съ сидѣвшимъ подлѣ нея фельдшеромъ и со всѣми инструк-

Digitized by Google

ціями касательно ея раны.—Вамъ, Измаилъ, пора начать другой актъ вашей свадебной драмы.

— Не сегодня, отвѣчалъ тотъ.—Ни я, ни леди Констанція не будемъ въ состояніи теперь вѣнчаться.

— Я думаю, что леди желаетъ больше всего поскорѣе выйти изъ затруднительнаго положенія, возразилъ докторъ. —Фактъ, что итальянскій фанатикъ покусился на вашу жизнь, а какая-то нищая спасла васъ, еще не причина, чтобы вамъ не обвѣнчаться сегодня же.

— Есть другая причина, по которой нельзя этого сдѣлать. Мнѣ надо наединѣ поговорить съ леди Констанціей.

Докторъ пожалъ плечами.

— Вы—герой пьесы, и оканчивайте ее по вашему желанію, сказалъ онъ.—Пьеса чуть не сдѣлалась трагедіей, пятнадцать минутъ назадъ. Какую цѣль имѣлъ этотъ человѣкъ убить васъ?

— Никакой, кромѣ злобы на того, кто никогда не оскорблялъ его. Онъ членъ тайнаго общества карбонаріевъ, къ которому и я принадлежалъ когда-то. Вчера онъ просилъ у меня денегъ, какъ нищій. Всѣ эти старые знакомые прошлыхъ дней, когда я былъ бѣденъ, завидуютъ мнѣ теперь. Я посовѣтовалъ ему обратиться къ благотворительному обществу, гдѣ я участвую и которое помогло бы ему.

— Вы говорите, что никогда не оскорбляли его, а вчера отказали дать ему денегъ? Не смертельная ли это обида? Парижанинъ написалъ бы пасквиль на васъ, а неаполитанецъ бросается съ ножемъ.

Измаилъ пошелъ къ трапезной черезъ пространство передъ алтаремъ, гдѣ сгруппировались свадебные гости, видимо встревоженные, тогда какъ леди Констанція старалась сохранить спокойный видъ.

Органъ игралъ бетховеновскій гимнъ. Священникъ и причтъ находились въ ожиданіи.

— Леди Констанція, могу я поговорить съ вами нѣсколько минутъ въ ризницѣ? спросилъ Измаилъ.

Она встала и вошла съ нимъ въ ризницу.

— Я ждала этого, сказала она.—Сегодняшняя церемонія не можетъ продолжаться, покуда вы не объясните причину самоотверженія этой женщины.

Digitized by Google

Затворивъ дверь за собою, Измаилъ прислонился къ ней и стоялъ передъ своей невѣстой.

— Дорогая моя, произнесъ онъ:—наша свадьба не можетъ быть ни сегодня, ни черезъ нѣсколько дней — можетъ быть, никогда, если вы не будете великодушны. Въ томъ, что случилось, нѣтъ тайны,—одна ужасная неожиданность. Женщина, бросившаяся между мною и кинжаломъ,—моя жена. Она ушла отъ меня тринадцать лѣтъ назадъ, и меня увѣрили, что она умерла. Я имѣю доказательства ея смерти и, пока не получилъ ихъ, не смѣлъ просить вашей руки. Вотъ причина моего отдаленія отъ васъ въ первое время нашего знакомства. Но тотъ, кому я заплатилъ за доставленное мнѣ удостовѣреніе въ смерти, обманулъ меня,—потому что моя несчастная жена жива! Вотъ и все.

Онъ замолчалъ. Констанція укоризненно смотрѣла на него; губы ея дрожали.

— Вы должны были довѣриться мнѣ, какъ я довѣрялась вамъ, и все разсказать,—проговорила она.

— Въ вашей прошлой жизни нѣтъ темныхъ пятенъ. Я не рѣшался сообщить вамъ о моемъ первомъ бракѣ. Мнѣ былъ двадцать одинъ годъ, когда я женился на дѣвочкѣ низкаго происхожденія, необразованной, выросшей въ бѣдномъ, грубомъ семействѣ; но она могла быть доброй женой, если-бы не сошла съ прямаго пути. Теперь же, черезъ тринадцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ я ничего не слыхалъ объ ней, она вдругъ является для того, чтобы пожертвовать за меня своею жизнью.

— Пока она жива, вы принадлежите ей, продлится ли это мѣсяцы или годы, сказала Констанція.—Каковъ бы ни былъ ея проступокъ, ея самопожертвованіе искупаетъ его.

— Я не понимаю самъ, какъ она очутилась здѣсь въ минуту опасности. Знала ли она что нибудь, или это былъ случай?

— Ваша жена разъяснитъ все, когда оправится.

— Констанція! можетъ быть, я въ послѣдній разъ называю васъ этимъ дорогимъ именемъ! Можете ли вы простить меня? Повѣрите ли вы, что я невиненъ въ этомъ несчастномъ стеченіи обстоятельствъ?

— Я всегда вамъ вѣрила, отвѣтила она съ улыбкой.—

Digitized by Google

А теперь проводите меня до кареты. Пусть никто не сомнѣвается въ нашей дружбѣ.

Когда они присоединились къ обществу, Измаилъ объяснилъ, что леди Констанція слишкомъ разстроена несчастнымъ приключеніемъ и отлагаетъ брачную церемонію. Онъ же, съ своей стороны, долженъ позаботиться о несчастной женщинѣ, пожертвовавшей собою для его спасенія; притомъ его, вѣроятно, не замедлятъ вызвать для показаній, какъ жертву недавняго покушенія. Леди Констанція пригласила друзей къ себѣ, но тѣ поспѣшили отказаться, чтобы дать ей время успокоиться; только леди Валентина сочла своимъ долгомъ проводить ее, но Констанція отклонила эту любезность.

— Я одна скорѣе оправлюсь отъ всѣхъ этихъ волненій, промолвила она, садясь въ карету, у дверецъ которой стоялъ Измаилъ съ открытою головою.

Такъ кончился день его свадьбы, въ который должна была начаться новая жизнь. Три часа позднѣе, онъ и Констанція сидѣли бы въ отдѣльномъ купе, оставленномъ за ними съ вечера, по дорогѣ въ Пин-Гоэль.

Кто-то дотронулся до руки Измаила. Это былъ полицейскій, приглашавшій его къ слѣдственному судьѣ, до допроса убійцы. Докторъ Дюро и два другіе пріятеля Измаила пошли вмѣстѣ съ нимъ, въ качествѣ свидѣтелей.

XII.

Венеціанскія ставни были полуоткрыты въ окнахъ обширной комнаты въ домѣ на Королевской площади. Только слабый шелестъ листьевъ и шаги случайнаго прохожаго подъ окнами нарушали тишину комнаты, гдѣ Пакерета лежала на кровати въ широкомъ альковѣ, на мягкой постели съ тончайшимъ бѣльемъ, съ запахомъ розъ, подъ пышнымъ пологомъ сѣраго штофа. Голова ея покоилась на подушкѣ, отъ бѣлизны которой не отличалось ея худое истомленное лицо. Блѣдныя руки ея перебирали большой букетъ дижонскихъ розъ, лежавшихъ на одѣялѣ. Вездѣ вокругъ, на столѣ, на каминѣ, были разбросаны роскошные цвѣты.

Сестра милосердія сидѣла поодаль отъ алькова и наблю-

Digitized by Google

дала за больной, чтобы немедленно исполнять ея желанія. Пакерета умирала. Смерть ждала ее еще въ канурѣ ея бабки.

Но теперь приближеніе смерти было не такъ тяжело, какъ тогда. Теперь она лежала въ роскошной постели, вдыхая запахъ розъ и смотря на отраженіе солнечныхъ лучей въ полированномъ дубовомъ полу, на зеленые листья и на голубое небо, виднѣвшееся въ полуоткрытое венеціанское окно. Ни брань, ни взвизгиванья поросятъ не оскорбляли ея нѣжнаго слуха; никакой противный запахъ не проникалъ въ благоухающую вокругъ нея атмосферу. Она исповѣдывалась, получила прощеніе въ своихъ грѣхахъ и была спокойна. Священникъ Брессанъ исповѣдалъ и причастилъ ее. Измаилъ, часъ спустя послѣ событія у церковныхъ дверей, телеграфировалъ ему и просилъ немедленно пріѣхать въ Парижъ. Добрый старикъ напутствовалъ смиренными христіанскими утѣшеніями умирающую, и она теперь спокойно ожидала своего конца. День склонялся къ вечеру, когда Измаилъ сидѣлъ подлѣ нея, и она съ любовью смотрѣла на человѣка, такъ жестоко, когда-то, оскорбленнаго ею. Онъ нѣжно разспросилъ у нея, какимъ образомъ она узнала намѣреніе убійцы, и они вмѣстѣ вспоминали о своемъ умершемъ ребенкѣ.

— Похорони меня подлѣ моей дочери, просила она:—если только посторонніе не заняли мѣста около нея.

— Неужели ты думаешь, Пакерета, что я не позаботился оградить отъ посторонніхъ вторженій могилу нашей дочери? Я подумалъ объ этомъ прежде всего.

— И ты похоронишь меня подлѣ нея?

— Мать будетъ покоиться подлѣ своего ребенка.

— Да благословитъ тебя Богъ, Измаилъ, за это обѣщаніе! Но у меня есть еще къ тебѣ просьба, о моей старой бабушкѣ. Она такъ бѣдна и безпомощна, и едва имѣетъ силы добывать себѣ дневное пропитаніе. Ты возьмешь ее изъ того ужаснаго мѣста, гдѣ живутъ трапичники въ грязи, какъ животныя?

— Объ ней позаботятся болѣе, чѣмъ она заботилась о тебѣ, Пакерета.

Онъ разсказалъ ей о дѣтскомъ пріютѣ въ Марли, о счастливой колоніи маленькихъ существъ, подобранныхъ въ Парижѣ, въ такихъ же вертепахъ, какъ и Солнечный городъ;

Digitized by Google

сказалъ также и о томъ, что онъ назначилъ для ихъ содержанія часть своего капитала, почему это благотворительное заведеніе никогда не можетъ прійти въ упадокъ.

— Если я буду въ состояніи, то сдѣлаю все, чтобы дѣти не выростали въ трущобахъ Парижа, заброшенныя, невѣжественныя, гдѣ росла ты, моя бѣдная Пакерета.

— Да, я была несчастная дѣвочка! Не правда ли? Потомъ, когда ты былъ такъ добръ ко мнѣ, когда глупые люди расхваливали меня, голова моя закружилась. Такая жизнь была слишкомъ хороша для меня. Я искала удовольствій, музыки, свѣта—всѣхъ радостей, которыхъ не имѣла въ дѣтствѣ, и сдѣлалась низкой и неблагодарной. Мое гадкое сердце отвернулось отъ тебя—и для кого...

Потокъ слезъ прервалъ эти слова. Она закрыла глаза своими тонкими пальцами и замолчала, вспоминая, какому ложному кумиру поклонялась, и какъ этотъ кумиръ погубилъ ея жизнь. Сестра милосердія, удалившаяся во время этого разговора, вошла на зовъ Измаила и, ставъ на колѣни у кровати, начала читать молитвы. Онъ тоже помолился вмѣстѣ съ нею, потомъ, поцѣловавъ похолодѣвшій лобъ Пакереты, вышелъ, поручая ее попеченію сестры милосердія.

Никто въ домѣ не подозрѣвалъ, какія узы соединяли хозяина дома съ умирающей. Сестра милосердія догадывалась, но догадки ея заходили не далѣе предположенія, что Пакерета могла быть родственницей Измаила или его прежней возлюбленной. Но никто не зналъ, что умирающая была его женою. Два самыхъ извѣстныхъ парижскихъ доктора лѣчили ее. Оба они были одного мнѣнія, что рана не смертельна, но что смерть была неизбѣжна уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ.

— Удивительно, какъ, при ея изнуреніи, она могла дойти отъ Клиши до предмѣстья Сент-Оноре! говорилъ одинъ изъ докторовъ.—Это былъ геройскій подвигъ. Она мнѣ разсказывала, что встала на зарѣ и шла нѣсколько часовъ. Денегъ у нея не было, чтобы заплатить за проѣздъ въ омнибусѣ, и она шла, какъ только ей позволяло ея слабое дыханіе. Только женщины способны на такія вещи!

Печальная жизнь близилась къ концу. Пакерета прожила еще полтора дня и умерла спокойно, на рукахъ Измаила. Кончина ея была тиха; она заснула, какъ дитя, вѣчнымъ

Digitized by Google

сномъ. Послѣ ея смерти, Измаилъ принялся за изслѣдованіе заговора противъ его чести и счастія. Онъ раскаивался, что повѣрилъ такому низкому человѣку, какъ Дюмонъ, обѣщая ему щедрую награду за свѣдѣнія объ участи Пакереты. Страстное желаніе искать руки любимой женщины довело его до безумнаго поступка—ввѣриться такому негодяю, какъ Дюмонъ.

Онъ пригласилъ къ себѣ одного изъ самыхъ искусныхъ сыщиковъ и отправился съ нимъ, въ сумерки, въ кварталъ Жанны д'Аркъ. Полицейскій былъ одѣтъ въ партикулярное платье.

Они пришли къ тому дому, въ который Измаилъ приходилъ вмѣстѣ съ Дюмономъ, взобрались въ четвертый этажъ и, не постучавшись въ дверь, вошли въ ту комнату, гдѣ умирающій испанецъ разсказывалъ свою исторію. Они очутились среди многочисленной семьи, сидѣвшей за ужиномъ, который былъ много лучше того, что можно было ожидать въ такомъ мѣстѣ.

Жильцы были недавніе, хотя и въ бѣдной обстановкѣ, но совершенно отличной отъ той, какая была прежде въ этой комнатѣ.

Измаилъ былъ увѣренъ, что не ошибся комнатой. Онъ тщательно запомнилъ номеръ ея двери. Жильцы оказались чрезвычайно вѣжливы.

Хозяинъ комнаты былъ пекарь и честно занимался своимъ промысломъ между густымъ населеніемъ этого квартала. Онъ внимательно выслушалъ разспросы о прежнихъ обитателяхъ этой комнаты.

— Испанскіе матросы? Да, здѣсь, до меня, жили два испанскихъ матроса, ровно три недѣли тому назадъ.

— Одинъ изъ нихъ былъ при смерти. Умеръ онъ или нѣтъ? спросилъ Измаилъ.—Онъ совсѣмъ умиралъ, когда я былъ у него втораго іюля.

— Умиралъ? также, какъ и я теперь. Онъ курилъ опіумъ и проводилъ жизнь въ одуреніи—хуже, чѣмъ отъ вина, потому что почти постоянно валялся въ постели, и ни съ кѣмъ не былъ знакомъ. Третьяго іюля онъ и его товарищъ выѣхали изъ этого дома. Они съ ночнымъ поѣздомъ отправились въ Гавръ, пробывъ въ Парижѣ только недѣлю. Они

Digitized by Google

наняли эту комнату съ мебелью привратника. Черезъ часъ послѣ этихъ испанцевъ, я перебрался сюда съ моимъ семействомъ. Прежняя моя комната была подъ самой крышей, въ нее лилъ дождь. Я караулилъ, когда очистится комната получше моей, и, какъ только испанцы уѣхали, тотчасъ же занялъ ее.

Выйдя изъ этого дома, Измаилъ и его товарищъ зашли въ мѣстную полицейскую контору. Тамъ имъ не сообщили ничего болѣе того, что они уже знали:—испанскіе матросы явились въ сопровожденіи парижанина, который заплатилъ за мѣсяцъ впередъ за комнату и за мебель. Одинъ изъ матросовъ говорилъ, что онъ боленъ, и ему предписано докторомъ полное спокойствіе до тѣхъ поръ, пока онъ отправится въ Гавръ и оттуда на корабль. Привратникъ предполагалъ, что они проживутъ, по крайней мѣрѣ, съ мѣсяцъ, и очень удивился, когда они третьяго іюля принесли ключъ отъ ихъ комнаты и велѣли ему взять обратно свою мебель. Парижанина не было съ ними на этотъ разъ. Вотъ все, что онъ зналъ.

Дѣло было ясно для Измаила. Исторія о кораблекрушеніи была изобрѣтена Дюмономъ съ помощью испанцевъ. А если „Лоро“ и дѣйствительно погибъ, то, во всякомъ случаѣ, Пакереты не было на этомъ кораблѣ, и весь разсказъ о ней былъ обманомъ. Дюмонъ, вѣроятно, случайно познакомился съ испанскимъ матросомъ въ Гаврѣ и уговорилъ его принять участіе въ задуманной комедіи, а Измаилъ принялъ за смертельную болѣзнь опьяненіе отъ опіума.

Одно обстоятельство оставалось необъяснимымъ: какимъ образомъ очутились письма Вальнуа къ Пакеретѣ. Ни одна женщина не ввѣритъ такихъ писемъ постороннему. Тайну эту не могли разгадать ни Измаилъ, ни полиція, не зная родства Дюмона съ Гекторомъ Вальнуа. Въ дѣйствительности же Дюмонъ, вскорѣ послѣ порученія Измаила, оставшись одинъ въ квартирѣ своего двоюроднаго брата, обшарилъ его бюро, ища какую нибудь записку Пакереты, чтобы присоединить этотъ документъ къ доказательствамъ ея смерти, и нашелъ цѣлый пакетъ писемъ Вальнуа, спрятанный Пакеретой съ другими бумагами.

Въ день похоронъ своей жены, Измаилъ получилъ письмо со штемпелемъ Лимерика. Это леди Констанція писала ему изъ главной гостинницы этого города.

Digitized by Google

„Я у преддверія Кирлюша", писала она:—„гдѣ проведу приближающуюся осень. Я думаю, что должна васъ увѣдомить, гдѣ я, чтобы избавить отъ безпокойства за меня. Исполните вашъ долгъ, Измаилъ, и не бойтесь за послѣдствія. Если провидѣнію было угодно, чтобы ваша жена спасла васъ отъ смертельной опасности, то примите ее опять въ вашъ домъ, и, можетъ быть, въ будущемъ вашъ союзъ будетъ счастливѣе, чѣмъ въ началѣ вашего брака. Невозможно, чтобы вы были постоянно несчастны. Да хранитъ Господь васъ обоихъ! Какъ бы ни была тяжела ваша жизнь, не оставляйте никогда праваго пути.

„Вѣчно вѣрный вамъ другъ

„Констанція Данетри".

Это письмо доказывало Измаилу, что противъ него не было гнѣва въ благородномъ сердцѣ Констанціи. Онъ телеграфировалъ ей тотчасъ же о смерти своей жены и о томъ, что, черезъ три мѣсяца отъ этого дня, онъ будетъ въ Кирлюшѣ,—„если вы мнѣ не запретите этого", оканчивалъ онъ.

Прошло три мѣсяца траура по женѣ, которая умерла для него тринадцать лѣтъ тому назадъ—три мѣсяца постоянной работы, помогавшей ему переносить разлуку съ милой сердцу.

Въ продолженіе этого времени, неаполитанецъ, обвиненный въ умышленномъ покушеніи на убійство Измаила, былъ приговоренъ къ пожизненной каторгѣ; съиграна была свадьба Армана Кератри съ Амаліей Жарзе; у Гектора Вальнуа констатировано совершенное размягченіе мозга. Старуха Лемуанъ поселилась въ опрятной комнатѣ, въ пріютѣ для престарѣлыхъ женщинъ. Тамъ она сидѣла у теплаго камина, трясла головой, бормотала о своей дочери, о внучкѣ и просила стаканчикъ водки. Ей трудно было жить безъ этого, и она не разъ жалѣла о Солнечномъ городѣ, о своемъ фонарѣ на палкѣ, объ объѣдкахъ, приносимыхъ ею въ конуру въ то счастливое время.

Была первая недѣля ноября, время паденія листьевъ, сѣраго неба, дождей и бурь, когда Измаилъ плылъ внизъ по Шанону на маленькомъ пароходѣ, приставшемъ у Кирлюша. Отлогіе берега этой красивой ирландской рѣки, извивавшейся къ морю, казались мрачными отъ сумрачнаго осенняго неба. Бѣлый туманъ тихо разстилался надъ полями. Берегъ,

Digitized by Google

къ которому приставъ пароходъ, казался пустыннымъ, но въ городѣ привѣтливо мелькали огоньки, и хотя городокъ былъ старый, въ немъ не видно было вопіющей бѣдности, какая царитъ въ центрѣ Ирландіи.

Измаилъ ѣхалъ въ телѣжкѣ по влажнымъ полямъ, напоминавшимъ ему Пин-Гоэльскія равнины. Онъ вдыхалъ солоноватый морской воздухъ Атлантическаго океана.

Крутой поворотъ дороги открылъ путешественнику линію болѣе многочисленныхъ котэджей, лучше построенныхъ, съ острыми соломенными крышами и высокими трубами. Вокругъ котэджей были сады съ осенними цвѣтами. Все это вмѣстѣ представляло маленькіе оазисы комфорта въ печальной странѣ.

Измаилъ проѣхалъ еще четверть мили и приблизился къ готическому зданію. Телѣжка его въѣхала въ ворота мимо великолѣпныхъ клумбъ. На большомъ каменномъ портикѣ замка, эпохи Тюдоровъ, стояла высокая, красивая женщина въ темномъ бархатномъ платьѣ. У ногъ ея были „Левъ“ и великолѣпный ирландскій сетеръ. Измаилъ въ минуту былъ подлѣ нея и сжималъ ея руки.

Они переписывались въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, окончившихся этимъ днемъ, но видѣлись въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ разстались у церкви, въ которой должны были соединиться на всю жизнь. Теперь они были опять вмѣстѣ. Всѣ формальности для ихъ брака выполнены заранѣе, и, на другой день по прибытіи жениха, долженъ былъ совершиться обрядъ вѣнчанія въ католической часовнѣ Кирлюша, въ присутствіи отца невѣсты, пріѣхавшаго изъ Гомбурга и нѣсколько утомленнаго лѣченьемъ на водахъ. Въ тѣ дни шла сильная игра на зеленыхъ столахъ въ Гомбургѣ.

Измаилъ, въ день своего пріѣзда, остановился у священника, домъ котораго находился среди котэджей, выстроенныхъ по вкусу леди Констанціи. Что же касалось до крестьянъ лорда Кирлюша, то во всѣхъ его владѣніяхъ они жили въ полуразвалившихся лачугахъ, какъ все бѣдное ирландское населеніе.

— Конечно, я имѣю право употребить на постройку новыхъ котэджей тѣ деньги, которыя заплатила бы Ворту за одно платье,—говорила Констанція свѣтской пріятельницѣ, со-

Digitized by Google

жалѣвшей, что леди тратитъ большія суммы на жилища бѣдняковъ.

— Но они неблагодарны, упорствовала пріятельница.—Я выстроила нѣсколько новыхъ котэджей для моихъ крестьянъ, и съ тѣхъ поръ не имѣю отъ нихъ покоя, когда бываю въ деревнѣ. Они ничего не понимаютъ въ комфортѣ и пристаютъ, чтобы устроить имъ ихъ дрянные камины. Никакихъ улучшеній этотъ народъ не понимаетъ. Оставьте невѣждъ жить, какъ они хотятъ, и давайте имъ водки, когда они больны. Вотъ все, что можетъ сдѣлать хорошій землевладѣлецъ.

— Я не забочусь о благодарности! возразила Констанція:— но люблю красивые котэджи и веселые очаги сытыхъ, хорошо одѣтыхъ поселянъ. Это я всегда могу сдѣлать на собственныя деньги, отказавъ себѣ въ парѣ нарядныхъ платьевъ въ годъ.

Счастливые женихъ съ невѣстой поговорили нѣсколько времени въ залѣ, обитой панелями, потомъ прошли въ гостинную, гдѣ Измаилъ былъ представленъ лорду Кирлюшу, старому аристократу съ римскимъ носомъ, въ короткой жакеткѣ. Онъ радушно принялъ Измаила и былъ съ нимъ чрезвычайно любезенъ во время обѣда. Разговоръ шелъ большею частью объ извѣстныхъ личностяхъ парижскаго общества, о старыхъ скандалахъ, объ остротахъ, засѣвшихъ въ памяти стараго аристократа. Послѣ обѣда, Измаилъ и леди Констанція пробыли вдвоемъ весь вечеръ.

На слѣдующее утро, графъ Себастіанъ Карадекъ и леди Констанція Данетри были обвѣнчаны, и на этотъ разъ никакое трагическое происшествіе не помѣшало браку. Старый священникъ произнесъ благочестивое наставленіе новобрачнымъ, пропѣлъ свадебный гимнъ, а затѣмъ карета лорда Кирлюша увезла Измаила и его жену на первую станцію ихъ путешествія, въ Килларней, гдѣ они намѣревались начать свой медовый мѣсяцъ, у голубыхъ водъ озера, среди рощъ и кустарниковъ съ пунцовыми ягодами.

Въ декабрѣ они пріѣхали обратно въ Парижъ. У Измаила накопилось много дѣлъ, и жена гордилась его трудолюбіемъ, его добротой, когда осматривала его дѣтскій пріютъ, гдѣ множество радостныхъ голосковъ привѣтствовали

Digitized by Google

своего покровителя, и счастливыя личики выражали дѣтскую любовь.

Констанція Карадекъ была вѣрной подругой своему мужу въ его предпріятіяхъ и въ благотворительности, раздѣляла его надежды и сочувствовала всѣмъ его благороднымъ стремленіямъ. Ради своей аристократки-жены, онъ, такъ долго извѣстный парижанамъ подъ именемъ Измаила, принялъ наконецъ свое настоящее имя. Старый Пин-Гоэльскій замокъ былъ реставрированъ, украшенъ, и сдѣлался однимъ изъ красивѣйшихъ замковъ Франціи. Къ нему опять были присоединены, прежде распроданныя, обширныя владѣнія графовъ Карадекъ. Измаилъ, отверженный своей семьей, сдѣлался возстановителемъ величія своего рода и достойно поддержалъ славу своихъ предковъ.

XIII.

Въ концѣ 1867-го года начали сгущаться мрачныя тѣни на политическомъ горизонтѣ, и звѣзда императора, сначала такая яркая, затмилась подъ наплывомъ грозовыхъ тучъ.

Въ столицѣ дворцовъ, блестящихъ театровъ и кафе-ресторановъ царила роскошь по прежнему, но корень дерева уже подгнилъ, нація теряла опору, имперія не принадлежала императору, который не укрѣпилъ ея за собою и конституціей. Даже мелкіе мѣщане, дворяне и торговый людъ спѣшили скорѣе продать свое имущество. Международная ярмарка оставила за собою безнадежную будущность и упадокъ.

Трагическое воспоминаніе о Кверетаро легло тяжелымъ гнетомъ на многія сердца, а мексиканскій заемъ опустошалъ кошельки довѣрчивыхъ парижанъ. Шли слухи о заговорахъ, о подпольныхъ республиканскихъ и коммунистскихъ замыслахъ, о тайномъ обществѣ, называемомъ революціонной коммуной парижскихъ работниковъ. Одинъ изъ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ императора обнародовалъ письмо къ нему, въ которомъ предостерегалъ объ опасности. „Враги ваши, подъ предлогомъ введенія парламентскаго управленія, поклялись погубить васъ; имперія рушится со всѣхъ сторонъ; министры примыкаютъ къ вашимъ непріятелямъ и измѣняютъ политикѣ послѣднихъ четырнадцати лѣтъ. Домъ вашъ въ пла-

Digitized by Google

мени". Такъ писалъ Персиньи своему повелителю, но предостереженіе было сухо принято.

Здоровье императора разрушалось, умъ его терялъ прежнюю ясность. Въ молодости и въ зрѣломъ возрастѣ, смѣлый до дерзости, онъ полагался только на самого себя, вѣрилъ въ свою звѣзду, надѣялся, что она спасетъ его; а теперь потерялъ надежду въ себя, въ свои силы. Онъ оставался теперь въ бездѣйствіи, въ одиночествѣ.

Ранней весной 1868 года, когда почки на императорскомъ деревѣ въ Тюльери начали распускаться, въ свѣтлый апрѣльскій день, случилось событіе, которое въ продолженіе сутокъ отвлекло общество отъ разговоровъ о войнѣ, о путешествіи архіепископа Дюпанлу въ Римъ, о республиканскомъ журналѣ „Фонарь", издаваемомъ Рошфоромъ.

Въ это время, по сосѣдству съ Шатле, существовала старая улица—историческая по мрачнымъ событіямъ—останавливающая взглядъ поэта или живописца, но опасная для прохожаго. Парижская полиція, прекрасно организованная и дѣятельная, не могла принести здѣсь большой пользы, избѣгала даже посѣщать Старую Фонарную улицу, если тамъ не случалось чего нибудь необычайнаго. Это былъ вертепъ преступленій, принадлежавшій преступникамъ. Агенты, проникавшіе туда для какого нибудь слѣдствія, опасались за свою собственную жизнь. Эта глухая улица оканчивалась чѣмъ-то въ родѣ ступеней, ведущихъ въ переулокъ, ниже ея расположенный.

Въ одно прекрасное апрѣльское утро, когда весенній вѣтерокъ, дувшій съ рѣки, доносилъ ароматъ цвѣтущихъ садовъ и огородовъ, въ этомъ переулкѣ найденъ былъ человѣкъ, повѣсившійся на желѣзной оконной перекладинѣ, у входа въ какой-то кабакъ. Онъ не былъ обывателемъ этой улицы, и никто ничего о немъ не зналъ. Одинъ изъ жильцовъ того дома, сойдя съ лѣстницы, былъ пораженъ видомъ этого нежданнаго гостя, покончившаго съ собою въ глухую ночь. Мертвецъ одѣтъ былъ прилично, не смотря на ветхость костюма. Явилась полиція, и по слѣдствію оказалось, что несчастный крѣпко привязалъ новую веревку къ массивной перекладинѣ надъ плоскимъ камнемъ, который и послужилъ ступенью къ смерти для самоубійцы.

Мѣсто это, вѣроятно, заранѣе было выбрано, чтобы безъ

Digitized by Google

помѣхи покончить съ жизнью, вдали отъ состраданія, сожалѣній и полицейскаго вмѣшательства, и гдѣ видъ повѣсившагося не былъ диковинкой. Въ карманахъ трупа не нашлось никакихъ бумагъ, по которымъ можно было бы признать его личность, и тѣло отвезли въ моргъ. Тамъ скорѣе могъ кто нибудь узнать повѣсившагося, что̀ и случилось очень скоро: одинъ студентъ медицины, пришедшій въ моргъ для научныхъ наблюденій, увидѣвъ мертвеца, на лицѣ котораго застыла полудобродушная, полуциническая улыбка, тотчасъ узналъ въ немъ посѣтителя „Пантагрюэля“, который называлъ себя въ послѣдніе годы Jean-N'importe, но всѣмъ хорошо былъ извѣстенъ, какъ бывшій поэтъ Гекторъ Вальнуа, авторъ поэмы „Мои бѣлыя ночи“—тонкій критикъ, обѣщавшій быть знаменитымъ поэтомъ Франціи, человѣкомъ, имя котораго прославилось бы во всей странѣ. Въ Парижѣ такъ кончали многіе, которые могли бы быть великими людьми. Такъ погибъ въ той же улицѣ даровитый писатель Жераръ де-Нерваль. На глазахъ студента навернулись слезы, когда онъ смотрѣлъ на аристократическое лицо съ тонкими чертами, заостренными смертью.

— Бѣдняга! промолвилъ студентъ.—Развѣ тебя не могъ убить абсентъ, что ты прибѣгнулъ къ веревкѣ? Я сдѣлаю сегодня сборъ въ „Пантагрюэлѣ“, и мы похоронимъ тебя прилично, рядомъ съ Бальзакомъ. Знаменитый марселецъ Гамбетта скажетъ рѣчь на твоей могилѣ.

Черезъ недѣлю послѣ похоронъ Гектора Вальнуа на кладбищѣ отца Лашеза, появился въ парижскомъ обществѣ второй томъ стихотвореній: „Мертвыя кости“, виконта де-Поншартріана, красиво переплетенный, на атласистой бумагѣ, съ красными заглавными буквами и затѣйливыми разноцвѣтными арабесками. Стихи были приняты съ энтузіазмомъ маленькимъ обществомъ, для котораго сумасбродная смѣлость мыслей и мрачность идей казались великимъ литературнымъ достоинствомъ. Это было въ модѣ въ Парижѣ и въ 1867-мъ году, но теперь стремленіе къ атеизму даже увеличилось. Стихи напоминали Боделера, смотрѣвшаго на жизнь, какъ на агонію. Но, не смотря на всѣ недостатки, они имѣли большой успѣхъ. Маленькій виконтъ упивался своей славой. Къ нему прибѣгали за объясненіемъ нѣкоторыхъ пассажей, до того глу-

Digitized by Google

бокихъ, что они были недоступны для массы читателей. Но виконтъ искусно выпутывался, философствовалъ, декламировалъ дамамъ, слушавшимъ его съ напряженнымъ вниманіемъ. Однимъ словомъ, онъ былъ героемъ сезона, желаннымъ гостемъ всякой гостинной.

На одномъ изъ тюльерійскихъ баловъ, когда даже императоръ сказалъ нѣсколько комплиментовъ поэту, и тотъ, въ восторгѣ отъ августѣйшей похвалы, мечталъ уже объ академіи и орденѣ,—госпожа Кератри, изящно одѣтая, въ платьѣ отъ Ворта, смѣющаяся, веселая, торжествующая въ своей роли новобрачной, зазвала виконта въ амбразуру окна и попросила его сѣсть подлѣ нея, для того чтобы разсказать ему одинъ пресмѣшной анекдотъ. И тамъ, лучезарно ему улыбаясь, она разсказала о своемъ визитѣ къ литературному красильщику и о томъ, какъ она и Кератри прятались на чердакѣ и слышали всю замѣчательную бесѣду о покупкѣ стиховъ.

— Вы не чувствуете, что теперь, когда ваша книга пріобрѣла такой успѣхъ, вамъ слѣдовало бы пожалѣть, что вы такъ мало платили этому бѣдняку за его работу? сказала она съ упрекомъ.—Я слышала на дняхъ, что онъ повѣсился въ какой-то старой улицѣ—въ припадкѣ безумія, а, можетъ быть, и отъ нищеты. Въ газетахъ описывались его похороны и приводилась великолѣпная рѣчь, сказанная при этомъ молодымъ марсельскимъ адвокатомъ, достойнымъ преемникомъ Берье и Араго.

— Стихи, о которыхъ вы говорите, не могли вылиться изъ ослабѣвшаго мозга этого поэта, бормоталъ виконтъ, стараясь выпутаться изъ отчаяннаго положенія.—Вы не можете предполагать, что я.....

— Что вы присвоили себѣ работу другаго? Конечно, нѣтъ, виконтъ, особенно послѣ вашего негодованія у леди Констанціи Данетри, когда я завела разговоръ о „красильщикѣ“, а вы горячились, повторяя: это невозможно! Но что, еслибы я разсказала объ этомъ анекдотѣ?

— Вы, вѣроятно, и разсказали уже всѣмъ вашимъ знакомымъ? вскричалъ виконтъ.

— Ни одному смертному! Но признаюсь, что сохраняю это въ секретѣ ради Гортензіи, которая настолько проста, что вѣритъ и удивляется вамъ. Еслибы не она, я, конечно,

Digitized by Google

разсказала бы всему Парижу. Анекдотъ слишкомъ забавенъ, чтобы о немъ умалчивать.

— Можетъ быть, вы ради вашей сестры воздержитесь говорить о томъ, что вы совершенно превратно понимаете,—съ достоинствомъ сказалъ виконтъ и удалился отъ Амаліи Кератри, смѣявшейся за своимъ вѣеромъ.

На слѣдующее утро, виконтъ де-Поншартріанъ сдѣлалъ предложеніе Гортензіи Жарзе и сдѣлался счастливъ обожаніемъ довѣрчивой жены. Свѣтъ не скоро узналъ всю истину. Но поэтъ, сдѣлавшись семьяниномъ, не издавалъ больше стихотвореній.

Конецъ.

Digitized by Google

БЫЛЬ МОЛОДЦУ НЕ УКОРЪ.

(Изъ воспоминаній провинившагося человѣка).

I.

Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ.

Мой отецъ, чиновникъ изъ „университетскихъ“, служилъ безъ всякихъ протекцій; добравшись собственными познаніями и усердіемъ до должности совѣтника губернскаго правленія, — онъ, естественно, много лѣтъ просидѣлъ потомъ на одномъ стулѣ, а мать, женщина простая, кроткая, занималась хозяйствомъ и наслѣдственнымъ своимъ домомъ. Жили мои родители скромно, акуратно, а меня, — какъ единственное дитя,—любили, берегли и баловали по своему разумѣнію. Безбѣдно, беззаботно и легкомысленно провелъ я юность подъ родительскимъ кровомъ. Въ годъ окончанія мною гимназическаго курса, умерла мать. Отецъ и я искренно погоревали объ ней и понемногу, какъ водится, примирились съ неизбѣжнымъ человѣческимъ удѣломъ—переселенія туда, гдѣ „нѣсть печали и воздыханія...“ Слѣдить за мною и ласкать меня уже некому стало... Я и влюбился,—разумѣется, платонически,—въ нашу сосѣдку по квартирѣ, молоденькую гимназистку. Кто-то замѣтилъ мое увлеченіе и сообщилъ о немъ отцу. Онъ сильно пожурилъ меня за это и поспѣшилъ отправить меня доканчивать образованіе въ университетъ.

— Нуждаться въ урокахъ, какъ я, бывало, для прокормленія, ты не будешь: я стану высылать тебѣ денегъ на прожитіе, сказалъ онъ мнѣ на прощанье.—Помни: — ни въ какія исторіи по части „завиральныхъ идей“ — не вмѣшивайся, веди себя осторожно, учись прилежно, а кончишь курсъ и вернешься сюда, — я тебя пристрою на службу, и мы будемъ жить вмѣстѣ. Все, чего я *впереди* горячо желалъ бы,—это видѣть тебя счастливымъ или, по крайней мѣрѣ, хотя благополучнымъ. Мои думы и заботы будутъ постоянно о тебѣ. Такъ не огорчай же меня, ради Бога, на старости моихъ лѣтъ.

Я обѣщалъ отцу сдѣлаться достойнымъ, покорнымъ сыномъ; онъ благословилъ меня, мы крѣпко обняли другъ друга и, со слезами на глазахъ, разстались. По прибытіи въ N., я поступилъ въ университетъ. Совершенно новыя лица, обстановка и стрем-

Digitized by Google

ленія живо разсѣяли мою любовь къ сосѣдкѣ, которую я, прибавлю кстати, вскорѣ же потерялъ изъ виду. Я получалъ отъ отца акуратно: на содержаніе по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ, а къ рождеству и къ пасхѣ—прибавочныхъ на обмундировку по сту рублей, и матеріально ни въ чемъ, дѣйствительно, нужды не терпѣлъ.

Учился я, какъ и большинство товарищей, надо признаться, плоховато; насъ отчасти не умѣли, а главное—не хотѣли расположить къ наукамъ; происходило же это — кажется мнѣ — вотъ почему. Наши профессора, зараженные духомъ эгоистическаго времени, гонялись не за наукою, а за карьерой, да за презрѣннымъ металломъ. Напримѣръ, къ одному, съумѣвшему въ 35 лѣтъ отъ роду добиться генеральства, товарищи относились съ неимовѣрною завистью; другой, съ цѣлью же быстраго повышенія по службѣ, прокурорствовалъ, не взирая на рѣшительную несовмѣстимость должностей прокурорской съ профессорской; третій издавалъ плохенькую газетку, которой отдавался весь; четвертый содержалъ кирпичный заводъ; пятый — ломовыхъ извощиковъ; шестой—по подряду мостилъ городскія улицы; четверо служили, кромѣ университета, въ разныхъ еще комисіяхъ и административныхъ мѣстахъ; нѣсколько человѣкъ одновременно преподавали въ четырехъ-шести заведеніяхъ, засѣдали въ банкахъ и „взаимныхъ кредитахъ“, пристраивались къ филантропическимъ комитетамъ, которыми завѣдывали вліятельныя лица, чтобы чрезъ нихъ пробираться въ высь. Наконецъ, многіе славились бездарностью, и лишь два-три человѣка отличались дарованіемъ.

Такимъ образомъ, нѣкого, да и нѣкогда было слушать: мужи якобы науки являлись на каѳедры, точно бывшіе крѣпостные на противную помѣщичью барщину, отрапортовывали свои лекціи наскоро, зря, или вовсе не являлись, а потомъ записки свои компилировали, какъ попало, безъ системы и безъ всякихъ выводовъ. Между собою они постоянно интриговали, диссертаціи товарищей публично называли ничтожествомъ, а въ факультетахъ—присуждали авторамъ ученыя степени въ силу того лишь соображенія, что онѣ были нужны каждому изъ нихъ,—слѣдовательно, рука руку мыла, чтобъ обѣ чисты были. Предъ нами, слушателями, они всячески другъ друга унижали, а при встрѣчѣ, на нашихъ же глазахъ, чуть не лобызались, какъ закадычные друзья. Въ довершеніе всего, нѣкоторыхъ изъ нихъ въ газетахъ и журналахъ смѣшивали съ грязью, а другіе сами, случалось, печатно поносили своихъ коллегъ, приписывая имъ самыя позорныя дѣянія...

Все, мною сказанное, низводило въ нашихъ глазахъ авторитетъ профессоровъ до нуля: по молодости и впечатлительности, мы считали ихъ не представителями науки, а людьми, торговавшими ею, людьми, которые всему предпочитали карьеру и деньги...

И вотъ, „жаждой правды изнывая“ и не получая ея отъ *обязательныхъ* своихъ руководителей,—мы, по наивности своей, искали ее внѣ университетскихъ стѣнъ, но и тамъ находили лишь недовольство, фальшь и стремленіе къ хватанію лакомыхъ кус-

Digitized by Google

ковъ отъ общественнаго пирога... Насъ коробило, мы впадали въ апатію, въ хандру; понятія о чести, о нравственномъ долгѣ расшатывались въ насъ; мы дѣлались унылыми, а многіе и настолько отчаянными, что жизнь теряла для нихъ всякую цѣну.

Съ отцомъ я, правда, исправно переписывался и лично видѣлся съ нимъ на лѣтнихъ каникулахъ, но, къ сожалѣнію, ни самъ я уже не чувствовалъ потребности откровенничать съ нимъ, ни его не хотѣлъ тревожить своими сомнѣніями, которыхъ онъ, —какъ мнѣ казалось,—не понималъ, хотя настойчиво продолжалъ предостерегать меня отъ „завиральныхъ идей"...

Однажды, предъ выпускными экзаменами, сидѣлъ я въ кружкѣ товарищей. Среди насъ былъ одинъ, пробивавшійся грошовыми уроками, какъ говорится, съ „хлѣба на квасъ". и дома, въ глуши, имѣлъ онъ такихъ же, какъ самъ, нищихъ: мать и трехъ малолѣтнихъ сестрёнокъ, ждавшихъ, какъ манны небесной, того времени, когда онъ окончитъ курсъ и сдѣлается ихъ кормильцемъ. Между тѣмъ онъ, чтобы не голодать и не тратить времени на безполезное лицезрѣніе профессорскихъ физіономій въ аудиторіяхъ, совсѣмъ не ходилъ въ университетъ, а въ данный моментъ страшно горевалъ, что ни къ какому экзамену не приготовился. Долго мы судили и рядили, какъ ему помочь, а онъ все сѣтовалъ на свою судьбу... Пламенная рѣчь его о голодавшей семьѣ тронула меня до глубины души, и я, въ порывѣ юношескаго великодушія, вдругъ предложилъ идти за него экзаменоваться. Всѣ восторженно приняли мое предложеніе и ободряли меня на этотъ подвигъ, на томъ основаніи, что у насъ все дѣлалось зря, и такія оказіи случались прежде, значитъ, и мой поступокъ сойдетъ, дескать, благополучно. На утро я началъ было колебаться, но дворянскій гоноръ помѣшалъ мнѣ отступиться отъ своего слова. Я пересилилъ свою трусливость, походилъ по аудиторіямъ и, какъ мнѣ казалось, дѣйствительно благополучно добылъ горемыкѣ дипломъ, а потомъ радовался, что выручилъ товарища изъ бѣды.

Прошло недѣли двѣ. Была глухая полночь. Я безмятежно спалъ. Вдругъ меня разбудили. Я протеръ глаза и вздрогнулъ, увидѣвъ предъ собою полицейскихъ и дворниковъ. Они обшарили мою комнату, нашли нѣсколько лакомыхъ для молодежи вещей, и пригласили слѣдовать за ними... Я совершенно растерялся и нежданно-негаданно очутился въ участкѣ.

Когда я нѣсколько оправился и опомнился—я стоялъ подъ надзоромъ стража, въ грязной большой комнатѣ, наполненной разнымъ народомъ. Духота и скверный запахъ располагали къ тошнотѣ, а табачный дымъ рѣзалъ глаза. Возлѣ трехъ столовъ усердно строчили шесть оборванцевъ, которые и сами курили, и давали затянуться, повидимому, своимъ знакомымъ, шнырявшимъ около нихъ. Всѣ толкались, острили, ворчали и вполголоса бесѣдовали между собой. Я придвинулся къ одному изъ столовъ, сѣлъ на подоконникъ и прислушался.

— Послушайте! обратился, судя по платью, купецъ—къ одному изъ оборванцевъ:—послушайте, Иванъ Ивановичъ, сколько слѣдуетъ съ меня за позднюю торговлю, чтобы за душу не тянули?

Digitized by Google

— А какая у васъ, Петръ Алексѣичъ, торговля-то была: съ дракой или безъ драки?

— То-то, дружище, особенно и скверно, что съ чудесной дракой.

— Ежели въ духѣ—на „Петрѣ" съѣдешь, а нѣтъ—„Катерину" припасай.

— А четвертнымъ билетомъ нешто нельзя, братецъ, отбояриться?

— Нѣ-нѣтъ-съ: дешевыя времена быльемъ поросли, потому нынче *права* ухъ какія широкія. Черкнемъ: такой, молъ, сякой, немазаный—и заведенье, трахъ, закроютъ.

— Быдто такъ ужь и строго? жаловаться на этакій афронтъ. чай, тоже вѣдь можно.

— Попробуй,—такъ мы эдакъ тебя раскрасимъ, что и на луну, пожалуй, угодишь... Коли велятъ держать васъ въ ежовыхъ рукавицахъ,—такъ прежнія *обязательныя* праздничныя сами удесятерите.

Оборванецъ шепоткомъ принялся наставлять трактирщика, какъ продолжать позднюю торговлю съ дракой, но безъ отвѣтственности.

— А за тухленькую курицу, что я продалъ, какъ быть? донеслось до моихъ ушей съ другой стороны.

— Протоколъ составленъ или нѣтъ?

— Въ полномъ акуратѣ: курицу сбыли вашему ходоку по судамъ.

—Приноси картинку съ Михаиломъ, обстряпаемъ и ходока, рѣшилъ писецъ.

— Ладно. А нашъ хозяинъ съ заборомъ, не слыхали, сладился?

— Да, на Катеринѣ кончили.

— Резонтъ, потому хозяинъ опростоволосился по несмысленности. Онъ добылъ разрѣшеніе строить флигерь, и молчкомъ велѣлъ огородиться. Поколь облаживали заборъ, возили лѣсъ, кирпичъ и прочій мартерьялъ,—*вашъ* все это видѣлъ да молчалъ, а какъ только кончили—онъ и налетѣлъ: дорогу, молъ, загородили—и приказалъ все сломать, убрать. А куда, коли мѣста нѣтъ?

— На то, братъ, и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ.

Изъ смежной комнаты гордо вышелъ, въ отличномъ сюртукѣ, бравый офицеръ. Всѣ стихли.

— Вы на что собственно претендуете? спросилъ онъ прилично одѣтаго мужчину.

— На то, какъ будочникъ смѣлъ тащить меня сюда, ежели я только замѣтилъ № его бляхи, чтобы пожаловаться за его дерзкій отвѣтъ на мой деликатный вопросъ. Вѣдь номера для того собственно и сдѣланы, чтобы ихъ замѣчать!

— Вы могли пожаловаться мимо насъ начальству, оно спросило бы насъ, а мы ничего бы и не знали. Въ предупрежденіе такихъ недоразумѣній, мы и приглашаемъ сюда всѣхъ, замѣчающихъ номера, чтобы заблаговременно быть готовыми къ отвѣту. Объ этомъ было особое распоряженіе.

Digitized by Google

— Покажите мнѣ его, и я удовлетворюсь.

— Не могу: оно *секретное*.

— Явные номера нельзя замѣчать на основаніи тайныхъ запрещеній? Поразительная система!

— Критиковать частнымъ людямъ не предоставлено, и вы воздержитесь отъ этого, не то...

— Не то мнѣ же достанется? Благодарю, не ожидалъ.

Обиженный круто повернулся и исчезъ въ толпѣ.

— Ахъ, Акимъ Никоничъ, какими судьбами? воскликнулъ ласкательнымъ тономъ бравый офицеръ, увидѣвъ входившаго въ комнату плюгаваго, черненькаго человѣка.

— Не судьбами, а ногами завернулъ я—предупредить, что завтра васъ будутъ внезапно ревизовать.

— Спасибо, голубчикъ, за предупрежденіе. Пойдемте ко мнѣ.

Обнявшись за таліи, оба удалились.

— Кто это? освѣдомился писецъ, очевидно, новичокъ, у другаго, стараго служащаго.

— Гончая собака. Онъ постоянно бѣгаетъ, все знаетъ, даже и то, что только задумаютъ. Этимъ способомъ онъ нѣсколько тысячъ въ годъ наживаетъ: всѣ ему платятъ за всякія свѣдѣнія.

— Научи, пожалуйста, какіе именно прописать отвѣты противъ 15 вопросовъ, напечатанныхъ на этомъ бланкѣ о Трифоновѣ?

— Кликни дворника дома, въ которомъ онъ живетъ, допроси его и отвѣть.

— А какъ онъ навретъ?

— И на здоровье; эти справки *негласныя*, стало быть, пиши, что хочешь—всему повѣрятъ.

— Но дворникъ, можетъ статься, сердитъ за что нибудь на Трифонова и вздумаетъ ему напакостить?

— На его душу и падетъ грѣхъ... Кромѣ дворниковъ да прислуги, не отъ кого, да и некогда дознаваться о тѣхъ, кто явно не дебоширитъ. Ну, и довольствуемся дворницкими справками, благо наше дѣло только отписаться, а Трифоновъ никогда не узнаетъ, какъ его атестовали. Понялъ?

— Н-да. Мелко же мы, однако, плаваемъ по части свѣдѣній!

— Да глубоко-то плавать надо много денегъ, свои потратить никому не охота, а отпускается на это мало; притомъ же, своя рубашка ближе къ тѣлу...

— Аверинъ! вдругъ прозвучала въ ушахъ моя фамилія.

Стражъ направилъ меня въ смежную комнату. Тамъ, возлѣ стола, величественно сидѣлъ свирѣпый квартальный съ сизымъ носомъ и багровымъ лицомъ.

— Кого требуютъ, тотъ не долженъ ожидать особыхъ приглашеній, рявкнулъ онъ на меня.

— Всякое *законное* требованіе, почтительно замѣтилъ я:—должно выражаться въ приличной формѣ; вы же...

— Тѣхъ, съ кѣмъ слѣдуетъ говорить прилично, мы сюда не таскаемъ, перебилъ онъ меня.—Если вы изъ числа такихъ имен-

Digitized by Google

но особъ,—извиняюсь, что самъ не представился въ парадной формѣ...

— Къ какимъ бы особамъ я ни принадлежалъ, во всякомъ случаѣ, не резонъ глумиться надо мною...

— Конечно, глумиться не резонъ: мы живемъ въ вѣкъ прогресса, равноправности, гуманности и всякой ерунды... Однако-жъ —кто такой?

— Тотъ самый, фамилію котораго вы выкликнули, и который все еще надѣется на вѣжливое съ нимъ обращеніе.

— Да, да, вѣжливость прежде всего. Пардонъ! Садитесь, пожалуйста, но, къ сожалѣнію, покамѣстъ не на чемъ. Какого званія?

— Это видно изъ моего паспорта, здѣсь прописаннаго. Впрочемъ, чтобы вы не затруднялись, какъ говорить мнѣ: „вы“ или „ты“, напоминаю вамъ, что я потомственный дворянинъ.

— Израильскій?

— Нѣтъ, чисто русскій дворянинъ, который на дерзости отвѣтитъ дерзостью же. Не истощайте же моего терпѣнія.

— Молч-ать! Я тебѣ, шельма этакая, покажу, кто я!..

— Перестаньте ломаться,—въ послѣдній разъ прошу васъ. Ваше поведеніе обличаетъ ваше невѣжество.

— Эй! составить протоколъ о дерзостяхъ, нанесенныхъ мнѣ этимъ гусемъ, во время отправленія *служебныхъ* моихъ *обязанностей*; самого его въ каморку, чтобы не удралъ, а потомъ отправить уже по принадлежности. Исполнить!

Меня мгновенно втолкнули въ темную каморку. Тамъ кто-то храпѣлъ, кто-то бурлилъ, а кто-то и стоналъ. Отъ злости я затопалъ ногами.

— Сдѣлай, братъ, милость, угомонись! урезонивалъ меня одинъ изъ товарищей по заключенію:—нето отворятъ и всѣмъ намъ бока намнутъ. Я, братъ, это ужь на себѣ испыталъ...

— А за что ты попалъ сюда? спросилъ я своего предостерегателя.

— Съ дворникомъ маленько подрался; дворники же—младшая полиція, ну, супротивъ нея и не шумаркай.

— На чемъ тутъ сидятъ или лежатъ?

— На чемъ, друже, стоишь, на томъ и ложись, какъ хочешь, поддержалъ другой голосъ.—Я хворый, и то маюсь тутъ.

— По какому случаю?

— По оченно простому: я, маляръ, упалъ съ лѣсовъ, расшибся; свезли меня въ больницу, полѣчили, выписали, да и вернули сюда, съ наказомъ взыскать съ меня больничныхъ рубль сорокъ копѣекъ. А какъ у меня гроша за душой нѣтъ, то меня и отправятъ по этапу на родину, за двѣ почитай тысячи верстъ, чтобъ обчество заплатило за меня.

— Гм... Жаль, братъ, тебя, помогъ бы, да самъ въ неволѣ...

Утомившись стоять (ходить, по тѣснотѣ каморки, негдѣ было), я сѣлъ на полъ и тотчасъ же почувствовалъ на рукахъ и на шеѣ работу насѣкомыхъ... Мало по малу все стихло; тѣмъ не менѣе, о снѣ нелѣпо было и помышлять, вслѣдствіе ожесточенія голод-

Digitized by Google

ныхъ насѣкомыхъ. Я и прободрствовалъ до ранняго утра, а тамъ меня препроводили дальше.

„Отъ сумы, да отъ тюрьмы никто не отрекайся", съ горечью твердилъ я себѣ по пути къ новому назначенію. Я переступилъ порогъ тюремныхъ воротъ, визгливо проскрипѣвшихъ на заржавленныхъ петляхъ, и сердце во мнѣ екнуло, въ глазахъ зарябило, ноги задрожали. Мною овладѣлъ безотчетный страхъ за свою будущность... Я невольно остановился, перевелъ духъ и поплелся черезъ дворикъ; другія, уже деревянныя ворота тоже заунывно, словно погребальнымъ маршемъ, проводили меня. Въ ушахъ моихъ раздался пронзительный свистъ, кого-то и о чемъ-то предупреждавшій. Я протащился черезъ длинные коридоры, по которымъ далеко разносился глухой гулъ нашихъ шаговъ. Наконецъ меня ввели въ комнату съ рѣшетчатыми перегородками. Одинъ изъ моихъ проводниковъ ушелъ, а другой сѣлъ на скамейку.

— Садитесь и вы, участливо предложилъ онъ мнѣ. — Покамѣстъ здѣсь ваша пристань. Житье тутъ, право, не хуже, чѣмъ иному на волѣ, стало быть, и тужить шибко не стоитъ, особливо, коли ежели деньжонокъ имѣете.

Я сѣлъ, откинулъ голову назадъ, на стѣну, и вперилъ глаза въ потолокъ. Меня пронимала лихорадочная дрожь, въ глазахъ становилось все темнѣе и темнѣе, а на душѣ все тяжелѣе...

— Насилу, братъ Семеновъ, толку добился, молвилъ вернувшійся къ намъ другой проводникъ.—Идемъ: сдалъ!

— Счастливо оставаться, пожелалъ мнѣ Семеновъ. — Благородный! прибавилъ онъ вошедшему съ узломъ, заспанному сторожу.

— Нонѣ что благородный, что простой,—все единственно рестантъ, произнесъ солдатъ.—Н-да, благородствомъ кичиться нечего: плевсе оно дѣло, коли бѣденъ, да къ намъ приволокли.—Раздѣнься-ка, баринъ, догола, какъ мать родила.

— Это зачѣмъ? жалобно спросилъ я. — Я не покушаюсь бѣжать...

— Надо, коли велятъ: рестанты *все* должны исполнять безъ всякихъ околичностей, а объ своемъ разумѣ у насъ шумаркать нельзя. Вотъ каковы наши порядки.

Я тупо повиновался этой унизительной операціи. Онъ порылся въ моихъ волосахъ, въ ушахъ, во рту... вездѣ. Какъ я послѣ дознался,—искалъ онъ денегъ, либо запретныхъ вещей, но, убѣдившись, что ничего нѣтъ, велѣлъ мнѣ одѣться въ грубое холщевое бѣлье, сапоги, черныя брюки изъ толстаго сукна, жилетъ и пиджакъ, а мои вещи свернулъ въ узелъ и унесъ. Я опять сѣлъ на скамейку и трепетно ждалъ, что будетъ дальше? Немного погодя, ко мнѣ, втолкнули высокаго, коренастаго и растрепаннаго мужчину въ изодранной чуйкѣ.

— Ишь, сволочь, какъ пихается, заворчалъ онъ.

— Не упирался бы, и не пихали бы тебя, душегубъ этакій, отвѣтилъ солдатъ.—Онъ человѣка убилъ, а до него и дотронуться не моги: велика фря!

— За убивство отвѣчу, а вы драться не смѣй, рисовался

Digitized by Google

мужчина.—Ежели мнѣ удастся оправдаться, и попадешься мнѣ гдѣ нибудь въ руки,—клянусь, натерпишься муки!

— Не пустомель: не на волю, а на каторгу отправишься ты отсюда, а предъ отправкой плетей еще отвѣдаешь.

— Плетей? Ни въ жисть! Скорѣй двѣ-три башки ваши сверну, къ разстрѣлу пойду, но плети... ни, ни... минуютъ меня.

— Не минуютъ, а взлупятъ тебя плети: онѣ для вашего брата, убивцевъ, опять введены.

— Эй, ты, сморчокъ, не дразнись, покуда цѣлъ! Смоттрри!..

Онъ схватился руками за перегородку, она затрещала; со стѣны полетѣла лампа, стекла задребезжали, и воцарился мракъ... Онъ, однако, не удовольствовался этимъ и такъ сильно стукнулъ кулакомъ объ столъ, что полъ-доски отломилось.

Все это произвело переполохъ. Прибѣжали еще солдаты съ фонаремъ.

— Взять его, скрутить и въ карцеръ, скомандовалъ надзиратель.

— Подступись, кому жизнь надоѣла! Мнѣ семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ,—крикнулъ онъ, ставъ въ оборонительное положеніе, съ отломленною отъ стола доскою въ рукѣ, гнѣвно сверкая глазами.

Солдатики,—ихъ было четверо,—не шевельнулись съ мѣста, а я, не желая опохмѣлиться въ чужомъ пиру, началъ отодвигаться.

— Тебя, не бойся, не трону: ты свой братъ — арестантъ, покровительственно произнесъ онъ, замѣтивъ мое движеніе вспять: —а вотъ изъ нихъ безпремѣнно кого нибудь раздавлю, какъ муху!—Онъ ругнулся площадными выраженіями.

— Взять, говорю, его и въ кар-рцеръ!.. Конвой сюда, въ штыки его!..

Одинъ изъ стоявшихъ сзади сторожей низко нагнулся, стремительно подлетѣлъ къ храбрецу и такъ сильно хватилъ его въ животъ головой, что онъ выронилъ доску изъ руки и отшатнулся назадъ. Въ этотъ моментъ налетѣли на него остальные и, общими силами, свалили его съ ногъ. Онъ заскрежеталъ зубами и испустилъ продолжительный, страшный вздохъ. Ему связали руки назадъ.

— Если хочешь, чтобъ ребра твои уцѣлѣли, встань и маршъ въ карцеръ.

Онъ всталъ, крякнулъ, потянулъ плечи и руки впередъ, и веревка лопнула.

— Приберегите вашу веревку для кого нибудь другаго, я иду куда угодно,—гордо заключилъ онъ, пошелъ и затянулъ: „Вдоль по матушкѣ по Волгѣ“...

Солдаты послѣдовали за нимъ съ поднятыми руками, но,— какъ я послѣ слышалъ,—напрасно: объявивъ, что пойдетъ „куда угодно“, онъ сдержалъ обѣщаніе; у крупныхъ преступниковъ „слово—олово“. Сцена эта поразила меня своею эффектностью. „Вотъ она, сила богатырская, удаль молодецкая въ чемъ сказывается, на что тратится“, раздумывалъ я. Снова растворилась

Digitized by Google

дверь, и въ нее вошли трое Изъ нихъ одинъ, пожилой, въ длинномъ арестантскомъ армякѣ, все всхлипывалъ.

— О чемъ хнычешь, тоску нагоняешь? упрекнулъ его сторожъ.—Сдѣланнаго вѣдь не воротишь!

— Въ томъ-то, друже, и бѣда, что не воротишь, заговорилъ мужичокъ.—Какъ предъ истиннымъ Богомъ говорю: пьяные были мы оба, онъ хлобыснулъ меня по уху, мнѣ это обидно показалось, я и хватилъ его полѣномъ, а изъ него и духъ вонъ... За эфто-то за самое таперечка на поселенье иду, жену и ребятъ бросаю на-вѣчно. На „фортункѣ“ (позорная колесница) покедова на площадь доѣхалъ, все нутро перевернулось, голову бы лучше отрубили, нежели стоять на шафотѣ... Родимые мои! Что-то съ вами безъ меня станется?!. Онъ зарыдалъ.—Владычица Пресвятая Богородица, заступись за насъ.

— Заступится, заступится, насмѣшливо подхватилъ другой.—Чѣмъ рюмить по бабьи, ступай-ка скорѣй на поселенье, да займи тамъ и мнѣ мѣстечко подходящее: я тебя догоню, потому въ четвертой кражѣ „втрекался“.

— Подавай халатъ и сапоги въ сдачу, прервалъ втораго солдатъ.—Вещи даны тебѣ только сюда добраться.

— На, на, мнѣ чужаго добра не надо, коли своево нѣтъ.—Онъ остался голымъ и босымъ.—Эдакъ-то вальяжнѣе, право-ну!

— И рубаху-то, дяденька, пропилъ? наивно спросилъ втораго третій, мальчикъ лѣтъ 15 на видъ.

— Не пропилъ, а продалъ въ части товарищу и рубаху, и сапоги, не нужны онѣ мнѣ больше: и здѣсь, и на дорогу до Сибири все казенное дадутъ, по кадетскому положенію. А ты, мальчонка, за что приплелся на казенную фатеру?

— Я жилъ въ половыхъ въ трактирѣ, кондракту не было, хозяинъ затерялъ мой паспортъ, а чтобъ не валандаться—прогналъ и меня. Бродилъ я, бродилъ по городу, никто безъ паспорта на мѣсто не беретъ; денегъ нѣтъ, ночевать негдѣ, жрать нечего. Я обозлился, да съ голодухи и слямзилъ съ лотка рыбину, а за нее и засудили на пять мѣсяцевъ.

— Ну, это пустяки. Посидишь, не тому еще научишься: тутъ, паренекъ, славная школа, далеко уводитъ!

— Г. Аверинъ! Подите-ка сюда, вызвали меня.

Я приблизился къ рѣшетчатому окошку, и писецъ записалъ съ моихъ словъ мое имя, отчество, лѣта, званіе и мѣсто рожденія. Потомъ солдатъ молча повелъ меня чрезъ коридоры и лѣстницы, отперъ какую-то дверь, ввелъ меня въ комнату, вышелъ изъ нея и заперъ снаружи на ключъ.

II.

Одиночное заключеніе и общія бесѣды.

Все видѣнное, слышанное и перечувствованное мною въ теченіе ночи и утра—совершенно пришибло, уничтожило меня. Я

Digitized by Google

стоялъ среди комнаты, какъ истуканъ... Долго ли я простоялъ неподвижно—не помню; но, очнувшись, оглядѣлъ свой номеръ—выкрашенную комнату, съ матовымъ стекляннымъ окошечкомъ, столикъ, табуретъ, желѣзную кровать съ жосткимъ матрацемъ, сѣрымъ одѣяломъ и подушкою въ холщевой наволочкѣ. Въ изнеможеніи растянулся я на постели и пытался разгадать, за что попался въ клѣтку, но не могъ: звяканье ключей, пронзительный гулъ шаговъ и отдаленный невнятный говоръ—рѣзали мнѣ слухъ, нервы, и лишали всякой сообразительности. Въ этомъ-то почти безсознательномъ состояніи засталъ меня пожилой докторъ; онъ что-то разспрашивалъ, толковалъ, обѣщалъ, но что именно—я не понялъ, даже почти не замѣтилъ его ухода и появленія фельдшера, который сунулъ мнѣ въ руку жестянку и велѣлъ выпить. Я машинально повиновался, потомъ свалился на кровать, уткнулся головой въ подушку, зарыдалъ, какъ ребенокъ, и, наплакавшись въ волю, уснулъ.

На слѣдующее утро я всталъ съ полною пустотою въ сердцѣ и въ головѣ. Только скука да неизвѣстность моего положенія ужасно томили меня. Въ мою камеру вошелъ какой-то господинъ, кивнулъ мнѣ головой и произнесъ: „здравствуйте!“ Я отвѣтилъ ему поклономъ и смотрѣлъ на него недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Не нуждаетесь ли въ чемъ либо, *закономъ* дозволенномъ? освѣдомился онъ, сдѣлавъ особенное удареніе на словѣ „закономъ“.—Я одинъ изъ попечителей,—по обязанности навѣстилъ васъ, чтобы чѣмъ нибудь быть вамъ полезнымъ.

— Я страстный курильщикъ, и, если можно, помогите мнѣ папиросами.

— Покуда извольте вамъ штукъ десятокъ, а потомъ надзиратель будетъ васъ снабжать папиросами на ваши деньги. Эти деньги доставилъ вамъ бывшій квартирный хозяинъ, вмѣстѣ съ вашимъ имуществомъ, чтобы очистить комнату, которую вы у него занимали.

— Не знаете ли, кому мнѣ жаловаться на противозаконное, какъ мнѣ кажется, арестованіе меня?

— Прокурору. Спеціально, для опроса претензій, онъ бываетъ тутъ часто; если же сегодня не зайдетъ къ вамъ, то я, для *узаконенныхъ* справокъ, къ вашимъ услугамъ.

— Позвольте узнать: допускаютъ ли кого изъ *частныхъ* лицъ на свиданіе съ арестантами?

— Да, пускаютъ: родителей—къ дѣтямъ, жонъ—къ мужьямъ, сестеръ—къ братьямъ и обратно; но, по закону, во-первыхъ—лишь по праздникамъ, а во-вторыхъ—*за исключеніемъ* содержащихся въ секретныхъ нумерахъ и въ карцерахъ за нарушеніе тюремныхъ правилъ: эти послѣдніе на свиданія не имѣютъ права.

— Спаситель проповѣдывалъ: „въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко мнѣ“, т. е. приглашалъ *всѣхъ*, желающихъ дѣлать добро,—навѣщать узниковъ, произнесъ я.—Значитъ, тюремный законъ нарушаетъ ученіе Спасителя. Впрочемъ, мнѣ теперь мудрствовать

Digitized by Google

не къ лицу. Названныхъ вами лицъ допустаютъ *послѣ* провѣрки ихъ документовъ?

— Ну, это бы слишкомъ затруднило администрацію.

— Слѣдовательно, достаточно *назваться* родственникомъ, чтобы проникнуть сюда?

— Н-да, при посѣщеніи осужденныхъ преимущественно такъ и дѣлается, но, въ случаѣ сомнѣнія, могутъ и не пустить; относительно же подслѣдственныхъ, разрѣшеніе свиданій зависитъ отъ слѣдователей и прокурора.

Вдругъ дверь распахнулась, вошелъ стройный, бѣлокурый молодой человѣкъ, а за нимъ надзиратель пробасилъ: „г. прокуроръ". Онъ дружески поздоровался съ моимъ посѣтителемъ и обратился ко мнѣ. Я пожаловался ему на безвинное лишеніе меня свободы. Онъ, иронически улыбаясь, выслушалъ меня, что-то записалъ въ памятную книжку и вѣжливо обѣщалъ справиться.

— Какая-то бумага обо мнѣ прислана сюда въ канцелярію; прикажите принести ее, и вы сейчасъ же убѣдитесь, что меня заарестовали совершенно неправильно.

— Если я буду ждать въ каждой камерѣ приноса бумагъ арестованныхъ,—я до вечера не опрошу и 30 человѣкъ, тогда какъ мнѣ надо опросить 300 человѣкъ, да еще къ 2 часамъ поспѣть въ судъ,—точно холодною водою, окатилъ онъ меня.— Я справлюсь и, что̀ можно—будьте увѣрены—сдѣлаю въ вашу пользу.

— Но вѣдь вы по закону вправѣ сейчасъ же меня освободить, какъ противозаконно заключеннаго подъ стражу? горячился я, думая, что прокуроръ—ходячій юпитеръ.—Окажите, пожалуйста, снисхожденіе.

— Если я буду освобождать всѣхъ, *считающихъ* себя неправильно арестованными,—тюрьма сегодня же опустѣетъ! Виновнымъ почти *никто* себя не признаетъ, язвительно огорошилъ онъ меня.—Повторяю вамъ: наведу справку и, для скорости, чрезъ нихъ вотъ сообщу вамъ: они бываютъ тутъ ежедневно.—Онъ указалъ на попечителя, давшаго мнѣ папиросъ. — Покуда же прощайте, заключилъ онъ.

Попечитель (одинъ изъ директоровъ тюремнаго комитета), прокуроръ и надзиратель ушли. Я почувствовалъ ознобъ во всемъ тѣлѣ отъ безучастности прокурора, да отъ его улыбки, дышавшей ѣдкимъ сарказмомъ. Я зафилософствовался на тему: отчего прокуроры почти всегда безчувственны, не смотря на ихъ молодость, внѣшній либерализмъ и лоскъ?

— Здравствуйте, молодой человѣкъ, раздался въ моихъ ушахъ мягкій, ласковый женскій голосъ.—Какъ вы поживаете?

Я увидѣлъ предъ собою скромно одѣтую пожилую даму, съ симпатичною наружностью и свѣтскими, пріятными манерами. Я почтительно поклонился ей.

— Не позволите ли побесѣдовать съ вами по долгу христіанскому? продолжала она, глядя на меня съ очевиднымъ соболѣзнованіемъ.

Digitized by Google

— Напротивъ, за ваше вниманіе ко мнѣ я буду вамъ душевно признателенъ, отвѣтилъ я, помогая ей скинуть съ себя бархатное пальто и придвигая единственный табуретъ, а затѣмъ прибавилъ:—Извините, сударыня, я положу ваше пальто на кровать, за неимѣніемъ ни вѣшалки, ни другаго табурета.

— О, не извиняйтесь, пожалуйста: въ тюрьмѣ врядъ ли сыщется кровать, на которой не лежала бы моя хламида. Садитесь и вы, какъ хозяинъ дома, хотя и казеннаго, но временно, къ сожалѣнію, вашего.

— Да-съ, къ великому моему сожалѣнію, меня лишили свободы, не знаю—за что; я заявилъ объ этомъ прокурору, да онъ ледянымъ тономъ обѣщался *только* навести справку.

— Ахъ, эти справки, формальности, противные тормозы!.. Но наши прокуроры, не смотря на ихъ наружную холодность, всѣ прекрасные люди: никому не отказываютъ въ своей помощи. Если сомнѣваетесь въ этомъ,—я попрошу ускорить отвѣтомъ.

— Коль скоро вы такъ великодушны, а великодушіе—отличительная черта женской натуры, то я осмѣливаюсь...

— Помогать несчастнымъ ближнимъ—долгъ христіанскій; поэтому не церемоньтесь.—Она тоже записала на память мою фамилію, званіе, откуда и когда я прибылъ въ тюрьму, и продолжала:—у васъ, быть можетъ, есть семья, такъ мы, если нужно,—и ей поможемъ матеріально или морально. Мы располагаемъ кое-какими средствами, вліяніемъ...

— Я въ этомъ городѣ совершенно одинокъ.

— Въ такомъ случаѣ, не желаете ли нравственнаго утѣшенія,—вотъ, напримѣръ, „Бесѣды съ заключенными". Онѣ поучительны, и какъ вы навѣрно не читали, а, быть можетъ, и не слыхали объ этой книгѣ, то она васъ займетъ.

— Вѣрю вашей рекомендаціи и съ удовольствіемъ прочту: здѣсь всего удобнѣе разобрать и по достоинству оцѣнить свое прошлое, да кстати намѣтить программу будущаго.

— Будущее наше въ предопредѣленіяхъ божіихъ, и никакая измышленная нами программа не поможетъ столько, сколько вѣра въ Бога; изъ этого же источника всего полезнѣе черпать правила жизни. Евангеліе я вамъ тоже оставлю... За свѣтскими книгами обратитесь къ тюремному учителю: онъ хозяйничаетъ въ библіотекѣ, въ которой нѣтъ лишь беллетристики; если же тамъ не окажется чего либо изъ серьезнаго чтенія,—я пришлю, по первому же вашему заявленію, въ контору.

Дверь опять распахнулась. Передъ нами предсталъ еще господинъ, поздоровался съ дамой, поклонился и мнѣ.

— Вотъ они не знаютъ, за что попали сюда, заявила дама вошедшему.—Вѣдь вы мировой судья, разъясните, какъ это могло случиться?

— О всякомъ заарестованіи составляется подлежащею властью протоколъ, отвѣтилъ онъ.—Вы подписали протоколъ, или вамъ его хоть прочли, надѣюсь?

— Нѣтъ, ничего подобнаго не было. Поэтому васъ, какъ

Digitized by Google

судью, обязаннаго освобождать всѣхъ неправильно арестованныхъ, я и покорнѣйше прошу выпустить меня.

— Я здѣсь не какъ судья, а какъ попечитель, почему вашей просьбы удовлетворить не могу.

— Какое же, послѣ этого, значеніе имѣетъ законъ?

— Вмѣшиваться въ административныя распоряженія намъ не приходится.

— Я читалъ, помню, въ газетахъ, что судьи это нерѣдко дѣлали, а одинъ судья—именно по своему праву — освободилъ сразу, помнится, 50 человѣкъ нищихъ.

— Ему за это чуть было и не досталось; съ тѣхъ поръ мы и не вмѣшиваемся въ чужую сферу.

— Значитъ, освѣдомилась дама:—отмѣнили тотъ законъ, который предоставлялъ мировымъ судьямъ освобождать неправильно арестованныхъ?

— Нѣтъ, статья-то въ законѣ осталась, но ее не примѣняютъ къ практикѣ, согласно разъясненію, чтобы не парализовать дѣятельности администраціи.

— Что же это такое?

— Нелогично—пожалуй, но разъясненіями мы обязаны руководствоваться; къ тому-жъ, администраціи тоже нельзя обойтись безъ правъ на принятіе тѣхъ или другихъ мѣръ...

— Будемте творить безропотно волю пославшаго, и за это намъ воздастся сторицею, заключили дама, обращаясь ко мнѣ.

Она и судья покинули меня.

Оставшись одинъ въ четырехъ стѣнахъ, я съ горя принялся за чтеніе евангелія. Оно такъ сильно, *впервые*,—говорю совершенно откровенно,—заинтересовало меня, что я не могъ оторваться отъ книги, покуда не прочелъ ее всю. Въ каждой главѣ я находилъ столько смягчающихъ душу тезисовъ, столько глубокихъ, поучительныхъ истинъ, что горячо упрекалъ себя за свое прежнее легкомысліе. Въ этомъ занятіи я не замѣтилъ, какъ прошелъ день и наступила ночь, когда я *обязанъ* былъ спать. Я и легъ, но сонъ бѣжалъ отъ меня... Я вспоминалъ отцовскія наставленія: „ни въ какія исторіи не вмѣшивайся“, и почувствовалъ жгучую боль въ сердцѣ: мнѣ жаль было отца, который съ такою любовью заботился обо мнѣ, а я заплатилъ ему за это не только тѣмъ, что пренебрегъ его опытными наставленіями, но даже попалъ въ тюрьму!.. А все отчего? Да оттого, повторяю, что ученые наши менторы ограничивались повтореніемъ избитыхъ задовъ, хватали куши, числомъ побольше, чтобы было прибыльнѣе, или преслѣдовали иныя эгоистическія цѣли. Все это и гнало насъ, молодежь, изъ постылыхъ аудиторій, разрушало наши завѣтныя мечты, наши чистые юношескіе идеалы, нашу вѣру, надежду и любовь... Сидя въ камерѣ, я невольно вспоминалъ различные эпизоды, способствовавшіе моему „совращенію“ на торную дорогу. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ. Насъ собралось человѣкъ пятнадцать къ общему товарищу. Вели мы рѣчь, по обыкновенію, о томъ, какъ устранить разныя общественныя неурядицы.

— Мы должны сочувствовать горю народному, замѣтилъ кто-

Digitized by Google

то:—должны желать его облегченія мирнымъ путемъ; должны вступить—по окончаніи курса—на житейское поприще, и на немъ, по мѣрѣ нашихъ силъ и способностей, приносить народу пользу честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей; но мы не вправѣ пускаться ни въ какія рискованныя предпріятія, чтобы не нажить себѣ горя.

— Безъ жертвъ никакія реформы въ мірѣ никогда не удавались, возражалъ одинъ изъ „народолюбцевъ“:—поэтому, для достиженія цѣли, нашъ долгъ—пренебречь личнымъ благополучіемъ и спокойствіемъ.

— А спокойствіе родителей тоже прикажете по боку?

— Конечно! Мы созданы, воспитаны и образованы для того, чтобы двигать прогрессъ, а не ублажать родителей, не няньчиться съ ними всю жизнь.

— Однако-жъ и воспитаніемъ, и образованіемъ мы обязаны исключительно родителямъ: еслибы они не взростили насъ, не платили за наше содержаніе, ученіе, не заботились объ насъ,—мы бы годились вѣдь только въ свинопасы, а не въ мечтатели о народномъ благѣ. Употребляли же родители свои средства и усилія для того, — я увѣренъ,—чтобы въ старости пріобрѣсти въ насъ опору, утѣшеніе, а не каторжныхъ рабочихъ.

— Все это сантиментальный вздоръ, обскурантизмъ. Еслибы историческіе бойцы за прогрессъ держались такихъ пошлыхъ взглядовъ, то мы бы и теперь еще видѣли инквизиціонные костры, плоды „слова и дѣла“ и многія такія же прелести. Тѣмъ-то и велики всѣ апостолы человѣческаго блага, что, съ непоколебимою вѣрою въ свое призваніе, беззавѣтно шли на костры, на эшафоты, въ интересахъ обновленія дряхлаго міра...

— Браво, браво! крикнуло нѣсколько голосовъ хоромъ.

И вотъ такого рода дебатами мы, по своей наивности, увлекались до самозабвенія, или по меньшей мѣрѣ стыдились опровергать софизмы, либо и не знали, какъ это сдѣлать, чтобы не навлечь на себя насмѣшекъ.

Припоминая все это, я всю ночь проворочался съ боку на бокъ, терзаемый мучительными угрызеніями совѣсти за свой поступокъ противъ отца. На утро меня свели къ допросу. Пожилой господинъ въ вицъ-мундирѣ, предъ которымъ я предсталъ, встрѣтилъ меня долгимъ испытующимъ взоромъ, пронизавшимъ насквозь. Мой жалкій, убитый видъ, вѣроятно, тронулъ его.

— Признавайтесь по *чести*: вы держали экзаменъ за Филипова? ласково спросилъ онъ.

— Да, виноватъ, держалъ, но собственно изъ сожалѣнія къ нему и къ его злосчастной семьѣ.

— По вашему лицу замѣтно, что вы дѣйствовали безкорыстно, да это, впрочемъ, и свидѣтели уже подтвердили.

— Откуда же,—позвольте, пожалуйста, узнать, —дошло объ этомъ до вашего свѣдѣнія?

— Изъ доноса одного изъ вашихъ же товарищей: и среди молодежи водятся предатели. Объясните мнѣ откровенно, какъ все произошло.

Digitized by Google

— Извольте.

Я повторилъ ему то, что уже раньше разсказалъ, безъ малѣйшей утайки.

— Совершенно согласно со свидѣтельскими показаніями, пояснилъ онъ, когда я кончилъ.—Все таки вашъ поступокъ достоинъ строгаго порицанія, тѣмъ болѣе, что Филиповъ съ переданнымъ ему вами свидѣтельствомъ на званіе дѣйствительнаго студента уже отправился восвояси, и теперь нужно его отъискать, отобрать отъ него свидѣтельство, а самого его тоже подвергнуть наказанію, такъ что вы принесли и ему не пользу, а себѣ—прямой вредъ.

— Я,—вѣрьте совѣсти,—ничего этого не предвидѣлъ, а дѣйствовалъ необдуманно, легкомысленно...

Я не могъ дольше сдержаться и расплакался, какъ ребенокъ.

— Слезы—хорошій признакъ раскаянія, успокоивалъ онъ меня.—Будемъ ходатайствовать объ облегченіи вашей участи, а покуда ступайте.

Я вернулся въ тюрьму въ невообразимомъ отчаяніи. Я рвалъ на себѣ волосы, готовъ былъ удавиться, еслибы было чѣмъ, проклиналъ день и часъ моего выѣзда изъ дому въ университетъ, его профессоровъ, а товарищей въ особенности. Сообразно моему настроенію, мнѣ невольно припоминались исключительно худшіе изъ товарищей. Этимъ способомъ я всячески старался хоть сколько нибудь умалить свою вину. Изъ нихъ—въ томъ числѣ и „народолюбцевъ"—были, напримѣръ, такіе, которые повсюду попрошайничали, а когда получали помощь—издѣвались надъ „капиталистами", прокучивали все и принимались снова клянчить, даже нахально требовать денегъ; были такіе, которые имѣли собственныя средства, а обивали пороги ради пріобрѣтенія казенныхъ и общественныхъ стипендій; такіе, которые явно лакействовали передъ всѣми, а тайно предательствовали; такіе, которые удостоивались дипломовъ исключительно по протекціямъ; такіе... Впрочемъ, всѣхъ категорій и не перечтешь, а, короче говоря, мы были порожденіемъ и полнымъ отраженіемъ того „смутнаго времени"...

Я провелъ недѣлю въ страшномъ волненіи, а потомъ началъ свыкаться съ мыслью, что судьба навсегда сразила меня... Себя я, впрочемъ, ничуть не жалѣлъ: напротивъ, злорадствовалъ самъ надъ собою, скорбѣлъ за отца, за позоръ, которымъ я покрылъ его сѣдины... Вдругъ меня посѣтилъ попечитель, давшій мнѣ папиросъ.

— Благодарите Бога, весело заговорилъ онъ:—за то, что внушилъ власть имущимъ истинно христіанскую жалость къ вамъ: вы наказаны *безъ суда*, только трехмѣсячнымъ заключеніемъ.

— Трехмѣсячнымъ? О, какъ жестоко! сорвалось у меня съ языка.

— Наоборотъ, чрезвычайно снисходительно: за ваше преступленіе вы подлежали, во-первыхъ,—гласному суду, съ распубликованіемъ, какъ водится, на всю Россію, и во-вторыхъ — лишенію

Digitized by Google

правъ и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Вотъ прочтите, у меня, кстати, съ собою „Уложеніе о наказаніяхъ".

Онъ далъ мнѣ „Уложеніе", изъ котораго я и убѣдился, что попечитель былъ правъ. Я внезапно прозрѣлъ. Онъ это замѣтилъ по моему лицу и прибавилъ:

— Кромѣ той милости, которую вамъ оказали, и за которую вы должны быть признательны,—вы воспользуетесь еще другимъ, тоже важнымъ снисхожденіемъ: о положенной на васъ карѣ не занесется въ вашъ атестатъ, т. е. она не помѣшаетъ вамъ поступить на государственную или общественную службу, проще— не испортитъ вашей будущности, тогда какъ съ отмѣткою о бытности подъ судомъ и въ тюрьмѣ—рѣдко кому удается пристроиться къ мѣсту. Это такъ называемый волчій паспортъ.

Я несказанно обрадовался; но вдругъ вспомнилъ, что отецъ пришлетъ, по заведенному порядку, деньги, которыя, за неотысканіемъ меня въ квартирѣ, возвратятъ ему назадъ; онъ приметъ меня отыскивать и, пожалуй, узнаетъ, гдѣ я. Чтобы избавить его отъ грознаго удара, я спросилъ совѣта попечителя: какъ благовиднѣе скрыть отъ отца свое мѣстопребываніе? Онъ предложилъ мнѣ написать отцу, что я уѣхалъ, примѣрно мѣсяца на три, съ какимъ нибудь товарищемъ въ его деревню, чтобы тамъ вѣрнѣе подготовиться къ послѣднему экзамену, который я, по освобожденіи изъ тюрьмы, могу и держать. Способъ этотъ понравился мнѣ, такъ какъ представлялся подходящимъ для сокрытія отъ отца убійственной правды.

— Заявите надзирателю, что желаете написать письмо; васъ позовутъ въ контору, и вы тамъ это сдѣлаете, просвѣщалъ меня попечитель.—Бумагу и штемпельный конвертъ вамъ дадутъ.

— Кто же отошлетъ мое письмо и какимъ порядкомъ?

— Когда вы его напишете (за конвертъ вычтутъ изъ собственныхъ вашихъ денегъ), оно предъявится прокурору: онъ прочтетъ его, и тогда отправятъ, какъ всѣ *частныя* письма, на почту.

— Прокуроръ знаетъ, что я подъ арестомъ, а будетъ читать, что я уѣхалъ въ деревню? Это странно, неловко... да и позволитъ ли?..

— Прокуроръ, вѣрьте мнѣ, противиться не станетъ; онъ понимаетъ цѣль; къ тому же, домашнія личныя обстоятельства арестованныхъ его не касаются. Нерѣдко служащіе чиновники, попадающіе подъ арестъ, посылаютъ отсюда въ мѣста ихъ служенія даже рапорты о своей болѣзни, чтобы не лишиться служебнаго положенія.

— Читать письма *подслѣдственныхъ*—прокурору есть, разумѣется, интересъ: устранить, положимъ, подговоръ свидѣтелей, помѣшать скрыть улики и проч. Но читать письма *осужденныхъ*, съ которыми прокурору уже нечего дѣлать,—право, нѣтъ смысла. Это для насъ лишнее стѣсненіе, а прокурору лишнее занятіе.

— Совершенно вѣрно говорите; но законъ воспрещаетъ арестованнымъ вести вообще какую бы то ни было переписку мимо

Digitized by Google

прокурора; по неволѣ, онъ и просматриваетъ корреспонденцію всѣхъ, безразлично, заключенныхъ.

— Слава Богу, что бывшій квартирный мой хозяинъ хоть и бѣдный, но честный человѣкъ, не отжилилъ себѣ моихъ денегъ, а то мнѣ не на что было бы и письма отцу послать.

— Ошибаетесь; собственно на бумагу и наемъ писаря для неграмотныхъ, и на отсылку самыхъ писемъ неимущихъ, тюремное попечительство жертвуетъ до четырехсотъ рублей въ годъ; бѣднымъ же арестованнымъ оказываетъ денежныя вспомоществованія, воспитываетъ ихъ дѣтей, снабжаетъ платьемъ передъ ихъ освобожденіемъ, помогаетъ пристроиться къ мѣстамъ и т. д. Кромѣ того, та дама, которая была у васъ, ежегодно издерживаетъ на заключенныхъ и ихъ семейства нѣсколько тысячъ собственныхъ денегъ, независимо отъ большихъ хлопотъ, какія она добровольно принимаетъ на себя.

Все слышанное было для меня благопріятною новостью. Обсудивъ на досугѣ свое положеніе, я не могъ не почувствовать искренней благодарности къ тѣмъ, кто меня пощадилъ, и рѣшился покорно вынести постигшее меня несчастіе. Пищу варили намъ, —судя по ея стоимости казнѣ,—удовлетворительную; папиросъ мнѣ приносили достаточно, воздухъ освѣжали открытіемъ форточки, бѣлье въ субботу перемѣняли исправно, а убиралъ комнату и постель я самъ. Я вставалъ, пилъ чай (сторожъ доставлялъ его на мой счетъ), обѣдалъ, ужиналъ и ложился спать, все по установленному порядку, хотя въ этомъ не было рѣшительно никакой надобности: *дѣла* я никакого не имѣлъ, кромѣ чтенія книгъ, которыя мнѣ присылала дама и которыя я бралъ изъ тюремной библіотеки (историческія, географическія, математическія и религіозныя сочиненія). Единственное занятіе—чтеніе—постепенно набило мнѣ оскомину, опротивѣло мнѣ. Я снова загрустилъ, и по цѣлымъ часамъ глядѣлъ неподвижно въ одну точку; затѣмъ ходилъ по камерѣ, ложился, вставалъ, говорилъ самъ съ собою и все сильнѣе и сильнѣе раздражался...

Я добивался позволенія писать *въ камерѣ*, но получилъ отказъ, тогда какъ чувствовалъ, что въ томъ исключительномъ настроеніи, въ какомъ я находился,—я создалъ бы нѣчто замѣчательное *противъ одиночнаго заключенія*. Меня пускали, правда, прогуливаться по получасу въ сутки въ крошечномъ садикѣ, въ сопровожденіи служителя, но онъ ни на какіе мои вопросы ничего не отвѣчалъ; потребность же хоть съ кѣмъ нибудь поговорить —была во мнѣ непреоборимая. Съ неимовѣрною завистью смотрѣлъ я издали, какъ простолюдины-арестанты пилили и таскали дрова; съ наслажденіемъ присоединился бы я къ нимъ, но намъ, *благороднымъ*, физическія занятія не предоставлялись... Я сталъ худѣть, терять апетитъ, страдать безсонницей, а мои нервы и слухъ были въ ужасномъ напряженіи. Я вечерами слышалъ неоднократно по коридору говоръ и съ великимъ трудомъ дознался, наконецъ, отъ сторожа, что это бесѣдовали мои сосѣди по одиночному же заключенію. Униженно умолялъ я сторожа пустить и меня къ нимъ.

Digitized by Google

Однажды, послѣ вечерней повѣрки, онъ дозволилъ мнѣ выйти въ длинный, слабо освѣщенный коридоръ. Я увидѣлъ нѣсколько прогуливавшихся человѣкъ. Они приняли меня довольно любезно. Я спросилъ: кто имъ разрѣшилъ бесѣдовать?

— Дежурный сторожъ, отвѣтилъ одинъ купецъ.—Послѣ окончанія вечерни и до наступленія утренней повѣрки, никто изъ властей обыкновенно не навѣщаетъ арестантовъ, да и всѣ наружныя двери бываютъ заперты, такъ что, если кого нибудь нелегкая и принесетъ — сейчасъ же слышно щелканье замковъ, а покуда ихъ отпираютъ, арестанты всегда успѣваютъ юркнуть въ свои конуры и заснуть формальнѣйшимъ манеромъ.

— Сторожу, за его рискъ, какъ и за прислуживанье намъ, платимъ, кто сколько можетъ, изъ собственныхъ нашихъ денегъ, хранящихся въ конторѣ, пояснилъ другой сотоварищъ по узничеству:—не меньше однако рубля въ мѣсяцъ съ персоны, потому „сухая ложка ротъ деретъ“. Все это, помните, *нашъ секретъ*, и вы, смотрите, никому о немъ ни гу-гу. Также знайте, что за фискальство отдубасимъ.

— Солидарность между нами неизбѣжно полная; льгота достается намъ контробандою, а все запретное удивительно какъ пріятно, вставилъ дворянинъ Азбукинъ.—На Руси тѣмъ и хорошо, что низшія власти мироволятъ „несчастнымъ“, а высшія этого не знаютъ или пропускаютъ мимо ушей.

Я далъ слово платить сторожу, быть со всѣми солидарнымъ, потомъ посѣтовалъ на долгое отсутствіе попечителя, съ которымъ отводилъ душу въ бесѣдахъ обо всемъ, и на равнодушіе прокурора къ арестованнымъ.

— Члены тюремнаго комитета ходятъ безъ приглашенія только къ новичкамъ, чтобы разсѣять ихъ страхи, примирить ихъ съ невзгодою заточенія; а затѣмъ, когда тѣ обживутся, оставляютъ ихъ въ покоѣ, до зова, разъяснилъ мнѣ чиновникъ Хохловъ.—Позовите—придутъ тоску вашу разогнать, благо нѣкоторые изъ нихъ не спѣсивы. Отъ прокурора же смѣшно и ждать чувствительности: чѣмъ большее число людей отправитъ онъ въ „отдаленныя“ и „не столь отдаленныя мѣста“, тѣмъ быстрѣе составитъ себѣ карьеру, а какъ люди всѣ эгоисты, — то чего же вы хотите? Кромѣ того, „привычка—вторая натура“, слѣдовательно, и прокуроръ, привыкнувъ смотрѣть на наши печальныя физіономіи, не принимаетъ, естественно, къ сердцу нашихъ скорбей, тѣмъ болѣе, что и миндальничать съ нами не стоитъ: пожалуй, зазнаемся.

— Попечителей, говорятъ, много, продолжалъ я выпытывать.—Что бы имъ поочередно, ежедневно, ходить къ намъ, одиночнымъ, облегчать невыносимое наше молчальничество?

— По закону, они обязаны „пещись о скорѣйшемъ разрѣшеніи и облегченіи участи заключенныхъ“, продолжалъ Азбукинъ:—но одни, занятые сложною бумажною частью, къ намъ и не заглядываютъ; другихъ — держатъ часами въ пріемныхъ, въ качествѣ просителей за насъ (справки собираютъ), ну, и охлаждаютъ ихъ усердіе на нашу пользу; третьи—хозяйничаютъ, хлопо-

Digitized by Google

чутъ въ школѣ, мастерскихъ, а четвертые (большинство)... да имъ не до насъ: они любятъ только за каждый свой шагъ получить по чину, либо по кресту, а какъ мы не въ состояніи награждать ихъ, то имъ наплевать на насъ... Впрочемъ, и одни трудящіеся филантропы много могли бы намъ помогать, еслибы ихъ не стѣсняли, не клеймили на нихъ за то, напримѣръ, что они разоблачаютъ разныя погрѣшности.

— Значитъ, всего выгоднѣе просить дамъ? Онѣ вездѣ найдутъ доступъ, для нихъ все сдѣлаютъ, благо онѣ и вліятельны, и сострадательны.

— Дамъ этихъ всего двѣ-три, вставилъ Хохловъ:—но и ихъ нерѣдко спутываютъ, онѣ скоро утомляются; наконецъ, я бы, откровенно говоря, вовсе и не пускалъ ихъ сюда.

— Это отчего?

— Оттого... оттого, что вы здѣсь только нѣсколько дней сидите, а, можетъ быть, и принадлежите къ плотицынской сектѣ...

Всѣ разсмѣялись.

— Я васъ просвѣщу, вмѣшался отставной офицеръ Ивановъ.—Занятій мы никакихъ не имѣемъ,—значитъ, воображеніе наше постоянно свободно; пища наша хоть и не важная, но мы сыты, а всякому взрослому, здоровому и сытому человѣку присущи, между прочимъ, и извѣстныя физіологическія потребности. Лишеніе человѣка, особливо бездѣльнаго, чего бы то ни было—усиленнѣе побуждаетъ его желать недостающаго, отнятаго у него. И вдругъ онъ видитъ передъ собою не какихъ нибудь замарашекъ, а элегантныхъ, милыхъ барынь, слышитъ ихъ дыханіе, чувствуетъ ихъ благоуханіе, и воображеніе его естественно распаляется, застоявшаяся кровь кидается по всѣмъ фибрамъ, а отсюда усиленнѣе обыкновеннаго рождаются кое-какіе суррогаты подавленныхъ половыхъ требованій... Отрицаютъ въ арестантахъ требованія ихъ природы—только теоретики, витающіе по поднебесью, да практики, дальше своего носа ничего не видящіе. Совершенно иное происходитъ, говорятъ, въ Европѣ, гдѣ уже поняли эту аномалію. Одинъ ученый путешественникъ, напримѣръ, разсказывалъ мнѣ, что въ „Моабитѣ“, въ „Мазасѣ“ къ одиночнымъ *нарочно* посылаютъ, подъ предлогомъ мытья половъ — арестантокъ, или „погибшихъ созданій“; арестованные и не изнуряются, а, наоборотъ, воспаряютъ духомъ, стараются исправиться, нерѣдко влюбляются, даже вѣнчаются съ поломойками, и потомъ, по освобожденіи, живутъ счастливо.

— Ну, у насъ ничего подобнаго никогда не допустятъ, потому что взглядъ на арестованныхъ установился самый спартанскій, замѣтилъ Хохловъ.—Народъ и именуетъ насъ „несчастными“ именно за то, что изъ насъ стремятся вытравить человѣческія чувства.

— А слышали вы, господа, новость? прервалъ Дороѳеевъ, пожилой отставной юнкеръ.

— Какую? о чемъ? говорите! заголосили всѣ разомъ.

— Вамъ, конечно, неизвѣстно, адресовался онъ собственно ко мнѣ:—что кто захочетъ отдохнуть отъ бездѣлья, тотъ идетъ

Digitized by Google

въ больницу, благо туда охотно принимаютъ насъ: во-первыхъ—здоровыхъ лѣчить не нужно и изъ нихъ никто не умираетъ; значитъ, работы докторамъ меньше, а заслуги ихъ, за незначительную смертность, увеличиваются; во-вторыхъ—на каждаго, считающагося больнымъ, казна отпускаетъ въ день 70 коп., а издерживается не болѣе 50-ти, слѣдовательно, чѣмъ больше номинальныхъ больныхъ, тѣмъ больше получается и денегъ; въ-третьихъ—на „номинальныхъ" лѣкарствъ не нужно, ну, и больше останется въ экономіи на постельныя, школьныя и прочія принадлежности, которыхъ казна не принимаетъ на свой счетъ; наконецъ, въ-четвертыхъ—доктора вообще гуманисты—и въ ихъ вѣдѣніи легче дышется. Покончивъ съ предисловіемъ, сообщу, господа, вамъ всѣмъ, что въ больницѣ давно ужь содержался татаринъ, у котораго отъ долгаго ношенья кандаловъ въ крѣпостяхъ—отнялась нога. Татаринъ пріобрѣлъ званіе тюремнаго старожила 20-лѣтнимъ переселеніемъ изъ острога въ острогъ, отчего онъ и неистощимъ въ разсказахъ объ острожной жизни. Но вотъ въ больницу же пришелъ поручикъ Шиповъ, вслушался въ устарѣвшіе нескладные разсказы татарина и мастерскимъ слогомъ ознакомилъ публику съ порядками, существующими во французскихъ, бельгійскихъ, швейцарскихъ и нѣмецкихъ тюрьмахъ (Господь вездѣ сподобилъ его посидѣть), такъ что татаринъ потерялъ всякій авторитетъ. За это онъ проломилъ Шипову голову кружкою, чуть ли не до мозговъ.

— Неужели?

— Да, проломилъ такъ, что Шиповъ безъ языка лежитъ. Другому за это жестоко бы досталось, а что постигнетъ татарина—мудрено предположить: онъ калѣка, да еще идіотомъ слыветъ.

— А можно, господа, взглянуть на этихъ героевъ? освѣдомился я у товарищей.

— Скажитесь больнымъ, васъ помѣстятъ въ больницу, а тамъ много интереснаго услышите и увидите: жизнь тамъ кипитъ, клокочетъ... однако, господа, пора и въ объятія Морфея!

Всѣ пожали другъ другу руки и разошлись по своимъ камерамъ.

III.

Среди тюремныхъ больныхъ.

На утро я объявился больнымъ, и часа черезъ два былъ уже въ больничной одеждѣ, въ общей палатѣ. Больныхъ дѣлили по роду болѣзни, а не по преступленіямъ и званіямъ, поэтому всѣ смѣшивались. Пищу больнымъ варили хорошую, лѣчили ихъ порядочно, обходились съ ними недурно, да и свободы ихъ не стѣсняли: они безпрестанно сновали изъ палаты въ палату и говорили, съ кѣмъ и о чемъ хотѣли. Курили съ осторожностью въ трубу, въ ватерклозетѣ и у топившихся каминовъ; вино, пиво и водку одни получали по рецептамъ, дли подкрѣпленія силъ, а

Digitized by Google

другіе доставали чрезъ сторожей и фельдшеровъ. Попечителей и попечительницъ ходило по три и всѣ проповѣдывали: кто—о религіи, а кто—о необходимости умственнаго возрожденія. Больные подобострастно выслушивали всякую мораль и за это домогались скорѣйшаго освобожденія, снабженія чаемъ, сапогами, паспортами передъ выходомъ изъ тюрьмы; просили денежныхъ пособій своимъ семействамъ и самимъ себѣ; собственно же проповѣди раздавались въ пустынѣ. Индиферентизмъ арестованныхъ ясно доказывалъ, что воздѣйствіе на ихъ умъ и сердце возможны лишь послѣ удовлетворенія *всѣхъ* ихъ матеріальныхъ потребностей: всѣ предпочитали синицу въ руки - журавлю въ небѣ. Всего скорѣе я сошелся съ сосѣдомъ по кровати, Егоровымъ. Онъ началъ свою карьеру въ мальчикахъ у мѣнялы, потомъ перебрался въ банкирскую контору, а изъ нея—въ банкъ, женился, прослужилъ 5—6 лѣтъ, увлекся жаждою богатства и хапнулъ тридцать тысячъ. За это его отдали подъ судъ;—не смотря на запирательство, обвинили и, какъ второй гильдіи купца,—приговорили на три года въ арестантскія роты. Онъ притворился сумашедшимъ; его послали „на испытаніе“ въ больницу для умалишенныхъ, но оттуда вернули съ атестаціею: „въ здравомъ умѣ и твердой памяти“. Теперь ему предстояло отправиться въ *роту* (*„арестантскую“* осужденные обыкновенно пропускаютъ, изъ ненависти къ этому слову). Это-то путешествіе и страшило Егорова.

— Напрасно, полагаю, боитесь роты: съ деньгами вездѣ вѣдь живется легче, замѣтилъ я ему.

— Деньги-то не у меня, а у жены; она же неохотно и говоритъ о переселеніи въ Кіевъ, куда меня ссылаютъ въ роту.

— Попросите, уговорите ее хорошенько, приласкайтесь къ ней, толкуйте усерднѣе о любви, и она сдастся: женщинамъ это нравится.

— Она,—вымолвитъ горько,—едва ли ужъ меня и любитъ... Прежде она акуратно, дважды въ недѣлю, навѣщала меня (я сижу больше года) и плакала, а потомъ... Теперь и въ три недѣли разъ показывается, минутъ на десять, да и то норовитъ скорѣе улизнуть.

Онъ попросилъ меня со стороны наблюсти за поведеніемъ его жены, во время свиданія съ нимъ. Я согласился. Наступило воскресенье и, въ числѣ другихъ, выкликнули и Егорова. Я пошелъ за нимъ въ комнату для свиданія (она, безъ всякихъ рѣшетокъ, была обставлена кругомъ деревенскими длинными скамейками), пріютился въ уголокъ и сталъ прислушиваться да приглядываться. Всѣ жены со страстью обнимали мужей, съ любовью вглядывались въ ихъ физіономіи, съ нѣжностью разспрашивали ихъ, сообщали имъ разныя интересныя для нихъ свѣдѣнія; совѣщались съ ними, какъ и что предпринять, устроить. У однихъ висѣли слезы на рѣсницахъ, другія—всхлипывали, третьи—просто плакали и т. д., жена же Егорова, щегольски одѣтая, высокая, здоровая женщина, лѣтъ тридцати на видъ, приблизилась къ мужу, странно какъ-то улыбнулась ему, хладнокровно подала руку, манерно сѣла, кокетливо расправила банты своей шляпы,

Digitized by Google

галстучекъ на шеѣ, отдернула въ бокъ шлейфъ и озиралась вокругъ.

— Что же ты, Даша, молчишь? началъ Егоровъ сдавленнымъ голосомъ.—Не слыхала ли, голубушка, чего новаго? не придумала ли чего утѣшительнаго?

— Не знаю, право, сквозь зубы процѣдила она.—Я ужасно устала, ждавши больше часу впуска сюда.

— Не изъ-за этой ли усталости ты и навѣщаешь рѣдко меня, несчастнаго? Я томлюсь, изнываю, а ты устала...

— Затянулъ ужь свою пѣсню! Мнѣ слѣдуетъ, кажется, совсѣмъ перестать тебя посѣщать: все упреки, придирки къ словамъ, пренебрежительно продолжала она:—все это меня,—сколько разъ ужь я тебѣ говорила,—раздражаетъ, злитъ...

— Человѣку въ моемъ положеніи все кажется извинительнымъ, тѣмъ болѣе отъ жены... Въ угоду тебѣ я ничѣмъ не подорожилъ, и лебединая моя пѣснь—вопль растерзанной души... Впрочемъ... впрочемъ, прости меня, пожалуйста: я тебя обижаю напрасно... Скажи лучше, дорогая: какъ ты поживаешь?

— Такъ себѣ... скучновато... Заботы, хлопоты, толки...

— Разумѣется, обо мнѣ, ненаглядная моя? О, какъ горячо молюсь я за тебя?!. какъ страдаю безъ тебя?!. И еще долго, долго, цѣлыхъ три слишкомъ года не удастся мнѣ быть съ тобою, какъ, помнишь, бывало?... Но... но, не вкусивши горькаго, не ощутишь и сладкаго; поэтому потерпимъ, а потомъ... потомъ насладимся: все, все наквитаемъ, не правда ли, радость моя?

— Н-нда, мудрено загадывать, что впереди станется. Анната, кухарка, которую я наняла и нахвалила тебѣ,—оказалась пьяницей, и я уже прогнала ее; взяла новую, четвертый день живетъ и, повидимому, порядочная.

— Не кстати ты, извини за замѣчаніе, мѣняешь кухарокъ: вѣдь тебѣ, милочка, придется скоро отказать и новой, а тогда она останется въ претензіи.

— Отчего же непремѣнно отказать?

— А въ Кіевъ-то ѣхать? Меня на будущей недѣлѣ отправятъ. Готовься же, пожалуйста, въ дорогу.

— Я родилась, выросла, жила все здѣсь; и вдругъ ѣхать Богъ знаетъ куда?! Ахъ, какъ это тяж... затруднительно! И зачѣмъ меня тащить?

— Чтобы мнѣ имѣть утѣшеніе хоть въ свиданіяхъ съ тобой; чтобы я мужественнѣе переносилъ постигшее меня несчастіе,—вотъ почему зову я тебя умоляю ѣхать со мной; вотъ почему ты должна ѣхать!..

Онъ кончилъ энергическимъ удареніемъ на словѣ „должна“.

— Должна? передразнила она его, горделиво выпрямляясь и слегка покраснѣвъ.—Этимъ „должна“ ты всѣ уши мнѣ прожужжалъ!

— И по религіи жена должна быть вездѣ съ мужемъ, въ горѣ ли, въ радости ли, въ нищетѣ ли, въ богатствѣ ли,—все равно: мужъ и жена—единое тѣло, единая душа...

Digitized by Google

— Все это старо, избито, какъ... я вѣдь могу тебѣ и присылать денегъ на нужды?

— Вспомни: я женился на тебѣ не изъ-за денегъ, ихъ—у тебя ни гроша не было,—а по любви; я не различалъ праздника—отъ будней, дня—отъ ночи; переносилъ униженія, оскорбленія, изъ кожи лѣзъ, чтобы выбиться изъ нищеты, а выбившись,—намъ захотѣлось богатства... Я и это предоставилъ тебѣ, а за-то иду на трехлѣтнее мученіе; тебѣ же жаль на время только съ родиной разстаться!.... Собери всю силу твоего благоразумія, чести, долга и подумай: вправѣ ли ты бросить меня на произволъ судьбы, а сама наслаждаться тѣмъ, за что я подвергаюсь изгнанію, мученіямъ? Подумай, ради Бога, подумай!

— Хорошо, хорошо, подумаю; не горячись безвременно: кругомъ люди, всѣ смотрятъ, слышатъ, какъ ты жену допекаешь. Мнѣ пора. Прощай...

Она встала, слегка пожала ему руку и удалилась съ какою-то зловѣщею гримасою.

Я передалъ Егорову, что его жена, по моему мнѣнію, не поѣдетъ за нимъ, въ чемъ и онъ согласился со мной, и долго потомъ раскидывалъ умомъ: какъ быть? Наконецъ обратился за посредничествомъ къ пользовавшемуся среди больныхъ популярностью фельдшеру Бортову, которому сознался, что хапнутый имъ капиталъ обмѣнялъ на три билета (каждый въ десять тысячъ рублей), и билеты эти жена его во время обыска держала въ квартирѣ, тщательно свернутыми комочкомъ, въ... укромномъ мѣстѣ. За неотысканіемъ тогда полицейской акушерки, жену его *всю* не осмотрѣли, его увели подъ арестъ, а билеты остались у нея. Онъ униженно просилъ Бортова освѣдомиться, какъ жена его живетъ и ведетъ себя; просилъ уговорить ее ѣхать за нимъ въ Кіевъ, а если не хочетъ—то удѣлить ему хоть десять тысячъ, положить на текущій счетъ въ банкирскую контору, а чековую книжку передать ему; наконецъ, чтобы она и отъ этого не отказалась—пригрозить ей доносомъ, что она укрываетъ ворованныя деньги. Бортовъ долго уклонялся отъ этого щекотливаго посредничества, но потомъ согласился исполнить все, что̀ удастся. Двое сутокъ Егоровъ находился въ томительномъ ожиданіи роковаго отвѣта. Завидѣвъ Бортова, онъ затрясся отъ нетерпѣнія услышать свой приговоръ.

— Ваша жена,—извините за выраженіе,—чортъ въ юбкѣ, а не женщина, озадачилъ его Бортовъ.—Ничего, рѣшительно ничего мнѣ не удалось.

— Такъ, такъ и есть! почти крикнулъ Егоровъ.—Боже мой, Боже мой! плаксиво продолжалъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу, точно онѣ отказывались ему служить.—Предчувствіе не обмануло меня; къ прискорбію, не обмануло!.. Ахъ, да разсказывайте, ради Бога, разсказывайте скорѣй, покамѣстъ я еще не рехнулся...

— Слушайте по порядку. Квартиру занимаетъ она изъ четырехъ комнатъ, за 600 р. въ годъ, по контракту на три года; въ шикарно обставленной квартирѣ помѣщаются: она, ея кухарка,

Digitized by Google

горничная, да молоденькій чиновникъ, которымъ она, по словамъ дворника, „облаготворяется“.

— Какъ!?. Гм... вотъ оно что... кто-жъ онъ?

— Квартира записана на имя Ерофеева, но платитъ за нее ваша жена. Этою же фамиліею рекомендовался мнѣ почти юноша у вашей жены...

— Ерофеевъ, этотъ мальчишка?! Ой-ой-ой!.. Это сынъ женниной подруги, голышъ!..

— Встрѣтилъ меня Ерофеевъ, потомъ вышла въ залу ваша жена; я попросилъ ее поговорить со мною наединѣ, но она отвѣтила, что отъ Ерофеева секретовъ не имѣетъ. Я повторилъ свое, и онъ самъ изъ деликатности, спасибо ему, удалился. Я объяснилъ ей ваше желаніе—чтобы она послѣдовала за вами.

— „Зачѣмъ я поѣду, если я, откровенно говоря, рада-радехонька, что избавляюсь наконецъ отъ него? произнесла она, помолчавъ.—Онъ меня измучилъ, опозорилъ, ну, и опротивѣлъ до послѣдней крайности. Я буду хлопотать о разводѣ, чтобы выйти замужъ за другаго: гораздо пріятнѣе называться чиновницей, нежели женой арестанта“.

— „Зачѣмъ же вы живете на украденныя арестантомъ деньги?“

— „Вретъ онъ, вретъ, наглецъ!.. Я живу сама собой, живу, слава Богу, не нищею“...

— „Какими, однако же, средствами“?

— „До этого никому нѣтъ никакого дѣла. Мои средства—средства женщины *свободной*... Вотъ вамъ и весь сказъ, а что онъ лжетъ,—это тоже понятно: онъ разсудкомъ помрачился“.

— „Неправда. Совѣтую вамъ хоть деньгами съ нимъ подѣлиться, не то онъ признается, при какихъ обстоятельствахъ укралъ, какъ вы сберегли каналъ *въ тюлѣ*, и вы, какъ соучастница, тоже не избѣгнете тюрьмы. У него есть доказательства, свидѣтели“.

— „Все это вздоръ, пустяки: онъ четыре мѣсяца пробылъ въ сумашедшемъ домѣ, и, что бы теперь ни выдумывалъ—никто ему не повѣритъ, какъ сумашедшему. Кромѣ того, клеветою онъ мститъ мнѣ изъ ревности, за то, что я не хочу тащиться къ чорту на кулички. Денегъ онъ отъ меня никакихъ не получитъ; мнѣ самой вотъ онъ, будущій мой мужъ (Ерофеевъ) помогаетъ... Прощайте, а ему передайте, чтобъ онъ простился со мной навѣки“.

Бортовъ добавилъ, что, не удовольствовавшись переданнымъ, онъ долго еще пытался смягчить ее, но она осталась непоколебимою, хотя и проболталась, что богата, и сама содержитъ Ерофеева. Чрезъ день, наканунѣ отправки Егорова, жена прислала ему прощальное „навѣки“ бранное письмо, со вложеніемъ пяти рублей на дорогу... Онъ отправился, проклиная жену и съ клятвеннымъ обѣщаніемъ бѣжать изъ роты, дабы „размозжить ей черепъ, разорвать ей ротъ до ушей, воткнуть ножъ въ сердце, а потомъ покончить и съ собой!..“

— Экъ, сердешный, какъ рюмилъ всю ночь, молвилъ старичокъ, свидѣтель слезъ Егорова, по уходѣ послѣдняго.—Баба, извѣстно, сатанинской породы и, коли которая замыслитъ подвести

Digitized by Google

мужчину—безпремѣнно подведетъ его, вислоухаго. Я тоже влопался по бабьей милости.

— Быть не можетъ, опровергалъ я старика, который глядѣлъ совершенно дряхлымъ.

— Не „быть не можетъ", а вѣрно, сударь ты мой, и оченно простымъ манеромъ. Родомъ я изъ-подъ Читы, весь вѣкъ прожилъ, ни разу, то ись, и въ полиціи не бывавши. Вдругъ наѣхалъ къ намъ становымъ приставомъ озорной баринокъ: всякую смазливую бабу въ свою фатеру тягалъ, знамо зачѣмъ. Пьянство тоже развелъ пребольшое; съ ружьями не разставался ни на минуту; порохъ держалъ боченками и куда-то все со своими канцеляристами отлучался при ружьяхъ, да съ порохомъ. Мало погодя, прошелъ по округѣ слухъ, что становой порохомъ казеннымъ торгуетъ, царской казнѣ изъянъ чинитъ, да еще царство свое за Тоболомъ завести хочетъ, посредствомъ этого самаго пороха, что бродяжнымъ людямъ раздавалъ, якобы стрѣлять, какъ войну объявятъ. Народъ и переполохался, а бабы еще того пуще, да и пристали ко мнѣ: ты, говорятъ, старше всѣхъ, покидать тебѣ нѣкого, ну, и ступай, говорятъ, прямо въ Питеръ, объяви тамъ царю про замышляемое становымъ отложенье отъ царства. За это самое тебѣ, дескать, награжденье большое будетъ, какое примѣрно было съ царскихъ плечъ Ермаку Тимофеевичу, покорителю нашей Сибири. Я было отнѣкиваться, да бабы поѣдомъ меня ѣли-ѣли, покуда писарь настрочилъ этакое прошенье; я помолился Богу, да и въ путь-дорогу... Пробрался я въ Питеръ пѣшкомъ съ караванами, на пароходѣ, да по машинѣ. Тяжелъ былъ мой путь съ двадцатью цѣлковыми, истинную вамъ правду говорю, да все перенесъ, потому коли „взялся за гужъ, такъ не говори, что не дюжъ". Въ Питерѣ разыскалъ я дворецъ и къ нему. Хожалый спросилъ: что мнѣ надо? Я обсказалъ ему все наше дѣло, а онъ побожился мнѣ, что царь уѣхалъ въ Крымъ, на теплыя воды. Языкъ, говорятъ, до Кіева доводитъ, ну, и я въ Крымъ направилъ стопы, думалъ зайти по пути въ Кіевъ, поклониться святымъ угодникамъ, анъ ни то, ни другое не удалось мнѣ; я занемогъ здѣсь, меня подобрали на улицѣ, свели къ начальству, оно разспросило меня обо всемъ, прочитало прошенье, посмѣялось надо мной, да и спросило: имѣю ли я деньги на возвратъ домой. Я показалъ остатніе полтора цѣлковыхъ, и начальство приказало отослать меня на этапный дворъ. Тамъ я еще пуще расхворался. попалъ сюда и отлѣчиваюсь вотъ тутъ; а ежели поправлюсь, меня по этапу домой отошлютъ,—на посмѣшище, стало быть, землякамъ. Вотъ оно каково послушаться бабьихъ рѣчей мерзостныхъ!..

— Баба бабѣ—рознь, заступился за женщинъ дворянинъ Семеновъ:—Шатаевъ женился вонъ при двухъ женахъ на третьей, хорошенькой, богатой и знатной. А она такъ влюбилась въ него, что, не смотря на узнанный обманъ,—около года чуть ли не ежедневно посѣщала его здѣсь, безропотно выслушивала отъ него упреки и брань за то, будто мало хлопочетъ о немъ, хоть она съ утра до вечера бѣгала по городу, унижалась, умоляла всѣхъ заступиться за него, сорила деньгами направо и налѣво; а когда

Digitized by Google

его осудили,—добилась, что его, вопреки закону, не вывозили на колесницѣ выслушивать приговоръ на площадь, а отправили въ ссылку съ нарочными на ея же счетъ, да еще дала ему тысячу рублей на первоначальное обзаведеніе на чужбинѣ.

— А сама, прибавьте, на другой день послѣ его отсылки, вышла здѣсь же замужъ за другаго! Она его любила такъ сильно, что только день о немъ и потужила, подтрунилъ мѣщанинъ Сидоровъ.

— Въ ней былъ все таки значительный характеръ, вмѣшался чиновникъ Степановъ:—но она ему по характеру и въ подметки не годилась. Когда ему за побѣгъ изъ ссылки назначили 41 ударъ плетьми,—онъ объявилъ намъ, какъ сейчасъ помню, что плеть не коснется его тѣла, и съ того же дня пересталъ ѣсть, а потомъ и пить, пролежалъ двадцать сутокъ и кончилъ *голодною смертью*. И самого его упрашивали ѣсть, и сосѣдямъ приказывали соблазнять его бифштексами, курицами, телятиною; силою пытались его кормить, питательные клистиры ставили ему; самъ, наконецъ, архіерей пріѣзжалъ усовѣщивать его, но онъ предпочелъ умереть, чѣмъ вынести удары плетьми, и достигъ своей цѣли: вмѣсто тучнаго человѣка, похоронили связку костей. Просто желѣзный имѣлъ характеръ.

— Этакіе люди нонче рѣдкость, прибавилъ Сидоровъ.—Я видѣлъ вонъ въ тюрьмѣ, однажды, здоровенный парень, какъ ребенокъ, расплакался изъ-за того, что ему не позволили принять на свиданіи отъ старухи-тетки чаю и сахару.

— Почему же не позволили?

— „Просто деньгами неси,—скомандовали старухѣ,—а на деньги эти начальство ужь купитъ ему чаю-сахару, ежели заслужитъ". — „Мнѣ чай-сахаръ барыня подарила, а денегъ у меня нѣтъ, пропищала старуха.—Ей Богу, нѣтъ".—„На нѣтъ и суда нѣтъ", —прикрикнули на нее и погнали вонъ. Она заплакала, а на нее глядя, и племянникъ цѣлый день ревѣлъ.

— Чай что? Пустяки, поддержалъ пожилой крестьянинъ-сапожникъ.—Въ нашей тюрьмѣ, коли ежели хорошему мастеру скоро на волю, а отпустить его жаль,—потому онъ выгоденъ,—смотритель и подучалъ вахтера разозлить его, чтобы обругалъ, а тогда его въ штрафъ и оставляли мѣсяца на четыре исправляться.

— Все это супротивъ „одиночки" пустяки, вставилъ ломовой извощикъ.—Меня какъ запрятали съ воли въ анаѳемскую „одиночку", такъ я черезъ двое сутокъ готовъ былъ руки на себя наложить. Мнѣ сунули, правда, бумагу, карандашъ и книжку: пиши молъ, али читай,—забавляйся.—Да я, говорю, грамотѣ не ученъ.—„Учись, рисуй", молвили мнѣ въ отвѣтъ.—Да не умѣю, говорю я, этого дѣлать.—„Такъ наплевать на тебя, коль ты олухомъ уродился". Чертилъ я, други вы мои, чертилъ, покель чорта съ рожками напачкалъ, а потомъ этотъ самый чортъ и въявь сталъ передо мной показываться. Я началъ ахинею разную плести, горланилъ ни вѣсть что; фершелъ въ больницу меня и перевелъ, потому ума рехнулся было. И самоубивства тамъ часты: тоска

Digitized by Google

гложетъ, всякая нечисть чудится, въ тартарары провалиться радехонекъ бываешь,—ну, а врагъ силенъ.

— Смотрите, ребята, Шиповъ-то поправился: вонъ ковыляетъ, прервалъ Семеновъ.

— Не можете ли меня съ нимъ познакомить?

— Извольте. Онъ весьма словоохотливъ и всякому новому знакомству обыкновенно радъ.

Минутъ черезъ пять, я сидѣлъ уже на кровати Шипова, который меланхолически всматривался въ меня.

— Вы какихъ держитесь убѣжденій? ошарашилъ онъ меня вдругъ.—Н-да, убѣжденій какихъ вы?

— Въ какомъ смыслѣ, позвольте освѣдомиться? въ свою очередь спросилъ я:— недоумѣваю.

— Конечно, въ политическомъ. Республиканецъ ли, конституціонистъ ли, монархистъ ли вы,—словомъ, какая форма правленія, по вашему, наиболѣе раціональна при современномъ направленіи цивилизаціи?

— Рѣшать экспромтомъ такой сложный вопросъ я положительно не берусь; въ нашемъ заточенномъ положеніи просто смѣшно этимъ заниматься.

— Нѣ-ѣтъ-съ: вы слишкомъ еще юны рѣшать мировыя задачи, вотъ я вамъ что̀ скажу. Французская революція 1789 года внесла въ Европу прогрессъ, гуманность, а вы отвиливаете?.. Гм!.. Впрочемъ, нѣтъ, не то я говорю! Первая республика пала отъ того, что Шарлота Кордэ зарѣзала Марата: будь онъ живъ, онъ, я увѣренъ, много бы чудесъ натворилъ. Это мнѣніе мое поддерживаютъ и мои друзья: Бокль,—онъ уже покойникъ, царство ему небесное,—Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ,—судьи, въ этомъ отношеніи, компетентны. Со мною же соглашается и бывшій мой ратный вождь, старикъ Гарибальди... и... даже нашъ смотритель! Ха-ха!.. кому, какъ вы думаете, Франція обязана нынѣшнимъ своимъ правленіемъ?

— Войнѣ съ нѣмцами, плѣну Наполеона III, а потомъ Гамбеттѣ, Тьеру и другимъ вожакамъ.

— Ошибаетесь: Гамбетта—краснобай, не понимаетъ и азбуки политической; Тьеръ—переметная сума, политическій мой врагъ, предатель. Республику сдѣлали мы, гарибальдійцы.

— Вы развѣ сражались въ рядахъ гарибальдійцевъ?

— Разумѣется! Гарибальди предоставлялъ мнѣ командованіе легіономъ, но я предпочелъ скромную роль боеваго наставника его сына Менотти. Въ этой войнѣ я напрягалъ всѣ усилія захватить въ плѣнъ Бисмарка, этого завзятаго врага всякаго прогресса,—но перехитрить *нѣмца* намъ, къ сожалѣнію, не удалось... Послѣ войны, интриганы оскорбили гордость нашего вѣка—Гарибальди, и я, въ числѣ прочихъ его приверженцевъ, пробрался въ Парижъ и принялъ тамъ участіе въ коммунѣ, въ качествѣ батальоннаго командира.

Digitized by Google

— Съ разгромомъ же коммуны удрали?

— Я не изъ трусовъ, а, раненый на баррикадѣ, на Севастопольскомъ бульварѣ, попалъ въ плѣнъ, въ тюрьму „Сентъ-Пелажи", изъ нея—въ „Ларокетъ", а тамъ съ Росселемъ сидѣлъ рядомъ въ камерахъ, былъ приговоренъ къ разстрѣлу, совсѣмъ было ужь приготовился, въ знаменитомъ 13 нумерѣ, въ лоно Авраамово; но вдругъ почувствовалъ непреодолимую тоску по родинѣ и объявился русскимъ. Меня, вмѣсто висѣлицы, съ тріумфомъ провезли чрезъ всю Европу, показывая вездѣ, какъ чудо; доставили въ Россію, да герметически и закупорили, какъ величайшаго преступника, когда вся моя вина пустяшная: я эмигрировалъ лѣтъ 20 тому назадъ, потому что задыхался въ тогдашней нашей атмосферѣ и недоволенъ былъ окончаніемъ крымской войны, въ которой участвовалъ армейскимъ поручикомъ.

— Чѣмъ же вы занимались за границею?

— Я? гм... всѣмъ... въ Сан-Маринской республикѣ мнѣ предлагали министерскій портфель, но я переселился въ Мексику, участвовалъ тамъ въ осужденіи Максимиліана, за его узурпаторскія наклонности, и въ избраніи президентомъ Хуареса, который по отношенію ко мнѣ оказался такимъ же свиньею, какъ Базенъ по отношенію къ Франціи. Я вернулся въ Женеву, организовалъ интернаціоналку, первый прозрѣлъ тупость Карла Маркса,—этого хитрѣйшаго филистера,—и уѣхалъ въ Лондонъ систематизировать теорію Фурье. Потомъ... потомъ... что бишь такое дѣлалъ я потомъ?.. Да, да, я махнулъ, по приглашенію Гарибальди, на Капреру, составилъ съ нимъ планъ похода въ Римъ; въ Неаполѣ,—этомъ отечествѣ макаронъ,—перевелъ я на итальянскій языкъ „Жизнь Іисуса Христа" Ренана, исправивъ его ошибки, свойственныя легкомысленнымъ французамъ, и мы наводнили этой книгой весь Римъ, чтобы подорвать авторитетъ фанатической куріи. За это папа проклялъ Гарибальди, меня и нашихъ единомышленниковъ.

— Вы, извините, напоминаете мнѣ какого-то сказочнаго героя..

— Это очень естественно: вы слишкомъ молоды, чтобы понять меня, испытавшаго всѣ превратности судьбы. Да, я пережилъ все, все, и теперь искренно вѣрю въ Бога, во всѣхъ святыхъ; православная религія—моя пассія, нынѣшняя Россія—моя гордость, слава: какъ я ни старался—никакъ не могъ сдѣлаться космополитомъ. Да, Чацкій правъ былъ, говоря: „и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ". И если мнѣ что русское ненавистно,—такъ это прокуратура: она меня пятый годъ терзаетъ, не знаю, за что... Между тѣмъ, у меня дочь-херувимъ, ангельской красоты дѣвочка, которую я покинулъ въ Бернѣ и теперь лишенъ возможности даже и взглянуть на нее... Надя, Надя!.. гдѣ ты, Боже праведный!..

Съ Шиповымъ сдѣлался истерическій припадокъ, повторявшійся ежедневно, при воспоминаніи о дочери; разсказы же его напоминали пословицу: „не любо—не слушай, а лгать не мѣшай". Онъ считался помѣшаннымъ, да, кажется, и дѣйствительно былъ имъ

Digitized by Google

IV.

Старый другъ—лучше новыхъ двухъ.

Когда я узналъ все разсказанное и больше занимательнаго ничего не являлось, — я опять заскучалъ, загрустилъ... Вдругъ въ будничный день, послѣ обѣда, сторожъ позвалъ меня въ докторскій кабинетъ. Я пошелъ, разумѣется, въ своемъ облаченіи—сѣромъ халатѣ и въ туфляхъ. Перешагнувъ порогъ, я остановился, вздрогнулъ, и не могъ двинуться съ мѣста... Я увидѣлъ худенькую, блѣдную, но очень симпатичную молодую женщину, скромно, но къ лицу одѣтую, тщательно причесанную, безъ пальто и шляпы, какъ дома. Взгляды наши встрѣтились и мгновенно насквозь прожгли насъ обоихъ. Мы покраснѣли, поблѣднѣли, смутились и потупились... Въ комнатѣ никого, кромѣ насъ, не было, а мы продолжали стоять, какъ новички-воры, пойманные съ вещественными доказательствами въ рукахъ. Мы другъ друга сразу узнали; въ нашихъ сердцахъ воскресла блаженная, увлекательная юность, когда мы, живя подъ одною кровлею, впервые воспылали другъ къ другу платоническою любовью, за что 19-ти-лѣтняго жениха—отправили учиться, а 16-ти-лѣтнюю невѣсту—увезли въ деревню, и на этомъ романъ нашъ оборвался на пять лѣтъ. Сердца наши до того переполнились разнородными сильными ощущеніями, что дыханіе захватило, языки прилипли къ гортани. Минутъ пять простояли мы въ нѣмомъ созерцаніи, и цѣлый рой ожившихъ ощущеній и воспоминаній душилъ насъ... Потомъ, какъ бы магнетизмомъ, притянуло насъ другъ къ другу; мы горячо, пламенно, какъ во время оно, расцѣловались, и слезы—слезы умиленія, радости—какъ вода изъ прорвавшейся плотины, хлынули изъ глазъ...

— Какъ и за что вы, Петръ Ивановичъ, попали сюда? прервала она молчаніе, всхлипывая.—Надѣюсь, не мошенничество, не воровство привело васъ сюда?

— Нѣ-ѣтъ, ничего подобнаго я не сдѣлалъ, успокойтесь, Любовь Ивановна, едва выговорилъ я.—Сядемте и поговоримъ: я не въ силахъ дольше стоять. Можно называть васъ, какъ прежде, Любочкой?

— Можно, Петя, можно. Сядемъ: у меня тоже голова кружится...

Мы сѣли другъ противъ друга; руки наши сплелись и дрожали. Понемногу мы пришли въ себя, и я разсказалъ, какъ попалъ въ капканъ.

— Вѣрю тебѣ, Петя, вѣрю: я и въ своей практикѣ слыхала о разныхъ изумительныхъ оказіяхъ.

— Какая же это у тебя, Любочка, практика, что ты знаешь разныя оказіи?

— Практика моя—служба надзирательницы при арестованныхъ женщинахъ.

— Что-о-о-о?.. Ты, Любочка, тюремная надзирательница?

Digitized by Google

Не вѣрю! Барышня Любочка, не переносившая безъ содроганія случайнаго собачьяго лая, кошачьяго писка,—ежедневно, ежечасно слушаетъ плачъ арестантокъ!—Сравненіе это дико прозвучало въ моихъ ушахъ.—Нѣтъ, этого быть не можетъ! Это... это ты меня мистифируешь.

— Ничуть: все, что я сказала—сущая истина. Благодаря лишь моей тюремной службѣ, я и съ тобою вижусь *теперь* въ будни и съ глазу на глазъ, а не въ воскресенье, въ узаконенные часы свиданій, при всѣхъ и подъ названіемъ... ну, хоть сестры...

— Отъ кого же и какъ узнала ты, что я здѣсь обрѣтаюсь?

— Сперва я случайно услышала въ конторѣ твою фамилію отъ одного изъ писцовъ, а потомъ переспросила письмоводителя и изъ его словъ убѣдилась, что это именно ты, и со мною сдѣлалась нервная лихорадка... я всю ночь глазъ не сомкнула, а сегодня, съ разрѣшенія доктора, я тутъ...

Мы посвятили другъ друга въ свое прошлое съ того времени, какъ разстались. Она сообщила, что долго тосковала по мнѣ, двумъ выгоднымъ женихамъ отказала; отецъ и мать ея умерли почти одновременно холерою, а она, осиротѣвши, переселилась въ N., стала серьезно учиться, выдержала экзаменъ на домашнюю учительницу, начиталась моднаго тогда „тюремнаго вопроса", увлеклась имъ, возмечтала сдѣлаться русскою Елизаветою Фрей (знаменитая въ тюремной исторіи англичанка), нашла протекцію и очутилась надзирательницею въ тюрьмѣ.

— Упорное преслѣдованіе благой цѣли дѣлаетъ честь твоему характеру, повидимому, закалившемуся въ житейскихъ передрягахъ, польстилъ я ей. — Ну, а относительно меня — какъ? по прежнему?

— Кажется, такъ... Блаженная улыбка пробѣжала по ея утомленному, но мыслящему лицу, глаза радостно заискрились, щеки зардѣлись. Въ этотъ моментъ, моя юношеская любовь къ ней вернулась съ избыткомъ.

— И я съ удовольствіемъ отвѣчу тебѣ тѣмъ же, и никто ужь насъ не разлучитъ, горячо отозвался я.

Мы опять расцѣловались въ подкрѣпленіе нашихъ словъ.

— Ну, а приближаешься ты, по тюремной дѣятельности, къ своему идеалу?

— Нѣ-ѣтъ, объ этомъ и мечтать немыслимо, судя по нашему водотолченію. Скажу больше: тюремная атмосфера такъ въ полтора года опротивѣла мнѣ, что я ужь перемѣнила другую тюрьму, и жду—не дождусь обѣщаннаго мнѣ мѣста въ пансіонѣ, чтобы навсегда покинуть тюремную дѣятельность.

— Чѣмъ же именно ты разочарована, что рѣшаешься отречься отъ своего призванія, сжечь свои корабли?

— Чѣмъ? Ахъ, всѣмъ, всѣмъ!.. Сослуживцы наши невѣжественны, грубы и смотрятъ, какъ на объектъ своего вожделѣнія, на всѣхъ женщинъ,—служащія ли онѣ, или арестованныя, все равно; разницу же между первыми и послѣдними допускаютъ лишь въ выраженіяхъ и подходахъ: къ первымъ пристаютъ осторожно и исподоволь, а къ послѣднимъ—нахрапомъ и сразу. Мы, женское

Digitized by Google

начальство, не только не отстаиваемъ ни себя, ни своихъ подчиненныхъ, но еще сами достаемъ сослуживокъ молодыхъ и непремѣнно недурныхъ собою, чтобы потомъ потѣшаться надъ паденіемъ другъ друга, судачить другъ о другѣ, ревновать другъ друга чортъ знаетъ къ кому!.. Содержаніе служащихъ, кромѣ высшихъ, самое нищенское, а отсюда общая погоня за средствами къ безбѣдному существованію; способы же къ достиженію этой цѣли до сихъ поръ примѣнялись самые разнообразные. Такъ, духовенство получало деньги за назиданіе арестованныхъ, а назидало ихъ изрѣдка, и то зря: вѣчно торопилось на частныя требы, кондиціи; подъ предлогомъ бесѣдъ, превращалось нерѣдко и въ агентовъ арестованныхъ для сношеній съ ихъ родственниками, за что брало, подъ предлогомъ „молебновъ", десятки рублей; церковными источниками распоряжалось, какъ собственными. Словомъ, вполнѣ осуществляло поговорку о „поповскихъ завидущихъ глазахъ". Смотрители дѣлались покорными слугами богатыхъ арестованныхъ. Милліонера, напр., велѣно было держать, до суда надъ нимъ за фальшивое завѣщаніе, подъ строжайшимъ надзоромъ, а смотритель разъѣзжалъ съ нимъ ночами по городу, въ его каретахъ, для подготовки: богачу — оправданія, а себѣ солиднаго куша. Другой нажилъ красивую дачу отъ арестованнаго, который заплатилъ торговцу за одну лишь живую рыбу, съѣденную въ нѣсколько мѣсяцевъ, 700 рублей. Третій отпускалъ арестантовъ за вознагражденіе домой ночевать, до тѣхъ поръ, покуда трое удачно скрылись. Четвертый держалъ обширныя мастерскія чрезъ подставныхъ контрагентовъ, покупалъ молчаніе своего опаснаго помощника скандальною интимностью съ нимъ своей дочери и т. д. Проще, они ничѣмъ не брезгали, а имъ ничего не вмѣнялось въ вину, собственно потому, что прокуроры пасовали предъ ихъ силою, а они отдѣлывались выслушиваніемъ всякой брани... А какъ „брань на вороту не виснетъ", то обруганные даже были рады, когда удостоивались этой чести, развязывавшей имъ руки. „Каковъ попъ, таковъ и приходъ", гласитъ народная мудрость. Въ силу этой пословицы, помощники, помощницы, надзиратели, надзирательницы и служителя, чѣмъ могли, то же старались подражать своимъ набольшимъ... Оттого и на заключенныхъ ничто благотворное не дѣйствуетъ. Поученія, наставленія слушаютъ они съ такимъ возмутительнымъ равнодушіемъ, что чрезъ 5 минутъ ровно ничего не помнятъ, а чаще не придаютъ слышанному никакого значенія. — „Хорошо говорилъ батюшка противъ воровства?" полюбопытствуешь, случалось, у арестантокъ.—„Да, чудесно, а только ежели-бъ ему нечего было ѣсть,—онъ, какъ и мы, тоже укралъ бы", рѣшаютъ онѣ. Начнешь ихъ усовѣщивать, прямо отзываются:—„Мы не въ школу пришли, а на высидку; отсидѣвши же сроки, вернемся туда, откуда приведены; на лучшую жизнь у насъ нѣтъ денегъ, на работѣ нашей съ хлѣба на квасъ не перебьешься, а въ притонахъ бываемъ щегольски одѣты, сыты и пьяны". „Гдѣ же ваша совѣсть, честь?"—„Что и честь, коли нечего ѣсть? Вдолбите прежде, Любовь Ивановна, честь *своимъ*, а ужь потомъ

Digitized by Google

и мы объ ней послушаемъ. Мы за то, что „взяли„ "*) кофту, кофейникъ, у дружка—кошелекъ за его удовольствіе,—здѣсь мытаримся, а ваша братья хапаетъ, что̀ попало, да нами же помыкаетъ". Появится нарядная дама, молодыя арестантки шепчутъ: „вотъ бы къ выходу такой костюмъ, и мы бы живо *воздахторовъ* нашли", а старыя перебиваютъ ихъ хвастовствомъ: какъ онѣ прежде франтили, въ каретахъ катались и т. п.

— Пережитое,—замѣтилъ я,—каково-бы оно ни было, всегда невольно вспоминается, и ты едва ли основательно нападаешь такъ на своихъ кліентокъ, тѣмъ болѣе, что не онѣ однѣ виноваты въ томъ, что ихъ плохо воспитали, ничему не научили.

— Нельзя и не нападать: прислушаешься къ разсказамъ о ихъ похожденіяхъ—тошнитъ отъ ихъ цинизма, отъ того, какъ издѣвались надъ ними, цѣною какихъ гадостей покупались брошки, продавались ласки. Преобладающій процентъ женскихъ преступленій—кражи, кражи и кражи безъ конца, изъ зависти, отъ лѣни трудиться, да вслѣдствіе пьянства. Если же и случаются исключенія (за удушеніе младенцевъ или за покушеніе на отравленіе, убійство мужей, друзей), то и эти преступницы быстро развращаются отъ своихъ товарокъ. Виновникъ паденія одной узналъ, напр., что она, по арестантски, „втрекалась", почувствовалъ угрызеніе совѣсти и предложилъ ей повѣнчаться съ нимъ. Сначала она было согласилась, но потомъ наотрѣзъ отказалась, предпочтя *вольную* жизнь. Другая такъ искусно продѣлывала обмороки, истерики, что и доктора признали ее душевно-больною, но она не удовольствовалась этимъ, а принялась учить товарокъ; тѣ выдали, и ее сослали. Третья ставила себѣ въ заслугу, что, будучи только *по названію* дѣвицею—увлекла женатаго мужчину, выманила у него, подъ угрозою разгласить объ ихъ отношеніяхъ, цѣлый капиталъ, потомъ заставила его выдать себя замужъ, а когда онъ и это устроилъ—добивалась еще половины его состоянія, но, получивъ отказъ, притворилась обиженною, возбудила въ сумасбродномъ своемъ мужѣ ревность, сама посягнула на его жизнь и, очутившись здѣсь, рисовалась своими прегрѣшеніями. Сидѣнію въ тюрьмахъ и ученью грамотѣ, ремесламъ—почти всѣ молодыя женщины предпочитаютъ ссылку въ отдаленные края, гдѣ, по ихъ словамъ, легко поступить на хорошее содержаніе, либо и сдѣлаться значительною барынею, какъ этого, по какимъ-то слухамъ, добились участвовавшія въ убійствѣ Зона „большая" и „маленькая" Сашки. Вотъ по какому вонючему руслу течетъ вся вообще тюремная жизнь!

— Но вѣдь отъ васъ же зависитъ направлять ее къ лучшему?

— Вовсе не отъ насъ, а отъ стоящихъ выше насъ; они же положительно неспособны что либо измѣнить: у нихъ, во-первыхъ, нѣтъ рѣшительно никакого состраданія къ ближнимъ, никакого понятія о жизни заключенныхъ и о порядкѣ, какой въ

*) Это слово замѣняетъ: „украли".

Digitized by Google

дѣйствительности нуженъ; а во-вторыхъ—они преисполнены самомнѣніемъ и самолюбіемъ, царящими надъ всѣми остальными ихъ недостатками. Такимъ образомъ, изъ мелкихъ сошекъ никто „не долженъ смѣть свое сужденіе имѣть", если дорожитъ мѣстомъ. Въ тюрьмѣ, изъ которой я сбѣжала, прислуга вызмвалась въ камеры звонками, открывавшими снаружи камеръ особые клапаны. Зазвонитъ, бывало, одинъ; въ поддержку ему,—другой, пятый, десятый, и дребезжащій звонъ только раздражалъ и безъ того напряженные нервы остальныхъ. Днемъ прислуга по получасу вслушивалась, всматривалась въ клапаны, покуда дознавалась, кто ее зоветъ, а вечерами, ночами, когда и ей хотѣлось отдохнуть—затыкала ватой уши, чтобы спокойнѣе вздремнуть. Къ пронзительному звону прибавлялся безпрерывный гулъ шаговъ по коридорамъ, звяканье ключей, щелканье замковъ, свистъ водопроводной и воздухочистительной трубъ, а вся эта смѣшанная кошачья музыка оглушала и вгоняла: мужчинъ—въ изступленіе, а женщинъ—въ истерику.

— Порчу нервовъ отъ звона, гула, звяканья и бездѣйствія я, Любочка, на себѣ испыталъ и считаю все это пыткою. Одиночное заточеніе имѣетъ, полагаю, смыслъ относительно только что пойманныхъ убійцъ, разбойниковъ и грабителей, чтобы изолированіемъ ихъ ото всѣхъ легче открыть истину; но держать въ одиночныхъ кельяхъ безграмотныхъ простолюдиновъ, повинныхъ въ грошовыхъ плутняхъ и въ кражахъ со взломомъ—верхъ нелѣпости. Между тѣмъ, ихъ постоянно двѣ трети, если еще не больше, а изъ нихъ многіе послѣ этой пытки выходятъ изъ суда оправданными, но съ нажитыми въ тюрьмѣ меланхоліею и тихимъ помѣшательствомъ. До отчаянія и я доходилъ въ клѣткѣ. Но въ людяхъ семейныхъ оно, какъ я замѣтилъ, усугубляется еще ихъ домашними дурными обстоятельствами.

— Да, одинъ узнаётъ, что жена ему измѣнила; другая—что мужъ сдѣлалъ то же самое; третій—что дочь загуляла; четвертый—что сынъ замотался, и имъ ужь все ни почемъ. Супружескія и родительскія чувства во всѣхъ заключенныхъ сильно живучи, какъ бы низко они ни пали, какъ бы глубоко развращенны ни были. Я знала арестантку, которая прибѣжала съ каторги, куда была сослана за отравленіе своего возлюбленнаго, только затѣмъ, чтобы освѣдомиться: какъ содержится теткою ея маленькій сынъ?.. Я помню арестанта, который изъ ссылки за гадкія дѣла тайно вернулся сюда провѣрить поведеніе своей жены, и, когда ея кухарка вздумала пособить полиціи задержать его,—онъ вонзилъ ей ножъ въ грудь, а потомъ сокрушался не объ убійствѣ кухарки (онъ самъ сознался въ этомъ) и не объ ожидавшей его участи, а лишь о томъ, что жену, которую онъ любилъ, таскали къ допросамъ и пугали напрасно... Я слышала за достовѣрное, что самый кроткій арестантъ за то, что жена его окончательно бросила—вызвался зарѣзать всѣмъ ненавистнаго смотрителя, пырнулъ ему ножемъ въ бокъ и, хоть промахнулся (смотритель остался невредимъ), тѣмъ не менѣе, со злорадствомъ отправился на висѣлицу...

Digitized by Google

— Твои разсказы, поддержалъ я:—дѣйствительно способны превратить и такую кроткую, какъ ты, голубку въ злѣйшую тигрицу.

— Я и хочу скорѣе бѣжать отсюда, чтобы не сдѣлаться, какъ ты говоришь, тигрицею на бѣду себѣ и другимъ, такъ какъ настоящей реформы и чрезъ двадцать лѣтъ, вѣроятно, не будетъ, а на переливанье изъ пустаго въ порожнее силъ тратить не стоитъ.

— Отчего же ты не надѣешься на скорѣйшую реформу?

— Да оттого, что реформировать собираются не люди практически, всесторонне изучившіе дѣло, или заявившіе себя солидными научными трудами, а какіе-то юные хлыщи, исключительно протекціями пріобрѣтающіе карьеры, оклады и выгодныя *лѣтнія прогулки* въ формѣ командировокъ, для изученія того, что уже сто разъ изучено, обслѣдовано, разсмотрѣно и рѣшено. Къ намъ въ разное время наѣзжало четверо такихъ франтовъ и я вдоволь сама на нихъ наглядѣлась, а объ нихъ наслушалась и начиталась столько, что, кажется, безошибочно охарактеризую ихъ, хоть вкратцѣ. Всѣ они на словахъ симпатизируютъ всему хорошему, всякими безобразіями возмущаются, все устроить обѣщаютъ, всѣ затрудненія моментально разрѣшаютъ, а о своей, якобы, мудрости трещатъ безъ умолку. Въ дѣйствительности же пускаютъ пыль въ глаза своими связями, за которыя держатся; по невѣдѣнію предмета, вездѣ увлекаются всякими „формочками“, прилежно напихиваютъ ихъ разными разностями и все это выдаютъ потомъ за собственныя измышленія, даже печатаютъ и разсылаютъ всѣмъ въ поученіе... Всѣ они—ярые приверженцы всякихъ построекъ *хозяйственнымъ* способомъ, „порождающимъ наименьшее злословіе“, и ненавидятъ дѣловыхъ людей, какъ живой имъ укоръ; съ паѳосомъ трактуютъ о прелестяхъ жизни за границей, гдѣ они фланировали на казенный счетъ, въ интересахъ человѣчества; получаемое вознагражденіе считаютъ грошовымъ сравнительно съ ихъ эфемерными заслугами; на заграничный манеръ телеграфируютъ о себѣ: пришелъ, молъ, и побѣдилъ; періодически прославляютъ себя и въ газетахъ, которыя, точно колокольчики, позвякиваютъ на далекое пространство, что тоже составляетъ ихъ престижъ; когда же что либо появится противъ нихъ—они негодуютъ, мечутъ громы и молніи... хорошо еще—если про себя!... Какъ нѣжно воспитаннымъ особамъ, имъ надо, понятно, много денегъ, а чтобы ихъ имѣть—они, благодаря своимъ связямъ же, зачисляются и на бумажныя фабрики, и въ разныя компаніи, и куда угодно... Оболгать противниковъ для нихъ самое пріятное занятіе, словомъ, ихъ девизъ: все для себя и ничего для другихъ...

— Что же молчатъ ваши филантропы и филантропки?

— Тѣхъ изъ филантроповъ, которые могли бы постоять за дѣло, —старательно отъ него оттѣсняютъ самыми разнообразными ухищреніями; остальнымъ же все трынъ-трава, лишь бы награды давали за бездѣйствіе, а разъ это практикуется, и дѣло въ шляпѣ. Изъ филантропокъ же я знаю только двухъ, но зато достойныхъ не только подражанія, но и удивленія: онѣ достигали иногда замѣчательныхъ результатовъ. Одна, напр., убѣдившись, что осужденный въ каторгу—невиновенъ, до тѣхъ поръ обивала у всѣхъ

Digitized by Google

сановниковъ пороги, пока не добилась его помилованія. Другая избавила отъ наказанія плетьми татарина за то, что онъ проломилъ голову нѣкоему Шипову, сумасброду, пересидѣвшему въ тюрьмахъ чуть ли не всей Европы.

— А какого, скажи, ты мнѣнія объ узникахъ *за идеи*?

— Грустно смотрѣть, какъ эти фантазёры и фантазёрки *при посторонних*ъ стараются геройствовать: „мы, дескать, глашатаи истины и за это подвергаемся гоненіямъ“, а *наединѣ*, за рѣдкими исключеніями, проклинаютъ тѣхъ, кто увлекъ ихъ на торную дорогу; изъ атеистовъ дѣлаются мистиками и т. д., точно раньше не въ состояніи были сообразить, что лѣзутъ въ петлю, и что революціонныя затѣи висятъ у насъ на воздухѣ, не находя серьезной точки опоры ни въ обществѣ, ни—тѣмъ болѣе—въ народѣ.

— Такъ и на нихъ ты глядишь прокурорскими глазами?

— Сами напрашиваются на такой взглядъ: гдѣ бы хорошенько поучиться, разойтись, ну, хоть, по общественнымъ и частнымъ должностямъ, водворять среди окружающихъ просвѣщеніе, гуманность и тѣмъ самымъ служить прогрессу,—они ни съ того, ни съ сего выступаютъ со своими бреднями, которыхъ никто не хочетъ и слушать, потому что ихъ приложимость къ жизни нигдѣ въ мірѣ не доказана.

— Они вѣрятъ, что пропаганда „великихъ идей“ важнѣе житейскихъ дрязгъ. Они мнятъ пробудить апатичное общество отъ моральной спячки и пошлости, въ которыхъ оно погрязло, т. е. обрекаютъ себя на „подвиги“ во имяоб щаго блага, а на это вѣдь способна лишь честная, чистая молодежь.

— Не съ того конца, какъ я понимаю, начинаютъ они свою миссію. Чѣмъ больше честныхъ *мелких*ъ дѣятелей, тѣмъ вѣрнѣе и быстрѣе улучшается цѣлое общество. Это—аксіома. Система ихъ дѣйствій производитъ: въ обществѣ—регрессъ, а въ ихъ близкихъ—скорбь. Эту ужаснѣйшую родительскую скорбь я вполнѣ понимаю. Я знаю мать, которая четыре года сряду, по два раза въ недѣлю, ходила къ сыну, выплакала по немъ свои старческіе глаза, высохла съ горя, какъ скелетъ, а униженій и оскорбленій вынесла она столько, сколько едва ли выносятъ и на каторгѣ!.. Я помню отца, закаленнаго въ бояхъ, который рыдалъ, какъ ребенокъ, надъ дочерью; а когда ее осудили въ Сибирь,—онъ бросилъ полкъ, которымъ командовалъ, облекся въ простой армякъ и поплелся за нею по этапу, чтобы облегчать ея участь на станціяхъ и на дневкахъ по пути въ далекую страну... Я никогда не забуду, какъ при мнѣ бабушка *моментально помѣшалась*, увидѣвъ внука съ обритою полъ-головою. Мнѣ была знакома молодая женщина, которая застрѣлилась послѣ объявленія, на эшафотѣ, приговора ея мужу. Я видѣла дѣвушку, отравившуюся съ горя, что застала брата въ кандалахъ. И такихъ трагическихъ фактовъ пропасть. Загубленныя безцѣльно силы—вотъ что вызываетъ къ нимъ состраданіе.

— Ты, значитъ, отвергаешь всякую дѣятельность во имя возвышенныхъ цѣлей, хотя онѣ—эссенція цивилизаціи?

— Гибнуть для отвлеченной идеи въ средѣ, которая откре-

Digitized by Google

щивается отъ нея, я считаю дѣйствительно и вреднымъ, и глупымъ. Къ тому же, и мечты о „земномъ раѣ“ вообще несбыточны. Наглядными примѣрами могутъ служить Америка и Франція: пролетаріатъ, бѣдствія, преступленія—и тамъ въ изобиліи. И тамъ, говоря стихами Пушкина:

„На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ—
Тиранъ, предатель или узникъ“.

— Сама же ты возстановлена противъ неурядицъ и, тѣмъ не менѣе, защищаешь ихъ... Это нелогично.

— Я крѣпко недовольна,—это вѣрно; но *не тѣмъ* и *не такъ*, какъ эти фантазёры.

— Скажи же мнѣ, наконецъ, какого ты мнѣнія о женскомъ вопросѣ? Онъ уже непосредственно и *тебя* касается.

— Свободный доступъ женщинамъ учиться *всему*—я поддерживаю безусловно, просто потому, что „ученье—свѣтъ, а неученье—тьма“. Затѣмъ, я знаю телеграфистокъ, учительницъ, контролёрокъ, акушерокъ, конторщицъ, и, судя по ихъ разсказамъ,—жизнь ихъ безотрадна: неизбѣжныя сердечныя увлеченія, дѣти и нищета постигаютъ тѣхъ, которыя покрасивѣе, а дурнушки высыхаютъ, какъ лимонъ, за непосильнымъ трудомъ, дѣлаются сварливыми, старыми плакальщицами на судьбу и застываютъ въ этомъ печальномъ положеніи. Счастливо живущихъ и служащихъ, право, очень и очень мало, благодаря, впрочемъ, вамъ же, мужчинамъ,—нашимъ милымъ опекунамъ, заботящимся главнымъ образомъ о собственныхъ интересахъ.

— Исполать тебѣ, голубушка, за твою мудрую разсудительность,—заключилъ я съ ироніею, которую она, въ горячности, спасибо, не замѣтила.

Мы разстались—„до свиданія“. Точно переродившимся вернулся я въ палату, легъ на кровать, закрылъ глаза, чтобы никого не видѣть, заткнулъ уши, чтобы ничего не слышать, и предался размышленіямъ, навѣяннымъ на меня Любочкой. Я мысленно упрекалъ себя за скверно прожитые года, жалѣлъ и Любочку за перенесенныя ею невзгоды, и рѣшилъ, что, умудренные горькимъ опытомъ — мы можемъ дать другъ другу тихое семейное счастіе. Настроившись на этотъ ладъ, я съ умиленіемъ возстановлялъ въ своей памяти черты продолговатаго, утомленнаго личика Любочки, ея блиставшіе черные глазки, тонкія губки, трепетавшую миньятюрную ручку, худенькій, но стройный станъ, плавный, съ задорцемъ, голосокъ. Все это мнѣ нравилось въ ней, все ласкало мой слухъ, воображеніе, щекотало мнѣ сердце, пробѣгало по всему тѣлу и манило... манило къ ней... Я нетерпѣливо ждалъ слѣдующаго свиданія, но Любочка не приходила. Недосугъ ли ей, или она считаетъ неприличнымъ часто являться ко мнѣ, или же просто кокетничаетъ со мною? задавалъ я себѣ неотвязные вопросы, которые томили, грызли меня трое сутокъ.

— Сестрица ваша, Любовь Ивановна, поручила мнѣ передать вамъ, что завтра зайдетъ, сообщилъ мнѣ наконецъ фельдшеръ.—Она очень занята.

Слово „сестрица“, по моему умозаключенію, служило предосте-

Digitized by Google

реженіемъ противъ сплетенъ. Когда она пришла, то пристально оглядѣлась вокругъ.

— Я лишена сегодня возможности долго бесѣдовать съ тобой: я дежурная и съ трудомъ выбрала минуту для тебя, мой милый, быстро заговорила она съ очаровательною улыбкою.

— И за минуту великое тебѣ спасибо, Любочка; я и наяву, и во снѣ брежу тобой, и прошедшіе дни ожиданія показались мнѣ годомъ.

— Какъ женщина, я отвѣчу, что это прелестно: значитъ, старый другъ лучше новыхъ двухъ. Запасись, однако-жъ, терпѣніемъ и дольше не видѣть меня: ежели я часто буду ходить къ тебѣ—сплетни меня не минуютъ.

— Оттого-то ты и озиралась сейчасъ, оттого-то ты стала мнѣ „сестрицей"?

— Да, я третьяго дня вышла изъ границъ позволеннаго *здѣсь*, но больше увлекаться, до поры, до времени, не будемъ, не то смотри у меня!—Она погрозила мнѣ рукою.

Послѣдующія свиданія наши были также кратки, но по прежнему оживленны. Наконецъ, она посовѣтовала мнѣ выписаться изъ больницы, куда ходить ко мнѣ оказалось ей совсѣмъ ужь неудобно.

V.

Въ общихъ камерахъ, на общихъ свиданіяхъ и въ карцерѣ.

Я поблагодарилъ доктора за его гостепріимство, попросилъ выписать меня и, если можно, помѣстить въ общей камерѣ, гдѣ скука менѣе ощутительна.

— Я уже объявилъ, кому слѣдовало, отвѣтилъ докторъ:—о невозможности держать васъ одного безъ вреда для вашего организма, и сдѣлалъ это какъ по моему убѣжденію, такъ и по просьбѣ вашей кузины: я уважаю ее за прекрасныя нравственныя и умственныя качества, за умѣнье служить и за родственную привязанность.

Въ общей камерѣ, въ которой меня помѣстили, жило семь человѣкъ. Я съ ними, разумѣется, познакомился. Недоросль изъ дворянъ, спеціалистъ по части надувательства *богатыхъ старухъ*, считалъ свою профессію безгрѣшною, на томъ основаніи, что родители состоянія ему не оставили, ничему не научили, а физическія силы и вкусъ къ изящному, напротивъ, развиты въ немъ; съ этими же качествами ему никакъ нельзя было обходиться безъ значительныхъ денегъ.

— Но вы, въ вашемъ возрастѣ, сами могли бы трудиться и вести себя сообразно средствамъ, замѣтилъ я ему.

— Зачѣмъ же мнѣ трудиться, если и безъ того легко деньги доставать? Благодаря моей наружности, богобоязненныя вдовицы принимали меня съ распростертыми объятіями; за сношенія съ ними я бралъ деньги, вещи, процентные билетики и проч. За это же двѣ мегеры, изъ ревности, упекли меня въ сіе мѣсто злачное.

Digitized by Google

Другой сотоварищъ по заключенію, купецъ, за приличный комисіонный процентъ, факторствовалъ между ростовщиками и офицерами, которые, напр., за 100 р. ссуды выдавали векселя на 300 рублей, а иногда подписывали векселя, по настоянію ростовщиковъ, не прапорщичьими, а капитанскими, напримѣръ, чинами, чтобы, въ случаѣ неуплаты прописанныхъ суммъ родителями, угрожать имъ привлеченіемъ сыновей къ суду уголовному за „ложное именованіе себя непринадлежащими имъ чинами".

— Промыселъ вашъ былъ, какъ хотите, неблаговидный, протестовалъ я.

— Векселя подписывали не дѣти, а офицеры, понимающіе, что дѣлаютъ. Къ тому-жъ, съ ними иначе рѣшительно нельзя поступать: изъ десяти развѣ шестеро платятъ, а изъ остальныхъ— одни всѣмъ надолжаютъ и, когда кредитъ ихъ окончательно изсякнетъ, удираютъ служить въ Ташкентъ и на Кавказъ, т. е. поминай, какъ звали, а другіе выискиваютъ протекцію, и нашего брата призываютъ, да и говорятъ: доставь черезъ часъ векселя такого-то, а не исполнишь—отправишься туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Робкіе повинуются и прощаются со своими денежками, а бойкихъ запрятываютъ въ кутузку до тѣхъ поръ, пока не сдадутся; иныхъ же и по отобраніи векселей, случалось, высылали за упрямство. Между тѣмъ *вольныя* барышни тоже *берутъ* за ихъ посѣщенія векселями, взыскиваютъ по нимъ съ тѣхъ же офицеровъ деньги, и ихъ никто не трогаетъ, на нихъ никто и не жалуется!.. Судите же теперь: кто лучше—ростовщики или офицеры?

Прогорѣвшій помѣщикъ приглашалъ довѣрчивыхъ людей на всякія мѣста въ свои имѣческія владѣнія, непремѣнно съ *денежными* залогами, которые проматывалъ, а искателей мѣстъ водилъ „завтраками" да „недосугами распредѣлить ихъ по назначенію".

— Жизнь, увѣряю васъ, такъ скверно нынче сложилась, что по неволѣ приходится руководствоваться пословицею: „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ", оправдывался помѣщикъ:—коли олухи предварительно не узнавали: могу ли я всѣхъ ихъ пристроить,—значитъ, „не чортъ ихъ несъ на дырявый мостъ".

Отставной офицеръ многократно содержался за оскорбленіе словами и дѣйствіемъ охранителей общественнаго порядка.

— Я съ раннихъ лѣтъ привыкъ къ моментальной расправѣ: „привычка—вторая натура", резонерствовалъ онъ.—Полицейскихъ же я съ младенчества ненавижу, и стоитъ имъ задѣть меня словомъ, взглядомъ, я сейчасъ же въ усъ да въ рыло катаю, и успокоиваюсь, потому—удовлетворенъ! А что за это приходится потомъ сидѣть,— такъ вѣдь сила солому ломитъ.

Почетный гражданинъ, хапнувшій изъ банкирской кассы больше трехсотъ тысячъ, носилъ собственное платье, бѣлье, имѣлъ свиданія, когда и съ кѣмъ хотѣлъ—наединѣ, а кушанья и питья приносили ему изъ лучшаго ресторана.

— Если вы здѣсь такъ широко живете, то можно себѣ представить, что вы дѣлали на волѣ, замѣтилъ я ему.

Digitized by Google

— Да, я много денегъ растранжирилъ на своемъ недолгомъ вѣку, хвастался онъ, человѣкъ еще молодой:—въ мотовствѣ я бралъ примѣръ со старшихъ. Когда они проживали по тридцати тысячъ—я по три; они по триста—я по тридцати; они—по милліону—я по сту тысячъ въ годъ, т. е. только бралъ по 10%. Хорошо еще, что позаботился и о черномъ днѣ, не то бы пропалъ!... За мною не только здѣшніе архаровцы не ухаживали бы, но и моя зазнобушка, пожалуй, натянула бы мнѣ носъ. А какъ я зналъ одиннадцатую заповѣдь: „не зѣвай", то еще поживу! Анюта, спасибо ей, тоже помнитъ добро и выходитъ замужъ за меня, лишеннаго правъ.

И, дѣйствительно, его вскорѣ же повѣнчали въ тюремной церкви съ его зазнобушкой,—красивою молодою женщиною. Подъ вѣнцомъ стояли: она—въ изящномъ нарядѣ и въ брилліантахъ, а онъ—во фракѣ, бѣлыхъ перчаткахъ и галстухѣ. Церковь всю освѣтили, устлали коврами, пѣли два хора пѣвчихъ. Сожителей онъ угостилъ отличнымъ ужиномъ, а его свадебный пиръ происходилъ въ конторѣ. Жена, по особому разрѣшенію, впослѣдствіи отвезла его въ ссылку на свой счетъ.

Былъ и господинъ неопредѣленной профессіи, но артистъ на всѣ руки. Онъ велъ себя такъ ловко, что успѣлъ занять деньги даже у нашего тюремнаго начальства, и, когда оно вздумало ввести строгость,—онъ подалъ смотрителю, для отправки высшему начальству, жалобу на то, что въ тюремной церкви въ торжественный день не служили обѣдни, потому,—какъ онъ дознался,—что причтъ въ это время совершалъ молебствіе у знакомыхъ смотрителя, по его уговору. Содержаніе жалобы было умилительное съ патріотической и религіозной точекъ зрѣнія. Смотритель, прочитавъ ее, понялъ, что его ждетъ скандалъ, взбѣсился, прибѣжалъ къ намъ и напустился на жалобщика.

— Вы не ругайтесь, не то я подамъ другое еще прошеніе о томъ, что вѣнчали Рантофа (кассира), а ночевали съ новобрачною—вы. Понимаете ли, чѣмъ это пахнетъ?

— Такъ вы шпіоните даже за мной? Ахъ, вы, бестья эдакая! Въ карцерѣ заморю!

— Попробуйте, такъ я донесу и о многомъ другомъ, начиная съ того, какъ вы взятки берете, служите агентомъ у скопцовъ и т. д.

— Чего же вамъ надо?

— Десять рублей за молчаніе.

И смотритель заплатилъ артисту десять рублей, а онъ взялъ назадъ жалобу.

Пожилой чиновникъ содержался за потерю какихъ-то казенныхъ бумагъ и старательно приготовлялся къ судоговоренію.

— Меня, я думаю, оправдаютъ, утѣшался онъ передъ отправкою въ судъ.—Ни вреда отъ утраты мною бумагъ никто не получилъ, ни умысла потерять ихъ я не имѣлъ,—это и свидѣтели, полагаю, подтвердятъ.

— Оправдаютъ ли васъ, или обвинятъ, это будетъ зависѣть отъ того, на какихъ присяжныхъ навернетесь, замѣтилъ недо-

Digitized by Google

рось:—присяжные же—лотерея, въ которую прокуроры и адвокаты взапуски играютъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто: обѣ стороны произвольно отводятъ по шести человѣкъ засѣдателей отъ участія въ дѣлахъ; просто фамилія, званіе, профессія не понравятся—и вычеркнутъ; изъ остальныхъ же такой иногда составъ наберется, что съ нимъ ничего и не подѣлаешь.

— Ну, такъ я попрошу никого не вычеркивать, чтобы мнѣ получить то, что̀ Богомъ назначено.

Цѣлый день спорили мы: оправдаютъ ли, или обвинятъ чиновника. Наконецъ онъ вернулся торжествующимъ. Мы поздравили его съ оправданіемъ.

— Человѣкъ никогда недоволенъ своимъ положеніемъ, заявилъ онъ намъ.—До суда я только и желалъ оправдаться, а теперь меня преслѣдуютъ вопросы: какъ смѣли оправданнаго таскать назадъ въ тюрьму подъ конвоемъ, собственно для перемѣны платья, когда со всякимъ подсудимымъ легко посылать въ судъ его вещи, чтобы, въ случаѣ оправданія, больше его не тиранить. Потомъ, за что я протомился шесть мѣсяцевъ, кто вознаградитъ меня за потерю службы, за убытки?

— Мученія ваши пошли на алтарь правосудія, съострилъ кто-то.—Вотъ и меня заклали въ жертву Ѳемидѣ.

— Ошибаетесь: на свѣтѣ нѣтъ правосудія, а практикуется око за око, зубъ за зубъ, подъ предлогомъ правосудія.

Вообще, резонёрство было общею отличительною чертою моихъ сожителей, которые отъ бездѣлья занимались обсужденіемъ самыхъ разнообразныхъ философскихъ, юридическихъ, экономическихъ и прочихъ вопросовъ человѣческаго бытія; но такъ какъ они были люди посредственнаго и ограниченнаго ума, то никакихъ міровыхъ задачъ и не могли, естественно, рѣшать правильно. Мало по малу, они мнѣ надоѣли своими безконечными спорами о выѣденномъ яйцѣ.

Въ одномъ мы всѣ, впрочемъ, сходились—въ жаждѣ свиданій съ близкими намъ лицами, являвшимися подъ названіемъ родственниковъ. Въ воскресенье послѣ обѣда, позвали и меня на свиданіе. Въ „свидальной“ комнатѣ (она была разгорожена пополамъ глухими, отъ потолка до полу, рѣшетками), противъ обыкновенія, было мало народа: лишь до тридцати посѣтителей и столько же арестованныхъ. Тѣ и другіе стояли другъ противъ друга. Я еще издали встрѣтился глазами съ Любочкой. Она приблизилась ко мнѣ озабоченно и поздоровалась со мною кивкомъ головы: подать руку нельзя было сквозь рѣшетку.

— Почти ничего не слышно и душно, началъ я.—Видѣться здѣсь, право, пытка...

— Которую извольте, однако, безропотно переносить, полусердито, полунасмѣшливо отозвалась она. — Постоимъ молча: скоро начнутъ расходиться, а тогда мы и услышимъ другъ друга.

И дѣйствительно, минутъ черезъ десять, солдаты стали на-

Digitized by Google

поминать посѣтителямъ, что имъ пора домой. Оставалось человѣкъ 10—12, но и они говорили уже тихонько, чтобы власти не слышали разговоровъ.

— За свиданія *тамъ* я имѣла большія непріятности: у насъ вѣдь и стѣны съ ушами и глазами, ну, и распространили, будто бы мы... заявила мнѣ Любочка.—Я со всѣми изъ-за этого перессорилась и теперь же выхожу въ отставку.

— Что же, Любочка, со мной станется безъ твоего участія? жалобно молвилъ я.

— Терпѣніе все превозмогаетъ,—это разъ, а второе—на досугѣ мнѣ удобнѣе будетъ хлопотать объ васъ. Помните это и мужайтесь.

Я ободрился. Народъ рѣдѣлъ. Мимо насъ сновали взадъ и впередъ женщины и мужчины, съ любопытствомъ всматривавшіяся въ насъ.

— Это все мои сослуживицы и сослуживцы подсматриваютъ и подслушиваютъ, какъ мы себя ведемъ, о чемъ бесѣдуемъ, предварила меня Любочка, то краснѣя, то блѣднѣя.—И все это для сплетенъ!

— Ничего, недуренъ вкусъ у нашей смиренницы, прозвучалъ въ моихъ ушахъ женскій голосъ.

— Смиренница?.. какъ же! Въ „тихомъ омутѣ черти-то и водятся", продолжалъ мужской голосъ.—Какъ впилась, впилась-то въ него?.. Срамница этакая!

— Не смѣйте ее порочить: она моя невѣста, честнѣе и чище всѣхъ васъ, почти закричалъ я, въ пылу раздраженія.—Срамницы-то вы, а не она.

— Еще бы не невѣста, коли съ завтрашняго же дня безъ мѣста, съ ѣдкостью подхватила одна.

— Вступитесь же за насъ, Ерофей Ивановичъ, пискливо обратилась другая къ смотрителю.—Въ вашемъ присутствіи насъ оскорбляетъ *арестантъ*, а вы молчите? Помилуйте!

— А-а!.. Ежели вы, г-жа Самсонова, невѣста этого арестанта, такъ убирайтесь отсюда вонъ, скомандовалъ смотритель.—Невѣстамъ свиданія имѣть не позволяется. А вы что забываетесь? Вы арестантъ, въ карцеръ посажу!

— Промолчи, Петя, предъ грубой силой, и не унывай до скораго свиданія на волѣ, проговорила мнѣ Любочка; потомъ повернулась къ своимъ врагамъ и прибавила:—я знала васъ за людей, способныхъ на все гадкое, поэтому и нынѣшнія ваши гнусныя выходки вамъ вполнѣ къ лицу. Вотъ мое объ васъ мнѣніе на прощанье.

Она гордо вышла изъ „свидальной" комнаты.

— За любовь люди всегда страдаютъ, и вы отправляйтесь-ка въ карцеръ, иронически адресовался смотритель ко мнѣ.—Тамъ, въ уединеніи, помечтайте о любви къ этой дряни.

— Эпитетъ „дряни" лучше подходитъ къ ея оскорбителямъ, нежели къ ней.

— Молчать! Отвести его въ карцеръ.

— Не смѣете своевольничать: я буду на васъ жаловаться!

Digitized by Google

— Сколько угодно. Стащить его въ карцеръ!

Приказаніе было буквально исполнено, хоть я и не сопротивлялся. Въ темной, холодной и сырой канурѣ, къ стѣнѣ была примощена широкая доска для лежанья. Негодованіе во мнѣ закипѣло, я впалъ въ ярость, ломился въ дверь руками и ногами, кричалъ, бранилъ смотрителя. Ко мнѣ влетѣли сторожа, связали руки и ноги и бросили меня на доску. Я скрежеталъ зубами, тщетно усиливался разорвать веревку, изнемогая отъ безсилія, боли и униженія въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Наконецъ я стихъ, и меня развязали. Наступилъ вечеръ. Въ коридорѣ зажгли огонь.

— Вы, сосѣдушка, ужасно наглупили своимъ крикомъ и стукомъ, адресовался ко мнѣ кто-то изъ смежнаго карцера.—Тутъ вѣдь этого нельзя-съ...

— Я не могъ не возмутиться смотрительскимъ поступкомъ со мною, оправдывался я.—Это дикое насиліе всякаго взбѣситъ.

— За сознаніе своего права мы и платимся. Я добивался установленнаго для осужденныхъ *къ заключенію* права носить *собственное* платье, но смотритель мнѣ отказалъ. Я и протестовалъ, ссылаясь на законъ. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что за меня—статья устава, а противъ меня—статья въ инструкціи. Я возразилъ, что законъ обязательнѣе инструкціи.—„Коли такъ,—заключилъ онъ,—то за неповиновеніе въ карцеръ на сутки, по другой статьѣ той же инструкціи, которую вы ставите ни во что“.

— А я за свои собственныя деньги попалъ сюда, молвилъ другой, съ противоположной стороны:—я забралъ по мелочи 2 руб. 40 коп., а насчитали на меня 4 р. 80 к. Я докладываю: счетъ невѣренъ,а мнѣ говорятъ: за подозрѣніе въ отжиливаніи денегъ—въ карцеръ. Ну, и посадили въ это мѣсто, „для сведенія счета“, какъ объявили мнѣ.

Въ отдаленіи зазвякали ключами, и все смолкло. Немного погодя, отперли мой карцеръ, и меня выпустили,—какъ сторожъ сказалъ мнѣ,—по ходатайству доктора, котораго Любочка уже успѣла попросить выручить меня изъ бѣды.

Я вернулся въ камеру совершенно разбитый. Сожители пожалѣли меня и одни, наивные—совѣтовали мнѣ жаловаться, а другіе, опытные—отговаривали меня. Мнѣ оставалось домаячить послѣдніе дни. Изъ опасенія повредить себѣ же, я предпочелъ молча снести обиду. Я занялся счетомъ: сперва—дней, потомъ часовъ, наконецъ—даже минутъ до полученія свободы, которую умѣютъ вполнѣ цѣнить только, кажется, заключенные. Что они переживаютъ въ ожиданіи воли, этого, право, нельзя и передать словами.

VI.

„Отворите мнѣ темницу“...

Наступилъ срокъ моего заключенія. Съ шести часовъ утра я трясся, какъ въ лихорадкѣ; голова у меня горѣла, въ вискахъ

Digitized by Google

стучало, глаза тревожно перебѣгали съ предмета на предметъ; я слышалъ разговоры, но не понималъ ихъ смысла. Короче, и разсудокъ, и нервы не повиновались мнѣ. Около 10 часовъ, меня позвали въ канцелярію. Я мигомъ очнулся, засмѣялся и заплакалъ разомъ.

— Поздравляемъ, отъ души поздравляемъ васъ со свободою' говорили мнѣ сожители.—А мы-то, несчастные... Эхма... Томиться, томиться остаемся!

— Благодарю, благодарю васъ, господа, бормоталъ я:—Да, воля' воля... Доберусь ли я до нея?..

— Вѣроятно, недолго будете вы ею наслаждаться: васъ выпроводятъ въ „не столь отдаленныя мѣста", подъ охрану блюстителей благочинія. Ахъ, да: еще въ фотографію промытаритесь, портретецъ на память съ себя оставите...

Я кивнулъ имъ головой и опрометью бросился въ коридоръ, по лѣстницамъ, внизъ во дворъ. Голова у меня кружилась, въ глазахъ рябило, руки и ноги тряслись. Въ коридорѣ передъ канцеляріею я буквально наткнулся на Любочку и просіялъ отъ радости.

— Погоди минуту, остановила она меня за рукавъ.—Я привезла бумагу о совершенномъ твоемъ освобожденіи.—Искреннимъ удовольствіемъ озарилось раскраснѣвшееся ея лицо.—Ступай, да, пожалуйста, скорѣй продѣлай послѣдній актъ: я здѣсь тебя подожду, чтобы не видѣть противныхъ рожъ.

— Спасибо, голубушка: вѣкъ не забуду твоей услуги, скороговоркою отвѣтилъ я, крѣпко пожалъ ей руку и направился дальше.

Уфъ! тяжело вздохнулъ я передъ дверью канцеляріи, степенно приблизился къ смотрителю и ждалъ его распоряженія.

— Переодѣньтесь въ свое, отдайте наше имущество, приказалъ онъ мнѣ:—заберите свои пожитки и вернитесь сюда: мнѣ надо съ вами еще посекретничать.

Я повиновался. Трепещущими руками переоблачился я въ томъ самомъ помѣщеніи, гдѣ меня обыскивали принимая подъ стражу, и опять предсталъ предъ смотрителемъ, какъ человѣкъ, уже смѣлый, рѣшительный.

— Гдѣ вы будете квартировать? озадачилъ онъ меня.

— Право, еще не знаю, да вамъ, полагаю, это и знать лишнее: я не намѣренъ вести съ вами знакомства.

— А мнѣ или кому нибудь изъ моихъ знакомыхъ, можетъ статься, придется сдѣлать вамъ визитъ, такъ мы плутать не охотники.

— Поберегите свои шутки для другихъ, такъ какъ я желаю по возможности скорѣе перестать лицезрѣть васъ, забыть объ васъ.

— Подъ моею командою *арестантовъ* въ годъ перебываетъ не одна сотня, и имъ было бы слишкомъ много чести, чтобы я ихъ помнилъ. Но предваряю, что, до записи вашего адреса, вы отсюда не уйдете.

— Если такъ,—то сейчасъ сообщу. Сказали бы прямо, что это требуется, и я не тратилъ бы даромъ словъ.

Digitized by Google

Я повернулся, чтобы выйти въ переднюю спросить Любочку о мѣстѣ ея квартированія.

— Стойте: вы еще арестованный, ни съ кѣмъ переговариваться, безъ моего разрѣшенія, не смѣете. Эй! позвать ко мнѣ бывшую надзирательницу Самсонову: вѣроятно, она еще толкается въ коридорѣ.

Явилась Любочка съ побагровѣвшимъ лицомъ.

— Вы уводите отъ насъ сего кавалера?

— Ну, да. Что же вамъ нужно? гордо произнесла она.—Говорите.

— Квартира, въ которой вы спрячете его подъ свое крылышко, въ какой улицѣ или какомъ переулкѣ и домѣ находится,—соблаговолите намъ повѣдать на всякій случай.

— Ахъ, да... адресъ, презрительно молвила она.—Я чуть не забыла объ этомъ. Извольте.

Она продиктовала, писецъ записалъ съ ея словъ.

— Теперь вы, молодой человѣкъ, свободны. Можете отправляться прямо подъ вѣнецъ, благо невѣста васъ дожидается. Желаю вамъ совѣтъ да любовь, потому—съ милымъ рай и въ шалашѣ.

— Пойдемъ, Петя, изъ этого омута, повелительно закончила Любочка, сильно дернувъ меня за руку.—Отъ него и честь, и совѣсть, какъ горохъ отъ стѣны, отскакиваютъ.

Перешагнувъ чрезъ тюремную калитку за ворота, я свободно вздохнулъ, и негодованіе мгновенно смѣнилось радостью, да такою, что я, кажется, готовъ былъ перецѣловаться со всѣми, не исключая и смотрителя, которому, за двѣ минуты передъ тѣмъ, охотно размозжилъ бы голову.

— Куда же мы теперь? дознавался я отъ Любочки.

— Садись вонъ въ карету, куда сторожъ кладетъ твои вещи, и поѣдемъ, отвѣтила она, ликуя.—Дорогою все узнаешь.

Мы покатили.

— Я наняла въ шамбръ-гарни по комнатѣ, тебѣ и себѣ, пояснила она.—О расходахъ для начала не безпокойся: я скупа, сберегла деньжонокъ на черный день, а трачу ихъ на свѣтлый.

— Ахъ, чортъ возьми, я забылъ потребовать свои деньги изъ конторы, воскликнулъ я.—Тамъ осталось больше 10 рублей. Вернемся...

— Нѣтъ, ужь пусть лучше ими воспользуются, чѣмъ опять выслушивать пошлости отъ человѣка, который не задумается, изъ алчности, и скандалъ сдѣлать. Ты теперь человѣкъ новый, и деньги наживешь новыя.

— И то правда, моя умница. Я въ долгу у тебя не останусь, а покамѣстъ позволь хоть ручку твою поцѣловать.—Препятствія я, разумѣется, не встрѣтилъ.—А какъ ты однако выручила меня изъ темницы?

— Я явилась къ одной общей благодѣтельницѣ, разсказала ей все, понимаешь ли—*все*, и просила ея участія къ тебѣ и ко мнѣ. Она въ тотъ же день сама съѣздила къ властямъ и добилась отъ нихъ всего, т. е., во-первыхъ, чтобы съ тебя не сни-

Digitized by Google

нали фотографіи, какъ съ человѣка скомпрометированнаго; во-вторыхъ, чтобы тебя никуда не отсылали „для успокоенія", какъ это дѣлается съ людьми, тебѣ подобными, а оставили бы подъ ея поручительствомъ; наконецъ, въ-третьихъ, чтобы и тутъ тебя не подвергали надзору для предупрежденія какихъ либо новыхъ проказъ. Какъ видишь, „свѣтъ не безъ добрыхъ людей", а такимъ образомъ напа и взяла. Теперь скажи мнѣ по совѣсти: въ состояніи ли ты рѣшительно отречься отъ среды, въ которой вращался до своего проступка?

— Я настолько поплатился за свои вольныя и невольныя прегрѣшенія, что даю честное слово начать съ тобою совершенно новую жизнь.

— И прекрасно. Благодѣтельница наша хоть и аристократка, но во всѣхъ отношеніяхъ славная дама. Она выхлопатываетъ паспорты; взрослыхъ—пристраиваетъ къ мѣстамъ, дѣтей—въ пріюты, старыхъ—въ богадѣльни; платитъ за право слушанія лекцій; доставляетъ женщинамъ работу, призрѣваетъ даже у себя нуждающихся, кто-бъ они ни были, безразлично. Короче, имя ея боготворится не только здѣсь, но и въ отдаленныхъ городахъ, множествомъ людей. Мнѣ и письма присылаютъ въ ея квартиру, чтобы вѣрнѣе доходили. Она желаетъ тебя видѣть. Пойдешь ужо со мною къ ней?

— Охотно. А не правда ли, свобода—драгоцѣнность для человѣка?

— Еще бы?!. Но она въ особенности полезна и пріятна тѣмъ, кто умѣетъ ею владѣть. На твою свободу я, впрочемъ, не посягну.

— Напротивъ: я съ удовольствіемъ вручаю тебѣ свою свободу, въ полной увѣренности, что ты изъ нея чудесное сдѣлаешь употребленіе.

Мы на „вольной квартирѣ" пообѣдали съ отличнымъ апетитомъ, прифрантились и отправились къ великодушной женщинѣ, оказавшейся тою же дамой, которая снабдила меня „бесѣдами" и „евангеліемъ". Она приняла насъ такъ просто, радушно, какъ мать своихъ дѣтей. Я поблагодарилъ ее за участіе ко мнѣ.

— Я хлопочу, сколько и за кого могу, исключительно потому, что считаю это своею христіанскою обязанностью и утѣшеніемъ. Я буду искренно радоваться, когда услышу, что оба вы счастливы.

— Мнѣ, какъ жениху, а ей, какъ невѣстѣ, очень дорого ваше участіе.

— Въ такомъ случаѣ, желаю вамъ супружескаго счастія, а чтобы оно ничѣмъ матеріально не омрачалось, я постараюсь доставить вамъ мѣсто со скромными средствами къ безбѣдному существованію.

Распахнулась дверь, вошелъ лакей и поднесъ благодѣтельницѣ, на серебряномъ подносѣ, письмо. Она взглянула на адресъ и передала письмо Любочкѣ.

— Это вамъ, милая невѣста, вѣроятно, сюрпризъ въ нынѣшній именно день, прибавила она.—Не стѣсняйтесь меня: прочтите, чтобы не думалось, отъ кого и о чемъ.

Digitized by Google

Любочка вскрыла конвертъ, прочла нѣсколько строкъ, поблѣднѣла, какъ полотно, и сквозь зубы произнесла:

— Несчастіе...

— Что̀ вы говорите? спросила смущенно дама.

— Съ кѣмъ, гдѣ? съ живостью освѣдомился я.

— На-те, читайте... Вотъ они, родительскія чувства...

Я схватился за письмо, узналъ изъ него, что кто-то сообщилъ моему отцу о постигшемъ меня несчастіи, и параличъ лишилъ его употребленія правой руки, ноги, а—частью—и языка. Холодный потъ выступилъ у меня на лбу, въ глазахъ помутилось, и я чуть не зарыдалъ. Прочла письмо и добрая дама.

— Поѣзжайте, поѣзжайте скорѣй къ отцу, посовѣтовала она мнѣ.—Это вашъ долгъ, это облегчитъ старику его страданія.

— Да, я поѣду, непремѣнно поѣду... только вмѣстѣ съ нею.

— Хорошо, рѣшила Любочка.—Ѣдемъ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, одобрила дама.—Погодите минутку.— Она удалилась, живо вернулась и, обращаясь къ Любочкѣ, молвила:—Если-бы вы здѣсь вѣнчались, я была бы вашей посаженой матерью, а такъ какъ вы уѣзжаете, то позвольте предложить вамъ на подвѣнечное платье.—Она сунула ей, какъ послѣ оказалось, сторублевую ассигнацію.—Теперь съ Богомъ.

Мы торопливо распрощались съ этою прекраснѣйшею изъ женщинъ и,—благодаря лишь щедрой ея помощи,—въ тотъ же вечеръ пустились въ путь. Всю дорогу (слишкомъ двое сутокъ) находился я въ такомъ возбужденномъ состояніи, что ничего не ѣлъ, чрезвычайно злился, отчего поѣздъ не летѣлъ вихремъ, и навѣрное выскочилъ бы изъ вагона, еслибы Любочка не удерживала меня за рукавъ. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ родинѣ, тѣмъ учащеннѣе билось во мнѣ сердце, сильнѣе стучало въ вискахъ. По выходѣ на платформу вокзала, на меня напалъ столбнякъ, отъ котораго я едва освободился минутъ черезъ десять...

Мы поѣхали на разныхъ извощикахъ: Любочка — къ своей кузинѣ, сообщившей ей роковую вѣсть, а я—домой, къ отцу... Въ умѣ моемъ все путалось, въ глазахъ рябило... я ничего по дорогѣ не видѣлъ, не помнилъ и очнулся только дома въ передней, въ объятіяхъ моей старой няни...

— Касатикъ ты мой, ненаглядный мой, какъ похудѣлъ ты на чужой сторонѣ, причитывала она, обливаясь слезами.—А съ батюшкой-то твоимъ, эво, кондрашка стрясся, нивѣсть отъ чего. Опъ отчаялся и увидѣть-то тебя, соколикъ ты нашъ ясный. Скидавай пальто, а я побѣгу батюшку обрадовать; можетъ, болѣзнь его облегчится, какъ свидитесь.

Тихонько, на цыпочкахъ, пробрался я въ спальню отца и предсталъ предъ нимъ, какъ тяжкій преступникъ предъ грознымъ судьею... Онъ увидѣлъ меня, вскрикнулъ: „ахъ!“ отчаянно заметался по постели, тщетно усиливаясь подняться; потомъ, ослабѣвъ — вдругъ вытянулся, и изъ его старческихъ глазъ покатились слезы... Я нагнулся къ нему. Онъ долго, нѣжно и страстно цѣловалъ меня въ губы, въ лобъ и всматривался въ меня; но эти

Digitized by Google

молчаливые поцѣлуи и взгляды, точно каленымъ желѣзомъ, жгли меня, виновника его страданій...

— Правда ли... съ трудомъ, шопотомъ, заговорилъ онъ:—правда ли... ты сидѣлъ?.. нѣ-ѣтъ, не вѣрится мнѣ...

— Успокойтесь, ради Бога; вамъ вредно волноваться, отвѣчалъ я:— все, все разскажу вамъ по совѣсти...

— Говори... говори... теперь же!... я ничего... я радъ... вернулся наконецъ...

Онъ такъ былъ нетерпѣливъ, что мнѣ оставалось только повиноваться. Я и передалъ ему все, что̀ со мною случилось.

— Слава Богу, произнесъ онъ, также шопотомъ и растягивая слова:—слава Богу, хоть не за позорное дѣло, а все таки не ожидалъ, не ожидалъ отъ тебя... мои сѣдины...

Мало по малу онъ успокоился. Ударъ постигъ его, какъ оказалось, отъ одной вѣсти, что я въ тюрьмѣ, а за что̀—онъ такъ и не узналъ. Память и слухъ у него вполнѣ сохранились, языкомъ онъ владѣлъ несовсѣмъ исправно, а парализованы были правая рука и нога. Я просидѣлъ возлѣ него почти всю ночь напролетъ, каялся передъ нимъ и утѣшалъ, ка̀къ и чѣмъ могъ. За эту ночь и я пережилъ, навѣрное, нѣсколько лѣтъ!.. На утро, когда онъ, послѣ двухчасоваго сна, нѣсколько ободрился и повеселѣлъ,—я дополнилъ ему разсказъ о своихъ приключеніяхъ: ка̀къ Любочка случайно нашла меня, облегчила мнѣ заточеніе и выходъ на волю. Я не пожалѣлъ, разумѣется, для нея самыхъ розовыхъ красокъ и заключилъ намѣреніемъ на ней жениться, если онъ на это согласится.

— Согласенъ, согласенъ, повторилъ онъ.—Это твой долгъ, долгъ чести. Къ тому же, женишься—перемѣнишься, да и безъ жены домъ пустъ. Пошли за нею, пошли скорѣй: я хочу ее увидѣть и обнять... Она—бѣдная сирота, а у насъ, слава Богу, кое-что̀ есть.

Любочка не заставила, конечно, себя ждать. Отецъ сразу узналъ ее, горячо поцѣловалъ, тотчасъ же благословилъ насъ и настоялъ, чтобы мы безотлагательно, безъ всякихъ торжествъ, повѣнчались. Мы охотно исполнили его желаніе, и домъ нашъ пополнился хозяйкой.

Отецъ покинулъ по болѣзни службу, за которую ему назначили хорошую пенсію; рука его поправилась, а нога окончательно отказалась служить. На Любочку онъ не наглядится, не надышется за ея самоотверженныя заботы о немъ и за введеніе въ нашемъ хозяйствѣ образцоваго порядка. Меня пріятели отца пристроили секретарствовать въ крестьянскомъ присутствіи; я тамъ усердно служу и, по мѣрѣ моего разумѣнія и скромнаго значенія,—стараюсь быть полезнымъ человѣкомъ. Любочка завела для пяти бѣдныхъ дѣвочекъ даровую школу въ отцовскомъ кабинетѣ, гдѣ и онъ развлекается дѣтьми и нетерпѣливо ждетъ внука... Всѣ мы трое дружны, любимъ, уважаемъ другъ друга, и довольствуемся своимъ достаткомъ.

Ахъ, еслибы не отцовскій параличъ,—результатъ моей „высидки“,—я былъ бы, кажется, совершенно доволенъ своей судьбой...

Digitized by Google

Впрочемъ, когда мнѣ ужь очень жутко становится смотрѣть на старика, я со злорадствомъ твержу себѣ: „любилъ кататься—люби и саночки возить“. Да, разочарованный, отрекшійся отъ всякихъ „завиральныхъ идей“, я избралъ себѣ девизомъ: „тише воды, ниже травы“. Соотвѣтствуетъ ли мнѣ этотъ девизъ—я еще не успѣлъ увѣриться, но отецъ и Любочка разрѣшаютъ мое сомнѣніе утвердительно, а какъ они составляютъ для меня *все*,—то я и не спорю съ ними. Они—правые, а я—виноватый; виноватые же должны стремиться прежде всего загладить свою „провинность“. Лишь моя бывшая няня-старуха упорно твердитъ, чтобы я пересталъ носъ вѣшать, потому, дескать, что „быль молодцу не укоръ“, и я, по ея мнѣнію, теперь чистъ, аки голубь...

В. Никитинъ.

Digitized by Google

Драмы А. Н. Островскаго, какъ основа русскаго народнаго репертуара.

I.

Театръ, настоящій національный театръ—это одно изъ наиболѣе могучихъ проявленій духовной жизни народа, но народа не въ узкомъ смыслѣ этого слова, а во всей широтѣ того понятія, которое съ бо́льшею опредѣленностью выражается словомъ: „нація“. У насъ, русскихъ, этой опредѣленности нѣтъ, а толкованіе слова „народъ“ въ смыслѣ простонародья (plebs) гораздо болѣе распространено, чѣмъ представленіе о русскомъ народѣ, какъ о *единомъ политическомъ, соціальномъ и умственномъ цѣломъ*. Отсюда толки о „сліяніи съ народомъ“, о необходимости „опроститься“, о необходимости для интеллигенціи поступиться своимъ умственнымъ и нравственнымъ обличіемъ. Такое теченіе общественной мысли, захватывая всѣ стороны нашей жизнедѣятельности, очень ощутительно сказывается и въ литературѣ. И этой послѣдней указываютъ необходимость опроститься, заговорить языкомъ, понятнымъ народу (разумѣй—простому), о вещахъ, лишь для него интересныхъ. Если все это дѣйствительно такъ, если все, что̀ до сихъ поръ сдѣлано, можетъ быть достояніемъ лишь незначительнаго верхняго культурнаго слоя, дни котораго какъ бы сочтены, то все это не дѣлаетъ чести нашей изящной словесности. Это значитъ, что она еще не создала ничего такого, что̀ составляло бы гордость и достояніе всей націи, какъ Шекспиръ составляетъ гордость всякаго грамотнаго англичанина. И тотъ же Шекспиръ широко доступенъ для толпы, даже въ самыхъ глубокихъ своихъ вещахъ, среди которыхъ вѣчнымъ перломъ остается „Гамлетъ“, заграннный и на нашихъ провинціальныхъ сценахъ. Истинный высокій драматизмъ извѣстныхъ жизненныхъ положеній можетъ быть понятъ и прочувствованъ всякимъ мыслящимъ, хотя и неразвитымъ человѣкомъ, и въ этомъ заключается причина успѣха шекспировскихъ пьесъ, при самой низменной обстановкѣ, среди публики невысокаго разбора, которая отзывается на нихъ также, какъ и люди съ утонченными художественными вкусами.

Digitized by Google

Возвращаясь къ поставленному нами вопросу о русской національной литературѣ, мы не беремся за разсмотрѣніе его по отношенію ко всей нашей, въ общемъ, чрезвычайно богатой изящной словесности, но попробуемъ примѣнить это мѣрило къ произведеніямъ недавно скончавшаго А. Н. Островскаго. Этимъ, во-первыхъ, мы надѣемся отдать должное высокой памяти богато-одареннаго писателя, а, во-вторыхъ, имѣемъ въ виду прійти, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ разрѣшенію стоящаго на очереди вопроса о народномъ театрѣ.

Говорить о ясной и всѣмъ очевидной необходимости такого учрежденія мы не станемъ, считая этотъ фактъ теоретически установившимся. Скажемъ только о томъ, что̀, по нашему разумѣнію, должно составлять репертуаръ народнаго театра. Недавно сообщалось въ газетахъ, что на сценѣ народнаго театра въ Александровской слободѣ, подъ Петербургомъ, при стеченіи трехтысячной простонародной публики, была разъиграна и имѣла большой успѣхъ комедія графа Л. Толстаго, „Первый винокуръ“,— произведеніе, не выдерживающее критики съ точки зрѣнія сценическихъ и эстетическихъ требованій. Тутъ же въ газетѣ проскользнуло сообщеніе, что предполагается приспособить для сцены цѣлый рядъ разсказовъ графа Л. Толстаго, издаваемыхъ имъ для „народа“. Намъ показалось чрезвычайно страннымъ это стремленіе искусственно создавать репертуаръ народной драмы, когда этотъ репертуаръ давно готовъ въ обширной серіи произведеній покойнаго Островскаго. Преимущество этихъ произведеній состоитъ именно въ томъ, что это не поддѣлки, а настоящія литературныя произведенія, авторъ которыхъ, создавая ихъ, остался глубоко вѣренъ художественнымъ и нравственнымъ идеаламъ лучшихъ умовъ своего времени Проводя въ жизнь (и жизнь широко-народную) репертуаръ нашего образцоваго писателя, мы поднимаемъ толпу до уровня нашихъ умственныхъ идеаловъ, и уже на этой болѣе возвышенной почвѣ можемъ искать прочныхъ элементовъ для единенія. Напротивъ того, мастеря какую-то новую литературу спеціально для народа и сбрасывая со счетовъ общаго національнаго богатства замѣчательнѣйшіе образцы нашей словесности, мы идемъ къ обособленности народныхъ массъ и къ развитію въ средѣ ихъ— небреженія умственными силами верхняго культурнаго слоя.

Мы согласны даже съ тѣмъ, что драматическія произведенія, предназначаемыя для простонародной публики, должны отличаться доступностью языка и понятностью содержанія, но и это требованіе безусловно выдерживаютъ многочисленныя произведенія Островскаго, доставляющія высокое наслажденіе и самой культурной публикѣ. Такими произведеніями мы считаемъ: „Бѣдность не порокъ“, „Не такъ живи, какъ хочется“, „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“, „Гроза“, „На бойкомъ мѣстѣ“. На второмъ планѣ мы здѣсь поставимъ историческія драмы Островскаго: „Воевода“, „Кузьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ“, „Дмитрій Самозванецъ и Василій

Digitized by Google

Шуйскій", „Тушино", „Василиса Мелентьева",—на второмъ планѣ не въ качественномъ отношеніи, но лишь потому, что ниже мы имѣемъ въ виду сказать объ этомъ рядѣ произведеній свое особое слово. Поставленныя же выше пять пьесъ представляютъ собою давно признанные шедѣвры русской словесности, и, при правильной постановкѣ театральнаго дѣла въ Россіи, должны были бы составлять постоянное ядро русскаго національнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, классическаго (въ смыслѣ качественномъ) репертуара.

Общую черту вышесказанныхъ пьесъ составляетъ ихъ необыкновенная поэтичность и колоритность, глубина затронутыхъ въ нихъ душевныхъ конфликтовъ, живость драматическаго движенія, богатое разнообразіе и пластичность изображенныхъ въ нихъ характеровъ, и высота лежащихъ въ основѣ ихъ нравственныхъ понятій, такъ что, съ этой послѣдней точки зрѣнія, воспитательное значеніе драмъ Островскаго неисчерпаемо. Всѣ эти произведенія не только вполнѣ понятны и доступны простому неграмотному человѣку, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда могутъ быть „лучемъ свѣта" въ темной жизни простаго человѣка. Правда, что въ драмахъ Островскаго фигурируетъ не настоящій мужикъ-пахарь, но живописуемое покойнымъ драматургомъ купечество—это то же сѣрое крестьянство, только разжирѣвшее и разбогатѣвшее. Цивилизація коснулась этого общественнаго элемента лишь настолько, насколько она дала ему, въ видѣ денежной силы, возможность проявлять свою дикость во всю ширь. Положенія купца изъ драмъ Островскаго легко можетъ достигнуть всякій мужикъ, и надо заранѣе предупредить его, если только онъ попадетъ подъ ферулу общественнаго воспитанія и умственнаго развитія, къ чему ведетъ человѣка денежная сила безъ умственнаго и нравственнаго ценза. Передъ нами раскрывается цѣлая галлерея типовъ, представляющихъ собою какъ бы послѣдовательное развитіе одной и той же основы. Вотъ вы видите во весь ростъ фигуру старика Безсуднаго („На бойкомъ мѣстѣ"). Это—грубый невѣжественный мужикъ, забывшій въ погонѣ за наживой всѣ законы божескіе и человѣческіе. Полное отсутствіе нравственныхъ и умственныхъ идеаловъ кладетъ свой отпечатокъ и на фигуры Дикаго и Кабанихи („Гроза"). Въ этихъ натурахъ, особенно у Кабанихи, кроется громадная энергія и сила характера, но все это остается безъ приложенія или растрачивается самымъ непроизводительнымъ и даже вреднымъ для жизни образомъ. Направьте эти натуры иначе, внѣдрите въ эти головы благородный строй мыслей, и вы получите достойнѣйшихъ и полезнѣйшихъ людей. Понятно, что на натуры созрѣвшія и заматерѣлыя такое воздѣйствіе невозможно, но подростающія поколѣнія того же корня, увидя себя въ возможномъ будущемъ, быть можетъ, съ ужасомъ отвернутся отъ такого обличія и подавятъ въ себѣ зародыши врожденной дикости. Въ драмѣ „Бѣдность не порокъ" передъ нами раскрывается яркая картина старо-завѣтныхъ купеческихъ нравовъ, съ самой симпатичной ея стороны—сохраненія народной самобытности, съ ея пѣснями

Digitized by Google

и чисто народнымъ весельемъ. Струи новой жизни идутъ въ эту среду съ двухъ концовъ, и каждая несетъ свое начало. Съ одной стороны, Митя, сохраняя симпатичную наивность, зачитывается стихами Кольцова, съ другой—Гордѣй Карпычъ, сведя дружбу съ Африканомъ Савичемъ, стремится усвоить высокій аристократическій тонъ, въ жертву которому готовъ принести все, начиная со счастія своей семьи. Тѣ же черты первобытной дикости, не смягченной никакой культурой, мы видимъ въ драмахъ „Грѣхъ да бѣда“ и „Не такъ живи, какъ хочется“. Въ послѣдней изъ нихъ, перенесеніе дѣйствія въ XVII вѣкъ (что дало возможность представить русскій бытъ съ бо́льшей опредѣленностью) придало этому произведенію особую живописность, и она производитъ увлекательное впечатлѣніе. Народная жизнь захвачена здѣсь живьемъ, со всей ея цѣльностью, со всей тьмой невѣжества и предразсудковъ, со всей той „чертовщиной“, которую теперь, для какихъ-то непонятныхъ цѣлей, такъ усердно эксплуатируетъ графъ Л. Толстой въ своихъ якобы-народныхъ разсказахъ, выставляя ее, какъ нѣкоторое реальное начало само по себѣ, совершенно согласно съ грубымъ представленіемъ народа, обусловленнымъ лишь его невѣжествомъ.

Иначе трактуетъ чертовщину Островскій. Его Петръ („Не такъ живи, какъ хочется“) видитъ передъ собой тѣнь Еремки и говоритъ съ нею объ убійствѣ жены, но это вполнѣ естественная галлюцинація, которая можетъ случиться съ каждымъ человѣкомъ, допившимся и догулявшимся до чортиковъ. Разгульная натура Петра слаба вообще, а, расшатанная алкоголемъ и безпорядочною страстью, она приводитъ его въ самый изучительный экстазъ. Онъ бросается съ ножемъ въ рукахъ, чтобы погубить жену, и отрезвляется лишь на краю прорубн, когда,—какъ нельзя болѣе кстати,—раздается ударъ церковнаго колокола. Здѣсь нѣтъ никакого мистицизма, какъ это вообразилось Сѣрову, исковеркавшему конецъ драмы въ своей оперѣ „Вражья сила“; здѣсь, просто, ударъ колокола возвѣщаетъ человѣку, въ которомъ проснулась совѣсть, все то, что съ рожденія, съ первыхъ моментовъ пониманія, онъ узналъ высокаго и нравственнаго. Для такого человѣка, какъ Петръ, нѣтъ морали внѣ морали христіанской, уже потому, что это—единственная, когда либо преподанная ему мораль, и—значитъ—совпаденіе нравственнаго возрожденія надъ прорубью съ ударомъ колокола—дѣло самое естественное.

Когда вы переживаете впечатлѣнія, производимыя этими драмами,—передъ вами, какъ призрачный великанъ, встаетъ во весь свой колоссальный ростъ наше всероссійское невѣжество. Правда, что большинство этихъ произведеній писано въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, но ушло ли наше культурное движеніе настолько далеко впередъ, чтобы общій строй русской жизни измѣнился существенно? Правда, въ жизни нашей создалось очень много совершенно новыхъ условій, многія отноше-

Digitized by Google

нія совершенно измѣнились, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, жизнь не выдвигаетъ яркихъ опредѣленныхъ типовъ, а искать ихъ въ текущей литературѣ и подавно будетъ безплодно. Это сдѣлаетъ развѣ новый Островскій, скораго появленія котораго также трудно ждать, какъ и новаго Гоголя, для эпопеи котораго въ сферѣ нашей жизни скопляется обширнѣйшій матеріалъ.

Выше названныя пять драмъ раскрываютъ передъ нами цѣлую галлерею разнообразныхъ типовъ и характеровъ, поставленныхъ въ различныя жизненныя положенія, притомъ такъ, что одна и та же черта въ различныхъ персонажахъ представляется съ различныхъ сторонъ. Такъ, напримѣръ, пьянство, олицетворенное въ лицѣ Любима Торцова, совсѣмъ не то, что̀ разгулъ молодаго купеческаго сынка Петра Непутеваго („На бойкомъ мѣстѣ“), или въ той же драмѣ „Бѣдность не порокъ“—кутежъ Яши Разлюляева. Въ Любимѣ Торцовѣ вы видите глубоко-драматическое соединеніе честной, благородной и по существу гуманной натуры съ заѣдающимъ порокомъ, надломившимъ эту недюжинную натуру. Яша Разлюляевъ, напротивъ, молодъ; жизнь, очевидно, еще не дала ему ни одного жестокаго урока, и онъ предается добродушному разгулу. Не таковъ Непутевый. Это, по выраженію его прикащика, „круговой“ парень, котораго пускать одного нельзя. „За свои деньги“ онъ требуетъ себѣ полнаго уваженія и говоритъ: „кто смѣетъ важничать, окромя меня? Я деньги плачу“.— „Еще пыли отъ меня не видывали“, восклицаетъ онъ затѣмъ, угрожая бить посуду и высаживать окна. Эта дикая бурлацкая натура,— воплотившаяся въ расхоленное, разжирѣвшее купеческое тѣло,—ищетъ себѣ удовлетворенія въ самыхъ дикихъ желаніяхъ, типичная формула которыхъ: „чего моя нога хочетъ?“—вложена Островскимъ въ уста купца Курицына, въ драмѣ „Грѣхъ да бѣда“.

Мы остановились на пьянствѣ, потому что алкоголь играетъ чрезвычайно важную роль въ жизни купечества, воспроизводимаго въ драмахъ Островскаго. Имъ, очевидно, отравлены цѣлыя поколѣнія, и отсюда всѣ тѣ купеческія безобразія, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ граничатъ съ безумiемъ. Кромѣ того, это единственное средство, къ которому обращаются купцы Островскаго, чтобы выйти изъ апатіи и оцѣпенѣнія. Пьетъ Дикòй, котораго никто въ цѣломъ городѣ „разговорить“ не можетъ, запиваетъ отчаянно и сынъ Кабанихи, какъ только ему удается хоть на время вырваться изъ-подъ ферулы своей матери.

Если пьянство широкою волною захватываетъ жизнь купечества въ драмахъ Остóровскаго, то, съ другой стороны, въ эту жизнь просачивается новая струя,—струя образованности и свѣта. Но какъ слабо и безпомощно это теченіе, въ сравненія съ энергіей застоя, воплотившагося въ Дикомъ и въ Кабанихѣ, передъ которыми Кулигинъ и Борисъ являются жалкими пигмеями! Борисъ оказывается совершеннымъ ничтожествомъ, но-

Digitized by Google

ставленный въ непосильнее для его слабой натуры отвѣтственное положеніе; Кулигинъ тоже является человѣкомъ безпочвеннымъ: увлеченный такими игрушками науки, какъ изобрѣтаемое имъ perpetuum mobile, и угнетенный матеріальными невзгодами, несчастный самоучка нисколько не можетъ повліять на невѣжественную толпу, твердо увѣренную, что „Литва къ намъ съ неба упала". Вообще образованность, возрощенная той самой почвой, на которой происходитъ дѣйствіе, оказывается здѣсь слабосильной, а предѣлы темнаго царства слишкомъ обширны.

Обращаясь къ женскимъ характерамъ Островскаго, мы видимъ богатое разнообразіе, которое авторъ въ различныхъ своихъ произведеніяхъ не повторяетъ, но существенно дополняетъ, и въ общемъ получается симпатичный образъ русской женщины,—то самоотверженной и мечтательной, съ оттѣнкомъ мистицизма, какова Катерина въ „Грозѣ", то порывистострастной, но глубокой въ своей привязанности и гордой въ сознаніи своего достоинства (Аннушка въ драмѣ „На бойкомъ мѣстѣ" и Дуняша въ драмѣ „Не такъ живи"), то сердечно любящей, но покорной исконному строю жизни (Любовь Гордѣевна въ „Бѣдность не порокъ"). А контрастъ имъ составляетъ хитрая и ядовитая, но легкомысленная Евгенія („На бойкомъ мѣстѣ"), ложно направленная, вслѣдствіе соприкосновенія съ барствомъ, Краснова („Грѣхъ да бѣда"), развеселая вдовушка Анна Ивановна („Бѣдность не порокъ"), ни въ чемъ себѣ не отказывающая бѣдовая Варвара, дочь Кабанихи,—и въ общемъ получается самъ собою складывающійся типъ, со всѣми чертами положительными и отрицательными, безусловно вѣрными дѣйствительности и искусству.

Глубинѣ внутренняго содержанія пьесъ Островскаго вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ блестящая внѣшняя оправа, какою надо считать чистоту ихъ языка (не смотря на то, что Островскій въ уста своихъ купцовъ часто влагаетъ своеобразныя выраженія ихъ полуобразованнаго языка),—безусловную сценичность, легкость драматическаго движенія и естественное развитіе хода дѣйствія вплоть до конца, правильно разрѣшающаго драму.

Вотъ что̀ долженъ смотрѣть нашъ народъ, а слѣдомъ за нимъ—и интеллигентная публика, или, вѣрнѣе, народъ и публика вмѣстѣ. На этой-то почвѣ истиннаго искусства, притомъ же вполнѣ національнаго, понятнаго для обѣихъ сторонъ, должно произойти искомое единеніе. Выйдетъ совершенно иное, если, съ одной стороны, для народа станутъ сочинять особыя пьесы, а интеллигенція вполнѣ удовлетворится процвѣтающей въ столицахъ и въ провинціи легкой комедіей и опереткой. Кончится тѣмъ, что тотъ самый фабрикантъ, который распорядится поставить для своихъ рабочихъ комедію графа Л. Толстаго „Первый винокуръ", никогда не станетъ самъ смотрѣть этихъ драматическихъ пустяковъ, а всегда уѣдетъ въ „Аркадію" или „Ливадію", а пропасть между фабрикантомъ и его рабо-

Digitized by Google

чими останется по прежнему бездонной. Между тѣмъ, любая изъ вышеупомянутыхъ драмъ Островскаго можетъ расшевелить душу каждаго чуткаго человѣка, независимо отъ степени его развитія и матеріальнаго благосостоянія. Надо непрестанно искать въ жизни такихъ объединяющихъ элементовъ, и только общность какихъ бы то ни было интересовъ можетъ обезпечить въ будущемъ стройное теченіе общественной жизни.

II.

Кажется, мы достаточно выяснили, какого рода идеальной публики мы желали бы для будущаго русскаго театра. Ее долженъ составлять *весь народъ въ лицѣ представителей самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ*,—различныхъ по степени образованности, но глубоко объединенныхъ общностью извѣстныхъ нравственныхъ и эстетическихъ идеаловъ, въ силу которыхъ, напримѣръ, простому мужику Олонецкой губерніи и кабинетному ученому одинаково дорога какая нибудь народная пѣсня. Для той же самой публики намъ представляются предназначенными и историческія драмы Островскаго. Самая поразительная изъ нихъ въ данномъ случаѣ—это „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“. Здѣсь, какъ нигдѣ, представлена стихійная сила народа, ревниво охраняющаго свою самобытность. „Я весь народъ московскій!“ восклицаетъ Колошинъ въ вышесказанной драмѣ, и онъ знаетъ, что говоритъ. Это народъ невѣжественный, грубый, но онъ хочетъ быть самимъ собой, и примыкаетъ къ лукавому, но умному и понимающему суть вещей Василію Шуйскому, умѣвшему ловко руководить народными массами черезъ своихъ агентовъ. Эта пьеса почти никогда не идетъ на сценѣ, потому, вѣроятно, что актерамъ лѣнь учить прекрасные стихи, отличающіеся простотой и полнымъ соотвѣтствіемъ духу времени, изученному авторомъ-художникомъ до мельчайшихъ подробностей. Онъ глубоко вдумался въ эпоху смутнаго времени на Руси, вывелъ цѣлый рядъ интересныхъ типовъ этой эпохи въ послѣдующей своей хроникѣ „Тушино“, а въ драмѣ „Козьма Мининъ“ далъ, такъ сказать, художественное разрѣшеніе пережитаго Россіей историческаго момента. Видя въ этихъ драмахъ пластически и картинно представленныя бѣдствія русской земли, а, съ другой стороны, избавленіе ея силами своего народа,—всей великой земской силой,—народъ самъ себя пойметъ и оцѣнитъ, да и въ сознаніи интеллигентнаго зрителя зародится хоть подобіе національнаго самосознанія, безъ котораго невозможны развитіе и жизнь.

Постигнувъ душой художника всѣ черты проявленія въ русскомъ народѣ вышесказанной земской силы, проявившейся на Руси въ смутное время, покойный Островскій безукоризненно зналъ и предшествующій моментъ исторіи, а именно—эпоху казней царя Ивана Васильевича Грозна-

Digitized by Google

го, и съ поразительной живописностью изобразилъ ее въ драмѣ „Василиса Мелентьева“. Драма эта, можно сказать, открывается героическою гибелью князя Воротынскаго. Это престарѣлый человѣкъ, опирающійся на свои заслуги и слишкомъ положившійся на свою близость къ грозному царю, въ качествѣ его тестя; но какъ жалки, безличны и пошлы нравственныя обличья остальныхъ бояръ, которые, очевидно, не чувствуютъ ни силъ внутри себя, ни опоры внѣ себя. Внутри ихъ—умственная пустота, безхарактерность, отсутствіе идеаловъ; кругомъ—ненависть народная, возникшая уже подъ вліяніемъ розни, начавшейся между господствующими классами и народомъ. Царя Грознаго Островскій тоже показалъ намъ съ одной стороны его духовной сущности — со стороны необузданной чувственности, да и нельзя не сказать, что здѣсь художникъ, руководимый своимъ эстетическимъ чутьемъ, оказался наиболѣе близокъ къ исторической правдѣ. Рано проявившіяся и нисколько не дисциплинированныя похоти ожесточеннаго сердцемъ монарха постоянно затемняли въ немъ разсудокъ, толкая его на самыя ужасныя дѣла, тѣмъ болѣе, что иногда одного мановенія или намека было достаточно, чтобы нашлись исполнители его воли. Ихъ выдвигала въ изобиліи гнетущая своимъ мракобѣсіемъ дѣйствительность, среди которой безпрепятственно дѣйствовалъ Малюта, легко находившій себѣ такихъ сподручныхъ, какъ Колычевъ („Василиса Мелентьева“), совершенно ослѣпленный страстью и самъ по себѣ, не какъ орудіе Василисы, не имѣющій никакихъ интересныхъ, рѣзко бросающихся въ глаза, чертъ. Отнимите отъ него страсть къ Василисѣ, и ему нечего больше сказать ни на сценѣ, ни въ жизни. И сама Василиса, при всей той граціозности, какую придалъ авторъ ея злодѣйскому обличію, отталкиваетъ отъ себя своею нравственною нечистоплотностью. Но Островскій, какъ истый художникъ, создавая всякій образъ, всегда умѣлъ сообразоваться съ чувствомъ мѣры, и, помня, что человѣкъ все же остается человѣкомъ, и ничто человѣческое ему не чуждо,—съумѣлъ оттѣнить и натуру Василисы свѣтлымъ штрихомъ, вложивъ въ уста ея два-три слова готовности покаяться и повиниться, уже въ тотъ моментъ, когда царицѣ Аннѣ должны поднести отраву. Это необыкновенно благодарный для артистки моментъ драмы, который можетъ освѣтить всю роль и придать ей своеобразный, болѣе мягкій колоритъ.

Вообще, въ драмѣ „Василиса Мелентьева“ представлена полная картина придворнаго разложенія. Развратный и необузданный въ своихъ порывахъ царь и холопски потакающіе ему придворные ведутъ государство и всю русскую жизнь къ упадку, развернувшемуся во всю ширь въ смутное время. Трудомъ всенароднымъ, земскимъ было пережито это время; настала новая пора спокойствія, и эта пора изображена Островскимъ въ драмѣ „Воевода“. Трудно представить себѣ что либо поэтичнѣе и содержательнѣе этого произведенія. Сколько здѣсь картинъ, живьемъ выхва-

Digitized by Google

енныхъ изъ старо-русской дѣйствительности, на фонѣ которыхъ эффектно вырисовываются энергичныя фигуры Бастрюковыхъ, Дубровина и другихъ. Что же касается самого воеводы Нечая Шалыгина, то это тотъ же Иванъ Грозный, но лишь въ миньятюрѣ, стѣсненный назначенными ему предѣлами времени и пространства. Истиннымъ же героемъ драмы является здѣсь коллективная единица—народъ, который здѣсь, точно также, какъ и въ смутное время, отстаиваетъ свою самобытность, тягается съ приказною Москвою, подкупаетъ московскихъ приказныхъ, лишь бы отстоять свое. Въ заключительныхъ словахъ драмы голосъ изъ народа выражаетъ удовольствіе, что ссадили стараго воеводу, но какой-то скептикъ сей часъ же на это возражаетъ сомнѣніемъ: „какой-то будетъ новый?“

Общую черту всѣхъ вышесказанныхъ драмъ Островскаго, исключая „Василисы Мелентьевой“, составляетъ пестрота и разнообразіе выводимыхъ въ нихъ характеровъ и типовъ,—„смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“. Да оно всегда такъ и бываетъ въ серьезные исторические моменты, когда не до мѣстничества, не до счета чинами и происхожденіемъ; когда обстоятельства и естественный ходъ событій временно увлекаютъ кого либо на чрезвычайную высоту, да и другихъ мелкихъ людишекъ дѣлаютъ актерами большой человѣческой комедіи или—еще чаще—трагикомедіи. И опять таки здѣсь получается картина, доступная и понятная всякому, независимо отъ степени его развитія, настолько же, какъ доступно было для каждаго принять активное участіе въ той исторической сутолокѣ, какая изображена въ „Дмитріѣ Самозванцѣ“ и въ „Тушинѣ“. Слѣдовательно, и намъ,—минуя, какъ a priori рѣшенный, вопросъ о высокомъ художественномъ значеніи историческихъ драмъ Островскаго,—остается лишь еще разъ подчеркнуть ихъ значеніе въ репертуарѣ народнаго театра. Нѣтъ надобности переносить фантазію народа въ сферу какихъ-то особенныхъ мечтаній, выдумывать для него какіе-то особенные „сюжеты“, когда за плечами у него есть исторія, въ которой онъ сыгралъ не послѣднюю роль, да и нынѣ переживаетъ жизнь, преисполненную свойственныхъ всему человѣчеству своеобразныхъ душевныхъ конфликтовъ, отъ вѣка составляющихъ достойные предметы истинно драматическаго воспроизведенія. Историческія и бытовыя драмы Островскаго выразили и то, и другое съ достаточной силой, чтобы, занявъ прочное мѣсто въ истинно-русскомъ репертуарѣ, стать могучимъ орудіемъ воспитанія массъ.

Прочія произведенія Островскаго требуютъ совершенно иной точки зрѣнія, и мы поговоримъ о нихъ въ слѣдующей главѣ.

III.

Переходя къ разсмотрѣнію всѣхъ остальныхъ произведеній покойнаго Островскаго, мы считаемъ своей важнѣйшей задачей опровергнуть ходячее

Digitized by Google

мнѣніе, что Островскій—„поэтъ Замоскворѣчья“ по преимуществу. Среди произведеній его можно указать цѣлый рядъ такихъ, гдѣ главныя дѣйствующія лица уже не купцы, а чистокровные дворяне, и всякій истинный любитель драматической литературы, конечно, хорошо помнитъ такія пьесы, какъ „Воспитанница“, „Доходное мѣсто“, „Вѣшеныя деньги“, „Лѣсъ“, „На всякаго мудреца довольно простоты“. Островскій какъ нельзя лучше понималъ и умѣлъ пластически и наглядно представить характернѣйшія черты современнаго русскаго приказнаго міра или, по нынѣшнему, русской бюрократіи, во всѣхъ ея проявленіяхъ, на самыхъ различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Для Островскаго, какъ ни для кого другаго, была ясна эмбріологія русскаго бюрократа, и если Э. Золя напередъ начерталъ себѣ программу—изобразить послѣдовательное развитіе семейства Ругоновъ, то, наоборотъ, у Островскаго мы видимъ, что, не выставляя впередъ подобной программы, онъ осуществилъ ее, давши въ разное время цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ развертывается полная картина развитія русской бюрократіи. Такимъ эмбріономъ русскаго бюрократическаго начала намъ представляется, съ одной стороны, Бѣлогубовъ („Доходное мѣсто“), а съ другой—Бальзаминовъ (трилогія: „Праздничный сонъ“, „Свои собаки“, „Женитьба Бальзаминова“). Оба они по существу тожественны, оба одинаково проникнуты пренебреженіемъ къ труду и непониманіемъ общихъ законовъ и интересовъ гражданственности, только идутъ разными путями къ осуществленію своего идеала, состоящаго въ ничего-недѣланіи и роскоши: одинъ избираетъ своимъ средствомъ лихоимство, другой бьется изо всѣхъ силъ, чтобы выгодно продать себя посредствомъ женитьбы. Оба они добрые малые, не лишенные элементарно-хорошихъ порывовъ, хотя отсутствіе въ нихъ сознанія сколько нибудь возвышенныхъ идеаловъ дѣлаетъ ихъ невыносимыми пошляками. Бѣлогубовъ въ „Доходномъ мѣстѣ“ играетъ второстепенную роль и выведенъ лишь, какъ контрастъ Жадову, но тотъ же типъ мелкаго чиновника, берущаго крупныя взятки, обрисованъ вполнѣ въ комедіи „Старый другъ лучше новыхъ двухъ“, гдѣ дѣйствуетъ Прохоръ Гавриловичъ, и въ комедіи „Бѣдная невѣста“, гдѣ съ такою опредѣленностью обрисованъ Беневоленскій. Все это люди, выросшіе внѣ какихъ бы то ни было культурныхъ потребностей, и ихъ жадность къ деньгамъ, достающимся все таки путемъ болѣе или менѣе опаснымъ, не обусловлена никакими опредѣленными стремленіями. Весь избытокъ средствъ у такихъ людей уходитъ на трактирныя безобразія и безсмысленно-дорогіе наряды для женъ. Всѣ эти Беневоленскіе и Бѣлогубовы, заодно съ Юсовыми и подъ прикрытіемъ грабителей болѣе высокаго полета, каковъ Вишневскій („Доходное мѣсто“), находятъ вполнѣ подходящую стихію для своихъ жизненныхъ операцій и взимаютъ надлежащія дани съ купечества ко взаимному удовольствію. Купечество, фигурирующее въ комедіяхъ Островскаго, привыкло къ такому

Digitized by Google

необузданному своеволію, какое не можетъ ужиться ни съ какимъ нормальнымъ, освященнымъ государственными законами, строемъ жизни, и, за право нарушать эти законы, купцы охотно платятъ тѣмъ, кто беретъ и дѣлаетъ „дѣло“. На почвѣ такого компромисса создаются самыя спокойныя и мирныя отношенія, поражающія своей патріархальной простотой, какъ, напримѣръ, въ комедіи „Горячее сердце“, гдѣ городничій засовываетъ за зеркало предъявленные ко взысканію векселя и предлагаетъ горожанамъ на выборъ—судиться по совѣсти (*его* совѣсти), или по законамъ, показывая при этомъ, какъ много книгъ законовъ, и тѣмъ наводя ужасъ на обывателей. Понятно опять таки, что подобный городничій возможенъ только въ такомъ городѣ, гдѣ городскому головѣ (Курослѣпову) постоянно мерещится, что „небо валится“ и приходитъ конецъ міру.

Въ той же невѣжественной средѣ вполнѣ возможно осуществленіе и бальзаминовскихъ идеаловъ. Это—совершенно безпочвенное стремленіе къ блеску ради блеска. Бальзаминовъ не мечтаетъ ни о какой общественной роли; въ головѣ его нѣтъ никакихъ стремленій, кромѣ того, чтобы фигурировать въ качествѣ богатаго бездѣльника, пускающаго пыль въ глаза своимъ шикомъ. Нечего и говорить о томъ высокомъ комизмѣ, какимъ проникнута вся вышесказанная трилогія, тѣмъ болѣе, что комическій юморъ произведеній Островскаго представляетъ явленіе общеизвѣстное и не требующее поясненій. Иное дѣло—общественное значеніе Бальзаминовыхъ, которое отъ насъ очень часто ускользаетъ. Мы отъ души смѣемся надъ Бальзаминовымъ, и намъ, пожалуй, даже кажется, что это — типъ, уже устраненный наличнымъ развитіемъ жизни. Но такъ ли это? Посмотримъ прежде, какъ выразился тотъ же типъ жаднаго на удовольствія бездѣльника въ другихъ произведеніяхъ Островскаго. Среди его героевъ, не одинъ Бальзаминовъ, воспитанный въ бѣдности невѣжественною матерью, ищетъ обогащенія путемъ выгодной женитьбы, но и типичнѣйшій Поль, въ комедіи „Не сошлись характерами“, избалованное дитя пустой свѣтской женщины и выжившаго изъ ума отца, коротающаго свой вѣкъ среди традицій тѣхъ временъ, когда еще на сценѣ играли маркизовъ. Тѣ же требованія къ жизни и въ той же формѣ стремится осуществить Вихоревъ (въ драмѣ „Не въ свои сани не садись“), легкомысленный и наглый офицеръ, хватающійся за женитьбу на купчихѣ, какъ за послѣднюю соломенку.

Жизнедѣятельность Вихоревыхъ, Полей, Бальзаминовыхъ среди невѣжественной купеческой среды отличается беззавѣтнымъ нахальствомъ и беззастѣнчивостью; но и въ болѣе культурной средѣ, какъ это намъ показалъ Островскій, примѣнимы тѣ же пріемы житейской опытности.

Это среда, въ которой дѣйствуетъ г-жа Уланбекова, содержащая при себѣ красавца Гришку („Воспитанница“), среда, гдѣ цвѣтетъ своими добродѣтелями на всю губернію богатая барыня Гурмыжская („Лѣсъ“),

Digitized by Google

выходящая замужъ за юнаго гимназиста-неудачника. Къ этой же средѣ принадлежитъ и г-жа Турусина („На всякаго мудреца довольно простоты"), для которой невѣжественная изступленная баба (Манеза) представляетъ авторитетъ непогрѣшимости,—и вотъ тутъ-то и раскидываетъ свои сѣти герой новаго времени, Глумовъ. Не видно, чтобы его идеалы были много выше бальзаминовскихъ; въ немъ говоритъ то же вожделѣніе роскоши и чревоугодія, но онъ снабженъ лучшимъ умственнымъ аппаратомъ, побывалъ даже и въ университетѣ, не лишенъ и нѣкотораго литературнаго таланта, въ смыслѣ умѣнья излагать чьи угодно мысли, какимъ угодно слогомъ. Не безъ значительныхъ усилій удается ему занять свое мѣсто на привлекающемъ его жизненномъ пиру, и, замѣчательно, что ему въ данномъ случаѣ мѣшаетъ лишь засѣвшая въ немъ доза порядочности и интеллигентности. Она-то побуждаетъ его относиться критически къ тому обществу, среди котораго онъ желаетъ устроить себѣ жизнь съ наибольшимъ комфортомъ, что̀ и вылилось въ его злополучномъ дневникѣ, такъ некстати попавшемъ въ руки затронутыхъ въ немъ лицъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда намѣреніе Глумова—жениться на богатой невѣстѣ—готово было увѣнчаться успѣхомъ.

Въ другой комедіи Островскаго: „Бѣшеныя деньги": Глумовъ является уже вполнѣ безпардоннымъ хлыщемъ, который ликуетъ на самыя фантастическія средства и кончаетъ тѣмъ, что поступаетъ на содержаніе къ какой-то богатой старухѣ. Въ обѣихъ этихъ комедіяхъ Островскій воспроизводитъ передъ нами типы изъ самаго порядочнаго московскаго общества, особенно въ первой изъ нихъ („На всякаго мудреца..."). Здѣсь дядюшка-генералъ Мамаевъ, здѣсь военный генералъ Крутицкій, здѣсь либералъ-предсѣдатель какого-то новаго учрежденія, и все это представлено въ краскахъ добродушнаго, но въ глубинѣ своей безотраднаго юмора,—потому безотраднаго, что страшно становится за общество, строй жизни котораго складывается въ такія безобразныя формы. А между тѣмъ всѣ эти произведенія Островскаго дышатъ безусловной правдой; въ нихъ нѣтъ ни шаржа, ни преувеличенія, а, присмотрѣвшись къ жизни, видишь, что тѣ Глумовы, которые, десятки лѣтъ тому назадъ, пробивались на общественную арену всѣми правдами и неправдами, разъигрываютъ теперь болѣе или менѣе значительную роль, а за ними слѣдомъ идутъ новые, юные Глумовы, еще не отмѣченные перстомъ художника и незамѣтные обыкновенному глазу, которому примелькалась обыденная пошлость.

Замѣчательно, что послѣ такой прекрасной, широко задуманной и изящно выполненной комедіи, какъ „На всякаго мудреца довольно простоты", Островскій, уже до конца дней своихъ, не далъ ни одного равнаго ей по силѣ произведенія. Причина этому неоднократно объяснялась упадкомъ его таланта, но это врядъ ли справедливо. Въ жизни общества есть періоды, отличающіеся отсутствіемъ какой бы то ни было опредѣ-

Digitized by Google

ленности характеровъ. Мы переживаемъ именно такой межеумочный періодъ. Передъ художникомъ мелькаютъ какіе-то „образы безъ лицъ, безъ протяженій и границъ". И напрасно обвинять художника, что онъ опустился въ послѣдніе годы своей творческой дѣятельности. Нѣтъ, не онъ опустился, а общество перестало питать его воображеніе. Прежнее время было не лучше настоящаго, говоря вообще, но въ частности за нимъ было то преимущество, что въ жизни было больше устойчивости: передъ вами выступали люди съ типичными чертами, и вы знали, чего ждать отъ нихъ и какъ держать себя съ ними. Теперь же, иной разъ, одинъ и тотъ же молодой человѣкъ смотритъ не то Гамлетомъ, не то Печоринымъ, а на дѣлѣ оказывается совершеннѣйшимъ Бальзаминовымъ или Глуповымъ. Нѣтъ людей, которые бы, по выраженію Подхалюзина („Свои люди—сочтемся"), „стояли на одной точкѣ и вертѣлись на одной линіи". Напротивъ, въ области умственныхъ и нравственныхъ воззрѣній, въ сферѣ циркулирующихъ въ обществѣ мнѣній по текущимъ вопросамъ, видишь только общее шатаніе мысли изъ стороны въ сторону. Вслѣдствіе этого, жизнь до сихъ поръ не выдвинула опредѣленныхъ положительныхъ типовъ, а слѣдомъ за ней и искусству—въ данномъ случаѣ, въ лицѣ Островскаго—конечно, не удалось воспроизвести того, чего нѣтъ въ жизни. На зарѣ новой русской жизни, какою мы считаемъ эпоху реформъ императора Александра II-го, Островскій выставилъ типъ Жадова, какъ контрастъ отживающему приказному порядку взяточничества и лихоимства, но фигура вышла крайне неудачною и неестественною. Еще бо́льшей тряпичностью отличается молодой кандидатъ университета Хорьковъ въ „Бѣдной невѣстѣ". Чрезвычайно симпатиченъ Досужевъ („Доходное мѣсто", „Тяжелые дни"), но это человѣкъ, размѣнявшійся на мелочи и нашедшій примиреніе съ жизнью въ упоеніи ея радостями самаго невысокаго разбора. Наконецъ, въ „Бѣшеныхъ деньгахъ" Островскій сдѣлалъ попытку нарисовать типъ честнаго дѣльца въ лицѣ Василькова, энергическаго и предпріимчиваго человѣка, съ американскимъ складомъ ума и характера, но и эту попытку нельзя назвать удачною, и образъ получился безжизненный и грубый. Въ концѣ концовъ, выходитъ, что никто такъ, какъ Островскій, не представилъ ужасъ человѣческаго невѣжества, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему не удалась показать ни одного свѣтлаго характера подъ оболочкой образованнаго человѣка. Напротивъ, истинно благородными и честными у него являются всегда персонажи, съ внѣшней стороны поражающіе своимъ дикимъ видомъ. Таковъ въ средѣ купеческой Любимъ Торцовъ, въ средѣ дворянской—Несчастливцевъ („Лѣсъ"), щедрое благородство котораго еще ярче выступаетъ на фонѣ неприглядной пошлости и алчности помѣщицы Гурмыжской и ея окружающихъ.

Въ общемъ, въ указанныхъ нами комедіяхъ покойнаго Островскаго отмѣчено столько чертъ верхняго слоя нашего общества, что каждому изъ

Digitized by Google

насъ стоитъ внимательно вчитаться въ эти комедіи, чтобы увидѣть не въ томъ, такъ въ другомъ изъ героевъ частичку себя самого и людей своего круга.

Для полноты обзора литературной дѣятельности Островскаго, намъ остается еще указать тотъ родъ его произведеній, который наиболѣе популяренъ и упрочилъ за нимъ репутацію знатока московскаго купечества и поэта Замоскворѣчья по преимуществу.

Начиная съ „Семейной картины", самаго ранняго своего произведенія, Островскій раскрываетъ передъ нами картину необычайно беззастѣнчиваго хищничества, въѣвшагося въ плоть и въ кровь нашего купечества. Двое купцовъ хвастаются здѣсь другъ передъ другомъ своими мошенническими продѣлками, а фигурирующія въ пьесѣ женщины, изъ которыхъ одна замужемъ, а другая готовится вступить въ бракъ, ищутъ для себя самыхъ недвусмысленныхъ развлеченій. Все здѣсь мелко, ничтожно и развратно. Но въ „Семейной картинѣ" Островскій далъ лишь эскизный образецъ своего творчества; въ этомъ же направленіи и ту же хищническую струю, которою проникнута вся жизнь московскихъ купцовъ прошлаго времени, онъ показалъ намъ въ своемъ замѣчательнѣйшемъ произведеніи: „Свои люди—сочтемся". Въ этой сферѣ нѣтъ никакихъ принциповъ, идеаловъ и задачъ, да и о самой элементарной совѣсти представленія довольно сбивчивы. Надо всѣмъ царитъ лишь сознаніе своей денежной силы, вѣчный страхъ за потерю ея и вѣчная жадность.

„Приходится много денегъ платить!—говоритъ купецъ Большовъ: — и не то, чтобъ у меня ихъ не было, а, признаться сказать, не хочется. Какъ вспомню, что отдавать надобно, такъ вотъ за сердце и схватитъ—инда нездоровъ сдѣлался".

Какъ видите, въ этомъ несчастномъ человѣкѣ страсть къ наживѣ переросла всѣ другія душевныя проявленія, и жизнедѣятельность его сводится ни на что. Въ этомъ-то и состоитъ драма его жизни, которая разрѣшается гибельнымъ концомъ въ тюрьмѣ,—въ „ямѣ".

У этого типа хищниковъ есть тоже своя эмбріологія, и, въ разбираемой нами комедіи, она наглядно представлена въ трехъ послѣдовательныхъ градаціяхъ: Тишка, Подхалюзинъ, Большовъ. Вотъ тѣ стадіи, которыя въ своемъ развитіи проходитъ купецъ стараго времени, выведенный въ комедіяхъ Островскаго. И Подхалюзинъ, и самъ Большовъ пережилъ въ надлежащую пору положеніе Тишки; въ прошломъ Большова, вѣроятно, было много Подхалюзинскаго. Но врядъ ли уже Подхалюзину суждено превратиться въ Большова, даже если ему въ томъ не помѣшала бы внѣшняя сила—духъ времени,—новаго времени, которое напяливаетъ на Подхалюзина новую жилетку и покрываетъ его новымъ, особымъ лакомъ. Насколько онъ человѣкъ низкій и алчный, а вмѣстѣ съ тѣмъ безсодержательный, настолько тѣми же качествами блещетъ и достойная супруга его Олимпіада Самсо-

Digitized by Google

новна. Ихъ обоихъ тѣшитъ пустое тщеславіе, питаемое ихъ эфемернымъ богатствомъ, и они, пуская пыль въ глаза своимъ внѣшнимъ блескомъ, въ сущности прозябаютъ до перваго печальнаго случая, не задаваясь никакими цѣлями, не ища впереди ничего, кромѣ еще бо̀льшаго обогащенія и пра̀ва на еще болѣе широкое самодурство.

Воплотить это самодурство въ художественный образъ, поражающій своей типичностью и жизненностью, Островскому удалось въ комедіяхъ: „Въ чужомъ пиру похмѣлье“ и „Тяжелые дни“, гдѣ дѣйствуетъ Китъ Китычъ Брусковъ. По натурѣ, это вовсе не злой человѣкъ; но, будучи воспитанъ въ сферѣ обоюднаго хищничества и грабежа, онъ лишенъ всякаго представленія о какихъ либо строго-человѣческихъ чувствахъ. Онъ не хочетъ вѣрить, что учитель Ивановъ („Въ чужомъ пиру похмѣлье“) можетъ не взять денегъ; равнымъ образомъ, ему трудно примириться съ отношеніемъ къ нему Досужева („Тяжелые дни“). Китъ Китычъ привыкъ швырять деньгами и за это считаетъ себя вправѣ безнаказанно безобразничать, самодурствовать и куражиться. Та же черта доведена до апогея въ комедіи „Не все коту масляница“, гдѣ купецъ Аховъ своимъ невѣроятнымъ бахвальствомъ производитъ отвратительное впечатлѣніе. Его манера держать себя и третировать окружающихъ переходитъ въ шаржъ, но автора нельзя обвинить въ неестественности выведеннаго типа, который въ воспроизводимой имъ жизни составляетъ явленіе весьма распространенное.

Переносясь въ это темное царство невѣжественныхъ самодуровъ, тормозящихъ развитіе общества, невольно задаешь себѣ вопросъ: какой же выходъ изъ этого положенія? Мракъ невѣжества этой среды можетъ ли разсѣяться такъ или иначе, если въ нее проникнутъ люди съ готовымъ уже интеллигентнымъ складомъ ума и жизненныхъ привычекъ, и воздѣйствуютъ на нее облагораживающимъ образомъ, или сама среда выдвинетъ изъ себя людей, получившихъ образованіе и возвращающихся въ нее съ желаніемъ служить обществу въ предѣлахъ своей сферы? У Островскаго представленъ и тотъ, и другой случай. Въ „Пучинѣ“ молодой Кисельниковъ, увлекшись купеческой дочкой, отрывается отъ своей среды, и пучина купеческой жизни засасываетъ его цѣликомъ. Въ пьесѣ „Правда хороша, а счастіе лучше“ изъ купеческой же среды выходитъ молодой человѣкъ, проникнутый хотя и наивными, но вполнѣ благородными стремленіями, которыя дѣлаютъ его посмѣшищемъ всѣхъ окружающихъ, и когда его положеніе устраивается благопріятнымъ для него образомъ, ему стараются внушить, что этимъ онъ обязанъ — не правдѣ, горячимъ сторонникомъ которой онъ постоянно себя проявляетъ, а лишь счастію, какъ началу, не заключающему въ себѣ ничего разумнаго. Такимъ-то путемъ, въ невѣжественную среду проникаютъ поборники правды и просвѣщенія, и всегда оказываются въ меньшинствѣ, по сравненію съ людьми нравовъ ди-

Digitized by Google

кихъ, борьба съ которыми оказывается не по силамъ людямъ первой категоріи, при воспитанной въ нихъ деликатности, и при полномъ отсутствіи—благодаря тому же воспитанію—силы воли и энергіи духа, необходимыхъ для борьбы съ невѣжественными и хищническими вожделѣніями.

Подводя общій итогъ всему сказанному о произведеніяхъ А. Н. Островскаго, мы должны принести дань удивленія тому таланту, съ какимъ онъ съумѣлъ охватить въ своемъ творчествѣ всю русскую жизнь въ глубь и ширь. Съ одной стороны, Островскій въ своихъ драмахъ историческихъ и бытовыхъ заявилъ себя знатокомъ исторической и бытовой основы русскаго народа, а съ другой—въ своемъ обширномъ репертуарѣ онъ вывелъ безконечно-разнообразную галлерею типовъ и характеровъ всѣхъ состояній и ступеней развитія, сколько нибудь опредѣлившихся въ нашемъ общественномъ строѣ.

Евгеній Гаршинъ.

Digitized by Google

ПАРИСЪ.

Историческій романъ изъ временъ Домиціана.

Вильгельма Валлота.

III.

Красноватый отблескъ утренней зари, показавшись изъ-за Эсквилинскаго холма, проникъ въ закопченный шинокъ Субурры, освѣщая грубо сколоченный деревянный столъ, залитый виномъ и сокомъ изъ-подъ жаренаго мяса. Среди остатковъ вечерняго пира покоились головы крѣпко спавшихъ юношей, которые, въ чаду похмѣлья, такъ и остались на своихъ мѣстахъ. Они какъ будто продолжали застольную бесѣду, стараясь превзойти другъ друга громкимъ храпомъ на разные лады. Едва только одинъ изъ нихъ затихалъ, какъ другіе усерднѣе прежняго продолжали прерванный концертъ. Однако эти рѣзкіе звуки не могли разбудить молодой женщины, крѣпко заснувшей на полу съ кубкомъ въ рукѣ. Растрепанный вѣнокъ спускался на ея румяное лицо. Огонь свѣтильника тускло озарялъ окружающіе предметы: опорожненный сосудъ для смѣси вина съ водою, опрокинутые стулья, устричныя раковины, растоптанныя розы. Голубоватое пламя колебалось отъ легкаго утренняго вѣтерка, который проникалъ сквозь открытую кровлю зданія, пріятно освѣжая душную атмосферу комнаты. Эта прохладная струя воздуха то шевелила черныя кудри юношей, то уносила въ своемъ порывистомъ движеніи розовый лепестокъ съ ихъ вѣнковъ, какъ будто напоминая о краткости земныхъ наслажденій. Свѣтъ канделябра все больше и больше блѣднѣлъ при лучахъ занимавшейся зари, между тѣмъ какъ четверо крѣпко спавшихъ гостей не замѣчали наступленія утра. Глубокая тишина царствовала еще въ тавернѣ; хозяинъ и слуги спали, но со двора доносился уже голосъ пѣтуха. На карнизъ кровли вспорхнулъ воробей. Заглянувъ съ любопытствомъ въ комнату, онъ опустился на уставленный кушаньями столъ и началъ клевать виноградъ, поводя во

Digitized by Google

всѣ стороны подвижною головкой и тихо чирикая. Оставивъ корзину съ фруктами, рѣзвая птичка принялась за раскрошенный хлѣбъ. Ея щебетанье привлекло на крышу другихъ воробьевъ, но они не рѣшались послѣдовать примѣру смѣльчака; наконецъ расхрабрившійся лакомка, точно желая подзадорить товарищей, вспорхнулъ на край недопитаго кубка, который тотчасъ опрокинулся. Воробей испуганно чирикнулъ, замахалъ крыльями и поспѣшилъ улетѣть съ арены своихъ подвиговъ. Между тѣмъ деревянный сосудъ, скатившись со стола, попалъ прямо въ голову женщины, заснувшей на полу. Она схватилась рукой за ушибленный високъ и пробормотала въ просонкахъ, не поднимая отяжелѣвшихъ вѣкъ:

— Это что̀ такое? Оставь свои грубыя шутки, Парисъ!

Молодая дѣвушка собиралась снова заснуть, но, ощутивъ на шеѣ холодную струю пролитаго вина, вздрогнула всѣмъ тѣломъ и открыла глаза. Энергическое ругательство сорвалось съ ея хорошенькихъ губокъ; не довольствуясь этимъ, разгнѣванная цирцея чувствительно толкнула ногой одного изъ юношей, сидѣвшаго къ ней ближе другихъ. Тотъ поднялъ голову и, тяжело переводя духъ, уставился полубезсмысленнымъ взглядомъ въ стоявшую передъ нимъ корзинку съ плодами, очевидно, не понимая, что̀ съ нимъ происходитъ.

На противоположной стѣнѣ комнаты виднѣлось маленькое завѣшенное окно. Какъ только юноша проснулся,—чья-то невидимая рука отдернула занавѣску, и за проволочной рѣшеткой показалось сначала старообразное лицо карлика, а потомъ нѣжныя черты женщины, не особенно юной, но очень красивой собою. Она окинула внимательнымъ взглядомъ внутренность комнаты и обратилась къ своему спутнику, который тѣмъ временемъ осторожно поднималъ оконную раму.

— Ты увѣренъ, что̀ это онъ? прошептала женщина, положивъ руку на плечо горбуна.—Мнѣ трудно узнать его въ полусвѣтѣ.

— Да, да, это актеръ Парисъ, отвѣчалъ съ подавленнымъ смѣхомъ карликъ. —Полюбуйся на него досыта, госпожа; вѣдь отъ этого не будетъ вреда ни тебѣ, ни ему.

— Не говори такъ громко, безсовѣстный! остановила его красавица:—Парисъ можетъ услышать наши слова.

— Что-жъ за бѣда? съ гримасой возразилъ калѣка.

Однако усталый артистъ не обратилъ вниманія на перешептыванье наблюдавшихъ за нимъ людей. Онъ по прежнему безсознательно смотрѣлъ передъ собою, сжимая руками виски, въ которыхъ чувствовалась невыносимая боль. Изъ-подъ нависшихъ

Digitized by Google

черныхъ кудрей виднѣлся бѣлый лобъ Париса съ двумя нѣжно очерченными выпуклостями: вверху, у корней волосъ, и ниже, надъ бровями, совершенно какъ у статуи Гермеса. Тонкій овалъ лица заканчивался мягкими линіями круглаго подбородка. Зѣвнувъ нѣсколько разъ, молодой человѣкъ совершенно очнулся. Онъ обвелъ глазами комнату, и на его лицѣ появилась ироническая усмѣшка. Однако усталость брала свое. Парисъ снова опустилъ голову на сложенныя руки, намѣреваясь заснуть. Въ эту минуту женщина, смотрѣвшая изъ окна, вынула записку, спрятанную у нея на груди, и стала опять шептаться съ горбуномъ, который, повидимому, отговаривалъ ее отъ какого-то рискованнаго шага.

— Это опасно, говорилъ карликъ:—подумай, какая улика—письмо... Твой супругъ можетъ провѣдать...

Однако своенравная госпожа не послушалась его совѣта. Сначала она хотѣла бросить посланіе на столъ возлѣ спящаго юноши, но потомъ раздумала, боясь промахнуться. Сорвавъ съ руки золотой браслетъ въ видѣ змѣи, красавица вложила между его звеньями исписанный листокъ бумаги и, не смотря на доводы горбуна, бросила массивное запястье въ сторону Париса. Браслетъ слегка задѣлъ актера по плечу и прицѣпился къ складкамъ его одежды.

Вспыхнувъ румянцемъ и тревожно переводя дыханіе, женщина съ любопытствомъ наблюдала за дремлющимъ юношей.

— Вотъ онъ просыпается... шептала матрона.

— Ты поступила крайне опрометчиво, замѣтилъ невольникъ:—на запястьѣ вырѣзанъ твой вензель!

— Все равно! Парисъ долженъ рано или поздно догадаться о моей любви, отвѣчала съ волненіемъ и нервной дрожью спутница карлика. —Уйдемъ поскорѣе отсюда, пока насъ не замѣтили.

Оконная рама опустилась, и посѣтители исчезли.

Между тѣмъ утренняя прохлада заставила Париса окончательно очнуться.

— Свѣтаетъ! произнесъ онъ, вздрагивая.

Юноша потянулся, взглянулъ на небо, обвелъ глазами захмѣлѣвшихъ товарищей и покачалъ головой.

— Какъ глупо, что я опять пришелъ сюда! съ раскаяніемъ прошепталъ актеръ.—Ужасно глупо!

Безпорядокъ въ комнатѣ и женщина, спавшая на полу, напомнили Парису подробности вчерашней оргіи. Невольное чувство стыда вызвало краску на его щеки.

Онъ съ отвращеніемъ посмотрѣлъ на храпѣвшихъ кутилъ,

Digitized by Google

знатныхъ юношей Рима, и на хмѣльную гетеру, которая служила украшеніемъ ихъ праздника. Стѣны таверны могли бы разсказать о разнузданномъ весельѣ этихъ гостей, о непристойныхъ шуткахъ и безчинствахъ молодыхъ повѣсъ. Парисъ почти съ ужасомъ вспоминалъ о томъ, что происходило здѣсь нѣсколько часовъ назадъ. Теперь, когда онъ отрезвился, мрачная тоска опять овладѣла его душой, въ головѣ чувствовалась тяжесть, въ глазахъ—рѣзкая боль... А между тѣмъ вчера юный актеръ былъ главнымъ руководителемъ шумной вакханаліи; онъ болѣе всѣхъ оживлялъ застольную бесѣду; меткія остроты, саркастическія замѣчанія такъ и лились съ его языка, вызывая дружный хохотъ присутствующихъ. Парисъ былъ увлекательно веселъ, какъ шаловливый фавнъ, подъ вліяніемъ даровъ Бахуса. Считая себя презрѣннымъ плясуномъ, обязаннымъ забавлять театральную публику, онъ старался заглушить это горькое сознаніе, глумясь надо всѣмъ, что было свято для другихъ. Но, осмѣивая чужіе идеалы, затаптывая ихъ въ грязь, молодой человѣкъ не могъ подавить смутныхъ упрековъ совѣсти, а—главное—былъ не въ силахъ возвысить тѣмъ своей жалкой профессіи. Теперь его душило пресыщеніе, и ему хотѣлось поскорѣе уйти, чтобы не видѣть измятыхъ лицъ сонныхъ оргіастовъ, не дышать отравленнымъ воздухомъ таверны. Парису казалось, что въ эту минуту онъ готовъ поколотить своихъ товарищей, не понимавшихъ ничего, кромѣ грубыхъ наслажденій, хотя они и рукоплескали вчера его остроумнымъ шуткамъ, потому что талантливый артистъ умѣлъ вносить свойственное ему изящество даже въ разгулъ своихъ страстей. Онъ еще разъ окинулъ присутствующихъ презрительнымъ взглядомъ, намѣреваясь незамѣтно удалиться, какъ вдругъ хозяинъ шинка постучался въ дверь. Увидя мирно спящихъ гостей, толстый трактирщикъ разразился громкимъ смѣхомъ, что заставило юношей проснуться. Они потягивались и зѣвали, требуя, чтобы имъ не мѣшали отдыхать.

— Сейчасъ видно хорошихъ господъ, говорилъ между тѣмъ содержатель таверны, почтительно снимая шапочку.—Ни одного разбитаго блюда, ни одного сломаннаго стула и на коврахъ... дайка, я осмотрю хорошенько... да, дѣйствительно, клянусь Геркулесомъ, и на коврахъ нѣтъ ни пятнышка! Серебряныя вещи также всѣ на лицо.

Трактирщикъ наклонился надъ столомъ, пересчитывая приборы.

— Одинъ, два, три! Ну, ужь можно сказать: компанія первый сортъ; а нынче такъ мало порядочныхъ посѣтителей.

Digitized by Google

— Ахъ ты, красноволосый болванъ! проворчалъ среди громкой зѣвоты одинъ изъ гостей.—За кого-жъ ты насъ принималъ, за проходимцевъ или неопрятныхъ свиней?

Хозяинъ такъ стремительно согнулся, какъ будто получилъ ударъ по животу.

— Что вы, что вы, почтеннѣйшій господинъ! заговорилъ онъ съ подобострастной улыбкой.—Развѣ можно примѣнить къ вамъ такое грубое слово? Неужели я не вижу, что меня посѣтили важные, образованные господа? Одного вина сколько выпили, да и серебро все цѣло, закончилъ толстякъ, выпрямляясь и снова окидывая бѣглымъ взглядомъ посуду на столѣ.

— Поклонись вотъ кому, рыжеволосый, продолжалъ заплетающимся языкомъ тотъ же молодой человѣкъ, указывая трактирщику на актера.—Вѣдь это Парисъ, знаменитый Парисъ! Его приходъ дѣлаетъ больше чести твоему шинку, чѣмъ приходъ самого императора.

— О, что я слышу?! воскликнулъ хозяинъ, выражая на своемъ жирномъ лицѣ съ двойнымъ подбородкомъ приторно-сладкую улыбку.—Какая милость боговъ! Я удостоился принимать у себя того, кѣмъ восторгается Римъ, кого онъ боготворитъ...

Съ этими словами толстякъ подошелъ къ артисту съ видомъ скромнаго поклонника искусствъ.

— Клянусь Геркулесомъ, сказалъ онъ:—я любовался твоей статуей на форумѣ и теперь узналъ твои черты. Ничего нѣтъ удивительнаго, если ты сводишь съ ума всѣхъ римскихъ женщинъ. Воображаю, какъ хороша твоя фигура на сценѣ! Вѣчные боги, до какой степени стройны и гибки твои члены! Нѣтъ, ваятель не съумѣлъ воспроизвести всѣхъ совершенствъ Париса, кумира пылкихъ римлянокъ!

Трактирщикъ прищурился, млѣя отъ восторга, тогда какъ взбѣшенный Парисъ готовъ былъ пустить въ него чѣмъ попало и съ трудомъ сдерживалъ кипѣвшій гнѣвъ.

— О, какое знатное, избранное общество удостоило меня своимъ посѣщеніемъ! продолжалъ хозяинъ патетическимъ тономъ.— Если почтенная компанія, вдобавокъ, поддержитъ свое достоинство и при расплатѣ...

Онъ нарочно протянулъ послѣднее слово и краснорѣчиво смолкъ.

— Останешься доволенъ! сердито прервалъ его Парисъ:—а теперь убирайся.

— Какъ прикажешь, пробормоталъ хозяинъ, пятясь къ двери, но не рѣшаясь повернуть гостямъ свой жирный затылокъ:—какъ тебѣ угодно!

Digitized by Google

Замѣтивъ, что актеръ не смотритъ на него, трактирщикъ нагнулся и, схвативъ валявшуюся на полу золотую зубочистку, ловко спряталъ ее за пазуху.

— Противный болтунъ, проворчалъ съ просонья одинъ изъ участниковъ пира:—швырните ему въ спину хоть эту свиную кость, чтобы онъ уходилъ поскорѣе!

— Что вы тамъ толкуете о костяхъ? неожиданно отозвалась изъ-подъ стола подруга молодыхъ кутилъ.—Вотъ у меня такъ дѣйствительно ноютъ всѣ кости!.. Парисъ, помоги мнѣ встать... Я вѣрно свалилась въ грязную канаву?

Но танцоръ не двинулся съ мѣста. Онъ съ отвращеніемъ смотрѣлъ на пьяную женщину, которая съ трудомъ старалась вылѣзти изъ-подъ стола. Однако, стукнувшись нѣсколько разъ головой о верхнюю доску, гетера сочла за лучшее остаться на полу.

— Гдѣ моя флейта? бормотала она, шаря обѣими руками по ковру.—Не сломайте мнѣ ее... Здѣсь, здѣсь... Ахъ, ты, глупецъ! Тоже вздумалъ играть!

— Мнѣ дурно! застоналъ юноша, по имени Лепидъ.—Куда дѣвались эти мерзавцы-невольники? Подайте тазъ съ водою!.. скорѣе!..

Но было уже поздно. Парисъ отвернулся, чтобы не видѣть отталкивающей картины.

— Охъ, умираю! жалобно повторялъ Лепидъ между приступами мучительной тошноты.—У меня душа разстается съ тѣломъ! Боги преисподней, сжальтесь, пощадите!

— Самъ виноватъ, зачѣмъ объѣлся устрицами, наставительно замѣтилъ ему другой товарищъ, Крассъ.

Еще одинъ изъ юношей, протирая заспанные глаза, направился нетвердой походкой къ двери, бормоча:

— Однако болѣзнь Лепида дѣйствуетъ заразительно!

Третій гость держалъ обѣими руками желудокъ, жалуясь на дурное качество выпитаго вина. Старшій изъ молодыхъ людей, Фульвій, ударилъ Лепида по лицу, говоря, что тотъ испортилъ ему новую тогу.

— Караулъ! закричалъ пьянымъ голосомъ Лепидъ, оправившись отъ своего припадка.—Помогите! Здѣсь безчестятъ и бьютъ римскихъ гражданъ!

Онъ съ трудомъ стоялъ на ногахъ, ухватившись за край стола. Между присутствующими завязалась перебранка, грозившая перейти въ побоище. Лепидъ бросился съ ножемъ на обидчика, но тотчасъ споткнулся и упалъ. Парисъ, воспользовавшись суматохой, поспѣшилъ незамѣтно выйти. Онъ столкнулся у наружной

Digitized by Google

двери съ хозяиномъ; трактирщикъ, встревоженный шумомъ, приказывалъ одному изъ рабовъ вооружиться на всякій случай толстой дубиной и зорко слѣдить за цѣлостью хозяйскаго добра.

Оставивъ буйныхъ товарищей, актеръ медленно шелъ по безлюднымъ улицамъ, потупивъ голову и грустно задумавшись. Безсодержательная жизнь, наполненная кутежами и любовными интригами, давно тяготила его, а между тѣмъ онъ не имѣлъ силъ отъ нея отказаться. Презирая своихъ знатныхъ друзей — праздныхъ повѣсъ и кутилъ, Парисъ въ то же время охотно присутствовалъ на ихъ пирушкахъ. Ему было пріятно сознавать себя кумиромъ пылкой молодежи. Послѣ продолжительной ходьбы, юноша достигъ наконецъ форума; здѣсь, когда онъ хотѣлъ плотнѣе закутаться въ плащъ, ему попалось подъ руку золотое запястье, прицѣпившееся къ складкамъ его одежды.

— Опять! съ неудовольствіемъ прошепталъ Парисъ и, пробѣжавъ глазами записку, вложенную между звеньями браслета, изорвалъ ее на мелкіе клочки.

Что касается запястья, то молодой человѣкъ рѣшилъ бросить его въ Тибръ. Танцоръ, конечно, тотчасъ догадался, кому принадлежала эта драгоцѣнность: на внутренней сторонѣ браслета былъ вырѣзанъ вензель императрицы. Такой залогъ любви могъ стоить жизни избраннику Домиціи.

Злополучная находка еще сильнѣе разстроила Париса. Погрузившись въ невеселыя думы, онъ, впрочемъ, скоро забылъ и о письмѣ, и о подаркѣ. По близости зеленнòго рынка ему бросилась въ глаза статуя на площадкѣ возлѣ театра Марцелла.

Въ то время, въ Римѣ существовалъ обычай ставить монументы людямъ, отличившимся хотя бы даже и на самомъ скромномъ поприщѣ. При особенномъ пристрастіи римлянъ къ танцовальному искусству и при той извѣстности, какою пользовался Парисъ, не было ничего удивительнаго, что его статуи также появились въ нѣсколькихъ пунктахъ города. Но такая лестная почесть не особенно радовала юношу. Вглядываясь въ собственныя черты, нѣсколько идеализированныя художникомъ въ мраморномъ изваяніи, напоминавшемъ бюстъ Меркурія, юный артистъ нисколько не чувствовалъ себя польщеннымъ. А между тѣмъ прекрасная статуя такъ величаво смотрѣла съ высокаго постамента при блескѣ утренней зари.

Но Парисъ не питалъ благодарности къ своимъ почитателямъ, желавшимъ увѣковѣчить его имя. Напротивъ, въ данную минуту онъ еще глубже сознавалъ ничтожество своей профессіи, льстившей исключительно грубымъ вкусамъ и животнымъ инстинктамъ

Digitized by Google

толпы. Иногда молодой человѣкъ едва могъ заставить себя танцовать на подмосткахъ. Дожидаясь за сценой своей очереди, одѣтый въ женское платье, загримированный и неузнаваемый, онъ съ завистью смотрѣлъ на актеровъ, разъигрывавшихъ безсмертныя трагедіи Софокла и остроумныя комедіи другихъ греческихъ драматурговъ. Парису приходилось участвовать только въ дивертисментѣ. Каждый выходъ юноши вызывалъ цѣлую бурю аплодисментовъ, а между тѣмъ баловень римской публики съ горечью сознавалъ, какъ мало чести приносятъ эти громкія овація. Онъ видѣлъ презрительные взгляды сотоварищей, относившихся свысока къ бѣдному плясуну, который, при исполненіи роли Венеры или прекрасной Елены, не произносилъ монологовъ, но ограничивался только танцами и мимической игрой. Горькія минуты,—когда онъ подражалъ сладострастнымъ позамъ и соблазнительнымъ улыбкамъ красавицъ, распаляя воображеніе зрителей,—съ особенной ясностью представились Парису, стовшему противъ собственной статуи на форумѣ. Подавленный презрѣніемъ къ самому себѣ, онъ тутъ же рѣшился бросить низкое ремесло публичнаго танцора и попробовать свои силы на поприщѣ трагика.

Видъ монумента, символа незаслуженной славы, до того раздражалъ юношу, что онъ швырнулъ въ него камнемъ. Булыжникъ, брошенный наудачу, звонко ударился въ голову статуи, обезобразивъ художественно изваянное изъ мрамора лицо. Увидѣвъ это, молодой человѣкъ горько засмѣялся, но все таки поспѣшилъ поскорѣе оставить форумъ, такъ какъ римская полиція строго преслѣдовала тѣхъ, кто портилъ памятники искусства.

— Отлично! говорилъ про себя юноша.—Теперь начнется слѣдствіе, и городскія власти будутъ напрасно разъискивать человѣка, надругавшагося надъ изображеніемъ великаго танцора. Какъ я радъ, что мнѣ удалось разбить эту противную маску!

Размышляя такимъ образомъ, юноша проклиналъ въ душѣ свою сомнительную знаменитость.—„Какія свѣдѣнія дойдутъ обо мнѣ до потомства?“ размышлялъ онъ:—„люди будущаго, конечно, посмѣются надо мною, прочитавъ въ исторіи, что я съ помощью танцевъ и мимики удачно передавалъ роль Дидоны, и прахъ великаго Виргилія содрогнется въ погребальной урнѣ отъ подобной профанаціи его безсмертнаго произведенія!“

Погруженный въ задумчивость, Парисъ чуть не наткнулся на угловую арку дома и, опомнившись отъ забытья, прибавилъ вслухъ:

— Нѣтъ, мнѣ рѣшительно надоѣло представлять на сценѣ пошлое кокетство женщинъ! Театральная публика скоро увидитъ меня образцовымъ Эдипомъ, умирающимъ Аяксомъ!

Digitized by Google

Юноша почувствовалъ приливъ энергіи и, безсознательно ускоривъ шагъ, быстро приблизился къ тому мѣсту, гдѣ Тибръ, раздѣляясь на два рукава, образуетъ островокъ. Здѣсь, противъ храма Юпитера съ роскошной колоннадой, по близости Цестійскаго моста, была устроена пристань для мелкихъ иностранныхъ судовъ. Изъ синеватой дымки утренняго тумана, лежавшаго надъ рѣкою, уже начали выступать неясныя очертанія мачтъ и корабельныхъ корпусовъ; бронзовая рука Меркурія, стоявшаго на высокой колоннѣ, блестѣла въ багряныхъ лучахъ восходящаго солнца. Его, пока еще слабый, свѣтъ постепенно разгонялъ густую мглу фіолетоваго оттѣнка, скопившуюся подъ арками Цестійскаго моста, такъ что, нѣсколько минутъ спустя, стали видны громадные каменные устои этого замѣчательнаго сооруженія. Тамъ и сямъ изъ корабельной каюты доносился глухой лай собакъ; на палубѣ раздавались чьи-то голоса, звучалъ отрывокъ пѣсни или слышался крикъ привезенныхъ изъ-за моря птицъ. Недалеко отъ Эмиліанскаго моста сидѣлъ въ челнокѣ рыболовъ, починявшій сѣти, но, кромѣ него, не было вокругъ живой души, исключая нѣсколькихъ воробьевъ, ссорившихся на берегу изъ-за рыбьей головки.

Парисъ зѣвнулъ, посмотрѣлъ во всѣ стороны и остановилъ пристальный взглядъ на дивной панорамѣ спящаго Рима. Потомъ его глаза обратились къ желтоватымъ волнамъ Тибра, медленно и величаво катившимся къ морю. Въ эту минуту, на палубѣ барки, стоявшей у самой пристани, показалась неопрятная старуха съ кувшиномъ въ рукѣ. Еще не совсѣмъ очнувшись отъ сна, женщина лѣниво зачерпнула воды, постояла на мѣстѣ, вглядываясь въ окрестности, потянулась и хотѣла уйти обратно въ каюту, какъ вдругъ оттуда раздался громкій плачъ.

— Она, вѣрно, опять упрямится? крикнула старуха злобнымъ тономъ.

Грубый голосъ мужчины отвѣчалъ ей что-то изъ каюты.

— Въ такомъ случаѣ отколоти ее, Фабій, приказала мегера:— бичъ лежитъ у меня въ сундукѣ, направо.

Вслѣдъ затѣмъ, до Париса долетѣлъ свистъ ременной плетки и слабый стонъ, заглушаемый наглымъ хохотомъ и бранью.

— Довольно! закричала старуха, наклоняясь къ трапу.—Смотри, не искалѣчь ее, вѣдь этотъ товаръ стоитъ денегъ, добавила она, унимая расходившагося мучителя.

Парисъ, взволнованный этой сценой насилія, хотѣлъ удалиться; его заступничество не спасло бы отъ побоевъ несчастной рабыни. Однако мысль о бѣдной жертвѣ приковала юношу къ мѣсту. Развѣ и самъ онъ не былъ въ сущности тѣмъ же невольникомъ,

Digitized by Google

жалкимъ рабомъ театральной публики? Но молодой человѣкъ успѣлъ подавить порывъ состраданія и отошелъ на нѣсколько шаговъ отъ берега, какъ вдругъ увидѣлъ, что изъ каюты выбѣжала молоденькая дѣвушка. Ея растрепанные волосы въ безпорядкѣ падали по плечамъ; поношенная одежда едва прикрывала члены. Бѣдное созданіе съ отчаяніемъ осмотрѣлось вокругъ, какъ будто умоляя о помощи.

— Не бейте меня! Что я вамъ сдѣлала? рыдала она, ломая руки.

— Держи ее, держи! раздавался испуганный голосъ снизу.

— Что ты намъ сдѣлала? закричала старуха.—А почему ты не слушаешься своихъ хозяевъ?

— Я буду, буду слушаться! простонала дѣвушка, между тѣмъ какъ старуха бросилась къ ней, чтобы схватить ее за плечи.

Замѣтивъ это движеніе, молодая рабыня съ ужасомъ оглядѣлась кругомъ; прижимая руки къ взволнованной груди, она изо всѣхъ силъ рванулась въ сторону и перебѣжала на другой конецъ палубы.

— Эй, Фабій! Я не могу ее поймать! крикнула раздраженная сопротивленіемъ мегера.

Изъ каютнаго отверстія показалась сначала рыжая голова торговца невольниками, а потомъ и вся его коренастая фигура.

— Лови ее, вотъ она! кричала запыхавшаяся женщина, гоняясь за дѣвочкой.

— Лидія, сейчасъ ступай сюда! зарычалъ Фабій, размахивая бичемъ.

— Куда мнѣ скрыться! лепетала бѣдняжка, озираясь вокругъ.

Торговецъ бросился къ ней съ протянутыми волосатыми руками. Молодая дѣвушка затрепетала всѣмъ тѣломъ, вскрикнула, закрыла глаза и кинулась въ воду.

— Спасите ее! Она стоитъ мнѣ громадныхъ денегъ! завылъ ошеломленный Фабій, заметавшись въ отчаяніи по корабельной палубѣ.—Сто тысячъ динаріевъ... я разоренъ... Сто тысячъ динаріевъ заплачено за дѣвчонку! Я нищій! Съ нею вмѣстѣ погибаетъ мое состояніе. Вытащите поскорѣе это чудовище! кричалъ онъ, замѣтивъ стоявшаго на берегу Париса.

Юноша собирался прыгнуть за дѣвочкой въ воду, тѣмъ болѣе, что у пристани было неглубоко, но безсердечіе торговца заставило его перемѣнить намѣреніе. Для бѣдной рабыни было, конечно, несравненно лучше умереть, чѣмъ опять попасть въ руки Фабія.

Между тѣмъ волны принесли утопавшую къ каменнымъ ступенямъ пристани. Сначала на поверхности воды показались чер-

Digitized by Google

ные волосы, потомъ изможденное блѣдное лицо съ посинѣвшими губами.

— О, боги! простонала дѣвушка, захлебываясь.

Между тѣмъ торговецъ по прежнему неистовствовалъ и метался на палубѣ своей барки.

— Вотъ она... скорѣе!.. лодку... багоръ!.. Неблагодарная змѣя! Тебѣ хочется меня разорить? Погоди, попадешься ты мнѣ, животное, собака!

Парисъ не могъ дольше оставаться безучастнымъ зрителемъ потрясающей сцены; онъ быстро спустился внизъ по лѣстницѣ, намѣреваясь броситься въ воду. Въ ту же минуту, къ мѣсту катастрофы подплыла маленькая рыбачья лодка. Хозяинъ челнока, ловившій по близости рыбу, видѣлъ все происшедшее и, разсчитывая на щедрую награду, рѣшился спасти самоубійцу. Рыбаку дѣйствительно удалось безъ особеннаго труда вытащить ее изъ рѣки багромъ. Парисъ помогъ ему причалить къ берегу и положить дѣвушку на каменный помостъ. Теперь полумертвая Лидія лежала у ногъ Париса съ закрытыми глазами и выраженіемъ ужаса, застывшимъ въ ея чертахъ. Юноша наклонился къ ней, въ порывѣ жалости, къ которой примѣшивалось невольное чувство любопытства. Зная, какъ нужно обращаться съ утопленниками, онъ осторожно приподнялъ голову несчастной, чтобы ея ротъ и ноздри освободились отъ попавшей въ нихъ воды. Опущенныя вѣки рабыни затрепетали, обнажая бѣлки закатившихся глазъ, что дѣлало ее похожей на покойницу.

„Она, пожалуй, проклянетъ меня за непрошенную услугу?“ подумалъ Парисъ, принимаясь растирать полой своей тоги похолодѣвшую грудь молодой дѣвушки. Черезъ нѣсколько минутъ, Лидія перевела духъ.—„Сейчасъ она откроетъ глаза и посмотритъ на меня съ горькимъ упрекомъ!“ говорилъ себѣ актеръ.—„Но, право, было бы жаль допустить до гибели этого ребенка, едва успѣвшаго расцвѣсти! Нѣтъ, ей слишкомъ рано уходить въ царство тѣней“.

Между тѣмъ торговецъ невольниками, переправившись съ корабля на пристань, торопливо приближался къ Парису и спасенной имъ дѣвушкѣ. На лицѣ Фабія выражалось злорадство, а его члены дрожали отъ недавняго испуга.

— Наконецъ-то я доберусь до тебя, негодная! закричалъ онъ еще издали, сжимая кулаки и размахивая ими въ воздухѣ.—Тебѣ хотѣлось меня перехитрить? Какъ же! Вотъ видишь: ты опять въ моихъ рукахъ. Недаромъ я заплатилъ за тебя столько денегъ сирійскому купцу. Вѣдь не моя въ томъ вина, что твой отецъ надѣлалъ долговъ и былъ принужденъ продать въ неволю собствен-

Digitized by Google

ную дочь! Теперь ты моя рабыня и останешься ею, не смотря ни на что. Хо-хо!! Сто тысячъ динаріевъ вѣдь не бездѣлица!

Такъ ораторствовалъ расходившійся Фабій, порываясь бить свою жертву, которая не успѣла еще окончательно прійти въ себя. Въ то же время рыбакъ, спасшій Лидію, началъ требовать награды за свою услугу. Купецъ сдѣлалъ видъ, будто бы не слышитъ, и вѣжливо обратился къ Парису:

— Дѣвушка обязана тебѣ своимъ спасеніемъ, сказалъ онъ актеру.—Не правда ли, какой рѣдкій товарецъ! Посмотри на нее внимательно: прямо изъ Греціи! Подобныя формы стоютъ заплаченныхъ за нее бѣшеныхъ денегъ, не такъ ли, господинъ?... Можетъ быть, ты самъ пожелаешь пріобрѣсти отъ меня такую роскошную наложницу? Что-жъ? Мы, пожалуй, и сойдемся въ цѣнѣ. Смотри: вотъ она приходитъ въ чувство, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расцвѣтаетъ ея красота. Теперь Лидія похожа на трупъ, но потомъ...

Парисъ съ отвращеніемъ слушалъ Фабія и только что хотѣлъ дать волю накипѣвшему гнѣву, какъ его перебилъ рыбакъ, настоятельно требуя платы за труды.

— Платы? какой платы? возразилъ купецъ, ероша свои красные волосы.—Развѣ я обѣщалъ тебѣ что нибудь? Развѣ мы торговались?

— Хоть и не торговались... началъ было крестьянинъ.

— А, такъ ты дѣйствовалъ по доброй волѣ, перебилъ Фабій:—въ такомъ случаѣ я ничего тебѣ не долженъ! Взгляни хорошенько на дѣвушку, господинъ, продолжалъ онъ, снова обращаясь къ Парису:—Лидія приходитъ въ себя; вздрогнули вѣки... Каковы глаза? Вѣдь чудо?

— Еслибы я зналъ твою скупость, негодный старикъ, то далъ бы утонуть твоей рабынѣ! закричалъ взбѣшенный рыбакъ.—Если ты не заплатишь мнѣ ста динаріевъ, то я пожалуюсь на тебя въ судъ.

— Довольно съ тебя и десяти, небрежно замѣтилъ купецъ.

— Я требую сто!

— Мало ли чего ты потребуешь! возразилъ Фабій съ грубымъ смѣхомъ.

Противникъ замахнулся на него весломъ, но торговецъ ловко ускользнулъ отъ удара. Тогда рыбакъ схватилъ Фабія за плечи, угрожая столкнуть его въ Тибръ. Обмѣниваясь ругательствами и продолжая громко спорить, они отошли отъ Париса, который по прежнему стоялъ на колѣняхъ передъ распростертой дѣвушкой. Юноша не говорилъ ни слова, глубоко потрясенный всѣмъ происшедшимъ. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи врача, которому

Digitized by Google

приходится ободрять безнадежно больнаго паціента. Молодому человѣку было тяжело предоставить несчастную дѣвочку ея участи, а между тѣмъ онъ старался заглушить въ себѣ голосъ состраданія. Избалованный и даже пресыщенный жизнью, любимецъ римской публики не хотѣлъ отрѣшиться отъ своего эгоизма и войти въ положеніе человѣка, которому онъ не могъ оказать существенной помощи.

Между тѣмъ Лидія пошевелилась.

— Холодно! невнятно пролепетала она, не открывая глазъ и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Какъ ты себя чувствуешь? спросилъ Парисъ, выходя изъ своего нравственнаго оцѣпенѣнія.

Дѣвушка, очевидно, не поняла вопроса. Теперь ея вѣки поднялись, но взглядъ былъ тусклъ и невполнѣ сознателенъ. Однако, мало по малу опомнившись, она съ трудомъ приподнялась и сѣла на ступеняхъ лѣстницы, съ удивленіемъ всматриваясь въ стоявшаго передъ нею Париса. Замѣтивъ безпорядокъ своей одежды, ощупавъ мокрые волосы, Лидія вспомнила все случившееся. Страхъ передъ неизбѣжнымъ наказаніемъ жестокаго хозяина, стыдъ и отчаяніе наполнили душу невольницы. Она опустила голову на колѣни и судорожно зарыдала.

Парисъ растерянно смотрѣлъ на жалкую фигуру дѣвочки; ея безпомощность и неутѣшное горе глубоко трогали молодаго человѣка. Голосъ разсудка твердилъ ему, что онъ ничѣмъ не можетъ помочь бѣдной рабынѣ и долженъ предоставить Лидію ея судьбѣ, но жалость и невольное почтеніе удерживали его возлѣ беззащитной жертвы. Пресыщенный женскою любовью, Парисъ былъ очарованъ нѣжной прелестью этого ребенка. Ему захотѣлось и плакать вмѣстѣ съ нею, и утѣшить ее своимъ участіемъ. Первый разъ въ жизни красота женщины внушала Парису какой-то благоговѣйный восторгъ, не вызывая въ немъ порывовъ страсти. Посвященный во всѣ тайны порока, онъ чувствовалъ себя обезоруженнымъ невинностью этой дѣвушки, обреченной на вѣрную гибель.

— Лидія, сказалъ съ волненіемъ молодой актеръ:—Лидія, взгляни на меня!

Его голосъ дрожалъ; въ немъ слышались непривычно мягкія ноты, поразившія самого Париса. Почувствовавъ прикосновеніе его руки, бѣдняжка вздрогнула, въ испугѣ подняла голову и робко отодвинулась отъ юноши.

— Ты отталкиваешь меня? спросилъ онъ, растроганный ея дѣтской пугливостью.

Digitized by Google

Молодая гречанка молчала, стараясь заглушить рыданія. Парисъ приблизился къ ней на одинъ шагъ, она снова отодвинулась; юноша хотѣлъ взять ее за руку, но Лидія все отодвигалась въ сторону, пока ее не остановили каменныя перила лѣстницы. Здѣсь она обхватила мраморъ своими слабыми руками, какъ будто ища поддержки у неодушевленнаго предмета, и даже повернула къ стѣнѣ лицо, продолжая заливаться слезами. Парису стало наконецъ неловко за свою настойчивость. Онъ пробормоталъ въ смущеніи нѣсколько словъ и невольно покраснѣлъ.

— Это нехорошо съ твоей стороны, замѣтилъ юноша плачущей Лидіи и поспѣшно удалился, чтобы не видѣть ея горя.

Юный артистъ отличался мягкимъ, отчасти даже слабымъ характеромъ. Видъ чужихъ страданій разстраивалъ и пугалъ его. Онъ старался избѣгать потрясающихъ сценъ и не любилъ останавливаться на печальныхъ событіяхъ, постоянно обращаясь къ болѣе веселой сторонѣ жизни. Уходя съ пристани, Парисъ увидѣлъ человѣка, осаждаемаго съ одной стороны Фабіемъ, съ другой—рыбакомъ. Это былъ стряпчій, занимавшійся мелкими тяжбами. Законникъ съ важностью стоялъ передъ спорящими, завернувшись въ грязную тогу. Онъ досталъ изъ-за пазухи дощечку, на которой записывалъ показанія противныхъ сторонъ, причемъ сдвинулъ брови и придалъ своему лицу самое сосредоточенное выраженіе.

— Очень серьезное дѣло, замѣтилъ стряпчій,—и, притомъ, интересное. Его непремѣнно слѣдуетъ представить въ судъ.

— Вотъ и я тоже думаю, сказалъ рыбакъ.

— Ты умный человѣкъ,—одобрилъ своего кліента уличный адвокатъ, между тѣмъ какъ Фабій, насмѣшливо улыбаясь, ткнулъ пальцемъ въ прорѣху на его тогѣ, откуда предательски высовывался острый локоть.

— Это пустяки! нисколько не смутившись, возразилъ юристъ.— Если моя тога поношена и, пожалуй, даже грязна, зато адвокатская честь не запятнана. Я выигралъ двадцать процессовъ въ теченіе трехъ лѣтъ, мой другъ, такъ что ты можешь вполнѣ положиться на мою опытность. Но прежде всего я попрошу у тебя небольшую сумму на предварительныя издержки.

Торговецъ невольниками отвѣчалъ, что онъ не только не намѣренъ давать задатка, но и вообще не желалъ бы судиться. Тогда адвокатъ, взявъ его за край верхней одежды, началъ объяснять, какъ онъ имѣлъ въ виду повести дѣло, чтобы оно было рѣшено въ пользу купца.

Digitized by Google

— Такъ ты находишь, что я правъ? кричалъ въ то же время рыбакъ, въ свою очередь уцѣпившись за тогу стряпчаго.

Фабій, осаждаемый доводами законника, напрасно порывался отъ него уйти. Эта бурная сцена какъ разъ достигла апогея комизма, когда Парисъ проходилъ мимо спорящихъ. Кончилось тѣмъ, что взбѣшенный рыбакъ далъ звонкую пощечину уличному адвокату, а купецъ освободился таки отъ его назойливости, оставивъ, въ видѣ трофея, въ рукахъ юриста съ незапятнанной репутаціей оторванную застежку своей одежды.

— Ну, что-жъ, молодой господинъ, закричалъ Фабій вслѣдъ удалявшемуся Парису:—какъ ты находишь рабыню?... Можетъ быть, мы и сойдемся въ цѣнѣ. Я уступлю ее тебѣ за восемдесятъ тысячъ сестерцій,—вѣдь это сущая бездѣлица за такую красотку!

Актеръ отрицательно покачалъ головой, но все таки остановился и сталъ разспрашивать купца о дѣвушкѣ. Фабій сперва отвѣчалъ уклончиво, однако, по настоянію Париса, разсказалъ слѣдующее: дѣвушка была родомъ гречанка; купецъ съ трудомъ выговаривалъ ея настоящее имя и потому прозвалъ невольницу Лидіей. Ея семейство разорилось; отецъ сначала занимался скульптурой, но потомъ сталъ сильно пить, такъ что, когда его жена умерла, то онъ не имѣлъ средствъ устроить ей даже приличнаго погребенія. Наконецъ дочь рѣшилась пойти въ рабство, чтобы достать денегъ на похороны матери и обезпечить отца небольшимъ доходомъ до самой смерти. Вообще, по словамъ Фабія, разорившійся скульпторъ обращался съ дочерью крайне грубо и самъ уговаривалъ Лидію продаться въ неволю, угрожая въ противномъ случаѣ выгнать ее изъ дому. Послѣ этого, дѣвочка добровольно согласилась на сдѣлку, желая съ честью похоронить умершую мать.

— Покупка рабыни совершена вполнѣ законнымъ образомъ, заключилъ съ сознаніемъ своего достоинства торговецъ невольниками.—Если желаешь, я покажу тебѣ документы. Я человѣкъ честный; у меня все дѣлается по правиламъ.

Фабій почесывалъ рыжую голову, ожидая отвѣта, но актеръ, выслушавъ возмутительную исторію бѣдной дѣвушки, былъ не въ силахъ продолжать бесѣду. Онъ ограничился молчаливымъ кивкомъ и угрюмо пошелъ своей дорогой.

Улицы Рима постепенно оживали, но возраставшее движеніе многолюднаго города не могло разсѣять Париса. Только что видѣнныя сцены не выходили у него изъ головы; онѣ неотступно преслѣдовали юношу, овладѣвали его внутреннимъ міромъ, и онъ не могъ отдѣлаться отъ наплыва самыхъ разнородныхъ чувствъ.

Digitized by Google

Уходя съ пристани, молодой человѣкъ еще разъ обернулся къ Лидіи. Дѣвушка смотрѣла ему вслѣдъ съ грустной и недоумѣвающей миной, какъ будто смутно сознавая, что въ лицѣ Париса она утрачивала своего единственнаго защитника. Въ этомъ взглядѣ безпомощнаго созданія, оставленнаго на жертву жестокихъ людей, выражалась робкая мольба. Юноша готовъ былъ вернуться обратно, но ему стало совѣстно своего участія къ презрѣнной рабынѣ.—„Что она такое, въ самомъ дѣлѣ? Не больше, какъ товаръ!“ говорилъ онъ себѣ, стараясь успокоиться.—„Жаль, что я не богатъ“, размышлялъ Парисъ далѣе. Онъ охотно выкупилъ бы дѣвушку изъ неволи, но гдѣ взять громадную сумму въ восемдесятъ тысячъ сестерцій? Молодой человѣкъ пожалъ плечами, отгоняя тяжелыя мысли, и замѣтилъ про себя: „Однако что мнѣ за дѣло до этой невольницы?“ И все таки печальный образъ Лидіи настойчиво рисовался въ его воображеніи. Приближаясь къ равнинѣ Тибра, юный актеръ наткнулся, къ своему ужасу, на покинутыхъ имъ товарищей, которые выходили гурьбой отъ брадобрѣя. Завидѣвъ танцора, они принялись кивать ему головой, хотя онъ дѣлалъ видъ, что не смотритъ на нихъ, и торопливо повернулъ въ другую улицу. Но повѣсы бросились за нимъ.

— Вотъ нашъ бѣглецъ! воскликнулъ Лепидъ.—Онъ важничаетъ передъ своими друзьями и потихоньку скрывается, замѣтилъ другой:—какъ смѣетъ Парисъ оставаться трезвымъ, когда другіе пьютъ до положенія ризъ? Мы не потерпимъ этого!

И веселая компанія пустилась по пятамъ актера, осыпая его остротами. Юноша по неволѣ остановился, чтобы не привлекать на себя вниманія прохожихъ; однако онъ такъ мрачно сдвинулъ при этомъ брови и нахмурилъ лицо, что догнавшіе его кутилы тотчасъ присмирѣли.

— Гдѣ же ты пропадалъ? спрашивалъ Лепидъ.

— У которой изъ своихъ возлюбленныхъ провелъ ты остатокъ ночи? подхватилъ Фульвій.—Вѣрно, супруга какого нибудь сенатора назначила тебѣ свиданіе въ отдаленной аллеѣ сада? поддразнилъ третій товарищъ, между тѣмъ какъ четвертый говорилъ, что Парисъ, при его ловкости, способенъ отвести глаза любому рогоносцу.

— Ступайте домой, безпутные гуляки, и проспитесь хорошенько съ похмѣлья! возразилъ юноша, не желая отвѣчать на плоскія шутки друзей.

— Вотъ это забавно: Парисъ читаетъ намъ наставленія! засмѣялся Фульвій.

Актеръ бросилъ въ его сторону угрожающій взглядъ.

Digitized by Google

— Тебя, дѣйствительно, не проймешь никакими наставленіями, и потому лучше всего проучить за дерзость палкой! запальчиво отвѣтилъ онъ.

— Ты угрожаешь мнѣ палкой?! воскликнулъ обиженный юноша, вспыхнувъ отъ гнѣва.

— Съ тебя, пожалуй, будетъ достаточно и кулака, прошепталъ Парисъ съ подавленнымъ бѣшенствомъ.

— Ты, кажется, вызываешь меня на драку? спросилъ его противникъ.—Эй, товарищи, помогите! Выбьемъ изъ него излишнюю заносчивость!

Компанія громко захохотала, присоединяясь къ Фульвію. Нѣкоторые стали уже размахивать кулаками.

— Колотите его! раздались голоса.

— Ого! дѣло разъигрывается не на шутку, пробормоталъ Лепидъ.

Парисъ, повидимому, совершенно спокойно сдѣлалъ шагъ къ нему, но во всей фигурѣ актера была видна такая мрачная рѣшимость, что его противники невольно попятились назадъ.

— Кто хочетъ продолжать со мною ссору? стиснувъ зубы, произнесъ танцоръ.

Наступила пауза. Парисъ опустилъ глаза, медленно повернулся и пошелъ своей дорогой, между тѣмъ какъ озадаченные и присмирѣвшіе товарищи не рѣшались больше преслѣдовать его. Только отойдя на значительное разстояніе, онъ услыхалъ, что они со смѣхомъ уходятъ прочь. Вспышка гнѣва нѣсколько облегчила Париса, хотя и не могла разсѣять его жолчнаго настроенія.

Встрѣтившись съ матерью въ сѣняхъ своей виллы, онъ довольно холодно привѣтствовалъ Юлію, послѣ чего бросился въ постель, въ надеждѣ заснуть. Матрона, имѣвшая привычку незамѣтно наблюдать за сыномъ, тотчасъ поняла по его сосредоточенному виду, что съ нимъ произошло что-то необыкновенное. Парисъ принадлежалъ къ числу впечатлительныхъ натуръ, у которыхъ невольно отражается въ чертахъ лица всякое душевное движеніе. Такимъ образомъ, желая замаскировать свои чувства, онъ постоянно выдавалъ себя натянутостью обращенія. На этотъ разъ, вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, поцѣловаться съ матерью, юноша прошелъ мимо нея, едва кивнувъ головой, потомъ разбранилъ старика Руфуса за неловкость при раздѣваньѣ и чуть не наказалъ своего любимца Марка за то, что мальчикъ осмѣлился свистать въ сосѣдней комнатѣ. Только заступничество стараго невольника спасло ребенка отъ розги.

— Несносный озорникъ, вздумалъ шумѣть, когда я ложусь от-

Digitized by Google

дыхать. Это ужь черезчуръ нелѣпо! съ раздраженіемъ воскликнулъ Парисъ.

Какъ только юноша задремалъ, Юлія пробралась за альковъ его кровати, откуда ей было удобно наблюдать за спящимъ. Раскраснѣвшееся лицо молодаго человѣка подергивалось по временамъ нервной судорогой. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ его полуоткрытыя губы задрожали, онъ сжалъ кулаки, сталъ бредить и, наконецъ, поднялся съ изголовья. Сидя на постели, Парисъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ передъ собою. Легкій шорохъ, раздавшійся возлѣ него, заставилъ юношу обернуться.

— Это ты, матушка? тихо, почти съ досадой спросилъ Парисъ.

Юлія неохотно обнаруживала свое глубокое чувство къ сыну, но теперь ей было невозможно уйти изъ комнаты незамѣченной.

— Я хотѣла посмотрѣть, спокойно ли ты спишь, замѣтила она, заставляя себя улыбнуться. У тебя часто бываетъ такой тревожный сонъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Очень тревожный, подтвердила мать, въ надеждѣ свести разговоръ на вопросъ о здоровьѣ Париса.

— Можетъ быть, сказалъ онъ, зѣвая.

— Ты нездоровъ?

Юноша отрицательно покачалъ головой и разсѣянно спросилъ, не случилось ли въ домѣ чего нибудь особеннаго въ его отсутствіе. Мать сообщила о письмѣ, присланномъ ему отъ Стефана, распорядителя придворныхъ празднествъ. Императоръ захотѣлъ присутствовать сегодня вечеромъ въ театрѣ, чтобы видѣть, какъ танцуетъ Парисъ.

— Въ какомъ же именно театрѣ? нахмурясь, спросилъ сынъ.

— Въ театрѣ Помпея.

— А какая назначена мнѣ роль?

— Елены.

— Проклятое, гадкое ремесло! проговорилъ сквозь зубы раздосадованный юноша.

— Почему ты вдругъ возненавидѣлъ танцы? спросила Юлія.

— Вспомни, какъ недавно они приводили тебя въ восторгъ.

— Въ восторгъ? съ горькимъ смѣхомъ повторилъ актеръ.—Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ надоѣло потѣшать нелѣпыми прыжками римскую публику.

— А между тѣмъ рукоплесканія народа доставляли тебѣ въ прежнее время такое высокое наслажденіе. Ты былъ кумиромъ, полубогомъ римлянъ.

Digitized by Google

— Кумиръ, полубогъ, народъ, наслажденіе! съ горечью повторялъ про себя Парисъ, которымъ снова овладѣла мрачная тоска.

— Но вѣдь ты, во всякомъ случаѣ, не откажешься танцовать сегодня вечеромъ? озабоченно спросила мать.

— Клянусь недосягаемымъ Олимпомъ, мнѣ хотѣлось бы исполнить передъ бездушной толпой такую удивительную пляску, какой еще никогда не видали мои почтенные сограждане... отрывисто бормоталъ актеръ, дико озираясь по сторонамъ.—Да, такую пляску, чтобы отъ нея провалился въ преисподнюю весь театръ и вмѣстѣ съ публикой!.. О, какъ бы я желалъ сдѣлаться громовержцемъ Юпитеромъ, хотя на одну минуту, и поразить своими молніями этотъ сластолюбивый, жалкій сбродъ, носящій названіе римскаго народа!..

— Сынъ мой!

— Показать имъ мое презрѣніе! перебилъ Юлію Парисъ.—Вѣдь я знаю, что и они презираютъ меня въ свою очередь, не смотря на воздвигаемые мнѣ монументы. Мнѣ бы хотѣлось встать на куполъ Капитолія и оглушить презрѣнныхъ римлянъ своими громами!...

Удивленная мать пристально посмотрѣла на юношу, и тотъ не могъ выдержать этого нѣмаго укора.

— Отъ тебя зависитъ, сынъ мой, пріобрѣсти уваженіе общества, сказала она дрогнувшимъ голосомъ.—Профессія сама по себѣ не можетъ ни унизить, ни облагородить человѣка. Оставаясь танцоромъ, ты могъ бы нисколько не ронять своей чести передъ согражданами и быть вполнѣ достойнымъ человѣкомъ, съ грустью прибавила матрона:—но, конечно...

Она не договорила и хотѣла уйти. Парисъ удержалъ ее за руку.

— Я знаю, какъ ты хотѣла докончить свою рѣчь, замѣтилъ онъ, смущенно улыбаясь.—По твоему, меня унижаетъ мой образъ жизни, а не ремесло публичнаго плясуна, не такъ ли?.. Успокойся, матушка, я серьезно намѣренъ исправиться.

Юлія недовѣрчиво покачала головой, сжимая дрожащія губы.

— Ты увидишь, родная, что я сдѣлаюсь скоро инымъ человѣкомъ, продолжалъ сынъ смягченнымъ, почти растроганнымъ тономъ.—Сегодня мнѣ стало понятно... Ну, однимъ словомъ, сегодня поутру я видѣлъ своими глазами настоящее человѣческое горе... и теперь... для меня нѣтъ больше возврата къ прошлому. Я проклинаю каждый часъ, отданный мною грубымъ наслажденіямъ, излишествамъ, пороку!..

Digitized by Google

Взволнованная мать невольно любовалась чертами сына, дышавшими твердой рѣшимостью.

— Что же ты видѣлъ сегодня поутру? осторожно спросила она.

— Горе! лаконически отвѣтилъ сынъ дрогнувшимъ голосомъ:— но не будемъ говорить объ этомъ... Послѣ я разскажу тебѣ, въ чемъ дѣло.

Молодой человѣкъ еще разъ съ чувствомъ пожалъ руку матери и отвернулся къ стѣнѣ, собираясь подкрѣпить себя сномъ передъ началомъ представленія въ амфитеатрѣ. Юлія нѣсколько времени стояла у его изголовья, любовно улыбаясь. Она легко поддавалась радостнымъ надеждамъ и хотѣла вѣрить въ исправленіе юноши, хотя онъ не разъ давалъ слово исправиться, а потомъ нарушалъ свои торжественныя клятвы. Но улыбка обыкновенно серьезной матроны была вызвана еще другой причиной. Ей было забавно видѣть, что рѣчь Париса, при всей искренности и свойственномъ ему благородствѣ, отзывалась привычкою къ сценѣ. Онъ никогда не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ актерскихъ пріемовъ, даже въ самыя важныя минуты жизни. Юноша проспалъ до вечера, когда префектъ охранительной стражи прислалъ ему сказать, что полиціи наконецъ удалось схватить негодяя, обезобразившаго въ прошлую ночь статую Париса. Танцоръ немедленно написалъ шутливое письмо, прося помиловать арестованнаго. Этотъ человѣкъ, по его словамъ, былъ, вѣроятно, въ помраченіи разсудка и собирался воевать съ богами; но еслибы его предупредили, что онъ метитъ камнемъ въ статую простаго смертнаго, то безстрашный герой навѣрно отказался бы, по зрѣломъ размышленіи, отъ такой затѣи.

Однако префектъ не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ, требуя примѣрнаго наказанія преступника. Тогда Парису оставалось только признаться въ своей странной выходкѣ, т. е. обвинить самого себя передъ судомъ. Начальникъ стражи немедленно пріѣхалъ на его виллу.

— Сколько я долженъ заплатить за починку собственнаго носа? спросилъ актеръ.

Префектъ засмѣялся.

— Мы нашли его отбитый кончикъ въ уличной грязи. Тебѣ нечего безпокоиться: отбитый осколокъ будетъ приставленъ къ мѣсту на счетъ государственной казны.

— Такъ вы ужь лучше напишите на пьедесталѣ монумента: одинъ Парисъ обезобразилъ другаго, потому что они не могли

Digitized by Google

ужиться,—весело сказалъ актеръ, освѣдомляясь въ заключеніе объ арестованномъ.

Невинно пострадавшій оказался бѣднымъ ткачемъ, и молодой человѣкъ поспѣшилъ вознаградить его значительной суммой денегъ за незаслуженную непріятность. При появленіи своемъ на сцену, Парисъ былъ встрѣченъ небывалыми овапіями. Утреннее происшествіе успѣло огласиться, создавъ между публикой и ея любимцемъ новый пунктъ тяготѣнія. Скромнаго артиста привѣтствовали долго не смолкавшими рукоплесканіями. Съ этихъ поръ онъ сдѣлался народнымъ героемъ, и его статуи украсились вѣнками. Но каково было Парису среди всеобщаго ликованія? объ этомъ не догадывался никто изъ окружающихъ. Зрители приходили въ неистовый восторгъ, безъ конца аплодируя его граціознымъ движеніямъ, потому что юный актеръ превзошелъ на этотъ разъ самого ссебя, поразительно исполняя роль Елены.

IV.

Мѣстность возлѣ храма Кастора представляла мало привлекательнаго въ жаркую пору, когда обоняніе прохожихъ непріятно поражалось ѣдкимъ запахомъ человѣческаго пота, а въ воздухѣ стоялъ оглушительный гулъ множества голосовъ и раздавались рѣзкіе крики, точно при травлѣ звѣрей въ circus maximus. Здѣсь происходилъ торгъ невольниками.

Нѣсколько дней спустя послѣ описаннаго нами происшествія, громадная толпа народа тѣснилась, по обыкновенію, на просторной площадкѣ передъ храмомъ. Продавцы зазывали покупателей съ высокихъ подмостковъ, гдѣ были выставлены для продажи голые рабы. Только что привезенныеизъ-за моря отличались отъ прочихъ ногами, вымазанными бѣлой краской. Не смотря на то, что живой товаръ былъ предварительно вымытъ, онъ, тѣмъ не менѣе, распространялъ на солнцепекѣ атмосферу скотнаго двора. Большинство невольниковъ, нерѣдко отличавшихся прекраснымъ сложеніемъ, стояло, опустивъ голову, или печально посматривало на покупателей, которые то останавливались съ любопытствомъ у эстрады, то проходили мимо, пожимая плечами, если продавецъ запрашивалъ слишкомъ большую цѣну. Тупыя лица рабовъ, хитрыя мины ихъ владѣльцевъ, тараторящія женщины, молодые франты, пыль, духота, хлопанье бичей, стоны, нестерпимый запахъ пота, хохотъ,—вотъ что поражало непривычнаго посѣтителя среди этого моря человѣческихъ головъ и несмолкавшаго гама.

Digitized by Google

А позади волнующейся массы народа, съ его мелочными страстями и корыстными разсчетами, выступали въ своей строгой красотѣ молчаливые портики и колонны храма. Среди рыночной сумятицы, кромѣ того, сновали особые государственные надсмотрщики, наблюдавшіе за правильностью торговыхъ сдѣлокъ.

— Вотъ у меня продаются галлы, почтенные господа! раздавался крикъ съ однихъ подмостковъ.—Купите: никто лучше ихъ не умѣетъ ухаживать за конями!

— Иллирійцы, иллирійцы! Отличные овцеводы! голосилъ другой торговецъ, надрывая горло.

— Сюда, сюда, мой повелитель! зазывалъ третій купецъ богатаго римскаго сановника.—У меня есть для тебя опытный невольникъ, который можетъ распоряжаться угощеньемъ на пирахъ.

— Лидійцы! Все, какъ на подборъ, молодые ребята!

Такъ надсаживались до хрипоты хозяева невольниковъ, перебивая другъ у друга выгодныхъ покупателей, жестикулируя, обливаясь потомъ, произнося проклятія и расхваливая на всѣ лады свой товаръ. Когда важный сенаторъ или богатый собственникъ всходилъ на подмостки и начиналъ разглядывать рабовъ, купецъ выбивался изъ силъ, желая угодить вліятельной особѣ, а дрожавшіе отъ страха невольники съ тревогой ожидали рѣшенія своей участи.

— Взгляни на этого молодца, господинъ! говорилъ тогда продавецъ.—Посмотри, что за плечи! Онъ снесетъ на своей спинѣ хребетъ Атласа въ Британію. Недорого продаю: всего только за десять тысячъ сестерцій!

И если несчастный германецъ стоялъ, понурившись, а покупщикъ съ сомнѣніемъ качалъ головой, то хозяинъ немедленно принимался за плетку.

— Попляши немного, колоссъ! кричалъ онъ.—Будь повеселѣе!... —и оторванный отъ семьи и родины чужестранецъ волей-неволей прыгалъ подъ ударами кнута.

Въ числѣ купцовъ, торговавшихъ рабами, находился и Фабій, съ которымъ никто не могъ сравниться въ умѣньѣ набивать цѣны и отводить глаза болѣе довѣрчивымъ покупателямъ. Въ числѣ его невольниковъ были старики, женщины съ грудными дѣтьми и молодые мужчины. Они расположились въ разныхъ позахъ на возвышеніи, образуя живописную группу, между тѣмъ какъ самодовольный хозяинъ съ важностью прохаживался взадъ и впередъ, махая кнутомъ и хвастливо описывая достоинства своего товара.

Digitized by Google

Вкрадчивая улыбка и любезное обращеніе придавали ему видъ самаго добродушнаго человѣка.

Завидѣвъ издали пожилаго тучнаго мужчину, съ трудомъ пробиравшагося въ толпѣ, Фабій сошелъ съ подмостковъ, чтобы расчистить ему дорогу. Это былъ Крассъ, разбогатѣвшій вольноотпущенникъ, содержавшій прежде булочную.

— Прошу васъ, господа, посторонитесь немного!.. Вотъ такъ... позвольте пройти почтенному Крассу, говорилъ торговецъ невольниками. Крассъ вѣжливо раздвигалъ тѣснившихся зѣвакъ, остерегаясь въ то же время испортить живописную драпировку своей тоги.—Сюда, любезнѣйшій Крассъ! продолжалъ Фабій сладенькимъ тономъ:—вотъ здѣсь можно обойти лѣстницу, а тутъ свободное мѣстечко, гдѣ стоятъ солдаты. Вотъ мы и пришли! Позволь, я помогу тебѣ подняться на ступени. Ты не можешь представить, какъ надоѣла эта тѣснота. Весь рынокъ запрудили праздные зѣваки, которые ничего не покупаютъ, а толкутся безъ пользы на одномъ мѣстѣ.

Присутствующіе съ любопытствомъ смотрѣли на тучнаго Красса, и многіе принялись острить надъ его грузной фигурой съ багровымъ лицомъ. Наконецъ богатый булочникъ благополучно выбрался изъ уличной давки, поднялся, кряхтя, по ступенямъ лѣстницы, трещавшей подъ его шагами, и упалъ въ изнеможеніи на стулъ, обмахиваясь распахнутой тогой.

— Клянусь недосягаемымъ Олимпомъ, я совсѣмъ испортилъ драпировку складокъ! съ комическимъ испугомъ замѣтилъ онъ.

Не смотря на свои шестьдесятъ три года, неуклюжій Крассъ очень заботился о внѣшности и былъ сконфуженъ безпорядкомъ своего костюма. Бѣлила, покрывавшія его лобъ, струились теперь по щекамъ, падая крупными каплями на одежду; парикъ сбился на лѣвое ухо, тога измялась. Булочникъ наскоро оправился, осматриваясь по сторонамъ.

— Здѣсь ужасное зловоніе! началъ онъ, отдуваясь.—Отъ этихъ собакъ-невольниковъ несетъ, какъ отъ вьючнаго скота. Настоящія животныя!

— Прошу извиненія, почтеннѣйшій, въ замѣшательствѣ проговорилъ Фабій.—Я приказалъ имъ тщательно вымыться, но видишь, какая здѣсь давка, духота, пыль...

— Ты, кажется, постоянно ихъ колотишь? замѣтилъ булочникъ.

— Колочу?! О, вѣчные боги! да я слишкомъ сердобольный человѣкъ для этого! увѣрялъ купецъ.—Конечно, обойтись безъ плетки нельзя, но я учу своихъ невольниковъ потихоньку, уда-

Digitized by Google

ряя ихъ нѣжно, какъ бы тонкимъ прутикомъ, вотъ этимъ бичемъ.

Крассъ захохоталъ.

— Оно и видно! Вонъ тотъ старикъ перевязываетъ себѣ оцарапанную руку.

— Гдѣ? спросилъ Фабій, и, увидавъ пожилаго мужчину съ окровавленной рукой, началъ клясться, что тотъ самъ по неловкости наткнулся на острое желѣзо.

Сконфуженный замѣчаніемъ покупателя, торговецъ замолчалъ, а Крассъ вынулъ изъ кармана шлифованный прозрачный камень, чтобы внимательно разсмотрѣть сквозь него поставленныхъ въ шеренгу рабовъ.

— Какой это у тебя старикъ? спросилъ посѣтитель, указывая на сѣдаго невольника.

— Ученый ассиріецъ, господинъ, отвѣчалъ Фабій;—онъ преподаватель философіи.

Крассъ сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Къ чему мнѣ философія? возразилъ онъ.—Я сдѣлался милліонеромъ и безъ ея помощи!

— Въ такомъ случаѣ, не желаешь ли пріобрѣсти поэта? Вонъ тотъ худощавый рабъ, который сидитъ, опершись головой на руку, знаетъ наизустъ всего Гомера и умѣетъ сочинять превосходные стихи. Такой человѣкъ можетъ доставить большое удовольствіе твоимъ гостямъ во время пира, но я, конечно, не уступлю его дешевле пятидесяти тысячъ сестерцій.

— Ты, кажется, смѣешься надо мною? съ достоинствомъ возразилъ толстякъ. — Что я буду дѣлать съ твоимъ стихоплетомъ? презрительно прибавилъ онъ и замолчалъ. — Ну, между этимъ товаромъ нѣтъ ничего для меня подходящаго, сказалъ наконецъ Крассъ, окидывая взглядомъ группу рабовъ, напоминавшую испуганное стадо.—Не привезъ ли ты чего нибудь поновѣе и поинтереснѣе?

— Скажи мнѣ, чего ты желаешь, повелитель, отвѣчалъ съ почтительнымъ поклономъ купецъ, потирая жирныя руки и посматривая на булочника заискивающимъ взглядомъ.

— Прежде ты умѣлъ быстро отгадывать мои желанія, отвѣчалъ тотъ, многозначительно подмигивая.

— О, у меня привезенъ отборный товаръ! Есть одинъ молодой невольникъ, настоящій геркулесъ...

— Не то, совсѣмъ не то! перебилъ старикъ.—Я подразумѣваю кое-кого покрасивѣе...

— Понялъ! Ахъ, почтенный Крассъ, только въ твои лѣта

Digitized by Google

мужчина можетъ быть настоящимъ цѣнителемъ женской красоты, и женщины сами больше цѣнятъ пожилыхъ, положительныхъ мужчинъ. Ну, на этотъ разъ я вполнѣ надѣюсь тебѣ угодить!

И Фабій прошепталъ на ухо Крассу:

— Шестнадцатилѣтняя дѣвушка, прямо изъ Греціи!

— Какъ, изъ Греціи? воскликнулъ посѣтитель, вскакивая.—А, гречанка! Но... но... я не вижу ея здѣсь?..

— Она въ особомъ отдѣленіи, и я тотчасъ проведу тебя къ ней, отвѣчалъ Фабій.

Въ то время торговцы невольниками помѣщали особенно драгоцѣнный товаръ въ отдѣльныхъ досчатыхъ балаганахъ. Здѣсь красивыя рабыни были защищены отъ нескромныхъ взоровъ толпы, что̀ сильнѣе подстрекало любопытство покупателей, давая имъ въ то же время возможность ближе разсмотрѣть соблазнительный предметъ своего торга. Фабій повелъ богатаго булочника въ небольшой баракъ, гдѣ находилась Лидія. Стѣны этого чуланчика были завѣшены коврами. Такая обивка придавала ему довольно уютный видъ, смягчая уличный шумъ, доносившійся извнѣ. Цвѣтная занавѣска въ окнѣ была опущена, такъ что въ комнатѣ царилъ зеленоватый полусвѣтъ. У одной стѣны стояло мягкое ложе, на которомъ полусидѣла Лидія, еле дыша отъ страха. Едва только изъ-за ковра, повѣшеннаго въ дверяхъ, показалась толстая фигура Красса, какъ молодая дѣвушка вздрогнула всѣмъ тѣломъ и уткнулась лицомъ въ подушки.

— Не обижайся на нее, извинялся Фабій:—видишь ли... она изъ хорошей семьи... Тутъ были особыя обстоятельства: отецъ спился, мать умерла... Съ кѣмъ не бываетъ бѣды!..

Крассъ сѣлъ на скамейку, отдуваясь въ ожиданіи торга.

— Я боюсь, сказалъ онъ:—что ты меня опять надуешь, какъ въ тотъ разъ, когда я купилъ у тебя сиріянку; три недѣли спустя, она совершенно оплѣшивѣла.

— Боги, чѣмъ же я виноватъ, если у дѣвчонки вылѣзли волосы?

— Мало того: у нея выпали въ скоромъ времени и зубы, продолжалъ Крассъ, поддразнивая торговца.

— Клянусь Олимпомъ, я не ощупывалъ ея зубовъ при покупкѣ, оправдывался купецъ.— Что̀ же касается этой гречанки, могу поручиться, что у нея нѣтъ ничего поддѣльнаго. Она цвѣтетъ красотой. Посмотри самъ: волосы настоящіе, на лицѣ ни бѣлилъ, ни румянъ... Вставай, Лидія!... Слушайся же наконецъ, подними голову, дрянь! прибавилъ Фабій, подступая къ дѣвушкѣ.—Господинъ хочетъ тебя посмотрѣть: живо! поворачивайся!

Digitized by Google

— Да, я хочу тебя посмотрѣть, мягко замѣтилъ съ своей стороны посѣтитель.

Лидія не отзывалась. Фабій струсилъ и встревожился.

— Не пьяна ли она? спросилъ простоватый Крассъ.

— Пьяна? Съ чего это ты взялъ? возразилъ съ безпокойствомъ купецъ.—Проклятое созданье, мнѣ по неволѣ приходится проучить тебя хлыстомъ! прибавилъ онъ, тормоша Лидію.

— Дѣвушка, повидимому, боится меня, сказалъ булочникъ, поглаживая себя по животу и плотоядно усмѣхаясь.

— Очень можетъ быть, отвѣчалъ Фабій, радостно ухватившись за эти слова.—Твоя величественная фигура внушаетъ невольное почтеніе, и женщины съ перваго взгляда чувствуютъ, что ты опасенъ для ихъ сердецъ, не смотря на свои годы. Вставай же, Лидія, вставай!

— Бѣдняжка! ласково произнесъ покупатель, понемногу придвигаясь къ дѣвушкѣ.

— Не смотря на все мое снисхожденіе, мнѣ приходится проучить дѣвчонку хлыстомъ! сказалъ торговецъ, поглядывая на булочника.

Старикъ, между тѣмъ, всталъ съ мѣста и направился къ постели молодой рабыни, прищелкивая пальцами. Онъ былъ похожъ на пьянаго силена: лукаво подмигивалъ Фабію и напѣвалъ сквозь зубы любовную египетскую пѣсенку.

— О, мы въ свое время тоже умѣли очаровывать красавицъ, прошамкалъ Крассъ.—Ахъ ты, моя мышка, моя крошечка, покажи свою золотую мордочку, свой золотой носикъ, золотой глазокъ....

Расточая нѣжныя слова гнусавымъ голосомъ и сопровождая ихъ приторной улыбкой, старый развратникъ водилъ своими толстыми пальцами по обнаженной шеѣ Лидіи; дѣвушка по прежнему лежала ничкомъ, дрожа отъ страха и отвращенія. Крассъ подсѣлъ къ ней ближе, ободряя бѣдную невольницу ласковыми словами, а ея хозяинъ ожесточенно ерошилъ красные волосы, извиняясь въ томъ, что онъ, при всемъ желаніи, не можетъ пустить въ дѣло хлыстъ. По его словамъ, удары плети оставляютъ багровые рубцы на нѣжномъ тѣлѣ молодой гречанки, потому что у нея удивительно тонкая кожа, а подобные слѣды побоевъ помѣшаютъ найти покупателя на рѣдкій товаръ.

— Нѣтъ, зачѣмъ ее бить? Мы познакомимся съ нею по доброй волѣ, ухмыляясь, возразилъ толстякъ.—Не правда ли, мой мышеночекъ?

Говоря такимъ образомъ, Крассъ позволилъ себя довольно безцеремонно коснуться лежащей дѣвушки. Въ ту же секунду,

Digitized by Google

комната огласилась звукомъ громкой пощечины. Несчастная рабыня, оскорбленная наглостью старика, такъ быстро вскочила съ мѣста и ударила его по лицу, что Крассъ только разинулъ ротъ и совершенно растерялся.

— Кажется... кажется... она меня прибила? пробормоталъ онъ нѣсколько секундъ спустя, какъ будто невполнѣ понимая, что съ нимъ случилось. Молодая дѣвушка сидѣла теперь, выпрямившись передъ нимъ на постели, и сластолюбивый булочникъ смотрѣлъ на нее съ чувствомъ страха и восхищенія. Она и сама, повидимому, не меньше Красса была удивлена собственною смѣлостью, когда гнѣвъ ея остылъ. Лидія даже раскаивалась въ своемъ запальчивомъ поступкѣ; ея глаза съ ужасомъ смотрѣли на красное пятно на щекѣ посѣтителя, и молодая дѣвушка была готова просить у него прощенія.

— Покажи мнѣ твои нѣжные пальчики, которые умѣютъ такъ больно драться, флегматически продолжалъ старый волокита, не обнаруживая ни тѣни досады.

Но взбѣшенный Фабій перебилъ его, осыпая дѣвушку бранью:

— Ахъ ты, негодная! кричалъ купецъ, сжимая кулаки.—Да развѣ ты смѣешь колотить моихъ покупателей? Погоди, я тебя выучу хорошему обращенію. Ты у меня издохнешь подъ плетью, собака! Эй, рабы! Подайте мнѣ кнутъ!

Черные глаза гречанки наполнились слезами. Она дрожала съ головы до ногъ, не спуская испуганнаго взгляда съ своего мучителя.

— Я... я сама не знаю, какъ это случилось, пролепетала Лидія, замирая отъ ужаса.—Мнѣ самой очень жаль, очень больно...

— Вотъ какъ! ядовито замѣтилъ Фабій.—Но сейчасъ тебѣ будетъ еще больнѣе, погоди минутку...

— Я просила тебя, чтобы ты никому не позволялъ до меня дотрогиваться, возразила Лидія, нѣсколько ободрившись:—моя просьба не была уважена... и я не потерплю такого обращенія, ты знаешь... Тѣмъ не менѣе, очень жаль, что я ударила этого человѣка... А ты все таки не смѣешь бить меня, Фабій, слышишь?!

Дѣвушка говорила съ лихорадочнымъ возбужденіемъ; ея голосъ то обрывался, то звучалъ повелительно и рѣзко.

— Немного упрямства въ красивой женщинѣ дѣлаетъ ее еще привлекательнѣе, прошамкалъ Крассъ, потирая щеку.

Лидія выпрямилась передъ своимъ хозяиномъ во весь ростъ, сложивъ на груди красивыя руки. Она дрожала съ головы до ногъ, не спуская мрачнаго взгляда съ коренастой фигуры Фабія, который каждую минуту былъ готовъ броситься на свою жертву.

Digitized by Google

— Ты хорошо узналъ меня теперь, сказала гречанка, крѣпко сжавъ посинѣвшія губы:—еще одно оскорбленіе, и ты знаешь, что будетъ...

— Я знаю, что будетъ? воскликнулъ торговецъ, побагровѣвъ отъ злобы.—О, только бы отдѣлаться отъ тебя поскорѣе! Почтенный Крассъ, я уступаю тебѣ ее за восемдесятъ тысячъ сестерцій. Мнѣ нужно избавиться отъ этой змѣи, потому что она способна привести меня къ разоренію. Неужели ты думаешь, собака, прибавилъ купецъ, обращаясь къ Лидіи:—что я не въ силахъ выколотить изъ тебя твои мысли о самоубійствѣ? Что такое держишь ты за пазухой?!... Кинжалъ?!... Сейчасъ подай его сюда, говорю тебѣ!

Гречанка дѣйствительно выхватила маленькій кинжалъ, который былъ спрятанъ въ ея платье. Съ этимъ оружіемъ въ нѣжной дрожащей рукѣ, со слезами въ блуждающихъ глазахъ, она стояла передъ злодѣемъ, задыхаясь отъ волненія.

— Гдѣ ты взяла ножъ?... А, да вѣдь онъ мой собственный! Какъ же ты смѣла его украсть, негодная дѣвчонка? Отдай мнѣ обратно мою вещь!

Не смотря на охватившій его испугъ, Фабій даже въ такую критическую минуту не могъ подавить своей скупости.

— Ты получишь обратно свой кинжалъ, прошептала гречанка, судорожно переводя дыханіе:—но прежде онъ обагрится моею кровью.

— Отнимите у нея оружіе! жалобно стоналъ растерявшійся купецъ.—Вѣдь она дѣйствительно способна заколоться... Отнимите у нея клинокъ, отнимите!... Сейчасъ подай мнѣ его сюда, животное!

Не смотря на овладѣвшее имъ бѣшенство, Фабій боялся напасть на дѣвушку. Онъ ломалъ въ отчаяніи руки, бросался къ Лидіи, отскакивалъ назадъ, сыпалъ проклятіями, плакалъ и метался въ безсильной злобѣ, потому что, при малѣйшей попыткѣ приблизиться, гречанка направляла лезвіе себѣ въ грудь. Наконецъ, выбившись изъ силъ, торговецъ прибѣгнулъ къ ласковымъ увѣщаніямъ, давая слово не трогать дѣвушки, если она возвратитъ ему ножъ.

Прыжки и кривлянья Фабія забавляли булочника своимъ комизмомъ. Сложивъ руки на толстомъ животѣ, Крассъ добродушно посмѣивался и сравнивалъ торговца невольниками съ танцоромъ Парисомъ. Между тѣмъ хозяинъ Лидіи, видя, что она не поддается на его увѣщанія, сталъ передъ нею на колѣни, умоляя о пощадѣ.

— Я буду разоренъ, если ты покончишь съ собою! восклицалъ онъ, заливаясь непритворными слезами.—Я постараюсь продать тебя, хоть за небольшую сумму, какому нибудь доброму человѣку,

Digitized by Google

а до тѣхъ поръ буду почитать тебя, какъ богиню, безпрекословно исполняя твои прихоти.

Этотъ взрывъ отчаянія тронулъ несчастную дѣвушку, хотя сама она переживала жестокую нравственную пытку, дрожа отъ страха передъ своимъ мучителемъ, какъ передъ дикимъ звѣремъ. Льстивыя обѣщанія купца поколебали рѣшимость неопытной дѣвушки. „Только бы онъ поскорѣе продалъ меня въ другія руки, все равно, кому бы то ни было", подумала Лидія.—„Только бы мнѣ отъ него избавиться!..." И она опустила руку съ кинжаломъ.

— Ты никогда больше не ударишь меня?... спросила гречанка, недовѣрчиво взглянувъ на Фабія, по прежнему стоявшаго передъ нею на колѣняхъ.

— Никогда, клянусь тебѣ! простоналъ тотъ, зорко слѣдя за движеніями невольницы.

— И будешь хорошо обращаться со мною? продолжала бѣдняжка, колеблясь передъ окончательнымъ рѣшеніемъ.

— Не трону даже волоска на твоей головѣ, только брось кинжалъ, распинался торговецъ, чуя близость побѣды.

— Не знаю, что̀ дѣлать... зарыдала дѣвочка.—Можно ли повѣрить твоимъ словамъ?... Дѣйствительно ли ты перестанешь меня тиранить, Фабій?

— Конечно, конечно, только отдай мнѣ обратно оружіе, говорилъ тотъ, маскируя свою злобу, ежеминутно готовый броситься на беззащитнаго ребенка.

— Ну, пусть будетъ по твоему, прошептала Лидія, осушая слезы:—только не мучь меня больше, поклянись мнѣ богами, что я не подвергнусь никогда ни побоямъ, ни оскорбленіямъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, клянусь тебѣ! Брось кинжалъ или отдай его мнѣ, нетерпѣливо настаивалъ Фабій.

— Ты не обманываешь?

— Что̀ за пустяки! воскликнулъ торговецъ, внѣ себя отъ страха.

Робкая дѣвушка не смѣла ему противорѣчить и нерѣшительно подала оружіе хозяину, по прежнему стоявшему передъ нею на колѣняхъ.

Фабій быстро схватилъ кинжалъ и, проворно вскочивъ на ноги, бросился на дѣвушку, рыча, какъ тигръ. Гречанка вскрикнула отъ ужаса и упала навзничъ на постель. Разъяренный хозяинъ только что хотѣлъ стащить ее на полъ, собираясь топтать ногами тѣло своей жертвы, какъ вдругъ толстый булочникъ, смотрѣвшій со страхомъ на все происходившее, остановилъ его:

— Опомнись, Фабій, сюда идутъ!

Купецъ обернулся къ пріятелю, и только тутъ ему стало ясно,

Digitized by Google

какъ глупо онъ поступилъ, обнаруживъ свою жестокость въ присутствіи посторонняго лица. Стараясь загладить непріятное впечатлѣніе, Фабій вызвалъ улыбку на свое лицо, но его отталкивающія черты сложились въ гримасу. Онъ оставилъ въ покоѣ Лидію, обомлѣвшую отъ страха, повернулся къ двери и самымъ любезнымъ тономъ привѣтствовалъ входящаго посѣтителя. Это былъ танцоръ Парисъ, не подозрѣвавшій о томъ, какая трагическая сцена только что разъигралась между присутствующими.

Бродя по рынку, молодой человѣкъ давно уже замѣтилъ рыжаго торговца невольниками, но не рѣшался къ нему подойти, чтобы справиться о Лидіи, хотя ему страстно хотѣлось узнать, чѣмъ рѣшилась участь бѣдной гречанки. Онъ прохаживался туда и сюда мимо подмостковъ, гдѣ былъ выставленъ „товаръ“ Фабія. Не смотря на давку, собравшійся народъ охотно разступался передъ любимымъ актеромъ, хотя Парисъ не замѣчалъ этихъ знаковъ почтенія. Онъ удивлялся, почему Лидіи нѣтъ между другими невольниками.

Неужели ее успѣли уже купить? Кому досталась бѣдная дѣвочка? Эти вопросы не давали покоя доброму юношѣ, хотя онъ въ то же время смѣялся надъ своей чувствительностью и неожиданно вспыхнувшимъ влеченіемъ къ простой рабынѣ. Наконецъ, увидя толстаго булочника, который сначала осмотрѣлъ выставленныхъ невольниковъ, а потомъ ушелъ съ хозяиномъ въ особое отдѣленіе, Парисъ собрался съ духомъ и безъ помѣхи проникъ въ комнату Лидіи. — „Въ худшемъ случаѣ, Фабій вытолкаетъ меня за дверь, убѣдившись въ моей денежной несостоятельности“, подумалъ актеръ, откидывая тяжелую занавѣску на дверяхъ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ невольникъ съ извѣстіемъ, что рабыня Маго, занимавшая сосѣднюю каморку, проситъ помощи, такъ какъ ей очень плохо. Услышавъ эти слова, хозяинъ разразился бранью и проклятіями противъ хворой сволочи, которая старается нарочно околѣвать, чтобы ввести въ убытокъ своего владѣльца.

— Эта африканская змѣя можетъ издохнуть и безъ всякой помощи, если ей угодно, прибавилъ онъ.—Развѣ можно выгодно продать такую дрянь?

Однако матеріальныя соображенія заставили Фабія отнестись къ больной съ бо̀льшимъ человѣколюбіемъ. Онъ приказалъ рабу надѣть на Лидію покрывало и отвести ее въ сосѣднее отдѣленіе.

— Ступай, дитя мое, сказалъ торговецъ кроткимъ тономъ, искусно прикидываясь сердобольнымъ человѣкомъ:—ступай, позаботься о страждущей. Ты помогла ей однажды и вообще умѣешь обходиться съ больными. Иди же, доброе дитя!

Digitized by Google

Фабій сдѣлался неузнаваемъ. Успокоенная его словами, Лидія ободрилась, вытерла заплаканные глаза и встала, бросивъ на Париса удивленный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умоляющій взглядъ. Его наружность показалась дѣвушкѣ знакомой; онъ такъ сильно напоминалъ собою человѣка, приводившаго ее въ сознаніе на берегу Тибра, нѣсколько дней назадъ. Гречанка еще разъ пристально посмотрѣла на юношу, но, встрѣтившись съ его глазами, потупилась и вспыхнула румянцемъ. Лидія не понимала, что̀ съ нею происходитъ. Присутствіе незнакомца принесло ей такую отраду, что она забыла свое ужасное положеніе; забыла, что, минуту назадъ, ей грозила опасность сдѣлаться жертвой необузданной ярости Фабія. На сердцѣ у дѣвушки стало вдругъ легко и спокойно; теперь ея грудь дышала свободнѣе, а все окружающее преобразилось, точно по волшебству.—„О, еслибы хозяинъ продалъ меня этому юношѣ! Я охотно служила бы ему; онъ не можетъ быть злымъ и жестокимъ!“ подумала невольница. Прежде чѣмъ Лидію закутали въ покрывала, она успѣла еще разъ посмотрѣть на Париса краснорѣчивымъ взглядомъ, выражавшимъ горячую мольбу. Сила отчаянія побѣдила дѣвическую стыдливость. Молодой человѣкъ понялъ нѣмую просьбу несчастной и многозначительно кивнулъ ей въ отвѣтъ, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ. Онъ считалъ своею обязанностью вступиться за беззащитную рабыню, но, кромѣ того, она внушала ему не одно состраданіе. Чудная красота гречанки нравилась Парису, а жестокость Фабія и безвыходное положеніе его жертвы, придавали ей особенный интересъ въ глазахъ юноши. Конечно, пора любви для него прошла, юношескія увлеченія сдѣлались невозможными: онъ слишкомъ рано далъ волю своимъ страстямъ, онъ былъ человѣкомъ отжившимъ и пресыщеннымъ, не смотря на молодые годы; но нѣжная красота Лидіи затрогивала лучшія струны его души; при ней Парисъ чувствовалъ себя способнымъ къ нравственному возрожденію. Все существо этой дѣвушки казалось проникнутымъ какимъ-то непонятнымъ очарованіемъ; ея невинность умиляла Париса. Онъ сознавалъ себя недостойнымъ ея любви и, въ то же время, мечталъ объ этомъ, какъ о высшемъ, недосягаемомъ блаженствѣ.

По уходѣ молодой гречанки, толстый Крассъ обратился къ Фабію.

— Прехорошенькая дѣвочка, сказалъ онъ.—Хотя у меня лицо все еще горитъ отъ ея пощечины, но я съ помощью поцѣлуевъ отучу красотку отъ дурныхъ манеръ.

Digitized by Google

— Такъ она нравится тебѣ, господинъ? Я сейчасъ готовъ уступить Лидію за восемдесятъ тысячъ сестерцій.

— Это большая сумма. Слишкомъ много денегъ за такую игрушку!

— Но, вѣдь, зато она дѣйствительно игрушка; товаръ стоитъ хорошей цѣны, почтеннѣйшій Крассъ, возразилъ Фабій и, вѣжливо обратившись къ Парису, прибавилъ:—если ты сдѣлаешь надбавку, рабыня останется за тобою! Согласенъ дать за нее восемдесятъ пять тысячъ?

Голова Париса пошла кругомъ, и онъ не зналъ, что отвѣтить. Юноша представлялъ себѣ Лидію невольницей Красса, думалъ о громадной цифрѣ денегъ въ восемдесятъ пять тысячъ сестерцій, нужной для выкупа дѣвушки, и не могъ найти никакого исхода изъ своего затрудненія. Между тѣмъ булочникъ, распахнувъ тогу, въ которую онъ закутался до подбородка, смѣрилъ молодаго актера презрительнымъ взглядомъ.

— Я даю восемдесятъ двѣ тысячи, внушительно сказалъ онъ, причемъ жилы на его шеѣ вздулись отъ волненія.

— А ты что скажешь, господинъ? съ улыбкой спросилъ Фабій Париса и, въ то же время, устремилъ свой взглядъ совершенно въ противоположную сторону.

Только тутъ юноша замѣтилъ, что торговецъ коситъ глазами. Этотъ физическій недостатокъ, вмѣстѣ съ приторной улыбкой, придавалъ его лицу сходство съ гримасой повѣшеннаго. Актеръ сдѣлалъ видъ, будто бы онъ разсчитываетъ свои наличныя деньги, а между тѣмъ со страхомъ думалъ про себя: „Патрицій Эмилій и сенаторъ Павелъ такъ восхищаются моимъ талантомъ; но выручатъ ли они меня изъ бѣды?“ Парисъ сравнивалъ себя съ человѣкомъ, которому приходится выбирать между смертью отъ мороза или отъ огня. То и другое было одинаково ужасно.

— Восемдесятъ двѣ тысячи сестерцій, бормоталъ танцоръ, и его воображеніе рисовало ужасныя картины, леденившія кровь.

Онъ видѣлъ невинную дѣвушку во власти Красса, обреченную безропотно покоряться его постылымъ ласкамъ. Нѣтъ, здѣсь была необходима немедленная, рѣшительная помощь!

— Присядь, прошу тебя, любезный Крассъ! сказалъ почетному гостю хозяинъ.

Толстый булочникъ, отъ нечего дѣлать барабанившій кулаками по своимъ колѣнямъ, не удержался, чтобы не сказать:

— Смотри, Фабій, актеръ, пожалуй, тебя обманетъ!

Парисъ, разсерженный этими словами и возмущенный самымъ

Digitized by Google

торгомъ, опрометчиво обѣщалъ за Лидію девяносто тысячъ сестерцій.

— Вотъ это дѣло! съ улыбкой замѣтилъ купецъ, потирая отъ радости руки и многозначительно посматривая на старика.—Боюсь, почтенный Крассъ, что Лидія ускользнетъ изъ твоихъ рукъ!

Булочникъ побагровѣлъ отъ злобы. Онъ пробормоталъ что-то о легкомыслiи и поднялся съ мѣста.

— Я не дамъ больше восьмидесяти двухъ тысячъ, сказалъ онъ:—но заплачу ихъ немедленно. А когда заплатитъ тебѣ Парисъ? прибавилъ Крассъ, ядовито улыбаясь.

— Да, когда ты думаешь разсчитаться со мною? предупредительно спросилъ купецъ.

Юноша задумался, разсчитывая, во сколько времени онъ можетъ собрать требуемую сумму.

— Черезъ три дня я вручу тебѣ девяносто тысячъ сестерцій, отвѣчалъ наконецъ актеръ, стараясь не думать о принятомъ на себя страшномъ обязательствѣ.

Торговецъ посовѣтовалъ отложить заключеніе сдѣлки до этого срока, замѣтивъ, что обѣ стороны должны предварительно взвѣсить свои выгоды. Онъ обѣщалъ заботиться о Лидіи, которая, по его словамъ, представляла теперь чужую собственность.

Парисъ пожелалъ переговорить съ дѣвушкою наединѣ, но Фабій просилъ позволенія присутствовать при этомъ разговорѣ. Въ то же время, Крассъ отвелъ купца въ сторону и прошепталъ ему на ухо:

— Берегись, любезный; пусть меня причтутъ къ лику боговъ, если мальчишка выплатитъ тебѣ всѣ деньги!

Фабій пожалъ плечами, а недовольный булочникъ грузно зашагалъ къ выходу.

V.

Заглянувъ въ дверь барака, гдѣ помѣщалась африканка, Парисъ увидѣлъ Лидію. Его душа снова наполнилась невыразимой грустью. Лидія стояла на колѣняхъ передъ больной, лежавшей на соломѣ, и подавала ей питье, заботливо поправляя плащъ, которымъ была прикрыта Маго вмѣсто одѣяла.

Молодой актеръ остановился на порогѣ, любуясь дѣвушкой. Она старалась казаться веселой изъ желанія ободрить умирающую.

— О, какая я несчастная! стонала африканка, зарывая голову въ солому.

— Прими это питье, милая Маго; оно дастъ тебѣ сонъ, а

Digitized by Google

послѣ сна ты, навѣрно, почувствуешь себя легче! съ улыбкой говорила Лидія.

Она взяла чашу, помогла рабынѣ подняться и стала осторожно вливать ей въ ротъ лѣкарство. Зубы Маго стучали о край металлическаго сосуда; видъ больной былъ жалокъ и страшенъ, но сострадательная гречанка не теряла самообладанія.

— Лидія! сказала невольница умоляющимъ тономъ:—спой мнѣ ту пѣсню, которую пѣла вчера... знаешь, ту, гдѣ говорится о радугѣ надъ волнующимися колосьями? Мнѣ кажется, что тогда я спокойно усну.

Дѣвушка задумчиво потупилась, уронивъ руки на колѣни. Потомъ, какъ будто отогнавъ тяжелыя воспоминанія, она глубоко вздохнула и, не вставая съ колѣнъ, запѣла вполголоса печальную колыбельную пѣсню. При этомъ Лидія склонила на плечо свою изящную головку, устремивъ въ пространство отуманенный взглядъ, какъ будто передъ ея глазами разстилалось широкое море, а за нимъ выступалъ родимый берегъ съ величественными храмами изъ бѣлаго мрамора и синеватою цѣпью горъ. Дѣтски трогательное выраженіе лица молодой гречанки вызвало невольныя слезы на глаза Париса, который по прежнему стоялъ у дверей, скрываясь за плотнымъ занавѣсомъ. Пѣть въ ту минуту, когда душа разрывается отъ горя, когда человѣкъ жаждетъ отдохнуть въ тишинѣ и уединеніи, было настоящимъ подвигомъ со стороны бѣдной Лидіи. Парисъ чувствовалъ, какъ переполнено ея сердце, и удивлялся самообладанію кроткаго существа, не хотѣвшаго огорчить отказомъ больную. Нѣсколько минутъ спустя, Маго дѣйствительно погрузилась въ лихорадочную дремоту. Дѣвушка все еще продолжала пѣть, но потомъ мало по малу замолкла. Глубокій вздохъ вырвался изъ ея груди, тогда какъ задумчивые глаза по прежнему смотрѣли вдаль. Наконецъ эти большіе, широко раскрытые глаза наполнились слезами, и губы дѣвушки конвульсивно дрогнули. Парисъ испытывалъ страстное желаніе броситься къ Лидіи, обнять ее и спросить, согласна ли она полюбить его. Въ жалкой каморкѣ было тихо; только съ рыночной улицы доносился глухой шумъ, напоминавшій отдаленный ревъ бури. Больная дышала спокойнѣе; солнечный лучъ проникъ сквозь отверстіе крыши, играя на соломѣ убогой постели, ложась свѣтлой полосой на лицо африканки и золотя черныя кудри Лидіи. Парису такъ хотѣлось коснуться рукою этихъ шелковистыхъ волосъ прелестнаго ребенка, но его удерживало невольное смущеніе, какого онъ никогда еще не испытывалъ передъ женщиной. Юноша нарочно стукнулъ сандаліей о деревянный помостъ. Дѣвушка оглянулась, и моло-

Digitized by Google

дому человѣку было пріятно видѣть, какъ выраженіе грусти смѣнилось въ ея чертахъ мимолетной улыбкой, полной счастливой надежды; однако эта улыбка тотчасъ исчезла, и бѣдная рабыня посмотрѣла на вошедшаго съ недовѣріемъ и страхомъ.

— Ты хотѣла мнѣ что-то сказать? спросилъ Парисъ, подавшись впередъ, точно невидимая сила притягивала его къ Лидіи.

— Да, господинъ, отвѣтила она, снова краснѣя и потупивъ голову.

— Что это за пѣсня, которую ты напѣвала больной негритянкѣ? продолжалъ актеръ, желая какъ нибудь завязать бесѣду. Онъ былъ всецѣло поглощенъ созерцаніемъ чудной фигуры молодой дѣвушки, по прежнему стоявшей на колѣняхъ. Милая наивность, которою дышалъ ея греческій профиль, особенно восхищала Париса. Это безпомощное кроткое существо, нуждавшееся въ покровительствѣ мужчины, казалось ему гораздо привлекательнѣе гордыхъ римлянокъ, богато одаренныхъ умомъ и твердыхъ характеромъ.

— Такъ что же это была за пѣсня? повторилъ Парисъ.

— Я часто пѣвала ее сосѣдскимъ дѣтямъ, у насъ на родинѣ, робко замѣтила дѣвушка, вскинувъ глаза на говорившаго и снова опуская рѣсницы.

— Ты прекрасно поешь, сказалъ юноша, думая о другомъ и не находя словъ для выраженія того, что ему хотѣлось высказать.

— О, возразила гречанка, покачавъ головой:—вотъ еслибы ты послушалъ, какъ пѣла Клитія...

— Какая Клитія?

Но рабыня, повидимому, не слыхала вопроса. Облако печали отуманило ея низкій лобъ. Понуривъ голову, она съ волненіемъ перебирала пальцами разостланную на полу солому, но вдругъ, какъ будто очнувшись, торопливо произнесла:

— Что ты говоришь?

Парисъ не отвѣчалъ въ свою очередь, слѣдя за нервными движеніями ея рукъ. Наконецъ онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что Лидія то краснѣла, то блѣднѣла, тревожно дыша и не смѣя поднять рѣсницъ. Очевидно, дѣвушка желала съ нимъ объясниться.

— Лидія, ты хочешь мнѣ что-то сказать? спросилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, ничего, испуганно пролепетала она.—Прислушайся, кажется, больная не спитъ... прибавила дѣвушка, озабоченно склоняясь къ изголовью Маго.

— Она въ забытьѣ, отвѣчалъ актеръ, стараясь ободрить гре-

Digitized by Google

чанку.—Не бойся, выскажи мнѣ откровенно все, что̀ лежитъ у тебя на душѣ... Ну, что̀ же, Лидія?

Волненіе дѣвушки усиливалось; стараясь собраться съ духомъ, она нервно мяла въ рукахъ полу стараго плаща, покрывавшаго ноги больной. Изъ боязни, чтобы имъ не помѣшали, Парисъ сталъ торопить ее признаніемъ.

— Ахъ, господинъ, умоляю тебя всѣми богами... скажи, неужели онъ...

— Кто?

— Неужели онъ меня купитъ?.. вымолвила наконецъ дѣвушка, смертельно блѣднѣя.

— Ты говоришь про вольноотпущенника, богача Красса?

— Не знаю, ка̀къ его зовутъ, можетъ быть, и Крассомъ... замѣтила дрожащимъ голосомъ невольница, ломая руки.

— Не думаю, чтобы ты досталась ему, отвѣчалъ актеръ ласковымъ тономъ.

— Неужели? радостно встрепенувшись, спросила Лидія, поднимая глаза.—Ты не обманываешь меня?

— Надѣюсь, что ты не будешь рабыней Красса, подтвердилъ Парисъ, сильно понизивъ голосъ.

— О, какъ я рада, какъ рада! нѣсколько разъ повторила бѣдняжка, видимо успокоиваясь.

Она снова замолчала, потупивъ глаза. Молодой человѣкъ не могъ отвести восхищеннаго взгляда отъ ея миньятюрной фигурки; онъ совершенно потерялся въ этомъ восторженномъ созерцаніи, забывъ обо всемъ остальномъ. Однако его долгое молчаніе какъ будто встревожило дѣвушку. Она все ниже опускала голову подъ гнетомъ тяжелыхъ мыслей.

Наконецъ Парисъ опомнился.

— Ка̀къ ты думаешь, Лидія, кто сдѣлается твоимъ хозяиномъ? спросилъ онъ, слегка улыбаясь.

Она долго смотрѣла на него; сначала ея лицо выражало одно равнодушіе и задумчивость, но потомъ Лидія отгадала истину. Дѣвушка склонила свой бѣлый лобъ, обрамленный темными волосами, и съ милой озабоченностью прошептала Парису, какъ будто извиняясь:

— Купи меня, господинъ!

Молодой человѣкъ невольно вздрогнулъ. Эта простая просьба звучала для него, какъ повелительный голосъ природы.

— Такъ ты желаешь этого? спросилъ онъ съ волненіемъ.

Дѣвушка сложила руки, и ея глаза, обращенные къ юношѣ, загорѣлись внутреннимъ огнемъ.

Digitized by Google

— О, господинъ!..

Она не могла прибавить ничего болѣе, но въ этомъ восклицаніи звучала безграничная преданность и глубокое чувство.

— Я исполню твою просьбу, отвѣчалъ Парисъ:—и куплю тебя.

Однако слово „куплю“ было произнесено имъ невнятно.

— Я буду заботиться о тебѣ; ты будешь жить подъ моей охраной, поправился молодой человѣкъ.

Лицо Лидіи просіяло; ея губы шевелились, но она не могла говорить отъ радостнаго волненія и только блаженно улыбалась, отирая слезы, катившіяся по щекамъ. Дѣвушка какъ будто оцѣпенѣла подъ бременемъ нежданнаго счастія. Она не могла не только встать на ноги, но даже поднять глазъ.

Парису хотѣлось наклониться къ ея лицу и осушить слезы прелестнаго созданія пылкими поцѣлуями, но за дверьми раздался голосъ Фабія, и юноша сдержалъ свой порывъ; онъ только позволилъ себѣ коснуться душистыхъ волосъ юной гречанки, что̀ снова вызвало яркій румянецъ на ея щеки.

— Ну, что же, господинъ, ты остаешься при своемъ намѣреніи?

Парисъ отвѣчалъ утвердительно и поставилъ условіемъ, чтобы хозяева не притѣсняли больше Лидіи, не били ея и не показывали уже другимъ покупателямъ. Торговецъ обѣщалъ; онъ хотѣлъ опять удалиться, лукаво подмигивая Парису на дѣвушку, но молодой человѣкъ, замѣтивъ смущеніе гречанки, не захотѣлъ оскорблять ея дѣвической стыдливости и также поспѣшилъ уйти, даже не простившись съ невольницей, изъ боязни обнаружить передъ плутомъ Фабіемъ свои настоящія чувства. Между тѣмъ больная проснулась. Лидія съ удвоеннымъ усердіемъ принялась за обязанность сидѣлки, желая выразить этимъ свою благодарность богамъ. Дѣвушка такъ нѣжно заботилась о негритянкѣ, какъ будто Маго была ея родная мать; она пригладила ей спутанные волосы и поправила постель. Живая, воспріимчивая натура гречанки проснулась въ ней; тяжелое горе было забыто при первомъ проблескѣ радостной надежды.

Когда, нѣсколько минутъ спустя, въ баракъ прибѣжалъ десятилѣтній сынъ Маго, дѣвушка принялась играть съ нимъ, какъ старшая сестра.

— Смотри, только не шуми, уговаривала Лидія маленькаго Брута:—не безпокой свою больную маму.

— Давай, представимъ опять охоту на льва! сказалъ мальчикъ.

— Хорошо, только не стучи! прошептала она.

Digitized by Google

— Ну, вотъ, Лидія, теперь я обращаюсь во льва!

И крошечная фигурка забралась подъ стулъ, а потомъ бросилась изъ своей засады на четверенькахъ къ дѣвушкѣ, которая дѣлала видъ, будто бы стрѣляетъ изъ лука, послѣ чего маленькій Брутъ снова спрятался въ укромное мѣстечко. Такъ забавлялись они нѣсколько времени, и молодая невольница, повидимому, охотно возилась съ рѣзвымъ мальчуганомъ. Наконецъ ему надоѣло бѣгать. Онъ обнялъ Лидію за шею.

— Пусти, пусти, ты разбудишь мать! отбивалась та.

— Ты должна теперь меня зарѣзать, заколоть кинжаломъ, слышишь? говорилъ ребенокъ, еще тѣснѣе стискивая шею дѣвушки и нагибаясь къ ея уху.

Она поднялась вмѣстѣ съ нимъ. Брутъ крѣпко держался за ея плечи. Шалунья прошлась раза два по комнатѣ со своей ношей, угрожая мальчику сбросить его на полъ. Потихоньку смѣясь и совершенно увлекшись игрою, она положила наконецъ ребенка на солому, накиданную въ углу, и принялась зарывать въ нее Брута, дѣлая видъ, что она въ то же время пронзаетъ его кинжаломъ.

— Вотъ теперь ты побѣжденъ! шептала Лидія, вся раскраснѣвшись и едва переводя духъ.—Однако довольно, я устала. Слышишь? твоя мать проснулась. Сядемъ возлѣ нея.

— Нѣтъ, давай, поиграемъ еще въ гладіаторы! громко закричалъ на этотъ разъ неугомонный мальчикъ.—Давай — вотъ тутъ арена...

— Нельзя, мой милый, прошептала дѣвушка.—Подумай о твоей больной мамѣ! Перестань, Брутъ! Зачѣмъ ты рвешь мнѣ платье? Ахъ, какой озорникъ!

Дѣйствительно ребенокъ съ торжествующимъ видомъ оторвалъ ей кусокъ одежды у плеча, за что Лидія полушутя ударила его по щекѣ. Это еще болѣе подзадорило шалуна къ новымъ проказамъ.

— Бѣдовый онъ у меня! сказала мать, обративъ благодарный взглядъ на гречанку.

— Дѣти всѣ таковы; вотъ и я разъигралась съ Брутомъ, какъ маленькая дѣвочка, замѣтила Лидія, смущенно улыбаясь и поправляя распустившіеся волосы.—Сама не знаю, прибавила она:— почему мнѣ вдругъ стало такъ весело.

Между тѣмъ, послѣ минутнаго оживленія, бѣдная рабыня снова задумалась, усѣвшись около больной негритянки, хотя рѣзвый мальчикъ всячески тормошилъ ее, желая вызвать на новыя шалости. Но тихая задумчивость не мѣшала Лидіи изрѣдка бро-

Digitized by Google

сать на Брута ласковый взглядъ; ея сердце по прежнему трепетало отъ радостнаго волненія, и даже видъ вошедшаго хозяина не возбуждалъ въ ней гнѣва. Фабій принесъ для Лидіи хлѣбъ и молоко; она раздѣлила свой завтракъ съ голоднымъ ребенкомъ. Торговецъ задумчиво слѣдилъ глазами, какъ дѣвушка собственноручно кормила Брута, и потомъ молча удалился. Остальное время гречанка провела у постели Маго, заботливо ухаживая за больной. Наконецъ, послѣ полудня, Фабій вторично заглянулъ въ баракъ съ безпокойной, нерѣшительной миной и остановился за дверями, продолжая прерванный разговоръ.

— Извини, никакъ не могу, услыхала Лидія голосъ хозяина:— я обѣщалъ ему никого не пускать...

— Однако посмотрѣть твой товаръ все таки можно, возразилъ чей-то другой, тонкій и слабый голосъ.—Если дѣвушка понравится, мы, пожалуй, дадимъ за нее и дороже.

— Нѣтъ, я боюсь Париса; онъ просто убьетъ меня! отвѣчалъ торговецъ.

— Вотъ пустяки! Я готовъ надбавить тебѣ тысячу сестерцій. Что ты на это скажешь, а?

— Конечно... тысяча сестерцій не бездѣлица, нерѣшительно вставилъ Фабій:—однако...

— Да, кромѣ того, перебилъ новый кліентъ:—ты не можешь заранѣе знать, заплатитъ ли тебѣ Парисъ условленную сумму. Гдѣ взять бѣдному актеру такія деньги, развѣ украсть? Разсуди самъ.

— Правда! со вздохомъ замѣтилъ купецъ.

Сердце Лидіи замерло отъ испуга. Ей разомъ стало понятно, что избавленіе отъ неволи еще далеко. А между тѣмъ она такъ увлеклась несбыточной мечтой! Каждый покупатель могъ перебить ее у Париса; для этого стоило только надбавить цѣну. Сострадательный юноша оказывался человѣкомъ бѣднымъ, и надежда принадлежать ему едва ли могла осуществиться. Всѣ предметы закружились предъ глазами дѣвушки; въ ушахъ поднялся шумъ, какъ въ ту роковую минуту, когда волны Тибра сомкнулись надъ ея головой. Отчаяніе и надежда боролись въ душѣ бѣдной невольницы. Она долго сидѣла въ полномъ оцѣпенѣніи, не понимая хорошенько, что съ нею происходитъ.

Пока маленькій Брутъ доѣдалъ остатки пищи, Фабій съ неизвѣстнымъ посѣтителемъ прекратили разговоръ. Лидія мало по малу пришла въ себя и стала горячо молиться. По своей простотѣ и непониманію жизни, она не считала особенно унизительнымъ играть роль продажнаго товара; зависимость отъ чужаго

Digitized by Google

произвола казалась юной гречанкѣ вполнѣ естественной, а зависѣть отъ Париса было бы для нея настоящимъ блаженствомъ. Лидія съ восторгомъ мечтала о той счастливой порѣ, когда она будетъ служить и безпрекословно повиноваться своему молодому господину, все равно, въ качествѣ рабы или супруги. Рабство не казалось ей несовмѣстнымъ съ человѣческимъ достоинствомъ. Напротивъ, увлекаясь своей дѣтской фантазіей, Лидія съ удовольствіемъ воображала Париса—грубымъ тираномъ, а себя—жертвой его жестокости, хотя она хорошо понимала, что ея будущій властелинъ слишкомъ добръ для этого. О, еслибы онъ заболѣлъ, какъ сладко было бы ухаживать за нимъ, а въ случаѣ надобности—пожертвовать для него даже собственною жизнью! думала гречанка; смерть представлялась ей только болѣе счастливой формой бытія. Она видѣла себя въ своемъ воображеніи прекраснымъ бездыханнымъ трупомъ, передъ которымъ стоялъ въ нѣмой тоскѣ ея возлюбленный, давая клятвы вѣрности до гроба. Эти фантазіи, пожалуй, объяснялись тѣмъ, что экзальтированная натура юноши сказывалась даже при самыхъ обыденныхъ обстоятельствахъ и встрѣчахъ:—артистическое чутье, свойственное греческой націи, было сильно развито у впечатлительной Лидіи, и она не могла устоять предъ обаяніемъ Париса. Она цѣнила его доброту, но не одно это качество привлекало къ молодому человѣку одинокую, беззащитную дѣвушку. Онъ распространялъ вокругъ себя атмосферу поэзіи, которая очаровывала женщинъ даже въ то время, когда актеръ вовсе не желалъ рисоваться, стараясь снизойти до житейской прозы. Но привычка брала свое. Никакія усилія стать на точку зрѣнія трезвой дѣйствительности не могли заставить Париса отрѣшиться отъ пріемовъ, немедленно обличавшихъ въ немъ героя театральныхъ подмостковъ. Въ юномъ танцорѣ постоянно былъ виденъ человѣкъ, привыкшій позировать передъ публикой, вызывая всеобщій восторгъ. Поэтому, даже въ рѣшительную минуту, когда онъ открылъ передъ Лидіей свое переполненное сердце, Парисъ оставался самимъ собою, т. е. актеромъ до мозга костей съ живописными заученными позами, которыя невольно приковывали взглядъ. Кромѣ того, невоздержный образъ жизни юноши положилъ своеобразный отпечатокъ на его прекрасныя черты; а извѣстно, что порокъ обладаетъ притягательной силой именно для невинности и невѣдѣнія, особенно, когда онъ воплощенъ въ благородной личности, гдѣ, подъ прикрытіемъ легкомыслія, таятся богатыя дарованія и глубина чувства. Парисъ нисколько не былъ лицемѣромъ; напротивъ, онъ обнаруживалъ большую искренность и чуткость; но, не смотря на прямоту своего нрава,

Digitized by Google

юноша никогда не поддавался первому побужденію. Это была вполнѣ двойственная натура; такъ, напримѣръ, къ сдержанности и чувству приличія у него примѣшивалась слабохарактерность, которую ему однако прощали за его доброе сердце. Привычка меланхолически опускать глаза, выраженіе грустной покорности, нерѣдко появлявшееся на лицѣ юноши и неожиданно переходившее въ граціозную улыбку, пріятный голосъ, изысканная рѣчь, все это заставляло видѣть въ молодомъ актерѣ недюжинную личность. Наивная Лидія, конечно, невполнѣ понимала Париса, но ее притягивала къ себѣ именно его загадочность. Въ настоящую минуту она такъ глубоко погрузилась въ свои размышленія, что даже шептала невнятныя слова, забавляя этимъ маленькаго Брута. Пылкое воображеніе гречанки въ извѣстной степени замѣняло ей зрѣлый разумъ; она созерцала, вмѣсто того, чтобы разсуждать, и чувствовала, вмѣсто того, чтобы доискиваться сути вещей. Такимъ образомъ, врожденная ограниченность не помѣшала Лидіи страстно привязаться къ Парису.

— Что съ тобою? допытывался ребенокъ, видя задумчивость дѣвушки.

Она улыбнулась и, приласкавъ бѣднаго мальчика, ушла переодѣться. При этомъ Лидія часто посматривала въ щели барака на площадь, въ смутной надеждѣ увидать въ толпѣ того, кто поглощалъ всѣ ея мысли. Но рынокъ мало по малу пустѣлъ. Покупатели уходили, лавки запирались, и вечерній сумракъ, какъ воздушное покрывало, спускался на землю, сгущаясь между городскими зданіями.

Лидія захотѣла помолиться въ храмѣ Кастора, и это было ей позволено. Закутавъ голову платкомъ, она легкою поступью взошла на ступени, но и во время молитвы всемогущему Зевсу дѣвушка думала только о своемъ юномъ покровителѣ, оглядываясь по сторонамъ и ожидая, не выйдетъ ли онъ къ ней на встрѣчу изъза какого нибудь алтаря или колонны.

VI.

Между тѣмъ, послѣ переговоровъ съ Фабіемъ, Парисъ пришелъ домой и расположился въ своемъ кабинетѣ, рядомъ съ перистилемъ. Эта комната представляла уютный уголокъ, предназначенный для занятій и отдохновенія. Роскошныя сидѣнья, передъ которыми были разостланы львиныя шкуры, стояли вдоль стѣнъ; мраморные бюсты смотрѣли изъ-за зелени комнатныхъ растеній,

Digitized by Google

но обладатель виллы не замѣчалъ окружающаго комфорта. Снявъ съ себя верхнюю одежду, онъ сидѣлъ, опираясь локтями на колѣни и поддерживая руками курчавую голову. Длинныя полосы солнечнаго свѣта тянулись отъ одной колонны къ другой, сплетаясь прихотливою сѣтью и сверкая всѣми оттѣнками радуги въ брызгахъ фонтана. Передъ Парисомъ стоялъ нетронутый обѣдъ, смотрѣвшій съ красивыхъ блюдъ. Юноша по временамъ вставалъ, чтобы пройтись по мозаичному полу, и разсѣянно останавливался передъ той или другой статуей, хотя его глаза не видѣли ни Венеры, ни Гебы, изваянныхъ изъ мрамора; передъ его умственнымъ взоромъ носился образъ простой смертной. Когда онъ думалъ о Лидіи въ ея отсутствіе, она казалась ему близкой, какъ можетъ быть близка родная сестра; мысль объ этомъ беззащитномъ существѣ не волновала его крови, но все таки Парисъ не могъ сосредоточить своего вниманія на другомъ предметѣ. По временамъ онъ радостно улыбался, воображая себя обладателемъ юной гречанки съ ея дѣтски наивной душою и чарующей внѣшностью; но вслѣдъ затѣмъ лобъ молодаго человѣка омрачался, едва только онъ вспоминалъ громадную сумму, нужную для ея выкупа. Наконецъ Парису удалось переломить себя. Онъ подошелъ къ библіотекѣ и вынулъ оттуда рукопись. То была трагедія Софокла „Эдипъ“. Любимецъ римской публики получилъ разрѣшеніе участвовать въ ней завтра въ театрѣ Помпея. Повторяя наизустъ свою роль и мысленно переносясь на сцену, юноша декламировалъ сначала шопотомъ, но потомъ увлекся и заговорилъ громко, останавливаясь передъ зеркаломъ у бассейна. Въ этомъ зеркалѣ онъ съ удовольствіемъ разсматривалъ свою старательно изученную мимику, пока не увидалъ у входныхъ дверей Юліи, которая стояла тамъ уже съ четверть часа, наблюдая за сыномъ. Парисъ слегка покраснѣлъ, понизилъ голосъ, продолжая свой монологъ, и повернулся къ матери, только дойдя до конца.

— Ну, какъ же ты находишь мою дикцію на этотъ разъ? спросилъ онъ ее. Мать приблизилась и взяла его за руку. Ея серьезныя черты сложились въ легкую улыбку, когда она проговорила съ добродушной ироніей:

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ собираешься играть роль Эдипа?

— И ты еще спрашиваешь! Самъ императоръ пожелалъ этого, отвѣтилъ сынъ съ оттѣнкомъ неудовольствія.

Но такъ какъ мать обладала большимъ эстетическомъ чутьемъ, и Парисъ могъ вполнѣ положиться на ея вкусъ, то онъ нѣсколько встревожился, когда Юлія задумчиво замѣтила ему:

Digitized by Google

— Понимать прекрасное и съумѣть воплотить его—далеко не одно и то же.

Парисъ откашлялся.

— А развѣ мнѣ это не удается? спросилъ онъ.

— На чьи глаза!

— Такъ ты серьезно полагаешь, что я не съумѣю передать характеръ Эдипа? мрачно замѣтилъ юноша.

Юлія съ сострадательной улыбкой покачала головой.

— Тебѣ вредитъ здѣсь прежде всего наружность; у тебя фигура слишкомъ тонка, а мягкій голосъ не подходитъ къ личности ѳиванскаго царя.

— Неужели внѣшность играетъ такую важную роль? съ досадой прервалъ актеръ. — Меня даже удивляетъ, что ты высказываешь такое узкое мнѣніе!

— Если хочешь, чтобы я была вполнѣ откровенна, то скажу прямо, что тебѣ недостаетъ еще и другихъ данныхъ для вѣрнаго изображенія этого типа.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на мать вопросительно и съ оттѣнкомъ испуга. Онъ угадывалъ ея мысль.

— Великій и сильный характеръ,—продолжала Юлія рѣшительнымъ тономъ,—можетъ воспроизвести только тотъ, у кого есть задатки такой же непреклонной воли, какую мы видимъ въ Эдипѣ. Между тѣмъ, у тебя не достаетъ для этого собственной душевной твердости.

— Но я могу пополнить то, чего у меня нѣтъ, войдя въ свою роль при помощи фантазіи, защищался Парисъ.

Матрона пожала плечами.

— До извѣстной степени это можно, отвѣчала она почти сурово:—но и воображеніе у тебя не отличается особой силой.

— О, матушка! воскликнулъ оскорбленный сынъ.

— Великое родится только отъ величія, замѣтила Юлія, какъ будто про себя:—карликъ не можетъ произвести великана.

Эти слова заставили Париса повѣсить голову. Крѣпко сжавъ губы, онъ нѣсколько минутъ, молча, смотрѣлъ въ землю и наконецъ сказалъ подавленнымъ тономъ:

— Матушка, ты поступаешь со мною слишкомъ жестоко!

— Прости меня! мягко возразила Юлія, обнимая сына.—Я не имѣла въ виду огорчить тебя своей откровенностью, а только желала указать на твои недостатки, во избѣжаніе неудачи съ первыхъ шаговъ.

Юноша вздрогнулъ.

— Еслибы ты знала, съ горечью началъ онъ послѣ минутной

Digitized by Google

паузы:—какъ больно слышать такія рѣчи! Онѣ напоминаютъ мнѣ, что я неспособенъ ни на что, кромѣ дешеваго комизма ради потѣхи публики. Мнѣ давно опротивѣло мое ремесло: я жажду служить настоящему искусству, изображать великихъ людей, и мнѣ тяжело помириться со своей неспособностью къ высокому призванію. Боги внушили мнѣ возвышенныя чувства, но зачѣмъ они не одарили меня въ то же время умѣньемъ выражать благородныя движенія души?

Юлія молчала. Тогда ея сынъ принялся объяснять, какъ онъ намѣренъ выработать въ себѣ талантъ трагика путемъ прилежанія, и сказалъ въ заключеніе, что ему во всякомъ случаѣ необходимо попробовать завтра свои силы передъ публикой, отъ которой онъ ждетъ своего приговора.

— Всѣ вы, актеры, таковы, улыбаясь, отвѣчала мать:—разубѣдить васъ въ чемъ нибудь совершенно невозможно!

Послѣ ея ухода, молодой человѣкъ еще нѣсколько времени, въ глубокой задумчивости, стоялъ на прежнемъ мѣстѣ; наконецъ, оглянувшись въ зеркало, онъ вздрогнулъ, отбросилъ отъ себя свитокъ съ ролью Эдипа и сталъ одѣваться, собираясь уйти изъ дому. „Приложить къ дѣлу столько труда, столько стараній и отказаться отъ принятаго намѣренія!“ думалъ про себя юный актеръ.—„Нѣтъ, я хочу заслужить настоящую артистическую славу или... погибнуть! О, матушка, зачѣмъ ты лишаешь меня необходимаго мужества!“

Такъ горевалъ бѣдный Парисъ, но тяжелое уныніе не помѣшало ему однако живописно драпировать свою тогу и надѣть новую красную ленту на свои черные локоны. „Постараемся какъ нибудь выпутаться изъ бѣды; пусть сама судьба рѣшитъ мою участь!“ сказалъ онъ себѣ въ заключеніе. Увѣренность въ своихъ силахъ не покидала Париса, и молодой человѣкъ отложилъ на время заботу о предстоящемъ испытаніи. Быть осмѣяннымъ публикой, конечно, ужасно.... Юноша на минуту остановился на этой мысли, но сейчасъ же гордо выпрямился, какъ раздраженный тигръ.

„Римляне едва ли могутъ отнестись черезчуръ жестоко къ своему любимцу“, подумалъ онъ.—„А если они осмѣлятся поднять меня на смѣхъ, то...“ И въ пылкой головѣ актера созрѣлъ планъ выразить тогда согражданамъ все свое давно накипѣвшее презрѣніе.

Отправляясь къ банкиру Дуилію, богатѣйшему изъ своихъ покровителей, юноша разбиралъ свое чувство къ Лидіи. „Когда я вспомню объ этой дѣвушкѣ“, говорилъ онъ себѣ:—„мною овладѣваютъ какія-то волшебныя чары! Мнѣ никогда не случалось ис-

Digitized by Google

пытывать ничего подобнаго, а между тѣмъ... Стоило ли на самомъ дѣлѣ брать на себя глупую роль ради ничтожной рабыни?"

У Лидіи не было ни остроумія, какъ у жены адвоката, которою увлекся Парисъ въ прошломъ году, ни насмѣшливости прелестной Антоніи, покинутой имъ всего мѣсяца два назадъ, ни увлекательной живости и блеска, какъ у вдовы сенатора, также бывшей любовницы молодаго танцора. Эта огневая женщина была способна на всевозможныя шалости и любила бродить по ночамъ вдоль римскихъ улицъ, переодѣтая мужчиной, подъ руку съ Парисомъ въ женскомъ платьѣ. Кромѣ того, ему принадлежала еще молодая египтянка, женщина высокой учености, основательно объяснявшая возлюбленному теченіе небесныхъ свѣтилъ. Лидія не обладала никакими достоинствами въ этомъ родѣ. Но молодой человѣкъ сознавался, что ему нравится въ ней, можетъ быть, именно отсутствіе подобныхъ качествъ. Наивность и, пожалуй, даже нѣкоторая ограниченность, которыхъ онъ не встрѣчалъ въ другихъ знакомыхъ женщинахъ, особенно привлекали его къ юной гречанкѣ. Парисъ не искалъ въ ней ума, считая себя достаточно разумнымъ человѣкомъ, чтобы не требовать въ этомъ отношеніи поддержки со стороны своей подруги. Въ Лидіи нравилась ему прежде всего оригинальность, представлявшая для юноши прелесть новизны.

Но насколько прочно было его влеченіе къ бѣдной невольницѣ, онъ не задавался этимъ вопросомъ. Довольно того, что, при одномъ воспоминаніи о ней, молодой человѣкъ переносился въ атмосферу нравственной чистоты, гдѣ ему становилось такъ легко и отрадно. Въ присутствіи Лидіи юноша чувствовалъ себя готовымъ вѣровать въ добродѣтель и оставить прежній образъ жизни съ его вредными излишествами, мишурнымъ блескомъ и забвеніемъ высшаго человѣческаго долга.

„Да, вотъ гдѣ настоящій источникъ моего исцѣленія!" сказалъ онъ наконецъ самому себѣ.—„Отравленный нечистыми лобзаніями знатныхъ римлянокъ, я почерпну новую жизненную силу въ любящемъ сердцѣ моей невинной подруги; измученный свѣтской суетой, униженный своимъ жалкимъ тріумфомъ публичнаго плясуна, ложью и лицемѣріемъ окружающихъ, я найду отраду въ близости чистаго существа и отрезвлюсь отъ своего томительнаго угара".

Эти размышленія ободрили Париса, встревоженнаго предсказаніями матери, и онъ вполнѣ оправился, подходя къ дому банкира Дуилія. Юноша приказалъ невольнику доложить о своемъ приходѣ. Хозяинъ немедленно вышелъ въ атріумъ на встрѣчу

Digitized by Google

гостю. Гладко выбритый, вѣжливый Дуилій напоминалъ своимъ лицомъ, съ выдающеюся нижнею челюстью, стараго павіана. Нетвердая походка еще сильнѣе увеличивала это сходство, и постороннему наблюдателю невольно приходило на умъ, что злополучный банкиръ ходилъ бы на четверенькахъ, еслибы не стѣснялся чужимъ присутствіемъ. Послѣ обычныхъ дружескихъ привѣтствій, поцѣлуевъ и рукопожатій, хозяинъ повелъ посѣтителя посмотрѣть новую статую Меркурія, недавно купленную Дуиліемъ за десять тысячъ сестерцій, какъ самодовольно объяснилъ хвастливый старикъ. Парисъ похвалилъ произведеніе искусства, втайнѣ думая о цѣли своего прихода. Послѣ того былъ осмотрѣнъ новый птичникъ, потомъ великолѣпная комната для купанья, роскошная кровать,—и юноша любовался всѣмъ видѣннымъ, между тѣмъ какъ банкиръ пространно говорилъ о стоимости каждой вещи, съ притворнымъ равнодушіемъ отклоняя похвалы молодого человѣка.

— Тебѣ извѣстно, какъ я люблю литературу, сказалъ Дуилій:— въ послѣднее время я значительно обогатилъ свою библіотеку. Навѣрно ты найдешь, что роскошные переплеты вполнѣ соотвѣтствуютъ содержанію геніальныхъ произведеній.

Юношѣ пришлось восхищаться и библіотекой, но такъ какъ онъ не могъ при этомъ скрыть своей разсѣянности, то хозяину дома показалось, будто Парисъ не одобряетъ его выбора, сомнѣваясь въ литературныхъ познаніяхъ банкира. Примѣтивъ замѣшательство богача, актеръ нарочно помучилъ его, но наконецъ принялся такъ искренно расхваливать сокровища, собранныя въ его библіотекѣ, что Дуилій остался какъ нельзя болѣе доволенъ своимъ гостемъ. Пользуясь благопріятной минутой, тотъ упомянулъ наконецъ о цѣли своего прихода.

Узнавъ, что молодой чаловѣкъ обращается къ его щедрости, Дуилій нахмурился. Правда, минуту спустя, его черты снова сложились въ пріятную улыбку, но онъ почему-то сталъ разсѣянъ и притворился непонимающимъ.

— Такъ.... такъ.... механически повторялъ онъ, слушая гостя, и потомъ, точно опомнившись отъ забытья, торопливо спросилъ:—о чемъ собственно ты говорилъ сію минуту, Парисъ? Ахъ, да, о невольницѣ! За нихъ запрашиваютъ иногда крупныя цѣны... Извини, пожалуйста: мнѣ нужно на одну минуту заглянуть къ себѣ въ комнату. Кажется, я забылъ запереть на ключъ большой шкафъ... Прошу тебя, обожди немного.... я сейчасъ вернусь. Видишь ли, въ этомъ шкафу у меня хранятся различныя драгоцѣнности, а на честность рабовъ полагаться нельзя!..

Digitized by Google

И, говоря такимъ образомъ, старикъ нетерпѣливо переминался съ ноги на ногу. Парисъ былъ слишкомъ проницателенъ, чтобы не понять уловокъ банкира; недаромъ ему стоило такого труда снизойти до роли просителя передъ старымъ скрягой. Онъ немедленно простился съ хозяиномъ, который все еще прикидывался разсѣяннымъ, но, тѣмъ не менѣе, очень вѣжливо проводилъ посѣтителя до дверей. Огорченный своей неудачей, недовольный собою, молодой человѣкъ вышелъ на улицу и нерѣшительно остановился, не зная, куда идти. Откуда взять сумму въ девяносто тысячъ сестерцій? Бѣдный актеръ вполголоса повторялъ этотъ вопросъ, мучившій его съ самаго утра. Парисъ живо представилъ себѣ горе Лидіи, проданной въ неволю развратному Крассу. Онъ слышалъ ея отчаянный вопль: „спаси меня!“ видѣлъ передъ собою молящіе взоры беззащитнаго созданія. Узнавъ о невозможности принадлежать Парису, она будетъ безутѣшно рыдать, цѣпляясь за его одежду.... Хуже того: можно заранѣе предвидѣть, что этотъ неопытный ребенокъ не перенесетъ удара и наложитъ на себя руки, потому что смерть не пугала наивной Лидіи.

Погруженный въ свои невеселыя думы, юноша долго стоялъ среди многолюдной улицы, не обращая вниманія на толчки и любопытные взгляды прохожихъ. Наконецъ знакомый голосъ вывелъ его изъ задумчивости. Передъ нимъ стоялъ товарищъ веселыхъ пирушекъ, богатый повѣса Лепидъ. Поздоровавшись съ Парисомъ, онъ увлекъ его за собою, радуясь случаю похвастаться передъ встрѣчными своей интимной дружбой съ знаменитымъ танцоромъ. Взявъ пріятеля подъ руку, Лепидъ принялся громко разсказывать ему городскія новости, причемъ безпрестанно жестикулировалъ, ударяя Париса по плечу, и нарочно останавливался, желая обратить на себя вниманіе прохожихъ.

Въ другое время актеръ постарался бы вѣжливо отдѣлаться отъ навязчивости Лепида, но теперь онъ терпѣливо слушалъ его болтовню, серьезно принимая громкія фразы о неизмѣнномъ дружескомъ расположеніи. Молодому человѣку мелькнула мысль: не выручитъ ли его изъ бѣды богатый товарищъ? Парисъ подавилъ свое неудовольствіе, выжидая удобной минуты высказать ему свою просьбу.—„Гдѣ идетъ дѣло о жизни и свободѣ человѣческаго существа, тамъ позволительны всѣ средства“, мысленно ободрялъ онъ себя. Но едва только юный актеръ заикнулся о томъ, что Лепиду представляется теперь прекрасный случай доказать ему свою дружбу, одолживъ взаймы нѣкоторую сумму денегъ, какъ сердечный пылъ богатаго франта началъ замѣтно охлаждаться. По его словамъ, онъ охотно помогъ бы Парису, но у него было

Digitized by Google

такъ много расходовъ въ послѣднее время: покупка новыхъ дорогихъ носилокъ и другія затраты. Кромѣ того, врачи предписали ему ѣхать купаться, что также потребуетъ немало денегъ, между тѣмъ здоровье Лепида сильно пошатнулось: онъ страшно исхудалъ и чувствуетъ себя нехорошо. Его рѣчь лилась потокомъ, такъ что Парисъ не имѣлъ возможности вставить слово. Наконецъ образцовый пріятель поспѣшилъ ретироваться, торопливо простившись съ актеромъ и увѣряя, будто бы онъ увидѣлъ на перекресткѣ знакомаго, съ которымъ ему необходимо немедленно переговорить.

— Очень жаль, что не могу дольше воспользоваться твоимъ пріятнымъ обществомъ, замѣтилъ Лепидъ, исчезая въ уличной толпѣ.

Юноша снова остался одинъ. Не теряя надежды встрѣтить въ комъ нибудь поддержку, онъ посѣтилъ еще троихъ друзей. Всѣ они были извѣстные римскіе богачи, но Парисъ вездѣ потерпѣлъ неудачу. Одинъ изъ покровителей танцора сказалъ, что онъ принялъ за правило никогда не давать денегъ въ долгъ и охотнѣе подаритъ нуждающемуся сотню сестерцій, чѣмъ одолжитъ взаймы тысячу. Другой состоятельный человѣкъ выдавалъ ссуды только подъ вѣрное обезпеченіе; третій хотя обѣщалъ помочь, но едва Парисъ вышелъ изъ дома, какъ его догналъ невольникъ съ извиненіями отъ имени хозяина, который крайне сожалѣлъ, что принужденъ взять обратно данное слово. Короче говоря, всѣ знакомые обходились съ актеромъ вѣжливѣе, чѣмъ когда нибудь, старательно обходя лишь одинъ щекотливый пунктъ.

Униженный и разстроенный, Парисъ вернулся вечеромъ домой. Здѣсь онъ сталъ тревожно ходить изъ комнаты въ комнату, ломая руки, и наконецъ, въ гнѣвѣ на людей и боговъ, бросился на свое ложе.

— Такъ вотъ что значитъ дружба, вотъ что значитъ покровительство! Слова, только одни слова! прошепталъ молодой человѣкъ.

Глубокое душевное волненіе, не смотря на крайнюю усталость, мѣшало ему успокоиться.

— Она должна быть моею! громко произнесъ онъ, вскакивая на ноги.

Не обращая вниманія на сгустившіяся сумерки, Парисъ набросилъ на плечи тогу, чтобы освѣжиться на воздухѣ. Лихорадочное возбужденіе поддерживало его силы. Однако, выйдя за ворота, онъ не рѣшался повернуть въ узкія городскія улицы. Непріятный шумъ, долетавшій со стороны города, былъ ему невыносимъ. Передъ его глазами мелькали еще, среди уличной давки, хитрыя лица жре-

Digitized by Google

цовъ, плутовскія физіономіи торговцевъ, нарумяненныя щеки гетеръ, самодовольныя мины юныхъ франтовъ, и огорченный юноша съ отвращеніемъ отвернулся отъ Марсова поля, отъ красовавшихся издали термъ Нерона, и пошелъ по направленію къ такъ называемому „Садовому Холму", гдѣ привольно раскинулись зеленыя рощи фруктовыхъ деревьевъ.

Мучимый своимъ горемъ, юноша медленно подвигался по фламинійской дорогѣ, и здѣсь имъ овладѣла привычная апатія; хотя она обусловливалась физической усталостью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, угнетала душу. Въ такія минуты все, что было дорого Парису, неожиданно теряло въ его глазахъ всякую цѣну. Лицо молодаго человѣка приняло безучастное, вялое выраженіе; опустивъ голову на грудь, онъ неторопливо шагалъ впередъ, пока довольно рѣзкій порывъ вѣтра не вывелъ его изъ задумчивости. По обѣимъ сторонамъ дороги бѣлѣлись памятники, выступая на темномъ фонѣ кипарисовъ; изъ-за ихъ мрачныхъ силуэтовъ тускло просвѣчивала вечерняя заря, напоминая собою безжизненный взглядъ покойника. Ночной вѣтерокъ заставлялъ иногда вздрагивать вершины деревьевъ, и таинственный шорохъ вѣтвей, осѣнявшихъ пышные мавзолеи, дѣйствительно могъ подѣйствовать удручающимъ образомъ и на менѣе впечатлительнаго человѣка, чѣмъ Парисъ. Юноша опустился на каменную скамейку близъ одного изъ памятниковъ и сталъ смотрѣть на пустынную мѣстность, прорѣзанную вдали грандіознымъ изгибомъ водопровода, который казался отсюда окаменѣвшей погребальной процессіей. До Париса долеталъ глухой ропотъ Тибра; вѣтеръ усиливался; кипарисы громче перешептывались между собою; въ ихъ листвѣ раздавались какъ будто печальные вздохи. Въ этихъ замирающихъ звукахъ чудились всплески волнъ подземной рѣки; они точно манили измученнаго человѣка отрѣшиться отъ всего земнаго и успокоить свой бренный прахъ въ тиши уединеннаго кладбища. Парису пришло въ голову, не лучше ли предоставить Лидію ея судьбѣ.

Любовь! Что такое любовь? думалось ему. Онъ испыталъ ее и теперь считаетъ пустою шуткой боговъ. Ни одна женщина не съумѣла привязать его къ себѣ надолго, и кто изъ представителей жалкаго человѣчества способенъ вообще внушить благородную привязанность? Бѣдняжка Лидія! Конечно, она такъ беззащитна и, притомъ, не обладаетъ никакими дарованіями, которыя могли бы упрочить за нею лучшее будущее. Потерявъ надежду принадлежать Парису, дѣвушка, пожалуй, помирится со своей долей, забудетъ любимаго человѣка и привыкнетъ къ тучному, глуповатому Крассу... И достоинъ ли еще самъ Парисъ искренняго,

Digitized by Google

безкорыстнаго чувства? Женщины, дарившія ему свою любовь, кончали плохо, потому что его эгоизмъ дѣлалъ ихъ несчастными. Если даже Лидія не переживетъ своего горя, много ли она потеряетъ, удалившись изъ этого міра въ тихое царство тѣней? Ее можно сравнить съ нераспустившейся розой, растоптанной на пиру ногами гостей. Жениться на ней Парису было неприлично, слѣдовательно, онъ могъ только отпустить дѣвушку на свободу. Невеселыя размышленія были прерваны отголосками смѣха нѣсколькихъ человѣкъ. Танцоръ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться. Вскорѣ до него донеслись жалобные хриплые крики. Вблизи мавзолея Августа показался красноватый свѣтъ факеловъ, мелькавшій между деревьями рощи.

— Это навѣрно подпившіе гуляки, возвращаясь домой, напали на прохожаго и потѣшаются надъ нимъ! сказалъ Парисъ.

Онъ пошелъ по направленію къ рощѣ, не имѣя однако въ виду заступаться за обиженнаго. Повторявшійся крикъ становился слышнѣе. При блескѣ огней, между древесными стволами двигались человѣческія тѣни. Актеръ, подстрекаемый однимъ любопытствомъ, подошелъ еще ближе и увидѣлъ группу молодыхъ людей, обступившихъ какое-то уродливое маленькое существо, которое отчаянно билось, пронзительно визжа. Эта сцена при яркомъ освѣщеніи среди темныхъ елей представляла странное трагикомическое зрѣлище; невольники стояли вокругъ, держа въ рукахъ факелы, издававшіе ежеминутный трескъ; молодые повѣсы хохотали; карликъ въ ребяческомъ гнѣвѣ цѣплялся за стволы деревьевъ и вѣтви кустарниковъ, отбиваясь ногами отъ нападающихъ, которые старались сообща повалить его на разостланный плащъ, вѣроятно, собираясь подкидывать на немъ уродца, какъ эластичный мячикъ.

— Его непремѣнно надо заставить поплясать! кричалъ одинъ изъ подкутившихъ юношей.—Хватайте его за ноги, оттащите отъ дерева!—смотрите, какъ онъ дерется, животное! воскликнулъ другой. И борьба завязалась снова.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы жестокая потѣха, но появленіе посторонняго лица смутило праздную молодежь. Когда же подошедшій незнакомецъ оказался знаменитымъ танцоромъ Парисомъ, проказники присмирѣли. Молодой человѣкъ подошелъ сначала къ лежавшему на травѣ калѣкѣ, потомъ окинулъ презрительнымъ взглядомъ его мучителей и съ упрекомъ покачалъ головой. Пристыженные повѣсы повернулись къ своимъ невольникамъ и, скрывая подъ принужденнымъ смѣхомъ непріятное замѣшательство, удалились оттуда, какъ толпа провинившихся школьниковъ.

Digitized by Google

Перепуганный уродецъ робко поднялъ голову, не рѣшаясь вѣрить своей безопасности. Въ эту минуту Парисъ увидѣлъ его лицо и чуть не вскрикнулъ отъ изумленія: передъ нимъ былъ Антоній, любимецъ императора. Карликъ вскочилъ на ноги съ проворствомъ кошки. Зорко оглядѣвшись вокругъ, онъ сжалъ кулаки, сердито грозя своимъ удалявшимся врагамъ и посылая имъ вслѣдъ проклятія.

— Вотъ что значитъ исполнять женскія прихоти и потворствовать женскимъ капризамъ! пробормоталъ въ заключеніе горбунъ и обратился къ Парису съ нахмуреннымъ лицомъ:—благодарю, что выручилъ, ворчливо произнесъ Антоній:—эти мошенники хотѣли заставить меня прыгать, какъ кузнечика, и навѣрно вытрясли бы изъ меня душу, не такъ ли? прибавилъ онъ, размахивая несоразмѣрно длинными руками.

Актеръ не могъ видѣть карлика при наступившей темнотѣ. Зловѣщій голосъ безобразнаго существа нагонялъ на юношу неопредѣленный страхъ. Танцоръ хотѣлъ молча удалиться, но странный собесѣдникъ удержалъ его.

— Постой! Куда ты? Подожди немного, я охотно побесѣдую съ тобою.

Парисъ холодно замѣтилъ, что теперь уже ночь, и совѣтовалъ Антонію поскорѣе уйти изъ глухаго мѣста, чтобы не подвергнуться новой непріятности. Стараясь незамѣтно уйти отъ горбуна, молодой человѣкъ ускорилъ шаги, но тотчасъ ударился головой о древесный сукъ. Взявъ немного въ сторону, онъ увидѣлъ звѣздное небо между верхушками пиній. Яркіе лучи мѣсяца упали на курчавую голову урода, одѣтаго въ красное суконное платье, и освѣтили его недобрую улыбку.

— Ну, не сердись на меня! воскликнулъ онъ со смѣхомъ, догоняя Париса.—Я не хотѣлъ тебя обидѣть! Искренно благодарю за твое заступничество, но знай, что ты самъ былъ причиной постигшей меня бѣды.

— Что такое? сердито вскричалъ актеръ, отталкивая отъ себя Антонія, уцѣпившагося за его руку.

— Ты, кажется, боишься моего прикосновенія? замѣтилъ со смѣхомъ горбунъ.—Неужели я такъ противенъ, и неужели твое сердце такъ равнодушно къ женской любви? прибавилъ онъ, дотрогиваясь костлявымъ указательнымъ пальцемъ до груди Париса.

Юноша взглянулъ на него, нахмуривъ лобъ.

— Что тебѣ надо? сказалъ онъ угрожающимъ тономъ.

— Перестань сердиться; ты, конечно, догадываешься, кто послалъ меня на развѣдки?.. Да, да, ей хотѣлось въ точности

Digitized by Google

узнать, какъ тебѣ спалось въ эту ночь, чѣмъ ты былъ занятъ, даже о чемъ думалъ. Она не пожалѣетъ никакихъ денегъ, лишь бы провѣдать твои тайны. Ну, что же ты скажешь? Развѣ это не любовь, и можетъ ли подобное чувство остаться безъ отвѣта?

Молодому человѣку сильно захотѣлось ударить негодяя, но минутная вспышка гнѣва была парализована безотчетнымъ страхомъ.

„Эта женщина! опять эта женщина!“ подумалъ онъ, чувствуя, какъ у него стынетъ кровь.—„Что ей отъ меня нужно? Она преслѣдуетъ меня, какъ мѣсяцъ преслѣдовалъ ребенка въ баснѣ. Я обреченъ видѣть ее возлѣ себя съ неизмѣннымъ выраженіемъ въ улыбающихся чертахъ—настоящее лицо сфинкса!“

Вспоминая приторныя любезности Домиціи и ея заискивающія улыбки, юноша чувствовалъ тошноту, какъ будто на него вѣяло запахомъ тлѣнія отъ надгробнаго памятника.

— Дай мнѣ посмотрѣть на тебя хорошенько! продолжалъ между тѣмъ, нисколько не смущаясь, горбунъ.—Когда ты выйдешь изъ тѣни на свѣтъ, мнѣ, вѣроятно, удастся прочитать въ безупречныхъ линіяхъ твоего лица краснорѣчивый отвѣтъ на мои рѣчи. Какъ обрадуется императрица, когда я принесу ей радостную вѣсточку!

Парисъ бросился въ кусты, желая скрыться отъ назойливаго уродца. Между тѣмъ проворный Антоній не отставалъ отъ него, по прежнему болтая о Домиціи, говоря о томъ, какъ она неутѣшна, какъ ее перестали занимать и зрѣлища въ циркѣ, и драгоцѣнные уборы. По его словамъ, огорченная царица, желая обуздать свою роковую страсть, принялась даже изучать философію Аристотеля, забросивъ поэзію, гдѣ слишкомъ много говорится о любви.

Парисъ дѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ, повторяя только по временамъ: „ступай своей дорогой! отстань отъ меня“. Наконецъ карликъ, выбившись изъ силъ, былъ принужденъ отказаться отъ своего преслѣдованія.

Раздраженный навязчивостью Антонія, молодой человѣкъ однако не отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ на предложенія Домиціи. Его останавливалъ здѣсь не страхъ передъ гнѣвомъ могущественной женщины, но нѣчто совершенно иное. Любовь царицы представлялась теперь Парису въ новомъ видѣ: онъ видѣлъ въ ней уже не гибель, а спасеніе; сами боги какъ будто посылали ему свою милость. Благоволеніе императрицы могло возвратить свободу несчастной Лидіи. Дойдя до воротъ своей виллы, юноша остановился и, подъ вліяніемъ тревожныхъ мыслей, долго смотрѣлъ въ темноту, откуда выступали неясныя очертанія его жилища.

Digitized by Google

„Зачѣмъ мнѣ избѣгать этой женщины?“ спрашивалъ онъ себя.— „Цезарь, конечно, не осмѣлится посягнуть на жизнь всеобщаго любимца римлянъ. И почему не воспользоваться расположеніемъ Домиціи, если, благодаря ея щедрости, можно устроить рай на землѣ другому существу, вполнѣ достойному счастія? Можетъ быть, неожиданная встрѣча съ карликомъ рѣшитъ дальнѣйшую судьбу бѣдной невольницы“. Такъ думалъ Парисъ, медленно подвигаясь по широкой дорожкѣ сада, усыпанной пескомъ и обсаженной пиніями. Здѣсь въ головѣ актера явилось рѣшительное намѣреніе обратиться къ великодушію царицы, и, хотя онъ старался предварительно взвѣсить свой смѣлый планъ, но заманчивая мысль мало по малу порабощала его волю. Юноша прошелъ черезъ атріумъ въ свою спальню, какъ лунатикъ, не отдавая себѣ яснаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; потомъ сѣлъ у кровати и, медленно раздѣваясь, поднялъ глаза къ звѣздному небу, виднѣвшемуся въ отверстіе крыши. Такъ сидѣлъ онъ нѣсколько времени, пока голосъ Руфуса не вывелъ его изъ задумчивости. Парисъ хорошо сознавалъ, какъ сильно онъ рискуетъ:—искать сближенія съ Домиціей было все равно, что̀ положить голову въ львиную пасть. Но именно эта опасность начинала привлекать его; молодой человѣкъ нерѣдко жаждалъ новизны, потому что его разслабленные нервы требовали сильныхъ ощущеній. Юношѣ хотѣлось борьбы съ препятствіями, которая могла бы возбудить въ немъ энергію, нарушивъ скучное однообразіе жизни; кромѣ того, въ настоящемъ случаѣ было задѣто и самолюбіе Париса, которому было бы непріятно оказаться несостоятельнымъ въ глазахъ Фабія. Ловкая Домиція могла искусно скрыть свою невѣрность отъ мужа. Императрица имѣла полное право покровительствовать юношѣ, какъ артисту, и, награждая его мелкими подарками, прибавить къ нимъ одинъ крупный. Парисъ мечталъ прежде всего обладать молоденькой гречанкой, затронувшей его сердце. Избалованный жизнью, онъ привыкъ не отказывать себѣ ни въ чемъ, исполняя рѣшительно всѣ свои прихоти. Неужели же на этотъ разъ судьба не исполнитъ его желанія, помѣшаетъ ему достичь благородной, честной цѣли? Неужели и здѣсь имъ руководилъ одинъ эгоизмъ? Избавить бѣдную дѣвушку отъ позора, устроить ей мирное, обезпеченное существованіе—было, конечно, большой заслугой, которая могла искупить вынужденное лицемѣріе передъ влюбленной царицей. Парису такъ сильно хотѣлось спасти несчастную Лидію, какъ будто отъ этого зависѣло его собственное спасеніе. Оберегая невинность этого кроткаго существа, онъ надѣялся найти оправданіе своей порочной жизни по ту сторону гроба.

Digitized by Google

VII.

Мѣста для зрителей въ Помпейскомъ театрѣ наполнялись съ каждой минутой, въ публикѣ слышался сдержанный шопотъ ожиданія; искусныя руки театральныхъ рабочихъ приводили въ порядокъ занавѣсъ; другіе подвигали кулисы; распорядитель разставлялъ хоръ пѣвцовъ, ожидавшихъ только условнаго сигнала, чтобы начать свое величественное пѣніе, показавшись изъ глубины сцены.

Сегодня Парису предстояло въ первый разъ выступить на подмостки не въ качествѣ танцора, а въ великолѣпной роли Эдипа. Немудрено, что не особенно большой театръ Помпея съ самаго полудня наполнился любопытными, что зрители доходили чуть не до драки, и театральнымъ чиновникамъ стоило величайшаго труда распредѣлить мѣста, собрать билеты и водворить порядокъ и тишину. Герой спектакля прибылъ сюда еще за часъ до начала представленія и находился въ своей уборной, вправо отъ сцены, гдѣ онъ то поправлялъ на себѣ костюмъ, то просматривалъ роль. Тревога Париса возрастала все сильнѣе. Сегодняшнее испытаніе должно было рѣшить, можетъ ли онъ исполнять серьезныя трагическія роли на сценѣ, или обреченъ оставаться на всю жизнь плясуномъ и шутомъ, потѣшающимъ праздную толпу. Важность настоящаго момента была настолько велика, что молодаго актера трясла лихорадка. Онъ дѣлалъ и говорилъ несообразныя вещи, что̀ вывело наконецъ изъ терпѣнія слугу, который пристегивалъ Парису котурнъ. Юноша былъ недоволенъ каждою мелочью; по его словамъ, ремни были затянуты то слишкомъ туго, то слабо. Маски, нравившіяся ему нѣсколько дней назадъ, теперь никуда не годились. У одной изъ нихъ была черезчуръ плачевная мина, у другой—плохая борода, отверстіе для рта то слишкомъ широко, то узко. Той же строгой критикѣ подверглись и великолѣпное царское одѣяніе для роли Эдипа, и скипетръ.

Наконецъ въ комнату вошелъ, подъ предлогомъ отъискать какіе-то косметики, пожилой трагикъ, по имени Мнесторъ. Онъ бросился на стулъ и насмѣшливо сказалъ Парису:—„Ну, любезный другъ, если тебя сегодня освищутъ, то, повѣрь мнѣ, твой костюмъ будетъ здѣсь не причемъ“. Застегивая на плечахъ царскую мантію, молодой человѣкъ закусилъ губы и промолчалъ. Онъ былъ увѣренъ, что въ Мнесторѣ говоритъ зависть, такъ какъ этотъ актеръ игралъ обыкновенно роль Эдипа, уступленную теперь Парису. Мало по малу, въ уборную пришло еще нѣсколько актеровъ и актрисъ.

Digitized by Google

Нѣкоторые изъ нихъ не говорили ни слова, но другіе поддразнивали юношу, смѣясь надъ его затѣей представить изъ себя Эдипа. Но все таки было замѣтно, что товарищи съ большимъ любопытствомъ ожидали, какъ зарекомендуетъ себя комикъ-танцоръ въ новой отрасли искусства.

— Зачѣмъ вы явились ко мнѣ? сказалъ наконецъ Парисъ, теряя терпѣніе.—Увѣряю васъ, что вамъ не удастся сбить меня съ толку и разстроить передъ самымъ выходомъ на сцену.

— Любезный другъ, возразилъ Мнесторъ серьезнымъ тономъ:— мы искренно желаемъ тебѣ добра и потому совѣтуемъ, пока еще не поздно, отказаться отъ попытки, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ увѣнчаться успѣхомъ.

— Неужели? съ ироніей спросилъ Парисъ, пока невольникъ живописно драпировалъ на его плечахъ царскую мантію.—Это мы еще посмотримъ! Пусть Римъ произнесетъ мнѣ приговоръ.

Пожилой трагикъ, стараясь казаться безпристрастнымъ, окинулъ фигуру юноши испытующимъ взглядомъ и сказалъ съ сострадательной улыбкой, обращаясь къ присутствующимъ актрисамъ:

— Ну, посмотрите на него: развѣ онъ похожъ на Эдипа?

Артистки принялись смѣяться. Маска дрогнула въ рукѣ танцора, хотя онъ скрывалъ свою досаду подъ веселой улыбкой.

— У тебя и голосъ совсѣмъ не подходящій къ роли, продолжалъ неумолимый Мнесторъ:—твоя дикція фальшива: ты говоришь то вяло, то впадаешь въ излишній пафосъ.

Юноша вспыхнулъ, но ничего не возразилъ, сознавая справедливость этихъ словъ. Между тѣмъ Мнесторъ прибавилъ, что истинно-талантливый актеръ можетъ вызвать у зрителей слезы безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ, не надѣвая ни мантіи, ни котурна, ни маски съ трубочкой для усиленія голоса и не вооружаясь скипетромъ для того, чтобы въ немъ узнали знаменитаго своими несчастіями ѳиванскаго царя.

— Это не правда! невольно воскликнулъ разстроенный Парисъ.

— Неправда? возразилъ Мнесторъ.—Такъ не хочешь ли убѣдиться въ этомъ на дѣлѣ?

Высокій, статный трагикъ поднялся съ мѣста. Онъ согнулъ свой станъ, закрылъ глаза, придалъ лицу выраженіе глубокой скорби и, подвигаясь впередъ ощупью, какъ дѣлаютъ слѣпцы, началъ дрожащимъ голосомъ монологъ Эдипа, выведеннаго изъ дворца вслѣдъ за ослѣпленіемъ:

О горе, горе мнѣ! Куда стопой нетвердой
Пойду? куда направлю путь во мракѣ
Вотще мой раздается слабый голосъ!

Digitized by Google

И когда Мнесторъ дошелъ до того мѣста, гдѣ несчастный царь говоритъ:

Вѣчнаго сумрака,
Что окружилъ меня,
Не разогнать уже
Солнцу отрадному!...

въ голосѣ декламатора послышались такія потрясающія ноты, что всѣ присутствующіе, не исключая Париса, невольно содрогнулись, едва удерживая слезы.

Юноша тяжело вздохнулъ, бросилъ маску и мрачно потупился. Но ему было некогда предаваться малодушію. Звонкія литавры загудѣли въ зданіи театра, созывая дѣйствующихъ лицъ на сцену. Молодой человѣкъ встрепенулся при зловѣщемъ сигналѣ; у него подкашивались ноги, по спинѣ пробѣгалъ леденящій холодъ. Теперь онъ не сомнѣвался болѣе, что ему ни за что не сравняться съ Мнесторомъ. Парисъ почувствовалъ себя жалкимъ пигмеемъ передъ этимъ великаномъ; готовясь выйти на подмостки, онъ волновался, какъ боецъ, которому предстоитъ сразиться съ дикимъ звѣремъ на кровавой аренѣ цирка.

Встрѣтивъ за кулисами трагика, танцоръ рѣшительно шепнулъ ему на ухо:

— Исполни роль Эдипа вмѣсто меня!

Удивленный актеръ только пожалъ плечами.

— Римскій народъ ожидаетъ *тебя*, возразилъ онъ:—публика стала бы требовать *твоего* появленія, заставивъ меня съ позоромъ удалиться со сцены, еслибы я рѣшился играть.

Молодому человѣку оставалось покориться судьбѣ. Недаромъ онъ такъ упорно добивался позволенія участвовать въ трагедіи. Какихъ усилій стоило это Парису! О немъ докладывали самому императору, и, только благодаря приказу Домиціана, юношѣ дали роль Эдипа въ Помпейскомъ театрѣ. Если онъ провалится, то постыдная неудача надѣлаетъ много шума. Вся его карьера поставлена теперь на карту, потому что Парисъ едва ли рѣшится танцовать передъ публикой, послѣ того какъ будетъ освистанъ въ качествѣ трагика.—Римляне народъ насмѣшливый!

Послѣ втораго сигнала, молодой человѣкъ занялъ мѣсто на сценѣ. Онъ стоялъ у воротъ царскаго дворца, передъ колѣнопреклоненными просителями. Волненіе юнаго актера было такъ сильно, что онъ облокотился на свой скипетръ изъ боязни упасть. Занавѣсъ отдернули. Парисъ увидѣлъ передъ собою безконечные ряды зрителей: цѣлое море головъ. Приходилось начинать монологъ. Голосъ едва повиновался неопытному новичку и звучалъ

Digitized by Google

такъ странно, точно чужой. Парису мерещилось, будто бы другія дѣйствующія лица движутся, какъ въ туманѣ; ихъ головы расплывались и вертѣлись передъ его глазами; лица строили гримасы, стараясь сбить его съ толку. Чѣмъ дальше подвигалась игра, тѣмъ страннѣе звучала въ ушахъ молодаго человѣка собственная рѣчь; онъ испытывалъ даже нелѣпое желаніе нарочно заговорить вздоръ, точно злой демонъ подстрекалъ его къ дикимъ затѣямъ. Мало по малу публика начала роптать и волноваться. Тогда мужество окончательно измѣнило танцору. Онъ едва держался на ногахъ и, съ грѣхомъ пополамъ дотянувъ свой монологъ до того мѣста, гдѣ слѣдуетъ пѣть хору, быстро удалился за кулисы, чтобы не быть свидѣтелемъ поднимавшейся въ театрѣ бури. Парисъ однако рѣшилъ постоять за себя. При видѣ насмѣшливыхъ улыбокъ своихъ товарищей, ему вздумалось обратить въ тріумфъ свое пораженіе съ помощью искусно разсчитаннаго театральнаго эффекта.

— Я покажу вамъ, кому болѣе всего рукоплещетъ народъ! крикнулъ онъ, задыхаясь.

Какъ только хоръ кончилъ пѣніе, танцоръ торопливо отстегнулъ маску и царскую мантію, швырнулъ прочь котурнъ и выскочилъ на сцену. Состроивъ публикѣ комическую гримасу, онъ подбросилъ маску на воздухъ и, какъ будто въ пьяномъ азартѣ, сорвалъ съ себя царское одѣяніе, пускаясь въ то же время въ отчаянную пляску, исполненную имъ съ увлекательною, лихорадочною живостью. Сначала публика была поражена гримасами и превращеніями почтеннаго Өиванскаго царя, но потомъ приняла все представленіе за остроумно придуманный фарсъ и разразилась громомъ рукоплесканій, непріятно поразившихъ Мнестора и прочихъ актеровъ, которые роптали на такое униженіе искусства.

Исполняя передъ публикою замысловатые пируэты, Парисъ импровизировалъ мимическую пародію на Эдипа, съ цѣлью побѣсить своихъ соперниковъ. Народъ неудержимо смѣялся. Хоть этотъ успѣхъ внушалъ танцору глубокое презрѣніе и къ самому себѣ, и къ грубымъ вкусамъ публики, но все таки юноша докончилъ танецъ и, въ заключеніе, съ неподражаемымъ комизмомъ представилъ слѣпаго царя, идущаго невѣрными шагами, отыскивая ощупью дорогу. Публика не переставала рукоплескать своему любимцу, и восторженные крики долго не умолкали. Во избѣжаніе лишнихъ овацій со стороны своихъ почитателей, молодой человѣкъ поспѣшилъ набросить плащъ и незамѣтно исчезъ подъ покровомъ наступавшихъ сумерекъ.

Вернувшись домой, онъ остался въ саду, въ полумракѣ искусственнаго грота, окруженнаго дикой растительностью. Парисъ

Digitized by Google

не хотѣлъ видѣть матери, желая остаться наединѣ со своими тяжелыми мыслями, съ горькимъ сознаніемъ постыдной неудачи... О, какъ было уязвлено его самолюбіе, какъ онъ страдалъ! Лучше умереть, чѣмъ жить такимъ образомъ. Но у изнѣженнаго, слабонервнаго юноши не доставало мужества покончить съ собою. Если жизнь не сулила ему ничего, кромѣ новыхъ разочарованій, угара страстей и жалкаго ничтожества, зато смерть пугала ужасомъ неизвѣстности. Парисъ походилъ на человѣка, ѣдущаго по рѣкѣ и не знающаго, къ которому берегу слѣдуетъ причалить. Кромѣ того, молодой человѣкъ сознавалъ, что его отчаяніе вызвано временными причинами, и эта увѣренность еще болѣе удерживала его отъ самоубійства. Еслибы Римъ могъ видѣть своего знаменитаго артиста распростертымъ на каменной скамьѣ въ заглохшемъ гротѣ, ему, пожалуй, стало бы понятно, какъ онъ унижалъ самъ себя, превознося героя пошлыхъ фарсовъ. Но никто, исключая мраморнаго фавна у входа, не видѣлъ, какъ Парисъ схватился руками за голову въ порывѣ искренняго горя. Только ночной вѣтерокъ, рябившій поверхность пруда, слышалъ рыданія юноши, да блѣдный мѣсяцъ, который заглядывалъ въ гротъ сквозь сѣтку вьющихся растеній и осыпалъ золотистыми бликами виллу вмѣстѣ съ верхушками стройныхъ пиній. Торжественная тишина послѣ грома аплодисментовъ, величавая картина ночной природы, въ противоположность искусственной жизни и мишурному блеску театральныхъ подмостковъ, сильно подѣйствовали на юнаго актера. Ему стало мучительно-стыдно за свое прошлое, за растрату лучшихъ силъ, за ложь своего существованія. Парисъ горько раскаивался, плача, какъ ребенокъ. Восторгъ публики звучалъ ему зловѣщимъ приговоромъ; юноша чувствовалъ себя преступникомъ, погрѣшившимъ противъ самыхъ возвышенныхъ стремленій человѣчества, противъ его благородныхъ идеаловъ. Глумленіе надъ Софокломъ лежало тяжкимъ укоромъ у него на совѣсти. Бѣдный артистъ считалъ себя такимъ недостойнымъ, а свою жизнь до того безцѣльной, что это сознаніе окончательно убивало въ немъ энергію. Какова его жизнь? Чѣмъ онъ занятъ? Созданіемъ карикатуръ на геніальныхъ людей, старавшихся развить и возвысить вкусъ народной массы. Великіе писатели трудятся для просвѣщенія общества, а наемные гаэры, въ родѣ Париса, развращаютъ народъ. Развѣ онъ, въ самомъ дѣлѣ, не способствовалъ самымъ утонченнымъ, самымъ низкимъ образомъ растлѣнію нравовъ,—и теперь, не смотря на лучшія намѣренія, ему нельзя отказаться отъ постыдной профессіи: угождая дурнымъ инстинктамъ толпы, танцоръ зарабатываетъ себѣ хлѣбъ!

Digitized by Google

Мучимый своимъ внутреннимъ разладомъ, юноша не слыхалъ приближавшихся шаговъ. Наконецъ онъ замѣтилъ сквозь сѣть плюща бѣлую фигуру у входа, которая, повидимому, стояла здѣсь уже давно, неподвижная, какъ мраморное изваяніе. Когда Парисъ поднялъ голову, фигура вздрогнула, порхнула въ гротъ, и молодой человѣкъ почувствовалъ прикосновеніе нѣжныхъ рукъ, обнимавшихъ его, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, робко удерживавшихъ въ отдаленіи.

— Ты плачешь? спросилъ взволнованный голосъ женщины, прильнувшей къ груди Париса.— Что съ тобой?. Но говори потише: онъ близко и можетъ насъ подслушать.

И женщина потихоньку разсмѣялась невиннымъ радостнымъ смѣхомъ.

То была Лидія, трепетавшая, какъ птичка, въ объятіяхъ юноши. Она много разъ приставала къ нему съ разспросами о причинѣ его горя, но, минуту спустя, восторгъ свиданія пересиливалъ тревогу, и дѣвушка, забывая обо всемъ на свѣтѣ, весело лепетала, прижавшись къ возлюбленному. Парисъ долго молчалъ, упиваясь блаженствомъ ея присутствія; смѣсь робости и довѣрія въ ея обращеніи казалась ему особенно очаровательною. Въ саду благоухала теплая ночь при свѣтѣ мѣсяца, серебрившаго вершины лавровыхъ деревьевъ; гармоническій плескъ фонтана едва нарушалъ волшебную тишину. Волна горячей любви прихлынула къ сердцу Париса, заживляя свѣжія раны; онъ вдругъ почувствовалъ себя свободнымъ отъ тяжелаго внутренняго гнета и съ облеченіемъ вздохнулъ, испытывая глубокую отраду.

— Ну, скажи мнѣ наконецъ, о чемъ ты плакалъ? умоляла Лидія.—Говори поскорѣе! Фабій сейчасъ застанетъ насъ здѣсь; онъ послалъ меня впередъ, чтобы... Ты все таки молчишь?..

— Оставимъ это, уклончиво отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, я должна знать всю правду! съ милой настойчивостью возразила дѣвушка.

Съ тѣхъ поръ, какъ Парисъ обѣщалъ выкупить ее на волю, молоденькая гречанка значительно перемѣнилась. Чувствуя себя подъ охраной покровителя, надѣясь на скорое освобожденіе изъ рабства, она стала держать себя болѣе увѣренно, проявляя по временамъ даже маленькіе капризы и чисто женское непостоянство настроенія. Видя, что ея возлюбленный медлитъ высказаться, Лидія нетерпѣливо требовала отвѣта, причемъ въ ея голосѣ слышалась ласковая настойчивость. Но ея просьбы не привели ни къ чему. Тогда дѣвушка на минуту задумалась, и вслѣдъ затѣмъ стала разсказывать, что она сегодня также была въ Помпейскомъ

Digitized by Google

театрѣ, вмѣстѣ со всѣми восхищалась Парисомъ и аплодировала ему. Она порицала юношу за то, что онъ прервалъ представленіе Эдипа; ей такъ хотѣлось досмотрѣть трагедію до конца! Ахъ, что за великолѣпные костюмы, и потомъ этотъ чудный танецъ! Лидія была въ восхищеніи, но ей непонятно, какъ можетъ любимецъ римской публики горевать и плакать послѣ такого успѣха. Рядомъ съ дѣвушкой, въ мѣстахъ для зрителей, сидѣлъ колбасникъ, отколотившій себѣ ладони, а какая-то старушка отправилась домой раньше окончанія спектакля, такъ какъ, по ея словамъ, она боялась задохнуться отъ смѣха. Парисъ съ неудовольствіемъ отвернулся. Но Лидія съ плутовскою миной повернула къ себѣ лицо юноши и, замѣтивъ слезы у него на глазахъ, нѣжно спросила, что съ нимъ, и дѣйствительно ли онъ рѣшился... тутъ голосъ дѣвушки измѣнилъ ей:—рѣшился... купить ее.

Она съ трудомъ вымолвила ужасное слово; бѣдняжкѣ вдругъ показалось почему-то неловкимъ сидѣть съ Парисомъ вдвоемъ въ голубоватомъ сумракѣ грота; сознаніе зависимости начинало инстинктивно тревожить и тяготить молодую гречанку. Лидія на минуту опечалилась и выглянула въ садъ, ожидая отвѣта своего покровителя. Потомъ она опять торопливо обернулась къ нему.

— Почему ты сегодня такъ молчаливъ и задумчивъ?.. Мнѣ хотѣлось бы плакать съ тобою! Разскажи обо всемъ безъ утайки, и ты увидишь, какъ я съумѣю утѣшить тебя!

Парисъ отрицательно покачалъ головой.

— Еслибы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело! прошептала Лидія, прижимаясь къ молодому человѣку и разглаживая рукой складки его тоги.

— Ты все равно не могла бы понять моего горя, отвѣчалъ онъ, неожиданно цѣлуя гречанку въ полуоткрытыя губы.

Сначала она поблѣднѣла, потомъ съ удивленіемъ взглянула на Париса, отступила назадъ и сказала съ забавной серьезностью, поднявъ къ верху указательный палецъ:

— О, этого дѣлать нельзя!

— Какъ! Почему же нѣтъ? съ улыбкой спросилъ Парисъ.

— Не знаю, почему, но нельзя! отвѣчала Лидія рѣшительнымъ тономъ.

— Но какъ же такъ? возразилъ Парисъ, подходя къ ней.—Я полагалъ, что ты меня любишь...

Дѣвушка задумчиво кивнула головой, потупилась и, прислонясь спиной къ стѣнѣ грота, сорвала цвѣтокъ съ ползучаго растенія, обвивавшаго входъ.

Digitized by Google

— Ну, что же ты не отвѣчаешь? замѣтилъ юноша, любуясь головкой гречанки въ ореолѣ лунныхъ лучей.

Она молчала. Наконецъ, поднявъ глаза, дѣвушка припала къ плечу возлюбленнаго и тихонько шепнула:

— Ты—не то, что другіе!

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросилъ Парисъ, очарованный силой и увѣренностью, звучавшими въ этихъ словахъ.

— Тебѣ это позволяется... прошептала дѣвушка.

— Что же позволяется, Лидія? замѣтилъ юноша замирающимъ голосомъ.

Она крѣпче прежняго прильнула къ нему и проговорила сквозь счастливый смѣхъ:

— То, что ты сдѣлалъ сейчасъ.

Парисъ, въ порывѣ нѣжности и сожалѣнія, хотѣлъ снова поцѣловать наивнаго ребенка, но плутовка такъ сильно держала его за плечи, плотно прижимаясь щекой къ его груди, что ему никакъ не удавалось приподнять голову дѣвушки. Эта игра влюбленныхъ продолжалась до прихода Фабія. Когда торговецъ невольниками подошелъ ко входу въ гротъ, молодой человѣкъ попросилъ Лидію остаться тамъ, а самъ вышелъ къ ея хозяину.

Послѣ только что пережитыхъ блаженныхъ минутъ, Парису было, конечно, непріятно перейти къ бесѣдѣ съ Фабіемъ. Юный актеръ долго не отвѣчалъ ни слова на безцеремонныя замѣчанія купца.

— Если я не получу отъ тебя денегъ завтра вечеромъ въ эти часы, грубо сказалъ Фабій:—то мнѣ придется уступить дѣвушку Крассу; я не намѣренъ дожидаться. Подумай самъ, вѣдь содержаніе Лидіи обходится мнѣ недешево. Развѣ ее не надо поить и кормить каждый день? Теперь мнѣ даже нельзя, по настоящему, продать дѣвчонку дешевле восьмидесяти шести тысячъ сестерцій.

Юноша уговаривалъ торговца подождать, сильно встревоженный его угрозами.

— Ты получишь отъ меня больше этой суммы, говорилъ онъ.

— Но откуда же ты достанешь денегъ? недовѣрчиво спросилъ Фабій.

— Это ужь мое дѣло!

— Извини, и мое также!

— Довольно! вскричалъ Парисъ:—я не долженъ называть тебѣ той особы, отъ которой надѣюсь получить нужную сумму. Здѣсь мы касаемся опаснаго вопроса... Все это должно остаться втайнѣ... Но завтра ты получишь деньги сполна.

Digitized by Google

— А-а! возразилъ торговецъ.—Такъ вотъ что! Тутъ кроется тайна... Гм!.. Можетъ быть, можетъ быть!.. Признайся откровенно, господинъ, ты навѣрно разсчитываешь на одну изъ своихъ любовницъ? Недурно придумано! заключилъ Фабій, лукаво подмигивая и усмѣхаясь.

Къ счастію, молодой человѣкъ не слыхалъ этихъ словъ. Прощальный взглядъ, брошенный Лидіей въ его сторону, отнялъ у него голосъ. Въ глазахъ дѣвушки выражалась безграничная преданность и пылкая до самозабвенія, хотя и сдержанная, страсть. И опять въ сердцѣ Париса проснулась печаль и заговорило раскаяніе, заглушая всѣ прочія чувства.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

НАШИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ЦЕНЗЫ.

VI.

Еслибы, послѣ всего сказаннаго, насъ спросили, въ какой именно законъ надлежало бы облечь изложенныя мысли о нашемъ избирательномъ цензѣ, то мы не затруднились бы редактировать такой законъ въ формѣ двухъ слѣдующихъ статей:

1) Каждый русскій подданный, достигшій 25-лѣтняго возраста, имѣющій въ уѣздѣ или на территоріи городскаго или сельскаго общества прочное, —по семейному положенію, имуществу, занятіямъ или промыслу,—водвореніе или домашнее обзаведеніе, самостоятельно распоряжающійся собою и своею собственностью, *не состоящій подъ хозяйской властью другаго лица* и за которымъ не числится недоимка въ размѣрѣ полугодичныхъ платежей по мѣстной раскладкѣ, признаётся имѣющимъ право голоса въ избирающихъ собраніяхъ того уѣзда, городскаго и сельскаго общества, если только не лишается этого права по указаннымъ въ законѣ причинамъ.

2) Прочно водворившимся членомъ городскаго или сельскаго общества признаётся такой, который внесенъ въ мѣстную подворную книгу и прожилъ: въ поселеніяхъ, имѣющихъ до 10,000 душъ обоего пола, не менѣе одного года со дня водворенія; въ поселеніяхъ, имѣющихъ свыше 10 и до 50 тысячъ душъ—не менѣе двухъ лѣтъ, и въ поселеніяхъ, имѣющихъ свыше 50,000 душъ—не менѣе трехъ лѣтъ, хотя бы и съ временными за эти сроки отлучками. Лицамъ, къ составу городскаго или сельскаго общества не принадлежащимъ, но имѣющимъ водвореніе въ томъ же уѣздѣ, предоставляется, для права участія въ мѣстномъ избирающемъ собраніи, записаться въ подворную книгу одного изъ тѣхъ смежныхъ городскихъ или сельскихъ обществъ, какое ими самими выбрано будетъ.

Опасаться, что, при такой постановкѣ ценза, наши избирающія собранія обратятся въ старинное поголовное вѣче или въ современный suffrage universel, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній, ибо, если провести изложенный законъ, какъ и слѣдуетъ, съ неумолимой прямолинейностью и безъ неумѣстнаго въ столь важномъ дѣлѣ добродушія, то одни логически вытекающія изъ него изъятія будутъ уже весьма многочисленны. Въ силу

Digitized by Google

такой логики, прежде всего не должны будутъ участвовать съ правомъ голоса въ мѣстныхъ избирающихъ собраніяхъ:

а) По цензу водворенія—

1) не внесенные въ подворную книгу городскаго или сельскаго общества; 2) временно заѣзжіе и пришлые люди всякихъ занятій; 3) квартирующія по дислокаціи войска и команды разныхъ наименованій; 4) неимѣющіе права водворяться въ районѣ избирающаго собранія, въ силу закона или правительственнаго распоряженія, и 5) сосланные на временное житье безъ лишенія или ограниченія правъ, впредь до освобожденія отъ таковой ссылки.

Распространяться объ этихъ изъятіяхъ едва ли необходимо; достаточно только по поводу 3-го пункта замѣтить, что, хотя наша дислокація войскъ вообще довольно устойчива и нерѣдко многими годами остается неизмѣнною, но нельзя терять изъ виду, что, по самому назначенію своему, войска представляютъ собою спеціально-занятую подвижную силу, которую и неудобно, и неполезно привлекать къ какимъ бы то ни было дѣламъ чисто-гражданскаго характера. Затѣмъ, изъ самой редакціи этого изъятія очевидно, что люди военнаго званія, водворившіеся въ данной мѣстности не „по дислокаціи“, вовсе подъ него не подойдутъ.

б) По цензу умственнаго развитія—

1) слабоумные, безумные и сумашедшіе, хотя бы официально не были еще признаны таковыми; 2) глухонѣмые, нѣмые, глухіе, слѣпые, одержимые старческимъ изнеможеніемъ силъ и такими тѣлесными недугами, которые обусловливаютъ необходимость сторонней помощи; 3) всѣ тѣ, которые продолжаютъ еще учебный или академическій курсъ, хотя бы и достигли избирательнаго возраста; 4) неспособные объясняться ни на словахъ, ни на письмѣ, и 5) не понимающіе русскаго языка.

По поводу этихъ изъятій, не излишне замѣтить, что первымъ пунктомъ устраняются лица, неправоспособность которыхъ установлена уже въ 365, 366, 375, 376 и 378 ст. 1 ч. X т. св. зак.; что же касается до оговорки: „хотя бы официально не были еще признаны таковыми“, то она представляется вполнѣ цѣлесообразною и нисколько не опасною, во-первыхъ, потому, что закономъ установленное признаніе факта душевной болѣзни (ст. 368—374) на практикѣ совершается чрезвычайно медленно, а особенно въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда больной живетъ вдали отъ губернскаго города (извѣстны случаи, что нельзя было добиться

Digitized by Google

формальнаго освидѣтельствованія больнаго *ранѣе пяти лѣтъ*, при самыхъ энергическихъ ходатайствахъ и очень щедрыхъ расходахъ); во-вторыхъ, потому, что судебная практика вовсе не считаетъ формальнаго признанія единственнымъ доказательствомъ наличности душевной болѣзни; напротивъ, постоянно и по уголовнымъ, и по гражданскимъ дѣламъ допускается возможность доказывать отсутствіе сознанія и свободной воли свидѣтельскими показаніями (рѣш. граж. кас. деп. 1877, № 209), а послѣднія всегда черпаются въ той же средѣ, въ которой живетъ больной и которая узнаётъ фактъ болѣзни съ первыхъ же часовъ ея проявленія; наконецъ, въ-третьихъ, хочется вѣрить, что еслибы даже въ избирающемъ обществѣ и оказались охотники сдѣлать душевно-больнымъ здороваго человѣка, то всегда найдется большинство, которое не допуститъ столь вопіющаго злоупотребленія, не говоря уже о правѣ жалобы самихъ заинтересованныхъ и близкихъ имъ лицъ, путемъ которой такія злоупотребленія легко могутъ быть устраняемы мѣстною же властью. Было бы, сверхъ того, крайне непослѣдовательно довѣрить обществу судьбу цѣлыхъ выборныхъ учрежденій и, въ то же время, настолько не довѣрять правдивости этого общества въ отношеніи къ своимъ же сочленамъ, чтобы предпочитать ей офиціальныя признанія, не всегда свободныя отъ ошибокъ, но, при нашихъ разстояніяхъ, по необходимости всегда запаздывающія. Недаромъ же на языкѣ нашего народа выраженіе „по божески“ отожествляется съ выраженіемъ „по справедливости“; недаромъ во имя ея часто перевершаются, при исполненіи, даже вошедшія въ силу закона рѣшенія судебныхъ мѣстъ.

Почти то же самое слѣдуетъ сказать о лицахъ, упомянутыхъ во второмъ пунктѣ. Изъ нихъ глухонѣмые и нѣмые, при наличности формальнаго освидѣтельствованія, признаются неполноправными самимъ закономъ (ст. 381 того же т.); для слѣпыхъ и глухихъ тотъ же законъ закрываетъ именно всѣ тѣ функціи, добросовѣстное отправленіе которыхъ обусловливается хорошимъ зрѣніемъ и чуткимъ слухомъ: они не могутъ быть ни свидѣтелями при совершеніи нотаріальныхъ актовъ (1 п. 87 ст. нот. пол.), ни присяжными засѣдателями (5 п. 82 ст. учр. суд. устан.). Не отвергая того факта, что въ средѣ такихъ лицъ могутъ быть и бываютъ люди сильнаго умственнаго развитія, которыхъ голосъ (какъ, напримѣръ, слѣпаго Фаусетта) въ политическихъ собраніяхъ цѣнится нерѣдко очень высоко, трудно не признать неумѣстности ихъ въ нашихъ выборныхъ учрежденіяхъ, задача которыхъ по преимуществу хозяйственная, слѣдовательно, такая, которая, безъ зоркаго на каждомъ шагу глаза и чуткаго слуха, почти неразрѣшима: вѣдь съ правомъ избирательства тѣсно связывается и право избираемости, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть открыто для людей, такъ тяжко обиженныхъ природою. Несомнѣнно, притомъ, что еслибы и нашлись гдѣ люди этой категоріи,

Digitized by Google

сильные авторитетомъ въ своей средѣ, то, конечно, среда эта посовѣтуется съ ними и внѣ собранія, прежде чѣмъ приступитъ къ голосованію. Затѣмъ, относительно старчески-немощныхъ и одержимыхъ такими недугами, при которыхъ необходима сторонняя помощь, нельзя не принять въ соображеніе, что умъ и воля подобныхъ лицъ никогда почти не бываютъ независимы, а, слѣдовательно, они не могутъ быть и полезны для выборной службы. Къ тому же разряду, примѣнительно къ 1 п. 371 ст. уст. гр. суд., отнесены нами и показанные въ 4-мъ пунктѣ неспособные объясняться ни на словахъ, ни на письмѣ, которые въ нашемъ простонародіи извѣстны болѣе подъ названіемъ придурковатыхъ, юродивыхъ, блаженныхъ и т. п. Что касается, наконецъ, до устраненія изъ числа избирателей всѣхъ непонимающихъ русскаго языка, то—въ строгомъ смыслѣ—такая мѣра не можетъ даже и считаться особенной новостью, такъ какъ она вполнѣ аналогична съ закономъ, по которому государство, призывая къ отправленію уголовнаго правосудія присяжныхъ засѣдателей, требуетъ, какъ conditio sine qua non, чтобы они знали по русски. Дѣйствительно, что̀ такое наши избирающія собранія? Очевидно, это органы государства, исполняющіе въ отношеніи къ нему такую же служебную повинность, какую присяжные засѣдатели исполняютъ въ судѣ: отъ нихъ отбирается торжественная присяга въ томъ, что свое призваніе они выполнятъ добросовѣстно и нелицепріятно; имъ прочитываются законоположенія, обезпечивающія правильность выборовъ; они сами производятъ и провѣрку правъ избирателей, при которой, въ свою очередь, прочитываются и выслушиваются различныя объясненія, справки, возраженія, протесты, по которымъ они же должны постановить и опредѣленія. Понятно, что нельзя не требовать отъ нихъ пониманія языка, на которомъ пишутся законы, какъ нельзя допустить, чтобы коллегія постановляла свои рѣшенія по желанію меньшинства составляющихъ ее голосовъ; ибо не обращать же государству свои учрежденія въ филологическіе факультеты, коль скоро практика указываетъ, что легко обойтись и безъ этого. Не отвергая, что въ такомъ требованіи есть извѣстная доля насилія по отношенію къ тѣмъ живущимъ въ имперіи племенамъ, у которыхъ обиходный говоръ—не русскій, его нельзя, однако, не поставить, по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ немыслимо было бы отмѣнить велѣніе государства, чтобы никто не могъ отзываться невѣденіемъ законовъ. Если, впрочемъ, прослѣдить историческія судьбы этого ценза и сравнить его постановку у насъ съ практикуемою въ остальной Европѣ, то окажется, что мы пришли къ нему позже всѣхъ и отнеслись мягче всѣхъ, но что именно по этой причинѣ его постановка нигдѣ и не вызывала такой ярости, какъ, напримѣръ, въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Достаточно вспомнить, съ какой безпощадностью распорядились въ этомъ направленіи Франція съ Савойей и Ниццей, Румынія съ южнымъ клочкомъ Бессарабіи, Пруссія съ Шлез-

Digitized by Google

вигъ-Голштейномъ, Германія съ Эльзасъ-Лотарингіей и Австрія съ Босніей и Герцеговиной, чтобы наглядно въ этомъ убѣдиться, а затѣмъ и отказаться отъ дальнѣйшаго добродушничанья.

в) По цензу нравственнаго развитія—

не могутъ имѣть права голоса въ избирающемъ собраніи: 1) лишенные по суду всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ состоянія, хотя бы и удостоившіеся помилованія; 2) состоящіе подъ судомъ за позорящіе честь проступки или преступленія; 3) подвергшіеся по судебнымъ приговорамъ за таковые же преступленія или проступки заключенію въ тюрьмѣ или иному болѣе строгому наказанію; а равно и тѣ, которые, бывъ подъ судомъ за тѣ же преступленія или проступки, не оправданы судебными приговорами или отданы подъ надзоръ общества; 4) отрѣшенные отъ должностей, въ теченіе трехъ лѣтъ со дня отрѣшенія; 5) исключенные изъ службы, изъ духовнаго вѣдомства, изъ дворянскихъ собраній, городскихъ и сельскихъ обществъ за пороки, по приговорамъ тѣхъ сословій и обществъ, къ которымъ принадлежали, равно какъ уволенные изъ военной службы по суду чести офицеры; 6) исключенные изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, тѣ, которымъ по суду воспрещено хожденіе по чужимъ дѣламъ, а равно и тѣ, которые на право ходатайства по такимъ дѣламъ не удостоились получить отъ судебныхъ мѣстъ свидѣтельства, установленнаго закономъ 25-го мая 1874 года; 7) тѣ лица податныхъ сословій, которыя, за развратное и порочное поведеніе, по приговорамъ общества, предоставлены въ распоряженіе правительства, хотя бы и не были высланы для водворенія въ сибирскія или иныя губерніи; 8) приписанные къ городамъ „за пороки и дурное поведеніе“ заграничные выходцы, а также исключенные изъ цеха вольныхъ матросовъ и изъ придворнаго вѣдомства служители всѣхъ его частей, и ссыльные, которымъ дозволено возвратиться изъ Сибири, до тѣхъ поръ, пока не получатъ согласія обществъ на принятіе ихъ въ свою среду (499 и 522 ст. IX т.); 9) завѣдомые обществу по неблагонадежности содержатели распутныхъ домовъ, шинковъ, корчемъ и иныхъ мѣстъ раздробительной продажи спиртныхъ напитковъ; а также ростовщики, моты и расточители, хотя бы не состояли еще подъ опекой; пьяницы, воры, поджигатели, конокрады и ихъ укрыватели, хотя бы составляли цѣлое поселеніе, равно какъ и всѣ тѣ, которыхъ общества, большинствомъ двухъ третей голосовъ мѣстнаго собранія и балотировкой шарами, не признаютъ достойными, по нравственнымъ качествамъ, быть въ числѣ избирателей.

Относительно этого ценза слѣдуетъ замѣтить вообще, что во всѣхъ другихъ государствахъ, гдѣ преступныя дѣянія очень рѣдко не доходятъ до

Digitized by Google

судебной власти, ему принадлежитъ рѣшительное и строго поставленное первенство предъ всѣми другими, потому что *избиратель безъ нравственныхъ качествъ* признаётся *неспособнымъ* дать государству именно то, что̀ отъ него требуется. Отъ этого всякое позорящее честь дѣяніе имѣетъ тамъ непремѣннымъ послѣдствіемъ безусловную потерю избирательнаго права и, большею частью, навсегда. У насъ, въ этомъ отношеніи, нельзя не отмѣтить рѣзко выдающагося факта, что статьи нашего законодательства сравнительно старѣйшаго происхожденія относятся къ нравственному цензу гораздо требовательнѣе и безцеремоннѣе, нежоли новѣйшія. Такъ, отъ сельскихъ выборщиковъ, еще съ екатерининскихъ временъ, требовалось, чтобы это были „отцы семействъ, добраго и незазорнаго поведенія, не бывшіе въ наказаніяхъ, подозрѣніяхъ, ябедахъ и явныхъ порокахъ“ (805 ст. IX т.); за дворянином̀ъ признавался голосъ въ собраніи лишь при условіи честнаго и неукоризненнаго поведенія и ненахожденія въ явномъ порокѣ и подозрѣніи (1 п. 96 ст. IX т.); дворянскимъ собраніямъ было дарован̀о дискреціонное право исключать изъ своей среды такого дворянина, „который, хотя и судимъ не былъ, но котораго явный и безчестный поступокъ всѣмъ извѣстенъ, пока не оправдается“ (ст. 158). Точно также городскимъ обществамъ дозволено было не принимать въ свою среду и исключать изъ нея „людей, имѣющихъ явный и довѣріе нарушающій порокъ, всѣмъ извѣстный, хотя бы и судимы не были, пока не оправдаются“ (ст. 526 и 545). Изъ новѣйшихъ законодательныхъ актовъ только положеніе 19 февраля даровало и крестьянскимъ обществамъ такое же дискреціонное право устранять своихъ сообщественниковъ отъ участія въ сходахъ, не долѣе, впрочемъ, какъ на три года (2 п. 2196 ст. II т.). Земское же и городовое положенія, руководимыя преувеличеннымъ опасеніемъ затронуть „вопросы чести“, признали достаточнымъ устранить отъ участія въ избирающихъ собраніяхъ лишь такихъ членовъ общества, порочныя дѣянія которыхъ сдѣлались уже достояніемъ судебной власти и были притомъ настолько крупны, что карались исключеніемъ изъ службы и изъ среды обществъ и лишеніемъ или ограниченіемъ правъ (2, 4 и 6 пп. 1883 ст., 1, 3 и 5 пп. 1965 ст. II т. и 1, 3 и 5 пп. 599 ст. IX т.). Воздержность въ этомъ направленіи простиралась такъ далеко, что даже высидѣвшіе сроки тюремнаго заключенія по суду не теряли, самымъ этимъ фактомъ, избирательнаго права. Многолѣтній опытъ доказалъ однако, что столь мягкое отношеніе къ нравственному цензу оказалось, по несчастію, преждевременнымъ. Всѣ оглашенныя донынѣ наблюденія надъ нашимъ бытомъ съ замѣчательнымъ единогласіемъ удостовѣрили повсемѣстный и самый безотрадный упадокъ народной нравственности: масса преступныхъ дѣяній совсѣмъ не доходитъ до суда, несовершенство законовъ оставляетъ ненаказуемыми цѣлые роды преступленій; произволъ и разнузданность, пьянство и кулачество, растраты и хищенія, неуваженіе къ закону и власти

Digitized by Google

достигли, по свидѣтельству многихъ земскихъ собраній, самыхъ нежелательныхъ предѣловъ,—и, если явленій этихъ нельзя приписывать единичной какой нибудь причинѣ, то, съ другой стороны, тотъ фактъ, что „общественныя наши учрежденія не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ", долженъ быть всецѣло отнесенъ къ неразборчивости самихъ избирателей, къ ихъ низкому нравственному уровню. Подъ гнетомъ такихъ явленій и по указанію той истины, что обострившаяся болѣзнь излѣчивается только сильными средствами, представляется дѣломъ первѣйшей необходимости—отнестись къ нравственнымъ качествамъ избирателей хотя бы съ тою только разборчивостью, съ какою относились къ ней законы екатерининскихъ временъ. Имѣется въ виду, что, сколь ни опасными кажутся всякія дискреціонныя права, поскольку они могутъ задѣть и невиннаго; но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они даются цѣлому обществу или сословію, опасность на практикѣ становится отнюдь не болѣе страшною, чѣмъ опасность отъ ошибокъ, присущихъ всякому человѣческому суду. Имѣется въ виду, что примѣры общественныхъ и сословныхъ изверженій изъ своей среды нравственно-несостоятельнаго члена чрезвычайно рѣдки у насъ и теперь, но были бы и того рѣже, еслибы въ сельскихъ обществахъ не практиковались приговоры, составляемые только отъ имени обществъ, но въ дѣйствительности не ими вызванные; имѣется въ виду, что если забота объ огражденіи частныхъ интересовъ вызвала законъ 25 мая 1874 года, уполномочившій судебныя установленія отказывать, безъ объясненія причинъ, въ выдачѣ сомнительнымъ людямъ свидѣтельствъ на право ходатайства по чужимъ дѣламъ,—то почему болѣе важная забота о повышеніи общаго уровня народной нравственности и тѣсно связаннаго съ нимъ благосостоянія не должна вооружить само общество такимъ дискреціоннымъ правомъ, безъ котораго достиженіе цѣли невозможно? Предвидимое возраженіе, что существующія у насъ личныя партіи разныхъ интригановъ не представляютъ достаточныхъ ручательствъ, чтобы дискреціонное право не сдѣлалось орудіемъ всяческихъ злоупотребленій,—кажется не имѣющимъ подъ собою твердой почвы, разъ только вся вообще выборная служба будетъ организована такъ, чтобы личныя партіи уступили мѣсто принципіальнымъ, безъ которыхъ живое общество и мыслимо быть не можетъ. Таковы соображенія, продиктовавшія редакцію приденныхъ девяти изъятій въ общей ихъ совокупности.

Въ частности, сдѣланная въ 1 пунктѣ оговорка „*хотя бы и удостоились помилованія*" представляетъ собою только обобщеніе 160 ст. IX т., гдѣ прямо сказано, что „прощеніе, общимъ милостивымъ манифестомъ даруемое, не отмѣняетъ права, сословію дворянства принадлежащаго, исключать изъ собранія дворянина, опороченнаго судомъ, или котораго явный и безчестный порокъ всѣмъ извѣстенъ". Очевидно, законъ этотъ основанъ на томъ вѣрномъ положеніи, что отмѣна наказанія не упразд-

Digitized by Google

няетъ и не можетъ упразднить злокачественнаго дѣянія, вызвавшаго наказаніе. Во 2 пунктѣ, вопреки дѣйствующимъ узаконеніямъ, совсѣмъ исключены изъ числа непользующихся правомъ голоса состоящіе *„подъ слѣдствіемъ“*, по обвиненіямъ въ позорящемъ преступленіи. Исключеніе это, сколько ни кажется съ перваго взгляда противорѣчащимъ нами же рекомендуемой строгости, вызвано очень внушительными соображеніями. Извѣстно, что всякое слѣдствіе по уголовному дѣлу направляется, смотря по вѣскости уликъ, или къ обвиненію, или къ прекращенію; что до выясненія сути дѣла слѣдствіе не можетъ подлежать огласкѣ, между прочимъ, потому, что было бы непоправимымъ зломъ заранѣе позорить человѣка, который легко можетъ оказаться и вовсе непричастнымъ ко взводимому на него преступленію. Очевидно, что когда слѣдствіе направится къ обвиненію, то обвиняемый неминуемо очутится „подъ судомъ“, и тогда, въ силу того же 2 пункта, утратитъ право голоса въ избирающемъ собраніи; если же улики противъ него такъ ничтожны, что слѣдствіе направится къ прекращенію, то за что же преждевременно отнимать отъ него право, возвращаемое даже и судомъ оправданному, противъ котораго улики казались очень сильными? Между тѣмъ практика указываетъ, что весьма нерѣдко наши выборные агитаторы не стѣсняются, предъ самымъ началомъ выборовъ, взводить на безусловно честнаго и порядочнаго, но для нихъ опаснаго соперника завѣдомо вымышленныя преступленія, лишь бы только добиться отъ судебнаго слѣдователя извѣщенія, что у него „производится слѣдствіе по обвиненію такого-то въ томъ-то“, послѣ чего послѣдній не только устраняется отъ участія въ выборахъ, но даже лишается всякой возможности оправдывать себя въ глазахъ общества и доказывать вымышленность инсинуаціи. Легко понять, до какой степени столь мерзостныя выходки вліяютъ глубоко развращающимъ образомъ и убиваютъ въ лучшихъ людяхъ всякую охоту работать на пользу общества. Такъ или иначе, но положить конецъ этому злу представляется намъ дѣломъ самой настоятельной необходимости. Зато, съ другой стороны, въ пунктѣ 3, опять таки вопреки дѣйствующимъ узаконеніямъ, прибавлены къ числу неимѣющихъ голоса и тѣ, которые подверглись по судебнымъ приговорамъ *„тюремному заключенію“*, и на томъ же основаніи въ пунктѣ 5 помѣщены *уволенные изъ военной службы по суду чести офицеры*, такъ какъ судъ чести установленъ именно для разбора такихъ поступковъ, которые пятнаютъ честь и не могутъ быть терпимы въ нравственно-здоровомъ обществѣ. Имѣется еще въ виду, что человѣкъ, не съумѣвшій быть честнымъ на одномъ поприщѣ, тѣмъ самымъ уже устранилъ возможность предполагать, что будетъ честнѣе на другомъ, отнюдь не менѣе важномъ, но гораздо больше изобилующемъ соблазнами.

Что касается до тѣхъ упомянутыхъ въ 6 пунктѣ лицъ, которымъ вос-

Digitized by Google

прещена адвокатская практика, то дѣянія, вызывающія подобную кару, приравниваются къ понятію старинной нашей „ябеды“ и влекутъ за собою безусловное воспрещеніе вступать въ корпорацію присяжныхъ повѣренныхъ во всемъ государствѣ (8 п. 355 и прим. къ 368 ст. учр. суд. уст.). Разъ только отверженцы всѣхъ другихъ сословій и обществъ не признаются правоспособными избирателями, непослѣдовательно дѣлать изъятіе именно для тѣхъ лицъ, которыя самой профессіей своей поставлены были въ возможность отличать преступное отъ непреступнаго, но не желали проводить этого умѣнія въ жизнь: было бы неосмотрительно допустить хотя бы и отдаленную возможность забракованному за неблаговидные поступки адвокату сдѣлаться сельскимъ старостой, городскимъ головой, предсѣдателемъ земской управы или предводителемъ дворянства, поскольку съ правомъ избирательства принципіально связывается и право избираемости.

Обращаясь наконецъ къ лицамъ, перечисленнымъ въ 9-мъ пунктѣ, нельзя не принять во вниманіе, что, въ строгомъ смыслѣ, это тѣ же люди „*зазорнаго*“ и „*укоризненнаго*“ поведенія, о которыхъ постоянно говорится въ законахъ Екатерины, или тѣ же „*завѣдомо развратнаго поведенія*“ лица, которыхъ законъ не допускаетъ къ должностямъ по выбору сельскихъ сходовъ (2226 и 2227 ст. II т.), но только точнѣе обозначенные и которымъ отказано въ самомъ правѣ избирательства, какъ отказывалось и екатерининскими законами. Оговорка „*хотя бы составляли цѣлое поселеніе*“ представляется вдвойнѣ необходимою: во 1-хъ, потому, что такія поселенія имѣются налицо, а, во 2-хъ, потому, что есть и прецедентъ въ нашемъ же законодательствѣ; именно, въ 829 ст. IX т., изданной для закавказскихъ губерній, сказано, что „въ томъ сельскомъ обществѣ, которое, по распоряженію высшаго начальства, будетъ лишено за неблаговидныя дѣйствія и поступки права выбора сельскаго старшины или другихъ должностныхъ лицъ, назначеніе и смѣна таковыхъ предоставляется губернатору“. Кажется несомнѣннымъ, что разница въ названіи губерній не должна вліять на сущность дѣла, въ которомъ одинаково заинтересованы и общество, и государство. То обстоятельство, что къ числу завѣдомо зазорныхъ людей отнесены, между прочимъ, *расточители и моты*, повидимому, вредные только самимъ себѣ, оправдывается точно также самимъ закономъ, который приравниваетъ расточительность именно къ безпутству и недостатку нравственныхъ качествъ (1 п. 256 ст. 1 ч. X т. и 182 ст. уст. пред. и прес. прест.); оговорка же „*хотя бы не состояли еще подъ опекой*“ признаётся, съ одной стороны, необходимою въ виду того, что существующій порядокъ установленія подобныхъ опекъ (прил. къ 182 ст. того же уст.) до такой степени на практикѣ затруднителенъ, что и неловкій даже расточитель легко можетъ растратить десять состояній прежде, чѣмъ дождется опеки; а съ другой—

Digitized by Google

нисколько и не опасенъ, такъ какъ навѣрное можно сказать, что если, при улучшенномъ даже составѣ голосующаго собранія и при тайной балотировкѣ, двѣ трети голосовъ выскажутся не въ пользу балотируемаго, то, конечно, лучшей участи онъ и не заслуживаетъ. Единственный компромиссъ, какой, въ видѣ уступки нашей щепетильности, могъ бы быть допущенъ въ отношеніи къ перечисленнымъ въ 9 пунктѣ лицамъ, заключается въ правилѣ, что „еслибы членъ избирающаго собранія признавалъ кого либо изъ товарищей своихъ подходящимъ къ числу показанныхъ въ 9 пунктѣ лицъ, то онъ имѣетъ право требовать балотировки его по девятому пункту, не объясняя ближайшихъ поводовъ; но съ тѣмъ, что, когда въ пользу балотируемаго окажется бо̀льшая половина наличныхъ голосовъ, то предложившій балотировку самъ утрачиваетъ право голоса въ текущемъ собраніи". Никого безвинно не оскорбляя, такое правило въ самомъ себѣ уже заключало бы достаточную гарантію какъ отъ легкомысленныхъ увлеченій, такъ и отъ злостныхъ инсинуацій. Засимъ, само собою разумѣется, что обществу, лишающему своего сочлена избирательныхъ правъ, должно быть даровано и право ихъ возстановленія въ одну изъ дальнѣйшихъ сессій, если оно найдетъ, что поводы къ такому лишенію уже устранились.

г) **По цензу личной и хозяйственной независимости**—

очевидно, не должны пользоваться правомъ голоса въ избирающихъ собраніяхъ: 1) всѣ почему либо состоящіе подъ опекой или попечительствомъ; 2) нанимающіеся въ услуженіе для разныхъ работъ; 3) чернорабочіе и промышляющіе поденной работой; 4) всѣ живущіе на счетъ общества и имъ призрѣваемые, равно какъ пользующіеся временными пособіями изъ общественной кассы; 5) нищіе и промышляющіе собираніемъ милостыни, хотя бы въ составѣ цѣлаго поселенія; 6) управители и прикащики разныхъ наименованій—въ томъ собраніи, гдѣ право голоса принадлежитъ самому хозяину, и 7) служащіе по найму въ данномъ выборномъ учрежденіи и контрагенты онаго по разнымъ операціямъ—въ томъ собраніи, которое избираетъ должностныхъ лицъ того же учрежденія, или и другихъ, ему подвѣдомыхъ.

Всѣ эти изъятія едва ли нуждаются въ особенныхъ объясненіяхъ, въ виду общеизвѣстности того факта, какія вопіющія *подтасовки выборовъ* совершаются въ нынѣшнихъ собраніяхъ, главнымъ образомъ потому, что достаточно какому нибудь „воротилѣ", въ родѣ Санъ-Галли, явиться съ толпою своихъ сподручниковъ и наёмниковъ, чтобы общественные выборы замѣнялись назначеніемъ должностныхъ лицъ по его собственному усмотрѣнію. Имѣется, кромѣ того, въ виду, что чѣмъ меньше въ собраніи людей, *которымъ терять нечего, но голоса̀ которыхъ подкупить легко*, —тѣмъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ.

Digitized by Google

д) **По цензу платежа разныхъ налоговъ** —

право голоса въ избирающемъ собраніи должно быть отнято, впредь до устраненія вызывающихъ это ограниченіе причинъ: 1) у всѣхъ тѣхъ, которые не платятъ никакихъ сборовъ по мѣстной раскладкѣ; 2) у тѣхъ, за которыми числится свыше-полугодовой размѣръ недоимки въ платежѣ причитающихся по мѣстной раскладкѣ сборовъ всякаго наименованія, кромѣ только недоимокъ по ссудамъ и отсрочкамъ, допущеннымъ съ разрѣшенія подлежащей власти, и 3) у состоящихъ подъ конкурсомъ или администраціей и подвергшихся фактической несостоятельности къ платежу предъявленныхъ взысканій.

Кромѣ сказаннаго раньше по поводу этого ценза, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что къ установленію ограниченій по первымъ двумъ пунктамъ мы побуждаемся безконечнымъ множествомъ жалобъ едва ли не всѣхъ земскихъ собраній на крайнюю неисправность частныхъ землевладѣльцевъ, которые нерѣдко многими годами не желаютъ платить никакихъ сборовъ и съ которыми никто и совладать не можетъ—земскія управы потому, что не имѣютъ возможности побуждать къ платежу, а полиція—отчасти потому, что не въ мѣру обременена другими дѣлами, отчасти же потому, что не всегда и рѣшается на понудительныя мѣры, опасаясь лично непріятныхъ столкновеній. Представляется необходимымъ, съ одной стороны, создать въ самомъ законѣ такое условіе, при которомъ и личный интересъ побуждалъ бы каждаго нести бремя установленныхъ налоговъ съ наибольшей исправностью; а съ другой—оградить интересъ казны, земства и мѣстныхъ обществъ отъ наплыва такихъ недоимщиковъ, которые имѣютъ полную возможность вовсе не быть ими. Что касается до ограниченія, показаннаго въ пунктѣ 3, то оно представляетъ значительную разницу по сравненію съ дѣйствующими узаконеніями. Въ настоящее время, только по отношенію къ лицамъ судебнаго вѣдомства категорически установлено, что „*объявленные*“ несостоятельными, каковы бы ни были свойства несостоятельности, не могутъ быть ни мировыми судьями, ни присяжными засѣдателями, ни судебными приставами, ни присяжными повѣренными (3 пп. ст. 21, 82, 299 и 355 учр. суд. уст.). Напротивъ, въ земское и городовое положеніе цѣликомъ перешелъ старинный нашъ законъ, по которому изъ числа правоспособныхъ избирателей лишаются голоса „*подвергшіеся* несостоятельности, впредь до опредѣленія свойствъ ея, а изъ лицъ, о которыхъ дѣла сего рода приведены уже къ окончанію, всѣ несостоятельные, кромѣ признанныхъ несчастными“ (4 п. 599 ст. IX т., 5 п. 1833 и 4 п. 1965 ст. II т.). Сельское положеніе обошло и этотъ вопросъ молчаніемъ, разсчитывая, вѣроятно, что и его такъ или иначе разрѣшитъ когда нибудь „обычай“. Вся эта разноголосица по

Digitized by Google

вопросу, составляющему естественную изнанку имущественнаго ценза въ той или иной его формѣ, отзывается у насъ тѣмъ вреднѣе, что, во 1-хъ, официальное признаніе неторговой несостоятельности совершается обыкновенно очень медленно, а, во 2-хъ, мы не имѣемъ ипотеки, безъ которой нельзя уловить разницу между документальной и фактической состоятельностью, чѣмъ и объясняется та легкость, съ какою практикуются и фиктивные цензы, и сочиненныя банкротства. Поэтому кажется предпочтительнымъ остановиться на такомъ законѣ, который съ успѣхомъ практикуется уже въ другихъ государствахъ и въ осуществимости котораго нѣтъ и поводовъ сомнѣваться. Всѣ показанныя въ 3 п. лица хорошо извѣстны въ своей средѣ наперечетъ, а среда эта, разсматривая избирательные списки, всегда имѣетъ возможность и указать ихъ, и настоять, чтобы они были вычеркнуты. Распространеніе того же закона и на село представляется въ свою очередь дѣломъ жизненной необходимости, столько же потому, что основанныя на кредитѣ сдѣлки не составляютъ привилегіи однихъ горожанъ, сколько и потому, что обычай, на который такъ любовно ссылались составители сельскаго положенія, не только ничего опредѣленнаго въ этомъ отношеніи не установилъ, но, въ большинствѣ случаевъ, по увѣренію многихъ земствъ, самъ выродился въ усмотрѣніе сельскихъ и волостныхъ писарей, которыхъ снабжать законодательной властью никогда не предполагалось.

Такимъ образомъ, получается 29 такихъ изъятій, которыя логически вытекаютъ изъ предложеннаго нами ценза и наличность которыхъ весьма значительно поубавитъ кажущееся многолюдство избирающихъ собраній.

VII.

Но и на этомъ еще не конецъ. Однимъ изъ главныхъ условій правильной организаціи общественныхъ учрежденій повсемѣстно, какъ мы видѣли, признаётся, чтобы голосованіе въ нихъ производилось самобытно и было свободно отъ всякихъ вліяній,—очевидно, потому, что иначе, вопреки велѣніямъ государства, самыя рѣшенія были бы не „общественными“, а заказными. Хотя правило это не чуждо и нашему законодательству, однако нельзя сказать, чтобы въ немъ оно было проведено съ надлежащей выдержанностью и полнотой. Въ сельскихъ и волостныхъ сходахъ положеніе 19 февраля не только не устранило даже тѣхъ вліятельныхъ лицъ, присутствіе которыхъ признано неумѣстнымъ въ городскихъ и земскихъ собраніяхъ, но, напротивъ, „первое мѣсто“ отвело именно лицамъ, съ одной стороны, имѣющимъ полицейскую и карательную власть надъ своими сообщественниками, а съ другой — фактически безгласныхъ предъ всѣми чинами мѣстнаго управленія, до урядника включительно, отчего и произошло, что такъ называемое „крестьянское само-

Digitized by Google

управленіе" обратилось въ безконтрольное и ничѣмъ не сдерживаемое произволеніе тѣхъ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, въ которыхъ даже составители земскаго положенія хотѣли еще видѣть „лучшихъ представителей крестьянскаго сословія" (об. зап. стр. 47), но которыхъ уже и тогда предусмотрительно заподозривалъ въ этомъ качествѣ главноуправляющій II Отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи (стр. 17). Иначе поставленъ этотъ вопросъ въ земскомъ положеніи: 1852-я статья II т. прямо уже воспрещаетъ избирать въ земскіе гласные мѣстныхъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ, членовъ губернскихъ правленій, губернскихъ прокуроровъ, уѣздныхъ стряпчихъ и чиновъ мѣстной полиціи; а какъ гласные эти по ст. 1851-й избираются только изъ своей среды, то, очевидно, названныя должностныя лица не могутъ быть и избирателями. Наконецъ, не одинаково разрѣшенъ этотъ вопросъ и городовыми положеніями: по старому положенію, не могутъ имѣть избирательнаго голоса только мѣстные губернаторы и прокуроры (628 ст. IX т.), а по новому—мѣстные губернаторы, градоначальники, члены губернскихъ по городскимъ дѣламъ присутствій, кромѣ городскаго головы, члены губернскаго правленія и чины мѣстной полиціи (1966 ст. II т.), откуда прямо вытекаетъ, что лица прокурорскаго надзора, кромѣ лишь прокурора окружнаго суда, да и то, какъ члена губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, а не по званію блюстителя законности во ввѣренномъ ему округѣ, не устраняются отъ участія въ городскихъ избирающихъ собраніяхъ новаго устройства.

Такъ какъ нѣтъ основаній предполагать, чтобы столь разнородныя рѣшенія одного и того же вопроса были плодомъ недовѣрія къ самому принципу, во имя котораго онъ поставленъ, то представляется столько же цѣлесообразнымъ разрѣшить его одинаково для всѣхъ избирающихъ собраній, сколько своевременнымъ—исправить въ этомъ смыслѣ приведенныя законоположенія, составлявшіяся въ разное время и разными лицами, пополнивъ заодно и самый списокъ должностныхъ лицъ, съ одной стороны, такими, которыя своимъ властнымъ вліяніемъ дѣйствительно могутъ и стѣснять избирающія собранія, и самихъ себя подвергать неудобнымъ столкновеніямъ, а съ другой—такими, которыя, по самому свойству службы, не могутъ участвовать въ этихъ собраніяхъ, еслибы даже хотѣли и имѣли право.

Въ этихъ цѣляхъ, казалось бы правильнымъ установить, что, по свойству служебныхъ обязанностей, не могутъ имѣть права голоса:

1) всѣ тѣ должностныя лица, коимъ ввѣренъ общій надзоръ за учрежденіями—губернаторы, градоначальники, лица прокурорскаго надзора и невыборные члены губернскихъ и уѣздныхъ коллегій—во всѣхъ избирающихъ собраніяхъ ввѣреннаго надзору ихъ района; 2) чиновники финансоваго управленія и полицейской службы *) — въ собраніяхъ того района, въ предѣлахъ

*) А въ томъ числѣ, конечно, волостные старшины и сельскіе старосты, до-

Digitized by Google

котораго исполняютъ служебныя свои обязанности; 3) священнослужители всѣхъ исповѣданій — въ тѣхъ собраніяхъ, которыя происходятъ въ районѣ ихъ настырскаго служенія; 4) завѣдывающіе гражданскими отдѣленіями окружныхъ судовъ и соединенныхъ палатъ уголовнаго и гражданскаго судовъ—во всѣхъ собраніяхъ того района, на которыя простирается юрисдикція названныхъ судебныхъ установленій; 5) участковый мировой судья—въ собраніяхъ своего участка, и наконецъ—6) курьеры и сторожа разныхъ присутственныхъ мѣстъ, почтальоны, письмоносцы, телеграфные и желѣзнодорожные служители текущей службы—во всѣхъ избирающихъ собраніяхъ.

Останавливаясь на тѣхъ пунктахъ нашего перечня, которые съ перваго взгляда могутъ показаться наиболѣе спорными, мы должны, прежде всего, коснуться втораго, по которому въ число чиновъ полицейской службы включены *сельскіе старосты и волостные старшины*. Разъ только признано, даже у насъ, что чины полицейской службы безусловно не должны участвовать съ правомъ голоса въ избирающихъ собраніяхъ, нѣтъ логики не включить въ ихъ число и названныхъ лицъ, потому что самъ законъ призналъ удобнымъ совмѣстить въ ихъ лицѣ и представителей общества, и такихъ властныхъ полицейскихъ чиновъ, какими не сдѣланы ни городской голова въ городѣ, ни предводители дворянства въ средѣ своего сословія. Такое совмѣщеніе видимо несовмѣстимыхъ функцій было допущено у насъ, съ одной стороны, потому, что болѣе сложная сельская администрація представлялась недоступною средствамъ сельскаго населенія; а съ другой — потому что и государству невыгоднымъ казалось отречься отъ издавна практиковавшейся безмездной поставки низшихъ полицейскихъ служителей въ уѣздѣ самимъ населеніемъ, изъ своей среды. Не отвергая правильности этихъ соображеній для временъ давно прошедшихъ, мы думаемъ, что для настоящаго они не выдерживаютъ самой снисходительной критики, притомъ, именно съ точки зрѣнія выгодности и также вслѣдствіе многолѣтней практики. Послѣдняя, уже со временъ замѣны ставленныхъ дворянствомъ исправниковъ — правительственными, наглядно удостовѣрила, что и у насъ, какъ вездѣ, выборная полиція безопасности есть nonsens, ставящій полицейскаго чиновника въ плачевную необходимость гоняться за двумя зайцами, чтобы, въ лучшемъ случаѣ, не поймать ни одного, а въ худшемъ—поплатиться своими же боками: помирволишь интересамъ государства—забалотируютъ, а подчасъ и подожгутъ свои же сообщественники; имъ помирволишь—и казна первая не досчитается многихъ милліоновъ, которыхъ за глаза было бы достаточно, чтобы имѣть самобытную, хорошо оплаченную и зоркую полицію, которой теперь совсѣмъ нѣтъ въ нашемъ селѣ, именно потому, что „дешевое—гнило“. И ошибочно было бы

колѣ не освобождены отъ несвойственныхъ „первому между равными“ полицейскихъ обязанностей и отъ карательной, по личному усмотрѣнію, власти.

Digitized by Google

думать, что употребленное нами выраженіе „многихъ милліоновъ“ есть только звонкая фраза: наши акцизные чиновники сами сосчитываютъ, что на одномъ только корчемномъ винѣ казна теряетъ не менѣе 50 милліоновъ въ годъ*); а теряетъ потому, что полицейскій надзоръ въ селѣ сосредоточенъ въ рукахъ сельскаго и волостнаго начальства, о которомъ „Московскія Вѣдомости“ очень вѣрно замѣтили, что „пьяницы пьяницъ преслѣдовать не будутъ“, тѣмъ болѣе, что „сотнями существующіе по уѣздамъ шинки составляютъ негласную статью дохода и для старосты, и для урядника, и для старшины“; разсчетъ на доносы тоже несостоятеленъ, ибо „кому охота подвергаться судебной волокитѣ и оплеванію на судѣ (прибавимъ, и въ средѣ самого общества, у котораго недаромъ сложилась поговорка: „доносчику первый кнутъ“), а затѣмъ еще ждать „краснаго пѣтуха“. Отсюда, именно въ денежныхъ интересахъ, государство должно безотлагательно замѣнить выборную сельскую полицію своею, не говоря уже о томъ, что надзоръ за мѣстными учрежденіями, а въ ихъ числѣ и за выборными—теоретически даже не можетъ быть поручаемъ „выборнымъ“ людямъ; въ крайнемъ случаѣ, они могутъ быть „рекомендуемы“ мѣстнымъ обществомъ, но „назначаться“ должны только правительствомъ, какъ назначаются губернаторы, прокуроры, исправники и т. п. Точно также выборная сельская полиція оказывается невыгодною и самому обществу, которое недаромъ вѣруетъ, что только „дорогое и мило“: если сосчитать, сколько теряетъ оно отъ однихъ завѣдомыхъ конокрадовъ, предъ которыми полиція эта безсильна именно потому, что она слишкомъ мѣстная, домовитая и неподвижная; если прикинуть, затѣмъ, сколько растрачивается общественныхъ суммъ тѣми же старшинами и старостами, которые, въ качествѣ полицейскихъ агентовъ, надзираютъ за самими собою, то съ увѣренностью можно сказать, что и половины этихъ потерь было бы достаточно, чтобы избавить представителей сельскаго общества отъ невозможно фальшиваго положенія и получить, наконецъ, сельскую полицію болѣе самостоятельную, подвижную и зоркую, какою и должна быть полиція безопасности.

Переходя затѣмъ къ ограниченію, установленному въ 3 пунктѣ, слѣдуетъ замѣтить, что ему предшествовали слѣдующія соображенія. Въ бо́льшей части другихъ государствъ, *священнослужители,* наравнѣ съ учителями народныхъ школъ, принципіально не допускаются къ участію въ мѣстныхъ избирающихъ собраніяхъ, отчасти по неимѣнію времени заниматься дѣлами общественнаго управленія, главнымъ же образомъ, вслѣдствіе чрезмѣрной авторитетности ихъ вліянія на свою паству, а римско-католическій клиръ, сверхъ того, вслѣдствіе приписываемой ему склонности къ политической агитаціи. У насъ народные учителя далеко еще не получили

*) Заключ. губ. по пит. торг. комисій, стр. 399.

Digitized by Google

авторитетнаго значенія въ своей средѣ; а относительно духовныхъ нѣкоторые слѣды тѣхъ же воззрѣній замѣчаются и въ нашемъ законодательствѣ, но только, впрочемъ, по отношенію къ магометанскому и протестантскому духовенству. Такъ, по 3 п. 2192 ст. II т., въ башкирскихъ земляхъ „лица духовнаго званія магометанскаго исповѣданія, хотя бы принадлежали къ числу домохозяевъ сельскаго общества, не могутъ лично принимать участія ни въ сельскихъ, ни въ волостныхъ сходахъ". Точно также, по 458 ст. IX т., должностные протестантскіе проповѣдники (которыми, въ силу 448 статьи, только и могутъ быть окончившіе въ дерптскомъ университетѣ полный курсъ богословскихъ наукъ) „не могутъ принимать никакого несоотвѣтствующаго ихъ званію мѣста, или же заниматься торговлею, ремеслами и *другими дѣлами, несообразными съ ихъ духовными занятіями или отвлекающими ихъ отъ исполненія пасторскихъ обязанностей*". Послѣднее изъ этихъ узаконеній издано еще въ 1832, а первое—въ 1865 году; но, очевидно, оба вытекли изъ тѣхъ же основаній, которыми руководились и иностранныя законодательства: добросовѣстный служитель алтаря слишкомъ властенъ надъ своей паствой и слишкомъ занятъ, чтобы посвящать немногіе свои досуги дѣламъ, не имѣющимъ ничего общаго съ его святительскимъ призваніемъ; самый санъ его слишкомъ высокъ, чтобы допускать его компрометированіе, очень возможное въ избирающемъ и, поэтому, страстно-возбужденномъ собраніи:—недаромъ въ нѣкоторыхъ законодательствахъ южной Европы имѣется спеціальное воспрещеніе избирателямъ входить въ залу собранія съ оружіемъ или съ палками. Не такъ отнеслись къ этому вопросу составители земскаго положенія: усмотрѣвъ въ лицахъ духовнаго званія „особое ручательство благонадежности и нравственныхъ качествъ" (объяс. зап., стр. 43—44), они признали возможнымъ разрѣшить избирательнымъ съѣздамъ отъ сельскихъ обществъ выбирать въ гласные (а, слѣдовательно, и въ избиратели должностныхъ земскихъ чиновъ) не только лицъ своей среды, но и „православныхъ приходскихъ священниковъ и вообще священнослужителей" (3 п. 1851 ст. II т.). Такимъ образомъ, во имя принципа самобытности избирающихъ собраній, земское положеніе не допустило въ нихъ губернатора, представлявшаго, надо думать, не менѣе „ручательствъ благонадежности и нравственныхъ качествъ", тогда какъ допустило сельскаго (и только сельскаго) приходскаго священника, который, именно при наличности нравственныхъ качествъ, и получалъ возможность, помимо даже собственнаго желанія, стѣснять эту самобытность въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ губернаторъ. Независимо отъ столь очевиднаго противорѣчія, нельзя было не принять во вниманіе и того факта, удостовѣреннаго многими земствами, что именно наши сельскіе священнослужители до такой степени обременены исполненіемъ духовныхъ требъ, заботами о средствахъ существованія, веденіемъ метрическихъ записей и многосложной отчетностью по приходамъ, что лишены всякой возмож-

Digitized by Google

ности даже обучать закону божію дѣтей въ народныхъ училищахъ, изъ которыхъ, поэтому, многія оставались вовсе безъ законоучителей. Думается, что, въ виду неослабѣвающаго раскола, отвлекать наше духовенство отъ исполненія лучшихъ просвѣтительныхъ его обязанностей едва ли не болѣе неудобно, чѣмъ сколько признано это закономъ по отношенію къ протестантскому духовенству, не говоря уже о томъ, что и практической пользы отъ допущеннаго земскимъ положеніемъ изъятія нигдѣ не оказалось, такъ какъ сельскія общества избираютъ своихъ пастырей въ земскіе гласные чрезвычайно рѣдко.

Останавливаться, затѣмъ, на ограниченіяхъ по 4 и 5 пунктамъ едва ли необходимо, разъ только дознано, что названныя въ нихъ лица, располагая имущественными интересами избирателей, могутъ вліять и, къ сожалѣнію, иногда вліяютъ на нихъ въ свою личную пользу. То обстоятельство, что надъ ними есть апеляціонныя и кассаціонныя инстанціи, не ослабляютъ зловредности этого вліянія, такъ какъ въ имущественной сферѣ и время—тѣ же деньги, а устроить „волокиту", назначить дѣло къ слушанію раньше или позже, опредѣлить тотъ или иной порядокъ производства и т. п. зависитъ прямо отъ личнаго усмотрѣнія. Думается, сверхъ того, что офиціальному представителю безпристрастія совсѣмъ не мѣсто въ страстно-возбужденномъ собраніи.

Что касается, наконецъ, до перечисленныхъ въ 6-мъ пунктѣ лицъ, то, прежде всего, кажется безцѣльнымъ давать избирательное право людямъ, которые, по самому свойству должностныхъ обязанностей, физически не могутъ имъ пользоваться, такъ какъ и въ праздники даже не бываютъ свободны. Но не теряется изъ виду и другое соображеніе. Мы видѣли уже, что, въ отношеніи къ государству, избиратель выполняетъ такую же служебную повинность, какъ и присяжный засѣдатель; по нашимъ законамъ, и тотъ, и другой, за безпричинную неявку къ выполненію этой повинности, подвергаются штрафованію (1436 ст. ул. о нак. и 651 ст. уст. угол. судопр.) Было бы явной несправедливостью наказывать перечисленныхъ въ 6 п. лицъ за то, что усердное исполненіе одной служебной обязанности не дозволило имъ исполнить и другую. А.

Digitized by Google

Поминки.

(Изъ посмертныхъ стихотвореній).

Вспомнимъ добромъ всѣхъ, кто въ жизни дорòгою
Трудной писателя шелъ;
Путь нашъ издàвна исполненъ тревогою...
Да, онъ тернистъ и тяжелъ.
Слову служеніе смѣлое, честное—
Подвигъ нелегкій порой,
И обязательно имя извѣстное
Въ жизни пронесть съ чистотой.
Часто всю жизнь надо быть горемыкою,
Между своими—чужимъ,
Дѣло писателя—дѣло великое,
И не подъ силу инымъ!

Съ дѣтства за книгою, съ мыслью сдружающей,
Сверстникамъ чуждый своимъ,
Долженъ онъ видѣть въ средѣ окружающей
То, что̀ не видно другимъ.
Свѣдѣнья, знанья пытливо вычитывать,
Силъ не щадя молодыхъ,
Трепетнымъ сердцемъ болѣзно испытывать
Скорбь и страданья другихъ.
Жизнь отравляетъ намъ чувство глубокое,
Часто не справиться съ нимъ;
Сердце чаруетъ стремленье высокое—
Да не подъ силу инымъ!

Выступивъ въ жизнь съ упованьями страстными
Въ мощную силу идей,
Видѣть потомъ всѣ попытки опасными
Для убѣжденья людей,
И предъ такою бѣдой проходимою

Digitized by Google

Духомъ позорно не пасть,
Зная, что въ будущемъ непобѣдимая
Мыслью достигнется власть...
Сдерживать трудно стремленіе властное
Къ лучшимъ завѣтамъ своимъ:
Слово—оружье въ борьбѣ не напрасное,—
Да не подъ силу инымъ.

Слову довѣрясь, узнать, что скрывается
Зло подъ покровомъ его,
Что продается оно, покупается
Часто дешевле всего;
Служитъ для цѣлей и дѣлъ возмутительныхъ,
Сѣетъ и рабство, и гнетъ,
И что измѣнниковъ слово презрительныхъ
Всюду встрѣчаетъ почетъ...
О! безобразна дѣйствительность дикая
Съ пошлымъ цинизмомъ своимъ.
Дѣло писателя—дѣло великое,
И не подъ силу инымъ!

Правду себя сознавая обязаннымъ
Высказать ближнимъ своимъ,
Часто позорно молчать и, какъ связаннымъ,
Быть по неволѣ нѣмымъ...
Мучитъ идея, въ душѣ затаенная,
Нуженъ для мысли просторъ,—
Не воплощенная, не раздѣленная,
Давитъ она, какъ позоръ.
Правда, порой, въ самомъ корнѣ отравлена
Непониманіемъ злымъ.
Дѣло писателя жизнію сдавлено
И не подъ силу инымъ.

Не принимая за истину ложнаго,—
Личнаго счастья не знать
И совершенства, въ людяхъ невозможнаго,
Даже въ мечтахъ не искать.
Времени злобу понявъ безтолковую,
Не отступать предъ борьбой,
Сжившись съ одной безпощадно-суровою
Истиной—скорбной душой...

Digitized by Google

Медленно время подходитъ къ намъ лучшее;
Жить въ немъ придется другимъ.
Дѣло писателя—дѣло гнетущее,
И не подъ силу инымъ.

Нуженъ талантъ необычный и знаніе,
Чтобы, порою иной,
Добрыхъ привлечь къ себѣ сразу вниманіе
И удержать за собой.
Часто писателя губитъ рѣшительный
Голосъ глупца, да, притомъ,
И прокормиться инымъ затруднительно
Литературнымъ трудомъ.
Мачиха смѣлымъ—дѣйствительность голая;
Радости жизни—не имъ!
Дѣло писателя—дѣло тяжелое,
И не подъ силу инымъ.

Н. Курочкинъ.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ ПРЕФЕКТА ПОЛИЦІИ.

Л. Андріё.

Глава XII.

Парламентская республика.—Внѣшняя полиція.—Тунисскій вопросъ.—Приближенные бея.—Херединъ.—Баронъ Робертъ Биллингъ.—Мустафа-бен-Измаилъ. Парижскіе клубы.—Азартная игра.—Муниципальная полиція.—Столкновеніе полицейскаго префекта съ муниципальнымъ совѣтомъ.—Запросъ парижскихъ депутатовъ.—Моя отставка.—Мой преемникъ.

Въ 1882 году я представилъ палатѣ депутатовъ проэктъ о пересмотрѣ конституціонныхъ законовъ, съ тѣмъ чтобы въ организаціи народныхъ властей выдвинуть на первый планъ принципъ ихъ раздѣленія. Такимъ образомъ, мною была начата борьба противъ парламентаризма въ томъ видѣ, какъ его установили законодатели 1875 года. Нѣсколько времени спустя послѣ моего предложенія, Жюль Ферри сталъ во главѣ нашей политики. Это событіе было достойно отпраздновано его друзьями, устроившими торжественный обѣдъ въ залахъ національнаго клуба. Здѣсь, отвѣчая на привѣтственныя рѣчи, Жюль Ферри намекнулъ въ неблагопріятномъ смыслѣ на мой проэктъ пересмотра законовъ; новый предсѣдатель совѣта министровъ резюмировалъ свои надежды и политическіе планы, предложивъ тостъ „за парламентскую республику“. Жюль Ферри, пожалуй, первый такъ откровенно высказался насчетъ парламентскаго режима и тѣмъ подтвердилъ, что онъ вполнѣ сочувствуетъ системѣ министерской отвѣтственности, привитой къ демократическимъ учрежденіямъ. Однако этотъ государственный человѣкъ въ прежнее время представлялъ себѣ нѣсколько иначе образъ правленія, пригодный для Франціи. Такъ, на „конгрессѣ мира и свободы“, устроенномъ въ Лозаннѣ въ 1869 году, онъ произнесъ рѣчь, изъ которой я привожу слѣдующій характерный отрывокъ, совершенно напрасно преданный забвенію:

„Если вы соедините вмѣстѣ парламентскій режимъ и центра-

Digitized by Google

лизацію, сказалъ ораторъ, то знайте, что парламентскому режиму, и при республикѣ, и при монархіи, предстоятъ только два неизбѣжныхъ исхода: или органическое разложеніе, примѣромъ чего служитъ намъ царствованіе Луи-Филиппа, или захватъ власти, что̀ было такъ блистательно продѣлано Наполеономъ III".

Такъ какъ Жюля Ферри нельзя упрекнуть въ стремленіи къ государственнымъ переворотамъ, то, сдѣлавшись сторонникомъ парламентской республики, онъ, очевидно, избралъ первое изъ неизбѣжныхъ золъ, т. е. „органическое разложеніе"; но если предсѣдатель совѣта министровъ и подорвалъ своими словами кредитъ парламентскаго режима во Франціи, зато, по крайней мѣрѣ, пріобрѣлъ признательность постояннаго въ своихъ симпатіяхъ большинства. Эти приверженцы не измѣнили Жюлю Ферри и до сихъ поръ, не смотря на его унизительное паденіе.

Публика нерѣдко смѣшиваетъ парламентскій режимъ съ режимомъ представительнымъ и, сочувствуя послѣднему, вооружается противъ враговъ парламентаризма. Поэтому необходимо указать рѣзкое различіе между той и другой формой правленія.

При режимѣ представительномъ существенныя преимущества верховной власти, принадлежащей въ принципѣ самой націи, предоставляются отдѣльнымъ лицамъ, облеченнымъ властью исполнительной и властью законодательной. Въ этой системѣ и администраторы, и законодатели служатъ прямыми представителями народа. При парламентскомъ режимѣ происходитъ, наоборотъ, смѣшеніе властей, такъ какъ нація отдаетъ верховную власть цѣликомъ въ распоряженіе парламента.

Конечно, при этой системѣ, наряду съ палатами, обсуждающими дѣла, существуютъ министры и король или же президентъ республики, представляющіе собою какъ бы исполнительную власть, отдѣльную отъ законодательной. Но король служитъ здѣсь только украшеніемъ, одною декораціей правительственнаго зданія; онъ не подлежитъ отвѣтственности, потому что у него нѣтъ власти, или, говоря точнѣе, у него нѣтъ власти именно во избѣжаніе отвѣтственности. Король царствуетъ, не управляя народомъ, а въ республиканскомъ государствѣ президентъ—необходимость котораго съ декоративной точки зрѣнія еще болѣе сомнительна—и не царствуетъ, и не управляетъ. Онъ избранъ палатами, и его нельзя назвать представителемъ націи въ строгомъ смыслѣ слова, а развѣ лишь на томъ основаніи, что всѣ должностныя лица прямо или косвенно избираются народомъ. Министры, съ своей стороны, служатъ только представителями парламента; онъ указываетъ на нихъ, какъ на желательныхъ кандидатовъ, королю или

Digitized by Google

президенту и лишаетъ ихъ министерскаго портфеля также своимъ голосованіемъ. При парламентской системѣ, депутаты пользуются всякими полномочіями, но такъ какъ ихъ численность не допускаетъ непосредственнаго отправленія административныхъ обязанностей, то они назначаютъ правительственную комисію, которая всегда можетъ быть уничтожена и которая называется кабинетомъ министровъ.

Эта передача правительственныхъ и административныхъ обязанностей исполнительной комисіи не устраняетъ смѣшенія властей. Депутаты не ограничиваются составленіемъ новыхъ законовъ и назначеніемъ налоговъ, но также вмѣшиваются въ политику и администрацію страны, прибѣгая съ этою цѣлью къ запросамъ и докладамъ, которыми они дѣйствуютъ на министровъ. Съ другой стороны, въ видѣ обратной услуги за постановленія палаты, выгодныя правительству, депутаты требуютъ казенныхъ мѣстъ съ крупными окладами, почетныхъ наградъ, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ или различныхъ административныхъ милостей. Что же касается министровъ, то они также принимаютъ участіе въ законодательствѣ, и не въ смыслѣ подготовки и иниціативы, но въ смыслѣ преній. Они ставятъ передъ палатами вопросъ о портфелѣ или о кабинетѣ такимъ образомъ, что, рѣшая проблеммы законодательства, депутатъ руководствуется при этомъ не столько юридическими соображеніями, сколько желаніемъ поддержать у кормила власти своихъ друзей и устранить отъ него своихъ противниковъ.

Въ сущности, парламентъ волнуютъ только вопросы, относящіеся къ кабинету. Зала засѣданій пуста, когда въ ней идетъ рѣчь о текущихъ дѣлахъ; но стоитъ заговорить о составѣ кабинета, чтобы картина рѣзко измѣнилась. Всѣ средства считаются позволительными въ виду ниспроверженія или поддержки министерствъ. Въ этомъ случаѣ большинство не имѣетъ права укорять меньшинство въ его небезупречной тактикѣ. Присутствуя на этихъ препирательствахъ, публика хорошо понимаетъ, что здѣсь происходитъ борьба изъ-за власти. Одна враждующая сторона стремится захватить ее, другая—удержать за собою. При этомъ финансы, правосудіе, армія, общественныя работы и даже внѣшняя политика ежедневно приносятся въ жертву интригамъ и алчности партій.

Парламентскій режимъ родился не на французской почвѣ; это цвѣтокъ изгнанія, сорванный королемъ Людовикомъ XVIII въ Англіи. Парламентаризмъ былъ чуждъ французской революціи, какъ и прежней монархіи, и система министерской отвѣтственно-

Digitized by Google

сти, какъ ее понимаютъ англичане, сдѣлалась извѣстна во Франціи только въ 1814 году, одновременно съ обнародованіемъ конституціонной хартіи. Съ тѣхъ поръ у насъ образовалась обширная школа, которая видитъ въ англійскихъ учрежденіяхъ идеальную форму правленія, единственную гарантію политической свободы и послѣднее слово политической мудрости. Какъ всякая другая школа, она отличается нетерпимостью и презираетъ всѣхъ, кто не признаётъ ея доктрины. Я не хочу навлекать на себя анаѳемы со стороны ученыхъ, высказавшись абсолютно противъ парламентаризма, но полагаю, что онъ способенъ процвѣтать исключительно только въ аристократическомъ государствѣ.

Нельзя не сознаться, что англійскія учрежденія достигли удивительнаго равновѣсія; но я отрицаю возможность прійти къ тѣмъ же результатамъ на зыбкой почвѣ демократіи. Англійская конституція не вышла, подобно Минервѣ, во всеоружіи изъ мозга законодателя; она есть продуктъ времени и послѣдовательныхъ революцій, она представляетъ собою естественную и деликатную комбинацію трудно соединимыхъ элементовъ, и потому ей немыслимо пустить корни на чуждой почвѣ и развиваться при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыми обставлена эта форма правленія у англичанъ.

Если допустить, что парламентскій режимъ есть правленіе партій, въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы въ парламентѣ существовало несомнѣнное большинство, достаточно солидарное между собою и достаточно сильное для борьбы противъ коалицій меньшинства: здѣсь нужны для взаимнаго противовѣса двѣ партіи,—виговъ и торіевъ, какъ въ Англіи,—либераловъ и клерикаловъ, какъ въ Бельгіи. И если третьей или четвертой партіи удастся пріобрѣсти себѣ представителей въ палатахъ, нужно, чтобы численность послѣднихъ была сравнительно ничтожна; иначе онѣ будутъ по своему рѣшать общественные вопросы, переходя, смотря по надобности, на сторону виговъ или торіевъ.

При этой системѣ, по мнѣнію ея сторонниковъ, государствомъ управляетъ парламентское большинство, но на самомъ дѣлѣ она можетъ привести или къ совершенной невозможности управлять страною, или къ верховному произволу ничтожнаго меньшинства, стоящаго между двумя враждующими партіями приблизительно одинаковой численности. И къ такому результату, встрѣчавшемуся уже въ исторіи, Франція очень легко можетъ прійти въ самомъ близкомъ будущемъ. Дѣйствительно, не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать послѣдствія эгоистической и непредусмотрительной политики теперешняго правительства. Здѣсь дѣло идетъ къ уве-

Digitized by Google

личенію раздоровъ республиканской партіи, и безъ того утратившей прежнее единодушіе, что только разжигаетъ надежды непримиримыхъ партій. Судя по всему, консерваторы на предстоящемъ законодательномъ собраніи—хотя они далеко не составляютъ большинства—пріобрѣтутъ нѣкоторый численный перевѣсъ надъ оппортюнистами, которые, къ тому же, потеряютъ еще нѣсколькихъ сторонниковъ въ борьбѣ съ радикалами и независимыми. Мы увидимъ тогда поразительное зрѣлище: правая сторона, враждебная принципу учрежденій, станетъ между двумя почти равными фракціями республиканской партіи и покажетъ теоретикамъ, какимъ образомъ при парламентаризмѣ страною можетъ распоряжаться меньшинство.

Подобные результаты выборовъ встрѣчаются очень рѣдко въ странахъ, гдѣ право голоса обусловлено имущественнымъ цензомъ, причемъ въ депутаты попадаютъ только представители аристократіи или богачи. Эта фракція народа соединена между собою почти одинаковыми интересами и, конечно, защищаетъ форму правленія, дающую ей перевѣсъ надъ другими классами общества Она раздѣляется на двѣ партіи: консерваторовъ, не перестающихъ быть либералами, и либераловъ, не перестающихъ быть консерваторами. Такимъ образомъ осуществляются, безъ особыхъ затрудненій, настоящія условія парламентскаго правленія между большинствомъ, которое забираетъ власть, и „оппозиціей королевы", ожидающей своей очереди и старающейся ускорить наступленіе этого момента. Но при всеобщей подачѣ голосовъ всѣ мнѣнія, всѣ интересы, домогательства однихъ, неудовольствія другихъ, всѣ слои общества и, такъ сказать, всѣ теченія общественной жизни—должны имѣть своихъ представителей въ парламентѣ. Отсюда происходитъ раздробленность партій и невозможность создать большинство съ его рѣшающимъ вліяніемъ на ходъ государственныхъ дѣлъ, въ особенности въ странѣ, гдѣ, не считая несогласій, основанныхъ на различіи интересовъ и вѣрованій, народныя страсти поддерживаются старыми воспоминаніями, местью, враждой и надеждами, пережившими рядъ послѣдовательныхъ революцій. Если, при составленіи новаго кабинета, государственный дѣятель, призванный къ этой миссіи, сдѣлаетъ выборъ только изъ своихъ единомышленниковъ, то его комбинація будетъ немедленно разрушена. Слѣдовательно, для него немыслимо сгруппировать вокругъ себя личностей съ одинаковымъ взглядомъ на вещи, и онъ будетъ стараться соединить узами взаимной отвѣтственности людей, у которыхъ и программы, и симпатіи совершенно различны между собою.

Digitized by Google

Подобныя препятствія, конечно, сильно замедляютъ и осложняютъ эту задачу, но, въ концѣ концовъ, всегда найдется достаточно патріотизма и самоотверженія въ однихъ, достаточно самолюбія и тщеславія въ другихъ, для того чтобы сплотить въ одно цѣлое дюжину министровъ и нѣсколько младшихъ статсъ-секретарей.

Съ этою цѣлью, изъ каждой группы выбираются лица не наиболѣе достойныя и способныя, а тѣ, на кого падетъ случайный жребій при составленіи кабинета. Такіе порядки давно укоренились во Франціи и, конечно, ими остаются довольны только депутаты и сенаторы, получившіе портфель. Остальные члены группъ, откуда были избраны новые министры, не безъ горечи доискиваются причинъ такого предпочтенія, и легко объясняютъ его лицепріятіемъ. Между тѣмъ, заимствуя людей изъ каждой группы, невозможно въ то же время заимствовать и ея программу, при рѣзкомъ различіи направленій. Приходится выбирать между той или другой политикой, дать перевѣсъ стремленіямъ какой нибудь группы, т. е. опять таки меньшинству. Тутъ снова образуется коалиція противъ кабинета, который тотчасъ обнаруживаетъ въ себѣ признаки неустойчивости и готовится къ распаденію за недостаткомъ единодушія. Итакъ, если кабинеты составлены изъ разнородныхъ элементовъ, они существуютъ недолго, оправдывая слова св. писанія: „всякій домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ, падетъ“; если же между министрами царствуетъ вожделѣнное согласіе, то кабинетъ будетъ ниспровергнутъ еще быстрѣе, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ противъ него пойдутъ партіи, малочисленныя сами по себѣ, но дѣйствующія заодно и потому ставшія абсолютнымъ большинствомъ.

Отсюда я вывожу, что парламентаризмъ несовмѣстимъ со всеобщей подачей голосовъ, такъ какъ она, допуская представительство всѣхъ партій и всѣхъ классовъ общества, препятствуетъ образованію большинства съ его рѣшающимъ вліяніемъ въ общественныхъ дѣлахъ.

Гамбетта, которому я не разъ высказывалъ это мнѣніе, думалъ противодѣйствовать вредному разногласію балотировкой списковъ на засѣданіяхъ. Всеобщая подача голосовъ служила главной основой его партіи, а парламентаризмъ обращался въ его рукахъ въ орудіе господства, благодаря краснорѣчію знаменитаго государственнаго человѣка; вотъ почему Гамбетта отстаивалъ то и другое, мечтая направить по своему усмотрѣнію всеобщую подачу голосовъ и создать правительственное большинство, исключивъ изъ парламента всѣ мелкія партіи. Такъ какъ прежніе пріемы офи-

Digitized by Google

ціальной кандидатуры были оставлены, то балотировка по спискамъ, повидимому, обѣщала оправдать надежды президента палаты. Несомнѣнно, что, по мѣрѣ расширенія выборной коллегіи, увеличиваются шансы на единодушіе въ собраніяхъ, и еслибы можно было ссуществить желаніе Эмиля Жирардена, требовавшаго единственной коллегіи, то у насъ явилась бы палата, служившая представительницей не цѣлой націи, но одной партіи. Балотировка списка, если только потокъ оппозиціи не увлечетъ народъ въ другую сторону, скорѣе всего содѣйствуетъ офиціальной кандидатурѣ, давая обыкновенно перевѣсъ той партіи, которая организована лучше другихъ. А какая партія можетъ быть организована лучше правительственной, располагающей и чиновниками всѣхъ разрядовъ, и финансами, и газетами, принявшими или готовыми принять офиціальное направленіе? Къ этимъ даннымъ Гамбетта прибавлялъ свой престижъ, которымъ онъ пользовался, благодаря воспоминаніямъ о народной оборонѣ и блеску его таланта; вотъ почему этотъ дѣятель, заручившись властью, немедленно предложилъ возстановить балотировку по спискамъ. Такой способъ подачи голосовъ, по разсчетамъ Гамбетты, долженъ былъ не только подготовить будущее, но даже могъ не сегодня—завтра преобразовать избранный уже составъ палаты. Здѣсь требовалось уничтожить связь, соединяющую депутатовъ съ избирателями, и внушить первымъ, что съ этихъ поръ списки, составленные главою сильной партіи, будутъ преобладать надъ иниціативой разномыслящихъ комитетовъ. Такимъ путемъ Гамбетта надѣялся создать покорное и постоянное большинство, разсчитывая, что тутъ ему придутъ на помощь надежды на переизбраніе и естественное раболѣпство парламентовъ передъ сильными властями. Возможный успѣхъ этого плана, способствуя образованію и постоянству правительственнаго большинства, безспорно облегчилъ бы ходъ государственныхъ дѣлъ въ парламентской республикѣ. Но зачѣмъ отстаивать парламентаризмъ, если онъ пересталъ быть гарантіей политической свободы? Зачѣмъ держаться всеобщей подачи голосовъ, если она служитъ только для отвода глазъ, придавая волѣ одного человѣка ложное значеніе народной воли? Если необходимо надѣть ту или другую ливрею, почему не выбрать хозяевъ получше?

Однако палата выказала больше стойкости, чѣмъ отъ нея ожидали. Она поняла, какое униженіе готовили ей, и, въ порывѣ оскорбленной гордости, разрушила планы хитраго дипломата. Попытка Гамбетты не удалась. Предпринятая вторично другими дѣятелями, уже безъ его содѣйствія, она не представляетъ больше

Digitized by Google

ни прежнихъ выгодъ для власти, ни прежнихъ опасностей для свободы. Между тѣмъ какъ глава авторитетной партіи искалъ въ устраненіи парламентскаго меньшинства дѣйствительнаго средства противъ особаго рода малокровія, называемаго парламентаризмомъ, другіе умы, проникнутые бо̀льшимъ почтеніемъ къ политической свободѣ, но, пожалуй, менѣе дальновидные, старались усовершенствовать наши учрежденія путемъ пропорціональнаго представительства мелкихъ партій. Съ этою цѣлью было написано немало интересныхъ статей, сформировалось общество для изученія упомянутаго вопроса и даже дѣлались предложенія по иниціативѣ депутатовъ. Я вполнѣ одобряю эти предложенія съ точки зрѣнія системы, которой отдаю преимущество. Представительный режимъ несомнѣнно отлично уживается съ представительствомъ мелкихъ партій; онъ способствуетъ тому, чтобы всѣ мнѣнія могли высказаться въ народномъ собраніи. Такъ какъ послѣднее не обязано уже ни составлять, ни поддерживать кабинета, вышедшаго изъ его среды, то оно не нуждается и въ правительственномъ большинствѣ.

Но парламентскій режимъ несогласенъ съ пропорціональнымъ представительствомъ мелкихъ партій по той же причинѣ, которая дѣлаетъ его несовмѣстнымъ со всеобщей подачей голосовъ. Англія хорошо поняла это, и на той почвѣ, гдѣ возникли самыя остроумныя системы, имѣющія цѣлью предоставить равное представительство меньшинству, если онѣ и примѣняются къ административнымъ комитетамъ, именно школьнымъ, то палата общинъ все таки не допустила у себя подобныхъ опытовъ. Съ нея довольно и того, что, наряду съ вигами и торіями, въ ней возникли партіи: радикальная и ирландская, которыя угрожаютъ теперь старинным учрежденіямъ. Въ тотъ день, когда палата общинъ откроется для новыхъ партій, она непремѣнно доставитъ убѣдительный аргументъ моему тезису.

Неизбѣжное слѣдствіе крайней раздробленности партій въ парламентѣ—непрочность министерства — дѣлаетъ безплоднымъ режимъ, который не имѣетъ достаточной жизненности по самому свойству своихъ учрежденій.

Какую власть можетъ пріобрѣсти министръ надъ своими чиновниками, если ему каждый день грозитъ ниспроверженіе? Могутъ ли уважать его и слушаться подчиненные, взятые на службу по большей части предшественниками министра, т. е. его противниками? Не рискуетъ ли онъ ежеминутно попасть въ ловушку или подвергнуться клеветѣ со стороны тѣхъ, которые ожидаютъ себѣ повышенія отъ новаго, намѣченнаго уже, кандидата въ ми-

Digitized by Google

нистры? Послѣ этого, нѣтъ ничего удивительнаго, если служащіе ежедневно доставляютъ коноводамъ оппозиціи нужныя справки и документы для запросовъ, имѣющихъ цѣлью подорвать кабинетъ. Но слишкомъ частые кризисы этого рода обусловливаются не однимъ только недостаткомъ власти у министровъ, но также ихъ неопытностью въ дѣлахъ, незнаніемъ подчиненныхъ и незнакомствомъ съ вопросами, которые имъ приходится рѣшать. Такъ, напримѣръ, въ одномъ важномъ министерствѣ каждый новый министръ требуетъ ясной и несложной замѣтки о назначеніи каждаго бюро и о вопросахъ, разбирающихся въ немъ. Подчиненные обыкновенно берутъ однажды составленную замѣтку, хранящуюся въ картонахъ, переписываютъ ее набѣло и подаютъ начальнику почти безъ всякихъ измѣненій. Министръ читаетъ записку во время своихъ короткихъ досуговъ между преніями палаты и переговорами съ депутатами. Изъ этой бумаги онъ почерпаетъ необходимыя указанія, какъ слѣдуетъ ему дѣйствовать на своемъ высокомъ посту; но министра чаще всего смѣняютъ раньше, чѣмъ онъ успѣетъ сколько нибудь освоиться съ дѣлами министерства. Надо сознаться, что многіе обладатели портфелей нерѣдко оказывались ниже своихъ подчиненныхъ, что они находились въ полной зависимости отъ столоначальниковъ подвѣдомственнаго имъ министерства, поступая во всемъ, такъ сказать, подъ ихъ диктовку.

Но недостатокъ подготовки и выдержки у нашихъ министровъ нигдѣ не выступаетъ такъ ярко и не влечетъ за собою такихъ плачевныхъ послѣдствій, какъ въ сношеніяхъ съ иностранными державами. При этой трудной дипломатической игрѣ, гдѣ поставлены на карту самые важные интересы отечества, мы не можемъ разсчитывать, чтобы первый встрѣчный, случайно попавшій въ министры, былъ способенъ помѣряться силами съ канцлеромъ германской имперіи или Россіи.

Но здѣсь слабой стороной импровизированнаго дипломата являются не только его неопытность и незнаніе, но еще болѣе—мѣщанское тщеславіе выскочки, который такъ легко поддается лести посланниковъ, готовъ смутиться отъ каждой улыбки принца и растаять, когда его назовутъ „ваше превосходительство“.

— Не такъ, милостивые государи, слѣдуетъ заниматься дипломатіей! воскликнулъ Жюль Ферри, президентъ совѣта, министръ иностранныхъ дѣлъ.

— Конечно, ваше превосходительство; но вѣдь у насъ на первомъ планѣ не дипломатія, а парламентаризмъ.

Мнѣ, разумѣется, возразятъ, что Жюль Ферри въ продолженіе двухъ лѣтъ умѣлъ удерживать вокругъ себя довѣрчивое и скром-

Digitized by Google

ное большинство, всегда готовое аплодировать даже раньше, чѣмъ президентъ совѣта раскроетъ ротъ. Я согласенъ съ этимъ и признаю, что Жюль Ферри очень искусно создалъ, сблизивъ между собою звенья обѣихъ группъ, нѣчто въ родѣ правительственнаго большинства. Но цѣной какихъ уступокъ былъ достигнутъ подобный фокусъ? Я полагаю, что его тактика осталась еще у многихъ въ памяти.

Жюль Ферри не могъ назваться президентомъ совѣта въ парламентскомъ смыслѣ слова. У него не было политической программы и приверженцевъ, которые признавали бы его своимъ несомнѣннымъ главою. Позади него стояла не партія, а просто синдикатъ интересовъ.

Только предоставивъ депутатамъ всѣ преимущества власти и распоряженіе административными милостями, давая имъ ручательства и залоги новаго избранія, подчиняясь всѣмъ требованіямъ, унижая себя до раболѣпства передъ людьми, для которыхъ онъ былъ скорѣе плѣнникомъ, чѣмъ главою, Жюль Ферри сохранилъ свое президентское кресло въ продолженіе двухъ лѣтъ.

Онъ казался крупной силой, но, на самомъ дѣлѣ, вовсе не былъ силенъ; онъ президентствовалъ два года, постоянно рискуя слетѣть, причемъ непрочность его положенія была очевидна для всѣхъ. Жюль Ферри какъ будто управлялъ парламентомъ, а на самомъ дѣлѣ былъ послушнымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Солидарное съ нимъ большинство, повидимому, встрѣчало его единодушными манифестаціями, но стоило присмотрѣться поближе, чтобы замѣтить какъ разъ противное. Люди, принимавшіеся аплодировать рѣчамъ Ферри, въ сущности водили президента на помочахъ. Къ нему можно было вполнѣ примѣнить извѣстную поговорку: „я ихъ начальникъ и потому долженъ за ними слѣдовать“.

Все, сказанное мною выше, относится не къ одному республиканскому государству, и я не думаю, чтобы монархіи было удобнѣе, чѣмъ республикѣ, допускать у себя режимъ министерской отвѣтственности наряду со всеобщей подачей голосовъ. Примѣръ Греціи, гдѣ такъ сильно увеличилось число кризисовъ, подтверждаетъ мои слова; надо еще принять во вниманіе, что, при своемъ ограниченномъ протяженіи, менѣе значительныхъ внѣшнихъ сношеніяхъ, менѣе рѣзкомъ различіи между классами общества, эллинское королевство избѣжало многихъ затрудненій, встрѣчавшихся во Франціи.

По мѣрѣ расширенія права подачи голосовъ, равновѣсіе парламентскаго режима болѣе и болѣе нарушается. Это легко под-

Digitized by Google

твердить, указавъ на исторію различныхъ конституціонныхъ монархій. Но королевская власть, представляющая собою одинъ изъ раціональныхъ историческихъ элементовъ системы, облегчаетъ равновѣсіе. Право распустить собраніе народныхъ представителей служитъ въ рукахъ короля какъ-бы средствомъ сгруппировать депутатовъ вокругъ центра насущныхъ интересовъ страны, отъ котораго удаляется парламентъ, увлекаясь духомъ партій.

Республиканская форма, правительство кабинета и всеобщая подача голосовъ представляютъ гарантіи, поочередно вводимыя въ конституціонное право народовъ для охраненія ихъ свободы отъ возможныхъ посягательствъ исполнительной власти. Но ввести заразъ въ одну и ту же конституцію всеобщую подачу голосовъ, республику и парламентаризмъ не значитъ—принимать предосторожности противъ исполнительной власти; это значитъ—прямо уничтожить ее. Поступая такимъ образомъ, мы вмѣсто того, чтобы охранить свободу, отдаемъ ее въ жертву анархіи.

Было бы ошибочно видѣть въ исполнительной части гражданскаго строя непремѣннаго врага народныхъ вольностей; напротивъ, благородная миссія этого элемента государственнаго механизма состоитъ въ защитѣ правъ народа; а для того, чтобы исполнительная власть могла достичь своей цѣли, не слѣдуетъ позволять слѣпому и несправедливому недовѣрію ставить ей преграды и парализовать ея дѣятельность.

Теперь, надѣюсь, я достаточно доказалъ необходимость выбора между всеобщей подачей голосовъ и парламентаризмомъ. Мнѣ извѣстно, что многія лица, даже изъ среды тѣхъ, которыя не захотятъ сознаться въ этомъ въ настоящее время, не колеблясь, выбрали бы одно изъ двухъ, и многіе республиканцы, засѣдающіе въ центрѣ, охотно пожертвовали бы всеобщей подачей голосовъ. Но, говоря, что намъ необходимо выбрать то или другое, я долженъ прибавить, что теперь уже некогда серьезно обдумать рѣшительный вопросъ. Обсуждать достоинства и неудобства всенароднаго голосованія—значило бы понапрасну терять время.

Всеобщая подача голосовъ есть существующій фактъ, съ которымъ нужно съ этихъ поръ согласовать форму правленія. Право голоса, дарованное народу, нельзя отдѣлить отъ демократическаго государства, и въ странѣ, гдѣ демократія пустила такіе глубокіе корни, остается рѣшить только одну проблему: здѣсь вопросъ не въ томъ, слѣдуетъ ли ограничить подачу голосовъ, а въ томъ, чтобы найти форму правленія, наиболѣе подходящую для демократіи.

Испанія пробовала создать у себя парламентскую республику

Digitized by Google

и мы видимъ, что̀ изъ этого вышло. Тотъ же самый опытъ продѣлывается во Франціи, къ нашему ущербу, въ продолженіе десяти лѣтъ; мало по малу мы видимъ исчезновеніе всего, что̀ составляетъ жизненный импульсъ, силу и славу націи. Когда же, наконецъ, намъ станетъ понятно, что насъ губитъ парламентаризмъ?

Здѣсь не мѣшало бы позаимствоваться историческимъ примѣромъ, но взять за образецъ не конституцію древнихъ государствъ, слѣды которой придется отъискивать гдѣ-то во мракѣ временъ. Зачѣмъ забираться въ глубь вѣковъ, когда за океаномъ вотъ уже цѣлое столѣтіе процвѣтаетъ и развивается великая республика? Въ ней также существуетъ всеобщая подача голосовъ, но Америка не признаётъ иллюзуарной отвѣтственности министровъ передъ палатами. Ея принципъ одинаковъ съ принципомъ французской революціи: раздѣленіе власти, а ея политическій режимъ извѣстенъ у насъ подъ названіемъ представительнаго.

Я, конечно, не предлагаю перенести Вашингтонъ въ Парижъ и Бѣлый Домъ—въ Елисейскій дворецъ. Наша исторія, наши нравы, наше географическое положеніе не позволяютъ намъ въ точности подражать Соединеннымъ Штатамъ Америки. Если я указалъ на конституцію великой американской республики, то лишь для подтвержданія правилъ и примѣровъ, встрѣчающихся въ нашей собственной исторіи.

Здѣсь важнѣе всего устранить смѣшеніе законодательнаго и исполнительнаго элемента; для этой цѣли намъ нужно имѣть главу отвѣтственной исполнительной власти, но главу, независящаго отъ парламента ни относительно своего избранія, ни относительно присвоенныхъ ему правъ; онъ долженъ управлять страною вмѣстѣ съ министрами, избранными по его усмотрѣнію внѣ палатъ, и отвѣчать за ихъ дѣйствія. Когда мы замѣнимъ кабинетное правительство президентскимъ, все остальное получитъ второстепенное значеніе, и опытъ, смотря по надобности, мало по малу исправитъ въ новой формѣ правленія ошибки и несовершенства, свойственныя каждому человѣческому учрежденію.

Противники представительной системы опасаются чрезмѣрнаго усиленія исполнительной власти въ нашей странѣ съ ея централизаціей; они предсказываютъ государственные перевороты, угрожающіе гибелью республикѣ и господствомъ цезаризма.

Говоря откровенно, я не раздѣляю подобныхъ опасеній. Нужно только, сообразуясь съ обстоятельствами, ставить на ноги пошатнувшіяся учрежденія со стороны, противоположной той, куда они рискуютъ упасть. Я нисколько не колебался бы примѣнить это правило политической ортопедіи, будучи увѣренъ, что совершенству на-

Digitized by Google

шихъ конституціонныхъ формъ вредитъ въ настоящее время уже никакъ не преобладаніе исполнительной власти.

Между теперешнимъ состояніемъ анархіи и диктатурой мудрый законодатель, конечно, можетъ отъискать золотую середину, гдѣ мы найдемъ успокоеніе умовъ и общественную безопасность. Независимая магистратура, болѣе широкое самоуправленіе, предоставленное общинѣ и департаменту, служили бы здѣсь достаточными гарантіями для самыхъ боязливыхъ людей. Но лучшій оплотъ противъ захвата исполнительной власти заключается въ привязанности гражданъ къ учрежденіямъ, возникшимъ по ихъ собственной волѣ. Министерская отвѣтственность не предотвратила государственнаго переворота 2 декабря, а послѣ 16 мая, если исполнительная власть и замышляла повторить то же самое, то достаточно было неудержимаго стремленія народныхъ симпатій къ республиканскому режиму, чтобы разрушить всякій противозаконный замыселъ. Когда государственный строй обезпечиваетъ благосостояніе страны, то никакіе перевороты немыслимы. Но если нація привыкаетъ смѣшивать республику съ парламентаризмомъ, къ которому она становится все болѣе и болѣе безучастной, то въ недалекомъ будущемъ и желательное уничтоженіе министерской отвѣтственности не вызоветъ больше страну изъ ея апатіи.

Судебная власть полицейскаго префекта ограничена департаментомъ Сены и Уазы; но такъ какъ начальникъ полиціи обязанъ доставлять правительству необходимыя свѣдѣнія обо всемъ, что происходитъ въ государствѣ, то ему во время розысковъ приходится далеко переступать за черту, гдѣ прекращается его юрисдикція. Кромѣ того, секретные фонды, хотя ихъ нерѣдко называли недостаточными, какъ будто приглашаютъ префекта содержать своихъ агентовъ не только въ департаментахъ, но и за границей. Для министра иностранныхъ дѣлъ было бы щекотливо учреждать тайный надзоръ, пользуясь услугами неаккредитованныхъ лицъ; черезъ это онъ рискуетъ нажить себѣ враговъ, подать поводъ къ осложненіямъ и запросамъ. Дѣйствія же префекта не влекутъ за собой такихъ неудобствъ; ему подвѣдомственны только дѣла, касающіяся общественной безопасности, и, кромѣ того, онъ всегда имѣетъ возможность вывернуться, если попадетъ впросакъ.

У меня были агенты во всѣхъ столицахъ Европы, такъ что я иногда доставлялъ правительству крайне полезныя свѣдѣнія. Однако меня не поощряли въ этихъ опытахъ тайной дипломатіи, и я продолжалъ ихъ не столько въ угоду министрамъ, сколько по собственной охотѣ. Привожу нѣкоторыя выдержки изъ моихъ отче-

Digitized by Google

товъ о туниссkомъ вопросѣ, чтобы читатель могъ судить о пользѣ свѣдѣній, доставлявшихся мной обыкновенно министру иностранныхъ дѣлъ.

Компанія Рубаттино, благодаря поддержкѣ министерства Кайроли и гарантіи процентовъ, утвержденной итальянскимъ парламентомъ, получила съ торговъ линію отъ Туниса до Гулеты и вытѣснила французскую компанію желѣзной дороги отъ Бона до Гуэльмы. Вмѣшательство итальянскаго правительства въ эти торги и тотъ энтузіазмъ, съ которымъ была утверждена гарантія процентовъ, неоспоримо доказывали, что здѣсь существуетъ интрига, направленная противъ французскаго вліянія.

17 іюня 1880 года я доносилъ слѣдующее:

„Письма, получаемыя мной изъ Туниса отъ мусульманъ, рисуютъ тамошнее положеніе дѣлъ совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ оно представляется намъ. Народъ сильно раздраженъ противъ бея и его приближенныхъ, но еще сильнѣе противъ Франціи, на покровительство которой разсчитывали арабы. Теперь они не вѣрятъ больше ни въ наше могущество, ни въ наше вліяніе.

„Безпокойство и раздраженіе между кочующими племенами достигли крайней степени. Эти чувства искусно поддерживаются Хереддиномъ, генераломъ Гуссейномъ, бывшимъ шейхъ-уль-исламомъ Биремомъ и всѣми фанатическими элементами. Хотя дѣло не дошло еще до явнаго бунта, но ходятъ слухи о томъ, что бей будетъ низложенъ и вмѣсто него возведенъ на престолъ братъ его, лагерный эмиръ. Подстрекателемъ этого движенія, угрожающаго спокойствію страны, является генералъ Гуссейнъ. Онъ живетъ въ Италіи, гдѣ у него есть могущественные союзники. Гуссейнъ также мамелюкъ, какъ и Хереддинъ. Франція ему ненавистна. Стараясь уничтожить французское вліяніе въ Тунисѣ, онъ не побоялся возмутить народъ противъ своего государя, за что подвергся ссылкѣ. Но потомъ Гуссейнъ опять попалъ въ милость; ему поручили ликвидировать въ Италіи наслѣдство Саида Нессима, который нажилъ безчестными путями громадное богатство и затѣмъ бѣжалъ изъ Туниса. Въ теченіе десяти лѣтъ Гуссейнъ поперемѣнно живетъ въ Ливорно, во Флоренціи, въ Римѣ, интригуя противъ Франціи, расточая къ ущербу бея милліоны, оставшіеся послѣ Нессима, и возбуждая недовольство арабовъ внутреннихъ странъ. Онъ выдаетъ субсидіи журналамъ, пишущимъ противъ Франціи. Гуссейнъ отличается проницательностью, коварствомъ и, къ тому же, ярый фанатикъ".

Вотъ извлеченіе изъ моего рапорта отъ 25-го августа 1880 г., послѣ того, какъ бей далъ французскимъ компаніямъ концессію на

Digitized by Google

постройку гавани въ Тунисѣ и боковой желѣзнодорожной линіи на Бизертъ:

„Итальянцы не скрываютъ своихъ враждебныхъ дѣйствій противъ французскаго вліянія. Италія, какъ ни въ чемъ не бывало, утвердилась на прибрежьѣ Краснаго моря, куда у нея проведена желѣзная дорога, служащая превосходной точкой опоры и какъ бы осью, вокругъ которой отнынѣ будутъ вращаться честолюбивые замыслы нашихъ противниковъ. Италія, конечно, не остановится на этомъ".

Рапортъ отъ 29-го августа:

„Прибытіе двухъ французскихъ броненосцевъ въ тунисскія воды произвело дѣйствіе холоднаго душа, отрезвившаго итальянцевъ. Еслибы, благодаря находчивости и энергіи, выказаннымъ Фрейсинэ, удалось хорошенько выяснить положеніе дѣлъ въ Тунисѣ и показать итальянцамъ, что всякая непозволительная попытка съ ихъ стороны встрѣтитъ энергическій отпоръ, то пріобрѣтеніе Гулетъ-Тунисской линіи итальянцами, къ явному ущербу французскихъ интересовъ, принесло бы намъ въ сущности большую пользу. Вообще итальянцы сознаютъ себя побѣжденными и готовятся къ отступленію. Но послѣ удачнаго начала французамъ было бы опасно успокоиться на лаврахъ, потому что итальянцы несомнѣнно замышляютъ новый непріятный сюрпризъ. Развѣ недѣлю тому назадъ намъ не угрожали вмѣшательствомъ Германіи и Турціи?"

7-е сентября.

„Римскія газеты по прежнему очень сдержанно отзываются о тунисскихъ дѣлахъ. Бо́льшая часть органовъ печати ограничивается передачей въ грустномъ тонѣ болѣе или менѣе платоническихъ статей въ защиту Италіи, появившихся въ вѣнскихъ и берлинскихъ листкахъ. Король,—что̀ мнѣ извѣстно изъ разговоровъ въ Квириналѣ,—выразилъ неудовольствіе по поводу тунисскихъ дѣлъ. Онъ воскликнулъ, какъ Викторъ Эммануилъ: *Questa non é la maniera di fare della politica.* Но въ глубинѣ души молодой государь, пожалуй, доволенъ случившимся. Намъ слѣдуетъ помнить, что король Гумбертъ не любитъ Франціи, и его естественно раздражаетъ симпатія министерства къ французамъ и республиканскому режиму".

Въ концѣ марта мѣсяца 1881 года случилось новое событіе, которое подало поводъ французскому кабинету замѣнить дипломатическіе переговоры вмѣшательствомъ военной силы. Пограничныя тунисскія племена, извѣстные подъ общимъ именемъ крумировъ, проникли въ провинцію Константины и напали на

Digitized by Google

французскія войска. Стычка продолжалась нѣсколько часовъ, причемъ съ нашей стороны было убито пятеро солдатъ и столько же ранено. Къ концу апрѣля, послѣ трехнедѣльныхъ приготовленій, возмущавшихъ своею медленностью общественное мнѣніе, которое было даже готово усомниться въ успѣхахъ нашей военной реорганизаціи, французскія войска вошли наконецъ безпрепятственно въ Тунисъ и мало по малу заняли страну, не встрѣтившись однако съ крумирами.

Можно было бы написать крайне интересную главу о личности тунисскаго бея, Магомета-Садока, о его приближенныхъ и объ интригахъ при его дворѣ.

Въ Парижѣ до сихъ поръ еще помнятъ Хередина, который сдѣлался настоящимъ парижаниномъ, оставаясь въ то же время фанатическимъ послѣдователемъ ислама. Его также часто встрѣчали въ императорскомъ клубѣ, какъ и на Орсейской набережной. Но, прекративъ картежную игру, въ часъ по полуночи, Херединъ отправлялся исполнять свои религіозные обряды по закону Магомета.

Вернувшись въ Тунисъ, онъ попалъ въ немилость, и, въ одинъ прекрасный день, Магометъ-Садокъ вздумалъ его задушить. Старый бей приказалъ Мустафѣ-бен-Измаилу отправиться къ Хередину съ нѣсколькими солдатами для исполненія этой деликатной операціи. Въ то время, во дворцѣ находился французскій генеральный консулъ, баронъ Робертъ Биллингъ. Онъ принялся отговаривать бея отъ его жестокаго намѣренія, напоминая ему, что Херединъ пользовался сильной протекціей нашего министра иностранныхъ дѣлъ, герцога Деказа.

Но Магометъ-Садокъ остался непреклоненъ. Мустафа вышелъ со своими подчиненными, чтобы исполнить безчеловѣчный приказъ государя. Проходя по саду, молодой человѣкъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, что подало поводъ нашему генеральному консулу замѣтить бею:

— Посмотрите, какъ разстроенъ вашъ сынъ! Онъ не въ силахъ рѣшиться на убійство невиннаго человѣка.

Наконецъ настоянія барона Биллинга и привязанность Магомета-Садока къ своему „пріемышу“ взяли верхъ надъ несправедливымъ гнѣвомъ бея, и Херединъ былъ помилованъ.

Вотъ портретъ Мустафы-бен-Измаила, нарисованный въ іюлѣ 1881 г. однимъ изъ моихъ агентовъ, долгое время имѣвшимъ сношенія съ любимцемъ государя:

„Мустафа-бен-Измаилъ—арабъ въ полномъ смыслѣ слова; этотъ человѣкъ постоянно руководствуется личной выгодой, умѣетъ по-

Digitized by Google

коряться обстоятельствамъ, но, выждавъ благопріятный моментъ, спѣшитъ наверстать потерянное. Самъ онъ не выдастъ француза, зато молча допуститъ предательство: въ настоящую минуту Мустафа сталъ на сторону сильнаго, не прерывая однако сношеній съ тунисскими фанатиками. Его главная цѣль—сберечь свои деньги и богатство бея—цѣль узкая, по которой нельзя судить о томъ, что̀ выйдетъ изъ царскаго пріемыша въ будущемъ. Мустафа обладаетъ проницательнымъ умомъ, но онъ неспособенъ къ обширнымъ политическимъ планамъ и не мечтаетъ о славѣ Туниса. Его скорѣе можно назвать дѣльцомъ, человѣкомъ, который ставитъ выше всего деньги и удовольствія; онъ робѣетъ передъ французами въ данный моментъ, а завтра, пожалуй, заговоритъ съ нами совсѣмъ другимъ тономъ. Въ настоящее время Мустафа мечтаетъ получить большой крестъ почетнаго легіона".

Теперь перейдемъ отъ политики внутренней и иностранной къ болѣе мирному вопросу о клубахъ.

Префектъ полиціи разрѣшаетъ открытіе клубовъ, слѣдитъ за ними и закрываетъ ихъ, смотря по надобности.

Ему позволено разрѣшать только собранія лицъ, имѣющихъ цѣлью сходиться вмѣстѣ для бесѣды и чтенія журналовъ въ такомъ помѣщеніи, гдѣ можно получать обѣды и ужины, а вечеромъ развлечься такъ называемыми общественными играми. Но, наряду съ подобными собраніями, въ Парижѣ существуютъ настоящіе игорные дома, открытые спекуляторами, которые маскируютъ съ грѣхомъ пополамъ свое противозаконное предпріятіе подъ видомъ клуба свѣтскихъ людей или купцовъ. Промышленники, открывающіе игорный домъ, обращаются къ содѣйствію сговорчивыхъ личностей, готовыхъ прикрыть ихъ плутовство и выступить въ качествѣ номинальныхъ основателей клуба. Въ просьбѣ говорится, что въ такомъ-то кругу явилась потребность въ новомъ клубѣ; при этомъ иниціативу приписываютъ то артистамъ, то фехтовальщикамъ, то масонамъ, которые будто бы сознали необходимость собираться вмѣстѣ для обмѣна мыслей и плановъ объ улучшеніи своей будущности. Политика, разумѣется, совершенно чужда новому обществу, а если въ гостинныхъ будутъ поставлены игорные столы, то лишь въ видахъ снисхожденія къ человѣческой слабости. Извѣстно, что ни одно собраніе мужчинъ немыслимо безъ картъ.

Префектура, конечно, прекрасно понимаетъ, въ чемъ дѣло, но находитъ излишнимъ стѣснять любителей игры. Принявъ просьбу о разрѣшеніи клуба, она наводитъ справки, и если члены учредительнаго комитета оказываются порядочными людьми, а лица,

Digitized by Google

скрывающіяся за ними, еще не слишкомъ компрометированы въ предпріятіяхъ подобнаго же рода, то дается позволеніе открыть клубъ. Смотря по обстоятельствамъ, префектъ оказывается болѣе или менѣе уступчивымъ. Послѣ нѣсколькихъ скандаловъ и нападокъ прессы, онъ бываетъ несговорчивъ, но когда обличительныя статьи прекратятся и гроза, отчасти умышленно раздутая газетами, утихнетъ, префектъ проявляетъ болѣе снисходительности. Такой моментъ благопріятствуетъ новымъ попыткамъ спекуляторовъ, и они спѣшатъ имъ воспользоваться. Но большею частью основатели игорныхъ домовъ осаждаютъ просьбами еще неопытнаго префекта, едва поступившаго на службу. Новый начальникъ полиціи обыкновенно ловится на удочку хитрыхъ аферистовъ. Его вниманіе поглощено, во-первыхъ, политической стороной своихъ обязанностей, и, кромѣ того, онъ естественно стремится къ популярности, которой, какъ извѣстно, нельзя достичь суровыми отказами.

Вотъ почему въ его кабинетѣ то и дѣло появляются новые просители. Приходитъ, напримѣръ, красивая дамочка; привилегированное положеніе этой особы въ обществѣ не позволяетъ заподозрить ея безкорыстія; она говоритъ, что не стала бы поддерживать своимъ именемъ просьбы о разрѣшеніи клуба, еслибы ее не просилъ о томъ одинъ короткій знакомый, вполнѣ почтенный человѣкъ. Вслѣдъ за дамой велитъ доложить о себѣ муниципальный совѣтникъ; по его словамъ, онъ ходатайствуетъ за основателей клуба, единственно по своей преданности интересамъ демократіи и всеобщаго прогресса; здѣсь проситель прозрачно намекаетъ о своей готовности взаимно услужить префекту при утвержденіи новаго бюджета. За муниципальнымъ совѣтникомъ слѣдуетъ товарищъ, депутатъ, котораго, вмѣстѣ съ другими народными представителями, осѣнила плодотворная идея соединить въ одно общество съ членами парламента выдающихся людей столицы, что обѣщаетъ привести къ самымъ счастливымъ результатамъ. Всѣ чиновники навѣрно поступятъ въ члены „парламентскаго клуба“: бильярдная партія съ депутатами, въ нашъ вѣкъ парламентскаго всемогущества, можетъ послужить кратчайшимъ путемъ отъ подпрефектуры къ префектурѣ, а, пожалуй, даже отъ судейскаго стула къ президентскому креслу. Такъ, биржевые маклера, перекупщики акцій, спекуляторы тотчасъ будутъ просить о принятіи ихъ въ клубъ, потому что „въ разговорахъ съ членами обѣихъ палатъ они могутъ заручиться полезными справками о своихъ операціяхъ.“ Я нарочно поставилъ въ скобкахъ эту фразу, чтобы меня не упрекнули въ умышленной подтасовкѣ фактовъ и глумленіи. Приве-

Digitized by Google

денныя слова дѣйствительно заключались въ программѣ новаго клуба, которая была подписана депутатами. Всѣмъ этимъ посредникамъ, искушающимъ префекта, непремѣнно бываетъ обѣщано по нѣскольку билетовъ въ тысячу франковъ и участіе въ ожидаемыхъ доходахъ.

Иногда въ качествѣ просителя является будущій предсѣдатель клуба. Онъ приноситъ новому учрежденію свою репутацію честнаго человѣка, ленточку почетнаго легіона и званіе бывшаго чиновника. Нельзя однако сказать, чтобы такой вкладъ цѣнился всегда въ достаточной степени. Есть немало порядочныхъ людей, добивающихся общественнаго положенія, и они готовы принять на себя тяжелую отвѣтственность президентства за скромное ежемѣсячное вознагражденіе, вмѣстѣ съ правомъ безплатно пользоваться клубнымъ столомъ и приводить въ собраніе своихъ гостей. Картежная игра должна приносить выгоды. Съ этою цѣлью клубныя залы открыты для всѣхъ приходящихъ. Какъ-то разъ я распорядился закрытіемъ одного клуба, куда послѣ полуночи собирались кучера, метрдотели и лакеи со всего квартала. Явившись съ моимъ приказомъ, полицейскій комисаръ прямо наткнулся на выпущеннаго изъ тюрьмы бродягу, крѣпко спавшаго на скамейкѣ. Не имѣя пристанища, эта жертва человѣческаго правосудія пріютилась въ игорной залѣ. Надо замѣтить, что президентомъ названнаго клуба состоялъ депутатъ.

„Хозяинъ“ обыкновенно не участвуетъ въ игрѣ, такъ какъ это считается неблаговиднымъ. Но если его предупредятъ о приходѣ богатыхъ посѣтителей, то онъ не прочь поживиться хорошимъ выигрышемъ.

Если самые почтенные клубы не ограждены отъ случайнаго появленія ловкихъ игроковъ, хорошо знакомыхъ съ передергиваньемъ и краплеными колодами, то что же сказать объ открытыхъ клубахъ, которые служатъ истиннымъ Эльдорадо для всевозможныхъ шуллеровъ? Люди, играющіе „навѣрняка“, составляютъ цѣлый легіонъ; они, подобно кокоткамъ, добродѣтельны по натурѣ, и въ ихъ мірѣ имъ прощается много, когда они много проиграли. У меня былъ списокъ этихъ артистовъ, заключавшій въ себѣ полторы тысячи именъ. Но самыя точныя свѣдѣнія объ ихъ подвигахъ не даютъ полиціи права арестовать шуллеровъ, если они не застигнуты на мѣстѣ преступленія, если на нихъ не сдѣлано доноса и мошенничество не подтверждено точными и заслуживающими довѣрія свидѣтельскими показаніями. Между тѣмъ такія благопріятныя условія для ареста встрѣчаются крайне

Digitized by Google

рѣдко, потому что уличеннаго шуллера обыкновенно просятъ только прекратить на будущее время свои продѣлки.

Если мы перечислимъ всѣ игорные клубы Парижа, дозволенные префектурой, то о каждомъ изъ нихъ можно сказать приблизительно одно и то же: вездѣ между случайными посѣтителями, слишкомъ легко допускаемыми въ собраніе, незамѣтно втирается множество ловкихъ мошенниковъ. Но изъ-за этого еще нельзя запретить клубной игры. Нужно только зорко наблюдать за нею и отъ времени до времени прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ. Между тѣмъ бо̀льшая строгость въ настоящемъ случаѣ привела бы единственно къ закрытію публичныхъ собраній и къ увеличенію тайныхъ притоновъ азартной игры.

Игра, какъ и развратъ, имѣетъ свои дома терпимости; но для того, чтобы публика не обманывалась насчетъ полицейскаго надзора, слѣдовало бы написать крупными буквами и на тѣхъ, и на другихъ вертепахъ: *S. G. D. G.*

Ранкъ, бывшій муниципальный совѣтникъ города Парижа, выразился 27 марта 1872 года такимъ образомъ: „Пока существуетъ полицейская префектура, у насъ не будетъ муниципальной полиціи, достойной этого имени.... Здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго, если вспомнить, при комъ основана префектура. Это— организованное гнѣздо взяточничества, которое не можетъ быть терпимо въ свободномъ государствѣ“.

Полицейская префектура существовала не всегда. Парижъ имѣлъ у себя настоящую муниципальную полицію; она, правда, не представляла собою гнѣзда организованнаго взяточничества, но все таки не была образцовой и безупречной. Привожу въ подтвержденіе моихъ словъ слѣдующій документъ, хотя онъ относится къ VI-му году, но рисуетъ такую вѣрную картину парижскихъ нравовъ послѣ уничтоженія полицейской власти и при администраціи муниципалитета, что я нахожу его крайне убѣдительнымъ.

„Полицейскій рапортъ о нравственномъ состояніи Парижа въ VI году.

Свобода—Равенство.

„Парижъ, 5-го преріаля, годъ VI Французской Республики, единой и нераздѣльной;

„Комисаръ исполнительной власти при центральномъ бюро парижскаго кантона гражданину Мерлэну, президенту исполнительной директоріи.

„Гражданинъ-президентъ!

„Парижъ наслаждался полнѣйшимъ спокойствіемъ, однако мы должны помнить, что оно обходится Республикѣ слишкомъ дорого,

Digitized by Google

обусловливаясь опаснымъ снисхожденіемъ къ пороку. Трудно представить себѣ, до чего дошла распущенность нашихъ нравовъ. Ремесленники пьянствуютъ теперь по четыре дня изъ десяти и отцы семейства, живущіе въ нуждѣ, тратятъ свой десятидневный заработокъ на кутежи въ кофейняхъ, игорныхъ притонахъ и въ кабачкахъ, развращающихъ рабочее сословіе. Такія вредныя развлеченія оставляютъ въ душѣ только одну пустоту, пріучая людей къ праздности и доводя ихъ до окончательной гибели. Дворецъ, названный Равенствомъ, но по прежнему оставшійся *Пале-Роялемъ*, служитъ, въ особенности за послѣднія двѣ недѣли, мѣстомъ самаго возмутительнаго разврата. Здѣсь поселились разнузданные негодяи, которые, начиная съ десяти часовъ вечера, продѣлываютъ публично подъ навѣсомъ цирка неслыханныя мерзости. Не стану скрывать отъ васъ, гражданинъ-президентъ, что въ центральное бюро недавно привели нѣсколькихъ мальчиковъ, не старше шестилѣтняго возраста: несчастныя дѣти были покрыты страшной венерической сыпью. Нельзя равнодушно слушать разсказы малютокъ о совершенныхъ надъ ними гнусностяхъ, тѣмъ болѣе, что сами матери приводили въ *Пале-Рояль* своихъ сыновей, сдѣлавшихся орудіемъ отвратительнаго и противоестественнаго порока. Современное поколѣніе, повидимому, примѣняетъ на практикѣ уроки, заимствованные изъ грязнаго романа *Justine* и все это происходитъ съ безпримѣрнымъ нахальствомъ, на глазахъ у блюстителей порядка, почти безсильныхъ противъ безчинствъ, совершаемыхъ въ центрѣ столицы. У нѣкоего Боссероля, отца семейства, торгующаго лимонадомъ на углу улицы Дени и улицы Проповѣдниковъ, нѣсколько времени тому назадъ, похитили десятилѣтнюю дочь; теперь дѣвочка вернулась домой, зараженная сифилисомъ въ такой сильной степени, что врачи спеціалисты объявили ее неизлѣчимой. Всѣ усилія родителей отъискать злодѣя, виновника гнуснаго насилія, не увѣнчались пока успѣхомъ. Проституція между женщинами достигла ужасающихъ размѣровъ, самые старые полицейскіе инспектора не запомнятъ такого скопленія публичныхъ женщинъ. И Петитъ-Форсъ, и депо центральныхъ бюро переполнены ими. Администраторы находятъ нужнымъ устроить новое депо во Франсіадѣ. Граждане Кузенъ и Милли осматривали сегодня это помѣщеніе съ архитекторомъ. Даже маленькія дѣвочки отъ семи до восьми лѣтъ предлагаютъ мужчинамъ на улицахъ свои услуги. Гражданинъ-президентъ! подобные проступки недостаточно предусмотрѣны законами исправительной полиціи. Улика на мѣстѣ преступленія невполнѣ ясно обусловлена въ нашемъ кодексѣ, и

Digitized by Google

такое блужданіе въ потемкахъ со стороны блюстителей правосудія сильно способствуетъ безнаказанности виновныхъ. Намъ давно пора принять энергическія мѣры противъ этой ужасной разнузданности, которая угрожаетъ гибелью всѣмъ республиканскимъ учрежденіямъ и даже самой Республикѣ. Роялисты злорадствуютъ, видя такое положеніе дѣлъ. Они понимаютъ, насколько духъ распущенности, заразившій всѣ классы общества, подрываетъ республиканскій духъ, представляя собою печальный контрастъ цивическимъ добродѣтелямъ, которыя должны служить опорами Республики.

„Съ другой стороны, раздаются обвиненія противъ правительства, допускающаго подобныя безчинства. Коварный, нетерпимый католицизмъ спѣшитъ воспользоваться удобнымъ моментомъ для нападенія на своихъ противниковъ. Духовенство строго упрекаетъ республиканцевъ въ томъ, что они преслѣдуютъ религію, которая одна можетъ обуздать порокъ. Случаи воровства и убійства, эти страшные плоды упадка нравственности, сдѣлались особенно часты. Каждый день обнаруживаются новыя преступленія. Я всѣми силами настаиваю на мѣропріятіяхъ, необходимыхъ для успѣшной борьбы съ такой гибельной общественной язвой, но долженъ вамъ сказать, гражданинъ-президентъ, что средства центральнаго бюро далеко не достаточны. Значительная часть служащихъ здѣсь приставовъ и большинство инспекторовъ—люди до того безчестные, что они, вмѣсто пользы, приносятъ вредъ. Эти чиновники берутъ контрибуцію съ проститутокъ, съ игорныхъ домовъ и всяческихъ притоновъ, потворствуя самымъ безсовѣстнымъ образомъ гнусному промыслу. Администрація бюро состоитъ хотя изъ порядочныхъ личностей, но дѣйствуетъ непростительно вяло и рутинно. Собственные агенты помыкаютъ ею: они пишутъ начальству пустые рапорты, и оно выказываетъ подчиненнымъ неограниченное довѣріе. Это было бы смѣшно, еслибы не угрожало самыми пагубными послѣдствіями для нравственности и безопасности милліоннаго населенія столицы. Финансовое положеніе центральнаго бюро какъ нельзя болѣе плачевно: внутренніе и заграничные агенты, а также всѣ служащіе, вотъ уже полгода не получаютъ жалованья. Вы понимаете, гражданинъ-президентъ, что недостатокъ денежныхъ средствъ дѣлаетъ этихъ людей еще болѣе доступными для подкупа.

„Прійти къ нимъ на помощь необходимо не только въ видахъ справедливости, но также и политики, потому что подобные факты ведутъ къ самымъ серьезнымъ послѣдствіямъ.

„Вотъ что я счелъ своимъ долгомъ сообщить вамъ, гражданинъ-президентъ.

„Примите мое привѣтствіе и почтеніе. *Подписано:* „Пикенаръ“.

Digitized by Google

Однѣ и тѣ же причины производятъ одинаковыя слѣдствія. Еслибы муниципальный совѣтъ въ 1885-мъ году былъ обязанъ набирать полицейскій персоналъ и распоряжаться его дѣйствіями, то мы очень скоро дошли бы до тѣхъ безчинствъ, о которыхъ комисаръ при центральномъ бюро доносилъ Мерлэну Дуэ.

И какъ могло быть иначе? Я не подвергаю сомнѣнію ни компетентность выборныхъ Парижа, ни ихъ преданность общему благу; какъ бы ни были честны намѣренія членовъ муниципалитета, эти люди, служащіе по выборамъ, не могутъ авторитетно исполнять обязанности полицейскаго начальства.

Извѣстно, что избиратели всегда ищутъ протекціи у избранныхъ ими лицъ, и муниципальные совѣтники осаждались бы просьбами о принятіи въ полицейскую службу. Что же бы изъ этого вышло?

Не всякій желающій можетъ быть опредѣленъ въ судебное вѣдомство, въ министерство народнаго просвѣщенія или въ дипломатическій корпусъ. Отклоняя просьбы этихъ лицъ, можно мотивировать свой отказъ, опираясь на недостатокъ опытности или научной подготовки просителя къ избранной имъ карьерѣ. Но что отвѣтить тому, кто желаетъ поступить въ полицію?

Когда, къ столѣтію французской революціи, послѣ всѣхъ прекрасныхъ реформъ, которыми хотятъ насъ осчастливить, какой нибудь неподкупный комисаръ вздумаетъ представить рапортъ о нравственномъ состояніи Парижа, надо опасаться, чтобы онъ не выразился о своихъ сослуживцахъ, какъ его предшественникъ, жившій въ VI-мъ году.

Но парижскій муниципальный совѣтъ думалъ совершенно иначе въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Тогда автономисты желали имѣть мэра, избраннаго муниципальными совѣтниками и управляющаго полиціей подъ ихъ контролемъ и по ихъ разумѣнію. Однако Парижъ, какъ мѣстопребываніе народныхъ властей и представителей иностранныхъ державъ, не можетъ считаться муниципальнымъ городомъ. По моему, онъ принадлежитъ скорѣе націи, чѣмъ парижанамъ, и взамѣнъ тѣхъ преимуществъ, какими пользуется каждая столица, ему слѣдовало бы отказаться отъ общинной жизни, чтобы, во имя всей страны, подчиниться управленію чиновниковъ и того собранія, которое служитъ представителемъ только цѣлаго государства. Адресованный мнѣ въ мартѣ 1881 года запросъ Депасса о состояніи охранительной полиціи въ Парижѣ засталъ меня именно при такомъ образѣ мыслей.

Прежде всего, мы поспорили по поводу того, какой назначить день для обсужденія запроса.

Digitized by Google

Я потребовалъ слова и сказалъ приблизительно слѣдующее:

„Милостивые государи, когда я имѣлъ честь вступить въ мою настоящую должность, то узналъ, что между муниципальнымъ совѣтомъ и моими предшественниками установился обычай требовать объясненій отъ префекта, чему я охотно подчинился съ своей стороны.

„Это послужило мнѣ поводомъ доставить совѣту и городскому населенію много полезныхъ свѣдѣній, и не разъ давало случай, защищаясь отъ нападокъ прессы, разсѣять тревожные слухи, ходившіе въ обществѣ. Въ интересахъ собственной администраціи, я готовъ и теперь поддержать установившійся обычай, охотно уступая желанію почтенныхъ членовъ совѣта, которые нашли нужнымъ обратиться ко мнѣ за нѣкоторыми справками. Но здѣсь позволю себѣ замѣтить, что муниципальный совѣтъ—не парламентъ, а полицейскій префектъ—не министръ, отвѣтственный передъ этимъ собраніемъ. Представитель государства не можетъ быть отвѣтственъ передъ выборными общины. Въ силу этого, милостивые государи, я не могу давать вамъ официальныхъ объясненій, подвергая вашей оцѣнкѣ мои дѣйствія и подчиняясь заключительному постановленію, балотированному совѣтомъ".

Совѣтъ большинствомъ 54 голосовъ противъ 2-хъ, такъ какъ правая сторона уклонилась отъ подачи мнѣній, постановилъ слѣдующее:

„Совѣтъ, настаивая на своемъ правѣ дѣлать администраціи вопросы и официальные запросы, кончающіеся выраженіемъ порицанія или одобренія, постановилъ назначить разборъ запроса, сдѣланнаго г. Депассомъ, на будущій вторникъ".

Однако въ назначенный день я не явился на засѣданіе совѣта, письменно напомнивъ его членамъ, что считаю себя обязаннымъ уклониться отъ этого. Совѣтъ отвѣчалъ на мое письмо постановленіемъ, гдѣ, между прочимъ, говорилось:

„Администрація г-на Андріё не представляетъ достаточныхъ гарантій для безопасности Парижа".

Президентъ французской республики, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ и исповѣданій, нашелъ, что, осуждая образъ дѣйствій и порицая поступки должностнаго лица, неотвѣтственнаго передъ нимъ, муниципальный совѣтъ Парижа превысилъ свою власть. На основаніи этого, постановленіе, принятое 22-го марта 1881 года муниципальнымъ совѣтомъ, объявлено недѣйствительнымъ.

Вслѣдъ затѣмъ совѣтъ напечаталъ слѣдующее постановленіе:

„Такъ какъ муниципальный совѣтъ Парижа утверждаетъ бюд-

Digitized by Google

жетъ полицейской префектуры, расходы которой достигаютъ 22-хъ милліоновъ франковъ,

„Такъ какъ, по высшему принципу народнаго права, всѣ собранія, ассигнующія суммы на расходы того или другаго вѣдомства, нравственно обязаны контролировать употребленіе этихъ суммъ, а между тѣмъ такой контроль немыслимъ, если муниципальному совѣту запретятъ обращаться къ полицейскому префекту съ вопросами и запросами касательно охранительной полиціи въ Парижѣ, что имѣетъ прямую связь съ муниципальными интересами,

„То совѣтъ констатируетъ, что журнальное постановленіе отъ 19 марта 1881 года, которымъ рѣшено поддерживать право совѣта на запросы, сопровождаемые мотивированными рѣшеніями, не было объявлено недѣйствительнымъ и существуетъ во всей силѣ;

„Затѣмъ, совѣтъ выражаетъ живѣйшее сожалѣніе по поводу натянутыхъ отношеній между нимъ и префектомъ полиціи, что угрожаетъ повредить успѣшной администраціи муниципальныхъ дѣлъ. Въ виду этого, совѣтъ заявляетъ правительству о невозможности оставаться дольше въ такомъ невыносимомъ положеніи“.

На другой же день, радикальная пресса внушительно заявила правительству, что ему необходимо уволить меня со службы, такъ какъ въ противномъ случаѣ муниципальный совѣтъ сложитъ съ себя свои полномочія. Оппортюнистскія газеты въ то же время, съ самыми деликатными ораторскими предосторожностями, совѣтовали мнѣ подать въ отставку.

Но пока министры обсуждали дѣло, муниципальные совѣтники прибѣгли къ краснорѣчію публичныхъ ораторовъ. Гражданинъ Жюль Рошъ назначилъ въ Елисей-Монмартрѣ конференцію: „О столкновеніи префекта полиціи съ муниципальнымъ совѣтомъ“. Плата за входъ 50 сантимовъ.

„Мое самое завѣтное желаніе заключается въ томъ, чтобы полиція перешла въ руки выборнаго мэра, и чтобы полицейскіе не носили больше оружія“, заявилъ, между прочимъ, ораторъ, причемъ его слова были покрыты аплодисментами присутствующихъ.

Засѣданіе закрылось при громкихъ крикахъ: „Да здравствуетъ община! Долой Андріё!“

Ободренные такими манифестаціями, муниципальные совѣтники, сдѣлавъ между собою тайный уговоръ, рѣшили прервать всякія сношенія съ полицейскимъ префектомъ и не разсматривать даже официальныхъ бумагъ, которыя могли быть присланы въ совѣтъ изъ префектуры.

Ихъ мужественная рѣшимость не удовлетворила однако Лу-

Digitized by Google

изы Мишель, которая напечатала въ своемъ журналѣ *Révolution Sociale* статью противъ меня, полную угрозъ и дерзкой брани.

„Подлый сбиръ Андріё,—писала журналистка, получавшая отъ меня щедрыя субсидіи на изданіе,—долженъ помнить, какая судьба ожидаетъ притѣснителей. Говоря откровенно, полицейскій префектъ вполнѣ заслуживаетъ, чтобы какой нибудь смѣльчакъ отправилъ его поскорѣе къ праотцамъ".

Депутаты Сены не могли не доложить парламенту о дѣлѣ полицейской префектуры. Отъ ихъ имени была представлена въ бюро палаты просьба объ интерпеляціи.

Запросъ былъ развитъ Паскалемъ Дюпрà.

Сначала онъ перечислилъ качества, необходимыя для хорошаго префекта полиціи: проницательность, рѣшительность и уступчивость. Ораторъ не отказывалъ мнѣ въ рѣшительности, признавая даже, что у меня ея, пожалуй, слишкомъ много, но онъ подвергъ сомнѣнію мою проницательность, а относительно послѣдняго пункта прибавилъ, что *я*, вѣроятно, и самъ не имѣю претензіи прослыть человѣкомъ уступчивымъ.

Между тѣмъ Констанъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, рѣшительно принялъ сторону своего префекта, защищая его въ самыхъ категорическихъ выраженіяхъ, поразившихъ собраніе. Хотя недостатокъ мягкости въ характерѣ этого подчиненнаго иногда причинялъ ему досаду, но личныя чувства не помѣшали министру твердо отстаивать неотъемлемыя права государства. Перебравъ послѣдовательно всѣ придирки муниципальнаго совѣта, Констанъ доказалъ, что каждая изъ нихъ была вторженіемъ въ область центральной власти, и что парижскій муниципалитетъ явно стремился предписывать законы правительству Франціи. Большинство собранія покрыло эту рѣчь аплодисментами. Послѣ засѣданія мнѣ передали просьбу Гамбетты о томъ, чтобы я измѣнилъ въ своемъ отвѣтѣ слѣдующую фразу: „Мы должны рѣшить, что̀ для насъ выше: государство или парижская коммуна". Согласно желанію президента палаты, я переиначилъ эти выраженія. Гамбеттѣ не хотѣлось, чтобы наканунѣ выборовъ народу напоминали о коммунѣ.

Предложеніе намекнуть правительству на необходимость моей отставки было отвергнуто 354 голосами изъ 419.

По примѣру депутатовъ и муниципальныхъ совѣтниковъ, мои избиратели также вздумали сдѣлать мнѣ запросъ. Я отвѣчалъ имъ слѣдующее:

„Муниципальный совѣтъ Парижа представляетъ собою важное и почтенное учрежденіе, о которомъ я буду говорить съ подоба-

Digitized by Google

ющимъ уваженіемъ. Но все таки это не помѣшаетъ мнѣ напомнить вамъ, что большинство муниципальныхъ совѣтниковъ высказалось за автономію Парижа, т. е. за эмансипацію этого города по отношенію къ государству. Муниципалитетъ даже требовалъ, чтобы парижской общинѣ было предоставлено право утверждать раскладку, размѣры и способъ взиманія своихъ налоговъ.

„Еслибы автономія Парижа осуществилась, то муниципальный совѣтъ прежде всего принялся бы за полицейскую префектуру, чтобы преобразовать ее на свой ладъ. Но Парижъ, съ его двухмилліоннымъ населеніемъ, не можетъ считаться общиной, какъ всякій другой городъ. Если вы прибавите еще сюда, что онъ—столица Франціи, мѣстопребываніе народныхъ властей и представителей иностранныхъ державъ, то вамъ сдѣлается понятнымъ, что Парижъ—не просто муниципальный городъ, а уже національный, который принадлежитъ не одному себѣ, а всей странѣ. Нація со своей стороны не останавливается ни передъ какими жертвами, чтобы поставить свою столицу на должную высоту передъ цѣлымъ свѣтомъ. Какія громадныя суммы были собраны во Франціи путемъ податныхъ платежей на постройку парижскихъ дворцовъ и театровъ, на роскошныя коллекціи его музеевъ, на поощреніе искусствъ, наукъ и литературы! Городъ, пользующійся всѣми подобными преимуществами, долженъ, съ своей стороны, жертвовать чѣмъ нибудь для спокойствія и безопасности націи.

„Исходя изъ этой мысли, законодатель предоставилъ парижскую полицію въ вѣдѣніе должностнаго лица, назначаемаго государствомъ и отвѣтственнаго только передъ министрами. Вспомните, что полицейская префектура имѣетъ массу служащихъ: 6,000 блюстителей порядка, множество инспекторовъ, агентовъ и чиновниковъ; сюда же надо прибавить полкъ саперовъ, пожарныхъ и легіонъ республиканской гвардіи, что составитъ около 11,000 человѣкъ. Полицейская префектура есть учрежденіе, наблюдающее въ Парижѣ за неприкосновенностью личности и имущества жителей, но, кромѣ того, она слѣдитъ за дѣйствіями политическихъ партій и, въ случаѣ надобности, принимаетъ мѣры къ прекращенію безпорядковъ. Однимъ словомъ, полицейская префектура—сила въ Парижѣ.

„Справедливо сказано: кто держитъ въ своихъ рукахъ Парижъ, тотъ держитъ и всю Францію. Можно ли послѣ этого допустить, чтобы муниципальный совѣтъ столицы только одинъ и по своему усмотрѣнію распоряжался парижской полиціей, охраняя безопасность всѣхъ общественныхъ учрежденій и народныхъ властей? Защищая права государства, я желалъ поддержать ваши соб-

Digitized by Google

ственныя права; теперь прошло уже время, когда монархъ могъ воскликнуть: „государство—это я!“ Въ наши дни, почтенные сограждане, государство—это вы!“

Рѣшеніе муниципальнаго совѣта не сообщаться съ полицейскимъ префектомъ не на шутку затрудняло правительство.

Радикальная пресса, совѣтовавшая уволить меня со службы, не встрѣтила сочувствія въ правительственныхъ сферахъ. Распустить муниципальный совѣтъ было также немыслимо. Подобная мѣра угрожала неизбѣжной неудачей оппортюнистскимъ кандидатамъ въ Парижѣ именно въ тотъ моментъ, когда вся внутренняя политика, повидимому, вращалась около вопроса о вторичномъ избраніи Гамбетты въ Бельвильскомъ кварталѣ.

Я далъ замѣтить, что разрывъ съ муниципальнымъ совѣтомъ, на самомъ дѣлѣ, не представлялъ особенной важности.

Высказавшись передъ комисіей противъ законопроэкта, представленнаго министромъ иностранныхъ дѣлъ, я убѣдился въ полной невозможности оставаться дольше полицейскимъ префектомъ: несогласіе между мною и правительствомъ сдѣлалось явнымъ. Явившись лично къ президенту совѣта, я вручилъ ему просьбу объ отставкѣ. Жюль Ферри принялся отговаривать меня; по его словамъ, мое увольненіе могло повредить успѣху предложеннаго имъ законопроэкта и, кромѣ того, потворствовало муниципальнымъ претензіямъ. Расположеніе къ президенту, а также надежда на то, что правительство согласится наконецъ съ высказаннымъ мною мнѣніемъ о независимости префектуры, заставило меня отложить подачу просьбы объ отставкѣ.

Но какъ мнѣ только сказали о послѣднихъ заявленіяхъ Констана предсѣдателю комисіи, я рѣшилъ иначе и тотчасъ написалъ Жюлю Ферри письмо, гдѣ, между прочимъ, высказалъ слѣдующее:

„Считаю своей обязанностью окончательно подать вамъ просьбу объ увольненіи, чтобы имѣть возможность въ свое время свободно опровергнуть передъ палатой одинъ законопроэктъ, который, по моему, приведетъ къ совершенному упадку полицейской префектуры.

„Кромѣ того, опытъ, который затянулся, пожалуй, на слишкомъ долгій срокъ, убѣдилъ меня въ несовмѣстимости службы полицейскаго префекта съ законодательнымъ полномочіемъ; хотя это позволено закономъ, но приноситъ одинаковый ущербъ какъ независимости депутата, такъ и субординаціи государственнаго чиновника“.

Послѣ моей отставки, выборъ правительства палъ на Камескаса, бывшаго префекта въ разныхъ департаментахъ, директора

Digitized by Google

департаментской и общинной администраціи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Съ тѣхъ поръ прошло около четырехъ лѣтъ, и, по странному совпаденію, когда я выписывалъ для читателей текстъ моей просьбы объ отставкѣ, газеты сообщили мнѣ о выходѣ со службы моего преемника. Добродушный и привѣтливый Камескасъ настолько же старался ладить съ муниципальнымъ совѣтомъ, насколько его предшественникъ выказывалъ неуступчивости въ этомъ отношеніи.

Камескасъ былъ человѣкъ покладистый; онъ проявилъ большую находчивость въ стараніи ничего не дѣлать, чтобы избѣжать всякой отвѣтственности. А между тѣмъ восьмидесятиголовая муниципальная гидра, повидимому, не была къ нему благосклоннѣе, чѣмъ ко мнѣ. Во время управленія Камескаса муниципальный совѣтъ впервые единогласно отказался утвердить бюджетъ полицейской префектуры. Я, по крайней мѣрѣ, еще не испыталъ такой крайней немилости. Опытность моего преемника, его миролюбивый характеръ и высокія достоинства достаточно ручаются за то, что не личныя недоразумѣнія и неудовольствія, а другія болѣе серьезныя причины привели къ разрыву между полицейскимъ префектомъ и представителями парижской общины. Въ настоящемъ случаѣ недоразумѣніе существуетъ между государствомъ и муниципальнымъ совѣтомъ; для нихъ остается всегда источникомъ безконечныхъ споровъ вопросъ о томъ, какія полицейскія учрежденія соотвѣтствуютъ болѣе всего столицѣ государства, гдѣ основой всякой власти служитъ всеобщая подача голосовъ.

Я развилъ ту идею, что демократіи нужна исполнительная власть, независимая отъ парламента, какъ относительно свободы дѣйствій, такъ и своего избранія. Прибавлю еще, что этой исполнительной власти необходимо опираться на государственную полицію, также вполнѣ независимую отъ муниципалитета. Для того, чтобы полицейская префектура отвѣчала этой потребности, ей нужно стать прямо государственнымъ учрежденіемъ; невѣрное званіе парижскаго *мэра для полиціи*, присвоенное полицейскому префекту, слѣдуетъ уничтожить, какъ и всякія сношенія этого должностнаго лица съ муниципальнымъ совѣтомъ, и наконецъ необходимо присоединить къ префектурѣ вѣдомство охранительной полиціи. Этотъ планъ устройства демократическаго государства, пожалуй, не будетъ одобренъ либеральными умами, но общественное мнѣніе не должно больше смѣшивать понятія одемократіи съ понятіемъ о свободѣ.

Конецъ.

Digitized by Google

НИЛЬСКІЙ КРОКОДИЛЪ.

Повѣсть.

VIII.

„Въ это время караванъ нашъ, поднявшись еще выше, огибалъ юговосточный склонъ вершины Елеонской горы. Здѣсь развернулась предъ нами иная далекая картина, которой я до смерти не забуду. Прямо предъ глазами—угрюмая сѣрая низина, окаймленная сѣрыми, выжженными солнцемъ, горами; за ними, сколько хваталъ глазъ—все горы и горы, мрачныя, пустынныя, мертвыя. Это и есть начало той пустыни, на концѣ которой, ближе къ Іордану, сорокъ дней скрывался Іисусъ, готовясь къ своему великому подвигу. За предѣлами этой горной пустыни, далеко-далеко, синѣется какая-то полоса—не то полоса неба, упавшая на край пустыни, не то полоса моря. Это и есть Мертвое море. Издали кажется, что оно вставлено въ рамку—съ одной стороны горъ пустыни, съ другой—облаковъ. Но это не облака—это горы Аравіи, мрачныя горы Моавитскія и Аммонитскія. А за ними уже—небо Аравіи. Вотъ что́ обхватываетъ взоръ съ высотъ, на которыхъ пріютилась жалкая деревушка — груда развалинъ, съ жалкими каменными лачужками среди этихъ развалинъ. Это—Виѳанія, около которой, по склону горы, темнѣетъ зелень смоковницъ, маслинъ и гранатъ. Тутъ же—жалкія нивки на камняхъ, засѣянныя пшеницей. Но я не могу оторвать глазъ отъ угрюмой и величественной дали. Я понимаю, почему Христосъ такъ любилъ это мѣсто, гдѣ жилъ его другъ Лазарь и гдѣ такъ любили его двѣ поэтическія женщины, такъ любили, что одна изъ нихъ, болѣе восторженная, встрѣчая его возвращающимся изъ пустыни, мазала его ноги драгоцѣннымъ масломъ и вытирала ихъ своею косою... Замѣчаете—и я начинаю впадать въ тонъ Зои Алкивіадовны. Да тамъ по неволѣ впадешь въ этотъ тонъ.

„Не успѣли мы проѣхать отъ Виѳаніи и четверть версты, какъ

Digitized by Google

отецъ Мисаилъ, остановивъ своего ослика, указалъ на какой-то плоскій камень, виднѣвшійся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашего пути.

„— Это что̀ за камень? спросила Зоя.

„— Это *камень бесѣдованія*, отвѣчалъ Мисаилъ.—Помните, въ евангеліи отъ Іоанна говорится о смерти Лазаря. Когда Лазарь заболѣлъ, Христосъ находился въ это время въ той сторонѣ, въ пустынѣ, и, узнавъ о болѣзни друга, поспѣшилъ къ нему. „Марѳа убо, егда услыша, яко Іисусъ грядетъ, срѣте его; Марія же дома сѣдяше. Рече же Марѳа ко Іисусу: Господи, аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ мой умерлъ“ (Іоан. XI, 20—21). Вотъ на этомъ камнѣ Марѳа ожидала Христа и здѣсь бесѣдовала съ нимъ.

„Объ этомъ камнѣ существуетъ преданіе, что онъ—вѣчный и несокрушимый. Этому вѣрятъ и христіане, и мусульмане. Что онъ дѣйствительно вѣчный—въ томъ и сомнѣнія быть не можетъ: въ Палестинѣ, гдѣ гористая почва — вся камень и кремень, все это остается вѣчнымъ, все переживаетъ тысячелѣтія. Нашъ игуменъ Даніилъ цѣловалъ этотъ камень въ XI вѣкѣ! Князь Радзивилъ-Сиротка цѣловалъ его триста лѣтъ назадъ. И я видѣлъ этотъ камень. Что Марія, ожидая Христа изъ пустыни, должна была высматривать его именно съ этого камня, въ этомъ убѣдится всякій: сто̀итъ только встать или сѣсть на камень, чтобы видѣть пустынное междугорье, по которому извивается каменистая дорожка къ Іерихону, до самаго Адомима. А только по этой дорожкѣ и могъ идти Іисусъ; другаго пути нѣтъ и не было ни до Христа, ни послѣ него въ этой пустынѣ. И самая дорожка, по которой двигался нашъ караванъ—вѣчная! По ней ходилъ Авраамъ со своими верблюдами, по ней убѣгалъ изъ Содома Лотъ съ дочерьми, въ моментъ огненнаго изверженія въ долинѣ Мертваго моря, пожравшаго Содомъ и Гоммору. Солнце, между тѣмъ, уже довольно высоко поднялось надъ зубчатыми вершинами горъ, мрачной оторочкой вставшихъ по правую сторону нашего пути, извивавшагося въ междугорьѣ, каменистою лощиною. Внизу, у самаго начала этой лощины, едва мы спустились въ нее послѣ Виѳаніи, передняя часть нашего каравана остановилась на водопой у источника, который называется Апостольскимъ. Онъ по праву носитъ это историческое имя. Отъ самаго Іерихона, черезъ всю эту пустыню вплоть до Апостольскаго источника, вы не встрѣтите ни капли воды, не то что ручеекъ или колодезь. Это на разстояніи почти 30-ти верстъ. Понятно, что когда Христосъ и апостолы шли изъ Іерихона къ Іерусалиму (а ходили они тутъ постоянно въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, и ходили пѣш-

Digitized by Google

комъ, ибо ни у кого изъ нихъ не было не только лошади или верблюда, но даже ослика), то къ концу пути ихъ должна была томить страшная жажда, особенно подъ солнцемъ Іудеи, гдѣ созрѣваютъ финики, и имъ негдѣ было утолить своей жажды, какъ только изъ этого источника.

„Ахъ, какъ я понимаю теперь одно мимолетное движеніе Зои! Но тогда—странное было состояніе моего духа!—тогда я съ холодною насмѣшкою въ душѣ отнесся къ этому движенію благородной женщины. Голова нашего каравана, вмѣстѣ съ главнымъ проводникомъ, англичанами и г. Негропуло, уже двинулась отъ Апостольскаго источника дальше, въ самую дебрь ложбины, когда мы только подъѣхали къ этому источнику. Онъ прикрытъ грубою каменною аркою, и вода по каменному желобку струится изъ отверстія, падая на камни и разбиваясь въ брызги.

„— Вотъ и источникъ Апостоловъ, сказалъ Паисій, останавливая своего ослика:—надо изъ него напиться... О! сколь часто Господь нашъ Іисусъ Христосъ, томимый жаждою, прикладывался къ этому святому желобку пересохшими устами.

„— Здѣсь? торопливо спросила Зоя.

„— Здѣсь, матушка Зоя Алкивіадовна.

„ Не успѣлъ онъ выговорить этихъ словъ, какъ Зоя въ одно мгновеніе соскочила съ сѣдла на землю, быстро подошла къ желобку и точно впилась въ него губами... Она не пила, а страстно цѣловала холодный камень, цѣловала воду, которая обливала ей лицо и грудь.

„— *Онъ* здѣсь пилъ! *Его* губы касались этого камня! крестилась она.

„Мы здѣсь напились и двинулись въ дальнѣйшій путь. Отсюда начинается необыкновенно дикое мѣсто. Сначала въ боковыхъ горахъ, на склонахъ, виднѣются пасущіяся овцы, и гдѣ нибудь на камнѣ торчитъ разбойничья фигура пастуха — „пастырь добрый, иже душу свою полагаетъ за овцы“; но у этого добраго пастыря непремѣнно винтовка въ рукахъ. Иногда со скалы поднималась какая нибудь невѣдомая для меня птица пустыни и, прошумѣвъ въ воздухѣ крыльями, скрывалась за другою скалою или садилась гдѣ либо высоко-высоко. Съ каждымъ шагомъ мѣстность становилась унылѣе, безотраднѣе. Вся жизнь отступила куда-то назадъ, далеко, и васъ обхватываетъ мертвая пустыня. Дебря за дебрей, скала за скалой, и только синее, высокое небо надъ головами напоминаетъ, что подъ нимъ есть гдѣ-то и жизнь, и радость,—только не здѣсь. И во всемъ караванѣ все какъ-то примолкло. Слѣдуя почти рядомъ съ Зоей, я украдкой наблю-

Digitized by Google

далъ за выраженіемъ ея прекраснаго лица. Теперь оно было необыкновенно задумчивое, какъ бы испуганное. Казалось, что оно отражало на себѣ весь этотъ путь, а задумчивые глаза выражали и тревогу души, и какое-то робкое благоговѣніе ко всему, что она видѣла. Я угадалъ состояніе ея духа, и впослѣдствіи она сама призналась мнѣ въ этомъ. По лицу и по ея глазамъ съ расширенными зрачками, я видѣлъ, что въ эти минуты она жила за тысячи лѣтъ назадъ: этими угрюмыми дебрями, среди этихъ горъ, этою мертвою пустынею она шла рядомъ съ тѣмъ, который когда-то проходилъ здѣсь, какъ и она, въ первый разъ, и шелъ, зная, что ожидаетъ его впереди. Послѣ всего, что Онъ уже совершилъ въ Галилеѣ и въ Капернаумѣ, и на озерѣ Тиверіадскомъ, и въ Іерихонѣ; послѣ того, какъ слава имени его прошла по всей Іудеѣ, онъ рѣшилъ идти наконецъ въ Іерусалимъ, говоря своимъ ученикамъ: „се восходимъ во Іерусалимъ, и сынъ человѣческій преданъ будетъ архіереомъ и книжникомъ, и осудятъ его на смерть“. Этою именно дорогою онъ шелъ тогда, въ этотъ первый разъ, и какимъ мрачнымъ долженъ былъ казаться ему этотъ путь въ невѣдомый городъ, гдѣ ожидала его ужасная смерть, на встрѣчу которой онъ самъ шелъ! За нимъ и ея мысль шла теперь слѣдомъ.

„— И *Его* глаза видѣли все это, что я теперь вижу? тихо, робко сказала она.

„Приближался полдень. Впереди, около какихъ-то красныхъ, словно кровавыхъ, скалъ, послышались выстрѣлы.

„— Это у „Добраго самарянина“ стрѣляютъ, пояснилъ Паисій.

„— Зачѣмъ?

„— Тамъ роздыхъ—дальше ѣхать нельзя по зною.

IX.

„Караванъ сдѣлалъ привалъ. Пустыня огласилась крикомъословъ, ревомъ моего верблюда, говоромъ людей. Мы совершили половину пути отъ Іерусалима къ Іерихону. Мѣсто, гдѣ мы остановились, называлось „кровавое“—Адомимъ. Кровавымъ оно называлось потому, что здѣсь когда-то, во времена евангельскія и послѣ, свирѣпствовали разбойники, которымъ такъ легко было скрываться въ горныхъ дебряхъ, въ пещерахъ и скалахъ, гдѣ рыщутъ только звѣри пустыни. Къ этому мѣсту пріурочилъ Христосъ и притчу свою о „добромъ самарянинѣ“...

Мѣсто это лежитъ на возвышеніи, какъ бы ущемленномъ между горъ. Въ правой сторонѣ отъ дороги небольшая пещера, куда можно спрятаться отъ зноя нѣсколькимъ человѣкамъ. Англичане тотчасъ же разбили для себя шатеръ нѣсколько выше, у откосовъ

Digitized by Google

развалинъ нѣкогда бывшей здѣсь „Гостинницы добраго самарянина". Для насъ же разбили шатеръ какъ разъ противъ пещеры. Я видѣлъ, что Зоя удалялась отъ меня и не отходила отъ отца Мисаила. Я замѣтилъ даже, что Трофимычъ сталъ на меня дуться и тоже держался либо по близости Зои, либо около Мисаила. И здѣсь они тотчасъ же удалились въ пещеру. Отецъ Мисаилъ и Зоя сѣли рядомъ въ глубинѣ пещеры, а Трофимычъ усѣлся противъ нихъ на корточкахъ, и тоже въ тѣни. Немного погодя, Мисаилъ вынулъ изъ-за пазухи небольшую книжку. Оказалось, что это было евангеліе.

„— Теперь я нигдѣ не хожу безъ сей книжицы, сказалъ онъ, постукивая по ней пальцами, словно по табакеркѣ.

„— Евангеліе? спросила задумчиво Зоя.

„— Евангеліе, матушка. Съ тѣхъ поръ, какъ мы исходили Святую землю вмѣстѣ съ Авраамомъ Сергѣевичемъ, я безъ евангелія не выхожу изъ дому—это я у него, у Норова, перенялъ. Бывало, куда бы мы ни пришли, куда бы ни пріѣхали, онъ сейчасъ вынимаетъ изъ портфеля либо евангеліе, либо библію, смотря по мѣсту, находитъ тамъ подходящую страницу и говоритъ:— „теперь мы прочитаемъ, что здѣсь говорится о семъ мѣстѣ". А то, бывало, присядетъ гдѣ либо въ тѣни, либо на камнѣ, вынетъ свой альбомъ, карандаши и срисовываетъ то мѣсто. И знатокъ, и искусникъ былъ Авраамъ Сергѣевичъ.

Трофимычъ жадно ловилъ его слова. Зоя же сидѣла грустная и задумчивая. Мужъ какъ будто забылъ объ ней: общество англичанъ вполнѣ имъ овладѣло. Скоро Мисаилъ нашелъ то мѣсто, которое искалъ, и изъ пещеры стала доноситься монотонная рѣчь, словно бы она неслась изъ алтаря:—„Самарянинъ же нѣкто грядый, пріиде надъ него и, видѣвъ его, милосердова" и пр. Слушая это чтеніе, Трофимычъ глубоко вздыхалъ, какъ это онъ дѣлалъ всегда, когда молился. Зоя же слушала разсѣянно. Ее видимо пугали ящерицы, которыхъ всегда такое множество въ этой пещерѣ и которыя, при своей немалой величинѣ, обладаютъ еще однимъ качествомъ, отличающимъ ихъ отъ европейскихъ ящерицъ: палестинскія ящерицы поютъ или какъ-то трещатъ, и это пѣніе въ первый разъ меня очень поразило.

„Но когда Мисаилъ дочиталъ до того мѣста, гдѣ Іисусъ говоритъ законнику:—„иди, и ты твори такожде",—Трофимычъ даже испуганные глаза сдѣлалъ, какъ будто приказаніе относилось непосредственно къ нему, и онъ долженъ былъ тотчасъ же куда-то идти и что-то творить, но что именно—онъ рѣшительно не зналъ. Въ этотъ моментъ, въ горахъ послышались выстрѣлы. Все

Digitized by Google

разомъ заволновалось. Кавасы, сидѣвшіе въ сторонкѣ, поджавъ ноги, и лѣниво болтавшіе, повскакали на ноги и схватились за ружья. Англичане выскочили изъ палатки съ пистолетами въ рукахъ. Я также схватился за ружье, висѣвшее на лукѣ сѣдла, которымъ осѣданъ былъ мой верблюдъ, лежавшій на самой опушкѣ и флегматично пережовывавшій жвачку,—и по какому-то несознанному инстинкту загородилъ собой пещеру, изъ которой выглядывало встревоженное личико Зои. Послѣдовали еще выстрѣлы—одинъ, два, три... Я глянулъ по направленію выстрѣловъ, однако въ горахъ, за скалами, ничего не было видно.

„Но въ эту минуту что-то мелькнуло въ ложбинѣ, отдѣлявшей нашу дорогу отъ кроваво-красныхъ пещеръ къ сѣверу. Я направилъ туда дуло моего ружья. Вдругъ вижу: ложбиной мчится прелестная серна. Мнѣ оставалось только спустить курокъ, и прелестное животное пало бы мертвымъ. У меня глазъ вѣренъ, и мое ружье не дало бы промаху—я зналъ себя. Но мнѣ стало жаль бѣднаго животнаго; я опустилъ дуло—и самъ вздрогнулъ! Послѣдовалъ выстрѣлъ. Зоя вскрикнула. Я думалъ, что это я сдѣлалъ машинально ударъ. Бѣдное животное подскочило—и растянулось неподвижно. Я оглянулся. Изъ группы стоявшихъ въ сторонѣ англичанъ тихо струился къ верху бѣлый дымокъ и растаялъ въ воздухѣ. Кавасы бросились въ ложбину и принесли оттуда убитую серну.—„Бѣдная! бѣдная!“ глядѣла на нее издали Зоя: —„и за что ее убили!“—Но кавасы и арабы, бывшіе въ нашемъ каравнѣ, не знали этой жалости и съ торжествомъ принесли серну къ англичанамъ. Тотчасъ же съ нея снята была шкура, и бѣдное животное немедленно разрѣзано на части. Сейчасъ же разложили два костра изъ валявшагося по близости сухаго верблюжьяго и овечьяго помета и растущихъ по скаламъ колючекъ и, вынувъ изъ ружейныхъ стволовъ желѣзные шомполы, живо принялись за стряпню; куски мяса насаживали на шомполы и тутъ же поджаривали на шашлыкъ. Лучшія части животнаго пошли на шашлыкъ для „инглизовъ“ а похуже—для самихъ кавасовъ и провожатыхъ.—„Шашлыкъ! якши шашлыкъ!“суетился одинъ арабъ, нѣсколько понатершійся по русски среди богомолокъ:—„самъ Кгриста шашлыкъ кушалъ“. Другіе провожатые—арабы и турецкіе кавасы возились около костровъ со своими маленькими кофейничками, которые у нихъ, вмѣстѣ съ сахаромъ, жаренымъ и молотымъ кофе, всегда хранятся въ переметныхъ сумахъ ихъ походныхъ сѣделъ. Одинъ же изъ нихъ, повидимому, записной гастрономъ, досталъ ручную маленькую мельничку и тутъ же смололъ для себя свѣжаго мокка. Сидя на корточкахъ, они преисправно

Digitized by Google

съѣли свой шашлыкъ, обгрызли всѣ косточки и облизали свои пальцы, а потомъ усердно готовили себѣ вкусное питье, безъ котораго восточный человѣкъ жить не можетъ;—и когда кофе былъ готовъ, рòзлили его въ маленькія чашечки и угощались имъ самымъ сибаритскимъ образомъ, покуривая „чибуки“ или вертушки изъ табаку.

„Роздыхъ нашъ продолжался до трехъ часовъ, когда солнце склонилось нѣсколько къ западнымъ горамъ, и дышать стало нѣсколько легче. За это время, мимо насъ прослѣдовало три каравана, на которыхъ бедуины везли изъ Аравіи въ Іерусалимъ и Яффу тюки съ кофе и хлопкомъ. Что-то внушительное и тоскливое наводятъ на меня всегда эти длинныя нити какъ бы съ нанизанными на нихъ верблюдами. Мѣрно, тихо переваливаясь, шагаютъ эти выносливыя библейскія животныя съ длинными, какъ у лебедя или змѣи, шеями, поводя по сторонамъ своими умными глазами. Однообразно позвякиваютъ большіе желѣзные, продолговатые, какъ гречишники, колокольчики, вложенные одинъ въ другой—и тоску и страхъ безнадежности наводятъ на душу эти звуки пустыни. А сами бедуины шагаютъ въ своихъ цвѣтныхъ бурнусахъ и головныхъ повязкахъ, рядомъ съ длинношеими животными, и у каждаго блеститъ въ рукахъ длинная, тонкая, перехваченная въ разныхъ мѣстахъ мѣдными обручами, винтовка. Да безъ нея и безъ кинжаловъ сыну пустыни и шагу сдѣлать нельзя: свой братъ бедуинъ ограбитъ и убьетъ, а еще хуже—за какимъ нибудь камнемъ, особенно по ту сторону Іордана, притаилась красивая, полосатая гигантская кошка или рыжее чудовище съ громадною косматою гривою, и пока бедуинъ успѣетъ взвести курокъ у своей, всегда наготовѣ имѣющейся, винтовки—чудовищная кошка уже на шеѣ или на горбѣ верблюда и вонзаетъ въ него свои смертоносныя иглы. Я не подозрѣвалъ, что завтра и мнѣ придется имѣть дѣло съ одною изъ такихъ страшныхъ кошекъ. Но объ этомъ въ свое время. Не подозрѣвалъ я и того, что эта страшная кошка сблизитъ меня съ незабвенною Зоею, которая... Послѣ! послѣ!

X.

„Въ три часа мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Пустыня была все та же—мертвая, безотрадная; но только теперь подъемъ въ горы кончился, и начинался спускъ къ долинѣ Іордана, хотя она была еще заслонена горами. Вдругъ одинъ изъ проводниковъ что-то закричалъ и указалъ на ближайшую гору. По крику его,

Digitized by Google

кавасы схватились за ружья. Я также машинально взвелъ курокъ и ждалъ, отыскивая глазами—гдѣ опасность. Послѣдовалъ выстрѣлъ, за нимъ другой. Въ гору, точно хромая, быстро неслось что-то темное.

„— Ахъ, опять бѣдненькая серна! боязливо вскрикнула Зоя.

„— Нѣтъ, не серна, матушка, отозвался Мисаилъ:—это скверный звѣрь, опасный. Это шакалъ. Видите, какъ забираетъ въ горы.

„Солнце уже низко спустилось за нами, надъ черными высями пустыни, когда передъ нами разомъ открылась долина Іордана и Мертваго моря. Поразительна была эта картина своею дикостью, своимъ далекимъ горизонтомъ, запертымъ мрачными, голыми горами Аравіи — Моавитскими и Аммонитскими. Внизу, ближе, золотимая косыми лучами заходящаго солнца, сверкала яркая зелень садовъ Іерихона... Іерихонъ! это слово—только иллюзія!—Отъ библейскаго и евангельскаго Іерихона не осталось ничего... Виднѣются только неправильныя груды камней, поросшихъ зеленью, да кое-гдѣ каменныя лачужки, какъ лисьи норы—жилища горсти арабовъ, пріютившихся на развалинахъ великаго города... Длинная, полуразрушенная каменная линія акведуковъ временъ владычества римлянъ,—когда Іерусалимъ еще не былъ разрушенъ до основанія и распаханъ плугами „Тита милосерднаго“, и когда долина Іордана текла молокомъ и медомъ, а розы Іерихона и гордыя пальмы соперничали съ розами Гюлистана и египетскими пальмами.—Камни да мусоръ—вотъ что̀ осталось отъ Іерихона. Осталась еще чудная зелень сикоморъ, тамариндовъ, олеандровъ, да „содомской яблони“. Отъ гордыхъ пальмъ не осталось и слѣда. Дальше—бѣлая песчаная равнина, упирающаяся въ Іорданъ и Мертвое море и какъ бы испятнанная темными группами „вербы іорданской“, особенно темнѣющейся у самой линіи священной рѣки. Вправо—неподвижная поверхность Мертваго моря, какъ бы дѣйствительно чего-то отверженнаго и людьми, и природой, чего-то проклятаго: хоть бы чайка пролетѣла надъ нимъ, хоть бы лодочка показалась на его поверхности—ничего! все мертво и безмолвно! За этой мертвой песчаной равниной, за извилистой нитью Іордана и за непривѣтливою поверхностью Мертваго моря вставали такія же непривѣтливыя горы Аравіи, заслоняя собою горизонтъ. При видѣ этой угрюмой и печальной картины, я все забылъ—и нашъ караванъ, и отца Мисаила, который набожно крестился, и Зою, прелестные глаза которой, какъ глаза изумленнаго ребенка, глядѣли на эту картину такъ, что, казалось, вотъ-вотъ брызнутъ слезами. Память и воображеніе,—эти друзья и подчасъ жестокіе мучители человѣка,—перенесли меня разомъ

Digitized by Google

за много-много тысячъ лѣтъ назадъ, и передо мной рисовались другія картины... Я вижу: на тѣхъ горахъ разбиты черные шатры, и между ними по чернымъ склонамъ пасутся стада верблюдовъ и овецъ. Кое-гдѣ виднѣются темныя фигуры людей съ длинными, къ верху загнутыми, палками. Это—пастухи. Снизу, отъ источника, что̀ журчитъ межъ камней, идутъ смуглыя полунагія женщины съ высокими кувшинами на головахъ. Изъ двухъ сосѣднихъ шатровъ выходятъ два бедуина съ еврейскими чертами лица. Въ этихъ бедуинахъ я узнаю родныхъ братьевъ—такъ похожи они другъ на друга. Это—Авраамъ и Лотъ. Они останавливаются и обозрѣваютъ свои стада, шатры, ближнія и дальнія горы.

„—Да не будетъ раздора между мною и тобою, говоритъ Авраамъ брату:—и между пастухами моими и твоими, ибо мы родственники. Не вся ли земля предъ тобою?—Пожалуйста, отдѣлись отъ меня. Если ты налѣво, то я направо; а если ты направо, то я налѣво.

„И возвелъ Лотъ очи свои, и увидѣлъ равнину іорданскую, которая, прежде нежели истребилъ Іегова Содомъ и Гоммору, вся, какъ садъ Іеговы, какъ земля Египетская, орошалась водою, даже до Цоара (кн. Быт. XIII, 8—10).

„Прошло много лѣтъ. Я вижу другую картину, совсѣмъ непохожую на первую.—Раннее утро, очень раннее. Черные шатры раскинуты нѣсколько южнѣе. Пасутся тѣ же стада овецъ и верблюдовъ. Тѣ же смуглыя женщины съ водоносами на головахъ. Снова изъ шатра выходитъ бедуинъ—старый, сѣдой, но бодрый; однако узнать его можно. Это Авраамъ. Онъ останавливается на горѣ Хевронѣ и съ высоты ея любуется долиною Іордана, владѣніями своего брата Лота. Вмѣсто простыхъ черныхъ шатровъ со стадами верблюдовъ и овецъ,—въ долинѣ, вдоль береговъ Іордана, раскинулись цвѣтущіе города, утопающіе въ зелени. Авраамъ видитъ ихъ, какъ на ладони. Вотъ богатый и шумный Содомъ, вотъ роскошная Гоммора, далѣе—Адама, Севоимъ и Цоаръ. Это богатое и торговое іорданское пятиградіе. Въ долинѣ обитаетъ только довольство и счастіе. И видитъ Авраамъ, какъ за цвѣтущею долиною, надъ горами каменистой Аравіи встаетъ солнце и лучами своими золотитъ всю цвѣтущую долину. Но вдругъ онъ слышитъ громъ—громъ на безоблачномъ небѣ!—Нѣтъ! это не громъ—это подземные удары. Удары все сильнѣе и сильнѣе. И видитъ Авраамъ со своей горы: отъ Содома торопливо идутъ четыре человѣческія фигуры. Онъ узнаётъ ихъ: это его братъ Лотъ съ женою и дочерьми—прекрасны эти смуглыя дочери Лота!—Но вдругъ послѣдовалъ страшный, оглушительный подземный ударъ, и Авра-

Digitized by Google

амъ съ ужасомъ увидѣлъ, какъ разверзлась земля въ долинѣ Іордана, и изъ разверстой земной пасти повалилъ дымъ, огонь, горящая сѣра... Было что-то ужасное... Но все это было дѣломъ одного мгновенія!—Не успѣлъ Авраамъ поднять рукъ къ небу, къ Іеговѣ, какъ на мѣстѣ долины Іордана оказалось голубое море, а недалеко отъ него небольшой бѣлый холмъ... Отъ этого холма съ плачемъ удалялись въ горы только три человѣка—Лотъ и его двѣ дочери... Мать ихъ, во время самаго взрыва, оглянувшись назадъ, съ испугу остановилась—и ее засыпало лавой и расплавленной солью... Горько заплакалъ Авраамъ, глядя на синюю поверхность моря, поглотившаго въ своей пучинѣ бѣдное пятиградіе...

„Прошли столѣтія. Я вижу иную картину. Въ долинѣ Іордана, вмѣсто цвѣтущаго пятиградія — все то же синее море; но оно—мертвое. Недалеко отъ устья Іордана, внизу горъ раскинулся богатый городъ, обнесенный высокими каменными стѣнами съ башнями. Сколько храмовъ, куполовъ, высокихъ палатъ въ городѣ! Кругомъ—роскошные сады до самыхъ горъ, съ которыхъ я теперь спускаюсь рядомъ съ Зоею. За Іорданомъ, на горахъ и у самой рѣки, развертывается величавая картина. Тысячи народу несутъ какой-то золотой жертвенникъ. Воздухъ оглашаютъ трубные звуки, да такіе могучіе, что земля и горы дрожатъ. Эти тысячи живыхъ людей съ верблюдами, на которыхъ сидятъ женщины и дѣти, двигаются сюда подъ ужасающіе трубные звуки. Они все ближе и ближе. Массы заливаютъ собою всю равнину до самыхъ стѣнъ города. А трубы гудятъ, не умолкая. Массы охватили собою весь городъ, лѣзутъ на стѣны. Трубные звуки ужасны!.. И Іерихонъ палъ. Это евреи воротились изъ Египта и вступили въ обѣтованную землю.

„Прошло еще болѣе тысячи лѣтъ. Я вижу еще иную картину, и все въ той же долинѣ Іордана, на которую теперь смотрю со спины моего верблюда. Іерихонъ—все такой же обширный и цвѣтущій городъ. Тамъ, гдѣ темнѣются вербы іорданскія, на берегу Іордана стоитъ человѣкъ, худой и загорѣлый, до половины прикрытый верблюжьею шкурою. Босыя ноги его потрескались, побитыя объ камни пустыни, изъ которой онъ вышелъ. Около него толпятся люди, а онъ рукою показываетъ имъ на воду. Люди входятъ въ воду и окунаются въ нее. Вдругъ въ отдаленіи, отъ горы, подъ которою раскинулся Іерихонъ, все ближе и ближе подходитъ къ человѣку въ верблюжьей шкурѣ другой человѣкъ... Худой-худой, загорѣлый... Но что за лицо, что за глаза!..

„— Баринъ! слѣзайте съ верблюда! — мы пріѣхали въ Ерихонъ!

Digitized by Google

„Я очнулся. Передо мною стоялъ Трофимычъ. Зоя, сойдя съ ослика, тянулась къ какой-то красивой зелени съ яркими плодами на вѣтвяхъ.

„— Матушка, Зоя Алкивіадовна! не трогайте! испуганно закричалъ Мисаилъ.—Уколетесь... это ядовитое дерево—„содомскія яблоки".

„Мы были въ Іерихонѣ.

XI.

„Наступила ночь. Мнѣ разбили шатеръ недалеко отъ гремучаго ручья, который течетъ съ горъ. Дивная ночь въ долинѣ Іордана; но она не навѣваетъ на меня сна. Я лежу съ открытыми глазами и прислушиваюсь къ звукамъ ночи: они такіе же таинственные, какъ таинственно все въ незнакомой мѣстности, особенно въ такой, гдѣ и днемъ, наяву, не всегда отличишь дѣйствительность отъ грёзы. Я слышу тихій говоръ за шатромъ.

„— Вы не спите?

„— Да, что-то не спится. Я такъ взволнована всѣмъ, что̀ видѣла. Да и вы не спите?

„— Мнѣ захотѣлось помолиться. Я и прошелъ туда, повыше, чтобы видно было „гору искушенія". Въ такихъ мѣстахъ сладко молиться.

„— И вы не скучаете здѣсь по Россіи?

„— Какъ не скучать!—Иногда сердце кровью обливается, какъ вспомнишь о ней. Да что̀ дѣлать!—обрекъ себя на подвигъ—все равно, что̀ похоронилъ себя.

„— Да, въ такихъ мѣстахъ, какъ здѣсь, и горе легче сносится... Я не понимаю только, зачѣмъ шляются сюда такіе франты, какъ этотъ вотъ...

„— Это вы объ офицерѣ-то?

„Я понялъ, что говорятъ обо мнѣ, и почувствовалъ даже въ темнотѣ краску стыда. Дѣйствительно, я велъ себя сегодня изъ рукъ вонъ.

„— Да, объ немъ... И зачѣмъ его принесло сюда!—Болтался бы въ Петербургѣ у Излера или въ Павловскѣ на музыкѣ...

„— Это кто же Излеръ?

„— Кабакъ тамъ одинъ свѣтскій. А то по водамъ бы шлялся.

„— Зои! послышался голосъ Негропуло.

„Она отозвалась по гречески на голосъ мужа и, простившись съ отцомъ Мисаиломъ, удалилась въ свою палатку. Только къ полуночи я забылся сномъ.

Digitized by Google

„— Баринъ! вставайте! пора ѣхать, слышу голосъ Трофимыча, и не могу сообразить—гдѣ я: мнѣ снилось, что мы—въ открытомъ морѣ, и пароходъ нашъ сражается съ тифонами.

„— Ты что? зачѣмъ трогаешь? не понималъ я.

„— Всѣ собрались ѣхать къ Ердани. Ужь и верблюдъ вашъ готовъ.

„Тутъ только я опомнился и поторопился встать. Трофимычъ стоялъ уже передо мною съ жестянымъ кувшиномъ и съ полотенцемъ.

„— А вы, баринъ, будете креститься? спрашивалъ онъ меня.

„— Какъ креститься? не понялъ я его: — я каждый день крещусь.

„— Нѣтъ,—а какъ младенцевъ крестятъ... въ Ердани... Отецъ Трифонтъ сказывалъ, что кто въ Ердани искупается, тотъ, значитъ, второй разъ крещенъ и будетъ чистъ, какъ младенецъ отъ купели.

„— Ужь будто бы? пошутилъ я.—Тебя хоть въ семи Іорданахъ крести, а ты все будешь вонять потомъ.

„Сказалъ, да и самъ раскаялся, вспомнивъ ночной разговоръ обо мнѣ.

„— Вы все съ шутками, баринъ,—а это грѣшно.—Не затѣмъ мы сюда пріѣхали.

„Урокъ!—Я уже больше не шутилъ и спѣшилъ готовиться въ путь. Утро было дивное. Таинственные ночные звуки смѣнились пѣніемъ пѣтуха, гдѣ-то среди развалинъ, и крикамиословъ. Солнце еще не всходило. Зубцы Моавитскихъ горъ рѣзко очерчивались на восточномъ горизонтѣ, а нѣсколько правѣе надъ этими гигантскими зубцами вставала гора Нававъ:—съ этой горы Моисей въ послѣдній разъ глядѣлъ на обѣтованную землю, на которую не суждено было ступить его усталымъ ногамъ, сорокъ лѣтъ бродившимъ по пустынямъ Аравіи съ „народомъ божіимъ“.

„Зоя и отецъ Мисаилъ сидѣли уже на ослахъ, когда я подошелъ къ своему верблюду. Я молча раскланялся съ ними, не смѣя взглянуть въ глаза Зоѣ. Она была блѣднѣе обыкновеннаго. „Иванъ Ивановичъ Излеръ и Іорданъ“, невольно сталкивались у меня въ мозгу эти два несовмѣстимыя представленія:—„Минерашки (какъ ихъ тогда называли) и — Мертвое море!“ Миновавъ груды камней и колючки загороди, за которыми, въ тѣни сикоморъ и бальзаминовъ, ютились жалкія каменныя норы—жилища іерихонскихъ арабовъ,—нашъ караванъ потянулся бѣлою солончаковою равниною къ востоку, къ тѣмъ темнымъ кущамъ іорданской ивы, за которыми извивалась къ Мертвому морю евангельская рѣка. Я

Digitized by Google

взглянулъ налѣво, гдѣ высилась, какъ голый костякъ мертвеца, гора Сорокадневная или гора Искушенія. Предшествовавшія душевныя тревоги и какая-то глухая внутренняя борьба, наконецъ, все то, что̀ я видѣлъ и вліянію чего силился не подчиниться, до того подѣйствовали на мое воображеніе, что мнѣ казалось, будто бы вдали отъ той горы двигается къ Іордану „человѣкъ нѣкій", но не такой, какимъ я видѣлъ его на картинѣ Иванова въ Римѣ, а такой, какого никто не умѣлъ изобразить ни кистью, ни словомъ... Мы долго ѣхали. Вотъ уже и кущи іорданскаго ивняка. Слышится даже плескъ воды и журчаніе, но рѣки еще не видно за кустами. Вдругъ отецъ Мисаилъ испуганно вскрикнулъ:

„— Господи! скачите съ сѣдла, скачите, ради Бога!

„Я видѣлъ, какъ въ одно мгновенье онъ свалился со своего ослика, вскочилъ, подбѣжалъ къ Зоѣ и навзничъ сталъ тащить ее съ сѣдла. Я моментально схватился за ружье и взвелъ курки. Въ то же мгновеніе, въ воздухѣ мелькнуло что-то темное... Полосатое чудовище, въ видѣ кошки, въ одинъ прыжокъ очутилось на спинѣ того осла, на которомъ ѣхала Зоя... Меня точно обожгло что̀ или кускомъ льда шмыгнуло по нервамъ. Я все понялъ —и спустилъ курокъ!.. Съ страшнымъ ревомъ чудовище сдѣлало скачокъ назадъ и повисло на шеѣ моего верблюда... Я спустилъ второй курокъ!—еще ужаснѣе ревъ—и чудовище свалилось на песокъ, обагряя его кровью... Какъ это сдѣлалось, я самъ себѣ не могу дать отчета. Помню только, что мертвый тигръ лежалъ на землѣ. Это былъ огромный звѣрь. Около него стояли кавасы и англичане. У всѣхъ на лицахъ было изумленіе и радость. Всѣ обращались ко мнѣ, и я догадывался, что меня поздравляли съ побѣдой. Нѣсколько впереди, Негропуло, Мисаилъ и Трофимычъ хлопотали около лишившейся чувствъ Зои. Я и другіе сообразили, что все это произошло такимъ образомъ. Караванъ нашъ сильно растянулся. Въ головѣ его слѣдовали англичане со своими проводниками и вьюками. Тамъ же былъ и Негропуло. Потомъ ѣхали два каваса. За ними—Зоя рядомъ съ Мисаиломъ, но такъ, что Зоя была съ правой стороны—къ сторонѣ Іордана и закрывавшихъ его кустовъ. За ними слѣдовалъ я, за мною—Трофимычъ и весь остальной хвостъ каравана. Тигръ прятался справа, въ кустахъ, выжидая добычи,—можетъ быть, послѣдняго ослика въ нашемъ карававѣ. Мисаилъ первый замѣтилъ хищника. Какъ человѣкъ опытный, бывавшій уже въ передѣлѣ (нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ этомъ мѣстѣ напалъ на путниковъ левъ, пробравшійся сюда за добычей изъ-за Іордана, и растерзалъ одного армянскаго монаха), онъ зналъ, что надо скорѣе броситься на землю, ибо

Digitized by Google

хищникъ всегда кидается на спину намѣченной имъ жертвы,—а потому, спасаясь самъ, хотѣлъ спасти и Зою. Когда онъ крикнулъ: —„скачите съ сѣдла“, бѣдная женщина только растерялась, и онъ насильно опрокинулъ ее навзничъ. Къ несчастію, шлейфъ ея платья зацѣпился за кривую луку сѣдла—и тигръ успѣлъ впустить свои ужасные когти и въ сѣдло, и въ шлейфъ. Въ этотъ моментъ я выстрѣлилъ, и пуля попала хищнику въ правую ключицу. Разъяренное отъ боли животное въ одинъ прыжокъ повисло на шеѣ моего верблюда, чтобы растерзать меня, но вторая пуля пронизываетъ ему черепъ въ серединѣ лба, почти между глазъ. Мы были спасены. Зою, однако, скоро привели въ чувство. Раненую шею моего верблюда проводникъ тотчасъ же перевязалъ какой-то тряпкой, а съ убитаго тигра тутъ же сняли шкуру. Роскошная шкура эта и до сихъ поръ хранится у меня, какъ грустное, но дорогое воспоминаніе невозвратнаго счастія... Зоя первая подошла ко мнѣ. Я не забуду ея лица—столько въ немъ было и радости, и нѣжнаго участія.

„— Вы не ранены? спросила она.

„Я сказалъ, что животное не коснулось меня.

„— Но вы?—на вашемъ шлейфѣ я вижу слѣды его когтей, въ свою очередь спросилъ я.

„— Это ничего... Это только шлейфъ... Я зацѣпилась... Если-бы не вы—я бы погибла... Вы мой спаситель.

„— Не я, а отецъ Мисаилъ, поклонился я старику:—вы и меня спасли.

„— О, нѣтъ! скромно отвѣчалъ онъ:—не я, а Богъ да вы.

„— Да, вы! вы! съ силою подтвердила Зоя:—будь вы не здѣсь...

„— А у Ивана Ивановича Излера...

„Это чортъ дернулъ меня за языкъ; но было уже поздно. Она взглянула на меня—вспыхнула—взглянула на отца Мисаила, на мужа... Губы ея задрожали, она закрыла лицо ладонями—и заплакала, заплакала, какъ ребенокъ. Я растерялся.

„— Ради Бога, Зоя Алкивіадовна! — простите меня!—Это злая, подлая шутка... Такъ можетъ шутить только такой негодяй, какъ я! —Я имѣлъ низость подслушать ночью вашъ разговоръ и не предупредилъ васъ... Жалкій фатъ—я заслужилъ презрѣніе... Но только не плачьте, успокойтесь! Вы и безъ того потрясены... Ради Бога, не обращайте вниманія на мои слова... Простите меня хотя въ виду этихъ святыхъ мѣстъ!

„— Для васъ они не святы! проговорила она, всхлипывая.

„— О, нѣтъ! клянусь вамъ... Я не знаю, что это было со-

Digitized by Google

мной... Я велъ себя недостойно этихъ святыхъ мѣстъ, всѣхъ этихъ великихъ воспоминаній!—Простите меня, успокойтесь!

„Съ трудомъ, общими усиліями, мы уняли ея слезы. Она просвѣтлѣла.

„— Это налетѣло на меня нечаянно! улыбалась она:—этотъ Изларъ—и тутъ, у Іордана!—онъ, точно тигръ, наскочилъ на меня, этотъ Изларъ—я и разревѣлась... А теперь я рада, что въ вашемъ лицѣ нашла новаго вѣрующаго... да?

„— Да да!—я вѣрю—я чувствую на себѣ силу этой вѣры...

XII.

„Происшествіе съ тигромъ нѣсколько задержало насъ. Мы разсчитывали поспѣть къ Іордану до зноя, а между тѣмъ, промѣшкавъ на мѣстѣ приключенія около часу, дождались страшной жары. Песокъ и илъ, изъ котораго состоитъ почва, прибрежная къ Іордану, казались раскаленнымъ жерломъ. Съ другой стороны, отъ аравійскихъ каменныхъ скалъ вѣяло такимъ зноемъ, что ивовые кусты, закрывавшіе отъ насъ рѣку, казалось, корчились отъ убійственнаго дыханія юга. Надъ ними стояло солнце безъ лучей, какъ добѣла раскаленное исполинское ядро.

„— Близко, близко ужь, успокоивалъ насъ отецъ Мисаилъ:—слышите журчаніе воды?

„— Слышу, отвѣчала слабо Зоя:—но что-жъ самой воды не видно?

„— Она за кустами, матушка. Немножко выше возьмемъ—и будемъ у рѣки.

„— Да въ ней, поди, и вода горячая, вмѣшался въ разговоръ Трофимычъ.

„ Со времени нашего пребыванія въ Палестинѣ, онъ напустилъ на себя ужасную важность и постоянно вмѣшивался въ разговоръ и разсуждалъ.

„— Нѣтъ, вода не горячая, отвѣчалъ Мисаилъ:—а какъ разъ впору.

„— А теплѣе вашей донской воды? спросила Зоя:—я раза два купалась въ Дону, у васъ въ Черкасскѣ.

„Отецъ Мисаилъ вздохнулъ. Видно, напоминаніе о „тихомъ Донѣ“ смутило его казацкое сердце подъ монашескою рясою.

„— Ужь я не помню, матушка, какая и вода-то въ Дону, тихо отвѣчалъ онъ.

„Впереди послышались возгласы. Мы ясно видѣли, что голова

Digitized by Google

каравана была уже на мѣстѣ. Скоро и мы увидѣли сквозь переплетающіяся вѣтви ивъ, тамаринда и олеандровъ поверхность быстро бѣгущей рѣки.

„— Вотъ онъ, указалъ на воду Мисаилъ, и перекрестился.

„Мы также обнажили головы и стали креститься. По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ, растительность становилась гуще, и трава достигала довольно значительной высоты. Мы разостлали ковры въ тѣни тамаринда и іорданской вербы, и усѣлись группами, чтобы нѣсколько передохнуть отъ зноя. Но Трофимычъ сейчасъ же бросился къ рѣкѣ, сталъ на колѣни, положилъ нѣсколько земныхъ поклоновъ и жадно припалъ къ водѣ прямо ртомъ, растянувшись на животѣ и упираясь ладонями въ землю. Казалось, что онъ хотѣлъ напиться въ запасъ святой воды. Будучи сильно утомленъ физическими и нравственными потрясеніями и изнывая отъ жара, я чувствовалъ непреодолимое желаніе тотчасъ же погрузиться въ быстро катившіяся струи евангельской рѣки. Я зналъ, что и Трофимычу страстно хотѣлось того же, и потому самъ направился къ тому мѣсту, гдѣ онъ пилъ и потомъ обливалъ іорданской водой голову, лицо и шею.

„— Хочешь креститься? сказалъ я ему.

„— Какъ же-съ!—давно объ этомъ Бога молю.

„— Ну, такъ идемъ вонъ за тѣ кусты, чтобы насъ не видно было.

Изъ-за кустовъ слышно было, что тамъ уже плескались купальщики—вѣроятно, англичане и ихъ проводники.

„— А гдѣ-жъ мы кормилицу найдемъ? спросилъ я.

„— Какую, сударь, кормилицу? недоумѣвалъ онъ.

„— А тебя кормить грудью.

„Онъ, предполагая, что я говорю серьезно, вопросительно глядѣлъ на меня.

„— Что вы, сударь, шутите?

„— Нѣтъ, не шучу; вѣдь ты же говорилъ, что, когда покупаешься въ Іорданѣ, то это все равно, что второй разъ родиться.

„— Это точно—отецъ Трифонтъ говорилъ, что это какъ бы то второе рожденіе и крещеніе.

„— Значитъ, и кормилицу надо.

„Я зналъ, что говорю пошлости; но все таки радъ былъ этому—я чувствовалъ, что духовно оживаю. Когда въ Россіи и въ Европѣ надо мною тяготѣлъ тотъ нравственный маразмъ, о которомъ я вамъ говорилъ,—я не умѣлъ даже шутить. Возвращеніе ко мнѣ потребности въ шуткѣ, въ дурачествѣ—я считалъ признакомъ возвращенія ко мнѣ жизни. Вотъ почему мои выходки

Digitized by Google

казались Зоѣ странными, неумѣстными, возмущали ее. Но еслибы она знала, что̀ творилось въ моей душѣ, она не осудила бы, вѣроятно, моего поведенія и скорѣе пожалѣла бы меня.

„Когда, идя купаться, мы проходили мимо отца Мисаила, который сидѣлъ рядомъ съ Зоею, мы увидѣли, что у него на колѣняхъ развернута книга, и услышали чтеніе: „И свидѣтельствова Іоаннъ, глаголя, яко видѣхъ Духа, сходяща яко голубя съ небесе, и пребысть на немъ". Трофимычъ поклонился старику.

„— Благословите, батюшка. Хочу креститься.

„— Съ Богомъ, другъ мой... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа... Съ Богомъ!

—„ Какъ же, батюшка,—такъ и окунуться въ воду?

„— Такъ и окунись, мой другъ,—съ головою погрузись по молитвѣ.

„Для купанья мы выбрали самое укромное мѣстечко, гораздо выше того мѣста, гдѣ купались англичане. Я съ наслажденіемъ бросился въ воду. Она была совсѣмъ не горячая, какъ предполагалъ мой вѣрный рабъ, а какъ разъ впору: такая свѣжая, оживляющая. Быстрина ея, однако, очень значительна—сильно сноситъ. Я во что бы то ни стало захотѣлъ переплыть Іорданъ. Мнѣ хотѣлось побывать на аравійскомъ берегу, и хотя тамъ я могъ наткнуться на какого нибудь четвероногаго пустынника, въ родѣ того, котораго я уже убилъ сегодня, или почище—съ косматой гривой, однако, хорошо плавая, я ринулся наперерѣзъ быстрымъ струямъ.

„— Илья, догоняй меня! крикнулъ я Трофимычу, который, казалось, священнодѣйствовалъ, сидя по горло въ водѣ и уже въ который разъ троекратно погружаясь съ головой.—Догоняй!

„— А это не грѣхъ, баринъ? нерѣшительно спросилъ онъ.

„— Напротивъ!—тутъ и евреи переплывали, когда изъ Египта шли въ обѣтованную землю.

„Мысль о томъ, что здѣсь, подобно мнѣ, могъ плавать Іисусъ Навинъ, что тутъ плыла Марія Египетская, когда удалялась въ пустыню,—эта мысль радовала меня, какъ школьника.

„Наконецъ—я на томъ берегу, въ каменистой Аравіи. Помню, прежде, когда я еще училъ священную исторію, и послѣ, когда мысль моя переносилась иногда къ библейскимъ временамъ, для меня нѣсколько темна была эта трогательная исторія бѣдной Агари, изгнанной въ пустыню вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ Измаиломъ. А тамъ, въ библейской странѣ, для меня все это стало такъ ясно. Вся эта далекая трогательная картина прошла пе-

Digitized by Google

редъ моими глазами, когда я отдыхалъ послѣ плаванья, сидя на томъ берегу Іордана. Я видѣлъ, какъ отъ развалинъ Іерихона шла смуглая женщина, ведя за руку прелестнаго ребенка. Но тогда еще Іерихона не было. На тѣхъ горахъ, которыя мнѣ видны съ аравійскаго берега, чернѣются только шатры кочеваго народа. Кругомъ бродятъ верблюды и овцы. Кое-гдѣ виднѣются пастухи съ длинными посохами. Библейская картина!—И на фонѣ этой картины я вижу прекрасную смуглую женщину, которая идетъ вонъ отъ тѣхъ черныхъ шатровъ и ведетъ за руку прелестнаго ребенка. Женщина оглядывается на шатры, въ которыхъ она родилась и выросла, на стада верблюдовъ все это для нея родное! и все это она должна покинуть и удалиться въ пустыню. Слезы неудержимо льются по ея щекамъ... Вотъ она, эта пустыня аравійская. Я на рубежѣ ея; здѣсь сидѣла и Агарь съ Измаиломъ, глядя въ послѣдній разъ на родныя горы, на милые шатры... Неудивительно, что потомки Агари и Измаила—агаряне и измаильтяне—до сей поры ведутъ съ нами войну..

Для меня вполнѣ понятно стало и многое другое въ библіи. Я вижу, какъ толпы еврейскаго народа, проблуждавъ, послѣ выхода изъ Египта, сорокъ лѣтъ въ пустынѣ, вотъ съ этого берега въ первый разъ увидѣли обѣтованную землю, и какое радостное движеніе охватило эти истомленныя безконечнымъ блужданіемъ массы...

„— Баринъ! посмотрите, какая ящерица.

„Я невольно вздрогнулъ. Мысль моя была такъ далеко ото всего, что̀ меня окружало. Это говорилъ мой Илья Трофимычъ, который тоже переплылъ Іорданъ и сидѣлъ на одномъ изъ береговыхъ камней.

„ Какая ящерица?

„— Да вотъ, сударь,—красная какая-то, головастая.

„Дѣйствительно, на камнѣ, который отдавалъ цвѣтомъ запекшейся крови, покоилась большая безобразная ящерица. Шумъ заставилъ ее медленно удалиться съ камня. Она неуклюже поползла по песку, который въ этомъ мѣстѣ былъ совершенно бѣлый, точно чистая сѣянная соль.

„— Ахъ, прахъ ее возьми! смотрите, баринъ,—теперь она стала бѣлая.

„— Какъ бѣлая?

„— Совсѣмъ побѣлѣла—вотъ оказія!

„Дѣйствительно, ящерица отливала уже не красноватымъ, а бѣлесоватымъ цвѣтомъ. Я догадался: это былъ хамелеонъ. Эта ящерица водится и въ Палестинѣ, и въ Аравіи. Я видѣлъ ее по-

Digitized by Google

томъ и въ Египтѣ. Какъ ни возвышенно настроено было мое воображеніе библейскими образами, однако я не могъ не чувствовать, что во мнѣ все еще гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ души, сидитъ духъ недовѣрія, критики и какая-то раздвоенность впечатлѣній. Мнѣ кажется, что все это было нѣчто ненормальное, болѣзненное—болѣзнь воли. Болѣзненность эта сказывалась и въ неровности воздѣйствія на меня тѣхъ или другихъ впечатлѣній, въ какомъ-то противорѣчіи самому себѣ, почти въ безпрестанной и, повидимому, безпричинной борьбѣ однихъ чувствъ съ другими: серьезное, иногда мрачное настроеніе безъ всякой видимой причины смѣнялось совершенно противоположнымъ. И я это самъ замѣчалъ за собою.

„Вдали, по ту сторону Іордана, я замѣтилъ въ кустахъ свѣтлое платье Зои и соломенную шляпу съ затылочною вуалью ея мужа. Я догадался, что Негропуло сопровождаетъ свою жену на купанье. И мнѣ стало вдругъ смѣшно... Агарь съ Измаиломъ и—Зоя съ мужемъ!

„— Илья, ты ничего не видишь тамъ? отвлекъ я вниманіе Трофимыча отъ хамелеона.—Вонъ тамъ, далеко, по ту сторону Іордана что-то бѣлѣетъ въ водѣ.

„— Не разберу, баринъ.

„— А я такъ разобралъ.—Ай да отецъ Мисаилъ! ай да Зоя Алкивіадовна! Вѣдь онъ ее креститъ.

„— Какъ, сударь, креститъ?

„— Да какъ мы съ тобой!—купаетъ ее.

„Трофимычъ недовѣрчиво смотрѣлъ на меня, и потомъ, понявъ мою шутку, съ неудовольствіемъ отвернулся.

„— Вамъ все шутки! – и въ этихъ-то мѣстахъ!

„Мы поплыли обратно.

„Когда, одѣвшись, мы воротились въ свой лагерь, Зоя сидѣла уже въ тѣни тамариндовъ на разостланномъ коврѣ, а около нея—мужъ и одинъ изъ нашихъ случайныхъ спутниковъ англичанъ. Это былъ необыкновенно загорѣлый, съ длинными руками и ногами, лордъ, съ которымъ меня и познакомили.

„— Monsieur Elladine.— Monsieur Canning.

„Говорили по французски. Оказалось, что лордъ Кеннингъ возвращался изъ Индіи, гдѣ онъ охотился на слоновъ и тигровъ, а теперь завернулъ въ Палестину, чтобы лично удостовѣриться въ томъ, дѣйствительно ли воды Мертваго моря таковы, что даже не умѣющій плавать не можетъ въ нихъ утонуть. Любезный лордъ разсказалъ чрезвычайно много интереснаго о своихъ рискованныхъ охотничьихъ похожденіяхъ въ Индіи—о борьбѣ со слонами,

Digitized by Google

тиграми и огромными змѣями, и мы, закусывая и запивая свой холодный завтракъ чаемъ, не замѣтили, какъ пришло время отправляться къ Мертвому морю.

XIII.

„Караванъ нашъ двинулся къ югу, вдоль извилистаго теченія Іордана.

„Нѣсколько времени мы ѣхали тѣмъ же путемъ, какимъ шли отъ Іерихона къ Іордану, но скоро Іерихонъ остался вправо отъ насъ, и только гора Искушенія со своими темными расщелинами долго еще глядѣла на насъ, словно голый черепъ мертвеца. Впереди, сколько хватало зрѣніе, разстилалась какая-то мрачная водная равнина. Уже издали замѣчалось что-то неподвижное, точно застывшее. По мѣрѣ приближенія къ этому непостижимому морю, чувствовалось, что въ немъ таится что-то неразгаданное. На берегахъ, даже по близости—ни звука, ни признака жизни! Самый воздухъ кажется мертвымъ, ядовитымъ, ибо въ немъ не слышится ни птичьихъ голосовъ, ни даже жужжанья насѣкомыхъ. У устья Іордана мы увидѣли на поверхности этого таинственнаго моря плавающую мертвую рыбу: занесенная сюда изъ Іордана, она не могла жить въ этомъ, страшномъ даже для рыбы, водоемѣ—и умирала. Отъ этого моря улетали даже птицы, если случайно попадали сюда. По рыхлой иловатой почвѣ я приблизился къ самому берегу, къ водѣ. Вода прозрачна, какъ кристалъ, но хоть бы моллюскъ какой нибудь, хоть бы раковинка въ этомъ отверженномъ морѣ—ничего! Хоть бы волна колыхнулась—и этого нѣтъ! Буквально мертвое море, мертвая вода —и только у берега едва-едва замѣтное дыханіе, даже не прибой, а что-то похожее на застывшую улыбку мертвеца или на колебаніе волосъ у трупа при движеніи воздуха. Воображенію моему невольно представилась та ужасная катастрофа, которая совершилась здѣсь во времена Авраама и о которой, кромѣ Моисея, говорятъ и Страбонъ, и Тацитъ, и Іосифъ Флавій. Если въ настоящее время все еще зыбкая поверхность земнаго шара подвержена такимъ катастрофамъ, какъ землетрясеніе въ Лиссабонѣ или на Араратѣ, изверженія Везувія и Этны, то во сколько разъ ужаснѣе были эти катастрофы прежде, за тысячи лѣтъ назадъ, когда подземный огонь выдвигалъ эти горы, а въ другихъ мѣстахъ заливалъ собою и пожиралъ цѣлыя мѣстности съ ихъ населеніемъ! Кто знаетъ, что̀ еще въ будущемъ ожидаетъ земную поверхность, все еще колеблемую подземными силами?

Digitized by Google

„Стоя теперь на берегу Мертваго моря, я вспомнилъ Помпею. Почему въ мозгу моемъ отразились эти далекіе рефлексы, я и тогда не могъ дать себѣ отчета. Но еще удивительнѣе для меня было то, что послѣдовало вслѣдъ за этимъ, т. е. то, что я узналъ. Машинально, тоже по какому-то непонятному для меня рефлексу, я оглянулся въ ту сторону, гдѣ находилась Зоя, и нечаянно подмѣтилъ, какъ она смахнула съ задумчиваго лица двѣ слезы, стараясь, повидимому, скрыть ихъ отъ постороннихъ глазъ. Признаюсь, меня глубоко тронули эти двѣ слезинки, предательски обнаруживавшія, что за ними,—тамъ, въ глубинѣ души,—таятся ручьи невыплаканныхъ по комъ-то слезъ.

„— Не правда ли, какъ все это грустно? указалъ я на печальную картину, которую мы созерцали.

„— Да, это болѣе грустно, чѣмъ все, что мы до сихъ поръ видѣли, тихо отвѣчала она.—Знаете, о чемъ я сейчасъ думала? сказала она, не спуская глазъ съ моря:—о Помпеѣ.

„Меня поразили ея слова.

„— О Помпеѣ!—да и я сейчасъ же объ ней думалъ... Странное совпаденіе! невольно вырвалось у меня.

„— Такъ и вы объ ней думали? оборотилась она ко мнѣ.

„— Да—о ней... Я готовъ утверждать даже, что и сожалѣнія наши въ этомъ случаѣ совпадаютъ.

„Я сдѣлалъ удареніе на словѣ: „сожалѣнія“.

„— Да? живо спросила она:—такъ и вы считаете ее болѣе счастливой?.. Странное выраженіе—счастливой!—Помпею-то...

„— Да... Только я не умѣлъ подобрать слова,—а вы нашли его.

„— Но это; возмутительное слово счастливая Помпея! а между тѣмъ оно такъ, какъ это ни возмутительно — счастливая! А вотъ гдѣ несчастные... Тамъ, хоть черезъ двѣ тысячи лѣтъ, нашли то, что было поглощено лавою,—увидѣли то, что было, что жило когда-то, и въ какихъ формахъ текла эта жизнь. А здѣсь ничего, ровно ничего! одна эта ужасающая вода да мертвые берега и вонъ тѣ страшныя, точно кровью обрызганныя, скалы... Тамъ, въ Помпеѣ, отъ бѣднаго мертвеца хоть остались его жилища, утварь, храмы, обуглившаяся пища и онъ самъ, превратившійся въ кусокъ лавы; но формы его остались; а здѣсь—хоть бы камень, хоть бы кирпичъ, хотя бы мѣсто, гдѣ они лежали—даже мѣста не осталось! Это ужасно!

„— А жена Лота?—соляной столбъ? вырвалось у меня.

„Она грустно поглядѣла на меня.

„— Хоть бы она осталась, а то и столбъ—одна легенда! А

Digitized by Google

это—не легенда: я вѣрю, что здѣсь ключемъ кипѣла жизнь—и какая жизнь!

„— А знаете, на какой глубинѣ кипѣла эта жизнь? спросилъ я.

„— Какъ глубинѣ? удивилась она:—я васъ не понимаю.

„— Я вамъ объясню, сказалъ я:—поверхность Мертваго моря лежитъ на тысячу двѣсти футовъ ниже уровня Средиземнаго моря.

„— Въ самомъ дѣлѣ?

„— Да, это дознано. Значитъ, мы теперь стоимъ съ вами на глубинѣ болѣе ста семидесяти саженъ—вѣдь это ужасающая глубина, еслибы какимъ либо образомъ воды Средиземнаго моря проникли въ долину Іордана и Мертваго моря. Оттого и зной здѣсь такой.

„Въ это время, недалеко отъ насъ, нѣсколько въ сторонѣ, мы послышали плескъ воды, и обернулись.

„Оказалось, что лордъ Кеннингъ, въ легкомъ купальномъ костюмѣ и въ индійской шляпѣ на головѣ, уже барахтался въ Мертвомъ морѣ. Картина эта до того была поразительна, что мы не вѣрили своимъ глазамъ: не вѣрилось, что неподвижная, словно свинцовая масса мертвой воды колыхалась отъ двигавшагося по ней живаго тѣла Англичанинъ отплылъ на двадцать или на тридцать саженъ отъ берега и остановился. Затѣмъ онъ снялъ съ себя шляпу и, махая намъ издали, скрылся подъ водою. На поверхности осталась только рука, держащая шляпу. Скоро онъ вынырнулъ, надѣлъ шляпу и сталъ плыть къ намъ. Въ группѣ англичанъ послышались аплодисменты. Лордъ быстро приближался къ намъ.

„— Тацитъ солгалъ! кричалъ онъ намъ издали: — Тацита обманули!

„— Въ чемъ? спросилъ Негропуло, подъѣзжая къ намъ.

„— Тацитъ пишетъ, что въ Мертвомъ морѣ вода такъ насыщена солями, что въ ней нельзя утонуть. Вздоръ!—могу хоть сейчасъ утопиться.

„— А плавать легко?

„— Плавать, дѣйствительно, легко, отвѣчалъ смѣлый лордъ: —даже необыкновенно!

„— И акула за ногу не схватитъ, засмѣялся Негропуло.

„— А если пошутитъ какая нибудь содомская гетера, можетъ быть, превратившаяся въ очаровательную русалку? пошутилъ и я.

„— О! такой я охотно поддался бы.. Извините, madame, что говорю это въ вашемъ присутствіи, поклонился онъ Зоѣ:—но я сдѣлалъ бы это только изъ археологической любознательности.

„— А кстати, отвѣчала она, улыбаясь:—вы сдѣлали бы го-

Digitized by Google

раздо лучше, лордъ, еслибы дѣйствительно занялись археологіей на Мертвомъ морѣ.

„— Какимъ образомъ, madame? спросилъ онъ.

„— Вамъ извѣстно, отвѣчала она серьезно:—что нѣкоторые писатели утверждаютъ, будто бы до сихъ поръ въ прозрачныхъ водахъ этого моря, въ глубинѣ, виднѣются развалины несчастныхъ городовъ, которые поглощены моремъ.

„— Но гдѣ искать? серьезно же отвѣчалъ лордъ, все еще держась на водѣ:—вѣдь площадь моря занимаетъ около четырехсотъ квадратныхъ верстъ. На яликѣ я могъ бы произвести эти археологическія изъисканія, а такъ, къ сожалѣнію, не могу.

XIV.

Багровое солнце громаднымъ шаромъ спускалось къ горизонту, пронизывая своими лучами тяжелый, точно кровавый паръ, поднимавшійся надъ мертвою поверхностью таинственнаго моря, когда мы, оставивъ его за собою, двинулись въ обратный путь къ Іерусалиму. Путь нашъ лежалъ теперь по восточнымъ склонамъ іудейскихъ горъ, такъ какъ мы хотѣли по дорогѣ посѣтить знаменитый своимъ мрачнымъ и грознымъ мѣстоположеніемъ монастырь Саввы Освященнаго. Нѣсколько разъ я оглядывался на долину Мертваго моря и Іордана—столько угрюмой и печальной красоты было во всей этой картинѣ! Казалось, вы оставляли частицу самого себя, и почему-то думалось, что эта частица вашей души вѣчно будетъ о чемъ то тосковать тамъ, вмѣстѣ съ этими нависшими надъ моремъ скалами—нѣмыми свидѣтелями того, что совершилось здѣсь за нѣсколько тысячелѣтій —вмѣстѣ съ этимъ, какъ бы тоскующимъ, моремъ. И опять слѣдующія слова г-жи Негропуло поразили меня.

„— Я тамъ,— сказала она, указывая на Мертвое море:— угадала вашу мысль. Думаю, что и теперь не ошибусь, если скажу, что угадываю нѣчто и здѣсь.

„— А что же? спросилъ я.

„— Вы думаете о томъ, что вы тамъ потеряли, отвѣчала она загадочно. — Вы потеряли частицу своей души — вы оставили ее тамъ, на берегу этого загадочнаго моря.

„Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее: она сама казалась мнѣ загадочною.

„— Да, вы правы,—я самъ чувствую эту потерю, долженъ былъ согласиться я.

Digitized by Google

„Отецъ Мисаилъ, все время молчавшій, теперь нарушилъ это молчаніе.

„— Сколь много правды въ вашихъ словахъ, матушка Зоя Алкивіадовна, сказалъ онъ:—именно частицу души оставили. Оттого—говорятъ—послѣ смерти душа наша сорокъ дѣнъ скитается невидимо по землѣ и посѣщаетъ своихъ ближнихъ и знакомыхъ, а равно всѣ тѣ мѣста, гдѣ покойничекъ бывалъ при жизни. Это-то и есть то самое, что вы изволили сказать: душа затѣмъ и посѣщаетъ послѣ смерти всѣ знакомыя мѣста, чтобы собрать по разнымъ уголкамъ всѣ свои частицы и уже затѣмъ всю душу представить предъ лицо Господа.

„Добрый старикъ сказалъ и еще нѣчто такое, чего я никогда не забуду, хотя мысль эта была не его личная, а заброшена въ его память другимъ лицомъ.

„— Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ—продолжалъ онъ—насчетъ оныхъ частицъ души говорилъ и нѣчто другое. Всякій человѣкъ, говоритъ, получаетъ отъ Бога свой талантъ, по писанію: овому талантъ, овому два. Иному даетъ Богъ талантъ книжный—книги писать, другому—другой. И съ того, говоритъ, кому данъ талантъ книжный—съ того взыщется больше. Аще, говоритъ, сей человѣкъ узнаетъ что либо доброе и полезное, или увидитъ что описанія достойное—долженъ онъ сіе написать въ назиданіе и поученіе другимъ. Стало быть, все, что онъ видѣлъ и описалъ — это значитъ, что еще при жизни онъ собралъ части своея души, по разнымъ мѣстамъ разсѣянныя, и прежде чѣмъ, послѣ смерти, душа его вся предстанетъ предъ лицомъ Создателя своего, онъ отдаетъ себя на судъ всѣхъ, чтущихъ его писаніе, и сіи или осудятъ злое и неправедное, или воздадутъ ему хвалу и благодаренія за доброе и поучительное,—все равно, какъ бы они помолились о его душѣ. И я такъ думаю, матушка: блаженъ тотъ смертный, кому отъ Бога данъ талантъ книжный!...

„— Не правда ли—глубокая мысль! обратилась ко мнѣ г-жа Негропуло.

„Я долженъ былъ согласиться, что эта мысль поразила меня и простотою своею, и глубиною.

„— Развѣ не цѣлую душу свою великіе писатели оставляютъ послѣ себя всему міру? невольно вырвалось у меня.

„— Да, вспомните Ифигенію и Антигону, Гекубу и Андромаху, улыбнулась г-жа Негропуло.

„— А Рахиль и Ревекку, добавилъ я:—а Агарь съ Измаиломъ?

„— И знаете ли, матушка, продолжалъ Мисаилъ: — когда я нонѣ читаю его, Авраама Сергѣевича, „Путешествіе по Святой

Digitized by Google

землѣ", мнѣ такъ и чудится, что онъ со мною—вотъ тутъ у меня за спиною, только я его не вижу — это душа его стоитъ около меня... Когда я читаю то мѣсто евангелія, гдѣ говорится, какъ Христосъ по воскресеніи своемъ явился двумъ ученикамъ своимъ, шедшимъ въ Еммаусъ,—я такъ и разумѣю, что сіе видѣніе было не плоти его видѣніе, а духа, хотя онъ и далъ послѣ Ѳомѣ невѣрному осязать и плоть свою, и раны.—Да!—вздохнулъ онъ наконецъ:—блаженъ, трикраты блаженъ тотъ, кому данъ талантъ книжный:—не будь сего таланта у евангелистовъ, мы бы и святаго евангелія не имѣли.

„Признаюсь, и я вздохнулъ тогда вмѣстѣ съ Мисаиломъ: зачѣмъ не дано мнѣ таланта книжнаго! Между тѣмъ караванъ нашъ двигался уже въ мрачныхъ ущельяхъ іудейскихъ горъ. Мертвое море и долина Іордана давно скрылись изъ глазъ. Кругомъ—дебри, скалы и пропасти, еще болѣе угрюмыя, чѣмъ тѣ, которыя представляла верхняя пустыня съ дорогою отъ Іерусалима къ Іерихону. Здѣсь вмѣсто дороги—одна горная тропа, такая узкая и опасная стезя, глядя съ которой внизъ, въ пропасть, чувствуешь, что голова кружится, и сердце какъ бы перестаетъ биться. Вершины горъ и скалъ —голыя, мертвыя. Кругомъ — ни признака жизни. Только иногда въ скалахъ перелетали какія-то черныя птички, въ родѣ нашихъ скворцовъ. Иногда въ какомъ нибудь ущельѣ блеснетъ копье или ружье бедуина, поджидающаго добычу, и исчезнетъ при стукѣ копытъ каравана. Въ одномъ мѣстѣ, по отвѣснымъ скаламъ бѣгали какія-то коричневыя птички съ длинными шеями, и намъ сказали, что это тѣ коростели, которыми евреи питались когда-то въ пустынѣ. Тутъ все библейское!—на всемъ лежитъ печать тысячелѣтій... Вечерѣло, когда на одной изъ горныхъ высотъ показались бедуины съ длинными ружьями и копьями. Они, видимо, не ожидали гостей или ожидали врага послабѣе силами; но, увидѣвъ цѣлый караванъ, сопровождаемый вооруженными кавасами, они дикими голосами заявили свою тревогу, и въ долинѣ показались черныя женщины и дѣти, которыя испуганно кричали что-то бродившимъ въ ущельяхъ верблюдамъ и гнали ихъ къ своимъ чернымъ шатрамъ.

„Удивительно! Меня всегда поражала на Востокѣ неизмѣняемость формъ жизни — и это во всемъ: Востокъ какъ застылъ въ своей неподвижности много тысячъ лѣтъ назадъ, такъ и остается все тѣмъ же.

„— Теперь, Зоя Алкивіадовна,—обратился я къ молодой гречанкѣ:—вы не угадаете, о чемъ я думаю.

Digitized by Google

„— О чемъ!—развѣ объ Агари или о Ревеккѣ?—скорѣе о Рахили... Вонъ какъ кричитъ та черная Рахиль на верблюда.

„— Да, почти что о Рахили, да, въ то же время, и объ васъ лично. Вотъ, смотрю на ваше бѣлое лицо и думаю, что вы были бы не во вкусѣ Соломона: вы бы ему не понравились, не смотря на вашу красоту.

„— Благодарю за комплиментъ, улыбнулась она.—Но почему бы я Соломону не понравилась?

„— У васъ слишкомъ нѣжна и бѣла кожа.

„— А развѣ Соломону больше нравилась грубая кожа?

„— Да, грубая и черная. Въ „Пѣснѣ пѣсней“ онъ, словами своей возлюбленной, изображаетъ ея женскія прелести, и красавица, кокетничая съ царемъ-поэтомъ, хвалитъ свою красоту—говоритъ, какой у нея станъ, какая шея и какой прелестный цвѣтъ лица: „я—говоритъ она—черна, какъ шатры Кидара“. Какова красота!—чернѣе голенища личико красавицы. Вотъ эти черные шатры и напомнили мнѣ библейскіе шатры Кидара и цвѣтъ кожи возлюбленной Соломона.

„— Что-жъ! замѣтила Зоя:—я видѣла на Востокѣ женщинъ съ черными лицами—есть между ними поразительно красивыя и съ замѣчательно нѣжной кожей, хоть кожа эта—совершенно черный мраморъ.

„— Во всякомъ случаѣ, доказывалъ я:—вы, съ вашей бѣлой и нѣжной кожей, едва ли удостоились бы попасть въ число шестисотъ-семисотъ женъ царя-поэта.

„— И очень рада, что не попала бы! засмѣялась она.—Есть, впрочемъ, и теперь любители женщинъ съ черной кожей...

„Сказавъ это, она почему-то вспыхнула; но я показалъ видъ, что не замѣтилъ этого.

„— А кстати, матушка Зоя Алкивіадовна, прервалъ наше невольное молчаніе Мисаилъ:—въ пустынь-то преподобнаго Саввы вамъ нельзя взойти.

„— Почему же? спросила Зоя:—развѣ такъ высоко?

„— Оно, правда, высоконько таки, отвѣчалъ старикъ:—да это ничего; а по уставу нельзя.

„— Почему же мнѣ-то нельзя? удивилась молодая гречанка:—развѣ я не православная?

„— Оно такъ, матушка, да только въ обитель эту, по монастырскому уставу, воспрещенъ совсѣмъ входъ женскому полу.

„— Вотъ какъ!—это странно: точно женщина не человѣкъ.

„— Оно такъ-съ, да ужь установлено искони... Даже мать преподобнаго Саввы—и та не допущена была въ сію обитель.

Digitized by Google

„— Странно... По моему, это недовѣріе къ монахамъ должно оскорблять, огорчать ихъ.

„— Оно точно, матушка... кубыть, и въ самомъ дѣлѣ обидно для братіи.

„— Гдѣ-жъ я ночевать буду? спросила Зоя.

„— А за оградой, матушка: супротивъ самой обители, за потокомъ Кедронскимъ, есть двѣ башни — одна для стражей, другая для женска пола, на тотъ случай, ежели которая женщина пожелаетъ хоть издали взглянуть на святую обитель.

„Скоро шатры бедуиновъ скрылись за поворотомъ, и намъ предстояло спускаться въ пропасть со страшной стремнины. Ни на лошадяхъ, ни на ослахъ, ни на верблюдахъ спускаться было рѣшительно невозможно, и мы принуждены были, пѣшіе, карабкаться внизъ по камнямъ. Верховой и вьючный скотъ мы пустили впередъ, изъ опасенія, чтобы какое нибудь животное, поскользнувшись и сорвавшись съ крутизны, не увлекло насъ всѣхъ съ собою въ пропасть. Сначала Негропуло хотѣлъ было помогать своей женѣ при спускѣ, но, по своей тучности, не могъ этого сдѣлать, и потому я взялъ ее подъ руку. Спускъ былъ дѣйствительно ужасный. По дну ущелья, во время зимнихъ дождей, Кедронскій потокъ, начавшись у Іерусалима, съ бѣшеной быстротой стремится къ Мертвому морю. Теперь дно потока было сухо.

„— Это Юдоль плача именуется, пояснилъ Мисаилъ, съ трудомъ слѣдуя за нами.

„— Дѣйствительно, ничего нѣтъ мрачнѣе и безотраднѣе этого мѣста, замѣтила Зоя.

„Прижимая ея руку къ себѣ, а иногда, въ болѣе опасныхъ мѣстахъ, обхватывая ея гибкій станъ, я чувствовалъ, какъ она дрожитъ.

„— Вы боитесь? Не бойтесь, положитесь на меня.

„— А если я васъ увлеку съ собой?

„— Да, это возможно, сказалъ я двусмысленно:—только я васъ удержу.

„— Ахъ, Боже мой! пыхтѣлъ за нами Мисаилъ:—однако я не понимаю, какъ въ день страшнаго суда Божія могутъ помѣститься въ сей Юдоли люди всей вселенной, не токмо живые, но и мертвые... Непостижимо!

„— А развѣ здѣсь будетъ страшный судъ? спросила Зоя.

„— Здѣсь матушка,—по преданію здѣсь: сія Юдоль есть продолженіе Іосафатовой долины, что у стѣнъ Іерусалима. Здѣсь и должны собраться всѣ на судъ Божій—и праведные, и грѣшные.

„Мы спускались все ниже и ниже. Въ глубинѣ ущелья уже

Digitized by Google

сгущался вечерній мракъ, однако мѣловыя скалы, по которымъ мы спускались, не были окутаны мракомъ, и нога увѣренно ступала по узкой, крутой тропѣ.

„— А вотъ узины Энгадди, указалъ Мисаилъ на какую-то пещеру:—въ оной пещерѣ нѣкогда укрывался Давидъ, когда царь Саулъ искалъ погубить его, и здѣсь же впослѣдствіи Давидъ, найдя Саула спящимъ, пощадилъ жизнь своего врага, отрѣзавъ токмо у соннаго полу одежды.

„Послѣ этого ущелья мы снова начали подниматься въ гору. Тропа шла зигзагомъ, и, при одномъ изъ поворотовъ, на отвѣсной скалѣ вырисовались мрачныя башни, какъ бы природное продолженіе этой скалы. Передъ нами былъ монастырь Саввы Освященнаго.

„Вдругъ впереди раздался выстрѣлъ, и эхо перекатилось по скаламъ, какъ будто звуку трудно было вырваться изъ ущелья и онъ колотился объ утесы, какъ объ стѣны. На выстрѣлъ съ башни отвѣчали ударомъ въ колоколъ. Это были сигналы съ нашей стороны и со стороны монаховъ. Здѣсь караванъ нашъ раздѣлился на двое. Негропуло съ женою, а также англичане съ проводникомъ и нѣсколькими кавасами, направились къ противоположнымъ башнямъ, что за Кедронскимъ потокомъ, а передъ нами отворились главныя ворота монастыря, и едва мы вступили туда, какъ тотчасъ затворились—изъ опасенія, чтобы вслѣдъ за нами не ворвались бедуины.

XV.

„Намъ съ отцомъ Мисаиломъ отвели на ночь небольшую келью, высѣченную въ скалѣ надъ ужасною пропастью, отъ которой келья отдѣлялась небольшою площадкою. Луна только что поднялась надъ зубцами скалъ, когда мы со старикомъ вышли на площадку и усѣлись, по восточному, на моемъ пледѣ:—мебели въ кельяхъ не полагается. Что-то дикое и грозное представляла разстилавшаяся передъ нами полуосвѣщенная ночная картина. Хотя меланхолическій свѣтъ луны и позволялъ намъ видѣть возвышенные края ущелья, верхніе зубья скалъ и профили дальнихъ горъ, однако тѣмъ мрачнѣе казалась вся картина—всѣ эти пропасти, трещины, пещеры. Послѣднія глядѣли, какъ глазныя впадины въ голыхъ черепахъ. Тишина—могильная, и только доносившееся иногда изъ ущелій лаянье лисицъ да крикъ шакала нарушали эту леденящую душу тишину. Казалось, что тамъ,

Digitized by Google

внизу, и туда дальше, во всей этой глубокой Юдоли плача, толпятся во мракѣ какіе-то фантастическіе образы—тѣни мертвецовъ, блуждающія здѣсь цѣлыя тысячелѣтія—тѣни Саула, Давида, Аэндорской волшебницы. Воображеніе рисовало ужасы, и добровольно жить среди нихъ казалось безуміемъ.

„— Вотъ оно гдѣ, безмятежное-то житіе,—тихо, какъ бы про себя, прошепталъ Мисаилъ.

„— Но это безуміе! вырвалось у меня.

„— Вы говорите—безуміе! также тихо проговорилъ старикъ:— а знаете ли вы, что величайшая человѣческая мудрость—безуміе передъ Господомъ.

„— Знаю,—а все же ужасно.

„— Ужасное-то и спасительно, возразилъ старикъ:—вы не читали въ Четьяхъ,-минеяхъ житіе Іоанна Дамаскина?

„— Нѣтъ, не читалъ, признался я.

„— Жаль, очень жаль—многому бы научились... Тутъ близко и келья его, и святыя кости.

„— А вы знаете его жизнь? спросилъ я.

„— Какъ не знать житія такого великаго святителя!—Вотъ, можно сказать, не частицу своея души, а всю свою святую душу оставилъ человѣчеству. Великій книжникъ былъ святитель. Боже мой! сколько людьми слезъ пролито хоть бы надъ сею трогательною пѣснью: „плачу и рыдаю!“—кто подъ сію пѣснь не плакалъ! а она сочинена имъ здѣсь, въ этой обители.

„— Какъ! неужели здѣсь? невольно вырвалось у меня изъ души.

„— Здѣсь, именно здѣсь.

„— А развѣ Іоаннъ Дамаскинъ жилъ въ этомъ монастырѣ?

„— Какъ же-съ!—и жилъ, и скончался. Видите ли, онъ былъ родомъ изъ Дамаска-града, гдѣ отецъ его былъ правителемъ, въ родѣ—сказать бы—губернаторомъ. По смерти же отца, самъ Іоаннъ, не смотря на младыя лѣта, тоже былъ сдѣланъ градоправителемъ. А Дамаскомъ въ то время и всею этою страною владѣли срацины; въ Константинополѣ же царствовалъ тогда императоръ Левъ Исаврянинъ, жестокій иконоборецъ. Іоаннъ Дамаскинъ, будучи воспитанъ въ правилахъ благочестія и обладая великою ученостію и талантомъ книжнымъ, дерзнулъ обличать иконоборцевъ, за что, по проискамъ императора Льва, эмиръ дамасскій воздвигъ на Іоанна гоненіе и приказалъ отрубить правую руку. Этого-то Льву нечестивому и хотѣлось: отсѣчь ту руку, которая огненнымъ перомъ обличала неправды иконоборцевъ. Какова казнь!—Ну-съ, скоро однако эмиръ понялъ, что Іоаннъ былъ напрасно оклеветанъ передъ нимъ, и тотчасъ же возвратилъ ему

Digitized by Google

власть. Но руки-то онъ не могъ возвратить святителю!—вотъ что! Іоаннъ же, давно чувствуя суету міра сего, пренебрегая величіемъ своимъ и славою великаго оратора, прогремѣвшею по всѣмъ странамъ, самъ сложилъ съ себя власть, роздалъ имѣніе нищимъ и пришелъ вотъ сюда,—гдѣ мы съ вами сидимъ,—въ рубищѣ нищаго...

„— О-охъ! послышался стонъ.

„Мы оба невольно вздрогнули. Эта ночь, это безмолвіе кругомъ и угрюмая пустыня, освѣщаемая въ черныхъ только высяхъ мерцаніемъ блѣднаго мѣсяца—все это дѣлало душу воспріимчивою ко всему таинственному и страшному, и этотъ стонъ, гдѣ-то тутъ близко, точно въ самой скалѣ, невольно заставилъ насъ вздрогнуть.

„Мы оглянулись —и въ темной пасти кельи, какъ разъ за нами, увидѣли что-то бѣлое... Волосы поднялись у меня на головѣ, хотя я никогда не отличался трусостью... Но здѣсь этотъ пугающій мракъ, эта Юдоль плача, одно имя которой вызываетъ тѣни Саула, Давида, Аэндорской волшебницы,—ахъ, всего этого не передать словами!..

„— Да это ты, Илюша! ранѣе меня опомнился Мисаилъ.

„— Я, батюшка, отвѣчалъ Трофимычъ:—мнѣ не спится, и слышу—вы разсказываете про святое, про Іоанна Крестителя...

„— Нѣтъ, голубчикъ Илюша, перебилъ его старикъ:—я говорю объ Іоаннѣ Дамаскинѣ.

„Такой дуракъ!—а какъ напугалъ насъ.

„— Ну-съ, на чемъ, бишь, я остановился? продолжалъ старикъ.

„— Да какъ Іоаннъ Дамаскинъ пришелъ сюда въ рубищѣ, подсказалъ я.

„— Точно, точно.—Ну-съ, и явился онъ въ сію обитель. Только, я вамъ скажу, когда иноки этой обители узнали, кто къ нимъ пришелъ,—слава же дамасскаго витіи проникла тогда всюду, а, конечно, и въ обитель Саввы Освященнаго,—тогда никто изъ иноковъ не дерзнулъ взять къ себѣ на послушаніе такого великаго мужа. Однако нашелся одинъ старецъ, который, въ покорность игумену обители, дерзнулъ на сей трудный подвигъ—взялъ святителя къ себѣ въ послухи.—Ну-съ, только не спроста онъ это сдѣлалъ, а съ такою мыслію: ужь коли послушаніе—такъ послушаніе полное. Зная, сколь страстно святитель преданъ былъ сочиненію своихъ возвышенныхъ и дивно трогательныхъ пѣсенъ, онъ, старецъ, возьми да и возложи на него запретъ: перестань писать свои священныя пѣсни! И что-жъ бы вы думали?—святитель смиренно покорился. Мало того, други мои,—оный суровый

Digitized by Google

старецъ, желая до послѣдней степени уничижить святителя, какъ бывшаго именитаго гражданина города Дамаска и его бывшаго губернатора—подумайте только!—послалъ его въ Дамаскъ—и догадайтесь зачѣмъ? — продавать на торжищахъ града сего, попросту—на базарахъ продавать за дорогую цѣну самыя дешевыя кошницы! И что-жъ? святитель покорился,—и тамъ, гдѣ его всѣ видѣли недавно въ златѣ и пурпурѣ, въ блескѣ мірскаго величія,—тамъ увидѣли его скитающимся по улицамъ и по базарамъ въ рубищѣ, съ корзинами за плечами, и дивились величію подвига. Однако святитель прошелъ и сей искусъ: по назначенной старцемъ высокой цѣнѣ онъ продалъ въ Дамаскѣ всѣ кошницы и съ деньгами явился въ обитель.

„Глубокими вздохами выказывалъ Трофимычъ свое сочувствіе къ тому, что̀ онъ слышалъ. Признаюсь, и я слушалъ разсказъ не безъ волненія, которое вызывалось всею совокупностью того, что̀ я испыталъ въ послѣдніе дни. А тутъ эта ночь, эти тѣни... да и то, о чемъ говорилъ старикъ, творилось именно здѣсь, гдѣ мы сидѣли, и тотъ, о комъ разсказывали, видѣлъ все это болѣе, чѣмъ за тысячу лѣтъ до насъ.

„— Ну-съ, продолжалъ Мисаилъ:—на одномъ только искусѣ святитель изнемогъ—не устоялъ! Было это такъ. У нѣкоего подвижника скончался другъ, котораго подвижникъ очень любилъ, и не могъ ничѣмъ утѣшиться. Приходитъ онъ къ Дамаскину со слезами. Сей утѣшаетъ его,—но напрасно! Подвижникъ умоляетъ святителя объ одномъ утѣшеніи: написать для умершаго друга его надгробный плачъ. Дамаскинъ говоритъ, что онъ связанъ обѣтомъ послушанія,—что гимны сочинять ему воспрещено. Инокъ ничего знать не хочетъ—рыдаетъ въ отчаяніи и умоляетъ о гимнѣ. Не вытерпѣлъ святитель—самъ прослезился. Горе инока побѣдило его. И написалъ онъ пѣснь: „*Плачу и рыдаю*“... Кто не знаетъ сей пѣсни?—кто не проливалъ подъ пѣніе трогательнаго гимна горячихъ и сладкихъ слезъ!... „Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижу во гробѣ лежащую нашу красоту, безобразную, безславную“...

„Старикъ замолчалъ, какъ бы къ чему-то прислушиваясь. Невольно прислушивался и я. Казалось, въ ночной тиши, подъ это грустное сіяніе мѣсяца, что вся эта пустыня повторяла душу раздирающія слова: „Плачу и рыдаю“...

„— Да, плачу и рыдаю, повторилъ, какъ бы очнувшись, и отецъ Мисаилъ.—Только и прослышалъ старецъ, что святитель нарушилъ его запретъ. Гнѣвомъ распалился старецъ, и говоритъ: „вонъ изъ нашей пустыни! чтобъ и ноги твоей здѣсь не было!“—

Digitized by Google

Святитель ему въ ноги—и слушать не хочетъ. Вся обитель стала просить за Іоанна, который самъ умолялъ старца наложить на него самый тяжкій началъ. Тогда старецъ, желая уязвить самолюбіе бывшаго вельможи и смирить его гордость, даетъ ему на выборъ—или навсегда покинуть обитель, или вычистить всѣ ея нечистоты, весь смрадъ! И что-жъ бы вы думали!—Святитель смиренно беретъ лопату и отправляется исполнять порученное ему. Увидавъ его съ лопатою, старецъ заплакалъ и, обнявъ смиреннаго инока, въ глубокой радости воскликнулъ: „сынъ мой! твое послушаніе окончилось; подвигъ твой совершонъ—теперь ты возьми десятиструнныя гусли царя Давида и излей предъ нами высокія думы твои“.—И посвятилъ тогда Іоаннъ Дамаскинъ остатокъ жизни своей книжному дѣлу. Но трогательнѣе всего есть и будутъ его погребальные гимны о „послѣднемъ цѣлованіи“... „Ахъ, что наша жизнь!—цвѣтъ и дымъ, роса утренняя... тайна ея—на днѣ гробовъ“...

„Старикъ замолчалъ. Я глубоко понималъ его: тутъ только мнѣ стало ясно, сколько было поэзіи въ его суровомъ отреченіи отъ міра.

„— Хотѣлось бы и мнѣ кончить дни свои въ сей обители, вздохнулъ онъ, заслышавъ звонъ ко всенощному бдѣнію:—пойти помолиться.

„Утромъ я осмотрѣлъ монастырь. Въ немъ преобладаетъ характеръ тѣхъ первобытныхъ пещерныхъ убѣжищъ пустынножителей, которыя вы видите и здѣсь, въ Крыму, около Инкермана. Только суровая идея полнаго аскетизма или глубочайшая поэзія вѣры могутъ загнать людей въ эти лисьи норы среди мертвой и враждебной пустыни, въ эти „язвины,“ о которыхъ говорится въ евангеліи. Удивительная жизнь!—вѣчное одиночество, полное отчужденіе отъ всего, что живетъ, радуется и страдаетъ внѣ этого кладбища людей еще не умершихъ, но заживо похоронившихъ себя. Изрѣдка навѣщаютъ ихъ богомольцы. Все же время монастырь запертъ, словно грозная крѣпость, съ часу на часъ ожидающая непріятеля. И этотъ непріятель приходитъ: это—блуждающіе въ вертепахъ и по горамъ бедуины, отъ которыхъ монастырь откупается обыкновенно тѣмъ, что спускаетъ со стѣны на веревкахъ нѣсколько корзинъ съ хлѣбами. На случай же, еслибы хищники захотѣли взобраться на стѣну съ помощью лѣстницъ и другихъ приспособленій, то на этотъ счетъ монахами навалены, по верхнему карнизу стѣны, большіе камни, ничѣмъ не прикрѣпленные, которые и могутъ свалиться на головы разбойниковъ, еслибы они вздумали взбираться на стѣны. Болѣе мирными гостя-

Digitized by Google

ни отшельниковъ бываютъ шакалы, лисицы и скворцы. Шакалы приходятъ иногда за кормомъ, и получаютъ его; лисицы также являются за пищей или напиться изъ источника, въ которомъ берутъ воду и монахи; горные скворцы залетаютъ въ самый монастырь: они—большіе лакомки, и монахи балуютъ ихъ, давая своимъ маленькимъ гостямъ изюмъ; милые скворушки до того привыкли къ монахамъ, что берутъ изюмъ прямо у нихъ изъ рукъ.

„— А у васъ не возьмутъ, замѣтилъ мнѣ отецъ Мисаилъ.

„— Отчего же?

„— Мірянамъ они не довѣряютъ, потому что міряне ихъ ѣдятъ; а птичка эта умная—бедуина и другаго мірянина не подпуститъ къ себѣ. Господь и птичку умудряетъ.

„Я взялъ горсть изюму и сталъ звать къ себѣ самаго смѣлаго скворушку; но онъ попрыгалъ около меня, попрыгалъ, недовѣрчиво посматривая, и изюму не взялъ, а сѣлъ тутъ же на плечо къ отцу Мисаилу.

„— Ахъ ты, плутишка,—улыбнулся старикъ, давая плутишкѣ изюминку.

„И знаете, кого я встрѣтилъ въ монастырѣ Саввы Освященнаго?—Увѣренъ, что не узнаете.—Въ одной кельѣ я увидѣлъ на стѣнѣ портретъ Мазепы! Хмурое лицо съ нависшими суровыми бровями, золотомъ шитый кунтушъ, красивая сѣдина, лукавые, но обаятельные глаза, такъ неотразимо дѣйствовавшіе на прекрасный полъ, начиная отъ пани Фальбовской и кончая панною Кочубеевною—все это такъ не гармонировало съ суровою обстановкою обители, пріютившейся въ угрюмой пустынѣ Мертваго моря.

Д. Мордовцевъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

НОВИЧКА.

Повѣсть **Элизы Ожешко.**

I.

Цивилизація! ты, которая доводишь до дальнѣйшихъ предѣловъ мысль и знаніе человѣка, учишь различать ложь и правду, бояться первой и любить вторую; ты, которая ставишь на почву разсудка бурную толпу впечатлѣній и превращаешь ее въ твердое чувство; ты, которая, освѣщая бездонную пропасть человѣческихъ нуждъ, привлекаешь къ нимъ могучія и дѣятельныя стремленія; ты, вѣчно мыслящая, изучающая,—знаешь ли ты пани Изабеллу Одропольскую?

— Нѣтъ!—скажешь ты:—я совсѣмъ не знаю этой дамы и на всемъ обширномъ полѣ моей дѣятельности не встрѣчала ея ни разу.

Что дѣлать? чему вѣрить? Многіе говорятъ однако, что пани Изабелла Одропольская—особа цивилизованная, даже высоко цивилизованная.

Спросимъ еще разъ: цивилизація! ты, которая разбросала по поверхности Европы тысячи быстрыхъ паровозовъ и, не смотря на естественный законъ, въ силу котораго всякое тѣло стремится къ центру земли, сдѣлала то, что человѣкъ можетъ летать надъ ея поверхностью, какъ птица; ты, которая украсила столицы міра множествомъ магазинныхъ выставокъ и создала безчисленные ключи минеральныхъ водъ, исцѣляющихъ тѣло и освѣжающихъ душу; ты, чародѣйка, превращающая въ три дня и три ночи скромную жительницу захолустья—въ изящную парижанку, блестящую римлянку, въ туристку, которая верхомъ на ослѣ взбирается на поднебесныя выси, въ наяду, которая при помощи купальщика погружается въ зеленыя волны океана, и наконецъ въ свѣтскую женщину, которая каждый уголокъ Европы, каждый пробѣгающій по ней вагонъ лучше знаетъ и больше любитъ, чѣмъ печальный и сѣрый горизонтъ родной земли; ты, ле-

Digitized by Google

тающая, наряжающаяся, щебечущая цивилизація, вѣрно ужь знаешь пани Изабеллу Одропольскую:—ты носила ее болѣе десяти лѣтъ по всей поверхности Европы.

Она летала! Въ продолженіе десяти лѣтъ, она жила въ вагонахъ и оставляла ихъ для отелей столицъ и приморскихъ городовъ. Не одинъ разъ посѣтила она Парижъ, Брюссель и Вѣну, лѣчилась въ Карлсбадѣ, отдыхала въ Шлангенбадѣ, купалась въ Трувилѣ и въ Остенде, ѣла виноградъ въ Монтрё, посѣтила двѣ всемірныя выставки, на которыхъ изучила отдѣлъ ліонскихъ матерій и парижской joaillerie. Въ Венеціи, проплывая въ гондолѣ подъ Мостомъ Вздоховъ, она вздыхала надъ своими несчастіями; въ Неаполѣ она оставалась недолго, такъ какъ очень боялась Везувія, считая его за одинъ изъ проходовъ въ адъ; зато въ Римѣ провела она цѣлыхъ три зимы, и это были самые счастливые и богатые послѣдствіями дни ея жизни. Тамъ поняла она въ первый разъ значеніе слова *отчизна* и почувствовала все, что̀ есть въ немъ великаго и трогательнаго; тамъ исцѣлились раны ея души и наполнилась пустота ея сердца; тамъ въ первый разъ она начала съ твердостью думать о томъ, что ей уже сорокъ лѣтъ.

Оттуда поѣхала она въ Парижъ, чтобы заказать соотвѣтствующій туалетъ или, лучше сказать, туалеты для своей дочери, которую она рѣшила одѣть въ длинное платье и вывезти въ свѣтъ, какъ взрослую барышню. Тамъ-то получила она письмо отъ Житницкаго, который управлялъ ея имѣніемъ и вызывалъ ее на короткое время на родину. Письмо это было самаго мирнаго характера, и въ немъ не говорилось ни о какой катастрофѣ, могущей лишить средствъ къ дальнѣйшимъ странствіямъ. Пани Изабелла Одропольская была довольно богата. Въ своемъ письмѣ Житницкій просто напоминалъ о томъ, что кончается девятилѣтній срокъ его аренды, и просилъ возобновить контрактъ, что̀ было бы трудно сдѣлать безъ нея.

Изъ Парижа пани Изабелла прилетѣла въ свое имѣніе Одрополе, которое находилось въ Законтницкомъ приходѣ.

Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣла, она была тамъ три раза. Зачѣмъ? для чего? Но кто же можетъ это знать? Она говорила, что дѣлаетъ это для того, чтобы подышать роднымъ воздухомъ, но въ дѣйствительности оказывалось, что, подышавши имъ два или три мѣсяца, она чувствовала, что раны ея сердца снова открываются, катарръ желудка увеличивается, и она опять улетала. Дочь ея Адольфина уже десять лѣтъ не была на родинѣ, такъ какъ въ тѣ короткіе проме-

Digitized by Google

жутки времени, когда ея мать дышала роднымъ воздухомъ, она жила обыкновенно у какой нибудь родственницы своего отца, которая также лѣчилась Европой отъ ранъ сердца и катарра легкихъ.

Одропольская усадьба представляла довольно красивую картину заброшеннаго мѣста, оставленнаго на произволъ судьбы. Тамъ не было того окончательнаго трагическаго разоренія, которое происходитъ отъ бѣдности или несчастія; но выжженныя солнцемъ оконныя рамы, почернѣвшіе и покрившіеся столбы красиваго балкона и отсутствіе всякихъ слѣдовъ человѣческой жизни въ большомъ и хорошо содержанномъ саду—все это производило впечатлѣніе пустоты и заброшенности. Но внутри стараго дома, представлявшаго типъ старинныхъ литовскихъ помѣщичьихъ домовъ съ длинными низкими стѣнами и высокой крышей, была столовая зала, не лишенная живописности. Это была длинная, низкая комната съ четырьмя окнами, выходящими въ садъ, съ потолкомъ, разрисованнымъ старинными темными фресками; въ ней была тоже старинная тяжелая мебель съ богатой рѣзьбой изъ чернаго дуба, а на стѣнахъ висѣли рядами потемнѣвшіе отъ старости фамильные и историческіе портреты. Среди портретовъ, въ длинномъ, узкомъ дубовомъ шкафу со стекломъ, висѣли часы, раскачивая огромнымъ маятникомъ и показывая свое желтое, круглое лицо, окруженное такими большими черными цифрами, что ихъ легко было читать съ другаго конца залы.

Время было лѣтнее, но вечеръ былъ холодный и печальный. Здѣсь выпалъ недавно сильный градъ; небо было блѣдно-сизаго цвѣта, и только на западѣ горѣло яркое зарево; въ холодномъ прозрачномъ воздухѣ неслись оторванные вѣтромъ зеленые листья, въ саду качались съ легкимъ шумомъ вершины тополей, каштановъ и ёлокъ. По столовой, освѣщенной яркимъ закатомъ, бродила одинокая фигура молодой дѣвушки. Она не ходила по этой старой и, во всякомъ случаѣ, богатой и красивой комнатѣ, а блуждала по ней усталой походкой. Она напоминала своей чрезвычайной худобой и прозрачной блѣдностью кожи идеально-духовные образы школы первыхъ временъ христіанства; тяжелая темная коса небрежно спадала съ ея головы; закутавшись въ пеструю индѣйскую шаль почти до самыхъ глазъ, грустная, усталая, иззябшая—она шла по направленію къ часамъ и возвращалась на половинѣ дорогѣ къ столу, стоящему посреди залы; стояла съ минуту, опершись объ рѣзную спинку стула, и опять шла къ окну; едва взглянувши въ него, переносила взглядъ на разрисованный потолокъ и направлялась къ двери, отъ которой снова

Digitized by Google

возвращалась къ часамъ. Наконецъ она стала ходить вокругъ залы и разсматривать висящіе по стѣнамъ портреты. Когда она была совсѣмъ ребенкомъ, она часто на нихъ смотрѣла, но это было очень давно, и они никогда ее не интересовали. Темныя полотна и на фонѣ ихъ—усатыя, гордыя, мужественныя лица, руки, опирающіяся на рукояти сабель, откидные рукава кунтушей, похожіе на красныя крылья, кое-гдѣ женская голова съ напудренными волосами, полинялая роза на узкомъ лифѣ, большой чепецъ и подъ нимъ сладкая улыбка на сморщенномъ лицѣ—и ничего больше. Красная полоса заката упала на одинъ изъ портретовъ и вдругъ наполнила жизнью и движеніемъ лицо съ двумя горькими морщинами на высокомъ лбу; грозно взглянули умные, мрачные глаза, ощетинились черные усы, заколыхались кровавыя крылья, дрогнула рука... Молодая дѣвушка отскочила къ окну и, закрывши лицо своей шалью, оперлась спиной объ стѣну. Она испугалась. У нея, вѣроятно, было разстроено воображеніе и слабы нервы, а, можетъ быть, этотъ большой старый домъ напоминалъ ей разсказы о старыхъ заброшенныхъ замкахъ, посѣщаемыхъ разбойниками, духами, и герой, возставшій предъ ней въ солнечномъ блескѣ, показался ей злодѣемъ или пришельцомъ съ того свѣта.

Въ сосѣдней комнатѣ зашелестило шолковое платье и послышались легкіе шаги. Въ столовую вбѣжала сорокалѣтняя женщина очень милой и почти красивой наружности; это была брюнетка съ легкою просѣдью, въ очень дорогомъ черномъ платьѣ, отличающемся необыкновенной простотой. Матерія и кружева были вывезены прямо изъ Ліона и Брюсселя; камея, которая прикалывала воротъ, могла бы украсить музей рѣдкостей, тѣмъ не менѣе все это было темно и носило суровый, почти монашескій характеръ. Выраженіе лица ея было живое и особенно привлекательное своею кротостью. Она вбѣжала въ залу, громко крича:

— Адольфина! Адольфина!

Увидавши молодую дѣвушку, стоящую у стѣны и закутанную въ шаль, она подбѣжала къ ней.

— Что съ тобой? тебѣ холодно? скучно? грустно? о, да! нужно привыкнуть къ этому невыносимому климату и къ здѣшнимъ печальнымъ домамъ, чтобы помириться съ ними. Какой грустный закатъ... Какъ блѣдно наше милое родное небо!..

Все это пани Изабелла Одропольская говорила по французски. Потомъ она бросилась на стоящую въ углу качалку и громко и глубоко вздохнула.

— И все таки, заговорила она:—дышать роднымъ воздухомъ

Digitized by Google

какъ-то особенно пріятно, въ немъ есть что-то живительное, укрѣпляющее: онъ исцѣляетъ раны и наполняетъ пустоту въ сердцѣ! чувствуешь ли ты это, дитя мое?

Дѣвушка взглянула на мать своими глубокими, темными, усталыми глазами и отвѣтила удивленнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, мама. Здѣсь такъ холодно, и вѣтеръ шумитъ такъ тоскливо.

Пани Изабелла выпрямилась, и лицо ея приняло торжественное выраженіе.

— Что ты говоришь, Адольфина? Мнѣ очень непріятно слышать такой сухой и равнодушный отвѣтъ. Какъ! ты не чувствуешь удовольствія, когда дышешь роднымъ воздухомъ?

— Нѣтъ, мама.

— Но отчего же? скажи мнѣ, дитя мое, отчего?

Адольфина пожала плечами.

— Въ Италіи теплѣе, а въ Парижѣ веселѣе, отвѣтила она.

— Ну, конечно! конечно! восклицала пани Изабелла, живо двигаясь въ качалкѣ:— въ Италіи прелестно, Парижъ по изяществу, вкусу и веселью — столица міра... и въ другихъ мѣстахъ, ma pauvre enfant, провели мы много пріятныхъ минутъ... напримѣръ, годъ тому назадъ, помнишь? мы ѣхали въ это время изъ Карлсбада въ Шлангенбадъ. Что за прелестное, живописное мѣсто Шлангенбадъ! а потомъ... съ княземъ Роалькичàго... ты помнишь князя Роалькичàго? Что за прекрасная душа! хоть и румынъ, и изъ варварскаго народа. Вѣдь ты знаешь, дитя мое, что румыны, турки, сербы и другіе подобные народы—все это варвары и часто даже не христіане. Но и между ними бываютъ прекрасныя души, способныя понимать высокія истины; помнишь, напримѣръ, какъ князь Роалькичàго былъ пораженъ базиликою? Я увѣрена, что онъ вернулся на родину, полный святыхъ воспоминаній... Но à propos родины...

Здѣсь неудержимая зѣвота широко раскрыла ея красивыя нѣжныя губы.

— Ты очень огорчаешь меня, Адольфина, своимъ равнодушіемъ къ родинѣ. Какъ ты можешь говорить, что здѣсь холодно, и что шумъ этого вѣтра производитъ грустное впечатлѣніе! Car enfin... это блѣдное небо, этотъ холодный воздухъ, этотъ шумъ вѣтра, эта земля, эти деревья... все это, словомъ, наша родина!

На этотъ разъ, на блѣдныхъ губахъ дѣвушки мелькнула улыбка. Она спросила, не глядя на мать:

— А Римъ?

— Римъ! воскликнула пани Изабелла:—о, да! Я очень рада,

Digitized by Google

что познакомила тебя съ этимъ святымъ городомъ, и что онъ оставилъ въ твоей памяти слѣды, которые сохранятся на всю жизнь. Впрочемъ, я имѣю надежду, что мы еще не одинъ разъ вернемся въ эту столицу міра и проведемъ тамъ не одну зиму, полную святыхъ восторговъ и волненій... Римъ, дитя мое, есть, безъ сомнѣнія, родина нашихъ душъ; это не мѣшаетъ однако тому, что мы должны радоваться, что мы дышемъ, наконецъ, роднымъ воздухомъ, видимъ это небо, эту землю, эти деревья, этотъ вѣтеръ... все то, однимъ словомъ, что мы должны любить.

— Любить? тихо проговорила Адольфина такимъ тономъ, точно она задавала этотъ новый вопросъ не матери, а звѣздѣ, которая блестѣла на просторѣ неба своими дрожащими лучами.

— Да, любить! съ убѣжденіемъ повторила пани Изабелла:— меня очень огорчаетъ, что ты какъ будто сомнѣваешься въ этомъ чувствѣ. Правда, Адольфина, ты сомнѣваешься? скажи, будь искренна съ своею матерью! ты сомнѣваешься?

— Сомнѣваюсь, мама! отвѣтила она смѣлѣе и громче, чѣмъ говорила до тѣхъ поръ.

Она сдѣлала живое движеніе и обернулась лицомъ къ матери и профилемъ къ окну. Послѣдніе лучи заката залили пурпуромъ ея лобъ и щеки, глаза заблестѣли ярче.

— Сомнѣваюсь, мама, повторила она:—не понимаю, не чувствую!..

Ея худощавыя изящныя плечи сдѣлали нетерпѣливое движеніе; маленькая, сухая нервная рука высунулась изъ-за шали и начала нетерпѣливо теребить косу, упавшую съ плеча.

— Дитя мое, простонала пани Изабелла:—откуда могли у тебя явиться такія странныя мысли? Приди ко мнѣ! я должна дать тебѣ маленькій урокъ! подойди сюда поближе!

Та послушно и медленно подошла къ качалкѣ и стала передъ матерью. Пани Изабелла быстро пододвинула низкій табуретъ и, взявши дочь за руку, привлекла ее къ нему.

— Сядь здѣсь у моихъ ногъ, начала она:—мать и дочь всегда должны такъ говорить другъ съ другомъ, душа въ душу, тихо и довѣрчиво... Вѣдь мы же съ тобой друзья... садись!

Она сѣла и совершенно исчезла во мракѣ, который уже наполнилъ уголъ большой залы, а пани Изабелла наклонилась къ ней и выставила на свѣтъ свое бѣлое лицо, обрамленное прозрачными кружевами и полное мягкости. Она подняла вверхъ красивую бѣлую руку, на которой блестѣли два дорогихъ кольца, и заговорила тихо и торжественно:

— То, что ты сказала, очень меня огорчило. Ты не пони-

Digitized by Google

маешь? Но къ чему понимать? Понимаютъ, дитя мое, только философы, нигилистки и другія погибшія души. Развѣ ты хочешь, чтобы тебя называли нигилисткой? Это тѣ, которыя ходятъ въ грязныхъ платьяхъ, и у нихъ всегда красные глаза, растрепанные волосы и желтыя, страшныя лица... Нѣтъ, ты цвѣтокъ, выросшій подъ крыломъ твоей матери, лилія, которую я каждое утро и вечеръ отдавала подъ защиту Христа... Ты не должна меня понимать. Я сама не понимаю. Я люблю это небо, эти деревья, этотъ вѣтеръ... потому что, кромѣ духовной отчизны, которая на небесахъ, намъ позволено имѣть и любить нашу первую, земную отчизну. Люби ее.

Здѣсь восторженную рѣчь матери, поучающей свое дитя, прервало появленіе бородатаго лакея, одѣтаго съ ногъ до головы въ черное платье, который остановился у порога и почтительно доложилъ, что пріѣхалъ панъ Житницкій и спрашиваетъ, можно ли видѣть барыню.

— Проси! зажги лампу и дай чаю! приказала пани Изабелла и, обратившись къ дочери, начала полужалобно, полушутливо шептать:

— Вотъ, ужь и начинается проза жизни! Надо будетъ слушать цѣлый часъ о хлѣбахъ, цѣнахъ, постройкахъ, арендахъ, контрактахъ. Ахъ, что же дѣлать! для того мы сюда и пріѣхали, чтобы устроить наконецъ всѣ эти несносныя дѣла. А потомъ мы опять улетимъ въ тотъ свѣтъ, который красивѣе и веселѣе этого пустаго дома и противныхъ холодныхъ вѣтровъ... Пока ты можешь заняться распаковкой сундуковъ съ нашими дорогими воспоминаніями... Въ разстановкѣ ихъ я вполнѣ довѣряю твоему вкусу и знанію нашихъ священныхъ обычаевъ.

Двѣ минуты спустя, надъ большимъ дубовымъ столомъ, стоящимъ посреди залы, горѣла прекрасная лампа съ тремя матовыми шарами. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола, держа въ большихъ загорѣлыхъ рукахъ тяжелую связку бумагъ, стоялъ мужчина лѣтъ пятидесяти, плотный, тяжелый, съ длинной густой бородой, въ простомъ черномъ платьѣ. Поза его была не униженная, не робкая, только неловкая и полная глубокаго уваженія. Лицо его съ низкимъ загорѣлымъ лбомъ и ртомъ, почти невиднымъ изъ-за густой бороды и усовъ, не выражало ни тревоги, ни покорности, ни даже радостнаго волненія: оно было апатично, немного печально, и выражало натянутость, которую чувствуетъ обыкновенно тотъ, кто попадаетъ въ совершенно чуждую себѣ сферу явленій и людей. Пани Изабелла быстро подошла къ своему управляющему и протянула ему обѣ руки. Движе-

Digitized by Google

нія ея были живы и полны граціи, улыбка выражала удовольствіе, почти радость. Она выразила ее даже словами.

— Мнѣ очень, очень пріятно, что мы видимся наконецъ съ вами, дорогой панъ Житницкій! Я такъ ужасно соскучилась объ Одрополѣ и обо всѣхъ моихъ здѣшнихъ друзьяхъ и знакомыхъ, что даже безъ вашего письма, которое меня вызвало, навѣрно пріѣхала бы въ этомъ году. Садитесь, пожалуйста!

Она подвинула ему одинъ изъ тяжелыхъ стульевъ, стоявшихъ вокругъ стола, а на другой сѣла сама. Вѣроятно, Житницкому были очень пріятны эти дружескія привѣтствія. Онъ съ низкимъ поклономъ поцѣловалъ руку хозяйки, сѣлъ на предложенный стулъ, положилъ на столъ принесенныя бумаги и молчалъ.

Пани Изабелла начала снова:

— Я, право, не знаю, какъ благодарить васъ за ваше честное и благородное поведеніе относительно меня и моего бѣднаго Одрополя. Панъ Поменѣцкій, который провелъ въ этихъ краяхъ прошлое лѣто, говорилъ мнѣ, что хозяйство въ Одрополѣ такъ... такъ образцово, что далѣе уже невозможно идти; а о томъ, какъ вы точно высылали мнѣ мои доходы и какъ охотно помогали мнѣ всегда въ моихъ маленькихъ затрудненіяхъ, я знаю сама... Я, право, думаю, что само провидѣніе послало васъ на мою дорогу...

Въ черныхъ глазахъ ея, еще красивыхъ и полныхъ огня, блеснули слезы. Она сидѣла въ той позѣ, которую чаще всего принимала въ разговорѣ. Слегка наклонившись къ своему собесѣднику, она скрестила обѣ руки на груди. Въ этой позѣ было много мягкости и даже болѣе—она какъ будто выражала уваженіе къ достоинствамъ того, съ кѣмъ велся разговоръ. Житницкій былъ, очевидно, взволнованъ, но онъ съумѣлъ только поклониться и отвѣтить басомъ:

— Эта была моя обязанность.. Я работаю и стараюсь поступать по совѣсти.

При послѣднихъ словахъ онъ взглянулъ на принесенныя имъ бумаги и протянулъ къ нимъ руку. Должно быть, онъ очень торопился кончить свое дѣло и уѣхать.

— Я имѣлъ честь писать вамъ, графиня... началъ онъ, но пани Изабелла перебила его съ большой живостью:

— Ахъ, пожалуйста, безъ титуловъ! прошу васъ! Я не графиня, и благодарю Бога за то, что Онъ избавилъ меня отъ этого искушенія сдѣлаться тщеславной и пустой. Правда, за границей меня такъ всѣ называли, но тамъ ужь такой обычай. Вѣдь те-

Digitized by Google

перь мы съ вами въ странѣ, гдѣ есть пословица... Какъ это?.. „шляхтичъ“... ахъ, да...

Она насилу вспомнила извѣстную пословицу о шляхтичѣ и воеводѣ *). Трудненько ей было говорить по польски. Житницкій поклонился и началъ вторично:

— Я имѣлъ честь писать вамъ, что девятилѣтній срокъ моей аренды кончится весной будущаго года. По правдѣ сказать, я хозяйничаю здѣсь не девять, а пятнадцать лѣтъ, такъ какъ еще раньше шесть лѣтъ арендовалъ Одрополе. Такъ, можетъ быть, ударыня, вы захотите и на будущее время...

— Еще бы! cela va sans dire! Я даже прошу, умоляю васъ, чтобы вы меня не оставляли! Я женщина, у меня слабое здоровье, дочь моя еще такъ молода... Я уже думала, и не разъ думала о томъ, не лучше ли продать Одрополе и разъ навсегда избавиться отъ этой непріятной обузы... Но оно на половину принадлежитъ Адольфинѣ, и притомъ это мѣсто для насъ такъ дорого, такъ свято...

— Одрополе—прекрасное имѣніе, перебилъ Житницкій:—хорошая земля, много луговъ, мельницы... продавать было бы жаль. Еслибы я могъ во всѣхъ фольваркахъ изъ четырехъ полей сдѣлать девять, какъ я уже сдѣлалъ въ Блонѣ, то черезъ нѣсколько лѣтъ доходъ увеличился бы почти вдвое, но эти нѣсколько лѣтъ...

— Что это значитъ—изъ четырехъ полей сдѣлать девять? Развѣ это возможно? Но, Боже мой, во всякомъ случаѣ, конечно, дѣлайте, что хотите. Лучше имѣть чего нибудь больше, чѣмъ меньше.

— Вы, сударыня, не понимаете нашихъ хозяйственныхъ разговоровъ, сказалъ арендаторъ, почтительно улыбаясь:—отъ перемѣны въ системѣ хозяйства полей не будетъ больше, но только то же самое поле будетъ иначе раздѣлено и иначе засѣяно. По нашему, это называется многопольная система.

— Ахъ, знаю, знаю! съ торжествомъ воскликнула владѣтельница Одрополя:—какъ же! вѣдь я понимаю, что такое многопольная система, и знаете ли что? за границей вездѣ такое хозяйство. Многопольная система или фермы, другаго хозяйства совсѣмъ нѣтъ. Оттого, вѣроятно, такъ богаты тѣ страны. Бельгія—это настоящій садъ. Въ южной Франціи я видѣла собственными глазами, что всѣ поля раздѣлены на такіе маленькіе-маленькіе кусочки. На каждомъ кусочкѣ растетъ что нибудь другое. Я не

*) „Шляхтичъ у себя дома не меньше воеводы“.

Digitized by Google

понимаю, отчего нашу страну не обработываютъ такимъ же образомъ? Она была бы также богата, какъ Бельгія и Франція. Но наша бѣдная страна не можетъ этого достичь...

— Средства нужны, сударыня, на это нужны большія средства, сказалъ Житницкій, и его апатичный, печальный взглядъ загорѣлся воодушевленіемъ.—О, еслибы у меня было свое имѣніе... я бы отказывалъ себѣ во всемъ, не ѣлъ бы и не пилъ, и ввелъ бы многопольную систему; но въ арендѣ это трудно. Въ одномъ фольваркѣ, въ Блонѣ я не выдержалъ и ввелъ такое хозяйство, въ другихъ съ трудомъ выплачиваю аренду; я не могу, я бы пропалъ... Я именно хотѣлъ предложить вамъ, сударыня, нельзя ли...

Онъ запнулся, откашлялся; его маленькіе сѣрые глаза раскрылись такъ широко, точно онъ что-то съ трудомъ проглотилъ; видно было, что онъ не привыкъ много говорить, и длинная рѣчь была для него необыкновенно трудной работой. Пани Изабелла, ни на минуту не измѣнивъ своего любезнаго вида, попробовала облегчить ему эту задачу.

— Я слушаю, слушаю очень внимательно. Въ чемъ же состоитъ это предложеніе?

— Не согласитесь ли вы, сударыня, получать меньшій доходъ съ вашего имѣнія... нѣсколько лѣтъ, только нѣсколько лѣтъ... въ это время я успѣлъ бы многое измѣнить...

Улыбка исчезла съ лица пани Изабеллы; ее смѣнило выраженіе ужаса. Подъ вліяніемъ этого чувства, она сейчасъ же воскликнула по французски:

— Impossible!

Но она сейчасъ же и поправилась.

— Я не могу, никакимъ образомъ не могу согласиться на уменьшеніе моихъ доходовъ! Я женщина... слабаго здоровья, и моя дочь...

— Сударыня, перебилъ ее Житницкій, который, очевидно, очень принималъ къ сердцу результатъ этого разговора:—еслибы вы пожелали пожертвовать на эту цѣль четвертую часть...

— О, панъ Житницкій! Какое волшебное слово произнесли вы въ эту минуту! Пожертвовать! это слово, которое всегда волнуетъ меня до глубины души. О, Боже мой, жертва! кто же можетъ лучше меня понять значеніе этого слова?

Она была въ самомъ дѣлѣ искренно взволнована.

— Панъ Житницкій, докончила она тише:—я жажду самопожертвованія, и никто, никто въ мірѣ, кромѣ моего бѣднаго

Digitized by Google

сердца, не можетъ знать, сколько жертвъ я принесла. Но той, о которой вы говорите, я не могу принести никакимъ образомъ...

Житницкій сидѣлъ, какъ окаменѣлый. Все, что онъ слышалъ, было для него также непонятно, какъ еслибы пани Изабелла заговорила по китайски. Онъ не понималъ, отчего она взволновалась, не понималъ, какъ можно жаждать самопожертвованія, и отчего она говорила теперь о жертвахъ. Однако онъ скоро опомнился и возвратился къ разговору, который живо его интересовалъ.

— Еслибы вы, сударыня, началъ онъ:—уступили мнѣ изъ арендной суммы 3,000 рублей на шесть лѣтъ, т. е., еслибы вы позволили мнѣ въ продолженіе шести лѣтъ платить за Одрополе семь тысячъ, вмѣсто десяти, то черезъ шесть лѣтъ я обязуюсь увеличить вашъ доходъ до пятнадцати тысячъ... т. е. у васъ было бы на цѣлую треть больше...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, перебила пани Изабелла, живо замахавъ бѣлыми ручками:—нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! я не хочу и слышать ни о чемъ подобномъ. Шесть лѣтъ! Но вѣдь это цѣлая вѣчность! Кто можетъ знать, что случится съ нами черезъ шесть секундъ? Мы не знаемъ ни дня, ни часа! Шесть лѣтъ... о, Боже мой! Развѣ я могу разсчитывать жить такъ долго при моемъ слабомъ здоровьѣ?..

— Но, сударыня, пани Адольфина еще такъ молода...

— О, да! она еще ребенокъ, но съ возвышенной душой; она презираетъ всякій разсчетъ и чужда всѣмъ матеріальнымъ разсчетамъ. Она навѣрно не хочетъ увеличивать свое состояніе, и я не желаю... Еслибы еще можно было увеличить его сейчасъ же, тогда, можетъ быть... вѣрно я бы согласилась на это... но черезъ шесть лѣтъ! а пока столько терять и изъ-за этого отказывать себѣ въ удовлетвореніи нашихъ, и безъ того очень скромныхъ потребностей? нѣтъ, я не могу согласиться на это и прошу васъ, чтобы все оставалось такъ, какъ было.

Лицо Житницкаго сильно омрачилось. Онъ опустилъ глаза въ землю и молчалъ.

— Жаль, началъ онъ съ минуту спустя: — очень жаль! Я признаюсь вамъ, сударыня, что у меня страсть къ хозяйству... У каждаго есть своя страсть, у меня эта... Новостей я никакихъ не люблю и не ломаю себѣ надъ ними голову, а насчетъ хозяйства ужъ я знаю, что его нужно постоянно улучшать и поднимать, и я люблю это дѣлать, даже очень люблю... можно сказать, что это мое единственное удовольствіе. Впрочемъ, у меня и другое было на умѣ... Еслибы вы согласились, сударыня, на мое предложеніе, вы бы черезъ шесть лѣтъ были въ большой выгодѣ; можетъ быть,

Digitized by Google

это и мнѣ было бы выгодно: еслибы я выдержалъ свой срокъ, у меня былъ бы на старости лѣтъ свой кусокъ земли. Жаль!

— Жаль! подтвердила пани Изабелла сочувственнымъ тономъ:— очень жаль! но что же дѣлать, если нельзя.

Но Житницкій не умѣлъ думать ни о чемъ, кромѣ хозяйства и денежныхъ дѣлъ.

— Есть еще одна вещь, о которой я хотѣлъ поговорить съ вами, сударыня, началъ онъ:—хозяйственныя строенія въ Блонѣ, Лѣсной и Шарогужѣ нуждаются...

Изъ устъ пани Изабеллы вырвался звукъ, похожій на сдержанный зѣвокъ.

— Нельзя ли, торопливо начала она:—отложить всѣ эти вопросы до другаго раза? Я чувствую усталость послѣ дороги, мнѣ немного нездоровится и, право, у меня сегодня голова не на мѣстѣ...

Дѣйствительно, лицо ея выражало усталость и страданіе.

Житницкій всталъ.

— Если такъ, то я не буду долѣе удерживать...

Пани Изабелла вскочила со стула съ самымъ любезнымъ видомъ.

— О, нѣтъ! пожалуйста, не уѣзжайте! Мы вмѣстѣ напьемся чаю! Должна же я познакомить съ вами мою дочь... уже взрослую!

При послѣднихъ словахъ, она лукаво улыбнулась, какъ бы давая понять, что взрослая дочь у нея—это просто насмѣшка судьбы. Указавъ Житницкому стулъ, она побѣжала въ глубину дома, крича по дорогѣ:

— Adolphine! Adolphine!

Она вернулась очень скоро, ведя за руку дочь, которая, вѣроятно, согрѣлась, разбирая „дорогія воспоминанія“: на ней уже не было индѣйской шали. Въ узкомъ модномъ платьѣ, тоненькая и немного неподвижная, она привѣтствовала Житницкаго полудѣтскимъ присѣданьемъ съ принужденной улыбкой на устахъ. Въ ту же минуту лакей принесъ и поставилъ на столъ серебряный чайный сервизъ.

— Садитесь, пожалуйста, мы вмѣстѣ напьемся чаю! приглашала пани Изабелла.

Перспектива этого чая, очевидно, привела Житницкаго въ ужасъ; онъ пробормоталъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ можно было разслышать: „не могу... очень жалѣю... дѣла... съѣздъ управляющихъ“...

Тогда пани Изабелла вынула изъ кармана маленькую коробочку,—такую, въ какихъ обыкновенно кладутся разныя бездѣлуш-

Digitized by Google

ки,—и, подавая ее Житницкому, просила, чтобы онъ передалъ ее своей женѣ. Арендаторъ, благодаря поклонами и неяснымъ бормотаньемъ и вдругъ что-то вспомнивъ, сказалъ болѣе громко:

— Жена говорила, чтобы я спросилъ васъ, сударыня, когда ей можно пріѣхать...

— Ахъ, какъ же! воскликнула пани Изабелла:—это мы, какъ вновь прибывшія, должны сдѣлать визитъ пани Житницкой; завтра мы непремѣнно будемъ въ Блонѣ.

Начались новые поклоны; арендаторъ хотѣлъ уже уходить, когда къ нему обратилась Адольфина:

— Извините, пожалуйста, начала она съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ:—я хотѣла спросить, гдѣ теперь и какъ поживаетъ панъ Евгеній?

— Вы его помните! воскликнулъ Житницкій въ совершенномъ восторгѣ:—а что же? онъ кончилъ курсъ въ гимназіи и долженъ былъ кончить курсъ въ университетѣ... мы на него надѣялись и нянчились съ нимъ, какъ съ роднымъ сыномъ, но это не удалось. Вотъ уже второй годъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, да такъ до сихъ поръ и сидитъ... Не знаю, что изъ этого выйдетъ...

— Пожалуйста, кланяйтесь отъ меня пану Евгенію и скажите ему, что я отлично помню, что когда мнѣ было лѣтъ восемь или девять, мы спасали вмѣстѣ маленькаго аиста...

Говоря это, она немного покраснѣла, но при этомъ весело и естественно улыбалась.

Житницкій исчезъ за дверями залы, дѣлая на ходу множество неловкихъ поклоновъ.

Пани Изабелла опустилась на стулъ и, взявъ изъ рукъ дочери чашку съ чаемъ, воскликнула:

— Что можетъ быть скучнѣе этого невозможнаго человѣка! Представь себѣ добраго, трудолюбиваго вола, которому велѣли бы сѣсть на стулъ и прилично разговаривать! Каждую минуту „сударыня!“ „сударыня!“ хр... хр... хр... откашливаніе и сморканіе носа... краснымъ платкомъ! Il est impayable!..

Говоря все это на половину по польски, на половину по французски, она громко смѣялась пріятнымъ серебристымъ смѣхомъ. Адольфина, сидя противъ матери, переливала ложкой чай и улыбалась.

— C'est vrai, maman, отвѣчала она:—когда панъ Житницкій идетъ, то просто полъ трясется, а когда онъ пожалъ мнѣ руку, то я думала, что онъ ее сломаетъ. Неужели здѣсь всѣ такіе неловкіе и смѣшные?

Digitized by Google

— О! засмѣялась пани Изабелла:—ты увидишь еще лучшіе образчики... Помнишь Житницкую?

— Немного, какъ во снѣ...

— Ты увидишь ее завтра. Это экземпляръ, который могъ бы смѣло фигурировать на одной изъ всемірныхъ выставокъ и навѣрно обратилъ бы на себя больше вниманія, чѣмъ тотъ павильонъ съ китайскими матеріями, изъ-за котораго — помнишь? —мы одинъ разъ не обѣдали...

— У! я ее боюсь! разсмѣялась Адольфина и потомъ прибавила, слегка надувши губки:—но зачѣмъ же намъ туда ѣхать? Вѣдь мы останемся здѣсь недолго; могли бы, кажется, обойтись безъ визитовъ...

Пани Изабелла сдѣлалась серьезна.

— Нѣтъ, дитя мое, мы должны это сдѣлать, мы должны побывать у Житницкихъ и быть съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ, пока мы въ Одрополѣ...

— Maman! но если мы ихъ не любимъ...

— Не любимъ! Мы не можемъ и не должны не любить Житницкихъ! Во-первыхъ, они наши ближніе, а Господь Богъ велѣлъ любить ближнихъ; во-вторыхъ, они прекраснѣйшіе люди; наконецъ, мы должны быть благодарны Житницкому... Видишь, Адольфина, какъ ты дурно выразилась, говоря, что мы не любимъ Житницкихъ! Я даже очень прошу тебя, чтобы ты ихъ любила... очень любила...

Адольфина смиренно смотрѣла въ свою чашку и очень лукаво улыбалась.

— Я думала, начала она поднявши глаза: — думала, что если ты находишь ихъ такими скучными и смѣшными, то ты не можешь ихъ любить, и что если ты надъ кѣмъ нибудь смѣешься, то вѣрно ужь не изъ благодарности.

— Да, но... начала пани Изабелла, нѣсколько смѣшавшись:— конечно, дитя мое, и то, и другое... я такъ люблю Житницкаго, что иногда онъ трогаетъ меня просто до слезъ; но когда я поговорю съ нимъ десять минутъ, я сейчасъ же начинаю желать, чтобы насъ раздѣлялъ Атлантическій океанъ... Ты еще слишкомъ молода, дитя мое, чтобы понимать странныя противорѣчія человѣческаго сердца: сердце человѣческое, особенно сердце женщины, — неизмѣримая бездна...

— Отчего же особенно сердце женщины? спросила Адольфина.

Пани Изабелла подняла обѣ руки.

— Ахъ, дитя, дитя! съ твоими вѣчными: зачѣмъ? отчего? avec tes éternels pourquoi ты никогда не можешь удовольствовать-

Digitized by Google

ся тѣмъ, что я говорю тебѣ; ты вѣчно хочешь все понять, узнать и разобрать! Право, ты бы должна была родиться мужчиной!

— О, еслибы я была мужчиной! съ чувствомъ воскликнула Адольфина.

Пани Изабелла грустно покачала головой.

— Да, да, конечно! мужчины счастливѣе насъ! въ ихъ жизни меньше борьбы, меньше опасностей, имъ дано больше свободы.

— Нѣтъ, нѣтъ! живо перебила Адольфина:—мнѣ не для борьбы и не для свободы...

— Такъ для чего же?

— Для того, чтобы узнать и понять тысячу вещей...

— Ахъ, ты опять со своимъ: знать и понимать! но чего же ты не знаешь изъ того, что должна знать? Другія познанія не только не нужны, но были бы даже пагубны. Вспомни о змѣѣ, который соблазнилъ Еву сорвать яблоко. L'abbé Faveur въ своихъ урокахъ часто возвращается къ этому предмету, помнишь?

Здѣсь пани Изабелла подняла къ своему лицу указательный палецъ и докончила съ шутливой улыбкой:

— Помнишь, на какомъ деревѣ росло это яблоко?

— На древѣ познанія добра и зла, съ важностью отвѣтила Адольфина и, опустивши глаза, задумалась. Потомъ она подняла на мать свой горящій взглядъ и, нервно хватаясь рукой за расплетающуюся косу, воскликнула:

— Я никогда не могла понять, отчего Господь Богъ не позволилъ Адаму и Евѣ срывать яблокъ съ древа познанія добра и зла? Отчего Онъ, который все знаетъ, запретилъ все знать человѣку, который созданъ по образу и подобію божьему!

— Tais-toi! tais-toi! méchant enfant! съ морщинкой на лбу и съ испуганнымъ видомъ воскликнула пани Изабелла:—скоро съ тобой нельзя будетъ разговаривать! ты богохульствуешь!.. Сегодня же напишу обо всемъ этомъ аббату Фавёру!

— Нѣтъ, мамочка, нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Адольфина съ умоляющимъ жестомъ:—не пишите обо мнѣ ничего дурнаго аббату Фавёру!

— Вотъ видишь! ты боишься своего духовнаго отца! Это первый признакъ того, что у тебя неспокойная совѣсть!..

— Да, мама, это все изъ-за сомнѣній, которыя на меня нападаютъ, тихо и печально проговорила Адольфина.

— А теперь ты ужь готова заплакать... Это всегда такъ: отъ смѣха ты переходишь къ слезамъ, отъ излишней самоувѣренности—къ робости... Я не буду бранить тебя за это, потому что ты въ этомъ отношеніи похожа на меня... Впечатлительность и

Digitized by Google

чувствительность... Это всегда было мученіемъ моей жизни... Но отчаиваться въ милосердіи Божіемъ—это также грѣхъ. Дитя мое, оно безгранично и безмѣрно.

При послѣднихъ словахъ, Адольфина опять подняла глаза, на этотъ разъ сухіе и блестящіе.

— Я знаю это, но въ такомъ случаѣ отчего же...

Она не договорила и нѣсколько разъ встряхнула головой, какъ будто хотѣла отогнать неотвязныя мысли.

— Не кончай! не кончай! съ необычною строгостью воскликнула пани Изабелла.

Адольфина встала со стула.

— Все прошло! проговорила она съ улыбкой, отъ которой слегка задрожали ея нѣжныя губы:—право, мама, здѣсь, въ этомъ Одрополѣ, такъ тихо, глухо и грустно, что по неволѣ разныя мысли...

Она не кончила; медленнымъ, усталымъ шагомъ пошла она вдоль одной изъ длинныхъ стѣнъ залы и подняла на портреты свой разсѣянный взглядъ.

Чай былъ уже выпитъ, печенье и варенье съѣдены. Лакей убиралъ со стола серебро и фарфоръ. Пани Изабелла глубоко задумалась, опершись головой на руку. Вдругъ она подняла голову и воскликнула:

— Adolphine! знаешь, что̀ было съ нами годъ тому назадъ? сегодня ровно годъ: я сейчасъ вспомнила это со всѣми подробностями! Мы проѣзжали ночью черезъ Эйхенбахъ, и князь Роалькичàго надѣлъ на себя арабскій бурнусъ, знаешь, съ капишономъ? Я сказала ему, что онъ похожъ въ немъ на привидѣніе, а онъ возразилъ, чтобы я была осторожнѣе, такъ какъ привидѣнія выбираютъ себѣ живыхъ людей, отъ которыхъ они не отступаютъ ни на шагъ и вездѣ ихъ преслѣдуютъ... Я думаю, что князь теперь...

— Мама! чей это портретъ? неожиданно и громко раздалось за ея плечами.

Пани Изабелла обернулась. Адольфина, скрестивъ руки на груди и поднявши голову, стояла передъ тѣмъ самымъ портретомъ, который при лучахъ заходящаго солнца показался ей почти живымъ, грознымъ и страшнымъ. Теперь платье и оружіе героя исчезали въ полумракѣ, а лицо, облитое бѣлымъ свѣтомъ лампы, выражало безконечную задумчивость. На высокомъ лбу были ясно видны двѣ глубокія морщины; смѣлые глаза смотрѣли какъ будто въ безбрежную даль уже не грозно, а съ какой-то невыразимой печалью. Блѣдное нервное личико дѣвушки также

Digitized by Google

было задумчиво, когда она спросила, устремивши взглядъ на старую картину:

— Мама, чей это портретъ?

Пани Изабелла оглянулась, тоже подняла глаза вверхъ и разсѣянно отвѣтила:

— Право, не знаю, дитя мое... кажется... ахъ, да, я вспомнила... это Чарнецкій...

— Красивый! тихо проговорила Адольфина и снова спросила:

— Кто это такой,—Чарнецкій?

— Ахъ, дитя мое, какъ же ты этого не знаешь? Вѣдь это былъ знаменитый герой.

Адольфина съ минуту молчала.

— Мама, отчего онъ былъ герой?

Пани Изабелла подавила зѣвоту и воскликнула:

— Дорогая моя! ты такъ говоришь, точно никогда не училась исторіи своей страны. А между тѣмъ я всегда говорила паннѣ Бертѣ, чтобы она учила тебя этому, и сама не разъ присутствовала при этихъ урокахъ... Но ты ужь немножко забыла... Ничего нѣтъ удивительнаго! A vrai dire, исторія вещь очень сухая, но что-жъ дѣлать? долгъ прежде всего! а знать исторію своей страны, дитя мое, эта наша священнѣйшая обязанность.

Она еще разъ зѣвнула. Адольфина сѣла противъ нея въ небрежной позѣ съ потухшимъ взоромъ.

— Ну, что же? начала пани Изабелла:—помнишь ты, кто изъ нашихъ королей принялъ святую христіанскую вѣру?

— Мечиславъ I, ни минуты не колеблясь, отвѣтила Адольфина.

— А за кого вышла принцесса Ядвига?

— За Владислава Ягелло.

— Après? что еще? кого это съѣли мыши?

Адольфина засмѣялась и отвѣтила:

— Попеля.

— Надъ чѣмъ же ты смѣешься, дитя? не слѣдуетъ смѣяться, говоря о такихъ серьезныхъ вещахъ!

— Ахъ, мамочка, я никогда не могла себѣ представить, какъ это человѣкъ, да еще, вдобавокъ, король, могъ быть съѣденъ мышами.

— Ну, въ этомъ можно сомнѣваться. Это пустяки! Ну, а скажи мнѣ, какъ звали ту королеву, которая была такая злая и дурная, ненавидѣла нашу страну и вывезла изъ нея большія суммы денегъ въ Италію?

Digitized by Google

Адольфина на минуту задумалась. Она, очевидно, начинала терять терпѣніе, брови ея нахмурились.

— Право, не знаю, сказала она:—Рикса, Кунигунда или Бона.. всѣ эти имена вертятся у меня въ головѣ...

— Ахъ, Бона! ну, разумѣется, Бона! Видишь? я раньше тебя училась исторіи и отлично помню... что же дальше? Ah, voilà! Собѣсскій! до сихъ поръ еще молятся въ Римѣ за этого героя... ты помнишь, чѣмъ онъ прославился?

— Онъ спасъ Вѣну отъ турокъ...

— Не только отъ турокъ, душа моя, но также отъ татаръ, черкесовъ и другихъ мусульманъ. Видишь, какой это былъ великій человѣкъ! онъ спасъ весь христіанскій міръ и Вѣну... Представь себѣ, что бы это была за жалость, еслибы невѣрные разрушили прелестную Рингштрассе; наша милая, красивая Вѣна была бы совсѣмъ не такая, какъ теперь... Arrêt?

II.

Было уже темно, когда двуконная бричка Житницкаго остановилась передъ крыльцомъ небольшаго дома, имѣющаго видъ скромной шляхетской усадьбы. На крыльцо выбѣжала женщина, лица которой нельзя было разсмотрѣть въ темнотѣ; видно было только, какъ ея небольшая, плотная, почти квадратная фигура съ необыкновенной быстротой скатилась со ступеней крыльца и повисла на шеѣ Житницкаго у подножки брички.

— Павелъ! Павликъ мой! Таки пріѣхалъ наконецъ! раздался пронзительный женскій голосъ, дрожащій отъ радостнаго смѣха и прерываемый такими громкими поцѣлуями, что можно было принять ихъ за выстрѣлы изъ маленькаго пистолета.—Ну, наконецъто! ты вѣдь цѣлыхъ два дня просидѣлъ въ своихъ фольваркахъ! не озябъ ли ты? можетъ быть, голоденъ? Ну, поцѣлуй же меня хоть разокъ!

— Хорошо, хорошо! послышался въ отвѣтъ низкій, апатичный голосъ арендатора:—какъ ты поживаешь? ну, довольно нѣжничать! дай мнѣ поѣсть, я съ десяти часовъ утра ничего не ѣлъ...

Женщина еще быстрѣе прежняго вкатилась на крыльцо и влетѣла въ домъ, крича:

— Виктя! Юзефа! Юзефа! Текла! Текла! баринъ пріѣхалъ! зажигайте лампу! самоваръ! *биштикъ*! Да гдѣ онѣ всѣ, разбойницы! Докричаться ихъ нельзя! Наказаніе божіе съ этими дурами...

Послѣднія слова донеслись до ушей Житницкаго уже въ ту

Digitized by Google

минуту, какъ онъ входилъ въ комнату, слабо освѣщенную одной свѣчей, стоявшей на столѣ, который стоялъ передъ диваномъ. На диванѣ, въ небрежной, лѣнивой позѣ, лежалъ молодой человѣкъ съ открытой книгой въ рукахъ. При слабомъ освѣщеніи можно было разсмотрѣть только то, что у него былъ высокій бѣлый лобъ и густая, кудрявая, золотисто-рыжая борода. Казалось, приходъ Житницкаго не произвелъ на него никакого впечатлѣнія: онъ не сказалъ ни слова, не оторвалъ глазъ отъ книги и даже не пошевелился. Житницкій, также молча нарушая тишину только сопѣньемъ и отхаркиваньемъ, снялъ пальто, прошелъ черезъ небольшую комнату, взялъ со стола свѣчу такъ равнодушно, точно она никому не свѣтила, и пошелъ съ нею въ глубину дома. Въ комнатѣ сдѣлалось совершенно темно, и въ этой темнотѣ послышался короткій иронической смѣхъ. Потомъ наступила полная тишина. Мужчина, лежавшій на диванѣ, продолжалъ лежать, хотя не могъ уже читать. Не хотѣлъ онъ, или ему незачѣмъ было вставать? Тишина длилась недолго. Ее прервалъ, какъ бы шумъ вихря, звукъ тяжелыхъ, поспѣшныхъ шаговъ, пробѣжавшихъ сосѣднюю прихожую, и стукъ порывисто-отворяемой двери. На порогѣ тотъ самый звонкій женскій голосъ, который такъ нѣжно привѣтствовалъ у крыльца возвратившагося хозяина дома, воскликнулъ:

— Это что? здѣсь темно? а гдѣ же свѣчка? ахъ, горе мое! Кто-то ужь у меня спапалъ отсюда свѣчку! Да вѣдь здѣсь былъ Геня. Здѣсь никого нѣтъ? Геня! Геня! ты спишь?

Въ темнотѣ раздался мужской голосъ, который звучалъ пріятно, но произносилъ каждое слово лѣниво и неохотно:

— Я еще не умеръ, чтобы спать, пока вы не спите.

— А гдѣ же свѣчка?

— Дядя взялъ.

— Какъ! ты читалъ, а онъ вотъ такъ взялъ, да и утащилъ ее?

— Взялъ и утащилъ!

Она ничего не отвѣтила, только снова наполнила комнату шумомъ и стукомъ. Она бѣжала въ темнотѣ, натыкаясь на столы и стулья, сопѣла, бормотала какую-то безсвязную брань и наконецъ, какъ бомба, ворвалась въ большую комнату, гдѣ при свѣтѣ свѣчи, стоящей на простомъ бюро, Житницкій пересматривалъ и приводилъ въ порядокъ толстыя кипы бумагъ. Не смотря на шумъ, произведенный вторженіемъ жены, арендаторъ не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія.

— Павелъ! крикнула она.

Не отрывая головы отъ бумагъ, онъ спросилъ ее:

— Что, Котя?

Digitized by Google

— Зачѣмъ ты утащилъ у Гени свѣчку? Или тебѣ ужь такъ опротивѣлъ этотъ мальчикъ, что ты хочешь выжить его изъ дому своимъ грубіянскимъ обхожденіемъ? Или это для того, чтобы мнѣ досадить, чтобы и я ушла вмѣстѣ съ этимъ ребенкомъ и оставила свободное мѣсто для кого нибудь помоложе и покрасивѣе? Знаю, что ты только этого и хочешь! ты даже смерти моей желаешь! да ты былъ бы самый счастливый человѣкъ, еслибы мы съ Геней вдругъ умерли! у тебя камень вмѣсто сердца, коли ты не можешь оцѣнить моей любви и самоотверженія и тѣхъ тяжкихъ трудовъ, что̀ я переношу для тебя всю жизнь. Развѣ такъ бы я жила, еслибы я, вмѣсто тебя, вышла замужъ за полковника Хрыйскаго? Была бы я полковница, барыня, ѣздила бы въ каретѣ на шести лошадяхъ. А теперь что̀? ты даже свѣчку отнимаешь у моего ребенка и оставляешь его въ темнотѣ, какъ какого нибудь злодѣя, и все это только для того, чтобы мнѣ досадить, чтобы показать мнѣ этимъ, что ты меня не любишь, не терпишь, ненавидишь, что я даже и дрянной свѣчки не стою!

Всѣ эти рѣчи сопровождались сопѣньемъ и слезами. Ея тяжелая широкая фигура въ засаленномъ капотѣ, безъ воротничка и безъ манжетъ, съ густыми волосами, падающими на плечи, руки и круглое румяное лицо, посреди котораго блестѣли, какъ двѣ слабыя искры, маленькіе сѣрые глазки,—суетилась вокругъ бюро, у котораго сидѣлъ ея мужъ; она забѣга̀ла то спереди, то сзади, ломала руки, поднимала ихъ вверхъ или размахивала ими такъ, что отъ ихъ движенія колебалось пламя свѣчи.

Житницкій сидѣлъ, наклонившись надъ бумагами, водилъ перомъ по строкамъ, читалъ ихъ про себя и время отъ времени писалъ на поляхъ разныя цифры и замѣтки. Въ лицѣ его не шевельнулся ни одинъ мускулъ, онъ только слегка шевелилъ губами и, по мѣрѣ нужды, переворачивалъ страницу за страницей.

— Павелъ! крикнула ему жена:—Павелъ! Павелъ!

— Что, Котя? спросилъ онъ, не мѣняя положенія.

— Человѣкъ ты или камень? мужъ ты или разбойникъ?

— 681 штука по 2 рубля 70 копѣекъ, прошепталъ онъ.

— Я твои бумаги на мелкіе кусочки разорву!...

Она протянула руку къ бумагамъ, которыя лежали передъ нимъ, но онъ положилъ на нихъ свою большую сильную руку. Потомъ онъ поднялъ голову, спокойно и равнодушно посмотрѣлъ ей въ лицо и сказалъ обыкновеннымъ голосомъ:

— Котя, уходи отсюда...

Въ одну минуту все лицо ея залилось слезами, и сама она усѣлась на землю около мужа.

Digitized by Google

— Павелъ! Павликъ! говорила она, всхлипывая:—я тебя такъ люблю, а ты ко мнѣ такъ равнодушенъ.. ну, поцѣлуй же меня послѣ двухъ дней разлуки... ну, взгляни хоть на меня, миленькій мой...

Одну его руку она взяла въ свои маленькія пухлыя руки, другой онъ написалъ на бумагѣ нѣсколько словъ, послѣ которыхъ поставилъ цифру и проговорилъ вполголоса:

— Тысяча триста шестьдесятъ два...

Потомъ онъ положилъ перо около чернильницы, спряталъ бумаги въ ящикъ, всталъ со стула и сказалъ:

— Котя! дай мнѣ поѣсть.

Она вскочила съ пола, растворила настежъ двери столовой и воскликнула:

— Пожалуйте ужинать! ваша покорная слуга уже все приготовила, биштикъ я даже своими руками изжарила... вѣдь для тебя жена не больше, какъ служанка! Конечно! Пока еще я была молоденькая и хорошенькая...

Въ столовую вошла босая и некрасивая служанка съ растрепанными волосами и лицомъ, распухшимъ отъ слезъ. Житницкая бросилась на нее, выбранила за то, что она не принесла масла и сливокъ, и, толкая ее передъ собою, выскочила вмѣстѣ съ нею въ коридоръ, на концѣ котораго была кухня.

Столовая, освѣщенная простой, но яркой висячей лампой, была чистая, веселая комната. На окнахъ стояли цвѣтущіе въ горшкахъ бальзамины и астры, на бѣлыхъ стѣнахъ сѣрѣло нѣсколько гравюръ; столъ, покрытый бѣлою, какъ снѣгъ, скатертью, былъ заставленъ очень простой, но безукоризненно чистой посудой. Самоваръ блестѣлъ, какъ золото, и весело шумѣлъ, испуская двѣ струйки пара; въ хлѣбной корзинкѣ лежали свѣжія румяныя булки. Житницкій сѣлъ у стола, завязалъ вокругъ шеи бѣлую салфетку, такъ что она закрыла ему часть бороды, и придвинулъ къ себѣ блюдо съ прекрасно изжареннымъ бифштексомъ, приправленнымъ петрушкой. Лицо его прояснилось, глаза заблестѣли. Онъ налилъ себѣ изъ большой бутылки въ рюмку старой водки, потомъ нарѣзалъ бѣлый пухлый хлѣбъ, обвелъ глазами веселую, свѣтлую комнату, и лицо его просіяло тихимъ удовольствіемъ. Но это продолжалось недолго. Изъ противоположныхъ дверей вышелъ тотъ самый молодой человѣкъ, котораго Житницкій такъ небрежно оставилъ въ темнотѣ, не смотря на то, что онъ читалъ книгу. Это былъ красивый юноша, высокій, стройный, сильный, съ золотисто-рыжими волосами и бородой, бѣлымъ лбомъ, красивымъ ртомъ съ яркими губами и большими, блестящими

Digitized by Google

голубыми глазами. Трудно было опредѣлить его возрастъ. Блескъ глазъ, яркость губъ и вся фигура свидѣтельствовали о томъ, что онъ былъ очень молодъ, но выраженіе красиваго лица придавало ему какой-то особый отпечатокъ, несвойственный его лѣтамъ. Лобъ его былъ въ морщинахъ; ротъ, указывающій своими очертаніями на впечатлительную натуру, складывался въ горькую линію; въ глубинѣ глазъ, смотрѣвшихъ съ лѣнивымъ скучающимъ видомъ, горѣлъ огонь страстныхъ желаній или грезъ. Онъ медленно подошелъ къ столу, сѣлъ, открылъ книгу и началъ смотрѣть въ нее такъ, какъ будто не замѣчалъ, что въ комнатѣ есть кто нибудь, кромѣ него. Житницкій пересталъ рѣзать хлѣбъ и остановилъ взглядъ на Евгеніѣ. Взглядъ этотъ не былъ равнодушенъ, въ немъ выражалась печаль, даже скорбь. Онъ грустно покачалъ головой и вздохнулъ. Евгеній смотрѣлъ въ книгу. Оба молчали. Они обходились другъ съ другомъ такъ, какъ будто были въ ужасной ссорѣ. Однако, очевидно, между ними ничего не произошло: минуту спустя, Житницкій подвинулъ къ своему молчаливому товарищу блюдо съ бифштексомъ и сказалъ:

— Отчего ты не ѣшь, Геня? бифштексъ хорошій. Недаромъ тетка сама его зажарила.

Въ голосѣ его не только не было гнѣва, но даже, напротивъ, больше теплоты, чѣмъ обыкновенно.

Евгеній отодвинулъ книгу, взялъ ножикъ и вилку и сказалъ также безъ тѣни неудовольствія, но только очень холодно и съ саркастическимъ смѣхомъ:

— Должно быть, острый соусъ. Тетка приправляетъ его обыкновенно гарнцемъ слезъ, дюжиной проклятій и сотней подзатыльниковъ, полученныхъ Теклой и Юзефой.

Житницкій немного нахмурилъ брови и пробормоталъ едва слышно:

— Что дѣлать? что дѣлать? Надо ей все это прощать: у нея золотое сердце.

Въ эту минуту, ведя за собой дѣвушку, которая несла на подносѣ масло, сливки, сыръ и великолѣпную колбасу, влетѣла въ комнату Житницкая. Она имѣла теперь совершенно другой видъ. Правда, она не измѣнила своего небрежнаго костюма, и волосы ея были въ такомъ же безпорядкѣ, какъ и прежде; но ея пухлыя и румяныя щеки, низкій лобъ, сѣрые глазки и даже маленькій вздернутый носикъ, который нѣкогда могъ имѣть свою прелесть, — все это сіяло самой свѣтлой и радостной улыбкой, какую можно только себѣ представить. Она начала кричать еще у двери:

Digitized by Google

— Павликъ, радость моя! такъ ты былъ въ Одрополѣ? Я сейчасъ спросила въ кухнѣ у Франка: „куда же вы съ бариномъ ѣздили?“ а онъ мнѣ сказалъ, что въ Одрополе. Вотъ всегда такъ. Ты мнѣ никогда, никогда ничего самъ не разскажешь, я только отъ слугъ и узнаю. Ну, разскажи же мнѣ, Павликъ, разскажи скорѣе! Ты ее видѣлъ? приняла она тебя? Какъ она глядитъ? что̀ говорила? надолго ли пріѣхала?

Она стояла у самовара и, осыпая мужа вопросами, съ необыкновенной быстротой и ловкостью перетирала стаканы тонкой салфеткой.

Житницкій съѣлъ бифштексъ и отодвинулъ тарелку, потомъ снялъ съ шеи салфетку и, не торопясь, вытеръ себѣ бороду и губы, разрѣзалъ хлѣбъ и наконецъ отвѣтилъ:

— Она меня приняла, и мы съ нею говорили цѣлыхъ полчаса. Она очень любезная и добрая женщина.

Эту похвалу владѣтельницѣ Одрополя онъ произнесъ съ видимымъ удовольствіемъ и даже съ нѣкоторой гордостью. Въ глазахъ Житницкой тоже блеснули радость и гордость.

— О! воскликнула она:—она тебя, Павликъ, очень уважаетъ! Она всегда была такая добрая и любезная, какъ... конфетка! настоящая барыня! а какъ заговоритъ, такъ сердце таетъ отъ ея доброты и любезности! Настоящій ангелъ! А что, она все еще красива?

— Не замѣтилъ. Кажется, да.

— Немножко ужь посѣдѣла?

— Не замѣтилъ... Кажется, посѣдѣла.

— Да ты никогда ничего не замѣчаешь! Эти мужчины, точно каменные! Ни до чего имъ нѣтъ дѣла! Ну, хоть бы своя жена, да еще такая, какъ я, подурнѣвшая и постарѣвшая... слишкомъ рано:—на нее можно не смотрѣть! Но не видѣть чего нибудь у нея! Что̀ же она говорила? Это ты ужь долженъ помнить!

Житницкій былъ очень занятъ наливаніемъ сливокъ въ чай.

— Что̀ она говорила? да что-жъ ей говорить? говорила, кажется, что она устала съ дороги... приглашала пить чай.

— Приглашала... вотъ видишь, какая любезная! отчего-жъ ты не остался?

— Мнѣ было неловко.

— Ну, ужь ты со своей неловкостью! Какъ же можно было не остаться, если она приглашала? Я бы осталась! вѣдь это для насъ честь...

Евгеній, который не принималъ до сихъ поръ никакого участія въ разговорѣ и лѣниво пилъ чай, подперши лобъ рукою, под-

Digitized by Google

нялъ голову и устремилъ на Житницкую сверкающій взглядъ. Онъ видимо хотѣлъ что-то сказать, но удержался, только на губахъ его появилась нетерпѣливая, насмѣшливая улыбка.

— А ты что, Геня, молчишь, какъ рыба? воскликнула Житницкая.—Ты долженъ былъ бы спросить о паннѣ Адольфинѣ... ты молодъ и она молода, вѣдь вы прежде были хорошо знакомы... только тебя также, какъ и дядю, ничего не интересуетъ...

— О томъ, что меня интересуетъ, вы не можете знать, перебилъ Евгеній съ нѣкоторымъ волненіемъ: — но что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до пани Адольфины... очень естественно!

— Естественно! Желала бы я знать, отчего это естественно? Ты кавалеръ, она барышня... Ты всегда жалуешься, что у тебя здѣсь нѣтъ подходящаго общества. Вотъ тебѣ и общество! Онѣ ужь навѣрно останутся здѣсь мѣсяца на два... хоть немножко успѣешь поухаживать за барышней!

Послѣднія слова произнесла она, заливаясь хохотомъ,—такимъ весельемъ наполняла ее одна мысль объ ухаживанье. Но Евгеній нахмурился еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

— Пани Одропольская, началъ онъ: — не можетъ служить для меня обществомъ, и я не хочу и не могу думать о томъ, чтобы за нею ухаживать...

— Отчего-жъ не можешь? отчего-жъ не можешь? интересно узнать, почему это ты не можешь... говорила Житницкая, продолжая смѣяться.

Онъ порывисто захлопнулъ книгу и отвѣтилъ, гордо выпрямившись:

— Оттого что я ненавижу аристократовъ... вы это прекрасно знаете, тетя.

Веселость Житницкой мгновенно перешла въ запальчивый гнѣвъ. Она накинулась на Евгенія и начала упрекать его въ томъ, что онъ упрямъ, золъ, придирается къ людямъ безъ всякой причины, ненавидитъ тѣхъ, которые не сдѣлали ему ничего дурнаго, и наконецъ — что все у него въ головѣ вверхъ дномъ. Евгеній молчалъ; Житницкій долго и равнодушно слушалъ и наконецъ сказалъ, махнувъ рукой:

— Ну, довольно, будетъ кричать и браниться!

Когда она немного успокоилась, онъ обратился къ Евгенію.

— У тебя нѣтъ никакой резонной причины ненавидѣть пани Одропольскую, сказалъ онъ:—это очень добрая и любезная женщина.

— Я этого не отрицаю, отвѣчалъ Евгеній съ прежней пре-

Digitized by Google

зрительной и насмѣшливой улыбкой:—я вѣдь не говорилъ, что ненавижу именно пани Одропольскую, но вообще всѣхъ аристократовъ... Я не имѣлъ въ виду единицу, но классъ, касту, идею.

Житницкій пожалъ плечами съ непривычнымъ для него нетерпѣніемъ.

— Ты опять впадаешь въ свои *адракціи*.

— Абстракціи, дядя, поправилъ молодой человѣкъ.

— Ну, абстракціи, все равно! Идея! намъ что̀ за дѣло до идей? Пусть великіе мудрецы ломаютъ надъ ними головы, а мы по старинному знаемъ только что то, что̀ высоко, — высоко, а что̀ низко, то низко. Пани Одропольская большая барыня, богатая женщина и водитъ знакомство съ графами да съ князьями... Если она съ нами любезна и добра, то мы должны это цѣнить... Тетка правду говоритъ, что это для насъ честь... Что же касается до пани Адольфины, то она была такъ добра, что даже спрашивала о тебѣ.

— Спрашивала! спрашивала о Генѣ? съ восторгомъ воскликнула Житницкая и посмотрѣла на молодаго человѣка такимъ нѣжнымъ, любовнымъ взглядомъ, точно онъ показался ей въ эту минуту еще во сто разъ лучше, чѣмъ обыкновенно.—Видишь, Геня, какой ты счастливый! какъ тебя барышни долго помнятъ! Она всегда была такая миленькая, добренькая, точно ангелочекъ!

Евгеній опустилъ глаза, потомъ взглянулъ искоса на Житницкаго. По лицу его было видно, что его грустное и сердитое настроеніе уступало мѣсто любопытству, которое онъ хотѣлъ скрыть.

— Ну, что же? началъ онъ съ притворной небрежностью.— Она, по крайней мѣрѣ, хоть хорошенькая.

— *Хоть*! это что̀ такое за *хоть*! крикнула Житницкая:—она не только хорошенькая, она красавица!

— Тетя! да вѣдь вы ее десять лѣтъ не видали! Я спрашиваю у дяди: что̀, пани Одропольская хорошенькая?

Житницкій поднялъ глаза къ потолку, какъ человѣкъ, который старается что-то припомнить.

— Хорошенькая, сказалъ онъ послѣ долгаго размышленія:— а, впрочемъ, почемъ я знаю! она такая худенькая, блѣдненькая!

— Когда она была ребенкомъ, у нея были красивые глаза... такіе большіе, темные, съ золотистымъ блескомъ, замѣтилъ Евгеній, немного оживляясь.

— Да, глаза у нея и теперь недурны... я замѣтилъ это, когда она спрашивала о тебѣ... Она смотрѣла мнѣ прямо въ лицо,

Digitized by Google

и у нея въ глазахъ загорѣлись какія-то искорки—извѣстно, какъ у молодыхъ!

— Какъ у молодой барышни, которая спрашиваетъ о молодомъ и красивомъ кавалерѣ! воскликнула Житницкая и, разразившись веселымъ смѣхомъ, бросилась на Евгенія съ распростертыми объятіями, обняла его за шею и осыпала голову горячими поцѣлуями.

— Видишь! видишь! восклицала она среди смѣха и поцѣлуевъ:—и тебѣ стало интересно? Ты будто бы медвѣдь и ненавидишь аристократовъ, а какъ узналъ, что о тебѣ спрашиваетъ хорошенькая барышня, такъ у тебя глаза и разгорѣлись... Что? правда? Ну, говори же скорѣй, правда?

Евгеній слегка защищался отъ неумѣренныхъ ласкъ той, которую онъ называлъ своей теткой, но не могъ удержаться отъ веселой улыбки.

— Ну, правда, тетя, правда—хорошенькая дѣвушка всегда остается хорошенькой дѣвушкой. Во дворцѣ или въ мужичьей хатѣ, это всегда самый прекрасный даръ природы.

— Вотъ что! а зачѣмъ же ты говорилъ, что ненавидишь аристократовъ?

— Да вѣдь я говорилъ объ идеѣ!

— Э, перестань ты со своими идеями... ну, что̀ такое идеи? Тебѣ отъ нихъ не будетъ ни сытно, ни тепло, ни весело!.. Ахъ, Павелъ!

Она обратилась къ мужу.

— А что же твой проэктъ о введеніи многопольной системы? согласилась она?

При этомъ вопросѣ лицо арендатора омрачилось.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ коротко:—не согласилась.

Житницкая горестно всплеснула руками.

— Вотъ тебѣ и разъ! воскликнула она:—опять будешь биться, и какой былъ доходъ съ этой аренды, такой и останется! Но отчего же она не согласилась?

— Почемъ я знаю!

— Какъ не знаешь?

— Да такъ, не знаю. Она долго и длинно говорила о какихъ-то жертвахъ, а потомъ, что хочетъ что-то пожертвовать... я только не могъ разобрать, что̀ и кому; благодарила меня, жала мнѣ руку; я думалъ, что она расплачется... Но, въ концѣ концовъ, она не согласилась на то, что̀ было бы величайшей выгодой и для нея, и для меня. Кто ихъ поймetъ, этихъ женщинъ? развѣ съ ними можно сговориться?

Digitized by Google

— Ну, ужь у тебя, Павликъ, сейчасъ и женщины! Чѣмъ виноваты женщины? зачѣмъ сейчасъ на нихъ сваливать? ну, кто же такія эти женщины?

— Кто такія? отвѣтилъ Житницкій съ вызывающимъ взглядомъ и съ полнѣйшимъ презрѣніемъ въ голосѣ:—кто такія? Бабы—и больше ничего!

— Геня! воскликнула Житницкая: — защищай же насъ; ты всегда защищаешь женщинъ!

— Относительно презрѣнія къ женщинамъ, началъ Евгеній:—дядя непоколебимъ, и я думаю, что никто на свѣтѣ не могъ бы убѣдить его въ равенствѣ мужчинъ и женщинъ.

— А ты въ это равенство вѣришь? спросилъ Житницкій, бросая на молодаго человѣка насмѣшливый и, вмѣстѣ, суровый взглядъ.

— Я уже столько разъ говорилъ вамъ о моихъ убѣжденіяхъ...

— Говорилъ!... я слышалъ. Но говорить и дѣлать—это двѣ вещи разныя.

— Я васъ не понимаю.

— Я потомъ тебѣ объясню!

Онъ обратился къ женѣ.

— Ну, это еще что? чего ты ревешь?

Житницкая спряталась за самоваръ и плакала; она была задѣта за живое и разразилась жалобами и слезами. Она кричала, что пани Одропольская погубила ихъ, не согласившись на улучшеніе хозяйства и уменьшеніе арендной суммы, что у нихъ будетъ все по прежнему, т. е. то, что они съ мужемъ заработаютъ, то и съѣдятъ, а на старость не останется никакого сбереженія; но, впрочемъ, пани Одропольская ни въ чемъ не виновата, а виноватъ онъ самъ, который держится за эту несчастную аренду какъ пьяный за заборъ, и не думаетъ о старости своей жены, не заботится объ ея удобствахъ, а позволяетъ ей работать, какъ послѣдней служанкѣ, хотя всѣмъ извѣстно, что она—помѣщичья дочка и могла бы сдѣлать очень хорошую партію, а вышла за него по любви, только по любви, противъ воли брата, который тогда еще сдѣлалъ блестящую карьеру, а теперь, будучи чиновникомъ особыхъ порученій при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, взялъ бы ее къ себѣ и окружилъ всевозможною роскошью, еслибы она только захотѣла разстаться съ мужемъ.

— Вотъ куда хватила! флегматично проговорилъ Житницкій и началъ чего-то искать по карманамъ сюртука. Минуту спустя, онъ вынулъ изъ одного кармана коробочку, которую вручила ему пани Одропольская, и подалъ ее женѣ, говоря:

Digitized by Google

— Ну, вотъ тебѣ подарокъ отъ пани Одропольской. Возьми эту игрушку и перестань ревѣть и нести всякій вздоръ...

Житницкая, вся въ слезахъ, жадно схватила коробку, открыла ее и испустила радостный крикъ. Лицо ея сейчасъ же просіяло.

— Смотрите! смотрите! воскликнула она:—вотъ прелесть-то! что это должно стоить? золото, да еще такъ чудно разрисованное!

Она вытянула руку во всю длину и поднесла къ самой лампѣ открытый ящикъ, въ которомъ, на фонѣ краснаго бархата, блестѣла большая золотая птица съ эмальированными крыльями и длиннымъ клювомъ, загнутымъ вверхъ. Это была вещица очень модная въ то время, недорогая и довольно безвкусная.

Житницкая не помнила себя отъ радости и, осыпая пани Одропольскую градомъ самыхъ нѣжныхъ названій, съ шумомъ, стукомъ и смѣхомъ убѣжала въ сосѣднюю комнату, гдѣ виднѣлись въ полуоткрытую дверь постели съ высоко-взбитыми перинами и столъ со старинным зеркальцемъ, освѣщенный кривой желтой свѣчкой, вставленной въ огромный подсвѣчникъ. Когда въ столовой водворилась тишина, Житницкій повернулся лицомъ къ Евгенію.

— Ну, что же? сказалъ онъ тихо:—гдѣ же твое равенство? гдѣ же эти женщины-люди, какъ ты называешь этотъ бабій родъ? Вѣдь ты слышалъ? Она какъ будто огорчилась, и была права: дѣло было важное,—я не говорю ужь о моихъ удовольствіяхъ или непріятностяхъ, но дѣло шло о спокойствіи нашей старости. Сначала она огорчилась, плакала, кричала, Богъ знаетъ что плела,—можно было подумать, что она бредитъ съ горя; потомъ получила игрушку, и все прошло, она ужь и рада, смѣется, кричитъ отъ радости и летитъ, какъ сумашедшая, Богъ знаетъ зачѣмъ,—вѣроятно, для того, чтобы похвастаться новой забавой передъ слугами, которыхъ черезъ часъ будетъ ругать, на чемъ свѣтъ стоитъ. И такъ всегда и во всемъ. Вотъ оно, твое равенство, вотъ твои женщины-люди!

Все это говорилъ онъ со своей обычной флегмой, медленно и серьезно, безъ тѣни гнѣва или раздраженія, но съ глубокимъ презрѣніемъ во взглядѣ и въ голосѣ. Евгеній смѣялся сначала тихо и принужденно, но потомъ все громче и искреннѣе. Этотъ смѣхъ былъ ему очень къ лицу и, конечно, шелъ къ нему гораздо больше, чѣмъ прежняя пасмурность и горькая иронія.

— Но, дядечка, воскликнулъ онъ:—какъ же можно по одному случаю дѣлать общіе выводы о вопросѣ, который интересуетъ теперь весь свѣтъ, объ идеѣ.

— Опять идея! воскликнулъ арендаторъ, все больше и боль-

Digitized by Google

ше оживляясь:—а я тебѣ сейчасъ докажу, какъ дважды-два—четыре, что всѣ твои идеи—вздоръ, воздушные замки и больше ничего! Хочешь, докажу?

— Пожалуйста! пожалуйста! отвѣтилъ Евгеній съ насмѣшливымъ поклономъ:—мнѣ даже очень интересно послушать ваши выводы объ одномъ изъ общественныхъ вопросовъ, который...

— Этотъ вопросъ касается очень близко тебя, мой философъ. Ты всегда говоришь, что женщины во всемъ равны мужчинамъ, и что слѣдуетъ уважать ихъ также, какъ мужчинъ. Если такъ, то скажи мнѣ, пожалуйста, къ чему ты соблазняешь Франку, дочь садовника въ Одрополѣ?

Евгеній не покраснѣлъ, не смутился, только съ удивленіемъ взглянулъ на дядю и разразился смѣхомъ.

— Да вы смѣшиваете понятія! воскликнулъ онъ:—что общаго имѣетъ Франка съ вопросомъ?...

— Я сейчасъ скажу тебѣ это, отвѣтилъ Житницкій.—Она имѣетъ то общее съ твоимъ вопросомъ, что она не можетъ тебя обидѣть, а ты можешь ее погубить; ты не сегодня—завтра отсюда уѣдешь, и съ тобой ничего не будетъ, а она изъ-за тебя пропадетъ. Видишь! гдѣ же твое равенство? Чѣмъ же здѣсь помогутъ ваши идеи, когда Господь Богъ такъ устроилъ свѣтъ, что кто сильнѣе, тотъ наверху, а кто слабѣе, тотъ внизу...

На этотъ разъ Евгеній немного смутился, но еще болѣе разсердился.

— Трудно требовать, началъ онъ тихо и грустно:—чтобы я распространялъ здѣсь какія бы то ни было идеи; здѣсь люди—безсмысленные скоты; впрочемъ, я здѣсь только на время...

— И дай Богъ, чтобы это время было какъ можно короче, прервалъ Житницкій:—я не разъ уже говорилъ тебѣ и теперь повторяю, что стыдно смотрѣть, какъ такой молодой, сильный малый, какъ ты, по цѣлымъ годамъ ничего не дѣлаетъ, не думаетъ о своей будущности, а только валяется на диванѣ съ какими-то глупыми книжками и волочится за дѣвками.

— Вы, право, слишкомъ часто упрекаете меня въ томъ, что я даромъ ѣмъ у васъ хлѣбъ.

Житницкій презрительно махнулъ рукой.

— Э! сказалъ онъ:—ты говоришь, какъ баба, только для того, чтобы говорить и на что нибудь жаловаться. Ты отлично знаешь, что это не такъ, что мы съ женой оба къ тебѣ привязаны и хлѣба тебѣ не жалѣемъ. Тетка всегда тебя обожала и обожаетъ больше, чѣмъ слѣдуетъ. Совсѣмъ не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что съ тобою будетъ. За Франку и другія подобныя дѣла я тебя

Digitized by Google

не браню. Я самъ былъ молодъ и дѣлалъ то же самое, то же дѣлали наши отцы и дѣды и будутъ дѣлать внуки и правнуки. Свѣта не перемѣнишь. Какимъ его создалъ Господь Богъ, такимъ онъ и останется. Но погоня за Франками, лежанье на диванѣ и чтеніе твоихъ книгъ не составитъ тебѣ положенія въ свѣтѣ, а я только объ этомъ и говорю...

Здѣсь его глухой, низкій голосъ совершенно пропалъ въ шумѣ и стукѣ, сопровождавшемъ появленіе хозяйки дома. Вся ея особа какъ бы испускала потоки свѣта, идущіе отъ ея радостнаго лица и отъ золотой птицы, насаженной на самой серединѣ головы, на высокую башню, сдѣланную изъ нѣсколькихъ толстыхъ и очень замѣтно придѣланныхъ косъ. Она причесалась, для того чтобы примѣрить свою обновку. Ставши передъ мужемъ, она начала его спрашивать со множествомъ улыбокъ, ужимокъ и лукавыхъ взглядовъ:

— Что, хороша я? идетъ ко мнѣ эта колибри? Вѣдь эти птицы называются колибри. Мнѣ говорилъ объ этомъ братъ Игнась, когда онъ еще не былъ чиновникомъ особыхъ порученій при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, а служилъ въ интендантствѣ и ѣздилъ въ Китай. Какъ Дрожицкая—то удивится, что пани Одропольская привозитъ мнѣ такіе подарки! Это ты, Павликъ, у нихъ заслужилъ, а изъ-за тебя онѣ и меня уважаютъ! Ну, дай же мнѣ за это мордочку! поцѣлуй меня!

Она съ немалымъ трудомъ протиснулась между столомъ и стуломъ, сѣла къ мужу на колѣни и, обнявши его своими пухлыми руками, начала осыпать громкими поцѣлуями.

Онъ медленно и серьезно, не выражая ни досады, ни удовольствія, взялъ ее въ свои сильныя руки, снялъ съ колѣнъ, какъ малаго ребенка, и поставилъ на землю.

— Ну, сказалъ онъ:—иди-ка лучше печь булки или еще что нибудь такое. Пани Одропольская будетъ завтра у насъ и, вѣрно, къ чаю.

Житницкая была поражена, какъ громомъ.

— И ты мнѣ до сихъ поръ ничего не сказалъ! Булки не свѣжія, надо зарѣзать индѣйку на жаркое... Да вѣдь и *онъ* также будетъ! Ты знаешь, что *онъ* также будетъ у насъ завтра?

— Нѣтъ, не знаю. А ты откуда знаешь? отвѣтилъ Житницкій тономъ, который показывалъ, что онъ отлично понимаетъ, кого подразумѣваетъ жена подъ мѣстоименіемъ *онъ*. По тому тону, какимъ произносила его Житницкая, и по впечатлѣнію, которое оно произвело на Житницкаго, видно было, что это мѣстоименіе представляло въ ихъ мысляхъ нѣчто очень вы-

Digitized by Google

сокое и достойное, не только родовитость, но всемогущество, альфу и омегу всѣхъ вещей.

— Почему ты знаешь, что *онъ* будетъ у насъ завтра?

— Онъ присылалъ управляющаго спросить, будешь ли ты завтра дома; онъ хочетъ о чемъ-то съ тобою посовѣтоваться. Я сказала, что мы будемъ очень рады.

— Ага!

Когда Житницкій всталъ со стула съ этимъ краткимъ восклицаніемъ, то казалось, что онъ выросъ и помолодѣлъ въ эти послѣднія минуты. Лицо его сіяло счастіемъ.

Житницкая стала передъ нимъ, поднявши лицо вверхъ и смѣясь сдержаннымъ, радостнымъ смѣхомъ.

— Поцѣлуй меня, Павликъ!

Онъ наклонилъ свою большую неповоротливую голову, она поднялась на цыпочкахъ, и они поцѣловались.

На другой день, около пяти часовъ пополудни, столовая въ Блонѣ представляла картину, достойную кисти художника. Столъ, стоящій посреди комнаты, казалось, гнулся подъ тяжестью разной посуды: стеклянной, фаянсовой, старой и новой, вообще очень простой и разнокалиберной, но наставленной въ огромномъ количествѣ и очень симетрично размѣщенной. Среди грудъ тарелокъ, блюдечекъ, стакановъ и рюмокъ было размѣщено на блюдахъ и въ корзинахъ такое множество всякой ѣды, что можно было бы накормить ею огромное количество народу. Громадная индѣйка, гора жареныхъ цыплятъ, разнообразнѣйшее печенье, сыръ, ветчина, варенья, компоты, салаты, фрукты—все это отмѣнно свѣжее, румяное и душистое подымалось къ потолку, почти до самой лампы. Вокругъ этой кладовой бѣгали, метались, кричали и ахали четыре женщины, изъ которыхъ одна была хозяйка дома, другая—ея старинная и близкая подруга Дрожицкая, третья—кухарка Текла и четвертая—горничная Юзефа. Въ углу, на стулѣ, прижавшись къ стѣнѣ, съ широко раскрытыми глазами, сидѣлъ высокій мускулистый мужчина въ толстомъ сюртукѣ, съ грубыми рабочими руками, большой блестящей лысиной и простымъ, славнымъ небритымъ лицомъ. Это былъ Дрожицкій, владѣлецъ небольшаго фольварка, ближайшій сосѣдъ и самый частый посѣтитель Житницкихъ.

Житницкая,—въ короткомъ платьѣ съ оборками, съ золотой птицей на вершинѣ шиньона, съ заплаканными глазами и смѣющимися губами,—бѣгала, толкала слугъ, уставляла и переставляла посуду и безпрестанно обращалась къ своей пріятельницѣ съ просьбами о помощи. Дрожицкая, женщина средняго роста, со

Digitized by Google

стройной фигурой и нѣжнымъ, блѣднымъ лицомъ, казалась настоящей барыней рядомъ съ Житницкой, но это, не мѣшало ей съ необыкновеннымъ усердіемъ и хлопотливостью, которыя вызывали румянецъ на ея блѣдныя щеки и слезы на ея кроткіе голубые глаза, исполнять всѣ порученія и приказанія хозяйки. Она убѣгала и прибѣгала, приносила и уносила разнообразнѣйшіе предметы и наконецъ,—выручая служанокъ, которыя бѣгали, оглушенныя, плачущія и одурѣвшія, изъ угла въ уголъ, совершенно не понимая, что̀ дѣлаютъ,—съ большимъ трудомъ принесла изъ кухни огромный самоваръ и, поднявши его вверхъ, поставила на столъ.

— Не сюда, не сюда! закричала хозяйка дома:—ничего-то вы хорошенько не сдѣлаете! Какъ же можно ставить самоваръ такъ близко отъ того мѣста, гдѣ они будутъ сидѣть! Панъ Дрожицкій, вы чего сидите, какъ чурбанъ? пошевеливайтесь! помогите намъ!

Высокій, плечистый, лысый и усатый Дрожицкій вскочилъ съ мѣста съ послушностью пятилѣтняго ребенка и, вытаращивъ глаза, остановился посреди комнаты съ самоваромъ въ рукахъ, спрашивая:

— Что̀ съ нимъ дѣлать?

Въ эту минуту, за окнами застучали колеса легкаго экипажа. Дрожицкая взглянула въ окно и закричала:

— Пріѣхала! пріѣхала!

Лицо Житницкой, покраснѣвшее отъ слезъ, пролитыхъ надъ индѣйкой, которая показалась ей недостаточно мягкой, мгновенно измѣнилось: оно поблѣднѣло, какъ полотно.

— Ну, вотъ! шепнула она, всплеснувъ руками:—а Павлика нѣтъ. Вѣдь я просила его, умоляла, чтобы онъ никуда не уходилъ послѣ обѣда; таки не выдержалъ... пошелъ въ ригу къ жнецамъ... какъ же я буду одна!.. все на мою голову.

Въ прихожей послышался шелестъ шолковаго платья.

— Золотая моя! пошлите за Павликомъ, если вы только меня любите, поскорѣе... пускай Текла сбѣгаетъ...

— Хорошо, хорошо! ужь будьте спокойны! я пошлю! слышите? онѣ уже вошли въ гостинную! идите же... это нелюбезно...

Житницкая бросилась къ дверямъ, но на минуту остановилась и перекрестилась дрожащей рукой.

— Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа...

Дрожицкая, стоя за ней съ поднятыми руками, придѣлывала къ ея чепчику и фальшивымъ косамъ колибри, которая угрожала паденіемъ.

Между тѣмъ пани Изабелла съ дочерью вошли въ гостинную,

Digitized by Google

которая представляла образчикъ большаго порядка и полнаго безвкусія. Старинная мебель изъ желтаго дерева, обитая пестрымъ ситцемъ, была разставлена вокругъ стѣнъ съ такой полной симетріей, точно она никогда не употреблялась. На стѣнахъ висѣли въ бумажныхъ рамахъ лубочныя картинки, купленныя у разнощиковъ и изображавшія головы знаменитыхъ дипломатовъ, улыбающихся кокотокъ и кудластыхъ собакъ. На самомъ видномъ мѣстѣ, среди дипломатовъ, кокотокъ и собакъ, надъ желтой спинкой большаго дивана, въ широкой рамѣ изъ золотой убмаги, висѣла большая, старая и безобразная гравюра, изображающая святаго Іосифа съ гигантской пальмой въ рукѣ; напротивъ, среди маленькихъ фотографій, изображающихъ лица друзей и знакомыхъ, сіяла копія съ Остробрамскаго образа, окруженная короной изъ желтой жести. Въ гостинной было множество разныхъ мелочей. На столахъ стояли букеты, сдѣланные изъ бумаги и шерсти, графины и кубки изъ цвѣтнаго стекла, бронзовая чернильница, чайница съ китайскими фигурами, пепельницы въ видѣ птицъ и мухъ, сахарныя и гипсовыя куколки, изображающія пастуховъ съ пастушками, цыганъ съ медвѣдями и святыхъ, держащихъ въ рукахъ золотыя пальмовыя вѣтви. Все это было очень чисто и опрятно и содержалось въ большомъ порядкѣ.

Пани Изабелла осматривала этотъ салонъ съ улыбкой, Адольфина—съ удивленіемъ и любопытствомъ.

При видѣ входящей хозяйки дома, владѣтельница Одрополя обратилась къ ней со своей обычной живой и милой любезностью.

— Моя дочь, сказала она, поздоровавшись съ ней, и граціознымъ движеніемъ указала на Адольфину.

Житницкая, которая имѣла растерянный видъ и была гораздо блѣднѣе обыкновеннаго, сейчасъ же просіяла и ободрилась. Она съ веселымъ смѣхомъ приглашала гостей на диванъ, извинялась передъ ними, что Павликъ на минутку вышелъ, и увѣряла, что онъ сейчасъ вернется; разспрашивала о здоровьѣ, дивилась тому, какъ выросла пани Адольфина, и вспоминала, что она видѣла ее въ послѣдній разъ совсѣмъ еще маленькой барышней.

Она вдругъ замолчала, сконфузилась и, въ замѣшательствѣ, начала дрожащими руками разглаживать оборку на своемъ платьѣ.

Удивительно то, что и пани Изабелла какъ будто смутилась; но это длилось не болѣе двухъ секундъ, послѣ чего она наклонилась къ Житницкой со своимъ обычнымъ жестомъ и спросила тономъ величайшаго участія:

— Ну, какъ же поживаютъ ваши куры, утки, индюшки?

Digitized by Google

Житницкая взглянула на нее съ удивленіемъ, потомъ въ глазахъ ея мелькнуло что-то въ родѣ грусти.

— Ахъ, сударыня! развѣ васъ могутъ интересовать такія вещи? Птицы у меня всегда много, я сама за ней хожу, работаю... аренда вѣдь—не помѣстье... я должна помогать мужу, сколько силъ хватаетъ... Что-жъ дѣлать? можетъ быть, и я бы могла жить иначе... смолоду я объ иномъ мечтала.

Она говорила очень жалобнымъ голосомъ. Адольфина вглядывалась въ игру ея физіономіи. Очевидно, она сочувствовала огорченной женщинѣ и желала поправить ошибку матери.

— Вы... вы давно были за границей? спросила она.

Изъ огня, да въ полымя! Житницкая покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ.

— Я... начала она съ трудомъ:—я никогда не была за границей—такъ какъ-то... не случилось... Павликъ не хотѣлъ...

Адольфина была сильно удивлена. Она не представляла себѣ до сихъ поръ, чтобы существовало подъ солнцемъ человѣческое существо, которое не ѣздило за границу.

Пани Изабелла хотѣла что-то сказать и съ своей стороны поправить ошибку дочери, но къ Житницкой уже вернулись ея обычная смѣлость и присутствіе духа.

— За границей я не была, но много о ней слышала и очень хорошо знаю ее по наслышкѣ. Братъ мой, чиновникъ особыхъ порученій при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, два раза ѣздилъ за границу, и другіе насъ не забываютъ, навѣщаютъ и разсказываютъ. *Онъ* каждый разъ, какъ бываетъ въ нашихъ странахъ, посѣщаетъ насъ, совѣтуется съ Павликомъ о разныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ и разсказываетъ про заграницу.

Здѣсь она совершенно развеселилась и прибавила со смѣхомъ:

— И сегодня *онъ* долженъ къ намъ пріѣхать... вы давно *его* видѣли, сударыня?

— Кто? кого?

Житницкая удивилась, что кто-то не понялъ мѣстоименія, которое совершенно ясно представляло въ ея умѣ извѣстное имя.

— *Онъ*, отвѣтилъ она:—камергеръ германскаго императора.

Странное дѣло! когда Житницкая произносила вышеупомянутый титулъ, съ особеннымъ трескомъ выговаривая всѣ *р*, которыя въ немъ попадались, на бѣломъ лицѣ пани Изабеллы выступила краска.

— Панъ Поменѣцкій! вскрикнула она:—такъ онъ теперь въ Поминахъ! я не знала. Adolphine! Панъ Поменѣцкій въ нашихъ странахъ... ты помнишь его, дитя мое?

Digitized by Google

— Очень мало, мама.

— Да, ты была еще почти дитя, когда мы видѣли его въ послѣдній разъ въ Неаполѣ, откуда выѣхали очень скоро, такъ какъ этотъ несносный Везувій не давалъ мнѣ покоя. Боже мой! Какъ странно встрѣчаются люди! Я не повѣрила бы, еслибы кто нибудь сказалъ мнѣ, что мы встрѣтимся съ паномъ Поменѣцкимъ здѣсь, на родинѣ...

— Да, да, смѣясь, заговорила Житницкая: — онъ сейчасъ здѣсь будетъ, онъ присылалъ вчера къ Павлику управляющаго... Что-жъ это значитъ, что Павликъ не приходитъ? Онъ пошелъ съ Евгеніемъ за ригу, къ жнецамъ... Вотъ и идутъ! Колеса застучали! *они*, вѣрно *они*!

Она бросилась къ окну, съ шумомъ открыла его и высунулась вся въ сторону воротъ, откуда доходилъ стукъ колесъ. Пани Изабелла осмотрѣла свое длинное темное платье, богато и просто отдѣланное кружевами, потомъ окинула дочь безпокойнымъ взглядомъ.

— Adolphine! шепнула она:—старайся полюбезнѣе встрѣтить пана Поменѣцкаго... ты всегда такая сдержанная... Панъ Поменѣцкій, дитя мое, европейская знаменитость и занимаетъ высокое положеніе въ свѣтѣ... а свѣтъ требуетъ, чтобы мы были очень любезны съ тѣмъ, кто... занимаетъ высокое положеніе...

— Не *они*! это не *они*! жалобно воскликнула Житницкая, стоя у окна. — Хлопаютъ бичемъ! его кучера никогда не хлопаютъ бичемъ! Это Саницкіе! Саницкіе! Юлечка... Юлька съ дѣтьми!

Дѣйствительно у воротъ раздались два удара бича, и на дворъ въѣхалъ большой экипажъ, везомый четверкой большихъ, породистыхъ и очень худыхъ лошадей. Въ немъ ѣхали двое взрослыхъ людей и пятеро дѣтей разныхъ возрастовъ. Въ ту же минуту, съ другой стороны двора, изъ-за ригъ, показались Житницкій съ Евгеніемъ. Арендаторъ очень торопился идти и каждую минуту отиралъ съ лица потъ краснымъ платкомъ; Евгеній шелъ лѣнивой, небрежной походкой и немного отставалъ отъ него.

Пани Изабелла обратилась къ дочери:

— Мы должны были ѣхать къ Саницкимъ завтра... мнѣ пріятно будетъ встрѣтить ихъ здѣсь.

— Вѣдь Юлія ваша родственница, сударыня? спросила Житницкая.

— Дальняя... но мы знакомы съ дѣтства. Бѣдная Жюльета! Что, ихъ дѣла все также плохи?

— Никогда еще не были такъ плохи, какъ теперь. Павликъ

Digitized by Google

говоритъ, что этотъ жидъ Юдель не сегодня—завтра выгонитъ ихъ изъ Санова...

— Боже мой! воскликнула пани Изабелла, всплеснувъ руками:—pauvre Juliette! Adolphine!—шепнула она дочери:—нужно, чтобы ты была очень-очень любезна съ Саницкими... они въ дурномъ положеніи, а Господь Богъ велѣлъ намъ быть очень любезными съ тѣми, которые въ дурномъ положеніи!

Прихожая огласилась шарканьемъ многихъ ногъ, шелестомъ платьевъ, дѣтскими голосами и отрывочными разговорами; наконецъ двери раскрылись настежъ, и въ гостинную вошло все общество, не исключая и Житницкаго; не доставало только Евгенія.

— Иза! дорогая моя! послышался на порогѣ звонкій, взволнованный женскій голосъ, и къ пани Изабеллѣ, поднявшейся съ дивана, подлетѣла женщина очень страннаго вида. Она была стройна, гибка, еще довольно молода,—вѣроятно, на нѣсколько лѣтъ моложе пани Изабеллы. Можно было бы назвать ее красивой, еслибы лицо ея не было слишкомъ бѣло отъ пудры, которою она намазалась, еслибы куафюра ея не представляла собою развернутаго вѣера, украшеннаго нѣсколькими блестящими булавками, еслибы вокругъ ея шеи не звенѣлъ ошейникъ изъ большихъ коралловъ, а у пояса не звенѣли цѣпочки и медальоны, привѣшенные къ часамъ, еслибы въ разныхъ мѣстахъ платья, пестрѣвшаго разными цвѣтами, не торчали, на подобіе крыльевъ, безчисленные концы разныхъ бантовъ и лентъ. Она взяла пани Изабеллу за обѣ руки и долго смотрѣла на нее своими большими, выразительными голубыми глазами, которые были бы хороши и безъ фиксатуара, которымъ она слегка подчернила свои брови. Онѣ встрѣтились очень нѣжно, хотя не цѣловались, а только очень крѣпко жали другъ другу руки и смотрѣли въ глаза съ видомъ безграничной радости.

— Иза, дорогая моя! какъ я о тебѣ соскучилась!

— Я также, Жюльеточка! среди чужаго, холоднаго свѣта я мечтала о встрѣчѣ съ подругой моего дѣтства...

— Ты не забыла меня! добрая моя! Въ большомъ свѣтѣ, гдѣ ты живешь, такъ легко забыть объ насъ, бѣдныхъ...

— О, я никогда не забываю!.. моя дочь, Жюльета!

— Ахъ, какой ангельчикъ! я надѣюсь, что вы полюбите хоть немножко старую подругу вашей матери! Мой мужъ, Иза! Ты бы узнала его? онъ постарѣлъ...

— Кто былъ хоть разъ подъ гостепріимнымъ кровомъ пана Алоизія...

— О, сударыня! я надѣюсь, что и теперь буду имѣть счастіе

Digitized by Google

привѣтствовать васъ подъ моимъ кровомъ, который вы удостоиваете называть гостепріимнымъ... Это большая честь для меня!

Эти слова были серьезно и торжественно произнесены человѣкомъ съ гордой осанкой, тяжеловатой фигурой и сѣдѣющей головой съ нѣсколько краснымъ носомъ, одѣтымъ довольно бѣдно и небрежно, но съ большимъ гербовымъ перстнемъ на пальцѣ.

— Иза! мои дѣти! Старшая, Фруня,—видишь, она почти уже барышня! Людя, Витя! Кася... и эта крошка...

Ихъ было пятеро, отъ четырнадцати до трехъ лѣтъ. Всѣ дѣти были одѣты во вкусѣ матери,—дѣвочки въ пышныхъ юбкахъ со множествомъ лентъ, мальчики всѣ въ вышивкахъ и въ блестящихъ пуговкахъ. Лица у нихъ были худыя, загорѣлыя, запуганныя и глуповатыя, движенія рѣзкія и неловкія.

Житницкая налетѣла на пани Юлію, представлявшую своихъ дѣтей.

— Поздоровайся же со мной, Юлечка, дѣтей твоихъ я ужь всѣхъ перецѣловала... вотъ счастливая женщина: сколько у нея дѣтей!

Она съ громкимъ смѣхомъ цѣловала свою сосѣдку, такъ что вокругъ ихъ головъ образовалось легкое облако пудры. Это привѣтствіе, очевидно, не доставляло Саницкой ни малѣйшаго удовольствія. Она съ большимъ безпокойствомъ оглядывалась на пани Изабеллу.

Расточая объятія и поцѣлуи, Житницкая также озиралась въ сторону владѣтельницы Одрополя, очевидно, желая, чтобы та замѣтила, какъ она близка съ Саницкой. Пани Изабелла нечаянно, а, быть можетъ, и нарочно не смотрѣла на объятія, которыя расточала жена арендатора ея подругѣ и родственницѣ, но здоровалась съ Житницкимъ, который едва могъ до нея добраться среди толпы, переполнявшей гостинную. Во всей этой шумной сценѣ Адольфина принимала, повидимому, наименьшее участіе; но глаза ея бросали быстрые и любопытные взгляды, и въ глубинѣ ихъ зажигались ежеминутно живыя огненныя искры. Когда ее представляли, она отвѣчала своимъ обычнымъ неловкимъ дѣтскимъ книксеномъ, потомъ отходила въ сторону и смотрѣла на все и на всѣхъ съ недѣтскимъ выраженіемъ лица.

Наконецъ всѣ сѣли по порядку и по старшинству на диванѣ, на стульяхъ и на креслахъ. Пани Юлія и пани Изабелла еще разъ молча и нѣжно взглянули другъ на друга.

— Ты все такая же... также прелестно одѣта... красавица! шепнула Саницкая, бросивъ взглядъ на простое, но очень богатое и изящное платье своей собесѣдницы.

Губы ея дрожали такъ, какъ будто ей сдѣлалось горько.

— А ты, Жюльета, все еще молодая, свѣжая... нарядная!

Digitized by Google

При послѣднихъ словахъ, губы ея дрогнули такъ, какъ будто ей стало смѣшно. Она прибавила со вздохомъ:

— Я... давно уже перестала думать о суетѣ мірской... я состарилась, у меня взрослая дочь, и мнѣ не остается ничего больше, какъ заботиться о спасеніи нашихъ душъ...

— Ты святая!

— Что-жъ это значитъ, что онъ не пріѣзжаетъ? послышался громкій голосъ хозяйки дома.

— Кто? спросила пани Изабелла.

— Панъ камергеръ... вѣдь онъ присылалъ вчера...

— Панъ Поменѣцкій? воскликнула Саницкая, и на лицо ея выступила краска, которая была замѣтна даже подъ пудрой: —Развѣ панъ Поменѣцкій будетъ у васъ сегодня? онъ вчера у насъ обѣдалъ и ничего объ этомъ не сказалъ!

— Конечно! онъ долженъ быть и навѣрно будетъ! я не понимаю, отчего... Павликъ! закричала она еще громче:—что это значитъ, что панъ камергеръ не пріѣзжаетъ?

Житницкій, который разговаривалъ съ Саницкимъ нѣсколько поодаль отъ дивана, отвѣтилъ женѣ со своей обычной флегмой:

— Панъ камергеръ не пріѣдетъ...

Слова эти произвели на трехъ женщинъ сильное впечатлѣніе, которое у всѣхъ выразилось различно. Хозяйка дома такъ и подскочила на мѣстѣ.

— Не пріѣдетъ? какъ такъ? а ты откуда это знаешь?

Житницкій въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ, что когда онъ былъ въ полѣ, то встрѣтилъ управляющаго изъ Поминъ, который сказалъ ему, что панъ камергеръ сегодня никуда не поѣдетъ, такъ какъ у него въ домѣ гость. Къ нему пріѣхала погостить мѣсяца на два его племянница, графиня Велегронская.

— Графиня! радостно воскликнула пани Изабелла.—Какъ она сюда попала? Цезя въ нашихъ странахъ! Какъ это хорошо! Цезя пріѣхала сюда изъ Парижа... я знаю это, такъ какъ видѣла ее мѣсяца два тому назадъ, передъ самымъ отъѣздомъ... Панъ Житницкій, обратилась она къ хозяину дома:—а графъ Ириней не пріѣхалъ съ женой?

— Нѣтъ, сударыня, я спрашивалъ объ этомъ управляющаго, онъ не пріѣхалъ.

— Графъ Ириней еще недѣлю тому назадъ былъ въ Лондонѣ, объяснила пани Изабелла.—Я знаю это отъ одного изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, съ которымъ встрѣтилась, проѣзжая черезъ Берлинъ.

— Это ничего! Цезя здѣсь... этого мнѣ достаточно! Какъ это

Digitized by Google

пріятно, что всѣ мы трое собрались въ этомъ году! ты Иза, Цезя и я... подруги дѣтства, друзья молодости.

Когда пани Юлія перечисляла имена подругъ своей молодости, изъ которыхъ одна была владѣтельницей Одрополя, а другая—графиня Цезарія Велегронская, урожденная Поменѣцкая, Житницкая смотрѣла на нее съ растроганнымъ видомъ.

— Юлечка! восклицала она:—Юлечка! Юльта! Юлечка!

Казалось, она никогда не кончитъ называть свою сосѣдку уменьшительными именами.

— Я тоже радуюсь, Юлечка, что пріѣхала графиня. Мнѣ ничего отъ этого не будетъ... я не имѣю счастія знать графиню, а тебѣ она ужь вѣрно привезла много хорошихъ подарковъ... Вѣдь эти бусы у тебя отъ нея? не правда ли? и шарфъ тоже?

Саницкая краснѣла подъ пудрой.

— Мы съ Цезей всегда любили другъ друга, начала она, но ее перебилъ мужъ.

— Жюльета, проговорилъ этотъ высокій важный господинъ съ большимъ перстнемъ на пальцѣ:—поѣдемъ завтра въ Помины, можетъ быть, графиня пожалуетъ къ намъ на обѣдъ...

При словѣ: обѣдъ, Житницкая вскочила съ мѣста, точно подъ нее была подведена мина. Она, очевидно, вспомнила объ ужинѣ и сейчасъ же убѣжала изъ гостинной.

Какъ только она исчезла за дверью, Саницкая обратилась къ пани Изабеллѣ и начала шептать ей на ухо:

— Иза, дорогая моя! Наши провинціалы должны казаться тебѣ ужасно смѣшными послѣ большаго свѣта, въ которомъ ты вращаешься. Я постоянно живу съ ними... Я должна, и до сихъ поръ не могу привыкнуть къ ихъ дикой фамильярности. Напримѣръ, Житницкая, что̀ за ограниченная и грубая женщина! Мы съ ними сосѣди, Алоизій ихъ любитъ, онъ почти заставилъ меня звать ее по имени, а она сейчасъ вѣшается на шею.

— Что-жъ дѣлать, Жюльета? шепнула пани Изабелла.—Святое писаніе говоритъ: „Благословенны нищіе духомъ“. Что до меня, то я благоговѣю передъ этой простотой сердца и безъискусственностью нравовъ...

— Ахъ, Иза! хорошо тебѣ говорить, когда ты всегда за сто миль отъ этой простоты сердца и безъискусственности нравовъ. Ты счастлива! тебѣ легче быть святой.

Въ то время, какъ эти двѣ дамы разговаривали такимъ образомъ о хозяйкѣ дома, Житницкая стояла въ столовой передъ своей подругой и смотрѣла на нее съ непривычной для себя грустью и замѣшательствомъ.

Digitized by Google

— Послушай, говорила она робко и нерѣшительно:—а какъ же съ вами-то будетъ?

— Да что же съ нами будетъ?

— Да видишь ли... какъ-то нехорошо... вамъ самимъ будетъ неловко... мнѣ думается, не лучше ли, чтобы Виктя накрыла для васъ столъ въ спальнѣ? вы бы тамъ вдвоемъ потихоньку напились бы и наѣлись безъ всякаго стѣсненія... а то тамъ такіе все аристократы...

Наконецъ Дрожицкая поняла, о чемъ хлопотала ея вѣрная подруга. Сначала она видимо огорчилась, но потомъ кротко улыбнулась и позвала мужа.

— Ясь, поди сюда, мы будемъ пить чай въ спальнѣ.

Шляхтичъ всталъ, искоса бросивъ на Житницкую гнѣвный взглядъ, и проворчалъ:

— Что-жъ? выгонять, такъ выгонять! гдѣ намъ тягаться съ такими аристократами...

Они вышли. Житницкая заперла за ними дверь.

Когда она входила въ гостинную, чтобы звать гостей ужинать, Саницкая говорила мужу, нѣсколько возвысивъ голосъ:

— Не правда ли, Алоизій, вѣдь панъ Поменѣцкій хорошо знаетъ князя Бисмарка?

— Да, безъ сомнѣнія, у него даже виситъ въ кабинетѣ его большая фотографія.

Житницкій тяжело и медлительно всталъ съ своего мѣста и, съ важностью указывая на одну изъ картинокъ, висѣвшихъ на стѣнѣ, сказалъ:

— Вотъ портретъ Бисмарка. Панъ камергеръ говорилъ намъ въ прошломъ году, что онъ очень похожъ.

— А кого представляетъ портретъ, висящій рядомъ? спросила пани Изабелла.

— Османа-пашу, сударыня.

— А тотъ?

— Это, сударыня, старая вещь, я купилъ ее еще въ холостое время... Это знаменитая женщина, ее звали Лола Монтесъ.

Это объясненіе галлереи фамильныхъ портретовъ прервала Житницкая, пригласивъ гостей ужинать.

Въ столовой, у стола, облокотившись о спинку стула, стоялъ Евгеній. Онъ поздно появился среди собравшагося общества, но однако пришелъ. Видъ у него былъ надменный и холодный, но взглядъ его съ любопытствомъ искалъ въ толпѣ входившихъ гостей молодую дѣвушку, одѣтую въ свѣтлое платье, легкое, какъ

Digitized by Google

утреннее облако; онъ устремилъ долгій, проницательный взглядъ на ея лицо, которое напоминало тонкостью чертъ и кожи, а также безпрестанно мѣняющимся выраженіемъ, прекрасный, нѣжный и чувствительный цвѣтокъ мимозы. Житницкая начала представлять или, скорѣе, припоминать Евгенія пани Изабеллѣ и ея дочери.

— О, я помню пана Евгенія, какъ бы невольно и съ особой живостью воскликнула Адольфина и потомъ прибавила, поднимая на его красивое лицо свои темные глаза:—А вы помните нашу старую исторію съ маленькимъ аистомъ?

Онъ, молча, низко поклонился ей со счастливой улыбкой.

— Геня! садись около панны Одропольской! Кавалеръ около барышни... такъ нужно, со смѣхомъ говорила Житницкая.

Всѣ сѣли. Пани Изабелла обратилась къ дочери съ нѣсколько озабоченнымъ видомъ:

— Разскажи намъ эту исторію о маленькомъ аистѣ. Ты говорила о ней вчера пану Житницкому,—намъ было бы интересно ее послушать...

Она сконфузилась и взглянула на мать съ печальнымъ видомъ. Очевидно, она не привыкла говорить въ обществѣ. Однако интересъ, который возбуждало въ ней воспоминаніе дѣтства, побѣдилъ ея робость.

— Это было давно, очень давно, начала она:—передъ нашимъ отъѣздомъ за границу... панъ Евгеній былъ ужь тогда большой и пріѣзжалъ изъ гимназіи на вакаціи, а я была еще маленькая... Мы часто ходили вмѣстѣ гулять... панъ Евгеній рвалъ для меня васильки и... и... какъ это называется? ne m'oubliez pas...

— Незабудки,—подсказала Саницкая.

— Да! онъ также приручилъ для меня пару голубей, которыхъ я такъ любила, что плакала, когда съ ними прощалась... Иногда панъ Евгеній помогалъ мнѣ учить уроки...

— Но аистъ, Адольфина, вернись къ своему аисту, напомнила ей пани Изабелла.

— Съ аистомъ было такъ...

Она остановилась. Лицо ея покрылось румянцемъ, который прошелъ подъ облако тюля и кружевъ, покрывавшее ея шею. Губы ея слегка дрожали отъ смущенія и улыбки, темные глаза горѣли золотыми искрами. Ея жесты и движенія были такъ неловки, какъ будто она была связана и рвалась на свободу. Ея живая, быстрая рѣчь затруднялась тѣмъ, что она говорила по польски.

— Съ аистомъ было вотъ какъ... одинъ разъ мы шли по до-

Digitized by Google

рогѣ, около луга, недалеко отъ какой-то деревни, и увидѣли нѣсколькихъ мальчиковъ, которые поймали гдѣ-то маленькаго аиста и ужасно его мучили, связывали ему крылья, а когда онъ вырывался у нихъ изъ рукъ, они били его такой... какъ это называется? такой...

— Палкой,—подсказала пани Юлія.

— Прутикомъ, прутикомъ! воскликнула Житницкая.

— Да! мнѣ стало такъ жаль этого аиста, что я начала плакать, а панъ Евгеній побѣжалъ, разогналъ мальчиковъ, развязалъ аисту крылья и пустилъ его...

— И что же? что же? съ величайшимъ интересомъ допрашивали женщины.

— Онъ улетѣлъ, отвѣтила Адольфина.

Саницкая наклонилась къ пани Изебеллѣ и шепнула ей:

— Что за ангельское сердце у твоей дочери... какая она хорошенькая, скромная, интересная!

Житницкая не помнила себя отъ радости; она смѣялась, лукаво подмигивала глазами, бѣгала вокругъ стола, всѣхъ угощала, рѣзала жаркое, разносила чай и подвязывала салфетки дѣтямъ Саницкой, цѣлуя ихъ и обкармливая всѣмъ, что было на столѣ. Однако ея веселье было скоро нарушено. Выслушавъ разсказъ Адольфины, Саницкая любезно обратилась къ Евгенію:

— Вы не балуете насъ, панъ Евгеній... никогда къ намъ не зайдете.

— Правда, правда, подтвердилъ ея мужъ: — никогда не заглянете... ни на обѣдъ... ни на чаекъ..

Евгеній поклонился, но не такъ, какъ онъ сдѣлалъ это при встрѣчѣ съ Адольфиной. Это былъ холодный, почти невѣжливый поклонъ.

— Прошу извинить меня, началъ онъ:—я здѣсь только гость, перелетная птица...

Здѣсь на губахъ его появилась странная, ироническая усмѣшка.

— Притомъ же, прибавилъ онъ:—я боюсь быть вамъ непріятнымъ вѣдь я мужикъ...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но слова его заглушилъ крикъ Житницкой.

— Геня! Геня! что съ тобой, Геня?

Лицо ея побагровѣло, она бросала растерянные взгляды и махала руками, какъ человѣкъ, который летитъ въ пропасть и бьется въ пространствѣ. Впрочемъ, слова Евгенія произвели сильное впечатлѣніе на все общество, исключая Житницкаго. Онъ

Digitized by Google

одинъ остался невозмутимъ и по прежнему пилъ чай съ такимъ видомъ, точно онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ; Саницкій широко раскрылъ глаза и потомъ устремилъ ихъ на гербовый перстень, украшавшій его палецъ; пани Изабелла задвигалась на стулѣ, какъ, будто ея первой мыслью было желаніе убѣжать отъ скандала и отъ дикаго человѣка, который его произвелъ; Адольфина быстро и рѣзко обернулась къ сидящему около нея юношѣ и устремила на него сіяющій и любопытный взглядъ.

— Давно ты была въ Парижѣ, моя дорогая путешественница? какъ-то особенно громко воскликнула Саницкая, обращаясь къ пани Изабеллѣ. Видно было, что она выловила этотъ вопросъ изъ своихъ спутанныхъ мыслей, какъ утопающій ловитъ въ возмущенныхъ волнахъ доску спасенія.

Въ то время, какъ все это происходило въ столовой, въ спальнѣ, за запертой дверью, разъигрывалась сцена, полная горечи и покорнаго смиренія. Между двумя постелями стоялъ маленькій столикъ, накрытый бѣлой салфеткой, а на немъ два стакана мутнаго чая и какіе-то остатки жаркого и печенья на потрескавшихся закоптѣлыхъ тарелкахъ. На одной изъ постелей сидѣла Дрожицкая, въ своемъ скромномъ, но очень опрятномъ шерстяномъ платьѣ, въ черномъ чепчикѣ на гладко причесанныхъ волосахъ, выпрямившись и сложивши руки на колѣняхъ; на ея кроткіе голубые глаза каждую минуту навертывались слезы. На другой постели сидѣлъ плечистый, усатый, лысый Дрожицкій, сгорбившись, точно подъ впечатлѣніемъ какого-то униженія, и, не дотрогиваясь до ѣды, раскачивалъ свою сильную фигуру то впередъ, то назадъ, какъ человѣкъ, который съ удивленіемъ и горемъ надъ чѣмъ-то размышляетъ. Оба молчали. Она прислушивалась къ голосамъ, долетавшимъ изъ столовой; онъ шевелилъ своими большими усами и смотрѣлъ на столъ съ такимъ выраженіемъ, точно хотѣлъ его съѣсть.

— Вотъ какъ, проворчалъ онъ: — мы недостойны сидѣть за однимъ столомъ съ господами... Насъ стыдятся, а когда-то вѣдь было иначе... Когда Житницкій арендовалъ одинъ Сушинокъ, ходилъ безъ сапогъ и цѣловалъ у меня руки, чтобы я далъ ему два воза соломы на подстилку для скота...

— Что же дѣлать, мой милый, перебила жена: — это было давно; теперь Житницкіе, въ сравненіи съ нами, аристократы...

— Аристократы! подтвердилъ мужъ съ гнѣвомъ и вмѣстѣ съ глубокимъ убѣжденіемъ:—нечего сказать, аристократія! Арендовать Одрополе это не шутка! они и съ господами дружатъ...

Digitized by Google

Здѣсь онъ совершенно неожиданно такъ сильно ударилъ кулакомъ по столу, что даже тарелки зазвенѣли.

— Чортъ ихъ возьми со всей ихъ аристократіей! Нога бы моя здѣсь не осталась, еслибы... еслибы не то, что часто отъ нихъ бываетъ нужно и дровъ, и травы, и...

— Ахъ, Ясь, не нужно на нихъ сердиться... Житницкая отличная женщина, и у нея золотое сердце, только вотъ она... аристократка...

Въ эту минуту открылась боковая дверь, и Житницкая вбѣжала въ комнату, вся красная и запыхавшаяся.

— Что? все ли у васъ тутъ есть? Принесла вамъ Виктя чаю и цыплятъ? Ну, пейте себѣ, ѣшьте, счастливые, что вы можете такъ спокойно сидѣть... я такъ устала, что едва дышу, а тутъ еще этотъ дуракъ Геня, неблагодарный мальчишка, такую мнѣ сдѣлалъ непріятность...

Она засуетилась по комнатѣ, посмотрѣлась въ зеркальцо, отерла платкомъ свое пылающее лицо и убѣжала.

Когда она вбѣжала въ столовую, ея гости вставали изъ-за стола. Вставать изъ-за стола прежде, чѣмъ хозяйка дома подастъ гостямъ знакъ, внѣ всякихъ свѣтскихъ обычаевъ. На этотъ разъ, однако, всѣ встали изъ-за стола, не смотря на отсутствіе хозяйки. Хотя Житницкій имѣлъ намѣреніе выпить еще одинъ стаканъ чаю, онъ всталъ вмѣстѣ съ другими и сейчасъ же началъ показывать Саницкимъ планъ риги, которую онъ хотѣлъ бы выстроить въ Лѣсной, еслибы помѣщица согласилась сдѣлать необходимыя затраты, но — прибавлялъ онъ съ грустью — помѣщица не соглашается.

— И, ей-Богу, хорошо дѣлаетъ, тихо сказалъ Саницкій: — класть теперь деньги въ имѣніе — это, сударь мой, все равно, что бросать ихъ въ воду... Конецъ свѣта приходитъ, свѣтопреставленіе... Господь Богъ въ неисповѣдимыхъ путяхъ своихъ повелѣлъ намъ жить передъ самой кончиной міра, и ничего намъ не поможетъ!

Все это говорилъ онъ съ высокомѣрной важностью и вмѣстѣ съ глубокой грустью.

Житницкій, который былъ значительно ниже его, поднялъ голову, чтобы заглянуть ему въ лицо.

— Ну, сказалъ онъ — что-жъ: такъ сейчасъ ужь и конецъ свѣта?

Саницкій горько улыбнулся.

— Помѣщики гибнутъ, шепнулъ онъ:—вотъ и я держусь ру-

Digitized by Google

ками и ногами за свой Сановъ, а все таки вѣрно изъ него вылечу...

Онъ потеръ лобъ рукой и еще тише прибавилъ:

— А что же, какъ наше дѣльцо? Найдется у васъ для меня тысяча рубликовъ? Пожалѣйте меня! Выходитъ срокъ процентовъ Юделю, а у этого жиденка въ карманѣ ужь лежитъ исполнительный листъ... мнѣ нужно ето задобрить...

Въ эту минуту къ разговаривающимъ подошла пани Изабелла и начала съ ними прощаться. Саницкій съ важностью, но также съ большой любезностью, поцѣловалъ ея руку.

— Я надѣюсь, сударыня, что вы пожалуете къ намъ обѣдать; еслибы мы только знали, въ какой день ожидаетъ насъ эта честь, мы постарались бы сдѣлать все, чтобы вы пріятно провели у насъ время. Можетъ быть, графиня и панъ Поменѣцкій тоже пожалуютъ къ намъ.

Произнося это приглашеніе, онъ такъ развеселился, точно никогда въ жизни и не думалъ о концѣ міра, Юделѣ, исполнительномъ листѣ и разставаніи съ Сановымъ.

Еще съ минуту длилась очень оживленная бесѣда о предполагаемомъ обѣдѣ, послѣ чего пани Изабелла осмотрѣлась кругомъ и воскликнула:

— Adolphine! Adolphine!

Адольфина не сразу услышала зовъ матери. Она росположилась у окна и любопытными и живыми глазами смотрѣла въ лицо Евгенію, который стоялъ передъ нею и что-то очень оживленно говорилъ ей. Оба улыбались; видно было, что разговоръ, который они вели, занималъ ихъ обоихъ. Замѣтивъ наконецъ, что мать со всѣми прощается, она немного робко, но искренно протянула собесѣднику свою маленькую, тонкую, нервную руку.

— Дальнѣйшія наблюденія надъ моей особой начнутся при вашемъ первомъ посѣщеніи Одрополя, не правда ли? сказала она весело.

Онъ сильно пожалъ ей руку и низко поклонился.

— Непремѣнно, сказалъ онъ:—я сказалъ вамъ самую малую часть.

— Въ самомъ дѣлѣ? засмѣялась она:—такъ вы намѣрены предпринять путешествіе... путешествіе... какъ это сказать? путешествіе за открытіями?

— Въ которомъ мнѣ очень поможетъ ваше важное признаніе.

— Котораго я сдѣлала вамъ также только малую часть. Если открытія будутъ вѣрны...

— Если признанія будутъ искренни... подхватилъ онъ.

Digitized by Google

Она сдѣлалась серьезна. Лицо ея приняло грустное, почти суровое выраженіе.

— Я уже давно, давно хочу быть съ кѣмъ нибудь искренней, вполнѣ откровенной, шепнула она.

— Позвольте мнѣ имѣть надежду, что этимъ счастливцемъ буду я! шепнулъ онъ.

Двѣ минуты спустя, щегольская двухмѣстная карета пани Изабеллы съѣзжала съ Блонскаго двора.

Вскорѣ уѣхала и пани Юлія, которую особенно разстроило свиданіе съ подругой. Одного изъ своихъ мальчиковъ, вымазавшагося какимъ-то лакомствомъ, которымъ накормила его Житницкая, она съ сердцемъ схватила за воротъ вышитой блузочки и назвала глупымъ, безобразнымъ мальчишкой, а младшую дочку схватила на руки, страстно прижала къ груди и осыпала поцѣлуями, шепча:

— Ты моя единственная отрада!

Когда же единственная отрада начала кричать благимъ матомъ, упрямиться и, въ припадкѣ злобы, рвать бантъ на материнскомъ платьѣ, пани Юлія какъ можно скорѣе отдала ее въ нѣжныя объятія Житницкой и шепнула сосѣдкѣ со слезами, полными слезъ:

— Надо же быть такой счастливой, какъ эта Одропольская! Богатая, вѣчно рыщетъ по свѣту, не имѣетъ никакихъ заботъ, и на рукахъ всего одна дочь, уже взрослая и съ приданымъ... Ахъ, Костуня, Богъ не равно надѣляетъ людей счастіемъ!

Съ этими словами она искренно обняла и поцѣловала Житницкую; видно было, что въ эту минуту она чувствовала къ ней настоящую нѣжность.

— Мы съ тобой, прибавила она:—не летаемъ по свѣту и не таскаемъ за собою румынскихъ князей!..

— Что? кто таскаетъ? кого она таскаетъ? съ сіяющимъ видомъ допрашивала Житницкая.

— Мало ли что было! Цезя разсказывала мнѣ о какомъ-то Роалькичàго, который въ прошломъ году ѣздилъ за нею по Европѣ. Это легче и пріятнѣе, чѣмъ заниматься всю жизнь дѣтьми и хозяйствомъ... à propos хозяйства...

Она нагнулась къ самому уху Житницкой.

— Милая моя! Иза пріѣдетъ къ намъ завтра или послѣ завтра, а я даже не знаю хорошенько, что у меня есть въ кладовой и чего нѣтъ. Если чего нибудь не хватитъ, можно будетъ къ тебѣ прислать? да? не правда ли?

Digitized by Google

— Какъ всегда, Юлечка, какъ всегда: развѣ я когда нибудь отказываю? вѣдь у меня, если я въ ладу со сосѣдями, то...

— Золотое у тебя сердце! перебила Саницкая съ искреннимъ поцѣлуемъ.

— Enfants!—позвала она дѣтей:—поѣдемъ!

Саницкій не поѣхалъ; онъ остался, говоря, что хочетъ поговорить съ паномъ Павломъ объ одномъ дѣльцѣ, и просилъ жену, чтобы она прислала за нимъ лошадей часа черезъ два.

Когда Саницкая уѣхала, Житницкая побѣжала къ дверямъ спальни. По дорогѣ она крикнула служанкѣ, чтобы та скорѣе подогрѣвала самоваръ, и толкнула въ спину другую за то, что та начала не во-время убирать со стола, конечно, для того, чтобы стащить что нибудь потихоньку съ блюда, и наконецъ закричала, отворяя дверь:

— Идите же скорѣе! теперь можно попить и поѣсть! ухъ, какъ я устала! и голодна, какъ волкъ! Панъ Янъ вѣрно тоже не доѣлъ. Пожалуйте на другой, домашній чаекъ.

Она была такъ рада тому, что уѣхали гости, пребываніе которыхъ также было для нея большой радостью, что Евгеній, его ужасный проступокъ и необходимость выбранить его за это совершенно вылетѣли у нея изъ головы. Она сѣла у самовара, пила, ѣла и очень радушно угощала Дрожицкихъ. Житницкій былъ въ гостинной и разговаривалъ съ сосѣдомъ о дѣлѣ; минуту спустя, онъ пришелъ въ столовую.

— Панъ Янъ, обратился онъ къ Дрожицкому:—не сыграете ли въ преферансикъ? а?

Шляхтичъ еще несовсѣмъ забылъ свою обиду и гнѣвъ.

— Мнѣ нужно домой, сказалъ онъ сурово:—у меня завтра, чѣмъ свѣтъ, начинается покосъ.

— Панъ Саницкій хочетъ играть въ преферансъ, сказалъ Житницкій.

— Иди, Ясь, иди же играть, когда панъ Саницкій хочетъ, торопливо шепнула жена.

Онъ совсѣмъ просіялъ и всталъ съ веселымъ лицомъ.

— Ну, конечно, какъ же? если сосѣди хотятъ, я готовъ, даже радъ, съ удовольствіемъ.

Трое мужчинъ усѣлись въ гостинной, при свѣтѣ двухъ стеариновыхъ свѣчъ, между изображеніями Бисмарка, Лолы Монтесъ и св. Іосифа, и до полуночи бросали карты на зеленый столъ. Игра эта была самая маленькая и никого не могла ни обогатить, ни разорить, но велась она съ важностью, близкой къ священно-

Digitized by Google

дѣйствію. Въ паузахъ между двумя роберами, Саницкій съ удовольствіемъ потиралъ руки, смотрѣлъ на часы и говорилъ:

— Вотъ вечерокъ-то и проходитъ! По крайней мѣрѣ, не думаешь объ этихъ проклятыхъ дѣлахъ.

Разъ онъ спросилъ небрежнымъ тономъ:

— А что, видѣли вы комету?

— Какую комету? спросилъ Житницкій.

Дрожицкій кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Есть, есть комета, подтверждалъ онъ:—говорятъ, это къ войнѣ.

— А, можетъ быть, и не къ войнѣ, возразилъ Саницкій.

— А къ чему же?

— Все можетъ быть, въ апокалипсисѣ сказано, что кометы и разныя такія явленія будутъ передъ кончиной міра...

— Какъ же такъ? вѣдь прежде долженъ прійти антихристъ...

— Такъ развѣ онъ не пришелъ?

— Я не слышалъ.

Саницкій засмѣялся полушутливо, полугорько.

— А мой Юдель, сказалъ онъ.

— Ну, да, подтвердилъ Дрожицкій:—ужь это извѣстно, что жиды—настоящіе антихристы...

Житницкій смотрѣлъ на говорившихъ, вытаращивъ глаза, какъ человѣкъ, который не можетъ понять, въ чемъ дѣло.

— Гдѣ же эта комета? спросилъ онъ.

— Да на небѣ. Изъ Санова ее отлично видно. Когда вы пріѣдете къ намъ, такъ увидите...

— Гм! можетъ быть, это къ неурожаю? въ раздумьѣ замѣтилъ арендаторъ Одрополя.

Ѣзды отъ Блоня до Одрополя было всего четверть часа; тѣмъ не менѣе, во все время пути пани Изабелла разсказывала дочери множество вещей про Саницкихъ, объ ихъ молодости, жизни, отношеніяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ. Она говорила, что бѣдная Жюльета была прежде очень хорошенькая и имѣла большой успѣхъ въ обществѣ. Въ молодости она веселилась, да еще какъ! родители были люди небогатые, но у нихъ была большая родня и много связей въ лучшемъ обществѣ. Къ несчастію, у нея не было приданаго. За нею много ухаживали, но не представилось ни одной хорошей партіи. Оттого она и вышла за Саницкаго, когда ей было лѣтъ двадцать слишкомъ. Она нисколько его не любила! Пани Изабелла отлично помнила, какъ Жюльета всегда смѣялась надъ своимъ мужемъ и клялась, что она никогда не будетъ его женой. Что-жъ дѣлать! Въ

Digitized by Google

то время и онъ былъ для нея хорошая партія. Она должна была подчиниться своей судьбѣ. Такова ужь доля женщинъ, что онѣ должны всегда съ покорностью подчиняться судьбѣ. Впрочемъ, Саницкій очень хорошій человѣкъ, особенно извѣстенъ онъ своимъ гостепріимствомъ. Его гостепріимство почти феноменально. Онъ тогда только чувствуетъ себя счастливымъ, когда у него гости; если ихъ долго нѣтъ, онъ выходитъ на дорогу и приглашаетъ проѣзжихъ, а въ крайнемъ случаѣ самъ идетъ къ сосѣдямъ. Гостепріимство—это прекрасная старопольская черта, и слѣдуетъ очень цѣнить и уважать Саницкаго за то, что она развита у него въ такой сильной степени. Можно бы даже поздравить Жюльету съ ея судьбой, еслибы не этотъ бѣдный панъ Алоизій — такой простоватый шляхтичъ безъ всякихъ манеръ и ничего не видавшій, кромѣ Законтницкаго прихода. Онъ ни разу не свозилъ ее за границу... правда, дѣла ихъ плохи, и имъ, пожалуй, не на что ѣздить, а все таки бѣдной Жюльетѣ, должно быть, очень грустно вѣчно сидѣть въ деревнѣ, въ разоренномъ домѣ, такъ какъ Сановъ сильно разоренъ.

— Очень ее жаль! она такая добрая, чувствительная, религіозная, прекрасная жена и мать, еслибы она только не такъ смѣшно одѣвалась... Замѣтила ты булавки, которыя были у нея въ волосахъ? вѣдь это просто крашеное стекло! А платье? Боже мой! Юбка одного цвѣта, vêtement—другаго, банты третьяго, а бантовъ этихъ... сто девяносто девять!

Пани Изабелла разразилась смѣхомъ.

— Мама, сказала Адольфина:—я одного не могу понять...

Она совсѣмъ не смѣялась и, вѣроятно, не слышала ни слова изъ того, что говорила мать.

— Я совсѣмъ не понимаю, продолжала она:—какъ это панъ Евгеній можетъ быть мужикомъ. Вѣдь онъ также одѣвается и также говоритъ, какъ и мы. Мужики совсѣмъ не такіе, какъ онъ.

Пани Изабелла опять засмѣялась.

— Ужь этотъ твой панъ Евгеній! Онъ совершенно невозможенъ! воскликнула она:—это былъ настоящій скандалъ, когда онъ сказалъ: „я мужикъ!“

Адольфина съ удивленіемъ посмотрѣла на мать.

— Отчего? спросила она.

— Ахъ, какая ты наивная! Кто же говоритъ такія вещи въ обществѣ? Развѣ ты слышала, чтобы князь Роалькича́го сказалъ когда нибудь: я князь! Тѣмъ болѣе нечего хвастаться такимъ происхожденіемъ.

Глаза Адольфины блеснули.

Digitized by Google

— А мнѣ, мама, это очень понравилось.

— Что?

— Что панъ Евгеній сказалъ передъ всѣми, кто онъ. По моему, онъ поступилъ прямо и... оригинально.

— Ахъ, да, ужь слишкомъ оригинально! Оттого-то онъ и былъ такъ смѣшенъ, что всѣ оригинальные люди бываютъ смѣшны, и, чтобы избѣжать этого, нужно все дѣлать и говорить, какъ другіе. Но все таки этотъ панъ... Скиба? кажется, Скиба... очень интересенъ... trés joli garçon... то, что онъ мужикъ, ничуть не мѣшаетъ... Господь Богъ не велѣлъ намъ презирать низшихъ.

— Онъ также очень ученый, мама... онъ говорилъ мнѣ, что былъ въ университетѣ цѣлыхъ три года... онъ изучалъ годъ медицину, годъ математику и годъ юридическія науки... развѣ мужики бываютъ въ университетахъ?

— Иногда, дитя мое, очень рѣдко, когда они бываютъ геніальны. Я знаю нѣсколько случаевъ, когда геніальные мужики дѣлались великими учеными или артистами.

— Такъ панъ Евгеній геніальный человѣкъ?

— Я должна тебѣ сдѣлать маленькое замѣчаніе. Не слѣдуетъ, говоря о мало знакомыхъ людяхъ, называть ихъ по имени, но только по фамиліи. Воспитанника Житницкихъ ты, конечно, должна называть паномъ Скибой, а не паномъ Евгеніемъ.

— Отчего же *конечно*, мама?

— Оттого что... enfin... я ничего не имѣю противъ того, чтобы ты, ради развлеченія, поговорила иногда со своимъ старымъ знакомымъ... однако ты не должна допускать его до слишкомъ большой фамильярности. Правда, это знакомство безъ всякихъ послѣдствій, но все таки надо, чтобы всякій былъ съ нами на своемъ мѣстѣ... Панъ Скиба долженъ быть отъ тебя всегда на нѣкоторомъ... приличномъ разстояніи.

По лицу Адольфины пробѣжала странная улыбка.

— Однако, шепнула она:—Господь Богъ не велитъ намъ презирать низшихъ!..

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ ЛИФЛЯНДІИ.

(*Продолженіе*).

Съ первыхъ же чиселъ августа 1841 г., черезъ нѣсколько дней послѣ полученія барономъ Паленомъ отказа преосвященнаго Иринарха, изложеннаго въ его отзывѣ отъ 27 іюля, начинается кампанія противъ епископа и латышей, желавшихъ перемѣнить вѣру,—кампанія образцовая по совершенству и ловкости аттаки. Удалить преосвященнаго и заставить православныхъ ополчиться на стремящихся къ православію было не подъ силу ни ландратской коллегіи, ни барону Палену; это можно было сдѣлать только при посредствѣ людей, стоявшихъ на высшихъ ступеняхъ администраціи, которые повѣрили бы внушеніямъ и донесеніямъ нѣмцевъ и не приписывали бы никакого значенія словамъ и докладамъ своего русскаго архіерея.

Изъ донесеній барона Палена, петербургскія власти знали, что въ Лифляндіи обнаружилась какая-то смута въ крестьянствѣ, но источника этой смуты рѣшительно не понимали, да и трудно было понять. Чего хотятъ лифляндскіе мужики? Ихъ дворянство облагодѣтельствовало, принесло для нихъ „массу жертвъ“, освободило отъ крѣпостной зависимости, отреклось отъ права торговать своими людьми, предоставило мужику право добровольнаго соглашенія съ помѣщикомъ на аренду земли,—поступило, однимъ словомъ, какъ подобаетъ просвѣщеннымъ европейцамъ; но, къ истинному горю лифляндскихъ мужиковъ, въ Петербургѣ мало кто докапывался до *сути* лифляндскаго освобожденія и предвидѣлъ, къ чему рано или поздно приведетъ лифляндскаго илота положеніе 1819 г. Въ Петербургѣ знали, что лифляндскіе мужики—всѣ лютеране, знали, что у нихъ пасторы все ученые богословы, „не чета попамъ“, но не знали, что пасторы ни въ какомъ случаѣ не были *народными* пастырями, а церковными барами *), и въ этомъ смыслѣ дѣйствительно были не чета попамъ; не знали

*) Самаринъ, со словъ очевидца, которому онъ имѣлъ полное основаніе вѣрить, разсказываетъ такой случай (см. „Окраины“ III, 89). Преосвященный Иринархъ, не имѣя никакой возможности бесѣдовать со всѣми латышами, толпою валившими къ нему, поручилъ одному изъ состоявшихъ при немъ священниковъ, знавшему по латышски, принимать крестьянъ, выслушивать ихъ и давать объясненія. Разъ, въ то время, какъ упомянутый священникъ разговаривалъ въ своей комнатѣ съ латышами, къ нему вошелъ мальчикъ, посланный проживавшимъ въ

Digitized by Google

также, что лучшая часть крестьянства давно уже бѣжала отъ вѣры господъ въ гернгутерство, а, не зная этого, никакъ не могли понять, что за причина побуждаетъ лифляндскихъ мужиковъ къ перемѣнѣ вѣры.

Не зная всего этого, власти рѣшили, что смута идетъ не отъ кого инаго, какъ отъ преосвященнаго. Онъ зачинщикъ всему, онъ обманываетъ мужиковъ, „совращаетъ“ ихъ съ лютеранскаго пути.

Какъ только баронъ Паленъ получилъ отъ преосвященнаго отказъ запереть свои двери латышамъ, какъ немедленно же донесъ графу Бенкендорфу, что крестьяне продолжаютъ, подъ предлогомъ перемѣны вѣры, но въ сущности—ради переселенія, записываться у епископа, и тѣмъ самымъ укрѣпляются въ мысли выйти изъ повиновенія помѣщикамъ. Кромѣ того,— какъ объясняетъ командированная по сему дѣлу комисія,—„злой духъ упорства распространился по всей странѣ“.

Въ доказательство обвиненій на епископа генералъ-губернаторъ сообщилъ графу Бенкендорфу слѣдующее обстоятельство съ представленіемъ подлиннаго документа. Уволенный изъ духовнаго званія, Григорій Спасскій, жившій до 15 іюля въ домѣ церковнослужителей рижской Алексѣевской церкви, напротивъ дома, занимаемаго епископомъ, объявилъ 30 іюля въ губернскомъ правленіи, что онъ 11 и 12 того же мѣсяца, по порученію младшаго священника Фасанова, составилъ для крестьянъ различныхъ помѣстій двѣ просьбы на имя епископа, которыя были поправлены Фасановымъ. Затѣмъ Спасскій переписалъ ихъ на гербовой бумагѣ, и просители подписали не только за себя, но и за другихъ. Просьбы сіи, какъ онъ полагаетъ, были представлены епископомъ оберъ-прокурору синода. Далѣе, онъ полагалъ, что звонарь Алексѣевской церкви, знающій латышскій языкъ, водилъ всѣхъ крестьянъ къ епископу, и что понынѣ принимаются крестьяне и составляются для нихъ просьбы при Алексѣевской церкви; что самъ епископъ говорилъ съ крестьянами чрезъ сторожа Григорьева, и когда нѣкоторые не хотѣли подписать просьбы о переселеніи съ обѣщаніемъ перемѣнить вѣру, то были къ тому уговорены. За написаніе же просьбъ,—по приказанію Фасанова,

---

Ригѣ солдатомъ съ просьбою прійти къ нему и дать молитву женѣ его, только что родившей. Священникъ призадумался было прервать свои объясненія, но потомъ однако пошелъ, сказавъ толпившимся у него латышамъ, чтобъ они его обождали. По уходѣ его, между латышами завязался слѣдующій разговоръ, разсказанный потомъ женою священника, знавшею по латышски: „если адьютантъ епископа (такъ они назвали священника) рѣшился идти самъ, то, вѣрно, звалъ его офицеръ“.—„Нѣтъ, за нимъ послалъ простой солдатъ“.—„Странно! Впрочемъ, и у инаго солдата водятся деньги, и онъ, конечно, щедро наградитъ священника за безпокойство“.—„А что?.. какъ онъ вернется, спросимъ у него, что онъ получилъ за свой трудъ?“—„Спросимъ“. Какъ только вошелъ священникъ, латыши обступили его съ вопросомъ. Онъ получилъ гривенникъ и, спѣша домой, сунулъ его въ перчатку. Доказательство было налицо, а другихъ денегъ при священникѣ не оказалось. Это такъ поразило латышей, что одинъ изъ нихъ, всплеснувъ руками и обратившись къ висѣвшему въ углу образу, воскликнулъ: „вотъ каковы русскіе пасторы! А нашего-то попробуй заманить къ бѣдному человѣку! Кончено! Хочу непремѣнно къ русскому пастору и въ русскую вѣру“.

Digitized by Google

или экономa епископскаго,—онъ, Спасскій, получалъ деньги, а прежде него солдаты, которые это дѣлали. Черновая, представленная Спасскимъ и сообщенная въ подлинникѣ генералъ-губернаторомъ графу Бенкендорфу, заключаетъ въ себѣ прошеніе крестьянъ о переселеніи въ другія губерніи, или, по крайней мѣрѣ, объ ограниченіи власти помѣщиковъ, а также и обѣщаніе, въ благодарность за архипастырскія попеченія, принять православную религію. Любопытно начало заявленія Спасскаго, изложенное имъ письменно *).

Графъ Бенкендорфъ, другъ Палена и покровитель ландратской коллегіи, принялъ это донесеніе за чистую монету, а извѣтъ Спасскаго—за непреложную истину, потому и не назначилъ слѣдствія, не подумалъ даже навести справку: кто такой былъ этотъ Спасскій? Наведи онъ справку, тотчасъ же обнаружилось бы, что причетникъ Григорій Спасскій никто иной, какъ проходимецъ, *за пьянство уволенный изъ духовнаго званія*, что онъ бродяжничалъ по Курляндіи, прибылъ въ Ригу, у священника Фасанова получалъ денежную помощь; а затѣмъ сблизился съ какимъ-то рижскимъ священникомъ, бывшимъ „подъ запрещеніемъ“, который и привелъ Спасскаго въ губернское правленіе. Вѣрить подобному пропойцѣ было очень странно, но именно пропойцѣ-то и повѣрили **)!

Доносъ Спасскаго былъ посланъ 2 августа. Съ этого времени, въ теченіе почти всего августа, баронъ Паленъ безпрестанно, съ каждою почтою, посылалъ министру внутреннихъ дѣлъ и шефу жандармовъ выписки изъ показаній крестьянъ, являвшихся въ Ригу. Крестьянъ этихъ хватали на улицахъ, подстерегали на дорогахъ и приводили въ губернское правленіе для допроса. Здѣсь, предъ допросомъ и послѣ допроса, ихъ обыкновенно предавали тѣлеснымъ карамъ, а затѣмъ записывали показанія всегда на нѣмецкомъ языкѣ, котораго латыши не понимали и, слѣдовательно, никакъ не могли удостовѣрить, что ихъ показанія записаны правильно.

Еслибы въ Петербургѣ обратили надлежащее и серьезное

---

*) „Услыхавъ, что крестьяне Лифляндской губ. пришли въ безпорядокъ какъ бы оттого, что его преосвященство употребляетъ свое стараніе о ихъ переселеніи, и узнавъ, что отъ этого, очевидно, могутъ произойти опасныя послѣдствія, нынѣ я, какъ также виновный въ этомъ безпорядкѣ, осмѣливаюсь пасть къ стопамъ благомилостиваго моего начальства и, съ чистосердечнымъ раскаяніемъ и сожалѣніемъ о сдѣланномъ проступкѣ, открыть нижеслѣдующее“.

Въ заключеніе, Спасскій, вторично повергаясь „къ стопамъ всемилостивѣйшаго начальства“, описывалъ угрызенія своей совѣсти, объяснялъ, что къ принесенію чистосердечнаго покаянія побудила его надежда умалить этимъ свою вину, и просилъ прощенія въ своемъ преступленіи, въ которое онъ впалъ только изъ одного повиновенія прежнему духовному начальству и изъ опасенія, чтобы оно не отказало ему въ атестатѣ при увольненіи изъ духовнаго званія.

**) Только въ сентябрѣ 1841 г., доносъ Спасскаго и черновое прошеніе были разсмотрѣны синодомъ, причемъ оказалось, что поправки въ прошеніи были писаны совсѣмъ не рукою Фасанова. Замѣчательно, что пропойца и бродяга Спасскій, вскорѣ послѣ своего доноса, получилъ сразу два мѣста: одно—въ губернскомъ правленіи, другое—въ канцеляріи генералъ-губернатора.

Digitized by Google

вниманіе на смыслъ показаній, представленныхъ будто бы для доказательства, что архіерей и подчиненное ему духовенство волнуютъ крестьянъ обѣщаніями переселенія, въ случаѣ, если они примутъ православіе,—то не трудно было бы замѣтить явныя противорѣчія, которыя чиновники-приспѣшники барона Палена допускали въ своихъ представленіяхъ, дѣлавшихся всегда за подписью слабохарактернаго генерала-губернатора. Такъ напримѣръ, въ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ и шефу жандармовъ отъ 10 августа 1841 г. за № 786, баронъ Паленъ писалъ: „8 августа, по показаніямъ задержанныхъ на улицахъ подозрительныхъ крестьянъ, рижская полиція производила разысканіе въ окрестностяхъ города и найдено въ лѣсу пристанище, гдѣ было собравшихся 40 человѣкъ крестьянъ изъ разныхъ мѣстъ губерній, съ лошадьми и телѣгами. Бо́льшая часть изъ сихъ людей, вѣроятно, предостереженная выставленными караульщиками, скрылась; восемь же задержаны полиціею и представлены 8 августа въ губернское провленіе, гдѣ они, равно какъ и всѣ прочіе допрошенные тамъ въ послѣднее время крестьяне, не объявивъ *ни малѣйшей жалобы на ихъ помѣщиковъ*, сознались въ томъ, что пришли по порученію ихъ обществъ, дабы тайно произвести въ дѣйствіе, чрезъ духовенство православной церкви, обѣщанное имъ на выгодныхъ условіяхъ переселеніе“.

Донесеніе это баронъ Паленъ подписалъ, конечно, не читая, ибо ровно за недѣлю передъ тѣмъ, именно 3 августа 1841 г., за № 753, онъ подмахнулъ донесеніе тому же министру, въ которомъ говорилось, что „всѣ *жалобы на помѣщиковъ*, принесенныя гражданскому начальству бывшими въ Ригѣ по предмету ихъ переселенія крестьянами, по распоряженію моему, переданы губернскимъ правленіемъ надлежащимъ судебнымъ мѣстамъ, и я бдительно тщусь о безотлагательномъ ихъ разсмотрѣніи и законномъ рѣшеніи“. Итакъ, 3 августа доносилось, что жалобы были, а 10 августа, что жалобъ на помѣщиковъ никогда не было! Напрасно также баронъ Паленъ употребилъ фразу и о „бдительномъ тщаніи“: судебныя мѣста, составленныя изъ нѣмцевъ и лютеранъ, и думать не хотѣли ни о разсмотрѣніи, ни о рѣшеніи этихъ жалобъ. Далѣе баронъ Паленъ пишетъ: „Трое изъ схваченныхъ и опрошенныхъ крестьянъ, отрицаясь въ намѣреніи переселенія, утверждали, что только по предмету ихъ присоединенія къ православію обращались къ священникамъ, однако же изъ допроса явствуетъ, что такое показаніе было ложно и умышленно, ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что лишь только обѣщаемое имъ достиженіе желанія выгоднаго переселенія побуждало ихъ къ изъявленію намѣренія о перемѣнѣ вѣры, почему заключить должно о мнѣніи ихъ, что послѣ того уже послѣдуетъ исполненіе ихъ домогательства“. Никогда бы баронъ Паленъ не подписалъ ничего подобнаго, еслибы потрудился прочесть допросъ, изъ котораго ничего не явствуетъ, кромѣ только того, что упомянутые три мужика желаютъ не переселенія, а православія: больше они ничего не показывали и больше ихъ ни о чемъ не спрашивали. Мнѣніе же барона, что они послѣ присоединенія непремѣнно потребуютъ вы-

Digitized by Google

селенія—болѣе чѣмъ странно, ибо отсюда выходитъ, что не показанія крестьянъ даютъ генералъ-губернатору понятіе о настроеніи ихъ, а, наоборотъ, предвзятое мнѣніе самого барона опредѣляетъ показанія крестьянъ.

Вообще донесенія барона Палена, которыми онъ старался доказать, что преосвященный Иринархъ и подчиненное ему духовенство своею агитаціею вызвали стремленіе лифляндскихъ крестьянъ къ выселенію и православію,—не заслуживаютъ никакого серьезнаго вниманія, и еслибы въ Петербургѣ потрудились потребовать отъ преосвященнаго объясненій по всѣмъ взводимымъ на него обвиненіямъ, то ему не трудно было бы уличить и барона Палена, и всѣхъ его окружавшихъ, насколько неосновательны эти обвиненія; но въ томъ-то и дѣло, что объясненій преосвященнаго никто не спрашивалъ, и онъ не зналъ даже, что̀ доноситъ на него баронъ Паленъ, ибо переписка шла всегда „конфиденціально“.

Выше было сказано, что всѣ латышскія прошенія, какія только поступали къ преосвященному съ 9 іюня 1841 г., отсылались синодальному оберъ-прокурору, который, въ свою очередь, передавалъ ихъ министру внутреннихъ дѣлъ. Когда такихъ прошеній накопилось достаточное число, отъ имени уже нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ, когда было получено и отъ барона Палена достаточно просьбъ и ходатайствъ о воспрещеніи епископу Иринарху принимать къ себѣ латышей и бесѣдовать съ ними, графъ Строгановъ доложилъ обо всѣхъ этихъ просьбахъ и ходатайствахъ государю императору. Вслѣдствіе доклада министра, состоялось высочайшее повелѣніе отъ 25 іюля 1841 г., которое и было послано оберъ-прокурору для сообщенія въ Ригу преосвященному. Графъ Протасовъ исполнилъ это и 30 іюля 1841 г., за № 5080, написалъ Иринарху слѣдующее: „Государь императоръ, усмотрѣвъ, что поводомъ къ принятію вашимъ преосвященствомъ просьбъ отъ крестьянъ было изъявленіе ими желанія присоединиться къ православію, изволилъ найти, что, хотя нельзя предполагать въ дѣйствіяхъ вашихъ никакихъ другихъ побужденій (это намекъ на нареканія барона Палена), но, тѣмъ не менѣе, въ подобныхъ случаяхъ надлежало быть крайне осторожнымъ, особенно потому, что крестьяне приходили толпами, и что просьбы ихъ заключали въ себѣ желаніе присоединиться къ православной вѣрѣ, какъ обстоятельство придаточное, главнѣйше же въ нихъ изъяснялись жалобы на притѣсненія помѣщиковъ и ходатайство о переселеніи во внутреннія губерніи. Посему, его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: поставить ваше преосвященство въ извѣстность, чтобы вы, на будущее время, удерживались отъ принятія подобнаго рода просьбъ отъ крестьянъ и обращали бы ихъ, не принимая, къ гражданскому начальству“.

Смыслъ повелѣнія ясенъ: преосвященный не долженъ принимать прошеній, въ которыхъ выражалось что либо постороннее, кромѣ присоединенія къ православію; но если въ прошеніяхъ говорилось единственно о присоединеніи, то на какомъ основаніи преосвященный могъ бы отвергнуть такія прошенія?

Digitized by Google

Пользовавшійся полнымъ довѣріемъ государя, графъ Бенкендорфъ, безъ сомнѣнія, зналъ содержаніе этого повелѣнія ранѣе его подписанія, былъ недоволенъ его умѣренностью, и 24 іюля (слѣдовательно, днемъ раньше подписанія повелѣнія), за № 4256, написалъ *отъ себя* министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы онъ обязалъ епископа Иринарха не вмѣшиваться въ это „чисто гражданское дѣло". Итакъ, шефъ жандармовъ,—лютеранинъ по вѣрѣ и нѣмецъ по происхожденію,—*призналъ присоединеніе къ православію гражданскимъ дѣломъ* и потребовалъ, чтобы православный епископъ не вмѣшивался въ совершеніе таинства миропомазанія, а предоставилъ бы это вѣдѣнію лифляндскихъ орднунгсъ-рихтеровъ и депутатовъ дворянства! Графы Строгановъ и Протасовъ о таковомъ требованіи шефа жандармовъ ничего не сообщили преосвященному, но и не сказали всемогущему шефу, что присоединеніе къ православію есть духовное, а вовсе не гражданское дѣло.

Баронъ Паленъ пошелъ гораздо далѣе шефа жандармовъ. Тотъ, заявивъ, что присоединеніе къ православію есть гражданское дѣло, требовалъ, чтобы преосвященный рѣшительно заперъ двери предъ латышами; баронъ же Паленъ, еще до полученія въ Ригѣ высочайшаго повелѣнія отъ 25 іюля, подписалъ отношеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 28 іюля, за № 738, въ которомъ заявлялъ, что злой духъ сопротивленія распространился по всему краю, и дѣла дошли до того, что миролюбиво устроить ихъ невозможно (до сихъ поръ употреблена фраза, сочиненная Гагемейстеромъ; далѣе идетъ уже измышленіе неизвѣстнаго автора, писавшаго отношеніе); что списки именъ крестьянъ тайно доставляются къ епископу, а изъявляемыя угрозы предвѣщаютъ кровопролитную развязку, которая состоится осенью сего года, въ одинъ день по всей губерніи. Пославъ (для предупрежденія кровопролитной развязки, конечно) 50 человѣкъ казаковъ въ Венденъ, баронъ Паленъ признавалъ единственнымъ виновникомъ всего возмущенія—преосвященнаго Иринарха и требовалъ, чтобы его заставили *публично*, при членѣ губернскаго правленія, разувѣрить крестьянъ въ ихъ заблужденіи, такъ какъ сіи послѣдніе *потеряли всякое довѣріе* къ мѣстному начальству, считая его заодно съ помѣщиками.

Подписывая эту бумагу, баронъ, по всей вѣроятности, плохо читалъ ее и потому не сообразилъ, что публичная исповѣдь епископа, еслибы и была предписана изъ Петербурга, составила бы верхъ нелѣпости; къ тому же, сознаніе, что мѣстная власть, слѣдовательно, и онъ самъ, въ глазахъ народа перестала быть органомъ верховной власти, могло побудить правительство уволить и его, и всѣхъ окружающихъ, замѣнивъ ихъ лицами, способными внушить довѣріе. Подписавъ невозможное требованіе и свое собственное самоосужденіе, баронъ Паленъ, по настоящему, долженъ былъ бы ждать изъ Петербурга приказа о его смѣнѣ; но такого приказа не явилось: его бумагу оставили безъ отвѣта и безъ всякихъ послѣдствій.

Чрезъ недѣлю, именно 5 августа 1841 г., баронъ Паленъ подписалъ за № 768 новую бумагу министру внутреннихъ дѣлъ, въ

Digitized by Google

которой доносилъ, что все земледѣльческое сословіе губерніи онъ подчинилъ надзору двухъ депутатовъ дворянства (которому крестьяне ни въ чемъ не вѣрили, по собственному же сознанію барона Палена): латышей—автору неподражаемой фразы о „зломъ духѣ упорства", Гагемейстеру, а эстовъ—Вульфу, и что приказалъ губернскому правленію выбрить задержаннымъ мужикамъ всю голову (до сихъ поръ брили половину), заковать ихъ въ кандалы, направить на мѣсто жительства подъ конвоемъ и тамъ, въ присутствіи ихъ обществъ, строго наказать розгами.

Между тѣмъ, въ Ригу пришло отъ графа Строганова помянутое выше высочайшее повелѣніе, которымъ запрещалось преосвященному Иринарху принимать крестьянскія прошенія, если въ нихъ содержится что либо постороннее принятію православія. Преосвященный, по полученіи этого повелѣнія, чтобы устранить всякій поводъ къ его нарушенію, разрѣшилъ только двумъ священникамъ: соборному—Заболоцкому и единовѣрческому—Емельянову—писать для крестьянъ просьбы о присоединеніи къ православію, притомъ писать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда желаніе присоединенія будетъ выражено безусловно и безъ всякихъ намековъ на переселеніе или на улучшеніе быта. Прочимъ священникамъ преосвященный запретилъ писать для крестьянъ какія бы то ни было просьбы. Но баронъ Паленъ и его окружающіе поняли условное запрещеніе, предписанное изъ Петербурга, какъ безусловное*), и потому, 10 августа 1841 г., за № 787, онъ написалъ епископу, чтобы тотъ не принималъ отъ крестьянъ *никакихъ* просьбъ, а затѣмъ, 12 августа, за № 805, потребовалъ, чтобы епископъ ни лично, ни чрезъ священниковъ не записывалъ крестьянъ къ присоединенію. Преосвященный Иринархъ, въ отвѣтъ на отзывъ къ нему барона Палена отъ 10 августа, увѣдомилъ въ тотъ же день, что онъ предписалъ своимъ подчиненнымъ не принимать даже такихъ просьбъ, въ которыхъ заключается только одно желаніе присоединиться къ православію, и самъ не будетъ принимать ихъ.

Итакъ, *устраненіе епископа отъ присоединенія* было достигнуто. Это уже былъ весьма важный успѣхъ въ исполненіи программы, хотя далеко еще не полный, потому что епископъ все еще оставался на своемъ мѣстѣ, и православные не возстали еще открытою силою на желавшихъ соединенія съ православною церковью. Пока было довольно и того, что условное запрещеніе принимать просьбы обратилось въ безусловное; слѣдовательно, являлась полная надежда, что и вся программа осуществится безъ особенно большихъ хлопотъ.

---

*) Это въ Лифляндіи бываетъ сплошь и рядомъ: высочайшія повелѣнія или не исполняются вовсе, если они *неудобны и непріятны* дворянамъ пасторамъ (такъ, повелѣніе по вопросу о сложеніи дани съ православныхъ крестьянъ въ пользу пасторовъ, состоявшееся въ 1862 г., не исполнялось болѣе 20 лѣтъ), или перетолковываются, какъ угодно гг. дворянамъ и пасторамъ (высочайшее повелѣніе 1865 г. объ отмѣнѣ предбрачныхъ расписокъ было перетолковано въ смыслѣ разрѣшенія обратнаго перехода изъ православія въ лютеранство).

Digitized by Google

Обрадованный успѣхомъ, баронъ Паленъ 11 августа донесъ уже прямо государю императору, что согласіе епископа не принимать болѣе крестьянъ можетъ имѣть благотворное вліяніе на успокоеніе крестьянъ.

13 августа баронъ Паленъ отправился въ объѣздъ по Лифляндіи въ тѣ уѣзды, изъ которыхъ преимущественно крестьяне являлись въ Ригу, именно въ уѣзды: Венденскій, Вольмарскій, Верроскій и часть Дерптскаго. Путешествіе генералъ-губернатора продолжалось до 30 августа. Во время этого путешествія баронъ Паленъ имѣлъ случай убѣдиться, во-первыхъ, въ томъ, что классическая фраза Гагемейстера о „зломъ духѣ упорства“ не имѣетъ за собою никакого основанія, да и помѣщики, когда говорятъ о подготовляющейся будто бы рѣзнѣ ихъ, сами не вѣрятъ своимъ словамъ, потому что ни одинъ изи нихъ никуда не тронулся и не бѣжалъ, а всѣ съ семьями жили въ своихъ усадьбахъ вполнѣ спокойно, какъ въ самое мирное время; во-вторыхъ, могъ лично удостовѣриться, что красивыя фразы о жертвахъ дворянъ и ихъ заботливости о крестьянахъ такъ и остаются фразами. Въ проѣздъ изъ Риги въ Дерптъ, генералъ-губернаторъ свидѣтельствовалъ сельскіе запасные магазины, и во многихъ не нашелъ хлѣба, который, по показанію крестьянъ, вовсе не былъ съѣденъ крестьянами, а употребленъ на винокуреніе; далѣе, имѣлъ случай убѣдиться, что помѣщики, во имя свободы, безпощадно обирали крестьянъ; наконецъ, явно убѣдился, что какъ ни радѣлъ въ пользу гг. лифляндскихъ дворянъ, но дворяне все таки остались имъ недовольны и въ Дерптѣ высказали ему въ глаза свое неудовольствіе *). Объѣзжая названные уѣзды, генералъ-губернаторъ былъ буквально осажденъ просьбами крестьянъ, потому что голодъ продолжался, люди умирали отъ истощенія, а средствъ для продовольствія было мало **). Жаловались на обиды и стѣсненія со стороны помѣщиковъ, но попадались просьбы и болѣе серьезнаго характера: многіе крестьяне заявили барону Палену, что они просили переселенія, но какъ просьба ихъ была отвергнута и просители были уже

*) Чиновникъ, командированный въ Лифляндію для собранія свѣдѣній о причинахъ крестьянскихъ волненій въ этой губерніи, доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ (см. „Чтенія“ 1865, II, 97): „Впрочемъ, помѣщики къ нему (барону Палену) не расположены и въ послѣднее пребываніе его въ Дерптѣ изъявили свое неудовольствіе явно. Они упрекали его, что онъ, при первомъ появленіи крестьянъ въ Ригѣ, не принялъ строгихъ мѣръ. На это онъ, въ оправданіе, имъ представилъ, что при самомъ началѣ писалъ онъ къ графу Строганову и, не получая три недѣли отъ него разрѣшенія, вынужденъ былъ донести государю императору. Дѣло о волненіи крестьянъ Лифляндской губерніи показываетъ противное. Баронъ Паленъ писалъ въ первый разъ объ этомъ событіи 8 іюля, и то вслѣдствіе вопроса, сдѣланнаго ему министерствомъ. Къ чему хотѣлъ онъ предъ здѣшнимъ дворянствомъ—постоянно недовольнымъ нашимъ правительствомъ—сказать такую неправду, остается загадкою. А что онъ дѣйствительно это говорилъ, подтверждается единогласно“.

**) Въ то время, въ Ригѣ разсказывали, быть можетъ, и неправильно, будто баронъ Паленъ, объѣзжая губернію, отбиралъ у крестьянъ показанія о принадлежности ихъ къ лютеранской церкви, и что нѣкоторые крестьяне на мѣстѣ подтвердили барону Палену о своемъ желаніи быть русскими по вѣрѣ.

Digitized by Google

наказаны за нее, то пусть правительство, если переселеніе невозможно, обратитъ въ крестьянскую собственность землю, обработываемую крестьянами за барщину. Въ такой просьбѣ не было ничего ни страннаго, ни удивительнаго: крестьяне просили возвращенія только того, что̀ имѣли до 1819 г. и что̀ положеніемъ 1804 г. признавалось за ними безусловно; просили, чтобы помѣщики не отбирали у арендаторовъ обработанныхъ ими земель, не прирѣзывали обработанныхъ за барщину полей къ господскимъ и не замѣняли ихъ зарослями (бушландомъ); однимъ словомъ, просили хоть какого нибудь обезпеченія въ томъ, что разработанная крестьяниномъ-арендаторомъ земля не будетъ отнята у него по произволу помѣщика. Въ подобныхъ просьбахъ помѣщики увидѣли однако посягательство на дворянскую собственность, а нѣкоторые запримѣтили даже коммунистическое направленіе, угрожавшее краю всѣми ужасами безначалія. Баронъ Паленъ испугался подобнаго коммунизма и потребовалъ войскъ на усмиреніе опаснаго движенія мужиковъ—обратно получить то, что̀ искони имѣли они до самаго 1819 г., т. е. до своего „освобожденія“ и обезземеленія.

Съ дороги баронъ Паленъ писалъ неоднократно своему другу и покровителю нѣмецкихъ людей въ Прибалтійскомъ краѣ, графу Бенкендорфу, и 26 августа сообщилъ, что нѣсколько крестьянъ лично ему показали, что православное духовенство продолжаетъ втайнѣ принимать ихъ и уговаривать на перемѣну вѣру, а самъ Иринархъ будто бы сказалъ имъ, чтобы впредь они обращались къ преосвященному псковскому, а не приходили болѣе въ Ригу. Какъ бы то ни было, но баронъ Паленъ, объѣхавъ губернію, собственными глазами увидѣлъ бытъ крестьянъ и поколебался въ своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ. Съ этого времени, въ его офиціальныхъ донесеніяхъ, писанныхъ не зря, а съ оглядкою, начинаетъ проглядывать мнѣніе, уже непріятное всѣмъ его окружавшимъ и гг. дворянамъ,—именно мнѣніе, что неудовлетворительность хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ составляетъ одну изъ причинъ волненій, чего онъ прежде отнюдь не признавалъ, хотя графъ Строгановъ указывалъ ему на эту причину еще въ іюнѣ 1841 года. Баронъ Паленъ возвратился въ Ригу 30 августа, а между тѣмъ въ его отсутствіе были получены изъ Петербурга такого рода бумаги, которыя еще болѣе подвинули къ осуществленію задуманную программу, по которой *православные сами должны были подавить и уничтожить крестьянскія движенія къ православію.*

Баронъ Паленъ всѣ свои донесенія о лифляндскихъ дѣлахъ одновременно представлялъ и министру внутреннихъ дѣлъ, и шефу жандармовъ. Преосвященный Иринархъ свои донесенія отсылалъ архіепископу псковскому и синодальному оберъ-прокурору. Графъ Строгановъ изъ донесеній барона Палена сообщалъ оберъ-прокурору все, что̀ касалось до православной церкви, и входилъ съ нимъ по этого рода дѣламъ въ предварительныя соглашенія. Графъ Бенкендорфъ, получая донесенія барона Палена, распоряжался и дѣйствовалъ по нимъ совершенно независимо отъ министра и оберъ-прокурора, и направлялъ дѣла по своему. Такимъ

Digitized by Google

образомъ случалось, что по одному и тому же дѣлу графы Строгановъ, Протасовъ и Бенкендорфъ входили со всеподданнѣйшими докладами независимо одинъ отъ другаго и не согласовались между собой; отсюда происходили и разнорѣчія, и несообразности, и отсутствіе всякаго единства въ распоряженіяхъ, тѣмъ болѣе, что и взгляды названныхъ лицъ на дѣятельность преосвященнаго Иринарха и на крестьянскія стремленія къ православію были далеко не одинаковы.

Графъ Строгановъ первоначально смотрѣлъ на вопросъ о православіи глазами барона Палена. Онъ никакъ не допускалъ, чтобы среди крестьянства могла зародиться мысль о выселеніи и перемѣнѣ вѣры безъ подстрекательствъ и наговоровъ злоумышленниковъ. Баронъ Паленъ доносилъ, что всему виною преосвященный Иринархъ и православное духовенство, что именно они сманиваютъ крестьянъ перемѣнить вѣру надеждою на выселеніе, на земельный надѣлъ и на разныя фантастическія блага. Графъ Строгановъ, вообще плохо знавшій суть лифляндскаго дѣла, раздѣлялъ подобное мнѣніе и только впослѣдствіи убѣдился, что донесенія барона Палена были крайне односторонни и потому не заслуживали никакого довѣрія.

Графъ Протасовъ былъ дальновиднѣе Строганова и очень хорошо понималъ, что объяснять крестьянскія стремленія агитаціею со стороны православнаго духовенства болѣе чѣмъ странно; ему лучше, чѣмъ кому либо, было извѣстно, что православное духовенство никакихъ связей и отношеній къ крестьянству не имѣло, ни къ какой политической пропагандѣ даже и неспособно, и, тѣмъ не менѣе, онъ не становился прямо и открыто на защиту дѣйствій преосвященнаго Иринарха, — быть можетъ, потому, что защита безъ надлежащей поддержки ровно ни къ чему не повела бы, а гдѣ и въ комъ можно было найти поддержку, когда взглядъ самого императора на лифляндское крестьянское движеніе не опредѣлился, когда самъ онъ колебался: вѣрить ли ему донесеніямъ барона Палена, какъ несомнѣнно справедливымъ, или же считать ихъ крайне односторонними и потому не соотвѣтствующими истинѣ?

Графъ Бенкендорфъ своими способностями отнюдь не превосходилъ ни графа Строганова, ни графа Протасова, но превосходилъ ихъ уже тѣмъ однимъ, что отлично понималъ значеніе лифляндскаго крестьянскаго движенія къ православію, хорошо предвидѣлъ, что, перейди лифляндское простонародье въ православіе— и вся нѣмечина въ Прибалтійскомъ краѣ погибла бы невозвратно. Графъ Бенкендорфъ, по происхожденію, по вѣрѣ, по преданіямъ и убѣжденіямъ, былъ не русскій; всѣ его симпатіи клонились на сторону ливонскихъ колонистовъ. Онъ не хуже всякаго лифляндскаго дворянина зналъ, что перемѣна вѣры въ крестьянствѣ была опаснѣе и хуже всякой новой реформы, ибо реформа никакъ не ускользнула бы отъ мѣстнаго дворянства, которое и повело бы ее по своему; но прими крестьянство православіе,—что̀ стало бы дѣлать тогда дворянство съ приходами и школами? Устройство тѣхъ и другихъ пришлось бы взять на себя правительству, ко-

Digitized by Google

торое не могло бы уже потерпѣть иновѣрнаго господства надъ массами своихъ единовѣрцевъ. Конецъ исключительности, конецъ отчужденію края отъ Россіи, конецъ господству колонистовъ — вотъ что̀ виднѣлось изъ-за перемѣны вѣры „простонародьемъ!“ Графъ Бенкендорфъ все это видѣлъ и зналъ; устранить все это сдѣлалось его задачею, и онъ, дѣйствительно, въ то самое время, когда въ Петербургѣ господствовали колебанія въ мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ на лифляндскія крестьянскія движенія,—одинъ стоялъ твердо и непоколебимо во главѣ политической партіи, правда, враждебной всему русско-православному міру, но крѣпкой своимъ единствомъ. Ревностно служа своимъ землякамъ, онъ опирался на нихъ; они наставляли и направляли его, причемъ и онъ указывалъ имъ многое и еще болѣе дѣлалъ, пользуясь почти безграничнымъ довѣріемъ къ себѣ государя. Какъ неоспоримо умный человѣкъ, онъ отлично сознавалъ всю лживость доносовъ, сочиненныхъ проходимцами въ родѣ Спасскаго, всю несостоятельность крестьянскихъ показаній, отбираемыхъ въ лифляндскомъ губернскомъ правленіи, всю неточность донесеній барона Палена о преосвященномъ Иринархѣ; но все это прекрасно служило его цѣли: сбивало съ толку многихъ, вносило колебаніе туда, гдѣ не слѣдовало бы быть колебаніямъ. Какъ бы то ни было, но всеподданнѣйшіе доклады по дѣламъ православія въ Лифляндіи шли съ трехъ сторонъ, и въ то время, когда графы Строгановъ и Протасовъ колебались въ нерѣшительности, графъ Бенкендорфъ прямо и открыто заявилъ, что вопросъ о стремленіи къ православію лифляндскихъ крестьянъ есть не духовное, а чисто гражданское дѣло, и дѣйствовалъ сообразно съ этимъ взглядомъ.

Во всѣхъ своихъ донесеніяхъ, посланныхъ въ Петербургъ въ іюлѣ и августѣ 1841 г., баронъ Паленъ настойчиво требовалъ, чтобы рижскій епископъ рѣшительно не принималъ къ себѣ латышей, еслибы они даже приходили съ просьбами о присоединеніи ихъ къ православію. Обвиненія за обвиненіями такъ и сыпались на преосвященнаго Иринарха, но въ Петербургѣ, однако же, ни въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, ни у оберъ-прокурора какъ-то не находили времени провѣрить эти обвиненія, обслѣдовать безпристрастно дѣйствія епископа, вывести на свѣжую воду беззаконія и беззаконниковъ, узнать опредѣлительно: насколько, наконецъ, правъ баронъ Паленъ, обвинявшій и преосвященнаго, и православное духовенство въ преступной агитаціи и обманѣ темнаго люда? Графъ Протасовъ, послѣ долгихъ колебаній, видя, что отъ безпрерывныхъ повтореній голословное обвиненіе можетъ быть принято за нѣчто очевидное и доказанное, рѣшился, въ половинѣ августа 1841 г., войти со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ, для прекращенія пререканій между рижскимъ епископомъ и генералъ-губернаторомъ, просилъ высочайшаго разрѣшенія: 1) сообщить преосвященному Иринарху отъ имени государя императора, чтобы отъ крестьянъ вовсе не было принимаемо *никакихъ* прошеній, хотя бы въ оныхъ заключалось одно желаніе принять православіе, впредь до полученія

Digitized by Google

по сему предмету особаго высочайшаго разрѣшенія; 2) предоставить барону Палену сообщить епископу рижскому доказательства, которыя онъ имѣетъ къ обвиненію духовенства, въ томъ числѣ и доносъ Спасскаго съ приложеніемъ, а епископу поручить произвести по таковымъ доказательствамъ строжайшее изслѣдованіе: 3) внушить обоимъ, что въ дѣлѣ столь важномъ взаимныя ихъ пререканія неумѣстны, и что, для устраненія всякаго недоразумѣнія, они должны войти въ личныя другъ съ другомъ сношенія.

Государь императоръ утвердилъ эти предположенія съ тѣмъ, „чтобы исполненіе по 1-му пункту сдѣлано было посредствомъ святѣйшаго синода, со строгимъ внушеніемъ епископу Иринарху о неправильности и неблагоразуміи его дѣйствій“ (никѣмъ, однако же, не изслѣдованныхъ и размалеванныхъ лишь въ донесеніяхъ барона Палена, несостоятельность которыхъ могла бы обнаружиться тотчасъ, еслибы содержаніе ихъ было предъявлено обвиняемому для оправданія).

Святѣйшій синодъ, отъ 18 августа 1841 г., составилъ слѣдующее постановленіе, отправленное въ Ригу по эстафетѣ: „Во исполненіе высочайшаго повелѣнія, слушали предложеніе г. оберъ-прокурора съ объявленіемъ высочайшаго повелѣнія о неправильныхъ дѣйствіяхъ преосвященнаго епископа рижскаго Иринарха въ присоединеніи помѣщичьихъ крестьянъ къ православію и объ удержаніи его отъ сихъ поступковъ. Приказали: усматривая съ крайнимъ прискорбіемъ, что епископъ Иринархъ, обязанный званіемъ своимъ поселять въ народѣ тишину и безусловное повиновеніе властямъ, противными тому дѣйствіями и принятіемъ отъ крестьянъ просьбъ, основанныхъ на своекорыстіи, подалъ поводъ имъ къ нарушенію должнаго порядка, а гражданскому начальству—къ жалобамъ на него, и тѣмъ навлекъ на себя высочайшее неудовольствіе государя императора, святѣйшій синодъ опредѣляетъ: 1) за таковыя неправильныя дѣйствія объявить ему, епископу, *строгій выговоръ* съ подтвержденіемъ, чтобы впредь, въ точное исполненіе высочайшей воли, какъ самъ онъ не принималъ участія въ дѣлахъ означенныхъ крестьянъ, такъ и подчиненное ему духовенство не допускалъ бы къ тому подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности по законамъ. Равнымъ образомъ, ни самъ, ни подчиненные его не принимали бы отъ тѣхъ крестьянъ никакихъ просьбъ, хотя бы просьбы таковыя заключали въ себѣ и одно безусловное желаніе принять православіе, пока дѣло сіе не получитъ особаго разрѣшенія“.

Не трудно видѣть всю неосновательность, даже несообразность этого постановленія. Во-первыхъ, въ немъ говорится, что святѣйшій синодъ слушалъ предложеніе о неправильныхъ дѣйствіяхъ преосвященнаго въ присоединеніи крестьянъ къ православію. Никакихъ присоединеній епископъ не совершалъ, даже не приступалъ къ нимъ, а принималъ только просьбы о желаніи присоединиться, слѣдовательно, о неправильныхъ дѣйствіяхъ по этому предмету не могло быть и рѣчи. Далѣе сказано что синодъ усмотрѣлъ, будто епископъ подалъ поводъ къ нару-, шенію должнаго порядка. Ничего такого синодъ не могъ усмот-

Digitized by Google

рѣть, потому что не имѣлъ въ рукахъ ни единаго донесенія барона Палена, ни доноса Спасскаго (эти документы сообщены синоду гораздо позднѣе); не могъ также ничего сказать и о нарушеніяхъ порядка, ибо нигдѣ тишина и порядокъ въ Лифляндіи нарушаемы не были. Далѣе синодъ подтверждаетъ, чтобы, во исполненіе высочайшей воли, епископъ впредь не принималъ участія и пр. Это написано совершенно наобумъ: высочайшей воли объявляемо не было. Государь воспретилъ принимать *не просьбы вообще*, а лишь такія просьбы, въ которыхъ упоминалось о переселеніи или объ улучшеніи быта; епископъ, со дня полученія такого повелѣнія, ни одной подобной просьбы не принималъ, слѣдовательно, и высочайшей воли не нарушилъ; поэтому не слѣдовало бы синоду и упоминать о нарушеніи. Теперь спрашивается, за что же именно синодъ объявилъ строгій выговоръ епископу, когда его вина была неизвѣстна, не изслѣдована, когда епископа не спросили даже: былъ ли присоединенъ хотя бы одинъ человѣкъ?

Въ концѣ концовъ, 18 августа 1841 г., двери православной церкви—руками ея служителей—были захлопнуты предъ людьми, искавшими единенія съ нею. Этого позора только и хотѣли графъ Бенкендорфъ, баронъ Паленъ и вся нѣмечина въ краѣ; добившись его, они имѣли право торжествовать полную побѣду и осуществленіе первой части своей программы.

Въ то самое время, когда въ синодѣ подписывали постановленіе 18 августа 1841 г., графъ Строгановъ, нимало не изслѣдовавъ, насколько были справедливы донесенія барона Палена, вошелъ также съ высочайшимъ докладомъ о воспрещеніи епископу принимать просьбы о присоединеніи, на каковой докладъ государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ—подтвердить преосвященному Иринарху, чтобы онъ отнюдь не смѣлъ вмѣшиваться „въ дѣла, до него не касающіяся“. Въ это же самое время графъ Бенкендорфъ испросилъ и для себя высочайшее повелѣніе выслать изъ Риги въ Петербургъ для допросовъ священника Погонялова и архіерейскаго келейника Анненкова, обвинявшихся, по доносу проходимца Спасскаго, въ составленіи просьбъ для крестьянъ. Графъ Протасовъ сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ этихъ лицъ въ Петербургъ, причемъ убѣдительно просилъ преосвященнаго „не имѣть никакихъ сношеній съ крестьянами, приходившими въ Ригу, поелику, какъ ваше преосвященство сами можете убѣдиться, никакое участіе православнаго духовенства въ семъ дѣлѣ не должно имѣть мѣста“.

И это писалъ никогда не отрекавшійся отъ православія синодальный оберъ-прокуроръ къ православному архіерею, рекомендуя ему отреченіе отъ его первѣйшей обязанности...

Е. Чешихинъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

Надеждѣ.

Въ дни юности,—дни радостей былыхъ,—
Средь чудныхъ грёзъ, восторговъ молодыхъ,
Она ко мнѣ съ улыбкою слетала;
О счастьѣ и любви мнѣ лепетала;
Сіялъ дворцомъ мой скромный уголокъ,
И не былъ я угрюмъ и одинокъ!
На сердцѣ таялъ ледъ, весь божій міръ былъ мой,
Друзья не разставалися со мной...
Теперь не то... Давно жду фею я:
Хоть и извѣрился въ пустыя обѣщанья,
Но все прошу я кроткаго лобзанья,—
Увы, надежда бросила меня!
Забытъ мой уголокъ, одѣлись въ трауръ грёзы,
И льются, и кипятъ, и душатъ злыя слезы...
Товарищей счастливыхъ юныхъ лѣтъ
Давно въ глуши затерянъ слѣдъ!
Приди-жъ опять, волшебница, скорѣй,—
Дай вѣру въ жизнь, отъ горькихъ мукъ спаси,
Былыя радости и грёзы воскреси—
И въ сердце свѣтлый лучъ пролей!

В. О.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОБЗОРЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Юбилей „Русскаго Архива“.—Неживучесть нашихъ журналовъ.—Что такое сырой матеріалъ?—Записки Муравьева-Карскаго.—Русскій солдатъ въ Германіи.—Посольство въ Персіи.—Черногорія въ концѣ прошлаго вѣка и теперь.—Степанъ-Малый.—Титулованный ханжа и его благочестивый воспѣватель.—Фаворитъ Ланской и его докторъ.—Авраамій Палицынъ.—Кто былъ Лжедмитрій?—Письма Екатерины II къ Салтыкову.—Валеріанъ Зубовъ.—Поэтъ-слѣпецъ.—Авторъ „Ночнаго“.—Полковникъ Бокъ.—Благія начинанія, искажаемыя исполнителями ихъ.—Сенаторская откровенность.—Англійскій журналистъ, наказанный за оскорбленіе Россіи.—Симбирскій волшебникъ.—Писарь въ роли капитана.—Воспоминанія декабриста.—Мелкія статьи „Русскаго Архива“.—Драмы Улыбышева и Хомякова.—„Кіевская Старина“ и ея замѣчательныя статьи.—Записки новгородскаго подсудка и новооскольскаго дворянина.—Кармелюкъ.—Чайковскій.—Русскія повѣсти Шевченки.—Послѣдній крымскій ханъ.—Сковорода.—Извѣстія и замѣтки „Кіевской Старины.“—Необходимость мѣстныхъ историческихъ органовъ.—Послѣдняя книга „Сборника историческаго общества“.

Въ нашемъ отчетѣ о дѣятельности историческихъ журналовъ мы остановились на старѣйшемъ изъ нихъ—„Русскомъ Архивѣ“. Въ будущемъ году онъ можетъ праздновать двадцатипятилѣтній юбилей своего существованія. Ни одинъ изъ нашихъ періодическихъ органовъ не достигалъ такой почтенной старости (извѣстно, что въ журнальной войнѣ съ „независящими обстоятельствами“, какъ въ севастопольской, принято считать мѣсяцъ за годъ). Только однѣ „Отечественныя Записки“ въ нынѣшнемъ году докончили бы полувѣковой періодъ своего служенія русской литературѣ, въ исторіи которой онѣ занимаютъ такое видное мѣсто. Но объ „Отечественныхъ Запискахъ“ даже не вспоминаетъ воспитанное на нихъ нынѣшнее литературное поколѣніе, слишкомъ скоро забывающее свое недавнее прошлое... Обратимся, поэтому, къ древней исторіи, представителемъ которой является „Русскій Архивъ“. Журналъ почтеннаго П. И. Бартенева упрекали не разъ въ томъ, что онъ даетъ сырой матеріалъ. Это выраженіе довольно эластично. Всякое произведеніе не нашего времени, такъ или иначе характеризующее свою эпоху, можетъ быть причислено къ сырымъ матеріаламъ, если оно не сопровождается коментаріями.

Digitized by Google

нашего времени. Но всегда ли возможны и даже умѣстны подобные комментаріи? Должны ли они ограничиваться только фактическимъ опроверженіемъ невѣрностей, встрѣчающихся въ документѣ, или, возражая на мнѣнія и взгляды бывшаго дѣятеля, пояснять ихъ съ нашей точки зрѣнія? Но гдѣ критерій этихъ поправокъ и поясненій? Не выскажется ли въ нихъ субъективность современнаго автора или редактора, несогласная со взглядами другихъ современныхъ ему коментаторовъ, и которую, въ свою очередь, придется коментировать слѣдующему поколѣнію? Въ „Русскомъ Архивѣ“ печатаются уже второй годъ „Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго“, не сопровождаемыя никакими редакторскими поясненіями. Неужели поэтому можно причислить „записки“ къ разряду сыраго матеріала? Несомнѣнно, во взглядахъ этого историческаго дѣятеля многое не сходится съ современными воззрѣніями. Предстоитъ ли, поэтому, необходимость коментировать или поправлять мнѣнія самобытнаго человѣка о людяхъ и событіяхъ его времени? Не лучше ли рисуются эти люди и событія въ сыромъ видѣ, нежели въ обработкѣ новѣйшихъ коментаторовъ? И какую любопытную эпоху нашей и всемірной исторіи изображаютъ эти „записки отъ 1813 до 1817 года“! Тутъ и Лейпцигское сраженіе, и Кульмъ, и Дрезденъ, Фер-Шампенуазъ и взятіе Парижа, обратный походъ русской арміи въ отечество, путешествіе въ Персію въ посольствѣ Ермолова, жизнь въ Тифлисѣ. И, вмѣстѣ съ такими событіями, характеристики такихъ лицъ, какъ цесаревичъ Константинъ, Ермоловъ, Мордвиновъ, Эристовъ, Вельяминовъ, Орбеліани и др. Многіе изъ нихъ представлены авторомъ не въ томъ свѣтѣ, какъ смотритъ на нихъ современная исторія, но развѣ не любопытна и точка зрѣнія на нихъ такого человѣка, какъ Муравьевъ? А какія интересныя черты той эпохи разсѣяны въ замѣткахъ, часто мимолетныхъ, отражающихъ въ себѣ настроеніе данной минуты, вліяніе мнѣній, господствовавшихъ въ нашемъ обществѣ три четверти столѣтія тому назадъ! Въ „запискахъ“ преобладаетъ фактическая сторона; отступленій и разсужденій у автора почти вовсе не встрѣчается; онъ передаетъ только событія, между которыми даже самыя мелкія все таки характеристичны. Такъ, передъ сраженіемъ подъ Дрезденомъ, авторъ, отправленный на рекогносцировку, нашелъ замокъ Отендорфъ, ограбленный русскими гвардейскими солдатами. Муравьевъ приказалъ возвратить награбленное, но одинъ измайловскій солдатъ не повиновался своему офицеру, который долженъ былъ его ударить, велѣлъ связать, посадить подъ арестъ и угрожалъ разстрѣляніемъ за грабежъ и неповиновеніе... „ Ваше благородіе, сказалъ солдатъ:—отпустите меня, пускай лучше французская пуля мнѣ въ лобъ попадетъ, чѣмъ русская“. И Муравьевъ освободилъ его. Австрійцы, впрочемъ, грабили жителей гораздо безпощаднѣе, и еще такихъ же нѣмцевъ; дисциплина въ ихъ войскѣ была очень слаба; прусаки любили фанфаронить, но дрались хорошо. Король вюртембергскій, „исключенный въ

Digitized by Google

1786 году изъ русской службы за злоупотребленія и обильно пользовавшійся всякими благами въ Россіи, когда еще не былъ королемъ", не хотѣлъ, чтобы русскія войска стали на квартиры въ первомъ пограничномъ городѣ его королевства, и даже велѣлъ силою не пускать ихъ въ Гейльбронъ, но Константинъ Павловичъ не обратилъ вниманія на его угрозы и занялъ городъ. Съ 1816 года, записки Муравьева принимаютъ видъ дневника и, какъ замѣчаетъ редакторъ „Русскаго Архива", утрачивая въ связности изложенія, выигрываютъ въ живости разсказа. Персію Муравьевъ называетъ „проклятой страною", и дѣйствительно, послѣ разсказовъ о томъ, что тамъ дѣлается, остается только удивляться, какъ народъ выноситъ такое правительство и такую администрацію. Иностранцы, пріѣзжающіе служить въ Персію, не лучше туземныхъ чиновниковъ, палыхъ грабителей, и одного изъ такихъ негодяевъ, француза Маршера, довѣренное лицо Аббаса-Мирзы, Муравьевъ приказалъ отодрать нагайками. „Записки" еще далеко не кончены и чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ, конечно, будутъ занимательнѣе.

Въ числѣ другихъ важныхъ документовъ „Русскаго Архива", помѣщена „Журнальная записка происшествіямъ во время экспедиціи князя Ю. В. Долгорукова въ Черную Гору 1769 года". Дневникъ этотъ составленъ неизвѣстнымъ авторомъ, очевидно, по указаніямъ самого князя. Г. Бартеневъ приписываетъ записку нѣмцу Розенбергу, майору русской службы, потому что составитель дневника „не подмѣтилъ ни одной свѣтлой черты въ даровитомъ и героическомъ племени, мужественно обороняющемъ себя отъ нападенія ислама и обольщеній Европы". Въ запискѣ на первомъ планѣ—личность Степана-Малаго, этого самозванца, сдѣлавшагося полновластнымъ властителемъ Черногоріи и обновителемъ ея внутренняго быта, отразившаго огромныя полчища турокъ и венеціанъ. Справедливый, умный правитель, храбрый воинъ, опытный врачъ и инженеръ, онъ продолжалъ мудро править страной и послѣ того, какъ потерялъ зрѣніе отъ взрыва скалы; но, смѣло отражая враговъ, онъ палъ жертвою турецкихъ и греческихъ козней. Скутарскій паша нашелъ грека, который втерся въ довѣренность Степана и убилъ его въ 1771 году. Личность этого черногорскаго героя еще недостаточно выяснена исторіей. Съ его управленія Черногорія значительно измѣнилась, но объ ея настоящемъ положеніи говорится, впрочемъ, весьма коротко и поверхностно, въ донесеніи флигель-адъютанта И. Н. Толстаго о поѣздкѣ его въ 1871 году въ Черногорію, куда онъ былъ посланъ, чтобы замѣнить императора Александра II при крещеніи сына князя Николая Черногорскаго.

Записки покойнаго Ю. Н. Бартенева состоятъ изъ разсказовъ князя Ал. Ник. Голицына о людяхъ и событіяхъ его времени. Въ разсказахъ тихъ много любопытныхъ подробностей; къ сожалѣнію, они написаны слишкомъ вычурнымъ языкомъ. Такъ, упоминая о 14-мъ декабря, г. Бартеневъ

Digitized by Google

разсказываетъ, какъ одного несчастнаго декабриста „при допросѣ продержали цѣлыя сутки не ѣвши. Князь, и самъ въ то время обѣдавшій въ камерѣ присутствія, остатки своего стола снесъ къ преступнику и, лично подавая ему яству съ ласковымъ словомъ, озолотилъ или оцвѣтилъ блѣдное небо страданія. Преступникъ принялъ яству, сквозь слезы благодарилъ князя, а ангелъ-хранитель преступника записалъ эту черту въ дневной рапортъ свой къ Вѣчному". Отъ такого напыщеннаго фразерства гуманный поступокъ князя теряетъ половину своего значенія. Можно было сколько угодно восторгаться княземъ Голицынымъ и его благочестіемъ, но къ чему же благоудивлять такими... фразами? Въ „запискахъ" встрѣчаются, впрочемъ, интересныя характеристики княгини Чарторыйской, Новосильцева, баронессы Криднеръ, Лабзина, императора Александра I. Понятно, что о Сперанскомъ Голицынъ отзывался непріязненно и называетъ его прямо „вѣроотступникомъ".

Много любопытныхъ подробностей и въ запискахъ доктора Вейкарта, приглашеннаго въ 1784 году гофъ-медикомъ въ Петербургъ, гдѣ его братъ уже занималъ такую же должность. Записки эти вышли еще въ 1802 году на нѣмецкомъ языкѣ, и бо́льшая часть ихъ посвящена Россіи, гдѣ авторъ прожилъ пять лѣтъ. Въ „Русскомъ Архивѣ" онѣ помѣщены въ извлеченіи. Вейкартъ лѣчилъ Ланскаго, и печальный исходъ болѣзни этого фаворита заставилъ доктора покинуть Россію. Жолчный и раздражительный, онъ не уживался ни съ кѣмъ и нигдѣ, и обо всѣхъ выражается весьма неблагосклонно, особенно о русскомъ духовенствѣ и о женщинахъ. Вейкарта рекомендовалъ и представилъ императрицѣ графъ А. П. Шуваловъ. и этого же вельможу вмѣстѣ со всѣми придворными осмѣиваетъ пришлый нѣмецъ. Приведенные въ журналѣ отрывки относятся къ болѣзни и лѣченію Ланскаго; при этомъ упоминается еще о невѣжествѣ и незнаніи докторовъ и о планахъ основанія хирургическаго института. Вейкартъ прямо обвиняетъ русскихъ докторовъ въ томъ, что они запустили болѣзнь Ланскаго и не умѣли лѣчить ее. „Только послѣ смерти Ланскаго, прибавляетъ онъ, узналъ я, что его докторъ старался сдѣлать его геркулесомъ, при помощи кантаридъ". Составитель извлеченія изъ записокъ Вейкарта прибавляетъ въ концѣ своей статьи характеристику Ланскаго, слишкомъ четыре года пользовавшагося первенствующимъ значеніемъ при дворѣ, и приводитъ отзывъ о немъ Екатерины II изъ ея писемъ къ Гримму.

Изъ большихъ статей историческаго содержанія въ „Русскомъ Архивѣ" замѣчательны: „Авраамій Палицынъ, какъ писатель", новое изслѣдованіе С. И. Кедрова, подробно разбирающаго „Сказаніе" келаря, этотъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія смутнаго времени;—„Правда о Лжедимитріѣ", статья Н. М. Павлова съ возраженіями Костомарова и отвѣтами ему. Статья эта уже была напечатана въ 1864 году въ газетѣ Ак-

Digitized by Google

сакова „День“, но „по тогдашнимъ обстоятельствамъ была нѣсколько переиначена“ и теперь является въ ея первоначальномъ видѣ. Въ концѣ статьи помѣщена полемика Павлова съ Костомаровымъ, возражавшимъ автору въ газетѣ „Голосъ“ на его предположеніе, что Отрепьевъ бѣжалъ изъ Москвы съ намѣреніемъ, внушеннымъ ему врагами Бориса Годунова—назваться Дмитріемъ, но что недовольные имъ іезуиты отправили противъ Москвы другаго самозванца, который и взошелъ на престолъ. Соловьевъ говоритъ прямо, что самозванецъ не былъ сознательнымъ обманщикомъ,—и съ этимъ согласны Костомаровъ и Павловъ, также какъ и съ тѣмъ, что царившій въ Москвѣ—не былъ Отрепьевъ. Но Костомаровъ допускалъ возможность, что это могъ быть настоящій Дмитрій, а Павловъ этого не допускаетъ.—„Отзывъ патріарха Никона объ уложеніи царя Алексѣя Михайловича“,—посмертная статья В. М. Ундольскаго, признающаго за Никономъ не только необыкновенныя способности, но даже геній.

„Русскій Архивъ“ очень богатъ письмами историческихъ лицъ. Особенно важное значеніе имѣютъ 180 писемъ Екатерины II къ побѣдителю Фридриха II, графу П. С. Салтыкову. Императрица сама дорожила ими и, по смерти графа, поручила его преемнику собрать эти письма, и хотя оставить ихъ въ его семействѣ, но съ тѣмъ, чтобы они не попались никому въ руки, такъ какъ „я иногда очень откровенно ему писывала“. Теперь эти письма, сообщенныя потомкомъ графа, Мятлевымъ, являются въ печати. Генералъ-фельдмаршалъ Салтыковъ, нанесшій Фридриху такое пораженіе при Кунерсдорфѣ, что прусскій король хотѣлъ даже покончить съ собою самоубійствомъ, былъ человѣкъ хоть мало грамотный, но умный и добродушный. Когда Екатерина спросила его однажды, какъ это ему посчастливилось разбить Фридриха Великаго, Салтыковъ отвѣчалъ:—„И, матушка! развѣ это я? Это наши солдатики!“ На второй годъ своего царствованія, она назначила его московскимъ генералъ-губернаторомъ, и въ теченіе десяти лѣтъ посылала ему большею частью собственноручныя предписанія и распоряженія. Во многихъ изъ этихъ писемъ видны умъ и гуманность императрицы. Салтыковъ сообщаетъ, что въ воеводской канцеляріи пьяный купецъ выругалъ поручика, смотрѣвшаго за порядкомъ, прибавивъ: „да и кто тебя, дурака, въ офицеры пожаловалъ—на томъ бы пятьдесятъ рублевъ доправить“. За эти дерзкія слова генералъ-губернаторъ опредѣлилъ купца, просидѣвшаго два мѣсяца подъ карауломъ, посадить еще на недѣлю въ тюрьму—на хлѣбъ и воду—и доложилъ о томъ государынѣ. Она отвѣчала: „спасибо графу Петру Семеновичу, что онъ какъ мало возможно счетъ. Изволь и впредь такъ поступать“. Далѣе слѣдовала еще приписка по французски: „читая это, умирала отъ страха, что вы прикажете бить кнутомъ этого бѣдняка, а по правдѣ вся его вина въ томъ только состоитъ, что онъ разсердился въ пьяномъ видѣ и, можетъ быть, былъ правъ въ своемъ гнѣвѣ. Но какъ не слѣдуетъ

Digitized by Google

наносить оскорбленія офицеру—этотъ человѣкъ уже достаточно наказанъ". До чего доходили заботы Екатерины о народѣ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ строкъ ея письма: „въ прошломъ году, въ бытность мою въ Москвѣ, замѣтивъ въ продажѣ много дынь отвратительнаго вкуса, я приказала оберъ-полицмейстеру выписать лучшихъ дынныхъ сѣмянъ изъ Астрахани, Оренбурга и Новой Россіи и раздавать ихъ даромъ. Онъ увѣрялъ меня, что въ точности исполнитъ мое порученіе и сѣмена разбирались съ большою охотою. Мнѣ любопытно знать, лучше ли стали теперь продаваться въ Москвѣ дыни?" Не разъ ей случалось предписывать Салтыкову укрощать звѣрскіе поступки помѣщиковъ, въ родѣ Теплова, надъ своими крестьянами. Немало хлопотъ ей было и съ разными разгулявшимися князьками и съ лицами, подозрѣваемыми въ заговорахъ. Когда прусскій принцъ Генрихъ собрался посѣтить Москву, Екатерина просила Салтыкова позаботиться о томъ, чтобы принца вездѣ принимали вѣжливо. „Внимательность и вѣжливость никогда никому не вредили, пишетъ императрица: ими не столько воздаешь почетъ другимъ, какъ внушаешь о себѣ самомъ доброе мнѣніе. Я бы желала, чтобы этотъ принцъ, возвратившись домой, сказалъ: русскіе также вѣжливы, какъ побѣдоносны". Письма оканчиваются увольненіемъ Салтыкова отъ должности, въ 1771 году, когда, при появленіи чумы въ Москвѣ, онъ оставилъ городъ, не получивъ на это разрѣшенія. Впрочемъ, стараго фельдмаршала напрасно обвиняли въ бѣдствіяхъ, постигнувшихъ Москву: полицейскія средства, находившіяся въ его распоряженіи, были слишкомъ ничтожны —Въ дополненіи къ этимъ письмамъ помѣщено еще нѣсколько рескриптовъ и краткихъ набросковъ. По одному изъ нихъ видно, что императрица пыталась переводить Иліаду. Изъ другихъ писемъ Екатерины II любопытны писанныя ею къ Валеріану Зубову. Она относилась къ нему чрезвычайно сочувственно, а г. Бартеневъ говоритъ объ немъ: „проживи Екатерина долѣе—молодому герою предстояла дѣятельность всемірно-историческая, такъ какъ персидскій походъ былъ разсчитанъ на овладѣніе Константинополемъ со стороны Малой Азіи и на установленіе прямой торговли съ Индіей. Мелкодушіе двухъ слѣдующихъ царствованій позволило увлечь себя гибельнымъ вмѣшательствомъ въ западно-европейскія дѣла". Послѣдняя фраза очень странна. Неужели мы должны отказаться отъ участія въ дѣлахъ Европы? Вѣдь на нихъ стремилась вліять и не „мелкодушная" Екатерина.

Множествомъ писемъ извѣстныхъ лицъ наполнены послѣднія страницы каждой книжки „Русскаго Архива". Такъ, помѣщены письма къ Козлову, напоминающія забывчивымъ современникамъ о симпатичномъ слѣпцѣ-поэтѣ. Писаны они Жуковскимъ, Вяземскимъ, Гнѣдичемъ, Баратынскимъ, Загоскинымъ, Мятлевымъ и др., старавшимися своимъ вниманіемъ и привѣтомъ облегчить тяжелое положеніе писателя, ослѣпшаго на 43-мъ году и прожившаго еще 40 лѣтъ. Особенно замѣчательнаго въ этихъ письмахъ нѣтъ, но любопытны собран-

Digitized by Google

ныя г. Хомутовымъ стихотворныя посланія разныхъ лицъ къ Козлову, его отвѣты имъ и итальянскіе и англійскіе стихи. Юродствующій А. Н. Голицынъ прислалъ поэту даже четверостишіе митрополита Филарета, очень плохое. Болѣе интересны письма къ А. Н. Попову, умершему въ 1877 году, — Стаховича, этого оригинальнаго народника, который, по словамъ П. И. Бартенева, „отъ лжи дворянскаго быта хотѣлъ спастись въ быту мужицкомъ", но тамъ нашелъ смерть: его убили—неизвѣстно кто—39-ти лѣтъ. Онъ оставилъ нѣсколько теплыхъ стихотвореній и пьесу „Ночное", до сихъ поръ не сходящую со сцены. Не менѣе интересны письма къ Попову А. И. Кошелева, И. Д. Бѣляева, В. М. Ундольскаго и А. П. Елагиной. Письмо Александра I къ рижскому генералъ-губернатору, маркизу Паулуччи, о заключеніи въ шлиссельбургскую крѣпость отставнаго полковника Тимофея Бока, не разъясняетъ причины этой кары, такъ какъ при письмѣ не приложено бумаги, поданной Бокомъ государю и которую Александръ I называетъ „смѣсью лжи, несообразностей, противорѣчій и, больше всего, дерзостей..."—„Очень можетъ быть, прибавляетъ императоръ, что изъ-за него дѣйствуютъ другіе, которые его настроили и довели до преступленія. Онъ ссылается на графа Палена, а этотъ испорченный человѣкъ на все способенъ". О Бокѣ мы знаемъ только, что онъ былъ человѣкъ образованный, храбро дрался въ войнахъ 1805—1815 г., потомъ сватался за дочерью М. А. Нарышкиной и, когда получилъ отказъ, женился на своей крѣпостной крестьянкѣ-латышкѣ. Испрашивая у государя позволенія на этотъ бракъ, онъ въ письмѣ къ нему высказалъ, что не видитъ для себя ничего унизительнаго въ этомъ союзѣ, такъ какъ и Петръ I женился на простолюдинкѣ. Посаженный въ 1818 году въ крѣпость, онъ былъ выпущенъ только въ 1827 году. Любопытно письмо министра внутреннихъ дѣлъ графа В. П. Кочубея, 1803 года, къ черниговскому губернатору съ разъясненіемъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ. „У насъ, говоритъ П. И. Бартеневъ, обыкновенно жалуются на то, что благія начинанія верховной власти остаются безъ примѣненія по милости ближайшихъ исполнителей. Изъ писемъ Кочубея видно, что это зло вовсе не новое. Знаменитый указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ при самомъ обнародованіи утрачивалъ свое значеніе обязательнымъ для мѣстныхъ властей толкованіемъ прямаго начальника этихъ властей. Въ данномъ случаѣ графъ Кочубей могъ дѣйствовать и изъ своекорыстныхъ побужденій, будучи самъ черниговскимъ помѣщикомъ. Изъ „Архива князя Воронцова" видно, что этотъ „свободныхъ мыслей коноводъ" былъ у насъ родоначальникомъ системы такого рода канцелярскихъ обходовъ и толкованій. Въ письмѣ къ Александру I послѣ тильзитскаго мира, сенаторъ Тепловъ указываетъ на печальное положеніе Россіи того времени, всеобщее негодованіе на союзъ съ Наполеономъ, котораго только война въ Испаніи заставила на время отложить замыселъ противъ нашего отечества; податные отягощены на-

Digitized by Google

логами, дворяне, духовные, купцы, крестьяне—всѣ ропщутъ, финансы истощены, средства къ уменьшенію государственныхъ долговъ уничтожены, при умноженіи ассигнацій; государственныя потребности расхищены ненасытной алчностью грабителей, которыхъ само правительство ободряетъ. Единому терпѣнію должно приписать спокойствіе народа, чѣмъ народъ россійскій издревле отъ прочихъ отличаемъ". Положеніе это авторъ называетъ ужаснымъ—и однако Россія вышла изъ него, какъ и изъ послѣдующихъ невзгодъ и затрудненій, еще болѣе сильною и твердою.—Три письма къ Вольтеру Бецкаго, А. П. Шувалова и А. Р. Воронцова служатъ подтвержденіемъ того вліянія, какое производилъ на русскую интеллигенцію XVIII вѣка этотъ геніальный писатель.

Перечислимъ еще нѣкоторыя изъ замѣчательныхъ статей. „Дворъ и правительство въ Россіи сто лѣтъ назадъ". Подъ скромнымъ названіемъ исторической справки, Н. А. Ратынскій представилъ живую, интересную картину 1786 года. „Наказаніе англійскаго газетчика". Въ 1799 году издатель лондонской газеты „Курьеръ", Джонъ Парри, былъ приговоренъ по суду къ шестимѣсячному тюремному заключенію и штрафу въ сто фунтовъ стерлинговъ за то, что, по случаю изданія Павломъ I указа о запрещеніи вывоза изъ Россіи лѣса, досокъ и пр., сказалъ въ своей газетѣ: „русскій императоръ становится невыносимъ для своихъ подданныхъ разными тираническими дѣйствіями и смѣшенъ въ глазахъ Европы несообразностью своихъ поступковъ". Сообщая объ этомъ, редакторъ „Русскаго Архива" напоминаетъ, что Наполеонъ, въ дипломатической депешѣ 1804 г. къ нашему двору, открыто приписываетъ англичанамъ кончину Павла I. „Полякъ-конфедератъ въ Сибири",—извлеченіе изъ записокъ польскаго офицера, взятаго въ плѣнъ въ Краковѣ,—сдавшемся на капитуляцію въ 1768 году,—и отправленнаго въ Сибирь вмѣстѣ съ другими товарищами. Оттуда конфедератъ бѣжалъ въ 1776 году, и въ 1790 г. издалъ свои записки, въ которыхъ разсказываетъ, какъ бѣдствовали поляки въ холодной и суровой странѣ.—„Симбирскій волшебникъ Яровъ"—исторія одного бѣдняка, посадскаго человѣка, котораго жена обвинила въ колдовствѣ, въ томъ, что онъ „по ночамъ читаетъ еретическія книги, стираетъ какія-то травы и пересыпаетъ сѣмена". За это Ярова пытали, потомъ, по указу губернской канцеляріи, „оный волшебникъ за всѣ злыя и богопротивныя дѣла свои, на страхъ другимъ, сожженъ". Все это было въ 1736 году, то есть всего полтораста лѣтъ тому назадъ. „Папство и римскій вопросъ съ русской точки зрѣнія", статья Ѳ. И. Тютчева, напечатанная на французскомъ языкѣ въ 1850 году въ „Revue des deux Mondes" и переведенная теперь съ поправками И. С. Аксакова.—„Капитанъ Платовъ"—исторія писаря харьковскаго гарнизона, сосланнаго за побѣги и воровство въ кавказскіе линейные батальоны, послѣ наказанія шпицрутенами черезъ 500 человѣкъ, но бѣжавшаго оттуда и имѣвшаго дерзость явить-

Digitized by Google

ся, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, въ Петербургъ, гдѣ выдалъ себя за капитана, взятаго въ плѣнъ Шамилемъ и успѣвшаго будто уйти изъ плѣна. Здѣсь онъ представлялся наслѣднику, требовалъ пенсіи и мѣста городничаго, но былъ уличенъ въ самозванствѣ, еще разъ наказанъ шпицрутенами черезъ 500 человѣкъ, сосланъ въ динабургскія арестантскія роты, но бѣжалъ и оттуда черезъ пять лѣтъ, былъ пойманъ, прогнанъ еще разъ сквозь строй, черезъ тысячу человѣкъ, и умеръ, уже послѣ этой второй тысячи шпицрутеновъ.—„Воспоминанія А. С. Гангеблова: какъ я попалъ въ декабристы—и что затѣмъ послѣдовало". Авторъ этихъ любопытныхъ воспоминаній воспитывался въ пажескомъ корпусѣ и поступилъ въ измайловскій полкъ. Вступить въ тайное общество предложилъ ему товарищъ по корпусу, Свиступовъ. 14 декабря Гангебловъ былъ въ Петергофѣ, и его арестовали 23-го. Первый допросъ сдѣлалъ ему самъ государь. Затѣмъ, послѣ допроса Левашовымъ, виновнаго заперли въ казематъ петропавловской крѣпости, „полный стоножками, мокрицами и другими невиданными гадами, съ нарами, покрытыми жирною лоснящеюся грязью". Въ разсказѣ Гангеблова о другихъ декабристахъ много любопытныхъ и новыхъ подробностей. Отправленный на Кавказъ, онъ участвовалъ въ персидской и турецкой кампаніи 1826—29 г.—„Драгоманъ, его значеніе и воспитаніе, изъ записокъ стараго дипломата". Тутъ особенно подробно изложена роль драгомановъ въ Константинополѣ.—„Кража въ кабинетѣ императрицы Елизаветы Петровны". Кражу эту совершилъ стоявшій на караулѣ часовой изъ ящика съ казенными деньгами; укралъ онъ 42 рубля, изъ которыхъ разстратилъ только 8 р. 20 коп., за что и былъ приговоренъ къ смертной казни.—„1812-ый годъ по семейнымъ воспоминаніямъ А. Ѳ. Кологривовой" рисуетъ картину бѣгства зажиточной семьи изъ Москвы при вступленіи въ нее французовъ.—„Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи". Авторъ этой интересной статьи, Ѳ. П. г. Еленевъ, былъ ближайшимъ сотрудникомъ Ростовцева въ трудахъ по крестьянскому дѣлу, съ 1857 года, когда еще не возникала и мысль объ учрежденіи редакціонныхъ комисій. Теперь уже осталось немного лицъ, трудившихся въ этотъ первый періодъ освобожденія,—и потому статья г. Еленева, изложенная правдиво и безпристрастно, пріобрѣтаетъ еще большій интересъ. Тутъ особенно выдается характеристика Ростовцева.

Наконецъ, изъ чисто литературныхъ произведеній помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ" двѣ драмы: „Раскольники" А. Д. Улыбышева и „Дмитрій Самозванецъ" Хомякова. Первой предпосланъ біографическій очеркъ автора, составленный А. С. Гацискимъ. Авторъ біографій Моцарта и Бетховена былъ скорѣе музыкантъ, чѣмъ литераторъ, но онъ любилъ театръ и писалъ для него драмы и комедіи, только никогда не печаталъ ихъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ разъигрывались въ нижегородскомъ высшемъ обществѣ, къ которому принадлежалъ покойный. „Раскольниковъ" онъ считалъ своею лучшею пьесою и

Digitized by Google

хотѣлъ напечатать еще при своей жизни. Являясь теперь въ печати, черезъ 35 лѣтъ, драма потеряла, конечно, интересъ, въ особенности по отношенію къ изображенію раскольничьихъ типовъ, теперь уже значительно измѣнившихся. Да и въ 1850 году литература этого предмета была слишкомъ незначительна, а на мѣстѣ авторъ не могъ близко познакомиться съ особенностями раскольничьяго быта. Герой драмы Улыбышева, 75-ти-лѣтній раскольникъ Филимонъ, слишкомъ идеализированъ, хотя могъ принять на себя обвиненіе въ убійствѣ сына своего помѣщика, соблазнившаго сноху Филимона; лучшая сцена драмы — бесѣда съ неизвѣстнымъ Филимона, очень умно и ловко защищающаго расколъ—совершенно не сценична. Трагедія Хомякова была напечатана болѣе 50 лѣтъ тому назадъ со значительными цензурными искаженіями. Теперь она возстановлена по рукописи автора. Авторъ высказываетъ несомнѣнное сочувствіе къ личности самозванца и проводитъ въ своей пьесѣ мысль, что народъ ненавидѣлъ Годунова за прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, а въ самозванцѣ видѣлъ избавителя отъ этого зла. Виною же его гибели были поляки и іезуиты, слишкомъ скоро и явно выказавшіе притязанія—забрать въ свои руки молодаго царя, посаженнаго ими на престолъ, и черезъ него управлять Россіею, что̀, конечно, вызвало недовольство бояръ и заговоръ, погубившій названнаго Дмитрія. Пьеса ведена очень сценично, а стихъ лучше, чѣмъ у и Чаева, въ пьесѣ на тотъ же сюжетъ.

Наряду со столичными изданіями, посвященными изслѣдованію нашей старины, стоитъ „Кіевская Старина“, уже пятый годъ разрабатывающая богатые документы прошлаго южной Россіи и изслѣдующая преимущественно бытовую сторону ея исторіи. Статьи этого скромнаго, но вполнѣ серьезнаго журнала во многомъ разъяснили своеобычную жизнь этого края. Понятно, что статьи журнала, относящіяся къ мѣстнымъ нравамъ и событіямъ, не могутъ имѣть общаго интереса, но, тѣмъ не менѣе, отношенія малой Россіи къ великой такъ близки и тѣсны, что безъ изученія ихъ будетъ неполна и исторія господствующаго племени. Мы перечислимъ замѣчательнѣйшія статьи „Кіевской Старины“ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, такъ какъ подведеніе ихъ подъ отдѣльныя рубрики было бы безцѣльно. Н. О. Сумцовъ, изслѣдуя свадебные малороссійскіе обряды, отыскиваетъ въ нихъ слѣды двухъ разнородныхъ ритуаловъ, греческаго и римскаго. Въ нашихъ обрядахъ можно, конечно, найти черты сходства со свадьбой древне-индусской и древне-германской, но въ малороссійской свадьбѣ г. Сумцовъ находитъ болѣе всего сходства ея (именно въ 19-ти пунктахъ) съ древне-классической римской свадьбой. Тотъ же авторъ изслѣдуетъ колядки, щедривки, дивѣтки, посидѣлки и коломыйки. Д. Е. Зварницкій описываетъ свою поѣздку на днѣпровскій островъ Хортицу, мѣсто Запорожской Сѣчи. В. И. Горленко разсказываетъ о своихъ поѣздкахъ по Малороссіи съ Костомаровымъ въ 1883 году. Профессоръ

Digitized by Google

В. Б. Антоновичъ помѣстилъ любопытный „Дневникъ новгородскаго подсудка Ѳедора Евлашевскаго", найденный имъ въ архивѣ Потоцкаго въ Виляновѣ. Авторъ дневника, писаннаго въ 1604 году—русскій дворянинъ,—проживалъ въ мѣстечкѣ Ляховичъ нынѣшней минской губерніи; человѣкъ развитой и умный, онъ велъ дѣла пановъ въ качествѣ адвоката; записки его носятъ исключительно мѣстный, областной характеръ и изобилуютъ бытовыми подробностями; писаны онѣ западно-русскимъ языкомъ, напоминающимъ языкъ грамотъ XVI вѣка и литовскаго статута. Профессоръ исправилъ только орѳографію подлинника, причемъ букву *h* замѣнилъ *кг*, а тамъ, гдѣ она произносится твердо, безъ придыханія, какъ латинское *g*, оставилъ *г*. Въ нашей азбукѣ дѣйствительно для различныхъ звуковъ *g* и *h* существуетъ одна буква *г*, что̀ сильно путаетъ русскаго читателя въ собственныхъ именахъ, но сочетаніе согласныхъ *кг* никакъ не передастъ звука *h*, и гораздо проще принять въ этомъ случаѣ ту же букву *г*, только со значкомъ.—На южную Русь, кромѣ поляковъ, вліяли народы турецкаго племени, начиная съ хазаръ, печенѣговъ, половцевъ и пр., и г. П. Кузьмичевскій приводитъ „турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности". „Записки новооскольскаго дворянина И. О. Острожскаго-Лохвицкаго, съ дополненіемъ сына его Петра Ивановича" отъ 1778 по 1846 годъ. Отецъ былъ нѣсколько разъ подъ судомъ и служилъ секретаремъ земскаго суда, потомъ земскимъ засѣдателемъ. Онъ записывалъ не только все, что̀ съ нимъ случалось, но и все „достойное замѣчанія". Это не только дневникъ, но и литературное произведеніе, украшенное философскими и благочестивыми размышленіями. Вторая половина записокъ, веденная съ 1825 г. сыномъ—менѣе интересна, отличается сухостью и формализмомъ.—Хотя и по польскимъ источникамъ, пристрастнымъ и тенденціознымъ, но очень живо разсказана исторія Кармелюка, разбойника, державшаго въ страхѣ южные уѣзды подольской губерніи въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Кармелюкъ былъ безспорно грабитель, воръ, дезертиръ, бѣглый каторжникъ, но, убитый при нападеніи на одинъ домъ, самъ никого не убивалъ, и въ пѣсняхъ и преданіяхъ народа представлялся его защитникомъ, а самъ говоритъ въ одной пѣснѣ: „а що визьму съ богатого, то вбогому дàю, и такъ гроши подѣливши, вжежъ гриха не маю."—Въ статьѣ „Михаилъ Чайковскій и казакофильство", по поводу его самоубійства, разсказывается о неудачной попыткѣ этого турецкаго паши и польскаго писателя составить полки казаковъ и драгунъ для войны съ Россіей. Набравъ около полутора тысячъ всякаго сброда, между которымъ было очень мало казаковъ и поляковъ, хоть и были поэты, воспѣвавшіе будущіе подвиги этого казачества на польскомъ и искаженномъ малороссійскомъ языкѣ, Чайковскій скоро убѣдился въ неосуществимости своей затѣи и вскорѣ же принесъ повинную Александру II. Русскій царь простилъ ренегата, и Чайковскій поселился въ Россіи; но его раскаянія не простили ему поляки и,

Digitized by Google

преслѣдуя даровитаго писателя, довели его до того, что онъ наложилъ на себя руки на 78-мъ году своей жизни.—„Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженка“ представляетъ характеристику научно-литературныхъ трудовъ этого писателя, изучавшаго исторію и текущую жизнь, изображавшаго прошлый бытъ своихъ земляковъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ, писавшаго лирическія стихотворенія, басни и оставившаго интересные мемуары.—„Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Россіи къ концу XVI вѣка“ г. Архангельскаго—рисуетъ картину развитія школъ и типографій въ ту эпоху. Особенно характеристична тутъ картина дѣятельности князя Острожскаго и рядъ убогихъ, но сильныхъ поборниковъ науки и просвѣщенія, явившихся на смѣну богатыхъ пановъ, переходившихъ въ католичество. Борцы эти твердо отстаивали неприкосновенность русской вѣры и народности, пока на защиту ихъ не выступила непримѣтно выросшая грозная казацкая сила, поколебавшая въ основѣ искусно задуманное и веденное дѣло—поглощеніе Руси Польшею.—„Колдовство въ югозападной Руси въ XVIII вѣкѣ“—представляетъ случаи пытокъ и казней несчастныхъ, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ. Такъ, въ 1730 году, въ Подоліи сожгли одного упыря, а въ 1770 г., въ Ярмолинцахъ,—турецкаго выходца, распространявшаго чуму: его облили смолой и сожгли. Но инквизиція не свирѣпствовала у насъ даже въ католичествѣ и не привилась къ мягкому народному характеру. Обширная статья: „Кіевопечерская лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи“, помѣщенная въ пяти книгахъ и еще не оконченная—самая подробная монографія этой святыни.

Первый, по дарованію, малороссійскій поэтъ Шевченко оставилъ немало произведеній и на русскомъ языкѣ. Въ печати явились пять его разсказовъ: „Никита Гайдай“ и „Тризна“ въ „Маякѣ“ 1841 года, „Музыкантъ“ въ газетѣ „Трудъ“ 1881 года, „Несчастный“ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1883 г. и „Княгиня“ въ „Кіевской Старинѣ“ 1884 года. „Гайдай“—романическая исторія, въ которой герой высказываетъ въ напыщенныхъ фразахъ идеи славянскаго единенія, сдѣлавшіяся потомъ основными положеніями „Кирилло-меѳодіевскаго кружка“, за составленіе котораго поэтъ былъ сосланъ. „Тризна“ заключаетъ въ себѣ чисто субъективныя признанія и ощущенія. Въ „Музыкантѣ“ изображенъ бытъ крѣпостныхъ артистовъ въ домахъ полтавскихъ помѣщиковъ. Шевченко, вышедшій самъ изъ крѣпостнаго званія, хорошо зналъ положеніе этихъ несчастныхъ и изображаетъ его съ полнымъ сочувствіемъ. „Несчастный“—симпатичный очеркъ типа ссыльнаго. „Княгиня“—эпизодъ изъ дѣйствительной жизни, гдѣ выведены, съ небольшими измѣненіями, лица, которыхъ поэтъ зналъ и встрѣчалъ. Послѣдніе три разсказа написаны въ ссылкѣ, когда поэту было невозможно писать на малороссійскомъ нарѣчіи. Тогда же онъ написалъ еще шесть разсказовъ и поэму въ стихахъ.

Digitized by Google

Всѣ они явятся въ „Кіевской Старинѣ“, гдѣ помѣщена уже поэма и три разсказа. Произведенія эти, по словамъ редакціи, имѣютъ, „помимо біографическаго характера, несомнѣнный историко-литературный интересъ“. Но литературнаго значенія признать за ними нельзя, и недаромъ ни „Отечественныя Записки“, ни „Русская Бесѣда“, куда они были посланы авторомъ, не напечатали ихъ. Принятію ихъ въ журналы мѣшала, прежде всего, необдѣланная форма. Не смотря на свое высокое поэтическое дарованіе, Шевченко плохо владѣлъ русскимъ литературнымъ языкомъ. Помѣщенный въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ очеркъ потребовалъ сильнаго исправленія слога, да и въ „Кіевской Старинѣ“ „Княгиня“ явилась не въ томъ видѣ, какъ была написана первоначально. Журналъ, печатая поэму „Слѣпая“, говоритъ, что въ ней прежде всего бросается въ глаза значительная растянутость, и замѣтны слѣды романтизма тридцатыхъ годовъ,— „нѣкоторая“ искусственность въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ, „нѣкоторый“ излишекъ красокъ въ картинахъ. Замѣнивъ этихъ „нѣкоторыхъ“ прилагательнымъ „значительный“, можно согласиться съ тѣмъ, что эти недостатки „покрываются силою возмущеннаго человѣческаго чувства, доходящаго мѣстами до высокаго поэтическаго полета“. Но, не смотря на этотъ полетъ, стихи поэмы все таки слабы и прозаичны, да и содержаніе, представляющее одну изъ картинъ безобразій крѣпостнаго быта, слишкомъ вычурно. Помѣщенныя вслѣдъ за нею, повѣсти „Варнакъ“ и „Наймичка“ написаны до ссылки и представляютъ первообразы поэмъ, явившихся потомъ на малороссійскомъ нарѣчіи. Содержаніе остальныхъ повѣстей „Близнецы“, „Капитанша“, „Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали“ (самая длинная и самая слабая повѣсть) вертится все на тѣхъ же крѣпостныхъ отношеніяхъ и личныхъ столкновеніяхъ поэта съ типами, выкваченными изъ дѣйствительной жизни. Больше всѣхъ имѣетъ значенія разсказъ „Художникъ“—на половину біографія поэта, гдѣ приводятся подробности его петербургской жизни, годовъ ученія у Брюлова и проч. Только вторая половина повѣсти вымышлена. Во всякомъ случаѣ, печатаніе этихъ, хотя и слабыхъ произведеній поэта дополняетъ его характеристику, и читатели прочтутъ ихъ съ интересомъ.

Въ послѣднихъ книжкахъ журнала помѣщены еще любопытныя статьи: „Шагинъ-Гирей, послѣдній крымскій ханъ“, историческій очеркъ Ѳ. Лашкова. Личность этого члена фамиліи Гиреевъ замѣчательна не по своимъ достоинствамъ, а по драматической судьбѣ, постигшей его. Царствуя только съ помощью Россіи, онъ не разъ долженъ былъ спасать свою жизнь отъ возстанія своихъ подданныхъ, обвинявшихъ его въ томъ, что онъ служитъ гяурамъ. Когда же онъ бралъ верхъ надъ бунтовщиками и расправлялся съ ними по азіатскимъ обычаямъ, хану объявляли, что „государыня огорчена его жестокимъ поведеніемъ по отношенію къ его подданнымъ, которые пользуются покровительствомъ Россіи“. Авторъ ви-

Digitized by Google

дило собралъ и перечиталъ все, что относится къ судьбѣ Шагинъ-Гирея, и не упоминаетъ только о біографіи его, напечатанной въ „Иллюстрированной газетѣ“ 1868 года, гдѣ помѣщенъ и любопытный портретъ его съ подвязной бородой, такъ какъ свою природную бороду ханъ, вопреки мусульманскому закону, сбрилъ въ бытность въ Петербургѣ изъ угожденія Потемкину.—„Житіе Сковороды, описанное другомъ его Ковалевскимъ“. Редакція журнала напечатала вполнѣ эту рѣдкую рукопись, изъ которой г. Данилевскій сдѣлалъ только извлеченіе въ своей біографіи украинскаго философа. Личность Сковороды, въ которой отразилось религіозно-мистическое настроеніе русскаго общества и умственное пробужденіе украинскаго—въ концѣ XVIII вѣка, оригинальное міровозрѣніе этого бѣднаго простолюдина, побывавшаго въ Германіи,—все это придаетъ рукописи Коваленскаго, составленной въ 1795 году, большое значеніе.—Разсматривая „мѣстныя названія въ народной украинской словесности“, г. Сумцовъ приходитъ къ заключенію, что Русь-Украйна до XVII вѣка, по даннымъ народной поэзіи, стоитъ въ ближайшей географической связи съ Балканскимъ полуостровомъ. „Черное море, Дунай, Волощина, Туречина и Царьградъ въ особенности—привлекали вниманіе южнорусскаго народа въ старинное время и, въ народной поэзіи, замѣняли собою всѣ другія страны, сопредѣльныя съ Украйной“.

„Кіевская Старина“ помѣстила также на своихъ страницахъ переводъ большаго и интереснаго разсказа Элизы Ожешко—„Вѣдьма“, взятаго изъ преданій полѣсскихъ. Журналъ помѣщаетъ въ каждомъ нумерѣ разборъ замѣчательныхъ историческихъ сочиненій и мелкія извѣстія и замѣтки, между которыми встрѣчаются имѣющія несомнѣнное историческое или литературное значеніе. Таковы, напримѣръ, свѣдѣнія „О новооткрытомъ славянскомъ богѣ Раи“. Имя этого бога встрѣчается въ нѣкоторыхъ южнорусскихъ пѣсняхъ, записанныхъ г. Штейномъ, но г. Кравченко доказываетъ, —и весьма основательно,—что оно просто искаженіе невѣжественною массою имени Юрай, то есть святой Юрій. Ѳ. Мищенко спрашиваетъ: „Былъ ли Геродотъ въ предѣлахъ южной Россіи?“ и отвѣчаетъ: несомнѣнно, хотя англійскій археологъ Сайсъ утверждаетъ противное и вовсе исключаетъ Скиѳію изъ числа странъ, съ которыми греческій историкъ входилъ въ непосредственныя сношенія. Г. Мищенко, напротивъ, доказываетъ, что геродотово описаніе скиѳовъ доказываетъ его близкое знакомство съ ними и со страною, гдѣ всѣ рѣки отъ Дуная до Днѣпра обозначены во всемъ среднемъ и нижнемъ теченіи съ замѣчательною точностью. Приводятся также: старинныя стихотворенія, вирши и оды изъ наполеоновскихъ войнъ, народныя пѣсни, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей, какъ Адамъ Кисель, „охочекомонскій“ полковникъ Новицкій (съ портретомъ), Филаретъ, архіепископъ черниговскій, Ухачъ-Охоровичъ и др., легенда о „дикомъ попѣ“, археологическія находки и т. п. Въ приложеніи помѣщается продолженіе

Digitized by Google

отъ прошлаго года „дневника Николая Ханенка“ (1708—1753). Какъ обогатилась бы наша исторія и литература, еслибы и другіе старые русскіе города издавали, по примѣру Кіева, свои мѣстные историческіе сборники. Не періодически являются они только въ югозападномъ и балтійскомъ краѣ. Въ иныхъ городахъ, какъ Тамбовѣ, Рязани, Орлѣ, Ярославлѣ—выходятъ изданія архивныхъ и археологическихъ комисій. Но все это не замѣняетъ изданія мѣстныхъ историческихъ журналовъ, настоятельная потребность въ которыхъ чувствуется съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Въ изученіи прошлаго легче переносится неутѣшительное настоящее...

Въ русскомъ обществѣ искони существовало убѣжденіе, что правительственныя учрежденія существуютъ для того, чтобы давать возможность умнымъ людямъ если не нажиться, то прокормиться на счетъ казны. Еще древняя Русь отдавала „въ кормежку“ воеводскія мѣста; а когда преобразователь Россіи, устраивая по западному образцу разнаго рода коллегіи и канцеляріи, возвелъ къ нимъ лѣстницу въ четырнадцать ступеней, понятно, что на этой лѣстницѣ нашлось множество теплыхъ мѣстечекъ для устройства благополучія правителей на счетъ управляемыхъ. Но апетиты этихъ правителей, развиваясь съ теченіемъ времени и цивилизаціи, перестали уже удовлетворяться существующими мѣстечками, и пришлось создавать новыя для жаждущихъ земныхъ благъ. Еще при Николаѣ I къ обычной ходячей фразѣ: „хорошій генералъ: надо ему дать бригаду поправиться“, прибавлялась по временамъ и другая фраза; „очень хорошій генералъ—надо для него придумать какое нибудь мѣсто“. При Екатеринѣ II такія мѣста, съ приличнымъ количествомъ душъ, сочинялись для людей въ „случаѣ“. Еще раньше мѣста придумывались—по необходимости. Такъ, при вступленіи на престолъ бывшей лифляндской поселянки, естественно неопытной въ дѣлахъ правленія, составлено было цѣлое государственное учрежденіе—„верховный тайный совѣтъ“, въ которомъ всѣмъ заправлялъ такой же бывшій простолюдинъ, полуграмотный, но безспорно умный Меншиковъ. Любопытная исторія этого совѣта разсказана въ послѣднемъ LV томѣ „Сборника русскаго историческаго общества“, гдѣ помѣщены всѣ журналы, протоколы, указы и мнѣнія верховнаго тайнаго совѣта. Существовалъ онъ всего четыре года и былъ уничтоженъ Анною Іоанновною не потому, чтобы также не особенно грамотная государыня могла управлять самостоятельно, но потому, что верховники задумали ограничить ея самодержавныя права и заставили ее подписать „кондиціи“ вступленія на престолъ, которыя она разорвала, узнавъ, что „чины государства“ не желаютъ, чтобы она раздѣляла верховную власть съ членами верховнаго совѣта. Какъ извѣстно, они поплатились своими головами за смѣлую попытку, а коллегіальная власть ихъ перешла къ единичному управленію Бирона. Въ пятьдесятъ пятомъ томѣ „Сборника“ помѣщены только протоколы первыхъ засѣданій совѣта отъ его учрежденія, 9-го февраля 1726 года,

Digitized by Google

по 18-е іюля. Какъ усердно засѣдалъ сначала совѣтъ, видно изъ того, что въ теченіе пяти мѣсяцевъ и девяти дней онъ составилъ 275 журналовъ, протоколовъ и указовъ. Кромѣ того, въ „Сборникѣ“ помѣщено много отдѣльныхъ мнѣній членовъ совѣта по разнымъ предметамъ, „доношенія“ императрицѣ и въ тайный совѣтъ сената и частныхъ лицъ, экстракты изъ писемъ частныхъ лицъ въ совѣтъ, доношенія изъ коллегій военно-адмиралтейской и иностранныхъ дѣлъ въ кабинетъ ея величества, всеподданнѣйшія прошенія, промеморіи и пр. Помѣщена и одна собственноручная записка Екатерины I, доказывающая, что императрица входила въ торговые интересы своихъ подданныхъ и предписывала: „которые живутъ въ деревняхъ, тѣмъ товары продавать въ городахъ градскимъ посадскимъ, а самимъ въ городахъ и слободахъ не торговать; такъ же такихъ въ пристани морскіе не допускать торговать, ежели впосадъ не запишатца“. Въ этой же запискѣ Екатерина предписываетъ „смотрѣть министру, чтобъ гражданскіе купцы малыми ценами, продолженіемъ времени и прочимъ пріѣзжихъ не теснили, а буде станутъ теснить, такихъ бы наказывали, а буде въ магистратѣ управы не будетъ, то на оное бить челомъ въ каморъ-коллегію, которая повинна съ магистратомъ оное розыскать и обидимымъ удовольство дать“. Въ протоколахъ и указахъ совѣта, вошедшихъ въ этотъ томъ „Сборника“, не встрѣчается покамѣстъ никакихъ особенно замѣчательныхъ постановленій и рѣшеній, хотя, силою вещей, дѣятельность совѣта не замедлила распространиться на большинство дѣлъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, и явилась чрезвычайно обширной и разносторонней. Персидскія, турецкія и голштинскія дѣла, о которыхъ при самомъ учрежденіи совѣта внесены были особыя мнѣнія членовъ его: графовъ Головкина, Петра Толстаго и генералъ-адмирала Апраксина, также князя Дмитрія Голицына и Павла Ягужинскаго, скоро уладились. Замѣтна также по протоколамъ совѣта дѣятельность его вице-канцлера Остермана, который долженъ былъ, сверхъ того, переводить постановленія совѣта на нѣмецкій языкъ для его королевскаго высочества герцога Голштинскаго, засѣдавшаго также въ совѣтѣ, но не понимавшаго русскаго языка. Этотъ герцогъ, которому Россія, вмѣстѣ со Швеціей, хотѣли возвратить Шлезвигъ, захваченный Даніей, самъ объявилъ въ совѣтѣ, что „ежели нынѣшній годъ паки безъ плода въ его дѣлахъ пропущенъ будетъ, а впродь, какъ видимо, между Россіею и Портою какое дѣло начнется, то-бъ онъ, герцогъ, наибезсчастливѣйшимъ государемъ на свѣтѣ былъ“. Всѣмъ орудовавшій въ то время, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ не подавалъ въ совѣтѣ никакихъ особыхъ мнѣній, и его дѣятельность въ немъ мало замѣтна.

И этотъ томъ „Сборника русскаго историческаго общества“ изданъ старательно и отчетливо, какъ всѣ прежніе. Въ концѣ приложенъ указатель собственныхъ именъ. Опечатокъ очень мало—съ десятокъ на томъ въ 500 страницъ. Въ протоколахъ, гдѣ сохранено правописаніе подлинниковъ,

Digitized by Google

желалось бы, въ примѣчаніяхъ, встрѣтить объясненіе темныхъ и часто чрезвычайно запутанныхъ фразъ; неправильно разставленные въ нихъ знаки препинанія еще болѣе путаютъ тяжелую конструкцію дѣловыхъ бумагъ той эпохи.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Парижъ $^{15}/_{27}$ октября.

Проѣзжая недавно по восточной границѣ Франціи, я не встрѣтилъ ни одного болѣе или менѣе значительнаго прохода, въ городъ, ни одного сколько нибудь выдающагося пункта въ сосѣдней равнинѣ, гдѣ бы не виднѣлись мрачные силуэты большихъ земляныхъ работъ и фортовъ. Изъ газетъ и частныхъ свѣдѣній мнѣ извѣстно, кромѣ того, что цѣлымъ рядомъ, вѣрнѣе даже—не однимъ рядомъ такихъ щетинистыхъ укрѣпленій защищена отъ грознаго сосѣда вся восточная граница. Съ другой стороны, только что окончившіеся военные маневры, по увѣренію людей вполнѣ компетентныхъ, доказали Франціи, что она трудилась надъ реорганизаціей своей арміи недаромъ, что колоссальныя издержки и многолѣтнія работы дали наконецъ вполнѣ удовлетворительные результаты. Въ здѣшнихъ военныхъ и политическихъ сферахъ настолько довольны этими результатами, что не особенно смущаются даже изолированностью, въ которой находится Франція. „Конечно, разсуждаютъ тамъ:—было бы гораздо спокойнѣе имѣть на всякій случай вѣрнаго союзника, на котораго можно было бы вполнѣ положиться. Но каждое положеніе имѣетъ свои неудобства и свои преимущества. Франція теперь снова стала силой, игнорировать которую не приходится никому и содѣйствіе которой можетъ быть полезно всякому. Поэтому ей гораздо пристойнѣе и выгоднѣе не связывать себѣ рукъ разными договорами, чтобы быть готовой воспользоваться каждымъ удобнымъ обстоятельствомъ“. Въ военныхъ кружкахъ настолько увлечены успѣхомъ военной реорганизаціи, что были бы не прочь хоть сейчасъ же снова сцѣпиться со своимъ зарейнскимъ врагомъ, и ихъ патріотическій пылъ охлаждается нѣсколько—благоразуміемъ политическихъ сферъ, гдѣ предпочитаютъ лучше подождать, чтобы бить потомъ съ разсчетомъ на вѣрный успѣхъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не подивиться той неистощимой массѣ жизненности и энергіи и той громадности ресурсовъ, какія проявила Франція за послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ. Она затратила милліарды на одну только военную реорганизацію и добилась таки того, что ея интендантство располагаетъ теперь громаднымъ запасомъ военныхъ снарядовъ и амуниціи, что ея границы снабжены сильными укрѣпленіями, которыя свя-

Digitized by Google

заны и между собою, и съ внутренностью страны цѣлою цѣпью желѣзныхъ дорогъ, что ея громадная армія прекрасно вооружена, а въ ея крѣпостяхъ и арсеналахъ производятся постоянные опыты надъ новыми и новыми орудіями, изъ которыхъ иныя просто поражаютъ своей разрушительной силой. Да, новая война, разъ она вспыхнетъ, будетъ ужасна; но поэтому именно она и не можетъ быть продолжительной.

Республика, впрочемъ, проявила такую поразительную энергію не въ одной только реорганизаціи военныхъ силъ послѣ разгрома 1871 года. Нѣтъ, за какія нибудь 8—10 лѣтъ, она столько сдѣлала для экономическаго благосостоянія и, особенно, умственнаго развитія страны, сколько не успѣли сдѣлать ни вторая имперія, ни іюльская монархія, вмѣстѣ взятыя. Я не стану говорить о тысячахъ верстъ построенныхъ ею желѣзныхъ дорогъ и прорытыхъ каналовъ, и позволю себѣ только остановить ваше вниманіе на тѣхъ затратахъ и тѣхъ усиліяхъ, какія она сдѣлала и дѣлаетъ еще для организаціи народнаго образованія, которое, главнымъ образомъ, ей и обязано своимъ существованіемъ. Іюльская монархія и вторая имперія обращали вниманіе только на нужды средняго и высшаго образованія, да и то больше затѣмъ, чтобы приспособить его къ своимъ, по большей части, эгоистическимъ видамъ; о народной школѣ заботились только на бумагѣ. Республика же не только снабдила прекрасными зданіями университеты и гимназіи, но и вдохнула въ нихъ жизнь. Они начали оживать, дѣлаться дѣйствительными центрами просвѣщенія края только въ послѣдніе годы, вмѣстѣ съ полученной ими нѣкоторого рода автономіей. Заботы республики о женскомъ и, особенно, о народномъ образованіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова извѣстны. Она затратила уже десятки милліоновъ фр. на одинъ ссуды и субсидіи городамъ, желающимъ имѣть у себя женскую гимназію; она снабдила школой чуть не каждую деревню, затратила до 150 милл. фр. только на постройку зданій для народной школы. Реакціонеры упрекаютъ ее тѣмъ, что она строитъ не школы, а дворцы—упрекъ несовсѣмъ основательный, но, право, лучше ужь строить дворцы для школъ, чѣмъ для увеселительныхъ заведеній, какъ было при второй имперіи.

Въ настоящее время, организація народной школы близится къ концу; но республика на этомъ не останавливается. Напротивъ, въ блестящихъ результатахъ своихъ работъ она черпаетъ какъ будто новыя силы и съ новымъ жаромъ принялась теперь за организацію техническаго и ремесленнаго образованія, на распространеніе котораго она смотритъ, какъ на лучшее средство поднять уровень не только національной промышленности, но и экономическаго положенія рабочаго населенія. Заботы о техническомъ и ремесленномъ образованіи начались только послѣ всемірной выставки 1878 года, которая раскрыла многимъ глаза на недостатки французской промышленности. Возникшій вскорѣ послѣ выставки, промышленный кризисъ и замѣтное преобладаніе нѣмцевъ на интернаціональномъ рынкѣ еще болѣе

Digitized by Google

усилили потребность организаціи этого рода образованія и заставили и государство, и муниципалитеты приняться за это трудное дѣло съ такимъ же жаромъ, какъ и за организацію народной школы. Государство, по своему обыкновенію, начало съ того, что открыло спеціальный кредитъ для выдачи субсидій муниципалитетамъ, которые желаютъ основать у себя техническія или ремесленныя школы, ввело техническое образованіе въ программу—сначала учительскихъ семинарій, а затѣмъ и народной школы (закономъ 1882 года), принялось, сверхъ того, само за устройство образцовыхъ школъ и выработало общій, довольно широкій планъ раціональной народной школы, гдѣ общее образованіе должно идти рука объ руку съ техническимъ. Вотъ какъ въ нѣсколькихъ словахъ очертилъ этотъ планъ на дняхъ, при открытіи „національной технической школы“ въ небольшомъ городкѣ Вуаронѣ, министръ нар. просвѣщенія Гоблэ: „Дѣтскій садъ (salle d'asile) съ различными приспособленіями по системѣ Фребеля, первоначальная школа съ элементарными упражненіями въ разныхъ ремеслахъ и высшая элементарная школа, гдѣ къ работамъ по дереву и желѣзу будетъ присоединено еще ознакомленіе съ тѣми двигателями, которые употребляются въ промышленности,—будутъ послѣдовательно развивать, въ одно и тоже время, и умъ, и вѣрность глаза, и ловкость руки дѣтей, и дадутъ имъ общую подготовку для спеціально ремесленнаго образованія. Потомъ, когда всѣ эти ступени будутъ пройдены, дѣти могутъ съ большей пользой приняться за спеціальное, чисто техническое образованіе, приспособленное къ промышленнымъ нуждамъ мѣстности“. Важнѣе всего то, что этотъ планъ, какъ я уже сказалъ, не остается мертвой буквой, но дѣятельно приводится въ исполненіе правительствомъ. Вуаронская образцовая школа, при открытіи которой присутствовалъ Гоблэ, построена именно по этому плану. Она состоитъ пока изъ трехъ отдѣленій—дѣтскаго сада, первоначальной школы и высшей элементарной, съ мастерскими для занятій ремеслами; вскорѣ къ нимъ будетъ присоединено четвертое—уже чисто ремесленное, въ которомъ будутъ обучать наиболѣе распространеннымъ въ мѣстности отраслямъ промышленности—приготовленію бумаги, тканью хлопчатобумажныхъ и шолковыхъ матерій и т. д. Во многихъ другихъ крупныхъ и мелкихъ городахъ, при помощи государства, возникли уже или чисто ремесленныя школы, или такъ называемыя профессіональныя съ курсомъ нашихъ комерческихъ училищъ. Затѣмъ, были приняты экстренныя мѣры для введенія техническаго и ремесленнаго образованія въ учительскія семинаріи, откуда оно не замедлитъ перейти и въ народную школу. Но всего больше сдѣлано въ этомъ отношеніи парижскимъ муниципалитетомъ, который, по обыкновенію, и здѣсь стоитъ во главѣ движенія. Въ настоящее время онъ насчитываетъ 126 такъ называемыхъ материнскихъ школъ (дѣтскихъ садовъ), гдѣ съ дѣтьми занимаются по системѣ Фребеля, 17 дѣтскихъ (écoles enfantines), составляющихъ переходную ступень

Digitized by Google

отъ материнской школы къ первоначальной, 174 первоначальныхъ школы для мальчиковъ, изъ которыхъ въ 92-хъ имѣются уже мастерскія для работъ по дереву и желѣзу, и 175 школъ, снабженныхъ мастерскими кройки и шитья, для дѣвочекъ. Необходимо замѣтить, что цѣль техническихъ занятій дѣтей въ парижской первоначальной школѣ—не изученіе того или другаго ремесла, а простое ознакомленіе съ тѣми орудіями труда, которыя употребляются въ наиболѣе распространенныхъ ремеслахъ, и простой навыкъ владѣть ими; спеціальное же обученіе ремеслу предоставляется уже ремесленнымъ школамъ. До сихъ поръ ученики работали въ мастерскихъ парижской школы только утромъ и вечеромъ, до и послѣ классныхъ занятій; но, въ силу требованій закона 1882 года, муниципалитетъ рѣшилъ уже ввести ремесленныя занятія въ самую программу народной школы, наряду съ пѣніемъ и гимнастикой, и устроить мастерскія при всѣхъ первоначальныхъ школахъ для мальчиковъ. По окончаніи курса элементарной школы, лучшіе ученики поступаютъ въ одну изъ шести профессіональныхъ или въ одну изъ тѣхъ спеціально ремесленныхъ школъ, образцомъ которыхъ можетъ служить прекрасная школа Дидро съ большими, роскошно обставленными мастерскими для обученія 8 ремесламъ (шести—по желѣзу и двумъ—по дереву), съ трехлѣтнимъ курсомъ. Поступая въ нее, ученики (ихъ 300 человѣкъ) первый годъ работаютъ поочередно во всѣхъ мастерскихъ, чтобы освоиться со всѣми ремеслами и сдѣлать потомъ болѣе сознательный выборъ своей спеціальности, а за опредѣленную спеціальность принимаются только со втораго года. Насколько значительны успѣхи учениковъ этой школы и насколько раціонально въ ней обученіе ремесламъ—въ этомъ легко убѣдиться на открытыхъ теперь въ Парижѣ рабочей и ремесленной выставкахъ, гдѣ подѣлки учениковъ школы Дидро обращаютъ на себя общее вниманіе чистотой и правильностью работы. Но еще убѣдительнѣе тотъ фактъ, что всѣ ученики этой школы очень скоро находятъ себѣ мѣсто контрметровъ, что очень многіе изъ нихъ не оканчиваютъ полнаго курса только потому, что хозяева мастерскихъ сманиваютъ ихъ къ себѣ обѣщаніемъ хорошей платы на второй же годъ ученія.—Кромѣ государства и муниципалитетовъ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціальныхъ городахъ, о распространеніи техническаго образованія заботится и само общество, въ видѣ синдикатовъ патроновъ и рабочихъ, chambres de commerce и т. д., которые, частью на собственный счетъ, частью при помощи муниципалитетовъ, организуютъ съ этою цѣлью вечерніе и воскресные классы, гдѣ рабочіе могутъ учиться черченію, рисованію, иностраннымъ языкамъ, слушать лекціи по нѣкоторымъ изъ естественныхъ наукъ и прикладныхъ знаній (парижскій муниципалитетъ тратитъ милліонъ фр. въ годъ на субсидіи только частнымъ школамъ и классамъ, гдѣ обучаютъ черченію и рисованію). Нѣкоторые изъ синдикатовъ рабочихъ и патроновъ—ювелировъ, часовщиковъ, портныхъ, напр.,—основали даже небольшія настоящія школы

Digitized by Google

для приготовленія хорошихъ рабочихъ по своей спеціальности,—школы, которыя даютъ уже довольно завидные результаты. Наконецъ, въ Парижѣ существуютъ еще такъ называемыя „вольныя общества для распространенія элементарнаго образованія", которыя оказали уже большія услуги дѣлу распространенія въ рабочей средѣ техническихъ знаній.

Я не считаю нужнымъ говорить здѣсь о важномъ значеніи раціональной организаціи техническаго и ремесленнаго образованія для національной промышленности—это само собою понятно. Замѣчу только, что во Франціи—отсутствіемъ въ промышленной арміи и коммерческомъ мірѣ серьезной профессіональной подготовки объясняютъ отчасти неудачи послѣднихъ лѣтъ въ экономической борьбѣ съ Германіей, а распространеніе техническихъ знаній вмѣстѣ съ общимъ образованіемъ считаютъ однимъ изъ самыхъ раціональныхъ средствъ возстановить свое преобладающее положеніе на международномъ рынкѣ. Гораздо интереснѣе будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое приписываютъ профессіональному образованію сами рабочіе, такъ какъ первыя требованія о введеніи его въ программу народной школы и объ устройствѣ спеціальныхъ ремесленныхъ училищъ раздались изъ ихъ среды; ихъ же синдикатами были сдѣланы и первыя попытки организовать не только вечерніе и воскресные классы для обученія черченію и рисованію, но и небольшія ремесленныя школы. Они увѣрены, что распространеніе техническаго и ремесленнаго образованія, какъ и подъемъ уровня въ рабочей средѣ будутъ играть очень важную роль въ улучшеніи экономическаго положенія рабочаго населенія и значительно облегчатъ ему достиженіе конечной цѣли его стремленій—экономической эмансипаціи. Ремесленныя школы, по ихъ мнѣнію, должны замѣнить существующую теперь систему обученія ремеслу въ мастерской, гдѣ подростающее поколѣніе убиваетъ лучшіе свои годы на побѣгушки по хозяйскимъ порученіямъ, дѣлается жертвою отчаянной эксплуатаціи, и откуда оно выходитъ съ самымъ узенькимъ кругомъ знаній по своему ремеслу, что̀ ставитъ его потомъ и въ жизни въ тѣсную зависимость отъ хозяина. Рабочіе совершенно основательно разсуждаютъ, что обученіе въ мастерской, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, готовитъ ихъ къ жизни, при существующей крайней спеціализаціи труда, очень плохо. Рабочему, который не знаетъ ничего, кромѣ приготовленія сапожныхъ каблуковъ, въ житейской толчеѣ придется, очевидно, не особенно легко; онъ волей-неволей долженъ будетъ держаться за нѣсколько мастерскихъ околодка, въ которыхъ можетъ быть полезна его спеціальность. Разъ мастерскую замѣнитъ школа, гдѣ, наряду съ обстоятельнымъ изученіемъ нѣсколькихъ ремеслъ, будетъ даваться и болѣе или менѣе широкое общее образованіе, рабочій будетъ вступать въ жизнь болѣе развитымъ, сознательнымъ гражданиномъ своей страны и съ большей практической подготовкой къ жизни, будетъ находиться въ меньшей зависимости отъ

Digitized by Google

какихъ нибудь 2—3 мастерскихъ околодка. Но всего болѣе отъ раціональной организаціи профессіональнаго образованія выиграетъ рабочее населеніе мелкихъ городовъ и, особенно, деревенскихъ фабрикъ,—которыя въ послѣднее время проявляютъ сильную тенденцію перебраться изъ большихъ городовъ въ уединенные провинціальные уголки, на дешевыя рабочія руки—и очень многочисленное во Франціи сельское населеніе, живущее кустарными промыслами. Рабочій большихъ городовъ, и помимо школы, имѣетъ множество различныхъ средствъ пополнить пробѣлы своего умственнаго и техническаго образованія. Къ его услугамъ прекрасные техническіе музеи, промышленныя выставки, разнообразныя лекціи, даровые вечерніе и воскресные классы, гдѣ онъ можетъ учиться всему, отъ черченія и рисованія до англійскаго языка включительно, наконецъ, значительно развитая общественная жизнь, которая въ два-три года шлифуетъ самаго неотесаннаго оверпца. Въ мелкихъ городахъ и, особенно, въ деревнѣ нѣтъ ничего подобнаго; тамъ рабочій скоро забываетъ и то немногое, что даетъ ему народная школа.

А между тѣмъ, и по своей численности, и по своей роли въ промышленности страны, это населеніе заслуживаетъ со стороны государства наибольшаго вниманія. Не говоря уже о томъ, что громадное число французскихъ фабричныхъ рабочихъ группируется около деревенскихъ фабрикъ и заводовъ, во Франціи, особенно въ сѣверной ея половинѣ, до сихъ поръ еще очень распространены кустарные промыслы. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но они, хотя и въ сильно изуродованномъ видѣ, уцѣлѣли даже въ такихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ механическое производство сдѣлало самые крупные успѣхи и гдѣ, поэтому, борьба съ фабрикой для нихъ всего труднѣе. По статистикѣ 1879 года, во Франціи, наряду съ 130,135 механическими ткацкими станками, насчитывали еще 207,912 ручныхъ станковъ кустаря. Кромѣ того, по той же статистикѣ, во Франціи было до 240 т. однихъ кружевницъ (механическое производство тоже сильно развито) до 150 т. вышивальщицъ, до 100 т. перчаточницъ (Блокъ одну стоимость продуктовъ годоваго труда работницъ только этихъ трехъ категорій опредѣляетъ въ 190 милл. фр.), до 125 т. вязальщицъ изъ шерсти. Я не говорю о массѣ кустарей, занятыхъ приготовленіемъ ножей, стѣнныхъ часовъ, искусственныхъ цвѣтовъ, всевозможныхъ подѣлокъ изъ дерева, камня, кости, плетеніемъ изъ соломы и древесныхъ вѣтвей и т. д. Вѣдь Франція обязана своимъ благосостояніемъ не одному земледѣлію,—которое, въ общемъ, находится на низшемъ уровнѣ развитія, чѣмъ въ Англіи, Бельгіи, даже Германіи,—но, главнымъ образомъ, неутомимому трудолюбію своего населенія, которое умѣетъ извлекать пользу изо всего и которое работаетъ круглый годъ, безъ всякаго перерыва, то въ одной, то въ другой области. На югѣ, впрочемъ, гдѣ земли у крестьянина сохранилось нѣсколько больше, чѣмъ въ остальныхъ мѣстностяхъ, кустар-

Digitized by Google

ные промыслы развиты довольно слабо. Тамъ сельское населеніе употребляетъ всѣ свои силы на сельское хозяйство, работаетъ почти исключительно на своей землѣ и по найму въ сосѣднихъ фермахъ. Но уже въ средней полосѣ, гдѣ земли у крестьянина осталось значительно меньше, онъ удѣляетъ земледѣлію только половину года, а другую занимается разными промыслами; тогда какъ въ сѣверной, начиная съ Нормандіи и до самыхъ Вогезовъ, кустарные промыслы, вслѣдствіе малоземелья, во многихъ мѣстностяхъ почти совсѣмъ уже вытѣснили земледѣліе въ крестьянскомъ хозяйствѣ и изъ подсобнаго занятія сдѣлались главнымъ. Крестьяне этихъ мѣстностей не считаютъ даже нужнымъ обзаводиться сельско-хозяйственными орудіями и предпочитаютъ засѣвать свои небольшія полоски наемнымъ трудомъ, а сами только убираютъ посѣвъ, отдавая все свое время тому или другому промыслу. Впрочемъ, даже тамъ, гдѣ земледѣліе составляетъ еще главное занятіе жителей этой полосы, каждая деревня, каждая маленькая ферма, въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время, представляетъ настоящій улей, гдѣ всѣ, отъ мала до велика, заняты какимъ нибудь ремесломъ.

Не смотря, однако-жъ, на такую живучесть и распространенность кустарныхъ промысловъ, они давно уже потеряли свой существенный характеръ самостоятельнаго мелкаго производства, давно обратились во внѣшнее отдѣленіе фабрики, мануфактуры; крестьянинъ давно уже работаетъ за счетъ капиталиста, по его заказу, изъ его матеріаловъ, сплошь и рядомъ на его же деньги купленными инструментами. Но онъ работаетъ у себя дома, въ кругу своей семьи, нерѣдко только въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время и почти тѣми же инструментами, какими работали его отцы и дѣды. Капиталистъ, эксплуатирующій эти промыслы, позаботился, со своей стороны, только о томъ, чтобы приспособить кустарные промыслы къ своимъ нуждамъ, организовать ихъ такъ, чтобы имѣть возможность быть вполнѣ увѣреннымъ, что къ извѣстному сроку онъ можетъ приготовить такое-то количество товаровъ и такого-то качества. Очевидно, простая скупка кустарныхъ издѣлій уже не соотвѣтствовала бы этимъ требованіямъ. Кустарь могъ бы производить то много, то мало, не тогда, когда нужно капиталисту, не того качества, какое въ данную минуту требуется на рынкѣ. Поэтому капиталистъ нашелъ разсчетливѣе обратиться въ настоящаго хозяина кустарной промышленности, заставить кустаря работать прямо на себя, только не въ мастерской или на фабрикѣ, а у себя дома. Конечно, для этого ему пришлось организовать эксплуатацію кустарныхъ промысловъ болѣе или менѣе правильно, такъ чтобы эта организація вполнѣ удовлетворяла требованіямъ современности; но, въ виду крестьянской нужды и безземелья, это удалось ему безъ особенныхъ затрудненій.

Въ настоящее время, эта организація въ немногихъ словахъ представ-

Digitized by Google

ляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ Нантѣ, Рубэ и другихъ крупныхъ центрахъ хлопчатобумажной и шерстяной промышленности находится нѣсколько конторъ крупныхъ фабрикантовъ шерстяныхъ и бумажныхъ издѣлій. Нѣкоторые изъ этихъ фабрикантовъ имѣютъ тутъ же свою прядильную фабрику, но большинство покупаетъ пряжу готовой, краситъ и приготовляетъ основу для ткани нужныхъ матерій. Тутъ же, при конторѣ, имѣются спеціальные рабочіе, которые придумываютъ рисунокъ ткани, переводятъ его на картонъ, приготовляютъ образчики самой ткани, словомъ—тѣ, на комъ лежитъ вся элегантная часть производства и которые составляютъ, такъ сказать, штабъ фабричной арміи. При ихъ помощи, пряжа приготовляется при конторѣ такъ, что ткачу остается только надѣть ее на станокъ и ткать. Тутъ же она распредѣляется по сортамъ и количеству кустарей и сдается разсыпаннымъ по эксплуатируемой мѣстности—нерѣдко верстъ на 50 въ окружности—агентамъ, которые уже и имѣютъ дѣло съ кустарями. У этихъ агентовъ, въ свою очередь, есть нѣсколько подручныхъ, которые разъѣзжаютъ по кустарямъ, развозятъ имъ работу и слѣдятъ за ея выполненіемъ. Кустарь—иногда со всей семьей—работаетъ задѣльно, преимущественно въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Въ страду же бо́льшая часть кустарей уходитъ на полевыя работы. Почти такимъ же образомъ организованы капиталистомъ и всѣ другіе кустарные промыслы, съ тою разницею, что въ однихъ изъ нихъ, въ кружевныхъ, напримѣръ,—между фабрикантомъ и кустаремъ стоитъ одинъ или нѣсколько самостоятельныхъ посредниковъ, которые берутъ оптомъ работу у первыхъ и потомъ уже на свой страхъ и рискъ исполняютъ ее трудомъ кустарей, въ другихъ—фабриканты обыкновенно живутъ въ Парижѣ и имѣютъ въ провинціи нѣсколько самостоятельныхъ подручныхъ, такъ что заказъ, чтобы попасть къ кустарю, проходитъ черезъ нѣсколько посредниковъ, изъ которыхъ каждый стремится извлечь изъ него возможно больше пользы. Насколько широка и удобна такая система эксплуатаціи кустарныхъ промысловъ, видно изъ того, что нѣкоторые изъ этихъ „фабрикантовъ“—у которыхъ сплошь и рядомъ нѣтъ никакой фабрики—занимаютъ такимъ образомъ до 18 т. рабочихъ; что они, съ другой стороны, нашли возможнымъ при ея помощи провести раздѣленіе труда до крайней степени и въ кустарныхъ промыслахъ. Такъ напримѣръ, въ вышивальномъ промыслѣ, гдѣ насчитываютъ до семи различныхъ манипуляцій, большинство работницъ исполняетъ только самую грубую работу, которая потомъ переходитъ въ болѣе ловкія руки и окончательно отдѣлывается уже въ мастерской самого хозяина и подъ его непосредственнымъ надзоромъ. То же самое въ кружевномъ и даже въ нѣкоторыхъ видахъ ткацкаго производства. Въ производствѣ ювелирныхъ вещей большинство фабрикантовъ живетъ въ Парижѣ; тамъ же отдѣлываются и драгоцѣнные камни или поддѣлки подъ нихъ, которые потомъ разсылаются по всей Европѣ. Но грубая обдѣлка

Digitized by Google

этихъ камней производится въ провинціи кустарнымъ трудомъ. Каждый крупный парижскій фабрикантъ состоитъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нѣсколькими мелкими фабрикантами провинціи, которымъ посылаетъ свои камни для отдѣлки извѣстнымъ образомъ, а тѣ передаютъ ихъ, въ свою очередь мелкимъ антрепренерамъ, которые и распредѣляютъ ихъ между кустарями, требуя произвести надъ ними извѣстное количество манипуляцій, но не объясняя ни ихъ назначенія, ни той формы, какую они примутъ въ окончательной отдѣлкѣ.

Наряду съ кустаремъ деревенскимъ, во Франціи есть довольно компактная масса городскихъ рабочихъ, которые работаютъ у себя дома и своими инструментами, но изъ хозяйскаго матеріала и по его заказу, т. е. стоятъ совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и сельскій кустарь— портные, сапожники, зонтичники, перчаточницы, даже ткачи шалей въ Парижѣ, лентъ и шолковыхъ издѣлій—въ Ліонѣ и С.-Этьенѣ и т. д. Въ доброе старое время, когда торговля была развита еще слабо, почти всѣ издѣлія этихъ ремеслъ производились въ небольшихъ мастерскихъ или мануфактурахъ, которыя работали обыкновенно или на потребителей, или на магазины. Но по мѣрѣ развитія торговли и появленія все болѣе и болѣе крупныхъ магазиновъ, которые нуждались въ тысячахъ рабочихъ рукъ, эта система оказывалась все менѣе и менѣе удобной. Чтобы удовлетворить громадному спросу на свои товары, капиталисту пришлось бы имѣть обширныя, дорого-стоющія мастерскія и многочисленный персоналъ администраціи, что̀ сильно подняло бы цѣны на товары и значительно уменьшило бы доходъ предпріятій. Поэтому, обратившійся въ крупнаго капиталиста, хозяинъ прежней мастерской нашелъ болѣе выгоднымъ обратить своихъ рабочихъ въ кустарей, заставить ихъ работать у себя на дому. Это спасало его отъ издержекъ на содержаніе мастерской и устраняло нужду въ сложной администраціи. Хозяину какого нибудь сапожнаго магазина, чтобы эксплуатировать трудъ нѣсколькихъ тысячъ кустарей, достаточно имѣть при своемъ магазинѣ только небольшую контору и нѣсколько человѣкъ служащихъ — одного-двухъ закройщиковъ, одного пріемщика, который раздавалъ бы работу и принималъ ее, одного кассира и двухъ-трехъ человѣкъ, которыхъ можно было бы посылать по порученіямъ конторы. Составъ персонала, такимъ образомъ, упрощается до послѣдней возможности, а между тѣмъ такая система нисколько не мѣшаетъ капиталисту пользоваться всѣми выгодами раздѣленія труда. Между работающими на дому городскими сапожниками можно встрѣтить, напримѣръ, массу такихъ, изъ которыхъ одни придѣлываютъ только каблуки къ сшитымъ кѣмъ-то другимъ ботинкамъ, другіе сшиваютъ ботинки, третьи окончательно отдѣлываютъ ихъ. Эта организація оказалась настолько удобною для капиталистовъ, что въ настоящее время въ Парижѣ только незначительное число наиболѣе извѣстныхъ портныхъ и сапожниковъ

Digitized by Google

имѣютъ при своихъ магазинахъ мастерскія, да и то только потому, что они, работая на аристократію, имѣютъ нужду самолично и постоянно слѣдить за работой; всѣ же остальные, даже тѣ, которые работаютъ по заказу, выполняютъ свои работы при помощи домашнихъ рабочихъ. Эта система понравилась было сначала и рабочимъ, такъ какъ работать у себя дома гораздо пріятнѣе и свободнѣе, чѣмъ въ мастерской. Но они скоро раскаялись въ своемъ увлеченіи и теперь сильно жалуются на эту систему, такъ какъ она даетъ возможность хозяевамъ, пользуясь разрозненностью рабочихъ, ихъ незавиднымъ матеріальнымъ положеніемъ и ихъ конкуренціей между собою изъ-за работы, спускать рабочую плату далеко ниже средней, существующей въ мастерскихъ той же мѣстности.

Въ средѣ деревенскихъ кустарей эта конкуренція изъ-за работы и это сбиваніе цѣнъ, конечно, еще сильнѣе. Въ городскомъ рабочемъ теперь уже довольно замѣтно развилось сознаніе солидарности своихъ интересовъ и необходимости защищать ихъ общими силами, которое заставляетъ его не упускать изъ виду и общихъ интересовъ корпораціи. Совершенно другое—въ деревнѣ. Тамъ каждый чувствуетъ себя совершенно одинокимъ, предоставленнымъ только своимъ собственнымъ силамъ, и не имѣетъ рѣшительно никакой возможности защищаться отъ давленія фабриканта, тогда какъ нужда и бѣдность заставляютъ его биться изо всѣхъ силъ, чтобы не упустить изъ рукъ предлагаемой работы, какъ бы плохо она ни оплачивалась. Фабриканты, съ своей стороны, стараются еще больше усилить эту зависимость проводя раздѣленіе труда въ кустарныхъ промыслахъ до такой степени, что каждая вещь проходитъ обыкновенно черезъ нѣсколько различныхъ рукъ, и кустарь можетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ приготовить цѣльную вещь, которую онъ могъ бы понести на рынокъ (до какой степени дошло это раздѣленіе труда, и какъ вредно отзывается оно на умственномъ и экономическомъ состояніи деревни, видно, между прочимъ, изъ того, что въ кружевномъ промыслѣ, развитомъ всего сильнѣе въ с.-восточной Франціи, каждое кружево проходитъ черезъ 4—5 различныхъ рукъ, и кружевница Вогезскихъ горъ съ ранняго дѣтства до того погружается въ свою спеціальность, что сплошь и рядомъ не умѣетъ ни шить, ни вязать, не можетъ даже убрать себѣ голову; о чтеніи и письмѣ не можетъ быть, разумѣется, и рѣчи). Не удивительно, поэтому, что задѣльная плата деревенскаго кустаря просто поражаетъ своей ничтожностью, что заработокъ кустаря городскаго значительно ниже заработка рабочаго, занятаго въ мастерской или на фабрикѣ того же города (замѣчено, между прочимъ, что заработная плата всегда выше въ тѣхъ отрасляхъ фабричной или ремесленной промышленности, гдѣ для кустарнаго труда нѣтъ мѣста; такъ, фабричный прядильщикъ получаетъ больше фабричнаго ткача, плотникъ, каменьщикъ, кузнецъ, которые могутъ работать только въ мастер-

Digitized by Google

ской—больше портнаго и сапожника). Правда, между городскими кустарями есть небольшая доля рабочихъ, которые пользуются очень завиднымъ положеніемъ. Но это, прежде всего, артисты своего дѣла, ловкіе, талантливые рабочіе, которые, владѣя выгоднымъ ремесломъ, въ родѣ гравированія на стали, приготовленія физическихъ инструментовъ, работаютъ прямо на магазины или на крупныя фабрики. Они успѣли уже составить себѣ извѣстность между работодавцами, никогда не нуждаются въ работѣ и получаютъ за нее хорошую плату. Но такіе составляютъ минимальное меньшинство, аристократію рабочаго населенія. Большинству же кустарей, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, живется очень плохо, гораздо тяжелѣе, чѣмъ рабочему мастерской и даже фабрики. Но хуже всего то, что при настоящей капиталистической организаціи кустарныхъ промысловъ во Франціи, при томъ значительномъ раздѣленіи труда, которое въ нихъ водворилось, кустарю нельзя уже помочь возвратить утраченную самостоятельность въ производствѣ ни организаціею дешеваго кредита, ни доставленіемъ ему возможности сбывать свои произведенія прямо на рынокъ, какъ это можно еще сдѣлать въ другихъ странахъ. Единственно что̀ можетъ не только улучшить его экономическое положеніе, но и освободить отъ капиталистической зависимости—это распространеніе въ его средѣ техническихъ и ремесленныхъ знаній, къ чему и стремится теперь республика, заботясь о раціональной организаціи профессіональнаго образованія. К. Д—чъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Третій мѣсяцъ болгарскаго кризиса.—Чего мы ждемъ и на что надѣемся?—Болгарское правительство въ роли угнетенной невинности.—Аргументація „братьевъ-разбойниковъ“.—Батенберговскій хвостъ, играющій роль головы.—Трудность полученія извѣстій изъ Болгаріи.—Осада русскаго консульства въ Софіи.—Озлобленіе иностранной печати противъ Россіи. — Русскіе въ Варнѣ. — Истребленіе стамбуловцевъ въ Дубницѣ.—Избіеніе въ Филиппополѣ бывшихъ правителей Болгаріи.—Въ чемъ состоитъ преобладающая роль Россіи въ Болгаріи?—Перемѣна фронта англійской политики.—Добродушіе дипломатіи.—Будирующая и интригующая Германія. — Избраніе принца Вальдемара болгарскимъ княземъ.—Процессія лорда-мэра и лондонскіе соціалисты.—Рѣчи Салисбюри, Смолки, Тиссы и Франца-Іосифа.—Чего хочетъ Россія?—Рѣчь Кальноки.—Сербія, Румынія и Турція.—Бельгійскіе соціалисты и австрійскіе анархисты.—Польскій патріотизмъ.—Кандидатура Генри Джорджа въ званіе нью-іоркскаго мэра. — Процессъ анархистовъ въ Чикаго.

15 (3) ноября.

Еще мѣсяцъ самаго тяжелаго, неопредѣленнаго положенія, мѣсяцъ томительнаго выжиданія, непостижимаго колебанія, непонятнаго молчанія на

Digitized by Google

задорныя выходки и оскорбительныя инсинуаціи печати „дружественныхъ“ державъ; мѣсяцъ дипломатическихъ переговоровъ съ похитителями власти, діалектическихъ препирательствъ съ самозваннымъ правительствомъ, котораго мы не признаёмъ, которое не слушаетъ нашихъ совѣтовъ, не исполняетъ нашихъ предписаній, не боится нашихъ угрозъ, старается обмануть насъ на каждомъ шагу, оскорбить, чѣмъ можно, осмѣять, когда встрѣтится случай; съ правительствомъ, которое изъ тайныхъ мошенниковъ превратилось въ явныхъ разбойниковъ, калѣчитъ и увѣчитъ своихъ гражданъ, а подчасъ и просто убиваетъ ихъ за малѣйшій признакъ расположенія къ Россіи... Нечего сказать! пріятное положеніе. Очевидно, что по доброй волѣ всѣ эти Стамбуловы и Муткуровы не исполнятъ ни одного изъ нашихъ требованій, не уйдутъ со своихъ теплыхъ мѣстечекъ, а силою мы ихъ прогнать не хотимъ, и все ждемъ, чтобы болгары сами вытурили все регентство, на сторонѣ котораго и сила, и войска, и казенный сундукъ, и благосклонное покровительство Европы, тогда какъ у ограбленныхъ, забитыхъ болгаръ, не имѣющихъ возможности заявить свои симпатіи къ намъ—нѣтъ ничего, кромѣ надежды, что мы наконецъ надумаемся и избавимъ ихъ отъ террора регентовъ и министровъ. Да, дѣйствительно: „велико долготерпѣнье нашей матушки-Руси!“ Больше его развѣ только—уступчивость нашей дипломатіи.

Болгарское правительство разъигрываетъ роль угнетенной невинности: „мы не понимаемъ, чего хочетъ Россія, говоритъ оно въ своихъ органахъ: она требовала прекращенія осаднаго положенія, отсрочки выборовъ въ народное собраніе, освобожденія офицеровъ, отправившихъ Батенберга въ Рени—все это сдѣлано. И это правда: осадное положеніе было снято—только не объявлено до выборовъ,—это простое упущеніе маленькой формальности. Правда, теперь оно возобновлено, но потому, что правительству угрожаютъ заговоры и явные бунты. Срокъ выборовъ предписанъ конституціей, и отложить его было нельзя, зато отсрочено открытіе собранія (съ 15 октября по 19-ое!). Офицеры освобождены (когда они уже не могли имѣть вліянія на выборы, въ концѣ октября), и если собраніе выбираетъ князя, то потому, что Россія отказалась назначить своего кандидата. Русскій дипломатическій агентъ объявилъ, что прерветъ сношенія съ правительствомъ (стало быть, онъ призналъ его, входилъ съ нимъ въ сношенія) и уѣдетъ, если хоть одинъ русскій подданный подвергнется преслѣдованіямъ и оскорбленіямъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Начевичъ почтительнѣйше просилъ назвать тѣхъ лицъ, которыя были оскорблены, чтобы наказать виновныхъ, но генералъ Каульбарсъ счелъ это излишнимъ—и не уѣхалъ,—стало быть, преслѣдованія не производятся. Генералъ разъѣзжаетъ по Болгаріи, возбуждая народъ къ неповиновенію и сопротивленію „законному“ правительству, но оно не жалуется на это, не претендуетъ, хотя иностранныя газеты подтверж-

Digitized by Google

дают, что за подобную смѣлость изъ другой страны давно бы выслали агитатора. Населеніе столицы доказываетъ свое нерасположеніе къ Россіи кошачьими концертами, даваемыми по ночамъ передъ домомъ русскаго консульства; жители другихъ городовъ, высылающіе депутаціи къ странствующему генералу съ заявленіями, что они довольны регентствомъ, подтверждаютъ этимъ одобреніе его политики. Въ Филиппополь и вообще въ Румелію агентъ и не поѣхалъ, зная, что его дипломатическія объясненія съ народомъ, а не съ поставленными надъ нимъ властями, будутъ встрѣчены враждебно. Оккупаціи Россія не хочетъ—это объявляютъ офиціально иностранныя газеты, а между тѣмъ послала военныя суда въ Варну и Бургасъ съ военною командою, что̀, конечно, еще болѣе поддерживаетъ безпорядки и волненія въ странѣ. Въ послѣднее время предлагали сторонникамъ Россіи и представителю ихъ Цанкову—мѣсто въ министерствѣ, но онъ требуетъ отставки всего регентства и кабинета, которымъ народное собраніе изъявляетъ благодарность за ихъ управленіе". Такова аргументація „братьевъ-разбойниковъ" Стамбулова и Муткурова, составленная по всѣмъ правиламъ іезуитизма и макіавелизма, не лишенная, съ перваго взгляда, логическихъ основаній. Россія объявляла не разъ, что признаетъ независимость Болгаріи и не будетъ вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла. Но это понятно при нормальномъ положеніи дѣлъ. Между тѣмъ власть въ странѣ захватили проходимцы, отъявленные негодяи, не только не позволяющіе никому въ ней имѣть независимое мнѣніе, но избивающіе, съ помощью своихъ палачей, все здравомыслящее населеніе Болгаріи. Неужели такое положеніе дѣлъ терпимо и мыслимо? Неужели виновны доблестные граждане въ томъ, что выбросили изъ страны Батенберга, изобрѣтателя подобной системы правленія? Виновны они, правда, въ томъ, что, уничтожая скорпіона, столько лѣтъ наносившаго мелкіе уколы Россіи, не уничтожили и его хвоста, въ которомъ сосредоточивался весь ядъ пресмыкающагося. Теперь этотъ батенберговскій хвостъ играетъ роль головы и жалитъ насъ хуже прежняго. А Европа добродушно утѣшаетъ насъ, говоря: стоитъ ли великой Россіи обращать вниманіе на ничтожную Болгарію! Не лучше ли вовсе оставить ее въ покоѣ, отказаться отъ нея. Находятся между нами и русскіе, совѣтующіе эту же систему, позабывъ о томъ, какихъ жертвъ стоила намъ эта страна. Напоминаютъ и басню о москѣ, лающей на слона. Но какъ ни безвредна эта моська, ея неумолкаемый, надоѣдливый лай можетъ заставить самаго терпѣливаго слона если не прижать ее хоботомъ, то, по крайней мѣрѣ, отпихнуть ногою...

Точныя свѣдѣнія о болгарскихъ событіяхъ, совершенно справедливо называемыхъ нашимъ „внутреннимъ вопросомъ", приходится намъ получать съ большими затрудненіями и окольными путями. Ни одна изъ нашихъ офиціальныхъ газетъ, ни штатская, ни военная, ни морская, не сообщаютъ объ нихъ своевременныхъ и полныхъ извѣстій. Нѣмецкая

Digitized by Google

петербургская газета явно на сторонѣ батенберговцевъ. О французской нашей газетѣ и не говоримъ—она издается не для Россіи. Въ то время, когда мы съ нетерпѣніемъ ждали подробностей о нападеніи на русское консульство въ Софіи, „Journal de St.-Pétersbourg“ занимался высчитываніемъ того, сколькими голосами будетъ располагать въ народномъ собраніи болгарское правительство, и сѣтуетъ на то, что мы должны печатать пространныя и ложныя телеграммы, проходящія черезъ стамбуловскую цензуру. Наше „Сѣверное телеграфное агентство“ посылаетъ, напримѣръ, въ петербургскія газеты о безпорядкахъ въ Софіи 11 октября (29 сентября) слѣдующую телеграмму: „Нота г. Неклюдова содержитъ энергическій протестъ противъ обращенія съ народомъ, но выходѣ его изъ консульства“. Можно ли что нибудь понять изъ этого „обращенія съ народомъ“, которому зачѣмъ-то понадобилось выйти изъ консульства?.. По счастію, „Московскія Вѣдомости“, не подчиняющіяся болгарской цензурѣ, напечатали эту телеграмму въ слѣдующемъ видѣ: „Нота содержитъ энергическій протестъ противъ нападенія толпы на русское консульство“. Затѣмъ понадобилось скрывать это нападеніе и превращать его въ „обращеніе съ народомъ“, которому захотѣлось выйти?.. Вѣдь черезъ нѣсколько дней извѣстіе о дерзости софійской черни, поддерживаемой стамбуловскими баши-бузуками, сдѣлалось офиціальнымъ. Прежде всего мы узнали подробности событія 11 октября, конечно, изъ нѣмецкихъ газетъ, но въ какомъ тонѣ сообщалось это извѣстіе!.. Нельзя представить себѣ всей степени наглости и бѣшенства, съ какими жидовскія, польскія и мадьярскія газеты обрушились на Россію за то, что консулъ ея далъ пріютъ крестьянамъ, избитымъ и израненнымъ агентами правительства и дубинами палочниковъ (сопаджіевъ) за то, что крестьяне протестовали противъ выборовъ въ собраніе, признанныхъ Россіей незаконными. Газеты германской имперіи немногимъ отстали отъ своихъ австрійскихъ собратовъ въ клеветахъ и осужденіяхъ. Самая умѣренная изъ нихъ, „Kölnische Zeitung“, офиціозный органъ канцлера, дала пристрастный отчетъ, но вся вѣнская печать прямо говорила, что безпорядки въ Софіи устроила Россія и ея агенты, которые ведутъ себя вообще съ необыкновенной грубостью, постоянно нарушая не только международное право, но и всѣ политическія приличія. Даже передъ крымской войной Россія ничего подобнаго не позволяла себѣ, и надо удивляться долготерпѣнію Европы. Неужели она и послѣ этого позволитъ еще Россіи продолжать свое нашествіе?!. Вопіютъ о „грубомъ провокаторствѣ г. Неклюдова“; германскій консулъ насчиталъ 8 пуль, попавшихъ въ стѣну сосѣдняго нѣмецкаго консульства, но не упомянулъ ни слова о градѣ камней, сыпавшихся въ стѣны русскаго консульства, въ которое легко могла ворваться толпа, подъуськиваемая палочниками и полиціей. Толпу эту удержали только выстрѣлы одного изъ консульскихъ кавасовъ, который, впрочемъ, былъ арестованъ за то, что стрѣлялъ безъ

Digitized by Google

приказанія. Иностранные консулы держали себя въ этомъ столкновеніи самымъ непріязненнымъ образомъ. Напрасно г. Неклюдовъ приглашалъ ихъ засвидѣтельствовать, что консульство не могло не дать пріюта израненнымъ, спасавшимся въ него крестьянамъ, не могло потомъ отдать ихъ на жертву черни, осаждавшей консульство. Получались отвѣты, что все это не стоитъ вниманія, что болгары всегда дерутся на выборахъ. „Kölnische Zeitung" говоритъ: „поведеніе русскихъ, почувствовавшихъ себя такими господами въ Болгаріи, что даже сами стали стрѣлять въ иностранныя консульства, превосходитъ все, что дѣлалось до сихъ поръ. Крестьяне, выпущенные изъ консульства въ числѣ 160 и взятые подъ арестъ, показали, что они сами не знаютъ, зачѣмъ были приведены въ русское консульство старшиной, грозившимъ, что кто не пойдетъ, съ того взыщутъ три рубля. Послѣ того какъ эти люди, *подкупленные г. Неклюдовымъ*, ушли изъ города, въ Софіи водворилось спокойствіе". Послѣ такого нагло-тенденціознаго искаженія истины, гдѣ же искать ее при молчаніи нашихъ офиціальныхъ органовъ?

О печальномъ результатѣ дипломатической миссіи генерала Каульбарса въ Варнѣ мы узнали только изъ „Московскихъ Вѣдомостей". Въ этомъ городѣ чернь устроила генералу такую „возмутительную демонстрацію, что онъ вынужденъ былъ искать защиты у батенберговскихъ агентовъ. Результатъ глубоко оскорбительный, но иначе и ожидать было нельзя. Миссія эта, заключая въ себѣ внутреннее противорѣчіе, не могла имѣть успѣха. Она удостовѣрила только, что Болгарія,—въ рукахъ враговъ Россіи и сама изъ нихъ вырваться не въ состояніи, въ чемъ и удостовѣряться было нечего. Но стоитъ ли говорить о миссіи въ виду страшныхъ событій въ Софіи! Никогда Россія не подвергалась болѣе тяжкимъ оскорбленіямъ. И все это послѣ громкихъ словъ, съ которыми Россія обращалась къ болгарскому псевдо-правительству! Зачѣмъ же слова эти были сказаны, когда за ними по пятамъ не слѣдовало дѣло? Московская газета прибавляетъ, что прибытіе генерала чуть ли не прервало реакцію, начинавшуюся въ болгарскомъ народѣ противъ ихъ самозваннаго правительства. Съ нотами и депешами г. Каульбарса мы могли знакомиться только въ болгарской оппозиціонной газетѣ „Свѣтлина", но и эту газету Стамбуловъ теперь уничтожилъ. Только въ „Kölnische Zeitung" мы нашли извѣстіе, что генералъ Каульбарсъ увѣдомилъ регентовъ, что если болгарскія войска воспротивятся высадкѣ экипажей съ прибывшихъ въ Варну русскихъ военныхъ судовъ, то варненскія казармы и вообще казенныя зданія города рискуютъ быть бомбардированными. На вопросъ Каравелова, какое число матросовъ и морскихъ солдатъ будетъ высажено, генералъ отвѣчалъ: „сколько Государю будетъ угодно приказать". Этотъ твердый отвѣтъ не образумилъ однако зазнавшихся узурпаторовъ, все еще не теряющихъ надежды, что за нихъ вступится Европа... До чего доходитъ ихъ

Digitized by Google

наглость, доказываетъ отвѣтъ Стамбулова турецкому комисару Гадбану-эфенди, совѣтовавшему отложить открытіе народнаго собранія, такъ какъ въ противномъ случаѣ дѣло легко можетъ дойти до турецкой оккупаціи восточной Румеліи. „Этого вы не посмѣете сдѣлать, сказалъ регентъ: впрочемъ, занимайте хотя бы и Болгарію, но предупреждаю васъ—въ такомъ случаѣ намъ придется бѣжать вмѣстѣ въ Малую Азію".

Болгарскіе правительственные разбойники преслѣдуютъ не только тѣхъ, кто осмѣливается подавать голоса противъ нихъ, но и тѣхъ, кто вовсе не подавалъ голоса и уклонился отъ выборовъ. Агенты-палочники увѣчатъ и бросаютъ въ тюрьмы всѣхъ, кто не явился къ избирательнымъ урнамъ: имъ хочется увѣрить Европу, что болгарскій народъ на ихъ сторонѣ. Но это имъ дорого обходится—народъ, выведенный изъ терпѣнія, мѣстами поднимается противъ своихъ мучителей и, въ свою очередь, поступаетъ съ ними варварски. Такъ, въ Дубницѣ крестьяне ворвались въ залу, гдѣ происходила балотировка, и объявили, что не хотятъ незаконныхъ выборовъ. Бывшій депутатъ Гранчаровъ сталъ объяснять имъ необходимость повиновенія правительству. Крестьяне стали кричать: „это вы причиной войны съ Сербіей, которая задавила насъ налогами. Теперь вы хотите вовлечь насъ въ войну съ Россіей, но мы не допустимъ этого". Толпа разнесла выборное бюро и стала преслѣдовать агентовъ правительства: Гранчарову распороли животъ; двухъ другихъ агентовъ убили, истыкавъ имъ голову ножами и выпустивъ мозгъ; подпрефектъ, жестоко избитый, былъ выброшенъ въ окно, добитъ внизу, а трупъ его волочили по улицамъ и бросили въ рѣку. Въ сливненскаго префекта выстрѣлилъ изъ револьвера бывшій врачъ сливненскаго полка, но промахнулся. Въ десяти городахъ восточной Румеліи населеніе явно возстало противъ правительства, а въ Бургасѣ прогнало всѣхъ властей и овладѣло городомъ. Но Стамбуловъ отправилъ въ возставшій городъ оберъ-разбойника, майора-палача Паницу съ сильнымъ отрядомъ войска, которое принудило возставшихъ бѣжать, и стамбуловцы опять овладѣли городомъ, куда прибылъ изъ Варны русскій крейсеръ, чтобы защитить жителей отъ мести солдатчины. Хоть бы эти два города занять намъ, чтобы имѣть опорные пункты на морѣ для прекращенія стамбуловскихъ звѣрствъ, которыя—почище турецкихъ. Но что скажетъ Австрія? а ну какъ германскій канцлеръ сдѣлаетъ недовольную мину!.. Боже сохрани! Того гляди, и его величество король и австрійскій прихвостень Миланъ неодобрительно покачаетъ головою... Нужно тщательно обсудить: достаточно ли дипломатичны наши поступки. Правду говорятъ „Московскія Вѣдомости": „иногда нужно дѣйствительно имѣть крѣпкую вѣру, чтобы не прійти въ уныніе. Въ нашихъ дѣлахъ встрѣчаются странности поразительныя, и не то особенно поразительно, что такія странности встрѣчаются, а то, что онѣ проходятъ заурядными явленіями, и одна влечетъ за собою другую, такъ что эти случайности,

Digitized by Google

передъ которыми останавливается здравый смыслъ, кажутся какъ бы обычнымъ порядкомъ, какъ бы нормой нашей жизни. Лишь благодаря тому, что въ роковую минуту гряпетъ громъ съ нашего неба, мы избавимся отъ злоключеній".

Непостижимыя дипломатическія колебанія и оттягиванія продолжаются въ то время, когда стамбуловцы избиваютъ уже не однихъ мирныхъ гражданъ, не интересующихся политикою, а лицъ, занимавшихъ въ Болгаріи высокое общественное положеніе. Такъ, въ Филиппополѣ искалѣченъ бывшій предсѣдатель правительственнаго комитета Гешовъ, бывшій министръ общественныхъ работъ докторъ Хаканов и бывшій правитель канцеляріи мин. внутреннихъ дѣлъ Дм. Поповъ. Ихъ заперли въ тюрьму и ночью избили тамъ до полусмерти длинными холщевыми мѣшками, наполненными пескомъ, съ пулею на концѣ; били по головѣ, топтали ногами, душили; Попову начали рвать ротъ, но палача остановили другіе злодѣи. Та же участь постигла русскаго подданнаго Ивана Христова и двухъ черногорцевъ. Дмитрію Пелеву, израненному за передачу депеши русскаго консульства, когда онъ попросилъ воды, подали какое-то питье, составленное докторомъ Странскимъ, отъ котораго несчастный Пелевъ умеръ. Изувѣченныхъ Гешова, Хаканова и Попова выпустили изъ тюрьмы, потому что не могли найти никакихъ поводовъ къ ихъ обвиненію... Гдѣ и когда совершались такія позорныя истязанія свободныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ конституціонной страны?.. Если батенберговцы поступаютъ такъ со своими согражданами, то какъ же они относятся къ русскимъ? „Такихъ оскорбленій и униженій, какъ теперь, Россія еще отъ роду не испытывала, говоритъ софійскій корреспондентъ „Новаго Времени": ничего подобнаго ни слышать, ни читать, ни видѣть не приходилось". Министра иностранныхъ дѣлъ Начевича онъ называетъ самымъ злобнымъ врагомъ всего рускаго, оберъ-плутомъ и оберъ-воромъ, и передаетъ изумительныя вещи про его грабительскія продѣлки. Всѣхъ этихъ министровъ и регентовъ раскусили и иностранцы. „Allgemeine Zeitung" называетъ ничтожными и безсовѣстными нынѣшнихъ болгарскихъ правителей и подтверждаетъ, что большинство болгарскаго народа глубоко предано Россіи. „Kölnische Zeitung", всегда стоявшая за Батенберга, отзывается съ презрѣніемъ объ авантюристахъ, губящихъ Болгарію изъ своекорыстныхъ цѣлей. „Для нихъ все дѣло сводится къ тому, чтобы удержать за собою теплыя мѣстечки". Французскія газеты также порицаютъ регентство и совѣтуютъ ему выйти въ отставку. А между тѣмъ консулы и агенты державъ въ Болгаріи держатъ себя явно враждебно противъ Россіи. Корреспондентъ указываетъ въ особенности на англійскаго и германскаго агента: послѣдній—сынъ и внукъ еврейки. Консулъ Джонсъ и секретарь англійскаго посольства Грефсъ принимали ,дѣятельное участіе во всѣхъ демонстраціяхъ, враждебныхъ Россіи, бросали деньги черни, осаждавшей рус-

Digitized by Google

ское консульство въ Софіи, въ то время какъ дамы ихъ раздавали сотни франковъ сопаджіямъ—неизвѣстно за какую услугу. Больше всего регентовъ подстрекаютъ къ сопротивленію мадьяры. „Pesther Lloyd“ прямо совѣтуетъ Болгаріи—объявить войну Россіи. Мадьяры до того кричатъ и бѣснуются, что нѣмецъ Люгеръ назвалъ въ палатѣ всю Венгрію домомъ умалишенныхъ. И однако, поощряемые изступленными выходками противъ Россіи, Стамбуловы и Муткуровы продолжаютъ свирѣпствовать въ Болгаріи противъ приверженцевъ Россіи. Семдесятъ четыре гражданки города Трояна подали г. Каульбарсу жалобу на то, что солдаты ночью ворвались въ ихъ дома, захватили съ постели ихъ мужей, засадили въ тюрьму только за то, что они сочувствуютъ Россіи, и бьютъ ихъ неистово и постоянно. „Никогда турки, бывшіе наши враги, не дѣлали подобныхъ безобразій!“ прибавляютъ несчастныя, прося, чтобы генералъ защитилъ ихъ отъ этихъ варваровъ. И генералъ—пишетъ ноты Начевичу, отвѣчающему, что правительство произведетъ слѣдствіе и приметъ надлежащія мѣры. И дипломатія успокоивается и продолжаетъ увѣрять, что болгарскій кризисъ кончится благополучно, такъ какъ всѣ державы одушевлены искреннимъ желаніемъ мира... И къ чему оккупація, когда все идетъ такъ прекрасно?... Къ чему торопиться съ крутыми мѣрами, когда все кончится когда нибудь къ общему удовольствію и благополучію? Вѣдь въ Болгаріи, должно быть, уже нѣтъ теперь больше ни избитыхъ, ни избиваемыхъ, такъ какъ нашъ дипломатическій агентъ объявилъ, что уѣдетъ при первомъ случаѣ избіенія...

Послѣ всѣхъ оскорбленій, какими насъ осыпала Англія, послѣ явнаго подстрекательства болгаръ къ сопротивленію ея агентами и консуломъ Джонсомъ, англійскія газеты вдругъ перемѣнили фронтъ и стали признавать, что Россія имѣетъ право на преобладающее вліяніе въ Болгаріи и на занятіе ея своими войсками. Правительственная газета „Observer“ первая высказала ясно причины, побуждающія Англію не противиться русской оккупаціи: ни Германія, ни Австро-Венгрія не находятъ, чтобы стоило вести войну съ Россіей изъ-за Болгаріи. Франція и Италія не хотятъ вмѣшиваться въ этотъ вопросъ, не затрогивающій ихъ интересовъ. Англія, еслибы даже и хотѣла, безсильна одна начать борьбу. Если оккупація не будетъ имѣть характера окончательнаго присоединенія Болгаріи къ Россіи, то можетъ состояться безпрепятственно. „Принятіе Англіей участія въ европейской войнѣ было бы для страны въ настоящее время народнымъ бѣдствіемъ. Независимость Болгаріи принесена въ жертву европейскому миру“, и Англія даже „не имѣетъ основанія быть недовольной такою жертвою“. Никогда подобныя откровенныя признанія не появлялись въ англійскихъ газетахъ; никакая либеральная и даже радикальная газета не считала возможнымъ высказывать такъ открыто безсиліе кабинета. Видно, ужь очень огорчили Салисбюри неудачи его друга Черчиля, на-

Digitized by Google

прасно совершавшаго дипломатическую поѣздку по Европѣ, въ погонѣ за союзниками. Таковыхъ у Англіи не отъискалось, и вотъ она заявляетъ, что ей незачѣмъ быть недовольной принесеніемъ въ жертву независимой Болгаріи. Послѣдняя фраза, конечно, приводится только для краснаго словца, потому что недовольство сквозитъ все таки въ каждомъ словѣ этого признанія, а болгарской независимости, попираемой регентами, Россія не думаетъ угрожать. Англійская откровенность однако же такъ подѣйствовала на софійское правительство, что оно тотчасъ же начало толковать о возможности „войти въ соглашеніе съ Россіей". Господа Стамбуловъ и Начевичъ милостиво изъявляютъ на это свое соизволеніе!.. и въ Софіи продолжаютъ посылать ноты къ лицамъ, находящимися внѣ закона и непризнаваемымъ Россіей... „Journal de St.-Pétersbourg" такъ обрадовался англійскимъ признаніямъ, что выдалъ атестатъ добропорядочности всей печати европейскихъ столицъ, которая, по мнѣнію нашей газеты, „судитъ о политическомъ положеніи здраво, безъ заднихъ мыслей и предубѣжденій; даже англійскія газеты начинаютъ не оспаривать права Россіи на господствующее вліяніе въ Болгаріи". И это говорилось послѣ того, какъ „Daily News" печатала слѣдующія строки: „Еслибы генералъ Каульбарсъ дѣйствовалъ въ одномъ изъ западныхъ европейскихъ государствъ такъ, какъ онъ дѣйствовалъ въ Болгаріи, то его просто выслали бы изъ страны, а еще болѣе вѣроятно, что его повѣсили бы".

О вѣнскихъ органахъ нечего и говорить: они явно обвиняютъ во всемъ Россію и отрицаютъ ея право положить конецъ болгарской анархіи. Но и въ Берлинѣ продолжаютъ играть ту же двойную роль, какъ при началѣ болгарской неурядицы. Официально намъ предоставляютъ преобладающее вліяніе въ Болгаріи, а офиціозно поощряютъ болгаръ къ сопротивленію и пугаютъ биржу, постоянно понижающую нашъ несчастный курсъ. Берлинъ за все сердится: и за открытіе у насъ памятника „Славы", хотя онъ и сконированъ съ берлинскаго „монумента побѣды", и за то, что изъ Петербурга не выслали Дерулэда, и за то, что въ Москвѣ нашли прусскихъ офицеровъ, изучающихъ усердно русскій языкъ. Не говоримъ уже о томъ, что панслависты и шовинисты—виновники изгнанія Батенберга, который также ревностно насаждалъ въ Болгаріи нѣмецкую культуру, какъ Миланъ въ Сербіи—по собственному его заявленію. Берлинъ стыдитъ насъ, что мы возобновляемъ дружественныя дипломатическія сношенія съ республикою, отправившею къ намъ новаго посла, бывшаго уже секретаремъ посольства въ Петербургѣ, потомъ посланникомъ въ Мадридѣ, сына извѣстнаго писателя Лабулэ. При этомъ Берлинъ забываетъ, съ какимъ удовольствіемъ самъ онъ принималъ недавно новаго французскаго посла Гербетта и чуть не упрашивалъ Францію отложить хоть на время помышленія о реваншѣ. И въ то же время „Nazional Zeitung" возмущается образомъ дѣйствій генерала Каульбарса, называетъ его азіатскимъ дипло-

Digitized by Google

матомъ и хотя сознаётся, что Европа не окажетъ помощи болгарамъ, но утѣшаетъ себя тѣмъ, что Россія создастъ себѣ въ Болгаріи вторую Польшу, повредитъ себѣ въ мнѣніи Европы и подтвердитъ толки о своей разростающейся заносчивости. „Vossische Zeitung“ совсѣмъ выходитъ изъ себя и совѣтуетъ болгарамъ сопротивленіе до послѣдней капли крови. Правители ихъ болѣе всего склонны слѣдовать такимъ совѣтамъ. Одно время они упали было духомъ, и министры сдѣлали предложеніе Цанкову—вступить въ составъ кабинета. Когда же этотъ сторонникъ Россіи объявилъ, что не войдетъ ни въ какія комбинаціи, пока регентство не выйдетъ въ отставку, оно рѣшилось идти на проломъ, и закончило комедію народнаго собранія избраніемъ князя—принца Вальдемара датскаго, родственнаго русскому, англійскому, греческому и орлеанскому дому. Стамбуловъ въ своей рѣчи, изложивъ неоднократно приводимые имъ доводы о невозможности вторичнаго избранія Батенберга, заявилъ, что, въ виду неназначенія державами кандидата, Болгарія должна сама избрать князя, тѣмъ болѣе, что послы державъ, съ которыми болгарскій делегатъ совѣщался въ Константинополѣ, высказали, что длить нынѣшнее положеніе нежелательно. Не скрывая отъ собранія, что Россія, вѣроятно, откажется признать законность избранія, Стамбуловъ объявилъ, что оно, тѣмъ не менѣе, должно состояться. Къ тому же, личность избираемаго князя достаточно свидѣтельствуетъ о примирительныхъ чувствахъ болгарскаго правительства и народнаго собранія. Боясь, что депутаты не повѣрятъ искренности его словъ,— такъ ужь привыкли всѣ видѣть постоянную ложь въ каждомъ заявленіи регента-диктатора,—онъ пригрозилъ членамъ, что если они все таки выберутъ Батенберга, то правительство выйдетъ въ отставку. Тогда собраніе единогласно провозгласило младшаго сына датскаго короля болгарскимъ принцемъ и отправило къ нему телеграмму и депутацію. Принцъ отвѣчалъ сначала изъ Капна регентамъ, что благодаритъ за честь избранія, но что рѣшеніе зависитъ отъ его родителя, а самъ онъ лично полагаетъ, „что будетъ связанъ другими обязанностями“. 13-го ноября датскій король телеграфировалъ изъ Копенгагена болгарскому правительству, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ онъ не можетъ согласиться на избраніе принца Вальдемара.

Въ тотъ самый день, когда стамбуловцы выбирали себѣ князя, вопреки заявленію Россіи, что она не признаётъ никакихъ выборовъ незаконнаго собранія, въ Лондонѣ происходила обычная историческая процессія прибытія въ Гильдголь новоизбраннаго лорда-мэра Сити (9 ноября н. ст.). Торжественность этого обряда нарушилась необычными мѣрами правительства, опасавшагося столкновенія народа съ инымъ шествіемъ по лондонскимъ улицамъ. Дѣло въ томъ, что соціалисты заявили о своемъ по желаніи устроить въ тотъ же день процессію голодающихъ рабочихъ, для контраста съ великолѣпіемъ процессіи лорда-мэра. Но правительство за-

Digitized by Google

претило подобную демонстрацію и твердо рѣшило предупредить всякое нарушеніе общественнаго порядка и спокойствія. Всѣ пути къ Трафальгарскому сквэру, по набережной Темзы и восточному кварталу, были заняты сильными полицейскими отрядами, и вся королевская гвардія, пѣхота и кавалерія были готовы выступить на помощь полиціи. Двери и окна общественныхъ зданій, банковъ и магазиновъ на пути слѣдованія процессіи и на ближайшихъ улицахъ были закрыты и защищены крѣпкими ставнями—и шествіе лорда-мэра совершилось благополучно. Только вечеромъ толпа рабочаго населенія ворвалась въ Трафальгарскій сквэръ, и собралась вокругъ статуи Нельсона съ красными флагами. Вожаки соціалистовъ пытались говорить рѣчи народу, но онъ такъ шумѣлъ, что ихъ нельзя было разслышать. Полиція относилась спокойно къ этой демонстраціи, но когда шумъ сдѣлался слишкомъ силенъ, разогнала толпу съ помощью кавалеристовъ, разъѣзжавшихъ рысью по сквэру.

Въ тотъ же вечеръ, на банкетѣ въ честь лорда-мэра, Салисбюри произнесъ политическую рѣчь, которою газеты остались очень довольны. Въ ней онъ коснулся и болгарскаго вопроса, и повторилъ то, что̀ говорили „Observer“ и Черчиль послѣ своей неудачной поѣздки въ Вѣну: Англія отказывается отъ самостоятельной политики на Балканскомъ полуостровѣ, такъ какъ тамъ не затронуты ея интересы, но будетъ поддерживать Австрію, если она выступитъ противъ Россіи, въ случаѣ нарушенія международнаго права оккупаціею Болгаріи. Что же касается до оккупаціи Англіею Египта, премьеръ сознался, что ее слѣдовало бы ограничить, но теперь нельзя очистить страну, не исполнивъ всѣхъ данныхъ ей обѣщаній: устранить неурядицу въ ея внутреннихъ, а особенно—финансовыхъ дѣлахъ и обезпечить Египетъ отъ наступательной иноземной политики. Не такой платонической помощи ждала Австрія послѣ рѣчей ея императора и президентовъ ея транс- и цис-лейтанскихъ делегацій. Оба президента взывали къ патріотизму делегацій, ожидая отъ нихъ вотированія значительныхъ суммъ, необходимыхъ для усиленія арміи въ виду необходимости поддержать оружіемъ достоинство и интересы имперіи, хотя податныя силы страны значительно пошатнулись.

Президентъ венгерской делегаціи еще яснѣе заявилъ, что существенными интересами на Балканскомъ полуостровѣ нельзя поступиться ни въ какомъ случаѣ, даже въ виду могущей оказаться необходимости вооруженнаго столкновенія. Рѣчи эти, содержаніе которыхъ не могло быть неизвѣстно министерству до произнесенія ихъ, были пущены въ видѣ пробныхъ шаровъ, но делегаты встрѣтили шумными аплодисментами тѣ мѣста рѣчей, гдѣ говорилось о необходимости мира; что же касается до необходимости войны, то обратились къ Кальноки съ вопросами, неужели правительство также увлекается шовинизмомъ? Министръ, конечно, сталъ увѣрять, что рѣчи Смолки и Тиссы для него сюрпризы. Онѣ однако произ-

Digitized by Google

вели такое волненіе въ городѣ, что на другой же день офиціознымъ газетамъ пришлось успокоивать сильно возбужденную публику. Органъ Кальноки „Fremdenblatt“ убѣждалъ общественное мнѣніе не придавать рѣчамъ преувеличеннаго значенія. „Neue Freie Presse“ назвала рѣчи—въ высшей степени несвоевременными. Въ виду далеко не воинственнаго настроенія Австріи, пришлось въ отвѣтной тронной рѣчи значительно смягчить впечатлѣніе, произведенное президентами. Но сдѣлано это въ выраженіяхъ умышленно неясныхъ и запутанныхъ. Императорская рѣчь формулируетъ условія, при которыхъ „серьезныя опасенія могутъ разсѣяться и новый опасный кризисъ направиться на путь мирнаго разрѣшенія“. Условія эти: участіе Европы въ окончательномъ рѣшеніи болгарскаго вопроса, сохраненіе автономіи Болгаріи и удовлетвореніе ея желаній (то есть желаній Стамбуловыхъ, Муткуровыхъ и другихъ палочниковъ, автономно истязующихъ болгаръ) и, наконецъ, соблюденіе Россіею австрійскихъ интересовъ. Ну, а если эти интересы будутъ противорѣчить русскимъ интересамъ? что же тогда станется съ преобладающею ролью, которую такъ милостиво предоставляютъ Россіи въ болгарскомъ вопросѣ? И почему же Россія должна соблюдать австрійскіе интересы, а не наоборотъ: Австрія—русскіе? Понятно, что такія условія нисколько не гарантируютъ европейскаго мира, и они теперь еще ненадежнѣе, чѣмъ при началѣ кризиса, особенно послѣ того, какъ берлинскія газеты заявили, что Германія не вмѣшается въ болгарскій вопросъ, пока Австрія и Россія будутъ рѣшать его миролюбиво; но если онѣ поссорятся, Германія будетъ на сторонѣ Австріи. Это, по крайней мѣрѣ, ясно и откровенно. Напрасно только органы германскаго канцлера осыпаютъ Россію упреками за то, что ея дѣйствія „не согласуются съ требованіями политической морали“. Вѣдь самъ же Бисмаркъ говорилъ, что „политика есть искусство удовлетворять законному своекорыстію государства“. И какъ своекорыстны наши отношенія къ Болгаріи, которую мы создали цѣною утраты сотенъ тысячъ русскихъ людей и русскихъ рублей!... Но честный маклеръ недаромъ неожиданно явился въ Берлинъ къ открытію рейхстага и долго совѣщался съ Вильгельмомъ. Намъ, очевидно, готовится новый берлинскій сюрпризъ.

Дѣлаютъ какіе-то глубокомысленные выводы изъ того, что въ рѣчи Франца-Іосифа не упоминается ни слова объ австро-германскомъ соглашеніи. Но къ чему говорить о томъ, что ясно само собою, видно изъ дѣла! Еще страннѣе намѣреніе державъ, о которомъ говорятъ газеты—сдѣлать коллективный запросъ Россіи: въ чемъ состоитъ ея политика, и чего она хочетъ въ Болгаріи? Вѣдь всѣ русскія требованія были ясно высказаны генераломъ Каульбарсомъ. Ни одно изъ нихъ не было своевременно принято болгарскимъ правительствомъ, и Россія категорически объявила, что не признаетъ ни незаконныхъ выборовъ въ народное собраніе, ни его постановленій. Стало быть, надо распустить нынѣшнихъ стамбуловскихъ

Digitized by Google

ставленниковъ, дать народу полную свободу произвести новые выборы, при полномъ отсутствіи палочниковъ и агентовъ регентства,—и пусть тогда новое собраніе вновь изберетъ себѣ князя, который будетъ самостоятельно управлять страною, но не истреблять вліяніе Россіи въ Болгаріи, чѣмъ такъ усердно занимался Батенбергъ въ теченіе своего семилѣтняго управленія, и къ чему стремятся теперь всѣ европейскія державы, желая совершенно вытѣснить насъ съ Балканскаго полуострова. Должны ли мы согласиться на это? Въ этомъ состоитъ весь вопросъ, рѣшеніе котораго ясно для всякаго истинно русскаго человѣка. Наше долготерпѣніе кажется западнымъ державамъ слабостью, нерѣшительностью, заставляетъ ихъ думать, что насъ можно испугать угрозами, обмануть дипломатическими фокусами. Будь державы единодушны, не опасайся онѣ другъ друга—война давно была бы намъ объявлена. Теперь всѣ твердятъ о своемъ миролюбіи, забывъ, что излишнее миролюбіе, какъ показываетъ исторія, чаще ведетъ къ войнѣ, чѣмъ рѣшительная воинственность.

Но если современная дипломатія дѣлаетъ очень мало, зато говоритъ она слишкомъ много. Послѣ трехъ министерскихъ рѣчей и одной императорской о болгарскомъ кризисѣ, казалось бы, нечего больше распространяться. Но оказалось, что все еще мало и всѣхъ этихъ англійскихъ, мадьярскихъ и нѣмецкихъ разъясненій, которыя правильнѣе было бы назвать „затемненіями“ вопроса. 13-го ноября, въ комисіи венгерской делегаціи, заговорилъ и австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Кальноки. Въ рѣчи его не высказывается ничего новаго, и даже шпильки, которыми онъ думаетъ уколоть Россію—далеко не новы въ устахъ министра „дружественной“ намъ державы. Шпильки направлены въ генерала Каульбарса, „дѣятельность котораго слишкомъ преувеличивается. Въ фактическомъ отношеніи не достигнуто ничего, что бы могло имѣть рѣшительное вліяніе на устройство Болгаріи. Ему только удалось дать почувствовать Болгаріи самымъ непріятнымъ образомъ воздѣйствіе Россіи и пробудить въ Европѣ небывалое сочувствіе къ болгарамъ“. Затѣмъ идетъ обычный наборъ дипломатическихъ фразъ, закутанныхъ въ туманъ, позволяющій толковать ихъ, какъ угодно. Опредѣленно высказывается только, что „отправка русскаго комисара, который взялъ бы въ руки управленіе Болгаріею, или же занятіе ея береговыхъ пунктовъ или всей страны—были бы такими актами, которые, во всякомъ случаѣ, вынудили бы Австрію занять рѣшительное положеніе“. Что это за „рѣшительное положеніе“? Будетъ ли оно состоять въ объявленіи намъ войны или въ объявленіи согласія съ нашими взглядами—понимайте, какъ знаете. Есть въ этой рѣчи и совершенно уже непонятныя фразы, въ родѣ той, что Австрія не балканская держава (это захвативши-то Боснію и Герцеговину!) или что нельзя себѣ представить положенія Германіи, еслибы рядомъ съ нею не стояла могущественная Австрія. Полагаемъ, что нѣмцы могутъ представить себѣ положеніе своего отечества и вовсе безъ могущественной Австріи, въ которой они нисколько не нуждаются...

Digitized by Google

Не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Болгарія, находится и бѣдная Сербія. Народъ потерялъ всякую вѣру въ короля и смотритъ на него, какъ на деспота, захватившаго власть исключительно въ своихъ личныхъ интересахъ. Сколько разъ, въ минуты опасности, Миланъ давалъ торжественныя обѣщанія перемѣнить направленіе своей антинаціональной политики; но опасность проходила, и онъ опять продолжалъ дѣйствовать въ разрѣзъ народнымъ интересамъ. Когда прогнали Батенберга, Миланъ сказалъ: „я знаю, что и мнѣ сербы готовятъ такую же участь; но прежде чѣмъ они достигнутъ своей цѣли—Сербіи не будетъ". Давно извѣстно, что, по договору съ Австріей, при первомъ народномъ движеніи въ странѣ или заговорѣ противъ короля, австрійскія войска займутъ всю Сербію, охраняя права своего вассала. Но Миланъ больше всего дрожитъ за свою драгоцѣнную жизнь и боится только покушенія на нее. Прежде онъ заискивалъ расположенія офицеровъ всякими поблажками и наградами; теперь онъ не довѣряетъ никому, ни даже своей женѣ. Только одинъ Гарашанинъ, усердно охраняющій этого мрачнаго деспота, съ которымъ связано личное благосостояніе министра, пользуется довѣріемъ. По странѣ разъѣзжаютъ такъ называемые военно-политическія команды, съ цѣлью помѣшать образованію гайдучьихъ „четъ", и готовыя подавить малѣйшее народное движеніе. Заискивая у своего недавняго врага, болгарское регентство уступило ему обширный округъ Брегово, на который Сербія изъявляла притязанія; но Миланъ говоритъ, что самъ отдалъ бы половину своего королевства, лишь бы возвратить престолъ своему побратиму Батенбергу. Выборы въ скупштину производятся въ странѣ съ такими же сценами насилія противъ оппозиціи, какъ и въ Болгаріи. Всѣ убѣждены, что легальнымъ, мирнымъ путемъ нельзя добиться перемѣны въ злополучномъ государственномъ управленіи, которое довело страну до отчаяннаго положенія. Сербы массами бѣгутъ въ Румынію, Венгрію, даже Австрію—до того имъ приходится плохо на родинѣ. Дезертируютъ даже солдаты сербской арміи со своими унтеръ-офицерами, украшенными медалями и крестами за храбрость при Сливницѣ и Драгоманѣ.

Бѣгутъ толпами и румыны отъ своего Гогенцоллерна, даже въ Болгарію и Трансильванію, только не къ нѣмцамъ, положительно выживающимъ со своихъ мѣстъ населеніе нижняго Дуная. Тамъ тоже орудуетъ на славу первый министръ Братіано, сродни Гарашанину. На него все дѣлаютъ покушенія люди, выведенные изъ терпѣнія его управленіемъ, а онъ хватаетъ и сажаетъ въ тюрьму, подъ предлогомъ участія въ заговорѣ, всякаго, кто мѣшаетъ ему грабить и притѣснять народъ. Газеты не смѣютъ обличать самоуправства: недавно редакціи трехъ изъ нихъ были разграблены подкупленными негодяями и два журналиста сильно избиты. Полиція равнодушно смотрѣла на грабежъ и побоище, и пострадавшіе напрасно требуютъ суда. Между румынскими либералами, сербскими напредняками и болгарскими радикалами существуетъ трогательное согласіе, и, въ ожиданіи „балканской федераціи", три страны

Digitized by Google

заключили между собою союзъ о взаимной выдачѣ преступниковъ, то есть лицъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованія своего правительства. Между тѣмъ король Карлъ думаетъ не о благѣ своей страны, а о томъ только, какъ бы укрѣпить ее въ своемъ гогенцоллернскомъ родѣ. Такъ какъ онъ потерялъ уже надежду имѣть дѣтей,—супруга его производитъ только стихотворенія и повѣсти,—то выписалъ своего младшаго брата Фердинанда, 21 года, который и учится у своего брата, какъ надо управлять Румыніею.

Послѣднія событія на Балканскомъ полуостровѣ повели хоть къ тому, что Англія перестала лицемѣрничать по отношенію къ Турціи и, захвативъ у нея Египетъ, перестала утверждать, что заботится о ея цѣлости. Напротивъ, въ англійской журналистикѣ появляются откровенныя признанія, что Турцію пора подѣлить, и дни ея сочтены. Органъ либераловъ „Fortnightly Review“, редактируемый Джономъ Морлеемъ, въ статьѣ „Близкій кризисъ Турціи“ весьма непочтительно отзывается о султанѣ и пророчитъ ему участь Абдулъ-Азиса, если онъ не перестанетъ вѣрить Россіи. По словамъ журнала, Абдулъ-Гамидъ занимается только мелочами, а въ управленіе вмѣшивается цѣлый рой драгомановъ, секретарей, евнуховъ, отмѣняя постановленія министровъ. Подозрительный султанъ, живя затворникомъ въ укрѣпленномъ дворцѣ, поощряетъ только шпіонство и тратитъ огромныя суммы на простыя прихоти, когда казна пуста, а паши грабятъ народъ, который не въ силахъ переносить тяжесть налоговъ. Аравія, Сирія, Арменія ненавидятъ турецкое иго и готовы свергнуть его каждую минуту, если только встрѣтятъ помощь и найдутъ союзниковъ.

Въ Бельгіи не прекращается соціалистическое движеніе. Союзъ стекольщиковъ произвелъ въ Брюсселѣ демонстрацію, но солдаты, призванные для водворенія порядка, побратались съ рабочими, и одинъ унтеръ-офицеръ произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что армія симпатизируетъ рабочимъ. При звукахъ марсельезы, солдаты разошлись подъ руку съ рабочими. Военный министръ нарядилъ по этому случаю слѣдствіе.—Въ Вѣнѣ анархистскій заговоръ былъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ думали. Между 17-ью захваченными лицами были и динамитчики, и фальшивые монетчики, и грабители, вторгавшіеся въ жилища частныхъ лицъ, въ полицейскихъ мундирахъ, будто бы для обысковъ. Предположено было зажечь одновременно главнѣйшіе дровяные склады въ Вѣнѣ, между которыми нашли бутыли съ керосиномъ и взрывчатыми веществами. Захваченныя лица принадлежатъ къ сословію ткачей, портныхъ и сапожниковъ.

Извѣстно, какъ вопіяли поляки противъ вытѣсненія ихъ изъ Познанской провинціи. Но пановъ, обладателей обширныхъ помѣстій, прусское правительство не хотѣло выселять насильственными мѣрами; оно только предложило хорошую цѣну за землю, а ясновельможные паны воспользовались случаемъ сдѣлать выгодный гешефтъ и поспѣшили продать свои наслѣдственные майонтки. Варшавская газета „Glos“ насчитала, что въ са-

Digitized by Google

мое короткое время графы Лубенскій, Мельжинскій, Мыцельскій, Менчинскій, графиня Бинская и другіе продали такихъ имѣній больше, чѣмъ на пять милліоновъ марокъ. „Dziennik Poznanski“ счелъ своимъ долгомъ упрекнуть „Glos“ въ обнародованіи такихъ непатріотичныхъ извѣстій и оправдывалъ сіятельныхъ помѣщиковъ. Тогда Glos отвѣчалъ ему: „оставайтесь при вашихъ традиціяхъ, и, во имя ихъ, польскую землю и Пястово обиталище продавайте нѣмцамъ въ раздробь, какъ сто лѣтъ тому назадъ продавали оптомъ. Во имя тысячелѣтней культуры идите просить милостыни у Бисмарка, продавайтесь дипломатамъ и Ватикану, пропадайте, если хотите; но мы чувствуемъ въ себѣ жизнь и здоровье и не хотимъ умирать, да еще умирать такъ глупо и подло. Мы желаемъ защищать нашу землю нашимъ упорнымъ трудомъ, какъ тысячу лѣтъ польскій безкультурный плебсъ защищалъ ее отъ нѣмецкихъ захватовъ и шляхетской расточительности“.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, кандидатомъ въ мэры Нью-Іорка былъ предложенъ рабочей партіей Генри Джорджъ, основатель теоріи націонализаціи земли. Противникъ его, милліонеръ Абрамъ Гьюиттъ, объявилъ, что принимаетъ такую кандидатуру для противодѣйствія анти-американскимъ демагогическимъ доктринамъ, проповѣдуемымъ Джорджемъ. Тотъ отвѣчалъ, что богачъ Гьюиттъ, конечно, не заботится объ интересахъ бѣднѣйшихъ классовъ столицы, и предлагалъ ему публичный диспутъ, на которомъ оба защищали бы свои доктрины. Гьюиттъ отказался отъ диспута, хотя самъ проповѣдывалъ на конгрессѣ 1880 года, что рабочіе, благодаря труду которыхъ возрастаетъ цѣнность городскихъ имуществъ, должны участвовать въ выгодахъ, доставляемыхъ возвышеніемъ этой цѣнности. Теперь, сдѣлавшись милліонеромъ, онъ отказался однако отъ этого мнѣнія, тогда какъ Джорджъ продолжаетъ настаивать на томъ, что права собственности на землю должны быть постепенно уничтожены, что надо снять налоги съ воздѣланной и застроенной земли, съ произведеній труда рукъ и ума человѣка, и всю тяжесть налоговъ перенести на свободные невоздѣланные участки, чтобы понудить собственниковъ строиться и обрабатывать землю, доставляя работу незанятымъ рукамъ. Въ Нью-Іоркѣ много еще незастроенныхъ участковъ, а между тѣмъ въ немъ на каждую квадратную милю приходится 85,000 жителей, тогда какъ въ Лондонѣ всего 15,000 и только въ Кантонѣ и другихъ густо заселенныхъ городахъ Китая 35,000. Мудрено ли, что въ бѣдныхъ нью-іоркскихъ кварталахъ смертность доходитъ даже до 65% да и общая смертность въ городѣ была бы ужасна, еслибы чистый морской воздухъ не уничтожалъ вреднаго дѣйствія чрезмѣрной скученности населенія. Въ Чикаго все еще не рѣшили вопроса: слѣдуетъ ли казнить анархистовъ, пытавшихся разрушить городъ динамитомъ. Между тѣмъ, въ этомъ городѣ возникла громадная стачка мясниковъ и рабочихъ на бойняхъ. Виною стачки были владѣльцы боень,

Digitized by Google

объявившіе, что восьмичасовой рабочій день они обращаютъ въ десятичасовой. Рабочіе не захотѣли подчиниться этому распоряженію и составили стачку съ помощью общества „рыцарей труда“, но держатъ себя спокойно и не производятъ безчинствъ, хотя забастовавшихъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, болѣе 30,000. Постоянные патрули изъ нихъ же среды охраняютъ общественную собственность. Происходятъ покушенія только въ другой сферѣ—противъ присяжныхъ, свидѣтелей и судей, обвинившихъ анархистовъ въ послѣднемъ процессѣ. Судья Герри назначилъ день ихъ казни на 3 декабря, но они еще надѣются на кассированіе процесса въ верховномъ судѣ Соединенныхъ Штатовъ. Послѣдняя рѣчь Герри къ осужденнымъ произвела сильное впечатлѣніе: „Народъ нашъ, говорилъ онъ, любитъ свои учрежденія, свой семейный очагъ, свою собственность, пріобрѣтенную трудомъ. Онъ никогда не допуститъ, чтобы все это было уничтожено путемъ насилія и убійствъ. Существующій политическій и общественный строй Америки можетъ быть измѣненъ, но не иначе, какъ съ согласія большинства націи. Всякій имѣетъ право, путемъ печати и слова, предлагать какія ему угодно убѣжденія; но если онъ проповѣдуетъ убійство и разрушеніе—онъ ставитъ на карту свою собственную жизнь, и въ такомъ случаѣ никакія жалобы на лишеніе свободы слова не спасутъ его отъ возмездія за подстрекательство къ лишенію жизни его согражданъ. Свобода не есть дозволеніе разрушать (Liberty is not licence to destroy)“. Слова эти долженъ былъ бы помнить каждый анархистъ, основывающій общее благо на истребленіи своихъ братьевъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Учебникъ исторіи, профессора *Александра Трачевскаго*. Средняя исторія. С.Пб. 1886 года.

Намъ приходилось говорить, въ прошломъ году, о второмъ томѣ „Учебника исторіи“ того же автора, излагавшемъ русскую исторію. Теперь вышелъ и третій томъ, заключающій въ себѣ среднюю исторію и составляющій продолженіе перваго тома (древняя исторія), появившагося въ 1883 г. Почтенный авторъ не теряетъ времени и быстро идетъ къ завершенію предпринятаго имъ полнаго курса историческихъ учебниковъ (четвертый томъ—по новой исторіи—уже печатается). Нынѣ вышедшій томъ составляетъ самую трудную часть предпринятой имъ задачи: дать русской публикѣ такую книгу, которая, при сжатомъ изложеніи, не переходящемъ въ сухость и безжизненность, представляла бы строгій выборъ фактовъ политической и культурной исторіи, не обременяя памяти безцѣльнымъ нагроможденіемъ именъ, годовъ и событій, не оставляющихъ послѣ себя ничего яснаго и

Digitized by Google

опредѣленнаго. Такими именами и событіями изобилуетъ въ особенности эпоха средней исторіи, хотя и менѣе другихъ эпохъ разработанная, по недостатку или ненадежности изслѣдованій. Но и въ этой части своего труда автору удалось, какъ и въ прежнихъ сборникахъ, отличить важное отъ незначительнаго, существенное отъ второстепеннаго и сказать многое немногими словами. Спеціальныя и ученыя изданія указывали автору на недостатки и промахи его сборниковъ; встрѣчаются они и въ изложеніи средней исторіи, гдѣ есть немало спорныхъ и еще неразъясненныхъ вопросовъ, какъ напр., основной вопросъ о феодализмѣ и происхожденіи сословій; но, не рѣшая спорныхъ пунктовъ средневѣковаго устройства, авторъ рисуетъ, хотя и не широкими чертами, но полную и достаточно освѣщенную картину эпохи. У лучшихъ писателей она превращается въ нѣмецкую исторію; но г. Трачевскій главными дѣятелями тѣхъ временъ выставляетъ, какъ и слѣдуетъ, романское и англо-саксонское племя. Среднимъ вѣками онъ опредѣляетъ эпоху отъ 500 до 1300 года, называя первые вѣка отъ Р. Х. переходомъ отъ древней исторіи къ средней, а XIV и XV столѣтія — переходомъ отъ средней къ новой исторіи. Задачею средней исторіи авторъ считаетъ сліяніе классицизма, христіанства и варварства, совершившееся въ тяжелыхъ, уродливыхъ формахъ. Изъ нихъ развились три рода политическаго, общественнаго и идеальнаго быта: изъ классицизма—цезаризмъ (съ республиканскими попытками) и свѣтскій реализмъ; изъ христіанства—папство, принципы равенства и братства и церковнаго идеализма; отъ варварства—феодализмъ, аристократизмъ и романтизмъ или рыцарство, въ смыслѣ идеала. Къ концу среднихъ вѣковъ папскій космополитизмъ, съ его мертвою латынью, смѣняется народностями съ ихъ живыми языками и литературами, съ ихъ этнографическимъ и земельнымъ сплоченіемъ. Тогда же развился монархизмъ, возрожденіе классическаго цезаризма, ставшій противъ папства, во главѣ городовъ. Для истребленія закоренѣлаго феодализма и анархіи требовалось особенное сплоченіе власти или абсолютизмъ, обнаружившій, однако, вскорѣ свои пороки во Франціи и въ Испаніи: гнетъ чиновничества и податей, стремленіе къ завоеваніямъ, отсутствіе нравственнаго достоинства и сознанія. Всѣ эти отличительныя черты средней исторіи выяснены въ книгѣ г. Трачевскаго, также какъ развитіе ислама, арабской культуры, крестовыхъ походовъ, схоластики и гуманизма. Культурнымъ фактамъ отведено не меньше мѣста, чѣмъ политическимъ. Къ концу книги приложена хронологическая таблица важнѣйшихъ событій отъ I вѣка до 1880 года,—и обширный указатель собственныхъ именъ, необходимыхъ для того, чтобы оріентироваться въ этомъ объемистомъ томѣ въ 570 страницъ.

Памятная книга Александровскаго лицея на 1886 годъ.

Puschkiniana, библіографическій указатель статей о жизни А. С.

Digitized by Google

Пушкина и его сочиненіяхъ. Составилъ *В. И. Межовъ*. Изданіе Александровскаго лицея. 1886 г.

19 октября лицей праздновалъ свою семидесятипятилѣтнюю годовщину. Немногія изъ нашихъ воспитательныхъ заведеній, гдѣ такъ часто происходитъ ломка программъ и направленій, могутъ похвастать неизмѣняемостью своихъ традицій, которымъ лицей остается вѣренъ съ первыхъ лѣтъ своего основанія. Правда, лицей, послѣ тридцатидвухлѣтняго пребыванія въ Царскомъ Селѣ, перебрался въ Петербургъ и, вмѣсто прежнихъ четырехъ полуторагодичныхъ курсовъ, открылъ шесть годичныхъ—но дѣло, конечно, не въ самомъ зданіи, а въ духѣ заведенія. Зданіе могло разрушиться, сгорѣть, возникнуть въ новомъ мѣстѣ, но со старыми преданіями. Александръ I далъ помѣщеніе „святилищу наукъ"—какъ выражались тогда—въ царскомъ дворцѣ, Николай I снова обратилъ святилище во дворецъ, но это не помѣшало лицею и въ наше время, какъ три четверти вѣка тому назадъ, идти по тому же направленію, какое обнаружилось въ немъ въ первоначальную пушкинскую эпоху. Онъ учрежденъ „съ цѣлью образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной", но съ перваго же года выпускаетъ въ свѣтъ гораздо больше писателей и ученыхъ, чѣмъ чиновниковъ по важнымъ частямъ, не говоря уже о томъ, что далъ намъ величайшаго русскаго поэта, который, принадлежа къ высшему кругу общества, могъ бы легко сдѣлаться важнымъ государственнымъ дѣятелемъ, еслибы занялся службой, а не поэзіей. Вѣдь онъ былъ гораздо болѣе развитъ и образованъ, чѣмъ многіе министры александровскаго времени или какой нибудь Аракчеевъ. Но Пушкинъ хотѣлъ быть и остался поэтомъ, хотъ и принялъ камеръ-юнкерство, только связывавшее его тяжелыми свѣтскими узами. Черезъ 28 лѣтъ послѣ поэта, изъ лицея выходитъ другой писатель, испытывающій на первыхъ порахъ своего литературнаго поприща такую же невзгоду и ссылку, какъ Пушкинъ, но достигшій потомъ почетнаго административнаго званія и чина, и вскорѣ сбросившій съ себя всякія чиновныя обязанности, чтобы сдѣлаться первымъ русскимъ сатирикомъ. Этихъ двухъ примѣровъ достаточно, чтобы доказать, что никакія предначертанія и спеціальныя цѣли не заставятъ талантъ идти по несродному ему пути: онъ всегда выйдетъ на ту дорогу, куда ведетъ его призваніе. Въ „Памятной книгѣ лицея", изданной ко дню его 75-ти-лѣтней годовщины, показано, сколько изъ лицеистовъ было министровъ, пословъ, губернаторовъ, членовъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарей, сенаторовъ и т. п., не показано только число писателей и ученыхъ (кромѣ 9-ти академиковъ), а они-то болѣе всего и придаютъ лицею тотъ своеобразный видъ, какимъ онъ отличается отъ другихъ заведеній: Да и министры, и государственные люди, вышедшіе изъ лицея, славились всегда

Digitized by Google

умѣньемъ литературно излагать свои убѣжденія, не говоря уже о томъ, что не держались во что бы то ни стало за свои мѣста, а спокойно оставляли ихъ, когда не встрѣчали отзыва своимъ убѣжденіямъ,—какъ недавно покинувшій насъ Ал. Вас. Головнинъ, честное, свѣтлое имя котораго не забудется въ исторіи вѣка Александра II. Недаромъ въ гербѣ лицея изображены не мечъ воина, не перо дипломата, а эмблема ума — сова, эмблема чувства и поэзіи—лира, да лавровый вѣнокъ, котораго достойны многіе лицеисты.

„Памятная книга лицея на 1886 годъ" составляетъ продолженіе „Исторіи лицея", изданной во время празднованія его 50-ти-лѣтняго юбилея въ 1861 году. Теперь профессоръ Карѣевъ дополняетъ эту исторію очеркомъ лицейской лѣтописи и учебнаго дѣла за послѣднія 25 лѣтъ (1861—86). Много любопытныхъ свѣдѣній можно почерпнуть изъ этого очерка, оканчивающагося некрологомъ выдающихся лицеистовъ и ихъ профессоровъ. Здѣсь кратко очерчены такія личности, какъ князь А. М. Горчаковъ, М. А. Корфъ, даровитый живописецъ Шварцъ, Ю. В. Толстой, Д. Н. Замятнинъ, Н. Я. Данилевскій и др. Если къ этому присоединить лицъ, умершихъ въ первое 50-тилѣтіе,—о живыхъ не говоримъ,—то составится списокъ такихъ именъ, какой врядъ ли можетъ выставить другое учебное заведеніе. Къ 19-му же октября лицей издалъ объемистый библіографическій указатель всего, что напечатано о Пушкинѣ и его сочиненіяхъ, также какъ перечень всѣхъ произведеній литературы и искусства, вызванныхъ этими сочиненіями. Всѣхъ книгъ и статей о Пушкинѣ г. Межовъ приводитъ 3174, кромѣ переводовъ изъ него и произведеній живописи, музыки и скульптуры, относящихся къ нему. Составитель указателя самъ сознаётъ, что онъ далеко не полонъ. Но собрано добросовѣстно все, что можно было найти. Книга г. Межова—цѣнный вкладъ къ наступающей полувѣковой годовщинѣ со смерти поэта.

Благотворительные подвиги. *В. Н. Никитина.* С.Пб. 1886.

Говоря недавно объ „Акробатахъ благотворительности" г. Григоровича, мы пожалѣли о томъ, что авторъ слишкомъ легко отнесся къ своему предмету, представляя только одну, скорѣе юмористическую, чѣмъ серьезную сторону страшныхъ злоупотребленій, какія совершаются подчасъ нашими филантропическими обществами, во имя помощи нуждающимся бѣднякамъ. Не смѣяться слѣдуетъ надъ нашими псевдо-благотворителями, а выставлять на свѣтъ ихъ позорныя дѣла, совершаемыя подъ покровомъ любви къ ближнему, заботы о страдающемъ человѣчествѣ. За это полезное обличеніе благотворительнаго фарисейства взялся г. Никитинъ, авторъ многихъ сочиненій, относящихся къ тюрьмовѣдѣнію и судебному быту, не разъ представлявшій въ правдивыхъ очеркахъ положеніе нашихъ арестантовъ въ крѣпостяхъ и пересыльныхъ тюрьмахъ; ихъ семей, кантонистовъ; ошибки и погрѣшности судебной практики и узаконеній, относящихся до управленія тюрьмами. Теперь онъ коснулся въ своихъ изслѣ-

Digitized by Google

дованіяхъ и общественной благотворительности, находящейся въ прямой связи съ административными попеченіями о всѣхъ бѣдствующихъ классахъ населенія. Свои воспоминанія о томъ, что авторъ видѣлъ, слышалъ и испыталъ въ качествѣ филантропа, авторъ назвалъ „Записками маленькаго человѣка съ большими претензіями“, хотя могъ бы обойтись и безъ этой игры словъ, такъ какъ говорить правду, обнаруживать зло и лицемѣріе—обязанность всякаго, и большаго, и маленькаго человѣка, и исполненіе этой обязанности не можетъ быть причислено къ претензіямъ. Вообще жаль, что въ очеркахъ г. Никитина читатель встрѣчается не съ дѣйствительными учрежденіями, а съ маскарадными „комитетами о страждущихъ, алчущихъ, сирыхъ, оглашенныхъ, вдовахъ, удрученныхъ дѣтьми и недугами“. Если радѣтелей о призрѣваемыхъ нельзя было назвать по имени (у насъ и за обличеніе продѣлокъ „турецкаго подданнаго“ сажаютъ въ тюрьму на три мѣсяца, такъ къ чему же присудятъ за титулованнаго россійскаго филантропа?) то учрежденія, въ которыхъ дѣйствуютъ эти филантропы, можно бы, полагаемъ, назвать ихъ настоящимъ именемъ. Или, можетъ быть, за оскорбленіе стѣнъ такого учрежденія, по закону и кассаціоннымъ рѣшеніямъ, слѣдуетъ горшая кара, чѣмъ за оскорбленіе личности? Не будучи тонкими юристами, не беремся рѣшать этого вопроса, но не можемъ не поблагодарить г. Никитина за то, что въ своихъ безхитростныхъ и занимательныхъ очеркахъ онъ вывелъ на сцену и на свѣжую воду хоть нѣсколько типовъ уже не „акробатовъ“, а явныхъ „мошенниковъ благотворительности“, которыхъ — увы! —только одни публицисты карають за ихъ безсовѣстную филантропію и грабительское человѣколюбіе, ведущее къ тому, что изъ собиранія съ нищаго міра по ниткѣ созидаются уже не рубашки, а огромные дома и благопріобрѣтенныя имѣнія.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Разнообразіе способовъ въ преслѣдованіи печатныхъ оскорбленій.—Клевета и диффамація.—Различіе между частною жизнью и общественною или служебною дѣятельностью.—Возможно ли, чтобы лица, служащія по выбору или назначенію правительства, прикрывались закономъ о диффамаціи?

Нельзя сказать, чтобы „личная честь“ служащихъ и частныхъ лицъ недостаточно ограждалась нашими законами отъ оскорбленій печатнымъ словомъ. Напротивъ, мы видимъ здѣсь скорѣе избытокъ, обиліе средствъ, предоставленныхъ для самозащиты

Digitized by Google

оскорбленнаго. Во-первыхъ, если оскорбленный сознаётъ вполнѣ свою правоту и готовъ выдержать открытое состязаніе со своимъ оскорбителемъ предъ лицомъ суда, притомъ равнымъ оружіемъ,—онъ можетъ „вчинить искъ“ по закону о клеветѣ (ст. 1535 улож. о нак.), который даетъ право подсудимому защищаться всякими способами, начиная отъ письменныхъ доказательствъ, официальнаго и неофиціальнаго характера, и кончая свидѣтельскими показаніями. Если же оскорбленный не питаетъ большой надежды выйти сухимъ изъ воды, предоставивъ своему оскорбителю широкую возможность отражать удары и самому переходить въ наступательное положеніе,—то къ его услугамъ имѣется 1039-ая статья уложенія о наказаніяхъ, въ силу которой уголовной карѣ подлежитъ всякое *оглашеніе позорящихъ обстоятельствъ* о частномъ или должностномъ лицѣ. Въ этомъ случаѣ обезоруженный манекенъ судебнаго преслѣдованія можетъ приводить въ свою пользу только *одни письменныя доказательства официальнаго свойства*, да и то лишь тогда, когда противъ него стоитъ должностное лицо (по выборамъ или назначенію отъ правительства). Частное же лицо, возбуждающее преслѣдованіе противъ оскорбителя по 1039-ой статьѣ, можетъ, на основаніи разъясненія кассаціоннаго сената (1870 г., № 880), просто-на-просто „устранить всякое доказательство оглашенныхъ подсудимымъ позорящихъ обстоятельствъ, ибо законъ полагаетъ наказаніе за оглашеніе въ печати такихъ обстоятельствъ *независимо отъ того: вымышлены ли они, или имѣютъ какое либо основаніе*“. Достойно замѣчанія, что въ приведенномъ нами разъясненіи сената (по дѣлу Шульте) къ частнымъ лицамъ оказалось сопричисленнымъ правленіе общества столичнаго освѣщенія, такъ какъ члены его не состоятъ-де ни на выборной, ни на коронной службѣ.

Наконецъ, независимо отъ 1039-й статьи, наказывающей *не клевету*, а только *диффамацію*, подсудимый, по словамъ закона, „можетъ быть подвергнутъ взысканію по слѣдующей 1040-ой статьѣ, если судъ *въ формѣ* преслѣдуемаго сочиненія или *въ способѣ его распространенія* и другихъ обстоятельствахъ усмотритъ явный умыселъ нанести должностному лицу или установленію оскорбленіе“.

Такимъ образомъ, арсеналъ орудій, отданныхъ въ распоряженіе частныхъ и должностныхъ лицъ для преслѣдованія печати, разоблачающей ихъ служебные и неслужебные подвиги, обогащенъ до такой степени, что никакія злоупотребленія и безчестные поступки не могли бы обнаружиться посредствомъ печатнаго

Digitized by Google

станка, для свѣдѣнія общества и правительства, еслибы всѣ „оскорбленныя“ лица прибѣгали *своевременно* къ покровительству 1039 и 1040-й ст. уложенія о наказаніяхъ. И дѣйствительно: знаменитый Рыковъ чуть было не посадилъ нѣсколькихъ редакторовъ на скамью подсудимыхъ за „оглашеніе позорящихъ обстоятельствъ“ объ управляемомъ имъ банкѣ, и только вмѣшательство прокурорскаго надзора избавило „виновныхъ“ отъ удовольствія расплатиться тюремнымъ заключеніемъ (отъ 2-хъ мѣсяцевъ до одного года и 4-хъ мѣсяцевъ) за неумѣренно-храбрую защиту обворованныхъ кліентовъ банка. Также точно ликовали заранѣе финляндскіе инженеры, прославившіеся своими „хозяйственными“ сооруженіями въ Свеаборгѣ, привлекая къ отвѣтственности двухъ редакторовъ,—ликовали до тѣхъ поръ, пока сами не угодили на скамью подсудимыхъ. По ихъ стопамъ пошли бы, конечно, всѣ Юханцевы и Бритневы, всѣ расхитители уфимскихъ и кавказскихъ земель, всѣ Струсберги и Токаревы, еслибы судебнымъ властямъ и высокопоставленнымъ административнымъ лицамъ не благоугодно было прійти на помощь къ обездоленной прессѣ съ официальнымъ изслѣдованіемъ „позорящихъ обстоятельствъ“, которое въ концѣ концовъ и лишило „оскорбленныхъ въ своей чести“—возможности стать подъ прикрытіе льготнаго для нихъ закона.

Нѣтъ сомнѣнія, что „честь“ и „доброе имя“ человѣка должны составлять для него самое драгоцѣнное достояніе, и законъ обязанъ защищать ихъ отъ всякихъ несправедливыхъ посягательствъ —словесныхъ, письменныхъ и печатныхъ. Но если рѣчь идетъ о дѣйствительной защитѣ *честныхъ* людей, и притомъ отъ посягательствъ несправедливыхъ,—отъ *злостной клеветы* враговъ,—то, слѣдовательно, суть дѣла заключается въ томъ: совершены ли извѣстнымъ лицомъ безчестные поступки, а не въ томъ, что они оглашены для всеобщаго свѣдѣнія. Квалификація поступка не зависитъ отъ того, получилъ ли онъ огласку, или остался во мракѣ неизвѣстности; равнымъ образомъ, и защита своей „чести“ путемъ обезоруженія противника есть только удовлетвореніе личной мести, а вовсе не реставрація своего „добраго имени“. Личность, прибѣгающая подъ прикрытіе статьи о диффамаціи, какъ бы хочетъ сказать публично: „да, я воръ, я негодяй, я обманщикъ, я лжесвидѣтель; но такъ какъ я покуда не ошельмованъ еще судебнымъ приговоромъ, то вы не смѣйте говорить объ этомъ“. Очевидно, что лица, стращающія дѣятелей прессы уголовными карами за диффамацію, хлопочутъ вовсе не о своей „чести и добромъ имени“, а только о томъ, чтобы подъ сѣнью мрака и безгласности продолжать свои прежніе подвиги, непохвальные сами

Digitized by Google

по себѣ. Такъ понимаетъ различіе между *клеветою* и *диффамаціею* и одинъ изъ высшихъ представителей прокуратуры — оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента А. Ѳ. Кони. „Между диффамаціей и клеветою — говорилъ онъ въ процессѣ редактора „Новаго Времени"—есть существенная разница: приговоръ, обвиняющій въ клеветѣ, *возстановляетъ честь* поруганнаго; *обвинительный же приговоръ по диффамаціи зажимаетъ только ротъ*, но не удовлетворяетъ никого, такъ какъ и въ печати, и въ публикѣ всегда останется сомнѣніе; дыма безъ огня не бываетъ".

Есть ли какое нибудь серьезное основаніе вооружать карами закона людей, открыто стремящихся не къ тому, чтобы улучшить свою нравственную природу или, по крайней мѣрѣ, обуздать свои хищническіе инстинкты, но лишь къ тому, чтобы *зажать рты* всѣмъ, кто дерзаетъ публично осуждать ихъ? Разумѣется, основанія тутъ нѣтъ, разъ только дѣло касается общественныхъ интересовъ, ибо угодливость передъ своекорыстными стремленіями и частныхъ, и должностныхъ лицъ не можетъ выражаться въ формѣ обязательнаго закона.

Мы сказали: „разъ только дѣло касается общественныхъ интересовъ", и считаемъ необходимымъ объяснить эту оговорку. Въ жизни каждаго человѣка есть двѣ стороны: одна—общественная, другая—чисто личная. Къ первой относится все то, чѣмъ проявляетъ себя человѣкъ, какъ общественный дѣятель; ко второй принадлежитъ его частная, личная, домашняя жизнь. Общество вправѣ интересоваться, какъ отправляютъ данные субъекты свою общественную службу; но ему не должно быть дѣла до того, какъ эти люди пьютъ, ѣдятъ, дружатся и ссорятся въ предѣлахъ своей квартиры; сколько у нихъ бѣлья въ комодѣ, провизіи на кухнѣ, какіе происходятъ интимные разговоры между мужемъ и женою, отцомъ и дочерью и т. д. Всѣ эти мелочныя и не мелочныя подробности домашней жизни вполнѣ неудобны для оглашенія и не представляютъ никакого интереса для общества, если описываемая личность не принадлежитъ къ числу историческихъ, о которыхъ всякое мелочное свѣдѣніе любопытно. „Интересными" въ извѣстномъ смыслѣ эти подробности могутъ быть только для спеціалистовъ того ремесла, которое называется „шантажемъ" и—къ несчастію—заразило у насъ почти всю, такъ называемую, „мелкую прессу". Думается, что, въ виду столь часто производившихся въ этой области злоупотребленій печатнымъ словомъ, статья о диффамаціи должна бы имѣть примѣненіе только въ сферѣ шантажной сплетни. Только лица, оскорб-

Digitized by Google

ленныя явными или замаскированными разглашеніями о своей частной, домашней жизни, могутъ имѣть нравственное право становиться подъ защиту 1039-ой статьи, хотя и въ этихъ случаяхъ иногда предпочтительнѣе обращаться къ закону о клеветѣ, если затронутый предметъ не слишкомъ деликатнаго свойства и не очень загрязнится прикосновеніемъ къ нему нечистоплотныхъ шантажныхъ рукъ.

Но что сказать объ „общественныхъ дѣятеляхъ“,—въ особенности о служащихъ по выборамъ, — которые предпочитаютъ тягаться со своими противниками по статьѣ о диффамаціи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда печать обличала ихъ въ дѣлахъ вовсе не личнаго или семейнаго, а общественно-служебнаго характера? Что доказываетъ эта странная рѣшимость „зажимать ротъ“ противникамъ, если не сознаніе своей слабости въ открытомъ и честномъ бою?

На такія мысли навелъ насъ судебный процессъ, „вчиненный“ петербургскимъ городскимъ головою, г. Лихачевымъ, редактору „Петербургской Газеты“, г. Монтеверде—процессъ, уже окончившійся присужденіемъ редактора къ довольно продолжительному тюремному заключенію. Исторія эта тянулась очень долго, и ея прологъ, въ видѣ перваго „оскорбленія“, нанесеннаго г. Лихачеву, начался еще $2^1/_2$ года тому назадъ. Застрѣльщикомъ явился бывшій мировой судья г. Шпилевъ, сотоварищъ г. Лихачева по мировому съѣзду, до сихъ поръ однако не привлеченный къ отвѣтственности. Обвиненія, воздвигнутыя противъ г. Лихачева, состоявшаго тогда предсѣдателемъ мироваго съѣзда, заключались въ томъ, что онъ, пользуясь своимъ вліятельнымъ положеніемъ среди гласныхъ петербургской городской думы, довольно безцеремонно проваливалъ кандидатуры лично ненравившихся ему мировыхъ судей; а также и въ томъ, что онъ черезчуръ мирволилъ въ своей судебной дѣятельности желѣзнодорожнымъ воротиламъ, осажденнымъ массою исковъ со стороны грузоотправителей. Къ этому послѣднему обстоятельству г. Шпилевъ ядовито прибавлялъ, что благосклонность предсѣдателя мироваго съѣзда къ желѣзнодорожному царству не оставалась безъ вознагражденія въ видѣ безплатныхъ разъѣздовъ по линіямъ компаніи. Вслѣдъ за г. Шпилевымъ, выступилъ съ новыми громами штабсъ-капитанъ Роговъ, обвинявшій г. Лихачева въ пристрастномъ отношеніи къ столичному газовому обществу, по должности товарища предсѣдателя петербургскаго окружнаго суда. На этотъ разъ пристрастіе направлялось, будто бы, ко вреду газоваго общества, съ цѣлью поиграть на пониженіе биржевой цѣны его акцій и скупить ихъ въ эту удобную минуту.

Digitized by Google

Не споримъ, что всѣ эти обвиненія имѣютъ оскорбительный для г. Лихачева характеръ; но, во-первыхъ, они высказаны ему съ поднятымъ забраломъ, людьми, не скрывавшими своихъ именъ; во-вторыхъ, касаются не его домашней, частной жизни, а общественной и служебной дѣятельности. Поэтому, чтобы оправдаться вполнѣ и „возстановить свою поруганную честь“ (по выраженію г. Кони), петербургскій городской голова долженъ былъ сразиться прямо со своими обвинителями, не припутывая къ дѣлу редактора газеты, который отъ себя лично не прибавилъ никакого оскорбленія г. Лихачеву; затѣмъ, и почвою для турнира онъ долженъ былъ избрать не статью о диффамаціи, обвиненіе по которой даетъ такую сомнительную усладу для сердца „оскорбленнаго“, а правомѣрный законъ о клеветѣ, открывающій свободное поле и обвиненію, и защитѣ. Что же это за побѣда—связать противника по рукамъ и ногамъ и торжествовать его пораженіе?! Да и что скажутъ избиратели г. Лихачева, по крайней мѣрѣ, наиболѣе порядочная часть ихъ, которая желала бы видѣть во главѣ городскаго представительства лицо съ незапятнанной репутаціей? Во всякомъ случаѣ, эти избиратели вправѣ повторить слова г. Кони, что „приговоръ по диффамаціи не удовлетворяетъ никого, такъ какъ и въ печати, и въ публикѣ *всегда останется сомнѣніе*“.

Оставаться подъ такимъ сомнѣніемъ „общественному избраннику“—совсѣмъ неудобно, если онъ не связалъ окончательно своей судьбы съ судьбою избравшей его шайки санъ-галліотовъ.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ „Наблюдателя“).

Изъ дневника Ефима Скорпіонова *).

На появленіе стихотвореній Кн. В. Мещерскаго.

...Ихъ поэтическая связь
Обоихъ типовъ идеалъ,
Что сотворилъ Господь... боясь
Чтобъ образецъ не пропадалъ.
(Изъ стих., посв. герцогинѣ Н. А. Сассо-Руффо).

Судьбой мнѣ сдѣланъ комплиментъ:—
По духу свѣтлыхъ вдохновеній
Мнѣ объявился конкурентъ
Съ собраніемъ стихотвореній.
Я—околодочный, онъ—князь,
И стань мы рядомъ—мы не двое;
Но тайная межъ нами связь
Въ идеяхъ и душевномъ строѣ.
Мы оба одного хотимъ,
Мы служимъ одинакимъ взглядамъ,
И на Парнасѣ намъ двоимъ
Всего пристойнѣе—быть рядомъ.
Княжны, князья,—ему друзья
И герцогини (Сассо-Руффо);

---

*) Читатели нашего журнала за первый годъ его изданія, вѣроятно, не забыли остроумнаго *поэта-околодочнаго*, отзывавшагося, по мѣрѣ способностей и по долгу службы, „на вопросы дня“. Получивъ въ наше распоряженіе нѣсколько посмертныхъ стихотвореній того же автора (*Ефимъ Скорпіоновъ*—псевдонимъ покойнаго Н. С. Курочкина, переводчика Джусти и одного изъ главныхъ сотрудниковъ „Искры“), мы съ удовольствіемъ даемъ имъ мѣсто въ „Фонографѣ“.

Ред.

Digitized by Google

Свѣтилъ подобныхъ видѣлъ я
На сценѣ лишь театра Буффа.
Но... дружно мы поёмъ одно—
Въ стихахъ плохихъ онъ; я—въ отличныхъ.
Такъ одинакое вино
Въ бутылкахъ можетъ быть различныхъ!

По поводу литературной дѣятельности бывшаго министра, графа П. А. Валуева.

Темъ щекотливыхъ избѣгая,
Я „Лорина“ не воспѣвалъ,—
А вѣдь и я его читалъ
Въ дни восхитительнаго мая.
Какой мой выводъ—умолчу.
Хотя смекаю очень быстро,
Но я критиковать министра
Не долженъ смѣть... и не хочу.

По случаю убійства, совершоннаго околодочнымъ Ивановымъ.

Я зналъ его... онъ былъ мнѣ чуть не другъ
(Обоимъ намъ такъ нравилась столица!)
Служили помаленьку мы, и вдругъ—
Ужасный сонъ!—онъ сдѣлался убійца...
Корысть подвигнула къ убійству, а не месть;
Въ его защиту не наладишь лиру;
Безсмысленно рѣшился онъ нанесть
Безчестье полицейскому мундиру.
Онъ съ жертвою своею былъ знакомъ,
Ходилъ пить чай; его встрѣчали съ лаской,
И—покусился къ ней проникнуть въ домъ
Самъ, будто бы съ повѣсткой изъ участка.
Потомъ, собачій сынъ, полѣзъ въ окно,

Digitized by Google

Темлякъ отъ шашки разорвавши глупо,
И... какъ ни въ чемъ явился, заодно
Съ другими, на осмотръ служебный трупа.
И вотъ ревѣть съ досады я готовъ
И раздраженъ, какъ левъ, я (Богъ свидѣтель):
Ужь если околодочный таковъ,
То гдѣ-жъ мы въ мірѣ съищемъ добродѣтель?

Въ минуту хандры.

За направленіемъ людей
Чортъ развѣ услѣдитъ порою!
Иной—завѣдомый злодѣй,
А смотритъ кроткою овцою!
Другой и грязенъ, и косматъ,
И всѣ аллюры нигилиста,
А приглядишься... нашъ же братъ,
Съ душой невинной паспортиста.
Изъ одного веревки вей,
Онъ трезвый не подастъ и голосъ;
А пьянъ—такъ отъ его рѣчей
Невольно станетъ дыбомъ волосъ.
Иной и рохля, и простакъ,
И глупъ... ну, просто сивый меринъ;
Но чтобы не попасть въ просакъ—
Травлёный волкъ—въ словахъ умѣренъ.
За этой стрижкою въ очкахъ,
Погонишься, не взвидя свѣту,
А, глядь, буянка „въ номерахъ“
Живетъ по желтому билету.
Другая дама—хоть куда,
Въ шиньонахъ... а узнаешь близко,
Да чуть не доглядѣлъ... бѣда!
Отъявленная нигилистка.
Вотъ и изволь тутъ разсудить,
Да съ толкомъ, съ тактомъ разобраться,
Чтобъ и начальству угодить,
И на скандалы не нарваться!

Digitized by Google

Людское лицемѣріе.

Огня святаго не вдохнуть
Въ людей порочныхъ и поэтамъ,
И чуть не каждый обмануть
Другихъ стремится въ мірѣ этомъ.
Пусть эта пѣсня и стара,
Но невозможно не признаться:
Людишки—охъ, какъ! мастера
Втирать очки и притворяться.
Распустишь нюни—и пропалъ,
Поддѣтый жалкими словами.
Тутъ проглядѣлъ, тамъ маху далъ,—
Да только я и самъ съ усами!

Чуть въ лавку или къ мяснику
Нашъ братъ „по должности“ заходитъ,—
Глядишь,—хозяинъ на чеку
И пѣсню лазаря заводитъ.
Ему не милъ, вишь, бѣлый свѣтъ,—
Такъ жалки барыши и жидки;
Торговли настоящей нѣтъ,
И терпитъ онъ одни убытки.
Совсѣмъ измается бѣднякъ,
Едва сводя концы съ концами;
Другой повѣритъ, что и такъ;
Да только я и самъ съ усами!

На фабрикѣ и гулъ, и гамъ,
Идутъ громадныя работы,—
А фабрикантъ наскажетъ вамъ,
Что съ ногъ онъ сбился отъ заботы;
Что и въ долгу-то онъ кругомъ,
И дѣло вовсе не спорится,
Что лопнуть чуть не съ каждымъ днемъ
И вылетѣть въ трубу боится.
А какъ бы съ вами онъ кутнулъ,
Когда бы справился съ дѣлами!
(Инаго тѣшитъ и посулъ)—
Да только я и самъ съ усами!

„Пера разбойникъ“, чуть вопросъ
Любой затронетъ—бабой хнычетъ;

Digitized by Google

Свою „прострацію“ вамъ въ носъ
Онъ съ первыхъ строчекъ такъ и тычетъ.
Вишь, вкругъ него какой-то мракъ,
И что-то жить ему мѣшаетъ,
Мозгъ давитъ, да еще никакъ—
Въ зобу дыханіе спираетъ!
Каковъ казанскій сирота?!
Вѣдь надъ подобными рѣчами
Иной разрюмится спроста!—
Да только я и самъ съ усами.

Ефимъ Скорпіоновъ.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. П. Луковникова.

С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., уголъ Фонтанки, д. № 2—74.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМИ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Первые разсказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ, Герм. Вагнера. Перев. Висковатова. Книжка 1-я. Изд. 6-е, съ рисунками. Ц. 1 р. **То же**, книжка 2-я. Изд. 3-е, съ картинк. Ц. 1 р. Обѣ книжки *одобрены Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв.* для библіотекъ при начальныхъ народныхъ училищахъ. *Допущены Учебнымъ Ком. при Св. Синодѣ* въ ученич. библіотеки мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Изъ жизни растеній. Составилъ по Вагнеру и друг. Вал. Висковатовъ. Съ рисунк. Ц. 1 р., въ перепл. съ золот. 1 р. 50 к. *Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Прогулка по зоологическому саду. Э. Гримара. Съ 24 большими картинами и многими политипажами. Ц. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 50 к.

Отъ Рождества до Пасхи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Выпускъ I.—На Рождество. Съ рисунками и портретами. Ц. 1 р. Выпускъ II.—На Новый годъ. Съ рис. и портрет. Ц. 1 р. Оба выпуска особымъ отдѣломъ *Ученаго Ком. Мин. Нар. Просв.* допущены въ ученическія библіотеки.

Серебряные коньки. Исторія бѣднаго голландскаго семейства. Повѣсть для юношества, Сталя. Переводъ съ французскаго Петра Вейнберга, съ картинами и виньетками. Ц. 2 р. 50 к.; въ переплетѣ съ золотомъ 3 р. 25 к.

Наслѣдникъ дяди Честертона. Романъ для дѣтей старшаго возраста. Со многими большими картинами и политипажами въ текстѣ. Ц. 2 руб.

Что окружаетъ насъ? Чтеніе для дѣтей средняго и старшаго возраста. Сост. Ф. Резенеръ. Издан. 2-е, значительно дополн., большой томъ убористой печати, 613 стр. Ц. 2 р.; въ перепл. съ золот. 2 р. 50 к. **Краткое содержаніе книги**: Производства. Занятія для дѣтей.—Животныя.—Растенія.—Ископаемыя.—Физика, химія и природа вообще.—Разсказы и стихотворенія Ив. Тургенева.

Разсказы о землѣ и о небѣ. Александра Иванова. Изд. 4-е, исправленное, съ рисунками. Ц. 15 к., съ пересыл. 20 к. *Допущено Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв.* для ученич. библіотекъ народныхъ училищъ.

Струговщиковъ. Практическое руководство для натуралистовъ. Естественно-историческія экскурсіи. Съ рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

Популярныя лекціи Джона Тиндаля. Тепло и холодъ. Матерія и сила, Сила. Переводъ подъ редакціею профессора С.-Петербургскаго Университета Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго, съ 28 рисунками. Издан. 2-е. Ц. 75 к. *Рекомендовано Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв.* для ученическихъ и основныхъ библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

Лекціи объ электричествѣ Джона Тиндаля, профессора физики въ Королевскомъ институтѣ въ Лондонѣ. Переводъ подъ редакціей Гезехуса. Съ рисунк. Изд. 3-е. Ц. 50 к. *Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв.* для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій, а также для учительскихъ библіотекъ городскихъ и сельскихъ училищъ.

Digitized by Google

Полный практическій курсъ французскаго языка для самоучекъ и для преподаванія, сост. д-ръ Ханъ. 2-е изданіе, вновь передѣланное. 3 части. Ц. 1 р. 50 к. Часть I. Произношеніе по особой системѣ и первоначальныя правила грамматики. Ч. II. Подробное изложеніе грамматическихъ правилъ. Ч. III. Книга для чтенія. Ключъ для задачъ и полное сочиненіе Флоріана „Нума Помпилій", съ замѣтками и словаремъ.

Воспитаніе женщинъ во Франціи. Поля Жанэ. Переводъ съ французскаго. Гаршина. Ц. 25 к.

Сочиненія А. КОВАЛЕНСКОЙ:

Семь новыхъ сказокъ. Съ картинами. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 25 к., въ красивой папкѣ 1 р. 40 к., въ переплетѣ съ золотомъ 1 р. 60 к.

Разсказы и сказки для дѣтей. Съ силуэтами. Е. Бемъ и др. виньетками. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переплетѣ съ золот. 2 р. 75 к.

Новые разсказы и сказки для дѣтей. Съ картинами и др. рисунками. Ц. 1 р. 75 к., въ красив. папкѣ 2 р., въ перепл. съ золот. 2 р. 50 к.

Авторъ вышесказанныхъ разсказовъ и сказокъ, за разсказъ „Крутиковъ", **удостоенъ золотой медали** имени А. Ѳ. Погосскаго.

Иллюстрированные романы ВАЛЬТЕРА СКОТТА:

1) **Веверлей.** 2) **Гай Маннерингъ.** 3) **Антикваріи.** 4) **Робъ-Рой.** 5) **Айвенго.** 6) **Ламермурская невѣста.** 7) **Кенильвортъ.** 8) **Пуритане.** 9) **Эдинбургская темница.** 10) **Монастырь.** Въ каждомъ томѣ около 600 страницъ, съ двумя картинами и около 50 политипажей. Каждый томъ продается отдѣльно по 4 р. 50 к.

Выписывающіе вышеозначенныя книги изъ книжнаго магазина **П. В. Луковникова**—Спб., Лештуковъ переулокъ, уголъ Фонтанки, д. № 2—74—за пересылку **не платятъ.** При магазинѣ **П. В. Луковникова** складъ изданій: **Ушинскаго, Ф. Павленкова, Д. Тихомирова, М. Наумова, „Сотрудникъ школъ"** и мног. др. Каталогъ магазина высылается безплатно. Всѣ требованія исполняются скоро и акуратно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1887 г.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА" будетъ выходить въ 1887 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей.

„РУССКАЯ СТАРИНА" по прежнему будетъ помѣщать въ 1887 г. на своихъ страницахъ, между прочими интересными статьями и матеріалами, много данныхъ для исторіи минувшаго царствованія императора Александра II Освободителя.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ" 1887 г. принимается для **иногородныхъ** въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ", по Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ **Цинзерлинга** (Невскій пр., д. № 46), а въ Москвѣ—въ магазинѣ **Мамонтова.**

Подписчики „Русской Старины" на 1887 г. могутъ получить за **одинъ** руб.— **Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей** (*второе собраніе*), *сорокъ гравюръ, исполненныхъ лучшими русск. художниками.* (*Осталось немного экземпляровъ*). Напечатана и разсылается новая книга: **Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей въ 50 гравюрахъ академика Л. А. Сѣрякова** (второе изданіе), цѣна **шесть** руб. Подписчики „Русской Старины" на 1887 г. могутъ получить эту книгу (до 1-го Янв. 1887 г.) за **ДВА** руб. съ перес.

Digitized by Google

О ПОДПИСКѢ НА
«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

въ 1887 году.

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться **въ 1887 году** на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія семь лѣтъ (1880—1886).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Изъ обширнаго собранія матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи, въ первыхъ книжкахъ **„Историческаго Вѣстника“ 1887 года** будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Живое слово о неживыхъ. Воспоминанія **И. А. Арсеньева.**—Исторія моей издательской дѣятельности. **Е. Н. Ахматовой.**—Отрывокъ изъ семейной хроники. **Н. А. Ворсадина.**—Самоубійство генерала Герштенцвейга. Разсказъ очевидца. **С. М. Ворщева.**—В. Г. Тепляковъ. Біографическій очеркъ. **Ѳ. А. Вычкова.**—Мартинистъ и филантропъ прошлаго вѣка. **Е. М. Гаршина.** — Послѣдніе дни царствованія Екатерины II. Письма **княгини А. А. Голицыной.**—Тамбовская украина въ XVII столѣтіи. **И. И. Дубасова.**—Тамбовскій Катилина. **Его же.**—Княгиня А. П. Волконская и ея друзья. **Г. В. Есипова.**—Очеркъ исторіи англійской иллюстраціи (со многими иллюстраціями). **В. Р. Зотова.** — Общественная жизнь въ Англіи въ XIX столѣтіи (со многими иллюстраціями). **Его же.**—Кургановъ и его письмовникъ. **А. И. Кирпичникова.**—Н. А. Кудрявцевъ и его потомство. **Д. А. Корсакова.**—Отрывки изъ дневника **И. В. Кукольника.** — Боголюбезный скоморохъ. Старинное происшествіе. **Н. С. Лѣскова.**—Наша печать въ ея историко-экономическомъ развитіи. **А. П. Мальшинскаго.** — Мишенское, родина Жуковскаго (съ иллюстраціями). **М. П. Мартынова.**—Отрывокъ изъ воспоминаній **В. А. Милютина.**—Дневникъ генералъ-лейтенанта **А. М. Михайловскаго-Данилевскаго.**—Кумъ Иванъ. Историческая быль. **Д. Л. Мордовцева.**—Посольство въ Персію съ хрустальной кроватью въ 1826 г. **А. Н. Носкова.**—Вяземскій архимандритъ Ѳеодосій. Очеркъ монастырскаго быта въ XVII столѣтіи. **Н. Н. Оглоблина.**—Отрывокъ изъ семейной хроники. **Е. И. Оночинина.**—Записки **Ксенофонта Алексѣевича Полеваго.**—А. Ѳ. Писемскій по его автобіографическимъ замѣткамъ, письмамъ и сочиненіямъ. **П. Н. Полеваго.**—Шуты и скоморохи въ древности и въ новѣйшее время (со многими иллюстраціями). **Его же.**—Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ прошлаго вѣка (А. Н. Родіонова). **П. А. Пономарева.**—Отрывки изъ дневника, **А. Н. Протасьева.** — Городъ Гродно во время послѣдняго польскаго мятежа. **С. Т. Славутинскаго.**—Природа и человѣкъ въ Средней Азіи. **Н. В. Сорокина.**—Воспоминанія стараго литератора. **А. В. Старчевскаго.** — Императоръ Николай I и австрійскій дворъ. **С. С. Татищева.**—Императоръ Николай I и прусскій дворъ. **Его же.**—Павелъ Конюшкевичъ, митрополитъ Тобольскій и Симбирскій. **А. А. Титова.**—Горицкій монастырь и два іерарха русской церкви (со многими иллюстраціями). **Его же.**—Среди скитницъ (со многими иллюстраціями). **П. С. Усова.** — Русскій дворъ въ царствованіе Елизаветы Петровны и Петра III. Записки (переводъ съ рукописи) секретаря французскаго посольства **Фавье.**—Отрывки изъ воспоминаній бывшей камеръ-медхенъ императрицы Маріи Александровны. **Н. И. Яковлевой.**—Воспоминанія о жизни въ Сибири и декабристахъ. **М. Д. Францевой** и др.

Въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“ 1887 г. будутъ напечатаны **Записки Сергѣя Николаевича Глинки.** Эти любопытныя записки, разсѣянныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ, соединены здѣсь въ одно цѣлое, повѣрены и дополнены по подлинной рукописи автора, обязательно доставленной намъ сыномъ его, Ѳ. С. Глинкой. Трудъ сличенія и редакціи записокъ исполненъ **А. О. Круглымъ.**

Главная контора **„Историческаго Вѣстника“: въ С.-Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій просп., № 38. Отдѣленія конторы: **въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ** при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“.**

Digitized by Google

Объявленіе о подпискѣ на художественно-литературный журналъ

1887. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТНАДЦАТЫЙ. 1887.

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ВЫДАЕТЪ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ:

52 **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НУМЕРА** КАЖДЫЙ НУМЕРЪ ВЪ ДВА ЛИСТА БОЛЬШАГО ФОРМАТА СЪ 8—10 РИСУНКАМИ. **52**

12 **ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ „РОМАНЫ и ПОВѢСТИ“, выходящихъ ОТДѢЛЬНО КНИЖКАМИ ВЪ ОБЪЕМѢ ДО 10 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ ВЪ 8-Ю ДОЛЮ.** **12**

Книжки будутъ содержать по преимуществу: одинъ цѣлый законченный оригинальный или переводный романъ или повѣсть; новѣйшіе романы и повѣсти современныхъ иностранныхъ авторовъ будутъ помѣщены въ книжкахъ цѣлыми листами, съ особою нумераціею страницъ, по мѣрѣ выхода этихъ произведеній за границею, такъ что по окончаніи романа удобно будетъ сброшюровать листы въ одну книгу.

12 **ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ НУМЕРОВЪ „НОВѢЙШИХЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“** съ отдѣлами: *„Умѣнье одѣваться со вкусомъ“*, *„Совѣты по гигіенѣ“*, *„Рецепты по хозяйству“*, и проч. и съ приложеніемъ особаго листа: **„ИЗЯЩНЫЯ РУКОДѢЛЬЯ“.** **12**

ТРИ ПРЕМІИ:

1) «Босфоръ» (при лунномъ свѣтѣ)

Большая эффектная художественно-исполненная олеографія въ 32 краски, съ картины извѣстнаго профессора живописи А. Ригера.

Сюжетъ преміи журнала представляетъ предмѣстье Константинополя **„Босфоръ“** (при лунномъ свѣтѣ) съ его роскошною растительностью, высокими минаретами и мечетями, ступени которыхъ омываются волнами Мраморнаго моря. Картина замѣчательна какъ по своему поразительному **эффекту** и **художественному** выполненію, такъ и по историческому значенію изображаемаго ею завѣтнаго пункта, на который столько вѣковъ сряду обращено вниманіе не только всего вообще русско-славянскаго міра, но и другихъ европейскихъ государствъ и народовъ.

Длина картины ПОЛТОРА аршина, высота ОДИНЪ аршинъ.
Цѣна картины въ отдѣльной продажѣ **12** руб.

Digitized by Google

2) **Нѣсколько отдѣльныхъ приложеній**

(большими листами), въ видѣ гравюръ-копій съ картинъ лучшихъ художниковъ русской и иностранной школы, отпечатанныхъ въ два или три тона, что̀ въ концѣ года составитъ „**Художественный альбомъ**“.

3) **Стѣнной календарь на 1887 годъ.**

ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТДѢЛѢ ЖУРНАЛА

на первомъ планѣ будутъ стоять произведенія **русскихъ** художниковъ и важное мѣсто въ иллюстраціяхъ займутъ сцены изъ **русской жизни**, виды различныхъ мѣстностей и городовъ **Россіи**, копіи съ **картинъ**, обратившихъ на себя вниманіе на послѣднихъ выставкахъ, и съ извѣстныхъ картинъ **русской школы**, иллюстраціи къ произведеніямъ знаменитыхъ **русскихъ** и **иностранныхъ писателей** и виды живописныхъ и замѣчательныхъ мѣстностей **всѣхъ странъ** земнаго шара и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ съ пересылкою—**8** руб., безъ пересылки **6** руб. **50** коп.

Подписавшіеся и внесшіе деньги въ декабрѣ — получатъ главную премію „Босфоръ“ въ февралѣ 1887 года.

Въ виду нѣкоторыхъ заявленій гг. подписчиковъ 1886 года о неаккуратной доставкѣ премій бандерольнымъ способомъ, доставка таковыхъ въ **1887** году будетъ производиться **только цѣнными посылками**, а потому гг. иногородные подписчики, желающіе получить картину „**ВОСФОРЪ**“, благоволятъ **прилагать** на пересылку ея **60 коп. за каждый экземпляръ.**

Адресъ Конторы: Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Редакторъ **П. Полевой.** Издатель **С. Добродѣевъ.**

1—2

☛ ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ ☚

НА

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СЕМДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ)

ПРИ НОВОМЪ СОСТАВѢ РЕДАКЦІИ.

Газета, не измѣняя своего направленія, вновь реформирована, увеличена въ форматѣ и, по своей обширной

Digitized by Google

программѣ и своевременному сообщенію выдающихся новостей, можетъ вполнѣ замѣнить собою

ДОРОГУЮ ГАЗЕТУ И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

При воскресныхъ нумерахъ выходитъ безплатное приложеніе въ видѣ еженедѣльнаго

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

въ который входятъ: **повѣсти, романы, разсказы** (оригинальные и переводные), **портреты** современныхъ и историческихъ дѣятелей, **рисунки** бытовые, историческіе и современные, преимущественно изъ русской жизни, а также **карикатуры.** Кромѣ того, годовые подписчики въ теченіе года получатъ **нѣсколько художественныхъ приложеній.**

Приложеніе печатается на зеленевой глазированной бумагѣ и въ концѣ года составитъ отдѣльный изящный томъ, къ которому будетъ выдана обертка въ нѣсколько красокъ.

Ежемѣсячно при одномъ изъ воскресныхъ нумеровъ прилагаются приспособленныя къ домашнему производству

«МОДЫ и РУКОДѢЛЬЯ».

Годовые подписчики, **выславшіе сполна подписную сумму** (8 руб.) до 1-го января—получатъ въ видѣ особаго приложенія артистически-исполненную въ нѣсколько красокъ картину художника **А. ЗЕМЦОВА**, напоминающую высоко-патріотическій подвигъ одного изъ сыновъ отечества, а именно:

„СМЕРТЬ ИВАНА СУСАНИНА"

цѣна картинѣ въ отдѣльной продажѣ 5 р.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

Безъ доставки:		Съ доставкою:	
На годъ . . . 7 р.	На 6 м. 3 р. 60 к.	На годъ . . . 8 р.	На 6 м. . . . 4 р.

Желающіе получить картину „**СМЕРТЬ ИВАНА СУСАНИНА**", ради ея сохраненія, **особою посылкою**, благоволятъ высылать **60** к. почтовыми марками.

Адресъ Конторы: Спб., Невскій пр., у Аничкова моста, д. № 68—40.

Редакторъ И. Успенскій. Издатель С. Добродѣевъ.

1—2

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1887 г.

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній НА СУШѢ и НА МОРѢ.

«ВОКРУГЪ СВѢТА»

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Вокругъ Свѣта“ выходитъ еженедѣльно (50 №№ въ годъ) въ размѣрѣ 2-хъ печатныхъ листовъ. Каждый № вмѣщаетъ въ себѣ отъ 5 до 10 рисунковъ и иллюстрацій лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ и 30 колоннъ интереснаго текста, состоящаго изъ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ романовъ, изображающихъ ПУТЕШЕСТВІЯ и ПРИКЛЮЧЕНІЯ во всѣхъ странахъ свѣта; этнографическихъ и географическихъ очерковъ, повѣстей, разсказовъ, популярно-научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія; описаній водающихся событій дня; хроники путешествій, открытій, завоеваній, изобрѣтеній и т. д. КРОМѢ ТОГО, подписчики будутъ получать КАЖДЫЙ МѢСЯЦЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ къ журналу „Вокругъ Свѣта“, въ форматѣ небольшихъ книжекъ отъ 2 до 3-хъ печатныхъ листовъ, въ изящной обложкѣ. Въ ежемѣсячномъ приложеніи будутъ помѣщаться наиболѣе выдающіеся изъ романовъ, путешествій и приключеній съ иллюстраціями и много другихъ статей.

Въ 1886 г. на страницахъ „Вокругъ Свѣта“ было помѣщено: ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ—новый романъ ЖЮЛЯ ВЕРНА. ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ—посмертный романъ МАЙНЪ-РИДА съ 22 рисунками Ріу. ОСТРОВЪ СОКРОВИЩЪ—прекрасный романъ Р. СТИВЕНСОНА съ 22 рис. Жоржа Ру. РОКОВОЕ КОЛЬЦО—романъ въ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ извѣстнаго путешественника по Индіи Л. ЖАКОЛІО съ 50 рисунками Париса. ПОХИТИТЕЛИ БРИЛЛІАНТОВЪ—романъ въ 3 частяхъ Л. Буссенара съ 80 рисунками П. Фера. МОРСКІЕ ПИРАТЫ и КОРСАРЫ—историческій очеркъ съ рисунками Сагиба. ДАЛЕКІЯ ОКРАИНЫ РОССІИ—съ иллюстрац. различ. художниковъ, и много другихъ цѣнныхъ статей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ, ДОСТАВКОЙ и ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

4 р. въ годъ. 2 р. 50 к. въ ½ года. 1 р. 50 к. за 3 мѣсяца.

Иногородные подписчики адресуются: въ РЕДАКЦІЮ „ВОКРУГЪ СВѢТА“, МОСКВА, Арбатъ, д. Каринской. Для Петербурга подписка принимается также въ книжныхъ магазинахъ: М. О. Вольфа и А. Суворина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1887 г.

на еженедѣльный юмористическій журналъ съ раскрашенными РИСУНКАМИ и КАРИКАТУРАМИ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ). **«СВЕРЧОКЪ»** (ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ).

„Сверчокъ“ выходитъ каждую недѣлю (50 №№ въ годъ) и вмѣщаетъ въ каждомъ № отъ 10 до 15 раскрашенныхъ рисунковъ и около 10 колоннъ веселаго текста, состоящаго изъ юмористической хроники событій и общественной жизни, очерковъ, разсказовъ, сценокъ, монологовъ, анекдотовъ, шутокъ, стихотвореній, пародій, эпиграммъ, мелочей, и т. п.

Всѣ лучшіе юмористическіе писатели принимаютъ участіе въ „Сверчкѣ“. Изъ художниковъ „Сверчокъ“ пользуется постояннымъ сотрудничествомъ Н. Богданова, Винта, Н. Ворошилова, Левитана, Р. Люка, В. Порфирьева, Н. Чехова, К. Чичагова, Ф. Шехтеля и мног. др.

Въ 1887 году „Сверчокъ“ выдастъ своимъ подписчикамъ БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ, состоящую изъ олеографической картины „Амазонка“ худ. Бейшлага, исполненной по заказу редакціи въ артистическомъ заведеніи Отто-Троичъ въ Берлинѣ. На пересылку преміи иногородные подписчики прилагаютъ 5 семикопѣечныхъ марокъ или 40 коп. деньгами.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ, ДОСТАВКОЙ и БЕЗПЛАТНОЙ ПРЕМІЕЙ:

3 р. въ годъ. 2 р. въ ½ года. 1 р. за три мѣсяца.

Иногородные подписчики адресуются: въ редакцію „СВЕРЧКА“, МОСКВА, Арбатъ, д. Каринской. Для Петербурга подписка принимается также въ книжныхъ магазинахъ: М. О. Вольфа и А. Суворина. 1—2.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“

въ **1887** (второмъ) году.

(Съ 1-го ноября 1886 по 1-е ноября 1887 г.).

„Сельскій Хозяинъ“ издается безъ предварительной цензуры, подъ редакціей **К. И. Масляникова** (землевладѣльца рязанской губ., с—ца Рюмки), по слѣдующей программѣ:

Правительственныя распоряженія. Сельско-хозяйственная экономія. Полеводство и луговодство. Садоводство, табаководство, виноградарство и огородничество. Лѣсоводство. Животноводство. Пчеловодство и шелководство. Рыбоводство. Спортъ, охота. Сельско-хозяйственная технологія, архитектура и механика. Корреспонденція. Внутреннія и иностранная хроника. Вопросы и отвѣты. Библіографія. Торговля. Домоводство. Спросъ, предложенія и полезные адресы. Объявленія.

Годовые подписчики получатъ, немедленно по высылкѣ подписной суммы, *безплатное приложеніе*: БОЛЬШУЮ И ИЗЯЩНУЮ ХРОМОЛИТОГРАФІЮ МНОГИМИ КРАСКАМИ (ПОДРАЖАНІЕ АКВАРЕЛИ), изображающую (по Врайту) ГЛАВНѢЙШІЯ ПОРОДЫ КУРЪ И ГУСЕЙ. (Картина имѣетъ 27 дюйм. длины и 19 дюйм. ширины). Описаніе изображенныхъ породъ будетъ помѣщено въ журналѣ въ теченіе ноября. Полугодовые подписчики получатъ это приложеніе только по присылкѣ въ срокъ (до 1 мая) подписной платы *за второе полугодіе*.

Хромолитографія будетъ высылаема *на скалкѣ въ тщательной укупоркѣ*, и только по полученіи 21 коп. деньгами или марками.

NB. Кромѣ того, въ теченіе года БУДУТЪ ПРИЛОЖЕНЫ БЕЗПЛАТНО: 1) различныя сельско-хозяйственныя сѣмена, 2) главнѣйшіе типы породъ молочнаго скота, 3) архитектурные проэкты: а) малаго станціоннаго элеватора, б) зерносушилки, в) виннаго погреба, г) молотильнаго и мельничнаго сарая съ вѣтрянымъ двигателемъ и д) сельской школы.

Въ объявленіяхъ журнала будутъ печататься таблицы тиражей внутреннихъ съ выигрышами займовъ.

ЦѢНА: на годъ: безъ перес. и дост. **5 р.**, съ дост. въ СПБ. **6 р. 50 к.**, съ перес. **иногороднымъ 6 р. За полгода:** безъ дост. **3 р.**, съ доставкой въ СПБ. **4 р.**, съ перес. иногороднымъ **3 р. 50 к.** Подписка приним. во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россіи. **Иногородные адресуются:** въ редакцію журнала **„Сельскій Хозяинъ“** (Спб., Знаменская ул., д. 43, кв. 4), въ книжные магазины **„Новаго Времени“** (въ Спб., Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ), въ контору объявленій *Н. Н. Печковской* (Москва, Петровскія линіи), *въ комисіонерство „Работникъ“* (Спб., Москва, Кіевъ). ГОРОДСКІЕ ПОДПИСЧИКИ **приглашаются въ главную контору редакціи—при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.**

Г.г. подписчики на годъ и два мѣсяца высылаютъ на 1887 г. ТОЛЬКО **5** руб.

Редакція усердно проситъ присылать деньги заблаговременно, иначе задерживается высылка журнала.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 11-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

I. Гнѣздо пауковъ. Разсказъ Д. Сибиряка 5
II. Два стихотворенія. А. В. Круглова 17
III. Отмѣна подушной подати. А. А. Слѣпцова 18
IV. Дворянинъ-рабочій. (Ishmael). Романъ мистрисъ Бреддонъ . . 39
V. Быль молодцу не укоръ. (Изъ воспоминаній провинившагося человѣка). В. Н. Никитина 103
VI. Драмы А. Н. Островскаго, какъ основа русскаго народнаго репертуара. Е. М. Гаршина 151
VII. Парисъ. Историческій романъ Вильгельма Валлота . . . 167
VIII. Наши избирательные цензы. А. 229
IX. Поминки. Стихотвореніе Н. С. Курочкина 264
X. Воспоминанія префекта полиціи. Л. Андріё 249
XI. Нильскій крокодилъ. Повѣсть Д. Л. Мордовцева 278
XII. Новички. Повѣсть Элизы Ожешко 311
XIII. Крестьянскія движенія въ Лифляндіи. Е. В. Чешихина . . . 361
XIV. Надеждѣ. Стихотвореніе В. О. 374

Современное обозрѣніе.

XV. Обзоръ историческихъ журналовъ 1
XVI. Парижскія письма. К. Д-ча 17
XVII. Политическая хроника 27
XVIII. Новыя книги. 43
XIX. Наши внутреннія дѣла 47
XX. Фонографъ (фельетонъ „Наблюдателя“): Изъ дневника Ефима Скорпіонова 53
XXI. Объявленія . . . . . 1—8

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ:

«НАРОДНАЯ ШКОЛА»

ВЪ 1887 ГОДУ.

(Девятнадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ издаваться въ 1887-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ — кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій — систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою **«Разныхъ извѣстій»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ выходить въ 1887 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. За границу—**6 руб.** Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», Юварской переулокъ, д. № 5; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Ноховая, противъ Университета, и въ конторѣ г-жи Печковской, Петровскія линіи. Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, подписавшимися въ главной конторѣ.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала за 1878—79—82 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 13 1/2 руб. за три года, **по 9 руб. съ пересылкою.** При подпискѣ же на 1887 годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 13 руб.

За 1880, 1881, 1883, 1884 и 1885 гг. журналъ выписывается по номинальной стоимости.

Подписка на текущій годъ продолжается.

Digitized by Google

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

въ 1887 году. (Годъ шестой).

Журналъ будетъ издаваться въ 1887 г. подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ первыхъ книгахъ на 1887 годъ будутъ помѣщены: „**Семья богатырей**“, большой романъ **ВАСИЛІЯ ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО**; „**Лилія**“, поэма въ прозѣ, **І. І. ЯСИНСКАГО (МАКСИМА БѢЛИНСКАГО)**; „**Невольные и вольные слуги московскихъ государей**“, историко-юридическое изслѣдованіе профессора **В. И. СЕРГѢЕВИЧА**; „**На смѣну прошлаго**“, повѣсть **ЛѢТНЕВА** и пр.

«**Наблюдатель**» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемъ журнала увеличены до размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій. Подписная же цѣна остается прежнею: **12** р. за годъ безъ доставки; **13** р. съ доставкою въ С.-Петербургѣ; **14** р. съ перес.; **16** р. съ пересылкою за границу.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5); **въ Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета) и въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи; **въ Варшавѣ**—въ книжномъ магазинѣ Карбасникова; а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополудни, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи по четвергамъ, отъ часу до двухъ.

Подписка на текущій годъ продолжается.

Редакторъ-Издатель **А. П. Пятковскій.**

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

Digitized by Google

Digitized by Google